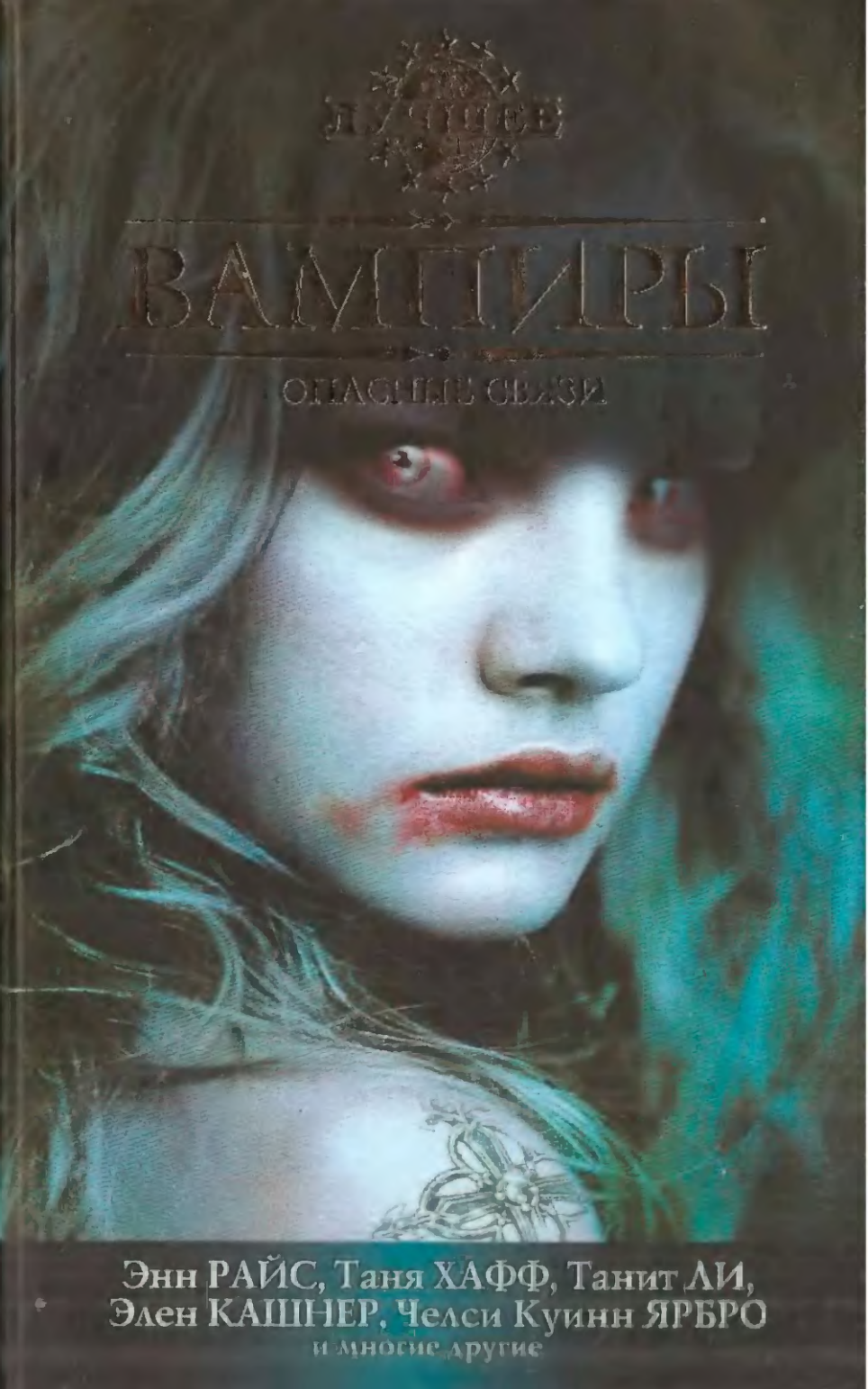

ЛУЧШЕЕ
ВАМПИРЫ
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ
Энн РАЙС, Таня ХАФФ, Танит ЛИ,
Элен КАШНЕР, Челси Куинн ЯРБРО
и многие другие

ВАМПИРЫ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Санкт-Петербург
Издательская Группа «Азбука-классика»
2010

УДК 82/89
ББК 84.7 США
В 16

The Mammoth Book of Vampire Stories by Women
Edited by Stephen Jones
Collection and editorial material
copyright © Stephen Jones 2001

Первая публикация в Великобритании – Robinson,
an imprint of Constable & Robinson Ltd.

Публикуется по соглашению с издательством CONSTABLE
& ROBINSON LTD (Великобритания) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского
Е. Барминой, А. Бродоцкой, В. Ильина, И. Колесниковой,
Н. Кудрявцева, К. Павловой, В. Полищук, О. Ратниковой,
И. Русаковой, И. Савельевой, И. Сергиенко, Г. Соловьевой

Оформление Александра Золотухина

© Е. Бармина, А. Бродоцкая, В. Ильин,
И. Колесникова, Н. Кудрявцев, К. Павлова,
В. Полищук, О. Ратникова, И. Русакова,
И. Савельева, И. Сергиенко,
Г. Соловьева, перевод, 2010
© Издательская Группа
«Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-0559-1

Предисловие Ингрид Питт[1]

Моя жизнь среди немертвых

Снег летел над Лондоном параллельно земле. Я вышла из такси на Уордор-стрит и принялась осторожно пробираться по снежной каше на тротуаре. Я долго собиралась с духом, прежде чем предпринять эту вылазку, и даже теперь, добравшись до входа в Хаммер-хаус, колебалась, не зная, правильно ли поступаю.

В конце концов, я только что закончила съемки в развеистом блокбастере на студии «MGM», и сама мысль о том, чтобы исполнить роль в дешевом ужастике, казалась мне ступенькой вниз. Я точно знала, что ни Ричард Бартон, ни Клинт Иствуд, с которыми я играла в фильме «Орлиное гнездо», не стали бы даже рассматривать такое предложение.

Стряхнув с плеч снег, я толкнула дверь студии и вошла. Да кого я пытаюсь обмануть? Ну хорошо, положим, «Орлиное гнездо» — это был великий фильм и большое достижение, но с тех пор как я в нем снялась, какими еще успехами я могла похвалиться? А никакими. Надо, надо двигаться дальше, надо что-то делать. Сосредоточусь на том, что дешевый ужастик принесет мне известность.

Взбодрившись, я поднялась на второй этаж.

---

[1] *Ингрид Питт* (р. в 1937 г., настоящее имя Ингушка Петрова, полька по происхождению) — актриса. Три первых года жизни провела в концлагере. Выросла в Восточном Берлине, затем бежала на Запад. В 1970-е гг. прославилась как исполнительница ролей сексуальных красоток-вампирш. В военной драме «Орлиное гнездо» с участием звезд Клинта Иствуда и Ричарда Бартона сыграла роль второго плана. До сих пор снимается в кино и появляется на собраниях поклонников хоррора. Рассказанная в предисловии история о выпадающих бутафорских клыках — один из коронных номеров Питт.

Накануне вечером я побывала на званом вечере в честь премьеры фильма «Альфред Великий»[1], где моим соседом оказался сэр Джеймс Каррерас, глава «Hummer Productions». Он сказал мне, что ищет актрису на главную роль в своем новом фильме о вампирах, и осведомился, не хочу ли я у него сняться. Я решила не строить из себя заносчивую звездочку и проявила интерес.

Вот почему я отважилась выйти из дома в такую метель и теперь стояла под дверью кабинета Каррераса, разодетая в пух и прах, но все еще неуверенная в правильности своего решения.

Общаться с Джимми оказалось одно удовольствие. Он подал все так, будто, согласившись на съемки, я делаю ему колоссальное одолжение. В ответ я мило улыбнулась и пообещала, что поговорю со своим агентом, но и режиссер, и я прекрасно понимали, что я уже согласна.

Фильм должен был называться «Вампиры-любовники», а сценарий написал Тьюдор Гейтс по столетней давности рассказу Дж. Шеридана Ле Фаню «Кармилла».

Эти съемки оказались чуть ли не самыми удачными и приятными за всю мою карьеру. Кинокомпания «Хаммер филмс» славилась товарищеской атмосферой, и работа над «Вампирами-любовниками» в этом смысле не была исключением.

Однако временами творческий процесс выходил из-под контроля.

Оба продюсера, Гарри Файн и Майкл Стайл, всегда старались присутствовать на съемках самых «вкусных» эпизодов. Нам с актрисой Маделейн Смит предстояла постельная сцена, а такое не очень-то приятно снимать без правильного настроя. Ни она, ни я до этого даже не фотографировались в обнаженном виде, поэтому мы, посовещавшись, попросили Джимми под любым предлогом услать Гарри и Майкла со съемочной площадки в город.

И вот иду я по коридору «Элстри студиос» в одном пеньюаре, направляясь на съемки этой самой постельной

[1] *«Альфред Великий»* — историческая драма режиссера Клайва Доннера с участием Майкла Йорка и Иэна Аккеллена, 1969 г.

сцены, а мне навстречу наша парочка продюсеров, которых как раз услали вон. Вид у Майкла с Гарри был такой унылый, что я не устояла перед соблазном и решила подбодрить их — на свой лад. И как распахну пеньюар! Правда, всего на секундочку, но зато ребята заметно повеселели.

Одна из лучших вампирских сцен, какие я когда-либо видела, происходит ближе к финалу «Вампиров-любовников». Кармиллу, которая уже выяснила, в кого превратилась, преследует мстительный охотник на вампиров, генерал Шпильсдорф (его играл Питер Кашинг), и героиня спешит укрыться в своем надежном убежище — могиле. Черные каменные надгробия эффектно выделяются в подсвеченном луной тумане. Кармилла, в одной лишь прозрачной рубашке, плывет над кладбищем, сама похожая на туманное облачко.

Временами съемочной группе удавалось создать дух настоящей жути. Однако, учитывая то, что в фильме снимались шесть молодых, полных жизни женщин, атмосфера порой делалась прямо-таки буйной. Мы то и дело срывали процесс, потому что на нас нападал смехотунчик. Рой Уард, режиссер, проявлял чудеса терпения и такта: он кротко ждал, пока все успокоятся и перестанут хихикать, а потом продолжал съемки как ни в чем не бывало, словно никто только что не катался по полу в истерике.

Особенно долго не давалась нам одна сцена. По ходу действия я должна была укусить Кейт О'Мара. Кейт обычно отменно владеет собой, но уж если слетает с катушек, так только держись, и к смеху это тоже относится. Мои накладные клыки, которые прилаживал настоящий зубной врач, тем не менее жили своей жизнью и не желали держаться как им полагается. В той сцене я борюсь с Кейт, и вот в разгар потасовки мои клыки внезапно решили перебраться в местоположение попритягательней — а именно в роскошные глубины декольте Кейт. Натурально, все мужчины на площадке скопом кинулись на помощь! Вот тут-то Кейт и утратила самообладание. Поначалу я была слишком занята поимкой клыков и их установкой на место, но потом смех напал и на меня.

Мы начали второй дубль. И мои клыки снова ринулись в декольте Кейт, точно кролик в нору! Кейт опять расхохоталась — на актерском жаргоне утрата серьеза называется «рас-

колоться». Остальные держались из последних сил. Кейт удалось взять себя в руки. Третий дубль. Ну что ты будешь делать, клыки опять плюх — и в декольте! На этот раз все съемочная группа, начиная с Кейт, просто покатилась от хохота.

А я уже не хохотала, я разозлилась. Заметив, что один из ассистентов оператора жует жвачку, я поманила его, конфисковала жвачку и кое-как закрепила клыки у себя во рту. Ура, держатся! Но Кейт и компания продолжали валяться со смеху, и мои манипуляции раскочегарили их еще больше. Так в тот день мы больше ничего и не сняли. Тем более что общая истерика накрыла уже и меня.

На следующий день я запаслась жвачкой и заранее закрепила клыки. А все остальные трогательно старались не переглядываться, потому что стоило хоть кому-то с кем-то встретиться взглядом, и на нас опять нападал хохот.

В общем и целом могу только сказать, что эти съемки были чудеснейшим знакомством с миром вампиров и готического шика.

...Когда съемки уже подходили к концу, я узнала, что «Хаммер филмс» запускает новый вампирский фильм под названием «Графиня Дракула». Планировалось, что это будет роскошная, масштабная картина, а главная роль была как раз по мне: венгерская графиня Эльжбета Батори, серийная убийца. Эта дамочка жила в шестнадцатом веке и прославилась тем, что десятками умерщвляла юных дев: купаясь в их крови, она рассчитывала обрести вечную молодость. Но фильм был вольной интерпретацией исторического сюжета. Еще я узнала, что на главную роль пробуется Диана Ригг. Разумеется, я об этом и слышать не хотела, поэтому просто загнала Джимми Каррераса в угол и добилась, чтобы роль досталась мне.

Тогда же, на раннем этапе существования «Хаммер филмс», к запуску готовили еще две ленты о вампирах: «Близнецы зла» и «Тяга к вампиру». Я прочла черновые варианты сценариев. Они решили вновь выпустить на сцену мою Кармиллу, но уже как героиню второго плана, а меня это не устраивало, и потому тем сильнее был стимул заполучить роль Батори.

Уж не знаю, как мне это удалось, но в один прекрасный день Джимми Каррерас пригласил меня к себе в кабинет и объявил, что роль Батори — моя.

К сожалению, съемки «Графини Дракула» проходили совсем не с таким куражом, как «Любовников-вампиров». Начнем с того, что управляющие решили, будто кинокомпания при последнем издыхании и скорее всего не выживет. Чтобы как-то справиться, были закуплены подержанные декорации и костюмы из исторического фильма «Тысяча дней королевы Анны». Расчет был на то, что это придаст «Графине Дракула» недостающий лоск, но сэкономит деньги.

Режиссеру, Питеру Сасди, решительно не нравилось название фильма. Ему хотелось чего-нибудь пошикарнее, вызывающего какие-то иные ассоциации. Поэтому Сасди то и дело спорил с продюсером, Александром Паалом.

Впрочем, и на съемках «Графини Дракула» бывали веселые моменты. Например, снимаем мы сцену на сеновале, где со мной собирается нехорошо поступить мой партнер, Сандор Элес. Смотрю ему в лицо и тут же кричу: «Снято». Сасди приходит в бешенство и заявляет, что он режиссер и поэтому только у него есть право говорить «снято». Я давлюсь от смеха и показываю на лицо Сандора. У него накладной ус отклеился, ну точно бритвой *снято!*

Все бросились на поиски отклеившегося уса, но это, оказывается, все равно что искать иголку в стоге сена. Пока все искали ус, я пошла к себе в гримерку и выбралась из тяжелого платья. Посмотрела на себя в зеркало и вижу: на животе у меня что-то небольшое, продолговатое и темное. Мышь?! Или какое-то насекомое? Я с визгом смахнула это «что-то» только что снятым корсетом и пушинкой вспорхнула на банкетку.

На визг прибежала моя костюмерша. Я объяснила ей про дьявольского таракана. Она наклонилась, подняла волосатое нечто и показала мне... отклеившийся ус!

С тех пор «Вампиры-любовники» и «Графиня Дракула» успели стать классикой жанра, и я рада, что заставила себя выйти из дома в декабрьскую метель ради встречи с Джимми Каррерасом.

В моей карьере была еще одна роль вампирши — в фильме Амикуса «Кровоточащий дом» с Йоном Пертви. Изначально фильм планировался как чистый ужастик-хоррор, но Йон донимал режиссера Питера Даффелля, пока тот не пе-

переделал сценарий (принадлежавший перу известного автора ужастиков Роберта Блоха) в комедию. По-моему, фильм от этого только выиграл.

Я играла в сугубо комическом эпизоде «Плащ», однако снимали его в поразительно реалистичных декорациях. Гроб в подвале, где моя героиня Карла пережидала дневные часы, был натуральнее некуда и отменного качества. Съемки были в разгаре, когда объявили перерыв на ланч. Я лежала себе в гробу и ждала сцены, когда встаю из гроба, ощерив клыки, и до смерти пугаю противного инспектора полиции. А съемочная группа возьми да и реши, что будет чертовски остроумно забыть меня в запертом гробу.

Через некоторое время до меня дошло, что лежу я в гробу давно, на площадке как-то уж слишком тихо, а меня все не вызывают и не вызывают. Я попыталась приподнять крышку. Заперто. Принялась стучать. Никакой реакции.

Удивительно, какие только мысли не приходят в голову в подобные мгновения! У меня возник следующий сценарий: некая катастрофа унесла жизни всей съемочной группы, и вокруг гроба по всей площадке валяются хладные трупы. Я было запаниковала и начала колотить в крышку, но потом поняла, что стала жертвой типичного для киношников розыгрыша.

Ну хорошо же, они у меня поплатятся! Я затаилась и принялась выжидать. Раз или два мысли о погребении заживо пытались напомнить о себе, но я гнала их прочь. Наконец снаружи послышался какой-то шорох. Я притворилась спящей и, когда любопытные коллеги подняли крышку гроба, весьма убедительно и сладко зевнула, а потом самым невинным тоном спросила: «А что случилось?» Вот так я отыгралась.

Недавно мне случилось побывать в родных краях старого негодяя Дракулы, и там я пережила нечто необыкновенное. Думаю, жители Трансильвании были бы в восторге, узнай они, что их знаменитый соотечественник стал одним из культовых образов в кинематографе.

Как выяснилось, я не просто ошибалась, а катастрофически заблуждалась: кое-кто из обитателей мрачной Сийсоары (а именно так называется место, где родился Влад

Цепеш по прозвищу Колосажатель, третий граф Дракула) крайне враждебно воспринимал даже простое упоминание о том, что их герой князь Влад якобы имеет хоть что-то общее с вымышленным вампиром, сочиненным Брэмом Стокером. Почему они полагают, будто вариант, блистательно выдуманный Стокером, постыден, я отказываюсь понимать. Могли бы гордиться Дракулой, но почему-то не хотят. По-моему, лощеный кипошный красавец в элегантном плаще мог бы принести немало выгоды и удовольствия стране, до сих пор скованной коммунистическим игом, ужасным режимом, обрекающим местных жителей на жизнь, что ничуть не лучше обрисованной Стокером[1].

Как таковых вампиров, конечно, придумали не в девятнадцатом веке. Прежде чем вампирам придали лоск и впустили в английские гостиные, эти существа на протяжении многих веков появлялись в мировой истории в самых мрачных и жутких обличьях. Однако их визитной карточкой всегда была одна и та же наклонность: пить кровь у жертв. Вампиры, описанные Энн Райс, едва ли не древнее египетских фараонов. Это утонченные и искушенные создания, которые, найдя себе бесперебойный и надежный источник пищи, приспособились к человечеству и живут с ним бок о бок.

До недавнего времени я полагала, будто вампиров придумали, чтобы потрафить пристрастиям мужчин начала девятнадцатого века — тех самых, что носили цилиндры, унижали и мучили детей, били жен и были сами не свои до власти. Каково же было мое удивление, когда я обнаружила, что во всех странах и культурах бытует та или иная вариация образа вампира!

Когда образ вампира вошел в литературу, официальным его создателем был признан безумный лорд Байрон. Правда, Джордж Гордон Байрон написал лишь отрывок истории о вампире, но его врач, он же — поставщик наркотиков, Джон Полидори, расставшись со своим желчным и раздражительным пациентом после бурной ссоры, заодно унес и рукопись. Полидори решил сам подхватить готическую тему, дописал (и переписал) ее в законченное произведение, которое и ста-

[1] Написано в 2001 г. Чаушеску казнен в 1989 г. В 1990 г. в Румынии прошли свободные парламентские и президентские выборы.

ло первым классическим романом о вампирах. «Вампир» вышел в 1819 году стараниями лондонского издателя Констейбла, который изначально по ошибке приписал авторство книги Байрону. Причастность лорда Байрона обеспечила «Вампиру» мгновенный и шумный успех: этот персонаж шагнул из могилы прямиком в высшее общество.

И вот теперь я с радостью представляю читателю новое великолепное собрание рассказов и стихов о вампирах, созданных талантливыми писательницами из самых разных стран. Эта антология, конечно, в тесном родстве с романом Байрона и романом Стокера.

Однако времена меняются, и городскому вампиру, каким его придумал Байрон и расписал Стокер, тоже приходится меняться. Во тьме третьего тысячелетия таятся вампиры нового образца — они ждут своего часа и своих жертв.

Так готовы ли вы, как и я, шагнуть за порог ночи?

ЭНН РАЙС

Хозяин Рамплинг-гейта

Энн О'Брайан Райс — такая же мега-звезда жанра хоррор, как и Стивен Кинг, только специализируется она в основном на вампирской тематике. Райс — настоящий писательский феномен. Ее знаменитая сага «Вампирские хроники» («Vampire Chronicles») началась в 1976 году с романа «Интервью с вампиром» («Interview with a Vampire»). Книга вызвала новый всплеск популярности вампиров и познакомила читателей с неотразимым кровососом — Лестатом де Лионкуртом.

Райс по праву носит титул «неоспоримой королевы вампирской литературы». За «Интервью с вампиром» последовала череда блистательных романов, в том числе «Вампир Лестат» («Vampire Lestat»), «Королева проклятых» («The Queen of the Damned»), «История похитителя тел» («The Tale of the Body Thief»), «Мемнох-дьявол» («Memnoch the Devil»), «Пандора» («Pandora»), «Вампир Арман» («The Vampire Armand»), «Вампир Витторио» («Vittorio the Vampire») и «Меррик» («Merrick»).

Среди романов Райс в других жанрах — цикл «Мейферские ведьмы» («Mayfair Witches»), а также «Мумия, или Рамзес Проклятый» («The Mummy, or Ramses the Dumned»), «Слуга костей» («Servant of the Bones»), «Скрипка» («Violin») и наконец любовно-исторический роман о певцах-кастратах «Плач к небесам» («Cry to Heaven»). Кроме того, Райс создала ряд эротических романов под псевдонимами Энн Рамплинг и Э. Н. Роклер.

Как и в случае с Кингом, вокруг творчества Райс образовалась целая поросль документальных произведений. Самое выдающееся из них — это, пожалуй, биография Райс «Грань ночи» («Prism of the Nigth», 1991), написанная Кэтрин Рамсленд. Биография Райс и история того, как она взялась за перо, увековечены в документальном фильме «Книжная закладка: жизнь вампира» («Bookmark: The Vampire's Life»), снятом на BBC в 1993 году, а в 1994-м Энн Райс получила награду — звание Великого Магистра, присужденное Всемирным конвентом хоррора.

Роман «Интервью с вампиром» в 1994 году был экранизирован режиссером Нилом Джорданом, собравшим звездный состав: Брэда Питта, Антонио Бандераса, Кристиана Слейтера и Тома Круза в роли Лестата, а также совсем юную тогда Кирстен Данст. Не так давно вышел фильм «Королева проклятых», где Стюарт Таунсенд сыграл вампира-антигероя.

Сама Райс вспоминает: «Я вовсе не относилась к тем, кто одержим вампирами или, скажем, развешивает вампирские картинки по всему дому. Я уже лет сто не видела никаких вампирских фильмов, так что и внешних стимулов у меня не было. Просто эта тема пришла ко мне откуда-то из глубины души, а потом, когда я засела писать, ко мне вдруг пришел дар создавать реальность силой воображения».

Приведенный ниже рассказ — своего рода раритет: это единственный рассказ, а не роман Райс о вампирах. Впервые он был опубликован в 1984 году в американском журнале «Redbook».

Весна 1888 года.

Рамплинг-гейт. На старинных изображениях он казался нам предельно реальным — вставал, точно сказочный замок над темной лесной чащей. Путаница печных труб и водостоков между двумя огромными башнями, серые каменные стены, густо поросшие плющом, миллионы окон, в которых отражаются проплывающие облака.

Но почему отец никогда не брал нас сюда? И почему, уже на смертном одре, он велел моему брату сровнять Рамплинг-гейт с землей, разнести до основания?

— Мне следовало самому сделать это, Ричард, — сказал тогда отец, — но я родился в этом доме, и мой отец тоже, и его дед. Перелагаю этот долг на тебя, мой сын. Над тобой Рамплинг-гейт не властен, так покончи же с ним.

Поэтому неудивительно, что не прошло и двух месяцев с похорон, как, послушные отцовской воле, мы с Ричардом ехали поездом на юг Англии, в таинственный дом, который четыре сотни лет высился над деревушкой Рамплинг. Отец понял бы нас, ибо как могли мы разрушить старый дом, который ни разу в жизни не видели въяве, лишь на картинах?

Но вот поезд уже несет нас за пределы Лондона, а мы все еще не приняли решения — лишь изнываем от волнения и любопытства.

Ричард только-только окончил курс в Оксфорде. Я уже два сезона как выезжала в свет и имела пусть скромный, но успех. Правда, я все равно до сих пор предпочитала бурным балам всю ночь напролет свои радости, тихие и уединенные, — например, сидеть за дневником у себя в комнате, сочинять стихи и разные истории, но мне удавалось скрывать свои увлечения. Хотя мы с Ричардом еще совсем крошками потеряли мать, отец ничего для нас не жалел. Но беспечные детство и юность позади, и теперь нам придется стать взрослыми, независимыми и самостоятельными.

Вечером накануне отъезда мы извлекли все изображения Рамплинг-гейта — картины, гравюры, дагерротипы и робко, вполголоса вспоминали тот вечер, когда отец поснимал их со стен.

Мне тогда было не больше шести, а Ричарду едва исполнилось восемь, и все же мы вполне отчетливо помнили то странное происшествие на вокзале Виктория, которое вызвало у отца, обычно столь спокойного, бурю гнева. Мы отправились на вокзал после ужина проводить школьного товарища Ричарда, и там, на перроне, отец внезапно увидел лицо какого-то молодого человека, промелькнувшее в освещенном окне поезда. Я тоже рассмотрела этого незнакомца и помню его по сей день. Красавец с пышными темными волосами, он смотрел на отца черными глазами, и взгляд его был исполнен глубочайшей печали. Под его взглядом отец отшатнулся, прошептав: «О ужас, о невыразимый ужас!», а мы с братцем так напугались, что не могли проронить ни звука.

Позже, тем же вечером, между отцом и матерью разгорелась ссора, и мы с Ричардом тайком выбрались каждый из своей комнаты, чтобы подслушать, в чем дело.

— Как он посмел явиться в Лондон! — задыхаясь от гнева, твердил отец. — Или ему недостаточно безраздельной власти над Рамплинг-гейтом?

Нам, детям, смысл отцовских слов был темен, и мы долго гадали, что же он имел в виду, и кто был тот прекрасный незнакомец с печальным взором, и как мог он считаться хозяином дома, принадлежавшего нашему отцу, старой усадь-

бы, куда наша семья никогда не ездила, вверив Рамплинг-гейт заботам дряхлой слепой экономки.

Однако теперь, когда мы снова увидели изображения Рамплинг-гейта, думать об отцовской ярости было слишком страшно, а о самом доме — слишком волнительно. Я прихватила с собой дневник и рукописи, ибо надеялась, что, быть может, в меланхолической и изысканной атмосфере Рамплинг-гейта обрету вдохновение, необходимое для очередной истории, которую как раз начала сочинять.

И все же в нашем волнении мне чудилось нечто едва ли не беззаконное. Память вновь воскрешала передо мной незнакомца в черном плаще и алом шерстяном шарфе. Бледное лицо его было как тонкий фарфор. Как странно, что спустя столько лет я вижу его, точно наяву. И, вспомнив ту мимолетную встречу, я внезапно осознала: именно незнакомец стал для меня идеалом мужской красоты, в котором я за все это время ни разу не усомнилась. Мой идеал, а отца он так разгневал... Немудрено, что меня грызла совесть.

Близился вечер, когда ветхая коляска поднялась в гору от железнодорожной станции и мы впервые увидели дом. По розоватому небу плыли облака, окаймленные золотистым сиянием, и последние солнечные лучи расплавленным золотом отливали в верхних окнах дома, играли в мелких стеклах, забранных свинцовыми переплетами.

— Какой он огромный! Даже слишком! И величественный! — пораженно прошептала я. — Подумать только, все это теперь наше!

Ричард легонько поцеловал меня в щеку.

Коляска едва тащилась, и у меня возникло жгучее желание спрыгнуть наземь и побежать к дому, чтобы эти башни приблизились и нависли у меня над головой как можно быстрее. Но старая кляча, запряженная в коляску, прибавила шагу.

У массивных входных дверей нас встретила согбенная и слепая экономка, миссис Блессингтон, и ввела в просторный холл, где от наших гулких шагов по мраморным плитам под высоким потолком разлетелось гулкое эхо. Пораженные, притихшие, мы рассматривали длинный дубовый стол, резные стулья и мрачные гобелены, слабо колыхав-

шиеся на сквозняке. На все это сквозь окна падали пыльные полотнища закатного света.

— Ричард, да это же заколдованный замок! — восторженно воскликнула я.

Миссис Блессингтон рассмеялась и ласково сжала своей высохшей ручкой мою. Она позаботилась о том, чтобы к прибытию молодых хозяев спальни были проветрены и просушены, так что нас встретил гостеприимный огонь, полыхавший в очаге, и прохладная белизна постелей. Сквозь маленькие окна с ромбовидным переплетом открывался великолепный вид на озеро, окруженное могучими дубами, а вдалеке мерцали редкие огоньки деревни.

В тот вечер мы ужинали за массивным дубовым столом, озаренным дрожащим светом свечей, и смеялись, как дети. А потом отправились в игровую, где устроили яростное сражение в настольный бильярд и, боюсь, несколько переусердствовали, угощаясь бренди.

Перед тем как отправиться спать, я поинтересовалась у миссис Блессингтон, взбивавшей подушки, навещал ли кто Рамплинг-гейт после того, как отец много лет назад уехал отсюда.

— Нет, милочка, — поспешно отозвалась она, — как ваш папенька уехал в Оксфорд, так он больше здесь и не бывал.

— А не появлялся ли после этого некий молодой посетитель? — настаивала я, хотя, по чести сказать, счастье мое казалось столь безоблачным, что нарушать его у меня не было ни малейшей охоты. Мне сразу же полюбилось аскетичное убранство спальни — ни резьбы, ни панелей, ни даже обоев — лишь оштукатуренные стены да начищенная до блеска кровать орехового дерева.

— Молодой посетитель? — переспросила экономка и, на ощупь добравшись до очага, помешала в нем кочергой. — Нет, милочка. А с чего вы подумали, будто такой приезжал?

— Миссис Блессингтон, а историй с привидениями про Рамплинг-гейт не рассказывают? — неожиданно для самой себя спросила я.

«О ужас, о невыразимый ужас!» — всплыло у меня в памяти отцовское восклицание. Смешно, право, уж не думаю ли я, будто бледный молодой красавец был привидением?

— Нет, что вы, — улыбнулась старушка, — ни одно привидение не осмелится потревожить покой Рамплинг-гейта.

И потекли мирные дни, без забот и тревог, — прогулки по заросшему, запущенному парку, катание по озеру на маленьком ялике, чаепития под нагретым солнцем стеклянным куполом пустующей оранжереи. А по вечерам мы устраивались в библиотеке у камина и читали.

На все наши расспросы в деревне мы получали одинаковый ответ: местные жители питали к господскому дому глубочайшее почтение и даже любовь. Ни одной мрачной легенды или слуха по окрестностям не бродило.

Как же мы сообщим всем этим людям о приговоре, вынесенном отцом? Нам и самим страшно было даже подумать о его приказе сровнять Рамплинг-гейт с землей.

Ричард радовался сокровищам античной словесности, обнаруженным в библиотеке, а в моем распоряжении был письменный стол в ее уголке.

Никогда раньше не ведала я такого покоя. Самый дух Рамплинг-гейта как будто пронизывал каждую строчку, выходившую из-под моего пера, и на чистых страницах пышно расцветали новые образы, сплетались и ветвились новые сюжеты. Уже в понедельник после нашего прибытия я закончила свой первый настоящий рассказ, затем переписала его начисто и пешком отправилась в деревню, чтобы отважно послать свое творение в редакцию журнала «Блэквуд».

День выдался теплый, погожий, и обратно я шла не торопясь, погрузившись в размышления. Что так тревожило отца в этом прелестном английском уголке? Что за кошмар, что за страх омрачили его последние часы и побудили на смертном одре проклясть это прекрасное поместье? Рамплинг-гейт с его небывалым таинственным безмолвием и царственной величественностью завладел моей душой, и я самозабвенно впивала его красоту. Порой я забывалась настолько, что мнила себя бесплотным духом, разумом, блуждающим по тихим дорожкам парка и каменным коридорам, которые слишком много повидали на своем веку, чтобы снисходить до хрупкой, незаметной молодой женщины, что временами вслух заговаривала с рыцарскими доспеха-

ми, садовыми статуями или херувимами с их витыми раковинами, уже много лет не извергавшими воды и украшавшими собой заглохший фонтан.

Но не таилась ли в этой прелести, в этом обаянии некая зловещая сила, некая угроза, что покамест не являла себя нам, — некая доселе неведомая нам история? «О ужас, о невыразимый ужас!» Когда я вспоминала отцовские слова, то даже в ослепительный солнечный день они вызывали у меня дрожь.

Поднявшись по склону холма, я увидела Ричарда, который безмятежно прогуливался по берегу озера. Брат то и дело поглядывал на далекие стены замка, и лицо его выражало покой и довольство, а взгляд казался затуманенным, словно Ричард видел блаженный сон наяву.

Он подпал под чары Рамплинг-гейта. Это я поняла превосходно, ибо и меня уже постигла та же участь.

Повинуясь внезапному приливу решимости, я ускорила шаг, нагнала брата и мягко тронула его за руку.

Мгновение Ричард смотрел на меня, точно не узнавая, а потом тихо сказал:

— Джули, как я могу его разрушить? У меня никогда рука не поднимется на эту красоту! А если я выполню отцовскую волю, то остаток жизни буду терзаться угрызениями совести.

— Ричард, нам пора спросить совета у знающих людей. Напиши нашим юристам в Лондон, — предложила я. — Напиши папиному душеприказчику, доктору Мэтьюсу. Объясни ему все. Не можем же мы вот так взять и разрушить дом.

...В три часа ночи я открыла глаза. Но бодрствовала я уже давно, сон не шел. Я лежала в темноте, одна, но испытывала не страх, а нечто иное, какое-то смутное и беспрестанное возбуждение, какую-то сосущую пустоту в душе. Это ощущение и побудило меня подняться с постели. В чем же тайна этого жилища? Что оно вытворяет со мной? Нет, Рамплинг-гейт — не просто стены, он наделен какой-то таинственной силой и влияет на мою душу.

Меня переполняли волнение и неясные предчувствия, и в то же время я ощущала, что от меня скрывают какую-то диковинную и важную тайну. Изнемогая от невыносимой

тревоги, я облачилась в свободный шерстяной халат и ночные туфли, а затем крадучись вышла в холл.

Поток лунного света заливал дубовую лестницу и вестибюль. Как описать словами мучительное волнение, охватившее меня, как передать на бумаге необъяснимую жажду, гнавшую меня вперед? Может быть, мне это удастся, и впечатления пригодятся, решила я и бесшумно двинулась вниз по лестнице.

Передо мной простирался пустынный холл. Лунный свет играл там и сям на лезвиях скрещенных мечей или поверхности щита. Но дальше, за холлом, сквозь распахнутые двери библиотеки, я увидела зыбкие отблески огня. Значит, Ричард тоже не спит, и он там. Эта мысль успокоила меня и наполнила душу умиротворением. Однако расстояние между мной и братом все никак не сокращалось, холл будто сделался бесконечным, и я все спешила и спешила мимо длинного дубового стола, мимо доспехов на стенах, пока наконец не достигла дверей библиотеки.

Да, в камине полыхал огонь, а в кожаном кресле у огня сидела какая-то фигура, перебирая разрозненные страницы тонкими точеными пальцами. Полуночник так погрузился в чтение, что не услышал моих шагов. Пламя в камине бросало на его бледное лицо теплый золотистый отсвет.

Но то был не Ричард, о нет! Предо мной явился тот самый незнакомец в черном, которого отец так испугался на вокзале Виктория пятнадцать лет назад. Да, прошло пятнадцать лет, а в этом прекрасном молодом лице не изменилась ни одна черточка, и темные волосы по-прежнему спадали на лоб и плечи незнакомца густыми небрежными прядями, и все так же молодо сверкали черные глаза, что вдруг с любопытством уставились на меня, — и я едва не вскрикнула от неожиданности.

Мы молча глядели друг на друга: я оцепенела на пороге полутемной библиотеки, он — застыл в кресле у камина, не меньше моего потрясенный внезапностью этой встречи. Сердце у меня замерло.

Мгновение — и незнакомец уже вскочил, еще миг — и очутился возле меня, и протянул ко мне руки, точеные белые руки.

— Джули! — прошептал он так тихо, что, казалось, этот голос прозвучал у меня в голове, как во сне. Однако это

был не сон, и не во сне, а наяву руки незнакомца схватили меня, и я пронзительно закричала, и крик мой, отчаянный и беспомощный, эхом заметался между стен.

Хватка ослабла. Я была одна. Вцепившись в дверной косяк, я с трудом сделала шаг, другой и отчетливо увидела незнакомца на пороге двери, ведущей в сад. Гость оглянулся на меня через плечо. Мгновение — и он исчез, как не бывало.

Крик все еще рвался из моей груди, я не в силах была заставить себя умолкнуть, даже когда услышала приближающийся голос Ричарда, звавшего меня по имени, и его торопливые шаги, которые простучали по лестнице, а затем через холл, отдаваясь гулким эхом. Ричард вбежал в библиотеку, обнял меня, тряс за плечи, звал, усадил в кресло, а я все еще кричала. Наконец ему удалось кое-как успокоить меня, и я сбивчиво рассказала об увиденном.

— Ты же знаешь, кто это был! — истерически всхлипывая, твердила я. — Он! Тот самый незнакомец с вокзала!

— Постой, Джули, постой, — прервал меня брат. — Он сидел спиной к огню, ты не могла так хорошо рассмотреть его лицо и...

— Ричард, говорю тебе, то был он! Как ты не понимаешь? Он схватил меня, он назвал меня по имени! — прошептала я. — Силы небесные, Ричард, взгляни, огонь в камине горит, а я не зажигала его, это он, это все он... Он побывал здесь!

Едва ли не оттолкнув брата, я склонилась над рассыпанными на ковре бумагами.

— Мой рассказ! — растерянно вырвалось у меня. — Ричард, он читал мою рукопись! О боже, тут еще и твои письма! Он читал твои письма доктору Мэтьюсу и мистеру Партриджу, письма о сносе дома!

— Джули, сестричка, ты обманулась! Прошло столько лет, как же это может быть тот же человек!

— Он не изменился, клянусь! Я не ошиблась, уверяю тебя, это он, он самый!

Наутро мы предприняли тщательный осмотр дома. Впервые с нашего приезда в Рамплинг-гейт день выдался тревожный и занятой. Уже стемнело, а мы не обошли еще и половины дома. Мы изнемогали от усталости и досады: мно-

гие комнаты оказались заперты, а часть лестниц — пугающе ветхи.

Меня же до слез расстроило то, что Ричард упорно не желал верить моим словам. Он полагал, будто незнакомец мне примерещился. Что касается огня, разведенного в камине, то, по словам Ричарда, он, должно быть, виноват во всем сам — не загасил камин как следует, прежде чем отправиться спать, ну а бумаги забыл в библиотеке кто-то из нас двоих, вот и все...

Но я-то знала: ночное происшествие случилось наяву. И больше всего мне не давало покоя то хладнокровие, с каким держался незнакомец, тот уверенный и невинный взгляд, которым он окинул меня, прежде чем я закричала.

— Самым разумным решением будет черкнуть ему записку перед сном, — сердито сказала я. — Напиши, что ты не намерен сносить дом.

— Джули, ты ставишь меня в невозможное положение! — покраснев, вспылил Ричард. — Ну что за дилемму ты выдумала! Посуди сама, с одной стороны, ты настаиваешь на том, чтобы я заверил это привидение, что Рамплинг-гейт не тронут. С другой, тем самым ты подтверждаешь реальность этого существа, которое побудило отца приказать нам снести дом.

— Ах, зачем я только сюда приехала! — в слезах вскричала я.

— Так давай уедем, а окончательное решение примем дома, — предложил брат.

— Ты не понимаешь, дело не только в этом. Теперь я не успокоюсь, пока не разгадаю эту тайну. Нигде мне не будет покоя — ни здесь, ни в Лондоне.

Похоже, нет лучше лекарства против страха, чем гнев, ибо именно это чувство заглушило снедавшую меня тревогу. В эту ночь я не стала раздеваться, а сидела в темноте и не отрывала глаз от светлого пятна окна, дожидаясь, пока дом не затихнет. Наконец старинные часы в холле пробили одиннадцать, и Рамплинг-гейт, как всегда в это время, погрузился в сон.

Мрачное ликование охватило меня при мысли о том, чтобы выйти из спальни, пройти по молчаливому спящему дому и спуститься в библиотеку. Однако я знала, что должна до-

ждаться полуночи — рокового времени, когда ночь расцветает. Сердце мое бешено колотилось, и я вновь и вновь рисовала перед своим мысленным взором то бледное прекрасное лицо, воскрешала в памяти тот голос, что шепотом назвал мое имя.

Наша встреча в минувшую ночь длилась не более минуты, но отчего мне теперь кажется, будто мы знали друг друга раньше, неоднократно виделись и беседовали? Не потому ли, что незнакомец прочел мой рассказ, что его черные глаза внимательно пробегали по строчкам, родившимся из глубины моей души?

— Кто вы? — шептала я. — Где вы сейчас?

Мне казалось, будто я произношу эти слова мысленно, но вот губы мои шевельнулись, и в темноту упало слово «придите».

Дверь моей спальни беззвучно отворилась — и вот он уже на пороге, в том же наряде, что и вчера, и все тем же мальчишеским хладнокровным любопытством поблескивают черные глаза, и ленивая усмешка кривит рот.

Я подалась вперед, а незнакомец поднял палец, точно призывая меня к молчанию, и слегка кивнул.

— Ах, это вы! — шепнула я.

— Да, — негромко и спокойно отозвался он.

— И вы не привидение!

Взгляд мой скользнул по его фигуре, по лицу. Пятнышко пыли на бледной скуле, сапоги забрызганы грязью...

— Привидение? — едва ли не оскорбленно переспросил полночный гость. — О, если бы.

Оцепенев, я смотрела, как он идет прямо на меня. Мрак в комнате как будто стал плотнее. Прохладные, нежные, как шелк, его руки коснулись моего лица. Я поднялась с постели, и вот я стою перед ним и смотрю ему в глаза. И слышу бешеный стук своего сердца.

Оно колотилось так же, как вчера ночью, когда я закричала. Силы небесные, он здесь, у меня в спальне, он касается меня, и я говорю с ним! И вдруг я очутилась в его объятиях.

— Ты настоящий! Настоящий! — прошептала я, и все мое тело пронзила сладостная судорога, так что я едва удержалась на ногах.

Полночный гость внимательно изучал мое лицо, словно пытаясь понять что-то крайне важное. О, как алы были его губы на бледном лице — точно цветок на снегу, и как нежны даже на вид, словно никогда не ведали поцелуев. Голова у меня пошла кругом, и странная слабость овладела мной. Я была как во сне и даже не понимала, здесь он, мой полночный гость, или нет.

— Но я здесь, с тобой, — сказал он, будто прочитав мои мысли. Лицо мое овеяла нежная теплота его дыхания. — Я здесь и наблюдал за тобой с того самого дня, как ты приехала.

— Да...

Веки мои опускались сами собой. Внезапно перед моим внутренним взором возникло лицо отца, я услышала его голос: «Нет, Джули, нет», но видение тотчас погасло, это был сон, конечно же, сон, а мой полночный гость был сама явь.

— Один лишь поцелуй, — прошелестел его голос, обволакивая меня, как бархат. Губы незнакомца легко скользнули по моей щеке. — Не бойся, у меня и в мыслях нет причинить тебе вред. Никогда я не причинял вреда отпрыскам этого рода. Я прошу всего один поцелуй, Джули. Вместе с ним ты поймешь, что Рамплинг-гейт нельзя разрушать, что меня ни за что нельзя изгонять отсюда.

Мгновенно послушно самая сердцевина меня открылась ему — тот тайник, где мы прячем все наши сокровенные желания, мечты и сны. Я упала бы, не подхвати он меня, и тогда мои руки сами собой обвили его шею, зарылись в густой шелк его кудрей.

Я погружалась в сладкую истому, меня охватило блаженство и покой, тот покой, что всегда царил в доме. Мнилось, то сам Рамплинг-гейт заключает меня в объятия, одновременно открывая мне свою вековую тайну. «И вмиг/ Восчуял я, что властью одарен/Легко, подобно богу, видеть суть/ Вещей — так очертанья и размер/Земное видит око»[1]. Да, те самые строки из Китса, которые я цитировала в своем рассказе, те, которые он прочел.

И вдруг он отстранился и резко оттолкнул меня.

---

[1] *Китс. Дж.* «Падение Гипериона», песнь первая. Перевод Сергея Александровского. — *Примеч. перев.*

— Ты слишком невинна, — прошептал он.

Я метнулась к окну, ухватилась за подоконник и замерла, прислонившись пылающим лбом к холодному камню стены.

На шее еще пульсировало болью то местечко, к которому припикали губы незнакомца, но и боль была сладка, она пронзала и отпускала, пронзала и отпускала, и не унималась, не останавливалась. Теперь я поняла, кто он!

Обернувшись, я отчетливо увидела всю спальню — постель, камин, кресло. Мой полночный гость не двинулся с места, и на лице его написана была нестерпимая мука.

— Ужас, невыразимый ужас... — прошептала я, пятясь. — Ты воплощенное зло. Ты кошмар, ты порождение тьмы.

— О нет! Я порождение прошлого, и я прошу лишь понимания, — взмолился гость. — Я то, что может и должно жить дальше.

Так заклинал он, но избегал моего взгляда и корчился, как от боли.

Я тронула то место у себя на шее, которое все еще болело, потом посмотрела на кончики своих пальцев — они алели даже в полутьме. Кровь.

— Вампир! — воскликнула я, и у меня перехватило дыхание. — Ты вампир, но ты умеешь страдать и даже любить! Мыслимо ли это?

— Любить? О да! Я полюбил, едва ты приехала. Я полюбил тебя, когда жадно пожирал глазами твои трепетные строки, когда листал страницы, которым ты доверила свои потаенные желания, — а ведь я тогда даже не видел еще твоего прелестного лица.

И он вновь привлек меня к себе за талию и потянул к дверям.

На какое-то отчаянное мгновение я попыталась высвободиться, и тогда он, как истый джентльмен, отпустил меня, отворил передо мной дверь и взял мою руку.

Мы прошли длинным пустым коридором, затем миновали низенькую деревянную дверцу, за которой оказалась узкая винтовая лесенка. Здесь я еще не бывала. Вскоре я поняла, что полночный гость ведет меня в северную башню — полуразрушенную, заброшенную и потому давно стоявшую запертой. За узкими окошками башни открывались просторы, рас-

стилавшиеся вокруг усадьбы, и горсткой тусклых огоньков мелькнула вдали деревушка Рамплинг, и бледная полоска света — железная дорога.

Мы поднимались все выше и выше, пока не добрались до самого верха башни и вампир не отпер свое убежище железным ключом. Он открыл дверь и пропустил меня вперед, и вот я очутилась в просторной комнате со стрельчатыми высокими окнами, лишенными стекол, так что по ней гулял ветер. Лунный свет озарял самую причудливую обстановку, в которой в беспорядке смешались разнородные предметы и книги разных эпох. Тут имелись письменный стол, полки с множеством книг и мягкие кожаные кресла, а по стенам висели карты и картины в рамах. И свечи, свечи, повсюду свечи и восковые кляксы. Вот черный шелковый цилиндр и щегольская трость, а рядом — увядший букет цветов. Дагерротипы и ферротипии в бархатных футлярах. Лондонские газеты и книги, и снова книги. А посреди разбросанных книг и бумаг я увидела свои рукописи — стихи, рассказы, черновики, которые я привезла с собой, да так и не успела разобрать.

Единственное, чего недоставало в комнате, — это постели. Не потому, что ее хозяин никогда не спал. Он спал, но когда я подумала о том, где он вкушает отдых, куда ложится спать, меня пробрала дрожь и я вновь явственно ощутила прикосновение его губ на шее, и мне вдруг захотелось заплакать.

Но он уже обнял меня и покрывал поцелуями мое лицо и губы.

— Отец знал, что ты здесь! — вырвалось у меня.

— Да, — отвечал он, — а до него знал его отец, и дед, и прадед, и так много-много лет, из поколения в поколение, череда знавших не прерывалась. Одиночество ли, ярость ли понуждали меня открывать им свое существование, не ведаю, но все они знали. Я всегда сообщал им о себе и всегда заставлял принять эту весть и смириться с ней.

Я попятилась; на сей раз он не попытался удержать меня, а неторопливо принялся зажигать свечи, одну за другой. О, в пламени свечей он был еще красивее, чем в лунных лучах, он был ослепителен! Как сверкали его черные глаза, как блестели густые кудри! Тогда, в детстве, на вокзале Виктория, он

предстал передо мной мимолетным видением; теперь же я видела его отчетливо, озаренного огнями свечей. Красота его проникала мне в самое сердце.

Он сам в это время пожирал меня глазами и твердил мое имя, так что кровь прилила у меня к лицу. Минуты текли, как во сне, но вдруг ткань сна разорвалась, и я вздрогнула, будто проснувшись. Что я здесь делаю? О чем я думаю?! «Никогда, никогда не тревожь древний ужас Рамплинг-гейта... тот, что древнее добра и зла...» И вновь сладостная истома и блаженное головокружение... и голос отца звучит, как из дальней дали: «Разрушь дом до основания, Ричард, сровняй его с землей!»

Он подвел меня к окну. Огни деревушки плыли у меня перед глазами, словно приближались, словно мы оба летели над ней, и вот уже вокруг нас лес, древняя чаща, которая много старше леса, окружавшего Рамплинг-гейт, когда мы с братом только прибыли в эти края. Сердце мое заколотилось от испуга, когда я поняла, что погружаюсь в прошлое, в водоворот чужих видений, откуда, быть может, нет возврата.

Мне казалось, мы оба говорим, перебивая друг друга, я слышала гул наших голосов, но не могла разобрать ни слова, лишь уловила, что твержу «я не сдамся», а он просит:

— Молю тебя, Джули, просто смотри, и больше мне ничего не надо.

Воля моя таяла, как воск, и я поддалась на уговоры, хотя вещий голос сердца твердил мне, что, вняв вампиру, я никогда не буду прежней. Стены комнаты сделались прозрачными, лесная чаща просвечивала сквозь них, вот они исчезли, и мы очутились посреди леса. Неведомая сила погрузила меня в чужие видения.

Мы ехали верхом по лесной тропинке, он и я. Где-то в высоте кроны деревьев смыкались у нас над головой, образуя зеленые своды, едва пропускавшие солнечный свет, так что редкие светлые пятнышки колебались и дышали на мягком ковре из опавших листьев.

Но, увы, волшебный лес остался позади, и вот мы едем распаханными полями, что окружают деревушку под названием Норвуд — сплошь кривые узенькие улочки да домишки с остроконечными крышами. В низкое пасмурное небо

вонзалась колокольня Норвудского монастыря, и мерный печальный звон вечерни оглашал окрестности, а вслед за ним к небу поднималось слаженное пение сотен голосов, возносивших молитву. Норвуд был многолюдным селением, и жизнь здесь бурлила — до поры до времени.

А за полями и за лесом высилась башня древнего разрушенного замка, от которого давно уже осталась лишь оболочка, лишь руины. К нему мы и ехали под темнеющим небом, в вечерних сумерках. И вот мы в замке, забыты лошади и дорога, мы проворно, как дети, несемся по пустынным покоям и переходам. Что за высокая костлявая фигура с бледным лицом стоит посреди зала у пылающего очага? То лорд, хозяин замка. Ветер, гуляющий по залу, забравшийся сквозь разрушенную крышу, шевелит его седые волосы. Хозяин устремляет на нас пронизывающий взгляд, глаза его сверкают. Он давно уже мертвец, но страшными силами магии в нем еще теплится жизнь. И вот мой спутник, невинный и наивный юноша, идет прямо в руки лорду.

Я видела их поцелуй. Я видела, как мой спутник побледнел и отшатнулся, и как лорд, получив свое, усмехнулся печально и мудро.

И тогда я поняла. Я поняла. Но замок уже таял, как все видения, вставшие передо мной в чужом сне, и мы очутились в совсем ином месте, в мрачной тесноте, в зловонной сырости.

Невыносимое зловоние вползало в ноздри и рот, мешало дышать, от него останавливалось сердце, ибо то был самый страшный на свете запах — зловоние смерти. Я услышала стук собственных шагов по мощеной улице, покачнулась, оперлась о стену. Рыночная площадь, обычно, должно быть, людная, теперь опустела; распахнутые двери и окна зияли пустыми глазницами, ветер стучал ставнями. То на одном доме, то на другом я различала начертанный крест. Я знала, о чем говорит этот крест. Черная Смерть, чума пришла в Норвуд, Черная Смерть собрала свою дань. В горле у меня встал комок, когда я осознала, что в деревне не осталось ни единой живой души.

Но нет, я ошибаюсь, здесь еще есть кто-то живой. Вот юноша ковыляет по узкой улочке, и его то и дело скручивают судороги. Он спотыкается, едва не падает, он тычется то

в одну дверь, то в другую и наконец переступает порог дома, где воздух загустел от зловония, а на полу заходится плачем младенец. Отец и мать ребенка мертвы — вон их трупы на постели. Жирный раскормленный кот, которого некому остановить, подкрадывается к младенцу, трогает когтистой лапой его впалую щечку, младенец вопит, таращит глазенки.

— Хватит! Остановись! — Из моей груди вырывается отчаянный крик. Я сжимаю виски. — Прекрати, прекрати, не хочу больше это видеть!

Да, я кричу, кричу так пронзительно и надрывно, что, казалось бы, этот крик должен прорвать пелену жуткого видения и разбудить всех обитателей Рамплинг-гейта, но нет, меня никто не слышит. Мой юный спутник оборачивается и смотрит на меня, но здесь, в душной комнате, пропитанной зловонием смерти, слишком темно, и мне не различить его лица.

И все же я знала, это мой спутник, я чуяла его страх и то, что он тоже болен, в нос мне била вонь от умирающего младенца, и я видела, как поблескивают выпущенные коготки кота, который подкрадывается к младенцу все смелее и смелее.

— Прекрати! Остановись! Нас затянет в этот чумной кошмар! Мы не сможем вернуться назад! — кричу я из последних сил, но вопли младенца заглушают мой голос.

— Я не могу... — шелестит мой спутник. — Я все время это вижу... Видение никогда не прервется!

Тогда, взвизгнув, я поддаю коту ногой, и он отлетает в дальний угол, с грохотом опрокинув кувшин, так что молоко растекается по полу.

Смерть хозяйничает в каждом норвудском доме. Смерть царит в монастыре и окрестных полях. Я рыдаю и молю о прощении, молю отпустить меня на волю, ибо мне кажется, будто наступил Судный день, конец света.

Но когда ночь опустилась на мертвую деревню, юноша все еще был жив: он брел прочь, ковылял по склонам холмов, через лесную чащу, к мрачной башне, где высилась в стрельчатом окне костлявая фигура лорда, поджидающего свою добычу.

— Не ходи! — умоляла я юношу, я бежала рядом с ним, но он не слышал меня.

Когда юноша рухнул на колени и стал молить лорда о спасении, тот лишь печально усмехнулся, ибо не спасение даст он в ответ юноше, но проклятие, и больше ему нечего дать.

— Да, пусть я буду проклят, но жив! — вскричал тогда юноша. — Лучше быть проклятым и дышать на земле, чем гнить под землей!

И тогда лорд распахнул ему свои объятия.

Вот он вновь запечатлевает поцелуй, но теперь это смертельный поцелуй, и лорд выпивает кровь из тела умирающего, а потом поднимает отяжелевшую голову, отрывает окровавленные губы от шеи юноши и дает ему испить своей крови, дабы вернуть тому жизнь.

— Нет, не пей! — воскликнула я.

Юноша обернулся — бледнее снега, и смертная тень лежала на его лице, лице живого трупа, — и спросил меня:

— А что бы ты сделала на моем месте, как бы поступила? Вернулась бы в Норвуд, стучалась в одну дверь за другой, везде находя лишь трупы? Или, быть может, поднялась на колокольню и зазвонила в колокол над мертвой церковью? И кто бы тебя услышал?

Он не стал ждать моего ответа, да и нечего было мне сказать. Он приник своими невинными губами к вене, что билась под холодной светящейся кожей лорда, и испил его крови, и тело его наполнилось силой. Новая кровь, точно огонь, выжгла лихорадку и болезнь, но вместе с ними выжгла и саму жизнь, ибо кровь эта была подобна яду.

И вот юноша стоит посреди зала один, лорда уж нет. Юноша обрел бессмертие, но вместе с бессмертием получил от лорда страшное наследство — вечную жажду, которую утолит лишь кровь; и теперь я ощущаю, как эта жажда точит меня саму.

А вместе с бессмертием он обрел и иное видение: теперь ему открылась суть всего сущего. Беззвучный голос вещал ему из-под звездного купола небес — на языке, которому не нужны слова; голос этот слышался в вое ветра, сотрясавшего черепицу, вздыхал в пылающем очаге, пожирая поленья. Голос этот был голосом Вечности, сердцебиением самой Вселенной, он пульсировал во всякой живой твари, отмеряя ее удел, даже в том деревенском младенце, который затих, когда пришел его черед.

Ветер нес мельчайшую пыль над распаханными пустыми полями. С черного неба сеялся на них бесконечный дождь.

Шли годы. Деревушка Норвуд давно исчезла, сровнялась с землей. Лес наслал на нее свое молчаливое жадное войско, и теперь могучие стволы вздымались там, где некогда дымили трубы домишек, где звонили монастырские колокола. Но самое ужасное то, что ни одна живая душа больше не вспомнила о Норвуде, о тех несчастных, что мирно коротали свой век в деревушке, а потом в одночасье отправились на тот свет, скошенные Черной смертью. Норвуд не оставил следа на скрижалях истории и канул в забвение.

Норвуд сохранился в памяти лишь одного свидетеля, которого нельзя было уже назвать ни человеком, ни живой душой. Его зоркие глаза наблюдали, как с течением времени на руинах древнего замка выросло новое строение, Рамплинг-гейт, как постепенно выросла вокруг него новая деревня, жители которой не ведали, что дома их стоят на чьих-то безвестных могилах.

А под Рамплинг-гейтом и деревушкой лежали камни, оставшиеся от фундаментов древнего замка, монастыря и деревенской церкви.

Я очнулась, стряхнула с себя наваждение. Мы вновь очутились в башне.

— Это мое убежище, мое святилище, — прошептал вампир. — Единственное, что у меня есть. Ты любишь Рамплинг-гейт так же, как и я, ты сама написала об этом. Любишь его сумрачное величие.

— Да... он всегда был таким.

Я отвечала ему, не шевеля губами, — он читал мои мысли, и по моему лицу катились слезы.

Теперь он вновь пристально смотрел на меня, и я всем сердцем ощущала его неутолимую жажду.

— Что еще ты хочешь от меня? — вскричала я. — Мне больше нечего тебе дать!

В ответ на меня обрушилась новая волна видений и образов, и я снова потонула в этом потоке, но теперь все было иначе: оглушенная шумом, ослепленная огнями, я чувствовала себя живой как никогда — именно это же ощущение я испытывала, когда мчалась вместе с ним верхом по лесной

чаще. Только сейчас мы погрузились не в прошлое, но в настоящее.

Быстрее ветра мы пронеслись над полями и лесами и очутились в Лондоне. Ночной город распустился вокруг нас огненным цветком, рассыпал мириады ослепительных огней, и вокруг зазвенели голоса и смех. И вот мы с моим спутником уже идем по лондонским улицам в свете газовых фонарей, но мне кажется — его лицо светится само по себе, от него исходит теплое сияние, и в нем все та же юношеская невинность, а в темных глазах все та же вековечная печаль, только теперь смешанная с острым мальчишеским любопытством. Мы идем в толпе, не разлучаясь ни на миг, держась друг друга. А толпа — это огромное, дышащее, живое существо, и, куда бы мы ни свернули, она везде, она окружает нас, и от нее исходит терпкий, душный запах — запах свежей крови. Дамы в белых мехах, господа в элегантных плащах исчезают за ярко освещенными дверями театров; как морской вал, набегает и откатывается музыка, что вырвалась из мюзик-холла, и только высокое, чистое сопрано долго еще несется нам вслед, выводя печальную мелодию.

Сама не зная как, я очутилась в объятиях моего спутника, губы его касаются моих губ, и меня вновь пронзает сладостное предвкушение, но теперь к нему примешивается другое неутоленное желание — жажда, такая острая, что я понимаю, каким блаженством будет наконец утолить ее. И вот мы вместе пробираемся по черным лестницам в богатые спальни, где стены затянуты алым дамаскином, где на роскошных постелях соблазнительно раскинулись прелестные женщины, и терпкий аромат свежей крови здесь так силен, что я более не в силах терпеть, и тогда мой спутник говорит мне:

— Пей! Они — твои жертвы! Они дадут тебе вечность. Ты должна испить крови.

И я чувствую соленую теплоту на губах, чувствую, как она проникает внутрь, насыщая и взбадривая меня, придавая мне сил, и перед глазами у меня алая пелена, а когда она спадает, мы с ним вновь мчимся по Лондону, нет, скорее, над Лондоном, над крышами и башнями, и я вдруг постигаю, что мы невидимы и свободны, как ветер, — летим в высоте, а за-

тем вновь низвергаемся на улицы вместе со струями дождя. Да, хлещет дождь, но он нам не страшен, и, когда дождь переходит в снег, мы не чувствуем холода, согретые особым теплом, что идет изнутри, что берет начало в венах наших жертв, — и это тепло чужой крови.

Вот мы катим по лондонским улицам в закрытом экипаже и шепчемся между собой, и шепот смешивается со смехом и поцелуями; мы любовники; мы вместе навсегда; мы бессмертны. Мы вечны, как Рамплинг-гейт.

О, лишь бы это видение не кончалось, никогда не кончалось! Я таю в его объятиях, я не заметила, как мы вновь очутились в башне, но видения сделали свое дело, проникли в мои жилы сладким ядом.

— Понимаешь ли ты, что я предлагаю тебе? Твоим предкам я тоже открывал свою тайну, но их я порабощал, а тебя, Джули, я хочу сделать равной себе, ты будешь моей невестой. Я разделю с тобой все свое могущество. Будь моей. Я не пойду против твоей воли, не прибегну к насилию, но хватит ли у тебя духу отказать мне?

И вновь в ушах у меня зазвенел собственный крик — или то был стон? Мои руки ласкали его прохладную кожу, его нежные, но жадные губы касались моих, и его глаза очутились совсем близко — о, этот взгляд, покорный и властный, юный и древний!

Но вдруг, заслоняя его, передо мной возникло гневное лицо отца, и я как наяву услышала его голос: «О ужас, о невыразимый ужас!» — точно и я теперь получила власть над видениями и могла по собственной воле вызывать духов.

Я закрыла лицо руками.

Он вновь отстранился. Его силуэт четко вырисовывался на фоне окна, за которым тянулась по небу летучая череда облаков. В его глазах плясали отблески свечей. Сколько печальной мудрости светилось в его взгляде — и в то же время какая невинность, да, я не устану повторять это вновь и вновь, какая детская невинность.

— Ты — нежнейший, драгоценнейший цветок вашего рода, Джули, — промолвил он. — Я всегда защищал ваш род, покровительствовал ему, но тебе я предлагаю нечто большее, чем всем прочим, — свою вечную любовь. Приди ко мне,

любимая, будь моей, и Рамплинг-гейт подлинно станет твоим, и я наконец-то сделаюсь его хозяином в полном смысле слова.

Не один вечер ушел у меня на то, чтобы уломать Ричарда. О, как мы спорили! Дело едва не дошло до ссоры, и все же в конечном итоге брат согласился отписать Рамплинг-гейт на меня, а уж я-то знала, как поступлю, добившись своего: наотрез откажусь сносить старый дом. Таким образом, Ричард уже не сможет исполнить отцовский завет, последнюю его волю, и выйдет невиновным, ибо получится, что я воздвигну перед ним непреодолимое препятствие, на законных основаниях помешаю уничтожить Рамплинг-гейт. Разумеется, я клятвенно заверила брата, что завещаю дом его наследникам мужского пола. Дом навеки должен остаться достоянием нашего рода, рода Рамплингов.

Ах, какая же я умница, как хитро все сообразила! Ведь мне-то отец не завещал снести дом, он возложил эту миссию на сына. Совесть моя чиста, и я больше не терзаюсь, вспоминая об отце и его предсмертных словах.

Брату оставалось лишь проводить меня на станцию, усадить в поезд и не тревожиться, что мне предстоит в полном одиночестве добраться до Лондона, а там — до нашего дома в Мэйфере.

— Живи здесь сколько душа пожелает, а обо мне не беспокойся, — сказала я Ричарду на прощание, и сердце мое затопила невыразимая нежность к брату. — Ты ведь и сам понял, едва мы приехали, что отец заблуждался. Такую красоту нельзя уничтожать!

Черный огромный паровоз, пыхтя, подкатил к платформе. Мимо нас проплыли и остановились пассажирские вагоны.

— Все, милый, мне пора. Поцелуй меня на прощание, — велела я.

— Но, сестричка, что на тебя нашло? Отчего ты уезжаешь так поспешно, куда торопиться? — недоумевал Ричард.

— Ах, оставь, пожалуйста, ведь все уже тысячу раз обговорено, — весело отмахнулась я. — Главное, что Рамплинг-гейт теперь в безопасности, ему ничто не угрожает, и мы с тобой оба счастливы и довольны, и каждый получил что хотел.

Я уселась в вагон и махала брату из окошка, пока платформа не скрылась из виду. Вот уже затерялись в сиреневом вечернем тумане и станционные огни, а потом на горизонте на несколько мгновений возникла темная громада Рамплинг-гейта — появилась на вершине холма и пропала, точно призрак.

Я отодвинулась от окна и закрыла глаза. Потом медленно подняла веки, растягивая минуту, которой так долго ждала.

Он улыбнулся — вот он, напротив меня, на кожаном сиденье, как будто все время здесь и был. Потом быстро, порывисто встал, пересел ко мне и заключил меня в объятия.

— До Лондона пять часов пути, — нежно шепнул он.

— Я потерплю, — отозвалась я, сжигаемая лихорадочной жаждой, а его губы бродили по моему лицу, по моим волосам. — Милый, нынче вечером я хочу отправиться на охоту по лондонским улицам, — слегка смущенно призналась я, но во взоре его увидела лишь понимание и одобрение.

— Прелестная Джули, моя Джули... — шептал он.

— Наш мэйферский дом тебе непременно понравится, — пообещала я.

— О да, — откликнулся он, — уверен.

— А когда Ричарду наконец надоест сидеть в Рамплинг-гейте, мы вернемся домой.

ПОППИ З. БРАЙТ

Разлучница

Поппи З. Брайт опубликовала четыре повести и два сборника рассказов. Ее произведения печатались в антологиях «Лучшая американская эротика» («Best American Erotica», «Лучшее из новых ужасов» («The Mammoth Book of Best New Horror»), «Диско 2000» («Disco 2000») и других. К последним ее работам относятся повесть «Пластмассовый Иисус» («Plastic Jesus») и сборник новелл «Виновен, но психически ненормален» («Guilty But Insane»), изданные в Subterranean Press. Поппи З. Брайт вместе со своим мужем, Кристофером, проживает в Новом Орлеане.

Автора нередко причисляют к «любителям вампиров», но к этой теме относятся лишь два произведения Брайт: повесть «Потерянные души» («Lost Souls») и публикуемый здесь рассказ.

«Вампиры открывают в области ужасов самую проторенную тропу, ведущую к клише, — говорит Брайт. — И все же огромное большинство авторов рано или поздно обращаются к этой теме, возможно, по той причине, что знакомая канва как нельзя лучше способствует проявлению индивидуальных способностей... Создание образов существ, которые живут за счет энергии других людей, требует от автора способности постигать темные глубины собственной души».

Мой дядя Эдна был забойщиком свиней. Каждый день, возвращаясь с бойни, он приносил с собой запах свиных выделений и крови, и, если к этому времени я не наливал ему ванну с ароматическими эссенциями и мыльной пеной, он шлепал меня по заднице до тех пор, пока его разбухший пенис не начинал толкать в бедро.

Как я уже сказал, он был забойщиком свиней. Только по вечерам, когда он облачался в атласный халат, вы ни за что об этом не догадались бы. Он с видом сказочной крестной феи располагался в старом доме при ферме, прихлебы-

вал из бутылки «Джека Дэниэлса» и проклинал шлюху, соблазнившую его сожителя.

— Разлучница! — визжал он, стучал кулаком по столу и бренчал браслетами с фальшивыми бриллиантами, которые всегда носил на своей костлявой руке. — Как он мог ею увлечься, когда у него был я? Как он мог так поступить, мой мальчик?

Его негодование не было лишено смысла, потому что даже размазанная губная помада и торчащие из-под халата волосы на груди не могли испортить определенной привлекательности, присущей дяде Эдне. Что еще более странно, так это то, что эта шлюха и не помышляла уводить его сожителя. Дядя Джуд, который жил с дядей Эдной с тех пор, когда тот еще был просто Эдом Слоупсом, внезапно превратился в гетеросексуала и увлекся крашенной хной девицей из бара, называвшей себя Верной. То, что для нее было вечерней забавой, дядя Джуд принял за величайшую страсть всей своей жизни. И больше мы его не видели. Мы никогда не могли понять его поступка.

В то время, когда ушел дядя Джуд, дяде Эдне было тридцать шесть лет. С тех пор годы и виски сильно его потрепали, но дядя отлично умел накладывать макияж, и, как мне кажется, дядя Джуд снова мог бы в него влюбиться, если бы они только встретились.

Но я ничем не мог им помочь, а кроме того, в то время меня больше интересовала ловля змей и лягушек, чем сердечные дела взрослых. Однако через несколько лет я услышал, что Верна снова появилась в нашем городке.

Я сразу понял, что дядя Эдна не должен об этом знать. Иначе он взял бы свой дробовик и стал бы за ней гоняться, а потом его до смерти затрахали бы в тюрьме. Кто бы тогда позаботился обо мне? В школе я обратился к одному парню. Он заставил меня отсосать его член прямо посреди кафетерия, но зато я вернулся домой с четырьмя таблетками ксанакса. В тот же вечер я все их бросил в бутылку «Джека Дэниэлса». Очень скоро дядя захрапел, как бензопила, и стал пускать слюни на свой вечерний наряд. А я отправился на поиски Верны. Не то чтобы мне очень хотелось с ней встречаться, но надеялся узнать, где она в последний раз видела дядю Джуда.

Я оставил велосипед через дорогу от единственного в нашем городке бара «Нежная кварта». Внутри парами стояли и танцевали мужчины. Некоторые принарядились в платья, но в основном все были в джинсах и фланелевых рубахах — ведь мы жили в простом рабочем городке.

А потом я увидел ее. Верна втиснула свою мясистую задницу в кабинку и прижималась к сидящему там мужчине. Второй сидел напротив и смотрел на них, чуть не плача. Я узнал их: это были Боб и Джим Френчетт, давным-давно женатая пара. Рука Верны с ярко накрашенными ногтями лежала на бедре Боба и поглаживала поношенную ткань джинсов.

Я прошел прямо к их столику.

Джим и Боб были слишком заняты, чтобы обратить на меня внимание, а Верна, казалось, не узнала меня. В последний раз она видела меня еще ребенком и тогда едва ли заметила мое присутствие, поскольку сидела, опустив голову и присосавшись к шее дяди Джуда. Я заглянул ей в лицо. Ресницы слиплись от черной туши, на веках масляниcто поблескивали бирюзовые тени, а ярко-красный рот казался открытой раной. Затем ее губы дрогнули в насмешливой улыбке.

— Что тебе надо, мальчик?

Я не мог придумать, что сказать. Я даже не знал, как вести себя дальше. Я отшатнулся от стола, пальцы задрожали, а щеки вспыхнули огнем.

Я уже отстегивал велосипед от фонарного столба на другой стороне улицы, когда в дверях бара показалась Верна. Она пересекла пустынную улицу, пригвоздив меня к месту неподвижным взглядом по-волчьи бледных глаз. Я хотел запрыгнуть на велосипед и унестись прочь или просто убежать, но не мог. Я хотел отвести глаза от блестящих, словно свиные внутренности, накрашенных губ и тоже не мог.

— Твой дядя... — прошептала она. — Это ведь был твой дядя Джуд, верно?

Я затряс головой, но Верна, продолжая улыбаться, нагибалась ко мне, пока ее губы не оказались на уровне с моим ухом.

— Он был отвратительным трахальщиком, — сказала она.

Острые ногти Верны впились мне в плечо. Она прижала меня к фонарному столбу, а сама опустилась на колени.

Горячая желчь поднялась к горлу, но я не мог даже шевельнуться; второй рукой она расстегнула мне брюки.

Я старался, чтобы мой член не поднимался, правда старался. Но ее рот, казалось, нагнетал в него кровь, притягивал к самой коже. Мне казалось, она вот-вот вырвет его с корнем. Язык скользил по яйцам, проникал в мочевой канал. И вдруг у основания члена возникла пронзительная боль, чего никогда не было во время подобных забав с другими мальчишками. А потом, как я ни сдерживался, я изверг сперму, и Верна глотала ее так, словно жутко проголодалась.

Наконец она вытерла губы и рассмеялась. Потом поднялась, повернулась и зашагала к бару, словно меня здесь не было. Как только дверь за ней закрылась, я упал на колени и меня рвало, пока не заболело горло. Но даже в тот момент, когда запах и вкус полупереваренной пищи заполнили мне рот и нос, я почувствовал, что мой член снова твердеет.

Чтобы сесть на велосипед, мне пришлось мастурбировать. Как только я свернул в боковую улочку, я представил, как блестящие толстые губы снова смыкаются вокруг меня, и заплакал. Я никак не мог избавиться от мерзких образов, никогда не занимавших мои мысли раньше: от запаха промозглых пещер и рыбного рынка, от мягкого шлепанья тела, покрытого слоем жира, с болтавшимися впереди и сзади наростами, напоминавшими о раковой опухоли. И все эти мысли разъедали мой мозг, словно рак.

Я изо всех сил крутил педали, спеша к дому дяди Эдны. Но мне казалось, что я уже никогда не вернусь домой.

МЭРИ А. ТУРЗИЛЛО

Когда Гретхен была человеком

Роман Мэри А. Турзилло «Марс — не место для детей» («Mars is No Place for Children») в 1999 году был удостоен премии Небьюла в номинации «Лучшее произведение научной фантастики». Ее рассказы, а также критические статьи и небольшие сборники стихов публиковались в журналах «Azimov's», «Fantasy & Science Fiction», «Interzone», «Science Fiction Age», «Weird Tales» и множестве антологий, выходивших как в Соединенных Штатах, так и в Британии, Германии, Италии и Японии.

Все время, остающееся от ухода за любимыми кошками, она посвящает работе над фантастическим романом о приключениях марсианской девочки, страдающей заболеванием крови. У Мэри есть сын, Джек Бризки-младший, и муж Джеффри Л. Лэндис. Они проживают в городе Берея.

«Не каждый чувствует себя в душе жертвой или вампиром, — говорит автор, — но даже те, в ком ничтожно мала примесь вампиризма, не могут не понимать, что это чудовище одиноко и жаждет любви, хотя и испытывает страх перед этим чувством. Страсть, которую стремится удовлетворить вампир, а его жертва готова с ним разделить, есть ужасный и священный дар. Нет ли в ней сходства с любовью тирана к добровольному рабу или с любовью ребенка к родителю, сочувствующему страданию своего чада? Нет, это гораздо больше. Это средоточие самой пылкой страсти. Мы боимся, но жаждем ее».

— Ты всего лишь человек, — сказал Ник Скарофорио, перелистывая потрепанные страницы первого издания «Образа зверя».

Разговор между ними завязался после нерешительной попытки Гретхен продать Нику Скарофорио раннее издание рассказов Пэнборна. Затем они, скрестив ноги, уселись на поцарапанный деревянный пол в магазинчике «Книги» мисс Трилби и наблюдали за танцем пылинок в лучах послеполу-

денного августовского солнца. Гретхен погрузилась в пучину саморазоблачений и наслаждалась жалостью к самой себе.

— Порой я даже не чувствую себя человеком.

Гретхен уселась поудобнее и прислонилась спиной к стопке пахнувших пылью кожаных переплетов «Книги знаний» издания 1910 года.

— Это я могу понять.

— Да и кто бы предпочел такую участь, будь у него выбор? — спросила Гретхен, обводя обветренными пальцами рисунок древесных волокон на полу.

— А у тебя есть выбор? — поинтересовался Скарофорно.

— Видишь ли, после того как Эшли поставили диагноз, мой бывший получил над ней опекунство. Ну и тем лучше.— Она порылась в карманах рабочего халата в поисках платка.— После того как мы расстались, я даже не была в больнице. А его страховка распространяется на девочку, но только в том случае, если лечение будет проходить в Сиэтле.

На нее нахлынули непрошеные воспоминания: теплое миниатюрное тельце Эшли ерзает у нее на коленях, тоненькие пальчики открывают «Где живут необычные вещи», тычут в строчки. «Мама, читай!»

Скарофорно кивнул.

— Но неужели лейкемию до сих пор не научились лечить?

— Иногда это удается. Сейчас у нее наступила ремиссия. Но сколько продлится это улучшение?

Гретхен исподтишка рассматривала Скарофорно. Удивительно, но он ей понравился. А она уже решила, что депрессия убила в ней все сексуальные порывы. Ник был крупным, коренастым парнем, но без признаков жира, с быстрыми светло-карими глазами и растрепанной шевелюрой. Он вспотел в своих серых брюках, коричневой футболке и пляжных сандалиях, но если и не отличался особой привлекательностью, все же выглядел совсем неплохо. У Ника была привычка вертеть на запястье браслет с часами, и под ним порой мелькала полоска незагоревшей кожи с вытертыми тонкими волосками.

— Но сам по себе рак бессмертен,— пробормотал он.— Почему же он не наделяет бессмертием своего носителя?

— Рак бессмертен?

Да, конечно, рак должен быть бессмертным. Это же идеальный хищник. Так почему бы ему не заполучить все козыри?

— Я говорю о раковых клетках. В лаборатории раковые клетки поджелудочной железы жили еще пятьдесят лет после того, как пораженный болезнью человек умер. Но раковые клетки все же не так разумны, как вирусы. Вирус предпочитает не убивать своего хозяина.

— Но вирусы убивают людей?

Он усмехнулся:

— Верно, многие вирусы убивают. И бактерии тоже. Но существуют бактерии, которые тысячелетия назад решили завладеть каждой клеткой наших тел. Они превратились — как бы это сказать? — в органеллы. Это вроде митохондрий.

— А что такое митохондрия?

Он пожал плечами, слегка бравируя своими познаниями:

— Это преобразующие энергию органы в животных клетках. Но отличные от ДНК своего хозяина. Существует предположение, что можно создать митохондрии, которые обеспечат своему хозяину вечную жизнь.

Гретхен изумленно взглянула на него:

— Нет. Даже думать об этом не хочу.

— Почему?

— Это было бы ужасно. Что-то вроде зомби. Или вампира.

Он промолчал, но в глазах заплясала улыбка.

Она слегка вздрогнула.

— Эти идеи ты почерпнул в книгах мисс Трилби?

— Это мудрость веков.— Ник обвел жестом высокие полки, потом поднялся.— А вот идет и сама мадам Трилби. Как ей понравится, если она застанет тебя на полу с посетителем?

Гретхен вспыхнула:

— Она не будет возражать. Мой дед дружил с ее отцом, и я работаю в этом магазинчике с самого детства.

Она ухватилась за протянутую руку Скарофорио и тоже поднялась.

Мисс Трилби, хрупкая и подвижная женщина, распространявшая вокруг себя запах пудры и отсыревшей бумаги, втащила в магазин ящик из-под молочных бутылок, набитый брошюрами. Увидев Гретхен, она нахмурилась. «Стран-

но, — подумала Гретхен. — Еще вчера она говорила, что мне нужно найти другого мужчину, а сегодня смотрит с осуждением. За то, что я сидела на полу? Но я всегда сажусь на пол, когда надо достать что-то с нижних полок. Здесь нет места для стульев. Значит, за то, что болтала с покупателем-мужчиной».

Мисс Трилби бросила почту на прилавок и скрылась в задней комнате.

— Не слишком приветлива сегодня, а? — произнес Скарофорно.

— Она всегда хорошо ко мне относится. И даже одалживает денег на поездку в Сиэтл, чтобы я могла повидаться с девочкой. Но сегодня что-то нервничает.

— Ага. Да, хотел спросить, пока не ушел. Ты замерзла или плакала?

Гретхен вспыхнула:

— У меня хронический насморк.

Внезапно она словно увидела себя со стороны: жидкие волосы, костлявая, сутулая фигура. И как только она могла надеяться на флирт с этим парнем?

— Береги себя.

Он прикоснулся пальцами к ее запястью и вышел на улицу.

— Он тебе не нужен, — заявила мисс Трилби, направляясь из подсобки к древнему компьютеру фирмы «Кайпро».

— А разве я сказала, что он мне нужен?

— Я прочла это по твоему лицу. Он что-нибудь купил?

— Жаль, но я так и не поняла, что его интересует.

— Я кончу свои дни в приюте для бедных. Надо было предложить ему древние медицинские пособия. Или детективы. А он читает исторические романы прямо у полки и посмеивается. Воображает себя знатоком, отыскивает ошибки.

— Чем он вам так не понравился, кроме того, что читает книги и не покупает?

— О, *он* покупает. Но, Гретхен, ягненочек, тебе не подходит такой парень. Это ненормальный отшельник.

— Но он умеет слушать. И сочувствовать.

— Как мясник теленку. Что это за чепуха насчет бессмертия рака?

— Ничего. Просто мы говорили об Эшли.

— Прости, ягненочек. Жизнь жестоко с тобой обошлась. Но постарайся быть немного мудрее. Этот человек похож на вампира.

Гретхен разгладила пыльный конверт с пластинками «Эврианты» и «Оберона» в исполнении труппы Лондонского оперного театра.

— Может, он и есть вампир.

Мисс Трилби округлила губки в немом выражении ужаса.

— Может! Однако он не похож на Фрэнка Лангеллу[1], не так ли?

Нет, он она него не похож, решила Гретхен, разбирая заказы на переиздания «Манускрипта об икебане» Каденшо и трудов де Оннекура.

Но было в Нике Скарофорно что-то привлекательное, что-то кроме его сочувствия к неизлечимо больному ребенку. Возможно, это его тонкий мрачный юмор. Мисс Трилби могла и ошибаться.

Почему бы не попытаться привлечь его внимание?

Ее усилия даже самой Гретхен казались смехотворными. Она попросила Киишу, мать-одиночку, занимавшую комнату напротив, помочь осветлить несколько прядей волос на голове. Она купила дешевый шерстяной жакет, отороченный ангорой, и раскопала старый бюстгальтер, увеличивающий грудь.

— Ягненочек, — сухо заметила мисс Трилби, когда Гретхен как-то явилась в магазин во всем своем «великолепии», — между человеком и модными картинками не много общего.

Но усилия Гретхен если и не впечатлили Скарофорно, то, во всяком случае, не остались незамеченными. Вскоре он пригласил ее на кофе, потом на ужин. Хотя чаще всего он приходил в магазин незадолго до закрытия и позволял ей попытаться всучить очередного «белого слона» вроде сочинения преподобного Вуда «Нарушители, или О том, как обитатели земли, воды и воздуха не в состоянии посягать на чужие владения». В это время Гретхен теребила серебряную цепочку на шее, а потом они усаживались на пол, и она изливала на него

[1] *Лангелла Фрэнк* — американский актер, исполнитель роли Дракулы в одноименной бродвейской постановке 1977 г.

свои беды. Других покупателей в это позднее время обычно не было.

— Ты доверяешь ему свою частную жизнь, — сказала както мисс Трилби. — А что ты знаешь о его жизни?

Он много говорил. Действительно много. О философии, истории, о деталях болезни Эшли, и однажды Гретхен спросила, чем он занимается.

— Я краду души. Я фотограф.

Ого.

— С таким занятием вряд ли можно заработать много денег, — заметила мисс Трилби, услышав об этом. — Ходят слухи, что у него имеется неофициальный источник доходов.

— *Вы хотите сказать, криминальный?*

— Ты слишком романтична, Гретхен. Спроси лучше у него.

В ответ были названы счастье игрока и удачные инвестиции.

Однажды, уходя в магазин, Гретхен открыла почтовый ящик и обнаружила письмо — даже не телефонный звонок — о том, что ремиссия Эшли закончилась и ее девочка снова оказалась в больнице.

Она испытала непереносимую, почти физическую боль. Гретхен боялась возвращаться в свою квартирку. Ко дню рождения Эшли она купила книгу с иллюстрациями Яна Пиенковски[1] «Дом с привидениями», полную забавных, словно вырезанных из бумаги фигурок. Теперь она не могла взглянуть на нее, словно это была отравленная наживка.

Гретхен отправилась в магазин и начала составлять каталог новых поступлений, но дело не клеилось, она даже не могла вспомнить алфавит. Мисс Трилби не без труда отвлекла ее от этого занятия.

— Что случилось? Что-то с Эшли?

Гретхен протянула ей письмо.

Мисс Трилби, нацепив лорнет с толстыми стеклами, прочла извещение.

— Посмотри на себя, — сказала она. — У тебя щеки пылают. И глаза блестят. Несчастье красит тебя. Или близость

---

[1] *Пиенковски Ян* (р. в 1936 г. в Польше) — английский иллюстратор и автор книг для детей.

смерти подталкивает нас к размножению, как романтические отношения в концлагере?

Гретхен содрогнулась.

— Может быть, мое тело снова побуждает меня к репродукции?

— Чтобы заменить Эшли. Это не смешно, ягненочек. Однако, может, так и есть. Но я опять хочу тебя спросить: почему ты выбрала этого мужчину? Неужели безумие тебя не пугает?

На следующий день Гретхен вместе с ним прошла к машине. Ей показалось совершенно естественным без приглашения забраться внутрь, проехать до его дома, а потом подняться на второй этаж по лестнице с потрескавшимися ступенями.

Он усадил ее на табурет в затемненной кухне и показал несколько своеобразных старинных фотографий архитектурных объектов. В помещении пахло химикатами и уксусом. Открытую дверь в кладовку подпирал старый «Коммодор 64». В гостиной Гретхен заметила более современный компьютер с заставкой на экране в виде гигеровских[1] ребятишек с гранатами *и кружившихся в танце духов.*

— Я никогда здесь не ем, — сказал Ник. — В качестве кухни эта комната совершенно бесполезна.

Затем он слил содержимое кювет в канализацию и прополоскал ванночки. Под тонкой шерстью громко забилось сердце. От его тела, гибкого, как у льва, исходил мужской, какой-то хищный запах.

Когда он отвернулся, она расстегнула жакет. Пуговицы, словно подогревая ее страсть, слишком легко выскользнули из петель.

Жакет соскользнул в тот момент, когда он снова повернулся к ней лицом. *И при виде удивленного взгляда, скользнувшего* по ее худощавой груди, она ощутила холодок кухни.

Он снова отвернулся и вытер руки кухонным полотенцем.

— Тебе не стоит в меня влюбляться.

— Не слишком ли самоуверенно с твоей стороны?

Она не собиралась влюбляться. Нет. Это совсем другое.

— Это не самоуверенность, а предостережение. Я охраняю свою территорию, хищники всегда так поступают. Да,

[1] *Гигер Ганс Рудольф,* — швейцарский художник, представитель фантастического реализма.

некоторое время я буду держать тебя при себе. Но рано или поздно ты начнешь мешать моей охоте. И тогда я тебя убью или прогоню, чтобы не убивать.

— Я не намерена влюбляться в тебя.

Твердо. Убедительно.

— Отлично.

Он бросил полотенце в раковину, подошел к ней и приник к ее рту.

Она неловко ответила; после долгого перерыва реакция оказалась слишком сильной, и она оцарапала ему спину.

Поцелуй закончился. Он погладил ее волосы.

— Не беспокойся. Я не стану пить кровь. Я могу сдерживать свои импульсы.

Она решила подыграть его шутке, в которую почти поверила.

— Это не важно. Я хочу стать такой же, как ты.

Шутка?

Он уселся на стул, привлек ее к себе, прижался щекой к груди.

— Этого недостаточно. Для превращения у тебя должны быть соответствующие гены.

— Это действительно инфекция?

Она почти шутила, наполовину притворяясь, что верит.

— Как вирус, который заражает раком. Я только знаю, что из тысяч моих жертв только несколько человек подхватили лихорадку и выжили, став такими же, как я.

— Вампирами?

— Можно сказать и так. Одним из тех, кого я заразил, был мой сын. Он тоже заболел лихорадкой и переродился. Поэтому я решил, что все дело в генах.

Он крепче прижал ее к себе, словно желая согреть.

— А что случится, если у жертвы окажутся неподходящие гены?

— Ничего. Ничего не случится. Я никогда не дохожу до того, чтобы убивать. Я никого не убивал уже более сотни лет. Тебе ничто не угрожает.

Она соскользнула на пол, встав на колени, обвила руками его талию. Он поддерживал ладонью ее голову, гладил по обнаженным рукам и плечам.

— Шелк, — наконец произнес он, поднял на ноги, прикоснулся к груди.

Она кормила Эшли, но это не предохранило девочку от лейкемии. В груди столкнулись лед и огонь, как будто сейчас вот-вот польется молоко.

— Ты одинок?

— Господи, конечно. Только поэтому я не устоял против тебя. Знаешь, у меня инстинкты хищника, этого я не могу отрицать. Но я родился человеком.

— Как ты заразил своего сына?

— Случайно. Я сам заразился вскоре после женитьбы. Пьетра, моя жена, давно умерла.

— Пьетра. Какое странное имя.

— Для Флоренции тринадцатого века оно нисколько не странное. Мое перерождение произошло вскоре после свадьбы. Я очень тяжело болел. Я понимал, что мне нужна кровь, но не знал почему и не мог контролировать свою жажду. Я выпил кровь священника, который пришел меня исповедовать. Жажда оказалась такой сильной, что я убил его. Но я не хотел его убивать, Гретхен. Я был не более виновен, чем младенец, сосущий материнскую грудь. Первая жажда всегда почти неконтролируема. Я выпил слишком много, а когда увидел, что он мертв, быстро оделся и убежал.

— И оставил свою жену.

— Я больше никогда ее не видел. Но спустя несколько лет я встретил за карточным столом молодого человека. Притворился его другом и заманил в темный переулок. Я выпил его крови, чтобы утолить жажду. А позже снова увидел его, уже переродившимся. Он стал моим соперником в погоне за кровью. Я заразил его, он переболел лихорадкой и стал таким, как я. Позже я сложил все куски головоломки. Я покинул Пьетру беременной, и, как ты понимаешь, он оказался нашим сыном. У него имелись необходимые гены. Если бы их не было, он бы и не заметил небольшой потери крови.

Его рука вновь погладила ее по плечу.

— А где он теперь?

— Я сам частенько гадаю об этом. Вскоре после его перерождения я заставил его уехать. Вампиры не могут держаться вместе. Им необходимо охотиться.

— Почему ты все это мне рассказываешь?

Гретхен пыталась контролировать себя, но услышала, каким тонким стал ее голос.

— Я всегда говорю людям, кто я такой. И никто не верит.

Он встал, заставил ее подняться, снова поцеловал, прижался к ее телу бедрами. Она прошлась рукой по его плечам и расстегнула рубашку.

— Ты тоже мне не веришь.

И тут она улыбнулась:

— Я хочу тебе поверить. Помнишь, я как-то говорила, что не хочу быть человеком.

Он приподнял бровь и посмотрел на нее сверху вниз.

— Боюсь, твои гены не позволят тебе стать кем-то еще.

В его аккуратной спальне почти не было мебели. На низенькой полке рядом с кроватью она заметила книги из магазина мисс Трилби: «Красный дракон» и «Исповедь наркомана». Внезапно он поднял ее и уложил поверх покрывала. Они опять долго целовались. Потом он медленно овладел ею. Он не закрыл дверь, и с кровати был виден экран компьютера. Гигеровские духи хранителя экрана исполняли сладострастный танец. А потом она закрыла глаза, но духи продолжали танцевать под веками.

Когда все закончилось, она поняла, что солгала. Если это и не было любовью, то чем-то столь же сильным и опасным.

Она провела пальцем по вздувшейся вене на его руке.

— Ты родился в Италии?

Он поцеловал ее руку, скользящую по его коже.

— Да, сотни лет назад. До того, как моя плоть онемела.

— Тогда почему ты говоришь без акцента?

Он перекатился на спину, скрестил руки под головой и усмехнулся.

— Я провел в Америке больше времени, чем ты. И очень старался избавиться от акцента. А ты не собираешься спрашивать меня о солнечном свете, чесноке и серебряных пулях?

— Это все суеверия?

— Похоже, что так. — Он вновь усмехнулся. — Зато чувства постепенно угасают.

— Ты сказал, что не способен любить.

Он вытащил из прикроватной тумбочки перьевую ручку и вонзил кончик себе в руку.

— Видишь?

Кровь медленно растеклась по коже.

— Прекрати! Господи, зачем ты себя поранил?

— Просто чтобы показать. Плотью постепенно овладевает... рак, если можно так выразиться. Все начинается с самых холодных частей тела. Нервы разрушаются. Я ничего не ощущаю. Эмоции тут ни при чем.

— И только для охраны своей территории...

— Да. Эмоции не умирают окончательно. В этом кроется ужасный конфликт. Я слышал об одном очень старом вампире, у которого был поражен мозг. Он стал хуже, чем акула, превратился в машину для поглощения крови. Но метастазы распространяются очень медленно.

Она набросила на себя простыню. Теперь, когда они лежали порознь, комната казалась прохладной.

— Но ты казался мне обычным человеком, когда...

— Значит, ты ничего не почувствовала, когда мы целовались?

— Почувствовала?

Он взял ее указательный палец и засунул себе в рот. У самого корня языка она нащупала крошечные выступающие шипы.

Она внезапно испугалась и отдернула руку. Он поймал ее пальцы и поцеловал, почти пасмешливо.

Ужас перемешался с нежностью, и она зарылась лицом в подушку. Но разве не это она воображала себе и почти надеялась ощутить?

— В следующий раз,— сказала она, повернув к нему лицо, словно маргаритка к солнцу, — выпей моей крови, пожалуйста.

Духи хранителя экрана продолжали танцевать.

Одна мысль об автобусной поездке в Сиэтл вызывала у нее ужас, и она прогоняла ее, словно, оставаясь в Уоррене, могла предотвратить надвигающееся несчастье. Но второе письмо, на этот раз от ее бывшей невестки Мириам, заставило взглянуть фактам в лицо. Мириам писала, что химиотерапия на этот раз не помогала. Эшли «угасает».

«Угасает!»

С той же почтой пришла открытка от Скарофорно:

«Уехал из города по делам, занимаюсь инвестициями. Всего хорошего, человек», — написал он.

Она предупредила мисс Трилби, что ей нужен выходной, чтобы навестить Эшли.

— Ягненочек, ты ужасно выглядишь. Не вздумай ехать на автобусе. Я дам тебе денег на самолет, и ты сможешь отдать их, когда выйдешь замуж за какого-нибудь богатого адвоката.

— Нет, мисс Трилби. У меня просто насморк, вот и все.

Но у нее горела кожа, во рту и в горле пересохло, а голова пульсировала от боли.

В тот день они чистили книги от пыли. Спустившись со стремянки, Гретхен почувствовала такую усталость, что ушла в подсобную комнатку и свернулась клубком на стоявшей там кушетке, взяв с собой книжку «Как пожелаете». Слова кружились у нее перед глазами, но они помогали прогнать мысли о болезни Эшли, о бессмертных раковых клетках, убивающих смертное тело. Мысли *о бессмертии*. Это должно сработать. Другой вид рака. А потом все мысли исчезли.

Она очнулась в больнице Всех Святых, все такой же больной и беспокойной.

— Пей. У тебя обезвоживание, — сказала ей сиделка.

В комнате пахло отбеливателем и увядшими цветами.

Кто же ее сюда привез?

— Я не знаю. Может, твоя хозяйка? Пожилая женщина. Скоро придет доктор, все тебе расскажет. Постарайся каждый час выпивать по стакану воды.

В минуты просветления Гретхен испытывала радость. Началось перерождение, определенно это то самое перерождение. Если она выживет, то освободится от непосильной ноши человеческого бытия.

Анализы ничего не выявили. Ничего удивительного, этот вирус не станет размножаться в желе из агар-агара. Если только это действительно вирус.

Она не спала ночами, мечтая о человеческой крови. И расплакалась, когда из палаты перевели ее соседку, страдающую от анорексии вдову, почти высохшую от голода, но все же способную дать несколько восхитительных капель, если бы Гретхен смогла добраться до нее в отсутствие сиделок.

Однажды ее посетила мисс Трилби, и только неимоверным усилием воли она удержалась, чтобы не наброситься на женщину.

— Убирайтесь отсюда! — закричала Гретхен. — Иначе я убью вас!

Доктора, неспособные определить ее заболевание, должно быть, встревожились после такого взрыва с ее стороны, и в палату больше никого не помещали. И ее тоже не выписывали, несмотря на отсутствие страховки.

Мисс Трилби больше не возвращалась.

Никто не мог предположить, что у нее рак. При раковых заболеваниях не бывает лихорадки, жажды, чрезмерно блестящих глаз и онемения кончиков пальцев.

Наконец она поняла, что ждала слишком долго. В те несколько минут в день, когда лихорадка ее отпускала, она была слишком слаба, чтобы с кем-то справиться.

Скарофорно пришел, когда она уже почти умирала. Она была в сознании, но перед глазами все расплывалось, и дыхание смерти — запах дезинфекции — не вызывало отвращения.

— Я в карантине, — прошептала она.

Это было не совсем так, но после того, как она прогнала мисс Трилби, ее больше никто не навещал.

Он только махнул рукой и распаковал большой шприц.

— Что тебе необходимо, так это кровь. Но они об этом, конечно, не подумали.

— Где ты это взял?

Как же прекрасна кровь. Ей хотелось прижать запястья Скарофорно к едва наметившемуся выступу под языком и насладиться горячим источником его вен.

— Ты слишком слаба, чтобы пить. Для полного выздоровления тебе бы надо несколько кварт человеческой крови. Но моя тоже сойдет.

Она напряженно следила, как Скарофорно туго перевязывает себе руку, втыкает иглу в вену на локтевом сгибе, как наполняет шприц.

Она потянулась к шприцу. Он отвел его подальше. Она рвалась изо всех сил. Но он положил шприц на тумбочку у кровати и схватил ее запястья, сжал их одной рукой.

— А ты сильнее, чем я думал.

Он сжимал руки до тех пор, пока отдаленная боль не заставила ее опомниться. Она попыталась расслабиться, но не могла не стремиться к такой близкой крови. Она даже потянулась к его горлу, но Скарофорно легко подавил эту попытку.

— Прекрати! В шприце не так много крови, чтобы ты могла ее просто выпить! Я введу ее в вену, и тебе станет немного легче. Но кровь в моем теле для тебя под запретом.

Да, она убила бы его, убила бы кого угодно, лишь бы глотнуть крови. Дрожа от жажды, она упала на спину. Игла вошла в ее тело, но боли не было. А когда кровь стала поступать в вену, она содрогнулась от наслаждения. Она ощущала ее вкус. Из руки по всему телу распространялась старая кровь, напитанная тем же голодом, но все же дающая некоторое насыщение.

— Вот кое-какая одежда. Тебе надо набраться сил, чтобы дойти до машины. Я заберу тебя отсюда.

Она схватила его запястье.

— Нет. Еще капля крови вампира может тебя убить. Или,— он мрачно усмехнулся,— ты окажешься достаточно сильной, чтобы убить меня. Вставай.

Он поднял ее, словно ребенка, и поставил на ноги.

В квартире он сразу пронес ее в спальню и уложил на кровать. Она почуяла запах крови. Рядом неподвижно лежала очень светлая блондинка лет двадцати, в белых замшевых брюках, в ботинках и черном кружевном бюстгальтере.

Она стала неловко нащупывать вену на ее шее. От девушки сильно пахло жасминовой туалетной водой, дешевый аромат был очень резким и возбуждающим.

— Подожди. Не делай больших ран, чтобы все не испортить. Здесь требуется точность.

Он наклонился и прижался губами к шее девушки.

Гретхен рванулась вперед.

Она поспешно погрузила недавно обретенный орган для поглощения крови в шею, но быстро поняла, что опять неправильно выбрала место. Зашипев от злости, она сделала третью попытку. Солоноватая горячая струя согрела ее тело, словно подогретое виски.

Уже через мгновение она почувствовала, как палец Скарофорно проник ей в рот и прервал контакт. От жестокого разочарования у нее закружилась голова. Скарофорно снова схватил ее за руки и крепко сжал. Боль существовала где-то в другой вселенной. Она попыталась вырваться.

— Ты можешь убить ее, — предостерег он.

— А кто это?

Она тряхнула головой, чтобы прийти в себя, и с тоской посмотрела на девушку, казалось погруженную в кому.

— Никто. Просто девушка. Я приглашаю ее к себе время от времени. Но никогда не беру слишком много крови, чтобы не причинить ей вред. Я предпочитаю обходиться без этого.

— Она приняла наркотик?

— Нет, нет. Я — мы — обладаем иммунитетом к бактериям и прочей заразе, но наркотиков надо избегать. Я загипнотизировал ее.

— Ты загипнотизировал? Хочешь сказать, она просто спит?

— Ей кажется, что она слишком много выпила. А теперь помоги мне устроить ее поудобнее.

— Она считает, что ты занимался с ней любовью?

Скарофорно молча улыбнулся.

— Ты в самом деле занимался с ней любовью?

Он продолжал приводить в порядок одежду девушки.

Гретхен легла на спину, опершись головой на спинку кровати.

— Мне мало этого. Господи, мне надо еще крови.

— Я знаю. Но теперь тебе придется отыскивать жертву самостоятельно.

— Как же я смогу заставить их подчиниться?

Скарофорно зевнул:

— Это твои проблемы. Твое спасение стоило мне немалого труда. Теперь ты будешь сама заботиться о себе. Ты стала умнее и сильнее, чем нормальные люди. Ты заметила, что твой насморк исчез?

— Ник, помоги мне.

Он даже не посмотрел в ее сторону.

— Тебе лучше покинуть этот город.

— Но ты же спас меня.

— А теперь ты стала моей соперницей. Уезжай, пока жажда крови не завладела тобой, пока мы не столкнулись из-за очередной добычи.

Она вспомнила о человеческих чувствах и постаралась на время забыть о голоде.

— И моя любовь к тебе не имеет никакого значения?

Внезапно она ощутила настоящую любовь.

— Завтра ты узнаешь, что такое ненависть.

По пути к выходу она заметила новую заставку на экране компьютера: красные кровяные клетки плавали на черном фоне, то собираясь вместе, то расходясь в разные стороны.

В автобусе, по пути в Сиэтл, она плакала. Да, она любила его, но теперь узнала, что такое ненависть. Она стала забавляться с обычной иголкой, втыкая ее в пальцы. Ничего. Правда, ее пальцы еще не окончательно онемели. Неужели это произойдет? Неужели чувства Ника умерли?

Будет ли ее бесчувственность распространяться дальше? Если тело стало бессмертным, зачем ему нервы, предупреждающие об опасности?

Возможно, она еще пожалеет о заключенной сделке.

Онемение постепенно распространялось. Ее пальцы и кисти рук уже не реагировали на боль. Но жажда не проходила. Метастазы, поразившие язык и нервную систему, нуждались в питании.

Ее соседом был мормон-миссионер, разлученный со своим спутником из-за недостатка свободных мест в автобусе. В Чикаго он попросил ее поменяться местами, чтобы сесть рядом со своим напарником. Но она отказалась. Это не входило в ее планы.

Она погладила его по щеке и крепко вцепилась в шею, *не переставая при этом по-кошачьи улыбаться.* Она едва ощущала то, как касалась его, зато отчетливо видела свою добычу под его кожей. Он попытался урезонить ее, смущенно посмеиваясь и принимая ее действия за сексуальные заигрывания. Современная распутная язычница. Потом затеял бесполезную борьбу. Он каким-то ребяческим жестом выворачивал ей большой палец на руке, но она не чувствовала боли. А потом он заплакал, обмяк и впал в транс. Она

припала к его шее, широко раскрыв рот. Пила его кровь. Пила и не могла остановиться. Если бы он продолжал сопротивляться, она сломала бы ему шею. Она окончательно переродилась.

В Сиэтле, в педиатрическом отделении больницы, ее остановила дежурная сестра. Гретхен вдохнула пары карболки и густой сладковатый запах мочи, который ничем нельзя было вывести. За спиной сестры она увидела в темном экране компьютера свое отражение. Да, теперь она выглядела настоящей хищницей. Она казалась яркой, как манекен, но и опасной, словно пума. И очень сильной. Совершенно не похожей на чью-то мамочку. К ним, как будто предчувствуя беду, подошли еще две сестры.

Она предъявила свои водительские права, и тогда они почти поверили ей. Ее пропустили в холл, а потом и в четыреста девятую палату. Но сестра не сводила с нее глаз. Гретхен сильно изменилась.

Она открыла дверь. Дежурившая на этаже сестра вошла следом.

Эта обритая наголо истощенная малышка, опутанная гибкими трубками, не могла быть *Эшли*.

Эшли тоже изменилась. Но под действием более опасного рака.

Медсестра шмыгнула носом:

— *Мне очень жаль. Она очень сильно сдала за последние недели.*

Сестра явно не доверяла разведенным матерям, оставившим ребенка. А может, до сих пор не верила, что эта сильная и спокойная женщина приходится девочке матерью.

Если бы Гретхен была человеком, она почувствовала бы неуверенность и постаралась объяснить, что девочку отняли у нее недобросовестные законники. Теперь же она смотрела на сестру как на ближайший контейнер с пищей, из которого при подходящих обстоятельствах можно отхлебнуть крови. Она по-кошачьи улыбнулась, и сестра мгновенно отвела взгляд.

— Эшли, — окликнула она дочку, как только они остались вдвоем.

Она привезла с собой книгу Яна Пиенковски, завернутую в красную бархатную бумагу с черными силуэтами ко-

шек. Эшли нравились кошки. И ей понравятся страшные картинки-раскладушки. Они вместе будут читать и рассматривать эту книгу. Но пока Гретхен положила подарок на стул, ей предстояло заняться более важным делом.

— Эшли, это твоя мамочка. Проснись, дорогая.

Маленькая девочка открыла огромные, обведенные синими тенями глаза и тихонько всхлипнула.

Гретхен опустила ограждение на кровати и подсунула руку под спину Эшли. Девочка оказалась пугающе легкой.

Гретхен ощущала лихорадочный жар больного ребенка, чувствовала запах антисептиков, пропитавший больничную палату, сладкий аромат кожи своей дочери. Но все это оставалось где-то вдали. Гретхен уже относилась к числу бессмертных существ.

Мы должны охранять свою территорию. Кажется, так говорил Ник? *Это не эмоциональное онемение; это физическая нечувствительность.* Она вспомнила, как он втыкал перо в руку, как вводил иглу в вену, вспомнила о своих онемевших пальцах, вспомнила о том, как все ощущения, даже запах и тепло ее ребенка, становятся все слабее и дальше. Бессмертие. Онемение. Нечеловеческая сила. Одиночество.

Она прикоснулась своим новым, хищным ртом к шейке дочери. Скажет ли Эшли ей за это спасибо?

Но решать предстояло ей.

ТАНЯ ХАФФ

Мстительный дух озера Непикеа

Автор более чем шестнадцати романов, Таня Хафф, жительница Канады, написала пять книг, главной героиней которых является бывший агент сыскной полиции Виктория (Вики) Нельсон: «Цена крови» («Blood Price»), «Кровавый след» («Blood Trail»), «Кровавый жребий» («Blood Lines»), «Кровавый договор» («Blood Pact»), «Долг крови» («Blood Debt»). Рассказы Хафф публиковались в ряде сборников и антологий, а ее последний фантастический роман «Повторный вызов» («The Second Summoning») является прямым продолжением вышедшей в 1998 году книги «Вызовите сторожа» («Summon the Keeper»). В настоящее время Хафф принимает участие в работе над новой космической оперой Торина Керра.

«Я понятия не имею, почему за последние десять лет вампиры стали так невероятно популярны, — говорит автор. — Возможно, из-за нашей завороженности состоянием вечной юности. Как было написано в афише к фильму 1987 года „Потерянные мальчики" компании „Warner Brothers": „Весь день спят. Всю ночь предаются утехам. Никогда не стареют. Никогда не умирают. Быть вампиром — это весело".

Наверное, в тех культурах, которые устранились от всякой связи с естественным жизненным циклом, существует иной путь отвергнуть неотвратимое. Легкое бессмертие, так сказать. Наверное, потому, что в образе вампира есть нечто изначально-трагическое, что-то и от героя, и от злодея — слабость, подчеркивающая силу. Или, возможно, потому, что существует немало людей, которые в наши дни пишут про вампиров добротную фантастику, а читатели тянутся к тому, чему присуще качество».

Хафф признается, что мысль написать рассказ «Мстительный дух озера Непикеа» пришла ей в голову во время отдыха во Флориде на курорте, где предоставляют повременную аренду жилья: «В наши времена политкорректности становится все труднее найти достаточно полноценного негодяя, но после того как я провела пару часов в обществе весьма напористого и в то же время заискивающего агента по сдаче помещений внаем, я поняла, что нашла та-

кого злодея, о котором каждый наверняка был бы рад узнать, что тот по справедливости получил все, чего заслуживают подобные типы.

Сюжет обрастал подробностями по мере того, как я знакомилась с удивительными и таинственными особенностями глубоководных озер. Если кто-нибудь из вас захочет узнать, что там происходит в действительности, возьмите в руки захватывающую книгу Майкла Брэдли „Больше чем миф. В поисках чудовища озера Маскрат". Она, безусловно, изменила мое отношение к купанию после наступления темноты...»

Значит, кемпинг?

— А почему это тебя так удивляет?

Волоча за собой старый портативный холодильник бирюзового цвета, Вики Нельсон, прежде один из лучших, а ныне самый успешный в Торонто следователь по делам, связанным с паранормальными явлениями, пятясь, выбралась из любовного гнездышка Майка Селлюси.

— Почему? Может, потому, что ты никогда в жизни не отдыхала в условиях кемпинга. Может, потому, что в твоем представлении суровость быта — это отель, где еду и напитки тебе не подают прямо в номер. Может... — он отодвинулся достаточно далеко, чтобы Вики смогла протиснуться мимо него, и вышел вслед за ней в гостиную, — потому, что ты же ведь...

— Ведь? — Поставив холодильник рядом с двумя спальными мешками и парой стареньких ласт, она обернулась к нему. — Что «ведь», Майк? — Серые глаза блеснули серебром.

— Перестань.

Улыбаясь, она вновь занялась холодильником.

— Между прочим, я еду не отдыхать, а работать. Это ты будешь наслаждаться миром нетронутой природы.

— Вики, мои представления о мире нетронутой природы сводятся к небесному своду, под которым резвятся сойки.

— Тебя никто не заставляет ехать. — Сдвинув крышку холодильника вбок, она сморщила нос от запаха, ударившего из глубины. — Когда ты в последний раз пользовался этой штуковиной?

— В тысяча девятьсот девяносто втором году, на пикнике с полицейскими. А что?

Она перевернула холодильник кверху дном. Наружу выкатился высохший мышиный трупик, подскочил два раза и замер, уставившись на Селлюси крошечными бусинками невидящих глаз.

— Я думаю, что тебе нужно купить новый холодильник.

— Я думаю, что мне нужно объяснение получше, чем «у меня есть для тебя шикарное предложение по части использования твоего длинного уик-энда», — пробормотал он со вздохом, отбросив пинком хрупкий трупик под кушетку.

— И вот этот застройщик из Торонто, Стюарт Гордон, купил старый охотничий домик на берегу озера Непикеа и хочет создать на этом месте сельский курорт с повременной сдачей жилья внаем, чтобы его младшие сотрудники смогли отдыхать в лесу. К несчастью, ситуацию омрачило исчезновение там одного из топографов, и, похоже, местные считают причиной случившегося гнев духа, защитника озера...

— Кого?

Вики резко приняла вправо, чтобы разминуться со встречным грузовиком, а потом так же резко вернула фургон на прежнюю полосу.

— Духа-защитника. Ну, это такое существо, которое поднимается из озера, чтобы победить зло. — Бросив быстрый взгляд в сторону пассажирского кресла, она удивленно подняла брови. — Майк, с тобой все в порядке? Похоже, ты решил навсегда оставить на приборной доске отпечатки своих пальцев.

Он покачал головой. Грузовик с бревнами, шедший из Северного Онтарио, разминулся с ними на расстоянии нескольких дюймов. Самое большее, фута. Ну хорошо, может, ярдов, только не очень многих. Когда они покидали город сразу после захода солнца, представлялось логичным, чтобы за руль села Вики, обладающая лучшим ночным зрением. Теперь он сожалел об этой логике, но, понимая, что ни черта не может сделать, чтобы поучаствовать в управлении машиной, попробовал заставить себя успокоиться.

— Ограничение скорости — это не только хорошая идея, — проворчал он сквозь стиснутые зубы. — Это закон.

Она улыбнулась, ее ослепительно-белые зубы блеснули в темноте.

— Обычно ты не бывал таким нервным.

— Обычно у меня не бывало происшествий. — Его вцепившиеся в приборную доску пальцы не слушались, и он перестал бороться с ними. — Итак, этот пропавший топограф, что он...

— Она.

— Что она сделала, чтобы так разозлить духа-защитника?

— Ничего особенного. Она просто работала на Стюарта Гордона.

— Того Стюарта Гордона, на которого работаешь ты?

— Того самого.

«Все правильно. — Селлюси взглянул в окно на деревья и попытался не думать о том, как быстро они проносятся мимо. — Вики Нельсон против духа-защитника озера Непикеа. Такое зрелище стоит того, чтобы за него заплатить».

— Вот это место.

— Нет. Для того чтобы оно стало «этим местом», здесь должно быть хоть что-нибудь. Прежде чем говорить об «этом месте», *нужно, чтобы существовало хотя бы просто «место»*.

— Мне противно с этим соглашаться, — пробормотала Вики, подавшись вперед и вглядываясь в окружающее пространство поверх руля, — но тут ты попал в самую точку.

Они проехали через деревню Далви, свернули направо к разрушенному сараю и, следуя указаниям выцветших знаков, направились в сторону охотничьего домика. Дорога, если изрытый выбоинами узкий проезд протяженностью в несколько миль можно назвать дорогой, привела, как и следовало из полученных Вики инструкций, на небольшую, покрытую гравием автостоянку — или, вернее, на плотно утрамбованную прямоугольную площадку, которую теперь можно было именовать автостоянкой, поскольку она поставила на ней свой фургон.

— Он сказал, что домик отсюда виден.

Селлюси фыркнул:

— Может, тебе и виден.

— Нет. Его я не вижу. Только деревья.

По крайней мере, Вики полагала, что это деревья; резкий контраст между тем пространством, которое освещали фары, и полнейшей темнотой за его пределами не позволял утверждать наверняка. Мысленно обозвав себя дурой в нескольких вариантах, она выключила фары. Тени разделились на полдюжины громадных елей и на контуры столь крутой крыши, что снег с нее должен был осыпаться сам собой.

Поскольку было похоже, что они приехали куда нужно, Вики заглушила мотор. После мгновения тишины ночь взорвалась какофонией звуков. Зажав ладонями свои чувствительные уши, она отпрянула к спинке сиденья.

— Что это за чертовщина?

— Местные лягушки.

— А ты почем знаешь? — спросила она недоверчиво.

Он улыбнулся и посмотрел на нее с видом явного превосходства.

— Пи-Би-Эс[1].

— А-а.

С минуту они сидели, слушая лягушек.

— Ночные существа, — вздохнула Вики, — ну и музыку же они творят. — Неодобрительно фыркнув, она вышла из фургона. — Я-то думала, что посреди такого «нигде» будет гораздо тише.

Стюарт Гордон заранее передал Вики ключ от задней двери домика, и как только она включила главный рубильник, они увидели, что находятся в кухне с современным оборудованием из пержавеющей стали, которая была бы вполне уместна в каком-нибудь небольшом ресторанчике Торонто. А урчание мгновенно заработавшего холодильника заглушило голоса лягушек, и Вики с Селлюси облегченно вздохнули.

— Ну, и что теперь? — спросил он.

— Теперь мы вынем из нашего холодильника приготовленную тобой провизию, отыщем тебе комнату, а потом наилучшим образом используем то время, которое осталось у нас до рассвета.

— А когда должен появиться мистер Гордон?

---

[1] PBS (Public Broadcasting System) — Государственная служба радиовещания.

— Завтра вечером. Не волнуйся, я проснусь.

— Ну а что должен делать завтра днем я?

— Я оставлю тебе мои бумаги. Уверена, тебе что-нибудь придет на ум.

— А я-то думал, что приехал в отпуск...

— Ну, тогда делай то, что ты обычно делаешь в отпуске.

— Обычно бегаю в поисках нужных тебе сведений. — Он скрестил руки на груди. — А во время моего последнего отпуска, который тоже спланировала ты, я почти перестал быть самим собой.

Захлопнув дверцу холодильника, Вики быстро пересекла комнату. Прижавшись к нему так, что их тела соприкоснулись от щиколоток до груди, она с улыбкой заглянула ему в глаза и отвела в сторону длинный локон волос, упавший на его лоб.

— Не тревожься, я защищу тебя от духа озера. Я не намерена делить тебя с каким-либо другим легендарным существом.

— Легендарным? — Он не смог сдержать улыбки. — Это ты себя так высоко ставишь, да?

— Ты уверена, что в фургоне тебе будет безопасно?

— Перестань волноваться по пустякам. Ты же знаешь, мне там будет хорошо. — Натягивая на бедра джинсы, она взглянула в окно и покачала головой. — Здесь действительно полнейшая пустота вокруг.

Селлюси лежал в постели, оттуда мог видеть лишь кусочек звездного неба и вершину одной из елей.

— Пожалуй, ты права.

— И мне это не нравится.

— Тогда почему мы здесь?

— Понимаешь, Стюарт Гордон все говорил и говорил. И я даже не помню, когда я сказала ему «да», помню только, что в конце концов согласилась взяться за это дело.

— Он надавил на тебя? — Селлюси сделал ударение на последнем слове, подчеркнув, что, по его мнению, это было бы просто немыслимо.

— Не надавил, нет. Убедил, сумел расположить к себе.

— Похоже, он большой мастер своего дела.

— Да? Ну что ж, ведь и Макиавелли был таким.

Одевшись, она наклонилась над кроватью и нежно поцеловала его.

— Хочешь услышать нечто романтичное? Когда тот день призовет меня, твоя жизнь будет единственной, которую я буду способна ощущать.

— Романтичное? — Дыхание Майка участилось, когда она принялась лизать крошечные колотые ранки на его запястье. — Я чувствую себя как... Ох! Ладно, хорошо. Это романтично.

Хотя Вики и пыталась придать своему голосу беспечность, когда упомянула об этом Селлюси, но ей на самом деле не нравились большие открытые пространства. Возможно, потому, что она воспринимала как естественные окружавшие ее дебри из стекла и бетона, и ей импонировала обезличенность трех миллионов жизней, тесно скученных вокруг ее собственной.

Стоя около фургона, она перевела взгляд с первых проблесков утренней зари на последние, медленно исчезающие ночные тени и не могла сдержать чувства отверженности, ощущения того, что вне пределов ее видимости существует некий иной мир, частью которого она не является. Она сомневалась, что «нижние чины» Стюарта Гордона будут ощущать себя причастными к этому иному миру, и удивлялась, что кому-либо вообще могло прийти в голову построить курорт посреди такой чуждости.

Лягушки прекратили свои попытки призвать партнеров, и казалось, что воцарившееся молчание ждет чего-то.

Ждет...

Вики посмотрела в сторону озера Неникеа. Оно лежало внизу, у подножия скалистого склона, словно серебряное зеркало. На его поверхности не было видно ни единой морщинки. Противоположный берег находился не далее мили, а благодаря прекрасному отражению от водной глади он казался еще ближе.

Ждет...

Жалобный крик козодоя!

Вики вздрогнула от внезапного, пронзительного звука и вошла в фургон. Заперев наружные и внутренние двери и быстро скинув с себя одежду — если бы ее обнаружили

голой среди бела дня, это стало бы наименее значимой из ее проблем, — легла между высокими, заполненными мягкой набивкой бортами узенькой койки и стала ждать рассвета. Крики птицы, повторяющиеся с частотой падения водяных капель в китайской пытке, доносились отчетливо, несмотря на специальную звукоизоляцию стен.

— Господи, это уже слишком, — пробормотала она, сцепив пальцы на животе. — Интересно, а Селлюси по-прежнему спит?..

Как только Селлюси услышал, что дверь фургона закрылась, он словно провалился в небытие и проспал без всяких сновидений до самого полудня. А проснувшись, уставился на внутреннюю поверхность крыши и стал соображать, где же он находится. Вид грубых деревянных балок говорил о том, что в далеком прошлом их пропитывали креозотом. «Никакой теплоизоляции, ни за что не согласился бы жить здесь зимой...»

Потом он вспомнил, где было это «здесь», и проснулся окончательно. Ведь это Вики затащила его сюда, в глухой охотничий домик к северу от залива Джорджиан-Бей, чтобы поохотиться за местным и, видимо, кровожадным духом, охраняющим озеро.

Через несколько минут его спальный мешок был скатан и аккуратно уложен в изножье старой железной кровати, а сам он уже находился на кухне и варил кофе. Осознание подобной реальности после пробуждения требовало для организма доброй порции кофеина.

На столе, рядом с кофеваркой, на самом видном месте, так, чтобы он сразу ее заметил, лежала папка, на которой почерком Вики было написано: «Озеро Неникеа». Раскрыв папку, он увидел сверху несколько глянцевых листков. Их, несомненно, передал Вики вместе с ключами Стюарт Гордон. На листках художник изобразил виды будущего курорта.

Обширное главное здание имело L-образную форму и располагалось на месте нынешнего охотничьего домика. По лесу были разбросаны три дюжины «коттеджей», между ними пролегали выложенные гравием дорожки, доходящие прямо до входных дверей. Из описания следовало, что постояльцы будут добираться до своих персональных шале на машин-

ках для гольфа. «Которые они также могут использовать, — Селлюси перевернул страницу и в недоумении покачал головой, — при игре в гольф с девятью лунками».

Ясно, что значительная часть строительного проекта мистера Гордона требовала применения бульдозеров. А сразу же после бульдозеров должно было появиться кофе капучино — со взбитыми сливками. Он содрогнулся.

Следующие несколько страниц, скрепленные вместе, оказались фотокопиями газетных статей об исчезновении топографа. Она работала со своим напарником до позднего вечера, стараясь завершить обследование особенно топкого участка берега, который предполагалось засыпать и замостить для устройства здесь теннисных кортов. Как рассказывал впоследствии напарник, она вдруг отпрянула назад, прямо в грязь, крикнула, что у нее под ногами что-то зашевелилось, потеряла равновесие, упала, взвизгнула и исчезла. Патрульная полиция Онтарио и помогавшие ей добровольцы из местных жителей провели тщательный поиск, но так ее и не нашли.

С тех пор люди избегали появляться на этом участке из-за топких провалов в грунте, провалов, о существовании которых убитый горем Стюарт Гордон ничего не знал, согласно его клятвенным заверениям.

— Наверное, убитый горем оттого, что ему придется переносить корты в другое место, — пробормотал Селлюси.

Официальное заключение гласило, что женщина, вероятно, попала в один из таких провалов, и грязь засосала ее в глубину.

Крупный заголовок на следующей странице сообщал: «ЗАСТРОЙЩИК РАССЕРДИЛ ДУХА, — и далее, более мелким шрифтом: — Расплачивается за это топограф». Ниже находилась фотография женщины почтенного возраста, с длинными седыми косами и ястребиным профилем, устремившей загадочный взгляд поверх водной глади. По внешнему виду она могла быть победительницей национального конкурса пожилых дам. Однако, читая текст, Селлюси узнал, что Мэри Джозеф переселилась в Далви из Торонто в 1995 году и в последующие годы сделалась хранительницей здешнего мифа, каковой, впрочем, сама себя и провозгласила.

По словам мисс Джозеф, в последние годы дух озера являлся людям не раз, но известно всего лишь два случая, когда

он ощутил такую угрозу, что решил прибегнуть к убийству. «Он защищает озеро, — цитировала ее слова газета, — от тех, кто пытается нарушить его покой».

«Это случилось две недели назад, — отметил Селлюси, посмотрев на дату. — Происшествие трагическое, но едва ли оно стало причиной того, что Стюарт Гордон приложил столько усилий, чтобы убедить Вики приехать сюда».

На последней фотокопии была представлена крупным планом дверца автомобиля, выглядевшая так, словно на нее плеснули кислотой. Заголовок над снимком гласил: «ДУХ ПОВРЕДИЛ АВТОМОБИЛЬ ЗАСТРОЙЩИКА». Из помещенного ниже текста следовало, что 13 мая, ночью защитник озера Непикея подполз к автостоянке возле охотничьего домика и облил своими едкими выделениями — явно «рыбьей» природы — дверь новенького джипа-внедорожника «исузу трупер». От автостоянки в сторону озера тянулся след чуть более фута шириной в виде полосы примятых и поломанных стеблей папоротника, от которых исходил резкий запах протухшей рыбы. Мэри Джозеф была совершенно уверена, что так проявил себя дух, в то время как местная полиция разыскивала тех, кто мог что-либо знать об этом акте вандализма, а Стюарт Гордон объявил, что пригласил из Торонто специального следователя, чтобы покончить со всем этим раз и навсегда.

Весьма вероятно, топограф действительно попала в грязевую воронку, а местные хулиганы использовали легенду о духе для своей акции против непопулярного застройщика. Весьма вероятно. Однако совместная жизнь с Вики приучила Майка Селлюси каждое утро сталкиваться с полудюжиной невероятных случаев еще до завтрака. Поэтому он, прихватив кружку с кофе, вышел из домика и отправился изучать место преступления.

Заслон, образованный елями, хотя, учитывая их размеры, было бы точнее сказать «барьер», не давал возможности увидеть автостоянку из охотничьего домика. А еловые лапы переплетались так плотно, что — Селлюси был готов держать пари — сквозь них не проник бы даже луч света. Следовательно, дух мог совершенно скрытно проделать с автомобилем все что угодно, вплоть до замены масла в двигателе.

Отогнав взмахом руки двух-трех мелких мошек от лица, Селлюси отыскал взглядом тропинку, по которой они шли

к домику прошлой ночью, и направился по ней к стоянке. Когда он приблизился к фургону, вокруг его головы вились уже не две-три, а, наверное, штук тридцать мошек, и он почувствовал первый укус в шею сзади. После шлепка ладонью по этому месту на пальцах остались пятнышки крови.

«Вики вряд ли это обрадует»,— подумал он с усмешкой, вытирая пальцы о джинсы. Но после второго, а затем и третьего укуса усмешка сошла с его лица. А после четвертого и пятого ему уже было наплевать на то, что подумает Вики. Вскоре он перестал считать и побежал к озеру в надежде, что прибрежный ветерок, который, как он заметил, покрывал рябью поверхность воды, сдует прочь этих маленьких кровопийц.

От примятого папоротника, хрустевшего у него под ногами, тянуло не резким, но отчетливым запахом испорченной рыбы, и он понял, что идет по той самой тропинке, которая образовалась в процессе агрессивной вылазки духа. Она была шириной около двух футов и вела от автостоянки к озеру по крутому, неудобному для ходьбы склону. Но до озера тропинка не доходила. Она обрывалась на гранитном уступе на высоте около трех футов над водой.

Крепко выругавшись — прежде всего в адрес Вики,— Селлюси отпрянул назад и умудрился каким-то чудом не расплескать кофе и не совершить непредвиденного купания. Мельтешившая вокруг мошкара без видимых затруднений повторила его маневр. Быстрый взгляд сквозь живое облако позволил обнаружить с правой стороны уступа достаточно пологий склон. Он спустился по нему к самой кромке воды и увидел, что стоит на небольшом искусственном пляже лицом к плавучей пристани, уходящей в озеро футов на пятнадцать. Близость к воде, похоже, отпугнула сопровождавших его мошек, и он пошел к пристани в надежде, что в пятнадцати футах от берега ветерок будет дуть еще сильнее.

Надежда оправдалась. Щелчками выбросив из кружки несколько попавших туда насекомых, Селлюси с наслаждением сделал большой глоток кофе и обернулся в сторону домика. Глядя на тропинку, по которой пришел к озеру, он удивился, что не сломал себе лодыжку, и вместе с тем вынужден был отдать должное тому или тем, кто проложил этот путь. Однако более удобный спуск к воде и к неболь-

шому участку берега, покрытому мелким песком, удерживаемым на месте каменной стенкой, предлагала посеревшая от времени лесенка из расколотых бревен. Но в планах Стюарта Гордона значился больший пляж, а вместо ветхой плавучей пристани предполагалось соорудить три бетонных пирса.

«Один для медведя-папы, один для медведицы-мамы, один для медвежонка-сыночка», — мелькнуло в голове Селлюси в то время, как он продолжал неторопливо шагать по плавно покачивающемуся помосту, пока не оказался у самой воды. Невдалеке виднелся противоположный берег, отсюда он казался сплошной стеной деревьев. Селлюси не знал, живут ли медведи в этой части провинции, но подходящие места для купания здесь, безусловно, нашлись бы для любого их количества. Он подставил голову под ветер так, чтобы тот сдул волосы со лба, сделал еще глоток быстро стынущего кофе и вслушался в тишину. Она давила на него.

Внезапно ворвавшийся в эту тишину рев моторной лодки принес желанное облегчение. Глядя, как она стремительно влетает на середину озера, Селлюси обратил внимание, насколько далеко разносится звук, и мысленно отметил, что надо будет закрыть окно, если Вики захочет пробыть с ним ночью достаточно долго.

Когда лодка приблизилась, рулевой помахал рукой над треснувшим ветровым щитком. В то же время лодка, сильно накренившись, вошла в крутой поворот и, подняв за кормой высокий веер брызг, направилась прямо к тому месту, где стоял Селлюси. Его пальцы крепче сжали ручку кружки, однако с места он не двинулся. Поворот еще продолжался, когда рулевой выключил двигатели, и последние несколько футов, отделявшие лодку от пристани, она прошла по инерции. Пока поблекшие пустые бутылки между стенкой пристани и бортом лодки медленно сминались от легкого удара, выпрыгнувший из лодки человек уже размотал носовой швартовный трос и, нагнувшись над причальной уткой, крепил его на ней.

— Фрэнк Паттон, — сказал он, выпрямившись и протянув мозолистую ладонь. — А вы, должно быть, тот самый парень, которого застройщик привез из города, чтобы схватить духа озера.

— Агент сыскной полиции сержант Майк Селлюси. — Рукопожатие Фрэнка Паттона, человека примерно его же

возраста или чуть моложе, было по-рабочему крепким и чересчур мощным. Селлюси ответил силой на силу. — И я всего лишь провожу здесь, среди лесов, свои неиспользованные выходные.

Темные брови Паттона поползли вниз.

— А я подумал...

— Вы подумали, что я какой-то чокнутый экстрасенс, на которого можно повлиять, размозжив ему пальцы.

Паттон посмотрел на их сцепленные ладони и, осознав свою неловкость, покраснел. И разжал пальцы. То же самое сделал Селлюси. Он играл в такую игру достаточно часто, чтобы не проиграть в ней.

— Если вам представится случай познакомиться с настоящим следователем, я бы посоветовал воздержаться от излишней демонстрации своей силы. Именно она сможет подтвердить ваши предположения.

— Так это она...

— В данный момент она спит. Мы приехали сюда очень поздно, и, наверное, сегодня ночью... ей придется заниматься расследованием.

— Ага, понятно. — Сжимая и разжимая пальцы, Паттон опустил взгляд и стал разглядывать свои грубые, крепкие сапоги. — Тут, видите ли, такое дело... Мы слышали, что... в общем... — Сделав глубокий вдох, он взглянул на Селлюси и улыбнулся. — Тьфу, черт, не получается у меня объяснить толком. Хотите пива, сержант?

Селлюси глянул на пенопластовый холодильник на корме лодки и на мгновение поддался искушению. В то время как капли пота скатывались с затылка вниз по шее и больно пощипывали места кровавых укусов, он вспоминал, какой прекрасный вкус бывает у холодного пива.

— Нет, спасибо. — Он вздохнул и с отвращением посмотрел в свою кружку. — У меня еще... э-э... остался кофе.

К его удивлению, Паттон кивнул и спросил:

— Как давно вы завязали? У моего шурина появляется точно такой же взгляд, если какой-нибудь болван предлагает ему выпить в жаркий летний день.

А когда Селлюси в недоумении уставился на него, пояснил:

— Он дважды в неделю посещает собрания анонимных алкоголиков в Бигвуде.

Припомнив, сколько раз он прикладывался к бутылочке на протяжении тех долгих месяцев, когда Вики не было рядом с ним, Селлюси пожал плечами.

— Да уж, наверное, года два назад.

— У меня есть натуральная кола.

Селлюси выплеснул остатки кофе, в котором побывала мошкара, в озеро. И пусть министерство природных ресурсов поцелует его в задницу.

— Не откажусь, — сказал он.

— Значит, в сущности, у каждого жителя городка, и у каждого владельца собственности на берегах озера, и у каждого человека в радиусе ста миль есть причины желать, чтобы Стюарт Гордон убрался отсюда.

— В сущности, так, — согласился Селлюси, отбросил в сторону обглоданную куриную косточку и достал из ведерка следующую порцию. Он ждал с едой до тех пор, пока Вики не проснулась, поддерживая иллюзию того, что этот ритуал они по-прежнему соблюдают. — По мнению Фрэнка Паттона, Гордону не удалось расположить к себе своих новых соседей. Раньше это место принадлежало Энн Келлоу, которая... Что?

Вики нахмурилась и склонилась к нему.

— Ты же весь покусанный.

— Ну вот, расскажи мне про это. — При напоминании он невольно поднял руку и почесал искусанную шею. — А ты знаешь, что такое Непикеа? Это слово древних индейцев, оно переводится так: «Мне ужасно надоело, что меня заживо поедают черные мошки; давайте убираться отсюда к чертовой матери».

— Эти древние индейцы умели одному слову придать глубокий смысл.

Селлюси фыркнул.

— Так, теперь об этом расскажи.

— Ну, так что там с Энн Келлоу?

— Как, без единого «бедненького, сладенького малышки»?

Она вытянула под столом ногу, и ее стопа заскользила вверх вдоль внутреннего шва его джинсов.

— Бедненький, сладенький малышка...

— Это подействовало бы гораздо сильнее, если бы на тебе не было твоих туристских ботинок.

Смех принадлежал к тем ее характеристикам, которые оставались неизменными, когда менялась она сама. Ее улыбка была слишком ослепительной и слишком пронзительной, она сулила слишком много неведомых ощущений, но ее смех оставался чисто человеческим.

Он подождал, пока она не закончила, жуя, глотая, поздравляя себя за то, что пробудил это, а потом сказал:

— Энн Келлоу управляла всем здешним хозяйством как своего рода лечебно-оздоровительным лагерем. А прошлым летом к ней на кухню заявились люди из министерства здравоохранения, которые до этого тринадцать лет не обращали на нее никакого внимания. Стоимость переоборудования оказалась выше, чем она предполагала, выдать ссуду банк отказался, а через двадцать минут после этого все хозяйство купил Стюарт Гордон.

— Это объясняет, почему она хочет его изгнания. А что движет остальными?

— Образ жизни.

— Они что, думают, что он гей какой-нибудь?

— Не его образ жизни, их. Те, кто живет здесь — в деревне и вокруг озера,— любят покой, им нравится уединенность, а еще эти люди, и да поможет им Бог, любят лес. Правда, при этом они не прочь приютить случайного туриста и предоставить ему все, что могут. Ребята, которые содержат рыболовно-охотничий лагерь на западной оконечности озера...

— Ребята?

— Я цитирую. Ребята,— повторил он с ударением,— говорят, что гордоновские преобразования погубят рыбу и распугают дичь. От одного из них, Пита Веглера, он чуть не получил пинка под зад на местной автозаправке, а потом ее владелец прогнал Гордона прочь, когда тот сказал, что здесь у них все запущено и устарело.

— Этот случай лишний раз демонстрирует его манеру поведения. А как тебе «звездный дождь долларов приведет к большим преобразованиям»? — Когда у Селлюси поднялась бровь, она пожала плечами. — Это его слова, ведь я с ним разговаривала.

— Да, манера держаться у него такая. А еще Фрэнк говорил, что тех, у кого есть маленькие дети, беспокоит бу-

дущее увеличение автомобильного потока через центр деревни.

— Они боятся, что дети и домашние животные начнут попадать под колеса дорогих спортивных машин?

— Конечно. Они также озабочены тем, что из-за повышения интенсивности движения могут увеличиться налоги на содержание дорог. — Отодвинувшись от стола, он стал закрывать пластиковые емкости и относить их в холодильник. — А еще известно, что Стюарт Гордон, со свойственными ему представлениями о тактичности, сообщил одной из жительниц деревни, что здесь вообще не место растить детей.

— И что было дальше?

— Фрэнк говорит, что их разняли после того, как ссора зашла гораздо дальше взаимных оскорблений.

Глядя, как Майк убирает остатки своей трапезы, Вики размышляла, насколько «дальше взаимных оскорблений» могла зайти эта ссора.

— Ты уверен, что он разозлил не только этих нескольких людей? Ведь даже если здесь и прежде был курорт и ему не нужен отвод новых земельных участков, все равно местные власти должны подтвердить имеющееся у него разрешение на строительство.

— Да, и отношение местных жителей к Гордону должно будет склонить местные власти принять его сторону. Кроме того, ходят слухи, что все они подкуплены.

Откинувшись на спинку стула так, что та уперлась в стену, Вики с улыбкой взглянула на него.

— Могу ли я по результатам твоего трудового дня прийти к заключению, что в этом противостоянии ты принял сторону тех, кто верит в грязевые воронки и вандалов?

— Это, безусловно, представляется наиболее вероятным.

Он отвернулся и опять почесал искусанную шею. Когда его пальцы вновь оказались влажными, он услышал ее глубокий вздох. А когда он повернулся к ней, она уже шла к нему через кухню. Холодные ладони сжали его щеки.

— Ты не побрился.

На мгновение он задержался с ответом.

— Но я же на отдыхе.

Он почувствовал ее горячее дыхание, потом ее язык. Границы между возможным и невозможным стерлись...

А затем нарастающий звук двигателя вырвал его из ее объятий.

Вики облизнула губы и вздохнула.

— Шестицилиндровый, спортивная модель, полноприводный, все опции, черный с золотой отделкой.

Селлюси заправил рубашку обратно в брюки.

— Значит, Стюарт Гордон рассказал тебе, на чем он ездит.

— Ну, ведь ты же не думаешь, что я могу определить все это по звуку двигателя.

— Нет, конечно.

— Сержант из сыскной полиции? Я поражен. — Не вынимая из карманов твидового блейзера не тронутых загаром рук, Стюарт Гордон с заговорщическим видом наклонился к Селлюси и одарил его слишком широкой улыбкой, обнажившей чересчур много зубов. — Не думаю, чтобы вам удалось выписать здесь хотя бы парочку квитанций за неправильную парковку. — Тонкие губы сжались в нарочито подчеркнутой реакции на неопределенный односложный звук. — Но тогда чем же вы занимаетесь, агент сыскной полиции?

— Уголовными преступлениями.

Подумав, что это звучит уж слишком похоже на намек, Вики решила вмешаться в разговор:

— Агент Селлюси согласился помочь мне в этот уикэнд. Между нами говоря, так мы сможем организовать круглосуточное наблюдение.

— Круглосуточное? — Брови застройщика поднялись. — Но я не стану увеличивать плату за это.

— А я и не прошу об этом.

— Ну, хорошо.

Он шагнул на возвышавшийся над полом подшечек, словно это была сцена, и улыбнулся оттуда со всей искренностью персонажа телевизионного рекламного ролика.

— Тогда я рад, что вы в нашей команде, сержант. Майк — могу я называть вас Майк? — Он продолжал, не дожидаясь ответа: — А вы зовите меня Стюарт. Вместе мы сделаем это место безопасным для усталых представителей народных масс, способных хорошо заплатить за неделю комфортабельного отдыха в лесу.

В следующее мгновение его улыбка превратилась в гримасу:

— Так вы хотите вести расследование вдвоем?

«Зовите меня Стюарт»? Качая головой, Селлюси шел на автостоянку следом за Вики, чей темный силуэт едва выделялся на темном фоне окружающего пространства.

— Почему он здесь?

— Это приманка.

— Приманка? Он, несомненно, стопроцентный козел, но мы же не станем использовать его, чтобы привлечь разгневанного духа озера.

Она повернулась и сделала пару шагов назад, чтобы увидеть выражение его лица. Иногда он забывал, как хорошо она может видеть в темноте, и переставал контролировать выражение своего лица.

— Майк, ты не веришь, что «зовите-меня-Стюарт» действительно разозлил некоего мстительного духа, защищающего озеро Непикеа?

— Но это же ты сказала о приманке...

— Потому что мы не сможем поймать того субъекта или субъектов, которые облили кислотой его автомобиль, если только не застукаем их на месте преступления. И он это понимает.

— Ну да, верно.

Почувствовав позади себя кузов фургона, она остановилась.

— Ты не ответил на мой вопрос.

Он вздохнул и сложил руки на груди, жалея, что не может видеть ее так же хорошо, как она его.

— Вики, за последние четыре года на меня нападали демоны, мумии, зомби, вервольфы...

— Это не были нападения, это были недоразумения.

— Когда мне пытаются вцепиться в горло, я квалифицирую это как нападение. Я пожертвовал свою кровь этому ублюдку, сыну Генри Вилила, и я уже в течение двух лет наблюдаю, как ты прячешься от дневного света. Поэтому осталось уже мало того, во что я больше не верю.

— Но...

— Я верю в тебя, — перебил он ее, — а отсюда не такой уж большой шаг почти к чему угодно. Кстати, сегодня вечером ты собираешься побеседовать с Мэри Джозеф?

По его тону было понятно, что дискуссия окончена.

— Нет, я собиралась проверить средства и возможности в соответствии с тем списком имен, который ты мне дал.

Она глянула в сторону озера, потом перевела взгляд на него, хотя и не была уверена в том, что же она хотела увидеть в обоих случаях.

— А с тобой все будет в порядке, если ты здесь станешь действовать самостоятельно?

— А почему это, черт побери, со мной может быть что-то не в порядке?

— Ни почему. Причин нет.

Она поцеловала его, вошла в фургон и, высунувшись из открытого окна, добавила:

— Постарайтесь не забывать, Зигмунд, что иногда сигара — это действительно только сигара.

Селлюси проводил взглядом удаляющийся фургон, за рулем которого сидела Вики, потом включил ручной фонарь и направил луч на боковую поверхность кузова автомобиля Стюарта. И хотя это должно было бы помочь разглядеть повреждения, оказалось, что мастера в кузовном цехе хорошо справились с работой. А отдавая должное этому человеку, хотя и вопреки желанию, приходилось признать, что обновление собственности, приобретенной в такой глуши, извиняет его гораздо больше, чем большинство подобных ему дельцов, которые тоже ездят на полноприводных внедорожниках.

Направившись к тому месту, где над землей возвышалась одинокая скала и откуда он мог скрытно наблюдать как за автостоянкой, так и за озером, Селлюси сел на землю и выключил фонарь. Фрэнк Паттон утверждал, что черные мошки питаются только днем, а для появления москитов вода еще слишком холодная. Он не был полностью уверен ни в том ни в другом, но поскольку его пока что никто не укусил, выходило, что сведения оказались верными. «Интересно, знает ли Стюарт о том, что его райский уголок кишит кровососами?» — подумал Селлюси, погла-

живая большим пальцем правой руки ранку от прокола на левом запястье, и посмотрел в направлении своего здешнего пристанища.

Глаза его расширились.

Стоящий позади елей охотничий домик сиял огнями. Огнями внутри и огнями снаружи. Включено было все освещение. Резкий желто-белый свет затмил сверкавшие вверху звезды, а все находящееся внизу сделал таким контрастным, что даже пышная весенняя поросль выглядела как искусственная. А тени под стоящими вдали деревьями стали теперь непроницаемыми, словно плотные листы тьмы.

«Ну что ж, тому, что он здесь, порадуются хоть на гидроэлектростанции Онтарио», — подумал Селлюси, все еще не веря своим глазам и в недоумении качая головой. Отвернувшись от этого зарева, он возобновил прерванное наблюдение.

А озеро, слишком удаленное, чтобы эта иллюминация могла достичь и его, отбрасывало мерцающие отражения звезд и мягко накатывалось на берег.

Снова оказавшись наконец на мощеной дороге, Вики разжала зубы и направилась вдоль южного берега озера к деревне. Поскольку со стороны пассажирского кресла между фургоном и поверхностью озера не было ничего, кроме выкрашенной в белый цвет балки защитного ограждения и изредка встречающихся обломков скалы, то, глядя в боковое окно, ей было легко вообразить, что она ведет машину прямо по воде. Когда обочина расширилась и превратилась в небольшую автостоянку, оборудованную слипом — наклонной площадкой для спуска на воду лодок, — Вики съехала с дороги, остановилась и заглушила мотор.

Вода в узком канале слипа плескалась, словно жидкая темнота, непрозрачная и загадочная. Часть ночи, принадлежащая ей, заканчивалась у кромки воды.

— Что-то тут складывается не совсем так, как должно было бы, — пробормотала она, вышла из фургона и направилась по слипу в сторону озера.

Подойдя к самой воде, она прямо под собой смогла рассмотреть каменистое дно и обломки раковин озерных мол-

люсков на глубине четырех-пяти дюймов, но, несмотря на это, трудно было отказаться от мысли, что она сможет перейти вброд на другой берег озера.

Весенний хор вездесущих лягушек внезапно замолк, что заставило Вики перевести взгляд на расположенную справа болотистую бухточку. Наступила тишина, такая абсолютная, что, казалось, было слышно, как бьются в унисон с полсотни крошечных лягушачьих сердец. Раз. Два...

— Эй, там!

Она резко повернулась и сделала шаг в воду, прежде чем сознание восприняло ее реакцию. Почувствовав, как холодная вода заливает туристские ботинки, Вики пришла в себя и притушила вспыхнувший в ее глазах охотничий взгляд, прежде чем человек в каноэ успел понять, какая опасность ему угрожает.

Опустив весло в воду и удерживая лодку на месте, он кивком указал на Викины ботинки.

— Вам не следует пробовать делать это.

— Делать что?

— Идти вброд ночью. Вы должны стараться видеть, куда вы идете. — Незнакомец мотнул головой в направлении серебрящейся темноты. — У старушки Непикеа дно понижается очень круто. Даже парни из министерства не смогли бы вам сказать, какова ее глубина на середине. У нее на дне так много жидкого ила, что он искажал все показания их гидролокатора.

— А вы-то что тут делаете?

— Ну я, по крайней мере, не хожу по озеру вброд.

— И не отвечаете на мои вопросы, — проворчала Вики и отступила назад на берег.

Оттого, что она промочила ноги, настроение ее упало, но она все же хотела бы услышать продолжение этих самоуверенных высказываний.

— Я часто плаваю на каноэ по ночам. Люблю тишину, — изрек мужчина с направленной в ее сторону оценивающей улыбкой, явно уверенный, что разделявшее их расстояние и почти полная темнота не позволят ей разглядеть характер этой улыбки. — А вы, я думаю, тот самый следователь из Торонто. Я видел сегодня ваш фургон, когда был неподалеку от охотничьего домика.

— Тогда вы, наверное, Фрэнк Паттон. Вы поменяли лодку.

— Но ведь пятидесятисильный мотор не может работать бесшумно, верно? Вы, должно быть, приехали сюда, чтобы встретиться с Мэри Джозеф?

— Нет. Я приехала, чтобы встретиться с Энн Келлоу.

— Второй дом с правой стороны после знака «Стоп». Небольшой, желтый, одноэтажный.

Он отплыл назад так тихо, что Вики не узнала бы об этом, если б не наблюдала за ним. Он управлялся с большим алюминиевым каноэ легко, как опытный профессионал.

— Я предложил бы отвезти вас туда, но думаю, вы торопитесь.

Вики улыбнулась:

— Все равно, спасибо. — Ее глаза вспыхнули серебряным блеском. — Может, в другой раз.

Улыбка все еще блуждала по ее лицу, когда она садилась в фургон. А поодаль, на озере, Фрэнк Паттон загребал и разбрызгивал ладонями воду, пытаясь выловить весло, выпавшее из его внезапно ослабевших пальцев.

— Если честно, то я ненавижу этого мелкого негодяя, но найти на него управу невозможно. — Энн Келлоу плотнее натянула на себя свитер и прислонилась спиной к перилам крыльца. — Вы знаете, ведь это он натравил на меня департамент здравоохранения.

— Я не знала.

— Ну да. Месяца за три до того, как все это произошло, он заявился сюда в поисках земельных участков, хотел купить и мой. А я отказалась продавать, и тогда он придумал способ, как его заполучить. — От вновь нахлынувшего гнева дыхание ее участилось, ноздри раздувались. — А когда все было уже кончено, он дошел до такой наглости, что заявил мне со своей говноедской улыбочкой от уха до уха: «Это неприятность, но такова судьба, мисс Келлоу. Очень плохо, что банки не могут быть более уступчивыми». Козел заботливый! — Сощурив глаза, она пристально посмотрела на Вики. — А знаете, что меня бесит больше всего? Обычно я сдавала охотничий домик людям, которым в их жизни понадобилось немножко тишины. Понимаете, чтобы они смогли услышать, что происходит в их собственных головах. И если Стюарт Гордон осуществит свои планы, то здесь не

останется никакой тишины, а домик будет залеплен рекламными плакатами известных фирм и дорогих стоматологических услуг.

— Если Стюарт Гордон осуществит свои планы? — повторила Вики, удивленно подняв брови.

— Но ведь он еще ничего не построил, верно?

— Зато у него уже оформлены все бумаги. Что же может остановить его?

Собеседница не отвечала, все свое внимание она сосредоточила на попытке сковырнуть с перил засохшую каплю краски. И когда Вики уже собиралась повторить вопрос, Энн подняла голову и посмотрела в даль, в сторону темнеющих вод озера.

— Вот в этом-то весь вопрос, верно? — сказала она тихо, отбросив с лица прядь волос.

На взгляд Вики, озеро выглядело так же, как и всегда. Она собралась было заявить, что вопрос предполагает получение ответа, но вдруг нахмурилась.

— А что случилось с вашей рукой? Это похоже на ожог кислотой.

— Это он и есть. — Энн повернула руку так, чтобы ожог был хорошо виден им обеим. — Из-за этого козла Стюарта Гордона я не могла позволить себе обратиться в авторемонтную мастерскую, и мне пришлось самой менять аккумулятор в моем автомобиле. Я думала, что делаю все аккуратно...

Она пожала плечами.

— Новый аккумулятор, да? Боюсь, я не смогу вам помочь, мисс. — Кен, владелец мастерских «Гараж Кена. Авторемонт и кузовные работы», упершись коленом в бок фургона, заправляя бак горючим. — Но если вы не торопитесь, то я могу завтра съездить в Бигвуд и привезти вам его оттуда. — Однако прежде чем Вики успела что-либо сказать, он заговорил снова: — Нет, постойте, завтра же воскресенье, база будет закрыта. И в понедельник тоже будет закрыта, по случаю праздника, Дня Виктории[1]. — Он пожал плечами

[1] *День Виктории* — праздник в Канаде в честь дня рождения британской королевы Виктории, царствовавшей с 1837 по 1901 год.

и улыбнулся. — У меня-то будет открыто, но это не поможет вам с аккумулятором.

— Да он необязательно должен быть новым. Я просто хочу быть уверенной, что, когда по дороге домой мне понадобится остановиться, моя машина потом снова заведется. — Прислонившись к закрытой левой двери фургона, Вики жестом показала в глубину рабочего участка, где у задней стены громоздились собранные в небольшую пирамидку старые аккумуляторы. — А как насчет одного из вон тех?

Кен повернулся, пригляделся и покачал головой:

— Черт, ведь там же совершенно темно! У вас отличное зрение, мисс.

— Спасибо.

— Ни один из тех аккумуляторов вам не подойдет, потому что пару дней назад из всех слил электролит. Они же могут стать весьма опасными, верно? Особенно если ими заинтересуется вездесущая ребятня. — Он взглянул на счетчик бензоколонки и аккуратно дозаправил бак, чтобы общая стоимость горючего составила ровно двадцать два доллара. — А вы ведь тот самый следователь из охотничьего домика, верно? — спросил он, засунул полученные от нее купюры в засаленный карман и отсчитал мелочью три доллара сдачи. — Пытаетесь выследить духа?

— Пытаюсь выявить и поймать тех вандалов, которые изуродовали автомобиль Стюарта Гордона.

— Значит, ему его уже... э-э-э... починили?

— Выглядит как новенький. — Вики открыла дверь фургона, поставила ногу на подножку и вдруг остановилась. — Насколько я понимаю, автомобиль ему ремонтировали не здесь?

— Здесь? — Слегка обеспокоенное выражение с широкого лица Кена исчезло, его губы сжались, глаза сузились. — Этого наглеца не устраивает качество моего топлива. Он намерен установить здесь свои резервуары, если ему удастся построить этот проклятый курорт для яппи.

— «Если»?

И в точности как Энн Келлоу, он посмотрел в сторону озера.

«Если».

Она уже садилась в кабину, когда ее взгляд задержался на двух пятигаллонных[1] стеклянных емкостях около помещения офиса. Крышки с них были сняты, и, скорее всего, их поставили здесь для проветривания.

— Мне уже много лет не доводилось видеть такие посудины, — сказав она, указав на них. — Вы не собираетесь их продавать?

Кен повернулся и посмотрел туда, куда указывал ее палец.

— Не могу. Они принадлежат моей кузине. Я только позаимствовал их на время, понимаете? Ее дети должны были прийти и забрать их, но ведь вы же знаете детей.

«Зовите-меня-Стюарт» считал, что эта деревня не является тем местом, где следует растить детей.

В таких стеклянных посудинах было бы весьма удобно транспортировать кислоту, обильно сдобренную кусочками рыбы.

«А где они могли бы взять рыбу? — подумала Вики, аккуратно отъезжая от заправки. — Может быть, у кого-нибудь из тех ребят, что содержат рыболовно-охотничий лагерь».

Пит Веглер стоял в дверях своего жилого автоприцепа, лицо его выражало некоторое смущение.

— Мы с вами знакомы?

Вики улыбнулась:

— Еще нет. Вы не хотите пригласить меня войти?

Без десяти двенадцать. Свет в охотничьем домике по-прежнему горел. Селлюси встал, потянулся и подумал, сколько же еще Вики там пробудет. «Ведь в Далви наверняка уже все спят».

«Может, она где-то остановилась, чтобы перекусить».

Вторая мысль последовала за первой слишком быстро, он не успел воспрепятствовать ей и потому решил просто проигнорировать. Повернувшись спиной к домику, он сел и стал внимательно смотреть на озеро. Когда его глаза снова привыкли к темноте, он решил, что ночью вода в озере выглядит почти таинственно.

---

[1] Американский галлон равен 3,78 литра.

Но в его профессии таинственность означала виновность.

— А если Стюарт Гордон сумел так разозлить духа-защитника, что тот был способен на убийство, что тогда? — произнес он вслух и взглянул на часы.

Полночь.

Что ровным счетом ничего не значило для того непрерывно пополняющегося перечня загадочных явлений, которые происходят по ночам. Жизненный опыт убедил Селлюси, что так называемое сверхъестественное с одинаковой вероятностью может вторгнуться в реальность и в полночь, и в два часа пополудни. Но вместе с тем он сознавал, что отдалился от сомнительной безопасности дневного времени *настолько, насколько только было возможно*, и не мог не отреагировать на это.

Казалось, что даже ночь подверглась подобному воздействию.

Ожидание...

Со стороны озера подул ветерок, и волоски на обеих его руках поднялись.

Ожидание чего-то, что должно произойти.

Футах в пятнадцати от берега, пронзив поверхность воды, в воздухе появилась рыба, словно Алиса, прошедшая неверным путем сквозь зеркало. В своем прыжке рыба поднималась все выше, выше, и вдруг ее схватило нечто, похожее на блестящую сероватую трубу примерно такой же толщины, как его бицепсы. Зубы, или клыки, или что-то подобное внутри отверстия этой трубы впились в тело рыбы, и ее дугообразный прыжок они закончили вместе. Горб, такой же серый и блестящий, высунулся наверх и снова ушел в воду, а за ним последовало то, что могло быть только следом от ударов плоского хвоста, приводящего в движение это существо. Его длина от зубов до хвоста была никак не меньше девяти футов.

— Боже мой! — Он глубоко вздохнул и добавил: — Укрепи меня.

— Я говорю тебе, Вики, я видел появление духа озера.

— Ты видел нечто, поедающее рыбу. — Вики всматривалась в воду, но в ней виднелись лишь отражения тысяч звезд. — Наверное, это была просто большая рыба, которая

ела другую рыбу, поменьше. Длинная, узкая щука, выпрыгнувшая в погоне за жирным, аппетитным окунем.

Уже собравшийся было возразить, что он наблюдал нечто подобное, Селлюси вдруг нахмурился:

— Откуда ты знаешь такие подробности о рыбах?

— Сегодня вечером у меня была небольшая беседа с Питом Веглером. Оказывается, это он снабдил владельца гаража Кена рыбой для приготовления кислотно-рыбной смеси в стеклянных емкостях, взятых Кеном на время у своей кузины Кэти Бумхауэр — той самой мамаши, которая зашла гораздо дальше обмена оскорблениями в перепалке с нашим бравым молодцем Стюартом. А последний этап операции совершила Энн Келлоу, на место действия ее по-тихому доставил на своем каноэ Фрэнк Паттон. — Она улыбнулась. — Я чувствую себя словно Эркюль Пуаро в «Восточном экспрессе».

— Правда? Ну а я ощущаю себя скорее персонажем Стивена Кинга, а не Агаты Кристи.

Успокоившись и посерьезнев, Вики опустила ладонь на его скрещенные руки и взглянула ему в лицо.

— Ты в самом деле озадачен этим, да?

— Я не знаю точно, что я видел, но это явно не была рыба, схватившая другую рыбу.

Мышцы под ее пальцами были твердыми, и он смотрел мимо нее, в сторону озера.

— Майк, что с тобой?

— Я же сказал тебе, Вики. Я не знаю точно, что я видел. — Несмотря ни на что, ему по-прежнему хотелось, чтобы в мире сохранялась определенность. Медленно, словно нехотя, он перевел взгляд на обращенный кверху бледный овал ее лица. — Что из всего этого мне, по-твоему, следует сообщить завтра мистеру Гордону?

— А как насчет того, чтобы ничего не сообщать? Я сама расскажу ему после захода солнца.

— Прекрасно. Уже поздно, я возвращаюсь. А ты, видимо, весь остаток ночи будешь караулить автостоянку.

— Зачем? Я уверена, что мстительные духи туда не вернутся.

Тон ее голоса свидетельствовал о том, что в прямом противостоянии, один на один, у мстительного духа не будет

ни единого шанса. Однако Селлюси, помнивший облик того существа, что поднялось над водами озера, такой уверенности не испытывал.

— Это не важно, ты же обещала обеспечить круглосуточную охрану.

— Да, но... — По выражению его лица она поняла: если она не останется на стоянке, это сделает он. — Ладно, я буду караулить его машину. Доволен?

— То есть ты сделаешь то, что и обещала делать? Я в восторге.

Селлюси разъединил скрещенные руки и притянул ее к себе так близко, чтобы можно было поцеловать складочки между нахмуренными бровями, и направился к домику. «У нее была небольшая беседа с Питом Веглером, черт возьми!» Он знал, что она должна была использовать и других, но его-то это не должно было радовать.

«Мне ни в коем случае не следовало упоминать Пита Веглера». Она устроилась на камне, еще сохранившем тепло тела Селлюси, и тщетно пыталась проникнуть взором в темные воды озера. Когда в подлеске, окаймляющем стоянку, послышался какой-то шорох, она, не оборачиваясь в его сторону, громко свистнула. Шорох быстро затих — очевидно, его источник удалился гораздо быстрее, чем приближался сюда. Тайны озера продолжали скрываться от нее.

«Это не загадочно, это вызывает раздражение».

Селлюси, бродившему по домику и выключавшему зря горящий свет, было слышно, как в одной из спален второго этажа храпит Стюарт. В течение тех нескольких часов, что Селлюси не было в доме, гость умудрился насорить во всех местах, где успел побывать. В довершение всего он истратил все остатки туалетной бумаги и не надел на держатель новый рулон, он поставил почти пустой кофейник в кофеварку, которая не была выключена, и крупинки гущи запеклись на стекле, а еще он съел часть курятины, которую Селлюси приберег для себя, и при этом обглоданные кости бросал обратно в ведерко. Селлюси не имел ничего против того, что тот съел кусок цыпленка, но ему меньше всего хотелось, чтобы на оставшейся части еды лежали кости, выплюнутые Стюартом.

Выбрасывая кости в мусорку, он заметил там скомканный листок бумаги и выудил его оттуда.

Было очевидно, что под курорт планировалось отвести земли, выходящие за пределы нынешнего участка. Намечалось, что он займет все пространство вокруг озера и при этом поглотит Далви.

«И тогда у Стюарта Гордона появится возможность плевать на всю остальную часть территории».

Вики надоело следить за озером. Распугивая представителей местной фауны, она подошла к джипу Гордона, прижалась носом к окну и прищелкнула языком, увидев приборную панель, заполненную электронными табло. Она готова была держать пари, что о назначении большинства из них «зовите-меня-Стюарт» не имел ни малейшего представления.

«Наверное, у него вспыхивает аварийный сигнал, если кондиционеру требуется... Привет!»

Из-под пассажирского кресла торчал край плоского футляра. Это, несомненно, был ноутбук.

«И сколько бы вы согласились поставить на то, что тачка завопит как резаная, если я попробую взломать эту дверь...» Повернувшись к уже погрузившемуся в темноту домику, она прислушалась к звукам биения двух сердец. К негромким, равномерным звукам, свидетельствовавшим о том, что оба обладателя этих сердец крепко спят.

Стюарт спал на спине, закинув одну руку за голову. На его худощавом лице застыла легкая улыбка. По пульсации жилки на шее Вики с минуту наблюдала, как бьется его сердце. Она была уверена, что в случае необходимости сможет использовать для своего питания и живых существ низших форм — голубей, крыс, застройщиков, — но в данный момент была рада, что немного утолила голод во время пребывания в деревне. Она аккуратно выгребла из его кармана ключи от машины и вышла из комнаты так же бесшумно, как и вошла.

Селлюси проснулся от звуков достаточно приятного голоса, мурлыкавшего мелодию «Битлов». Он спустился вниз

в тот момент, когда Стюарт выходил из ванной, на ходу расправляя пальцами мокрые волосы.

— Доброе утро, Майк. Могу я полагать, что мстительные духи озера Непикеа не превратили ночью мой автомобиль в груду хлама?

— Можете.

— Это хорошо. Да, кстати. — Его улыбка вполне годилась для кампании по привлечению симпатий к американцам. — Я истратил всю горячую воду.

— Я считаю, правы те, кто говорит, что многие наши парни живут под кайфом.

— А что это такое? — проворчал Селлюси, подкрепившийся двумя кружками кофе, который лишь слегка горчил из-за пригоревшего кофейника.

— Ну, понимаете, Майк. — Широко улыбаясь, застройщик изобразил, будто прикладывается к горлышку бутылки. — Я имею в виду, что если вы можете пить это ужасное варево, значит, у вас проблемы с выпивкой. — Рассмеявшись собственной шутке, он направился к двери.

«Начнем с того, что парни под кайфом — не твои, и вообще ты можешь прямо сейчас убираться отсюда ко всем чертям. Ты пытаешься влезть в тот мир, в который иногда на некоторое время попадаем мы. Да я съем тебя с потрохами и выплюну, козел».

И хотя его пальцы сжали кружку так, что чуть не раздавили ее, он лишь спросил:

— А куда вы идете?

— Разве я вам не говорил? Я должен сегодня встретиться в Бигвуде с юристом. Да, я знаю, что вы мне хотите сказать, Майк: ведь сегодня воскресенье. Но дело в том, что это последний раз, когда я буду находиться здесь в течение нескольких недель, поэтому местный адвокат примет меня тогда, когда у меня найдется для этого время. Надо прояснить некоторые детали, касающиеся той скверной истории с топографом. — Взявшись за ручку двери, он остановился, голос и манеры утратили претенциозность. — Я тогда дал им команду обязательно завершить обследование той части прибрежного участка до конца рабочего дня. Я знаю, что ни в чем не виноват, но чувствую свою от-

ветственность за гибель той несчастной женщины и хочу, чтобы у меня нашлась возможность хоть как-то компенсировать эту утрату. Хотя как можно возместить смерть человека, Майк?

В ответ Селлюси пробормотал нечто неопределенное. В тот момент он был меньше всего расположен думать о Стюарте Гордоне как о порядочном человеческом существе.

— Возможно, я не вернусь до наступления темноты. Но ведь появление духа наиболее вероятно именно в то время, значит, до тех пор я не буду вам нужен. Верно, Майк? — Повернувшись лицом к защитной сетке, где расположились черные мошки в ожидании, когда наружу выйдет их завтрак, он покачал головой. — Первое, что я намереваюсь сделать, после того как все уладится, так это осушить все ручьи, где размножаются эти маленькие кровососы.

За те две недели, что прошли со дня гибели топографа, уровень воды в болоте упал. Опрыскав себя жидкостью от насекомых из баллончика, который обнаружился под раковиной, Селлюси пошел по тропинке, проложенной изыскателями. Несмотря на то что почва выглядела достаточно твердой, он осторожно ступал на возвышающиеся кочки. Дойдя до остатков ленты ограждения, оставленной полицейскими, он присел на корточки и стал вглядываться вглубь заполненного водой провала. Он не ожидал что-нибудь найти здесь, но после признания Стюарта почувствовал, что должен прийти сюда.

На глубине около двух дюймов вода была на удивление прозрачной.

«Нет у нее никаких причин быть мутной, ее же ничто не взбалтывает...»

На дне, в грязи блеснуло что-то металлическое.

Он схватился одной рукой за траву, росшую на кочке, другую опустил в воду и сумел ухватить большим и указательным пальцами торчащий кусочек...

«Измерительной рулетки из нержавеющей стали?»

Вероятно, это был фрагмент инструмента погибшей женщины-топографа. Один конец шестидюймового куска был

аккуратно обломан, а вот другой, тот, что был погружен в грязь, выглядел так, словно его разъело.

Когда Энн Келлоу обливала кислотой автомобиль Стюарта, то этим она имитировала действия духа озера Непикеа.

Селлюси глубоко вдохнул и выплюнул себе под ноги черных мошек, залетевших в рот на верную смерть. «Думаю, настала пора потолковать с Мэри Джозеф».

— Неужели вы не чувствуете его?

Наслаждаясь впервые за эти дни чашкой настоящего кофе, Селлюси подошел к двери веранды и устремил взгляд на озеро. В отличие от всех других домов в Далви, которые от озера отделяла дорога, дом Мэри Джозеф стоял прямо на берегу.

— Да, я чувствую что-то, — согласился он.

— Вы чувствуете духа озера, разозленного тем человеком из города. Еще печенья?

— Нет, спасибо. — Он уже съел одно, и это было, без сомнения, самое невкусное печенье, какое ему приходилось когда-либо пробовать. — Расскажите мне про духа озера, мисс Джозеф. Вы его видели?

— О да. Ну, может, не совсем его, но я видела след, оставшийся там, где он появлялся. — Она сделала жест в сторону озера. Правда, воды его были в этот момент совершенно спокойными. — Понимаете, большинство вод имеет своих духов-покровителей. Колодцы и родники, озера и реки, да и монетки мы бросаем в фонтаны именно поэтому, чтобы духи взамен подарили нам счастье и удачу. Водяные, русалки, наяды, Дженни Зеленозубая, Пэгги Паулер, Файдиэл — все духи воды.

— Ну а тот, который там, — это что, один из них? — Он никак не мог представить себе русалку в виде того зубастого хобота, который высунулся из воды на его глазах.

— Нет, нет, наш водяной дух — это дух из нового мира. Кри называли его «мантаче» — вы, конечно, узнаете сходство с именем Маниту, или Великий Дух? Только самые глубокие озера с самыми лучшими рыбными местами имели их. Они защищали озера и территорию вокруг озер, а взамен...

— Пользовались почитанием?

— Ну, не совсем. Их неукоснительно оставляли в покое.

— В интервью газете вы сказали, что дух уже дважды проявлял себя прежде?

— Дважды — это то, что мы знаем, — уточнила она. — Первый зарегистрированный случай произошел в тысяча семьсот шестьдесят втором году, о нем есть запись в документах местного духовенства, которые один из иезуитов, занимавшийся исследованиями подобных явлений, отправил к себе на родину, во Францию.

Селлюси, получивший образование в католической школе, был не вполне уверен, что причастность иезуитов к подобным делам повышает достоверность информации.

— А что же тогда случилось?

— Это было весной. Двое белых трапперов[1] провели на озере всю зиму, убивая животных по его берегам. Животных, находящихся под защитой озера. По словам траппера, оставшегося в живых, его товарищ сразу после захода солнца выплывал на каноэ из болота по высокой воде. Вдруг лодка опрокинулась, и он исчез. Когда второй охотник перевернул ее, то увидел, что местами корпус изнутри выжжен, хотя никакого пламени видно не было. И еще на корпусе остался след от всех тех, кого они убили, похитив их у озера.

— А след погибшего?

— В записи сказано, что он утонул, инспектор. Как изгой. — Она умолкла, намереваясь съесть еще одно печенье. — Вы знаете, что такое изгой?

— Да, мэм. А уцелевший что-нибудь видел?

— Ну, он говорил, что видел то, что ему показалось огромной змеей, но только у нее в передней части было два кожистых крыла. И вы знаете, что это такое.

«...блестящая серая труба, такая же толстая, как его бицепсы».

— Нет.

— Виверн. Один из древних драконов.

— Значит, в озере живет дракон.

— Нет, конечно же нет. Дух озера может принимать множество разных обличий. Те, кто сталкивается с ним лицом к лицу, когда он разгневан, видят перед собой огромного,

[1] *Траппер* — охотник, добытчик пушнины.

страшного зверя. Перед траппером, происходившим, несомненно, из народов Северной Европы, он предстал в образе виверна. Туземцы должны были видеть его, скорее всего, как гигантскую змею. Вокруг глубоких озер расположено немало так называемых змеиных холмов.

— А он не мог и на самом деле быть гигантской змеей?

— Агент Селлюси, вы не думаете, что если бы на самом деле существовала гигантская змея, живущая в этом озере, то к этому времени кому-нибудь обязательно удалось бы ее хорошенько рассмотреть? Кроме того, после второго случая гибели человека озеро тщательно обследовали с применением самого современного оборудования, а также еще раз или два после этого, но так ничего и не нашли. Ясно, что того траппера убил дух озера, так же как и Томаса Стеббинга.

— Томаса Стеббинга?

— Его смерть зарегистрирована в тысяча девятьсот тридцать седьмом году. У меня есть вырезки из газет...

Весной 1937 года четверо молодых людей из университета города Торонто приехали на озеро Непикеа, чтобы отдохнуть на лоне дикой природы. Как-то раз, проплывая в сумерках на лодке вдоль берега, Томас и его приятель заметили на берегу то, что они приняли за обгоревшее бревно, и пристали к берегу, чтобы его обследовать. А в следующий момент приятель Томаса в ужасе смотрел, как «бревно» набросилось на Стеббинга, обожгло его до смерти, а потом, извиваясь, уползло в озеро, оставив после себя след из мертвой растительности.

Расследование ничего не прояснило, а показания очевидца насчет «какого-то существа, похожего на огромного червя», были в конце концов отвергнуты. Итоговое официальное заключение гласило, что погибший действительно сдвинул с места частично сгоревшее бревно, оно накатилось на него, обожгло тлеющими углями, отчего и наступила смерть. После этого бревно, оставляя след в виде обгоревшей травы, скатилось в озеро и затонуло. Сообщение об отвратительном зловонии, сопровождавшем трагедию, признали ошибочным и сочли, что это был запах обожженной человеческой плоти. Утверждение приятеля Томаса, что упомянутые ожоги произошли от контакта с кислотой, также полностью проигно-

рировали — даже несмотря на то, что приятель был студентом-химиком и знал, о чем говорил.

— Значит, дух *озера* вышел *на сушу*, мисс Джозеф?

Она кивнула, видимо не уловив противоречия.

— В тот год вокруг озера разжигали много костров. В промежутке между войнами эти места на какое-то время стали очень популярными, а разведение огня было самым простым способом расчистить землю для постройки летнего дома. Дух озера не мог с этим мириться, поэтому он и принял вид обгоревшего бревна.

— Так что же сделал Томас Стеббинг такого, что нарушило его покой?

— Ничего особенного. Я думаю, несчастный парнишка просто оказался в ненужном месте в ненужное время. Вы понимаете, это мстительный дух.

Всего на пару лет раньше он сразу понял бы, что Мэри Джозеф законченная психопатка. Но это было до того, как он по собственной доброй воле ринулся во тьму, таившуюся за парой мерцающих серебром глаз. Он вздохнул и встал. День уже почти закончился, до захода солнца осталось совсем недолго.

— Спасибо вам за помощь, мисс Джозеф. Я... Что?

Она пристально посмотрела на него, покивала.

— Ведь вы видели его, верно? У вас тот самый взгляд.

— Да, что-то такое я видел, — неохотно признался он и повернулся в сторону озера. — Вообще я видел много разных...

Парочка юнцов на водных мотоциклах с ревом заложила вираж прямо напротив дома и оглушила его. Когда они проносились мимо, подавляя все остальные звуки, один из «наездников» весело помахал ему рукой.

«Когда мстительный дух озера действительно нужен, его почему-то никогда не бывает поблизости», — подумал Селлюси.

— Он знал про грязевые воронки на болоте и все-таки отправил туда тех топографов.

Вики столкнула с края пристани камешек и проследила, как он исчез в темной воде.

— Ты уверена?

— Вся информация была там, в его ноутбуке, а файл датирован еще мартом. Теперь, несмотря на то что доказательства, которые мне удалось отыскать в его компьютере, не могут быть представлены в суде, я могу пойти в Департамент земель и лесов и узнать даты, когда он давал заявки на геологические изыскания.

Селлюси покачал головой:

— У тебя вряд ли появится возможность предъявить ему какие-либо обвинения. Конечно, он не должен был посылать их туда, но ведь оба они были профессионалами. Им следовало действовать более осторожно. — Он подумал о крокодиловых слезах, которые Стюарт проливал в то утро по поводу гибели женщины, и его пальцы обеих рук сжались в кулаки. Одно дело быть безответственным болваном и совсем другое — быть безответственным махинатором. — Это преступление из области морали, — проворчал он, — а не юриспруденции.

— Ну тогда, возможно, мне придется самой заняться им.

Второй камешек ударился о воду с гораздо большей силой.

— Но он твой клиент, Вики. Ведь ты должна работать на него, а не против него.

Она фыркнула:

— Значит, я подожду, пока отработаю все деньги, полученные по его чеку.

— Он намеревается заполучить всю остальную землю вокруг озера.

Селлюси вынул из кармана и протянул ей бумагу, найденную им в мусоре.

— Но остальная земля на берегах озера не продается.

— Не продавался и этот домик до тех пор, пока он не решил, что хочет его иметь.

Вики смяла бумагу, которую держала в руке. Ее глаза сверкнули серебром.

— Должно же быть что-нибудь, что мы сможем... Зараза!

Дальний конец пристани, где они стояли, вдруг подпрыгнул в воздух. Отбросив бумагу в сторону, она схватила Селлюси за руку и увлекла его на несколько шагов назад.

— Что это была за чертовщина?! — воскликнула Вики, когда они вернулись туда, где только что стояли, хотя при-

стань все еще сильно раскачивалась. Бумаги, которую она уронила в воду, нигде не было видно.

— Волна от проходящей лодки?

— Здесь уже давно не проходила ни одна лодка.

— Иногда в таких длинных и узких озерах образуются стоячие волны. Они называются сейш.

— Сейш? — Когда он кивнул, она закатила глаза. — Я должна начать больше слушать Пи-Би-Эс. А пока что...

Звук приближающегося автомобиля вовремя заставил их взглянуть в сторону домика. Они увидели, как Стюарт медленно и осторожно въезжает на парковочную площадку, почти не разбрасывая колесами гравий.

— Ты собираешься сказать ему, кто изуродовал его машину? — спросил Селлюси, когда они двинулись вверх по холму.

— Кто? Наверное, нет. В конце концов, я не могу этого доказать, но я скажу, что это не был какой-то мстительный дух, и что уж точно ничего подобного больше не должно повториться.

По крайней мере, не должно, если у Пита Веглера действительно было что сказать на эту тему. Дух озера мог быть существом гипотетическим, но она-то таковым не была.

— Значит, группа жителей деревни, так, Вики? Вы уверены?

— Абсолютно.

— Они действительно думали, что я поверю в существование духа озера, который выместил свой гнев на двери моего автомобиля?

— Вероятно.

На самом деле им было безразлично, поверит он или нет. Они все настолько возмутились, что им было необходимо что-нибудь сделать, ну а поскольку дух был удобной ширмой...

Но ничего подобного «зовите-меня-Стюарт» от нее не услышал.

— Мне нужны их имена, Вики.

В его голосе прозвучал ультиматум. А Вики никогда не реагировала на ультиматумы положительно. Селлюси

видел, что маска начинает исчезать с ее лица, и спросил себя, насколько далеко позволит ей зайти его неприязнь к застройщику. Он мог остановить ее одним-единственным словом, и он раздумывал, должен ли произнести его. И когда.

К его удивлению, она овладела собой.

— Тогда вам нужно ознакомиться с протоколами опросов здешнего населения. Вы не сумели достаточно расположить к себе ваших соседей.

На какое-то мгновение показалось, что Стюарт понял, насколько он сейчас приблизился к осознанию неотвратимости своей собственной смертности, но в следующий момент он улыбнулся и сказал:

— Вы правы, Вики, я не завоевал симпатий своих соседей. Но, знаете, я собираюсь кое-что предпринять в этом направлении. Завтра День Виктории. Так вот, я приглашу их всех на большой вечерний пикник с шикарной едой и фейерверком на берегу озера. И мы помиримся.

— Сейчас воскресный вечер, а завтра праздник. Где вы собираетесь добыть еду, ракеты и петарды для фейерверка?

— Это не проблема, Майк. Я отправлю по электронной почте письма своим поставщикам в Торонто. Уверен, они смогут быть здесь завтра к середине дня. Безусловно, я сильно переплачу им за это, но, послушайте, ведь налаживание дружеских отношений со своим окружением стоит того. Разумеется, и вы двое будете с нами.

Губы Вики дрогнули и начали складываться то ли в улыбку, то ли в гримасу, но Селлюси поспешил ответить за них обоих:

— Да, конечно.

— Он что-то замышляет, — пояснил Селлюси позже, — и я хочу знать, что именно.

— Он хочет бросить в лицо жителям деревни все, что знает, увидеть, кто отреагирует соответствующим образом, и впоследствии превратить их жизнь в сущий ад. Он найдет способ сделать их первыми жертвами своей захватнической деятельности.

— Наверное, ты права.

— Я всегда права. — Ее голова покоилась на его плече, пальцем она расправляла волосы на его груди. — Он безнравственный, аморальный, беспринципный, ничтожный пакостник.

— Ты еще забыла сказать: надоедливый, досаждающий и вообще весьма неприятный тип.

— Я смогла бы убедить его, что он являет собой сочетание матери Терезы и леди Ди. Я могла бы выкрасть его мозг, использовать его в противоестественных благих целях и вернуть обратно в его череп в любом виде, какой бы я ни выбрала. Но я не могу.

«Когда ты начинаешь удаляться на темную сторону, как надолго она становится руководящей силой твоего предназначения»? Но он не спросил этого вслух, поскольку не хотел знать, как далеко она уже зашла туда. Он был благодарен ей за то, что она вообще определила для себя хоть какие-то границы, что она решила остаться личностью, которая не может применять террор ради террора.

— Итак, что мы собираемся предпринять в отношении него?

— Ни черта не могу придумать. А ты?

Он вдруг улыбнулся:

— А не смогла бы ты убедить его, что ты и есть дух озера и что ему лучше бы поберечь свою задницу и уволочь ее обратно в Торонто, если он не хочет, чтобы она растворилась в кислоте?

Вики стремительно соскочила с кровати.

— Я знала — есть причина, чтобы вытащить тебя сюда в этот уик-энд. — Она крутанулась на голой пятке, потом крутанулась еще раз и так же стремительно снова оказалась в постели. — Но я думаю, надо подождать до завтрашнего вечера. Он еще не расплатился со мной.

— Доброе утро, Майк. А где Вики?

— Спит.

— Ладно, но раз вы уже встали, не поможете ли отнести барбекю на берег озера? Я охотно заплатил бы им за такую услугу, но не уверен, что они согласятся на это, а кроме того, они уже повредили мою машину, и я хотел бы в эту раннюю пору держать их подальше от всего, что представ-

ляет собой какую-либо ценность. Особенно такую, где соседствуют пропан и открытый огонь.

— А Вики не разделит с нами ленч, Майк?

— Она говорит, что не голодна. Она пошла прогуляться по лесу.

— Должно быть, так она сохраняет свою девичью фигуру. Я должен отдать вам должное, Майк: немного найдется мужчин вашего возраста, способных удержать такую женщину. Я имею в виду, что у нее истинно независимый характер, не так ли? — Он с чрезмерными выражениями благодарности принял предложение съесть бутерброд с ломтиком тунца, откусил от него и поморщился. — А что, легкого майонеза не нашлось? Ничего, Майк. Я уверен, вы хотели как лучше. Ну а теперь, пока мы здесь только вдвоем, я задам вам вопрос: вы когда-нибудь задумывались над тем, чтобы вложить деньги в недвижимость для ее последующей сдачи в повременную аренду?

Майк Селлюси никогда еще не радовался чьему бы то ни было появлению так, как он обрадовался, увидев в четыре часа дня фургон, заполненный поставщиками припасов — усталыми парнями с потухшим взором. Как обнаружила Вики еще во время самого первого телефонного разговора, Стюарт Гордон не был тем человеком, который принимал в качестве ответа слово «нет». Он мог принять что-нибудь вроде «Пошел вон и заткнись!» с последующим стремительным исчезновением, но поскольку Вики намеревалась проснуться на берегах озера Непикеа, Селлюси свой язык попридержал. Кроме того, для нее было бы несколько затруднительно изгнать застройщика, если бы они уже находились на полпути в Торонто.

Заход солнца.

Проснувшись, Вики ощутила присутствие вокруг себя многих жизней, может, целых двух дюжин, и лежала в постели еще некоторое время, наслаждаясь их присутствием. Два последних вечера ей приходилось всерьез бороться с желанием взобраться на водительское кресло и рвануть в сторону цивилизации.

Фастфуд.

Она съела «Сникерс», оделась и вышла из фургона на площадку автостоянки. Селлюси стоял на берегу, на пляже и разговаривал с Фрэнком Паттоном. Она направилась в их сторону, толпа расступалась, давая ей дорогу, при этом люди, казалось, не осознавали ее присутствия среди них. Когда она приблизилась к собеседникам, оба кивнули ей, а Паттон указал на барбекю:

— Гамбургер?

— Нет, спасибо, я не голодна. — Она огляделась вокруг. — Похоже, никто не привел сюда детей.

— Никто не хочет показывать своих детей Стюарту Гордону.

— Боятся, что они что-нибудь подцепят здесь, — добавил Селлюси.

— Майк тут говорит, что вы решили стоявшую перед вами задачу и сейчас ждете здесь мистера Конгениальность, чтобы он рассчитался с вами.

Вики кивнула, задумавшись над тем, что могло быть на уме у Майка.

— Еще он говорит, что вы не упомянули ни одного имени. Спасибо вам. — Он вздохнул. — На самом деле, мы не думали, что дух озера предпримет что-нибудь, но...

Вики подняла вверх обе руки.

— Послушайте, заранее никогда ничего не известно. Ведь он может начать давить на вас.

— Да, конечно. Правда, единственно, на кого может надавить этот клоун, так это на каждого из своего ближайшего окружения. Прошу прощения, но я лучше пойду спасать Энн, прежде чем она вырвет у него язык и задушит им его.

— Удивительно, что она тоже пришла, — заметила Вики.

— Она думает, то он что-то замышляет, и она хочет знать, что же именно.

— Будто мы все не хотим, — пробормотал Селлюси, когда Фрэнк Паттон зашагал прочь.

От смеси запахов жареного мяса и свежей крови у Вики слегка закружилась голова. Она взяла Майка за руку и повела его в сторону плавучей пристани.

— Я что-нибудь пропустила?

— Нет, я думаю, ты пришла как раз вовремя.

Когда Фрэнк Паттон приблизился, Стюарт прервал разговор, который он вел с Энн Келлоу — или, точнее, как заметила Вики, *на* Энн Келлоу, — и направился к концу пристани, где было установлено несколько крупных ракет для фейерверка.

— И ведь он добыл разрешение для этого дурацкого шоу, — проворчал Селлюси. — Изворотливый сукин сын знает, как уберечь свою задницу.

— Но не подсознание. — Холодные пальцы Вики крепко обхватили запястье Майка. — Не беспокойся, он свое получит.

Первая ракета взвилась вверх и взорвалась, осветив небо красным светом, который стал постепенно блекнуть на фоне сероватого вечернего неба и водной глади озера. Застройщик повернулся лицом к берегу и поднял руки над головой.

— А теперь, когда мне удалось привлечь ваше внимание, я хотел бы кое-что сообщить всем вам, прежде чем мы продолжим наш праздник. Во-первых, я решил не выдвигать никаких обвинений по поводу повреждения моего автомобиля, хотя я знаю, что...

Пристань вдруг начала колыхаться. Одна из ракет позади него упала в воду.

— Мистер Гордон! — Это был голос Мэри Джозеф. — Уходите на берег, сейчас же.

Указав на нее пальцем, он покачал головой:

— О нет, мадам, я — Стюарт Гордон... — «Сегодня вечером никаких „зовите-меня-Стюарт"», — отметил про себя Селлюси, — ...и вы не указывайте, что мне делать, это я...

Замахав руками, словно ветряная мельница крыльями, он шагнул назад, потом еще раз и еще и плюхнулся в воду. С раскинутыми в стороны руками и ногами он выглядел так, будто сидел на чем-то, находящемся чуть ниже поверхности воды.

— Этого с меня уже хватит... — начал он и внезапно исчез.

Вики добежала до конца пристани вовремя и успела увидеть бледный овал его лица, исчезающий в темной воде. К ее изумлению, он, похоже, вынул из кармана сотовый телефон, и в ее голове промелькнуло воспоминание об оборванной линии из того старого кино «Кому вы собирались позвонить?».

Секунда, другая. Она думала о его спасении. Кончики пальцев ее опущенной руки были уже мокрыми, когда Селлюси схватил ее за плечо и оттащил назад. Она не сделала бы этого, но ей было приятно, что он решил, что она могла так поступить.

А на берегу две дюжины одинаково широко раскрытых глаз неподвижно уставились на гладкую, темную поверхность озера. И Вики поняла, что они были слишком потрясены тем, что произошло с их общим недругом, и потому не заметили, как стремительно она появилась в конце пристани.

Мэри Джозеф первой нарушила общее молчание.

— Вот так поступает мстительный дух озера Непикеа, — заявила она. А потом, когда люди начали кивать, холодно добавила: — Никто не может сказать, что я его не предупреждала.

Майк пристально посмотрел на Вики, которая лишь пожала плечами.

— Он работает на меня, — сказала она.

НЭНСИ КИЛПАТРИК

La Diente[1]

Нэнси Килпатрик, лауреата премии Брема Стокера и победителя конкурса имени Артура Эллиса, называют «канадской королевой живых мертвецов». Она опубликовала более четырнадцати романов и около ста пятидесяти рассказов. Изданы пять собраний сочинений Килпатрик и семь антологий, где она является составителем и редактором. Интересен тот факт, что по меньшей мере половина ее произведений повествует о вампирах. Ее перу принадлежат такие книги, как «Секс и одинокий вампир» («Sex and the Single Vampire»), «Эндорфины» («Endorphins»), «Дракула — вечная история любви» («Dracula — An Eternal Love Story») (по мотивам одноименного мюзикла), «Укусы любви» («Love Bites») и «Истории о вампирах Нэнси Килпатрик» («The Vampire Stories of Nancy Kilpatrick»). Под псевдонимом Аманта Найт она написала серию эротических романов «Темная страсть Дракулы и Кармиллы» («Dracula and Carmilla in The Darker Passions»), а недавно писательница закончила новый из серии «Власть крови» («Power of the Blood»), которая уже включает в себя такие книги, как «Дети ночи» («Child of the Night»), «Рядом со смертью» («Near Death») и «Перерождение» («Reborn»).

Помимо писательской деятельности, Килпартик преподает творческое письмо в Интернете и ведет частные курсы литературного мастерства, включающие в себя тему «Как написать историю о вампирах».

«Однажды я встретила человека из Эквадора, который показал мне свои четыре молочных зуба, — вспоминает Нэнси Килпатрик, — из которых его мать сделала украшения, следуя обычаям их родины. Вампиры очень популярны в испаноязычной среде и имеют свое имя — чупакабра. Сочетание этих образов и вдохновило меня на создание „La Diente“».

---

[1] Зубы *(исп.)*.

Внезапно в дверях появился вампир! Высокий, с лицом, покрытым трупной зеленью, и с горящими адским пламенем глазами. Его пальцы вцепились в дверной косяк и походили на паучьи лапы.

Ремедиос задрожала. Ее сердце забилось так сильно, будто было готово разорваться у нее в груди.

Вампир крался бесшумно, словно крыса, продвигаясь вперед сантиметр за сантиметром. Он не сводил взгляда со своей жертвы, со своей вожделенной добычи.

Ремедиос стиснула деревянные ручки кресла и, сжавшись в комок, воскликнула:

— Господи! О Господи! Защити меня, святая Марианита, именем Христа!

Но вампир продолжал приближаться.

— Подчинись мне, — настойчиво повторял он низким, обольстительным голосом. И его невозможно было не слушать. — Я сильнее. Я получу то, что хочу!

— Нет! — Она замотала головой. Ее вспотевшие ладони соскользнули с ручек кресла, за которые она так отчаянно цеплялась.

Лицо вампира было так близко от нее, чертовски близко! Его кроваво-алые губы искривились в зловещей улыбке, обнажившей два длинных острых клыка. На этих клыках блестела слюна. Им нужна была ее шея. Они жаждали ее вен, по которым, пульсируя от ужаса, текла горячая кровь. Эти зубы будут кусать и рвать, они получат то, что им нужно, чтобы выжить.

Резкий громкий звонок заставил Ремедиос вздрогнуть.

Она выпрыгнула из кресла и бросилась на кухню, чтобы выключить таймер в духовке. Девушка быстро открыла дверцу и сняла крышку с глиняного горшка — мясо изумительно пахло и выглядело очень аппетитно, именно так, как Ричвузы и любили, — с кровью. Почти три месяца потребовалось ей, чтобы научиться готовить мясо по тому рецепту, что предпочитали ее хозяева. Она хотела угодить им, но когда резала мясо, то от красного цвета непрожаренной запекшейся крови ее начинало тошнить, поэтому в первые дни она часто пересушивала кушанье. Сама Ремедиос никогда не ела мяса с кровью. У нее на родине, в Эквадоре, все хорошенько прожаривают мясо, чтобы уберечь себя от бед и болезней. Она

предпочитала мясо как следует приготовленным, чтобы его вид не напоминал о бедном беспомощном животном, которым оно когда-то было.

Ремедиос ловко переключила кнопку духовки на функцию «греть» и запустила работу медленно раскаляющейся спирали под горшком, чтобы как следует выпарить густую пряную подливку. Салат и десерт она приготовила заранее, стол был накрыт, все выглядело прекрасно. Девушка вернулась в гостиную, чтобы досмотреть фильм до конца, но обнаружила, что по телевизору идет реклама предметов женской гигиены, как это называют в Северной Америке.

Почти все шесть месяцев ее пребывания в Сан-Диего ушли на то, чтобы выучить новый язык, и в конце концов Ремедиос почувствовала, что начала осваивать его азы. Сейчас она могла совершать покупки и ездить в автобусе почти без проблем, и, судя по всему, Ричвузы все с большим удовольствием пользовались ее услугами. По крайней мере настолько, насколько это было возможно.

Как только реклама закончилась и фильм возобновился, Ремедиос услышала, что на аллею, ведущую в дом, въехала машина. Ну вот и они. Она так никогда и не узнает, чем закончился фильм, но, разумеется, вампира остановят. Так всегда бывает, ну или почти всегда. Ремедиос больше нравились фильмы, в которых вампиров в конце концов уничтожали. Если кому-то из этих страшных персонажей удавалось спастись, то потом ее мучили ночные кошмары.

Было что-то необычное в том, с каким интересом Ремедиос всегда смотрела эти фильмы.

Даже там, в Сан-Франциско де Кито, где она родилась, фильмы о вампирах были ее любимым зрелищем, несмотря на то что нагоняли на нее сильный страх.

Она ненавидела этих вампиров, у которых было преимущество перед более слабыми людьми, но тем не менее не могла не смотреть истории про них. Ее мать — да упокоит Господь ее душу — любила «мыльные оперы», которые по эквадорскому телевидению гоняли в огромном количестве.

«Почему тебе хочется смотреть эти ужасные фильмы? Зачем пугать себя? Выключи это! — часто говорила ей мать, когда была жива. — Мои сериалы гораздо лучше, они так похожи на реальную жизнь!»

«Да», — отвечала Ремедиос, а сама думала, что в этих сериалах всегда происходит одно и то же. У такой бедной семьи, как их, всегда есть о чем волноваться — деньги, здоровье, кусок хлеба, крыша над головой, ссоры, крики, слезы... И так каждый день! А все вокруг твердят только одно: «Ты должна смириться, должна принять свой жребий!»

«Все не так уж плохо, — говорила ее мать. — Жизнь полна тревог. По крайней мере, у тебя есть семья и тебе легче, чем тем, у кого ее нет. И когда ты примешь ту жизнь, которую для тебя предназначил Господь, тебе будет хорошо. Ремедиос, ты всегда была не такой, как все. Я поняла это, когда ты родилась, а ты родилась в полночь. Вот поэтому я и назвала тебя Ремедиос, что означает Десница Господня».

Теперь Ремедиос понимала, что ее мать была мудрой женщиной. Жизнь становится намного проще, если человек принимает свой жребий и следует ему. И ее собственная судьба не так уж плоха. Попасть из бедности родного Кито в роскошную Калифорнию, пусть даже для того, чтобы быть домработницей, — не многим это по плечу. Ричвузы были порядочными людьми, они давали ей четыре выходных в месяц, не предъявляли к своей служанке каких-то исключительных требований, не изводили капризами, и, самое главное, она могла свободно посылать домой деньги, чтобы поддержать своих братьев и сестер. Ремедиос знала, что не имеет права жаловаться. Большинство домработниц — девушек из Мексики, которых она встречала в магазинах, — рассказывали про ужасные условия, в которых они оказались. Ее соотечественницы были вынуждены работать целыми днями, а то и сутками, за мизерную плату, а иногда их могли запросто оставить без жалованья. Изменить что-либо в сложившейся ситуации было сложно, так как большинство мексиканок находились в Штатах по рабочей визе, и, если они оставались без работы, их могли депортировать на родину в любой момент.

Ремедиос часто говорила себе, что ей повезло. Условия, в которых она трудилась, были вполне сносными и, уж конечно, гораздо лучше, чем у нее дома. В ее стране все жили в нищете, кроме членов правительства и собственников земли. Вымогательство было в ходу у всякого, начиная от президента и заканчивая полицией. Даже из тех денег, что она

посылала домой, половина уходила местным коррумпированным чиновникам, а из оставшейся суммы она отдавала четверть дяде Антонио, сводному брату своей матери, который устроил ее на работу к Ричвузам. Мистер Ричвуз советовал ей открыть счет на свое имя в американском банке и хранить деньги там, вместо того чтобы отсылать их домой. Сумма на счете увеличивалась бы за счет процентов, а не уходила бы на пропитание ее многочисленного безработного семейства, не позволяя расти благосостоянию самой Ремедиос. Она могла бы стать почти миллионершей лет через двадцать. Но Ремедиос не могла не отправлять деньги домой: ее братьям и сестрам нужно было что-то есть, а ведь теперь она, что ни говори, была главой семьи.

Входная дверь отворилась, и миссис Ричвуз влетела в дом. Ремедиос услышала голоса детей — Джессики и Роберта: миссис Ричвуз отвозила их в школу и забирала по окончании занятий. Джесс вбежала на кухню, у нее были растрепанные золотистые волосы и небесно-голубые глаза. Она тут же обняла Ремедиос:

— Угадай, что у нас сегодня было в школе? Мы делали пахту! Учитель налил молока в маслобойку, и мы все стали крутить эту большую штуковину, и у нас получилась пахта, и мы все ее попробовали!

Ремедиос рассмеялась и привела волосы Джессики в порядок. Она такая рослая и крупная для шестилетней девочки и при этом на год моложе ее младшей сестры Долорес. Долорес не ходила в школу с тех пор, как семье стало не по карману за это платить. Ремедиос не видела Долорес уже полгода и скучала по семейной любимице. Она скучала по всей семье: по Хуану, и по близнецам — Марии и Луису-Хосе, и даже по Эсперансе, хотя и не очень с ней ладила. И конечно же, она скучала по бабушке, которая всегда заботилась обо всех.

— А ну-ка беги быстренько умойся, — сказала миссис Ричвуз Роберту,— и учти: я не намерена повторять это дважды! Твой отец может прийти в любую минуту. Ты же знаешь, по средам он любит сразу садиться за стол, чтобы успеть на собрание домовладельцев.

— Я не голоден,— начал ныть мальчик. Впрочем, он проделывал это каждый вечер.

— Ну что ж, значит, не ешь слишком много. Ты сможешь перекусить позже.

— Но я хочу пойти в видеомагазин, с Брэдом. Мне нужно купить один диск... — продолжал канючить Роберт.

— Вечером после школы? Вряд ли это возможно, — отрезала миссис Ричвуз.

— Но, мама, его брат отвезет нас, и на прошлой неделе ты сказала...

— О, а вот и машина твоего отца! — Миссис Ричвуз выглянула в окно. — Давайте поторопимся к столу!

— Но я хочу пойти вместе с Брэдом, ты сказала... — не сдавался Роберт.

— Боже, Роберт, прекрати напоминать мне о том, что я сказала! Давай съешь что-нибудь, мы проведем еженедельный семейный ужин, а потом ты сможешь идти...

Так всегда бывало у Ричвузов — они всегда были заняты, всегда куда-то спешили, их жизни протекали так быстро, что почти не соприкасались друг с другом. Совсем не так шла жизнь у них в Эквадоре. Большую часть своего времени семья Ремедиос проводила вместе. А после наступления темноты никому и в голову не приходило выйти на улицу, там всегда царила опасность. В новостях говорили, что в Калифорнии ночные прогулки тоже могут плохо закончиться, но Ремедиос не верилось в это. Перед тем как Ричвузы наняли ее, она бывала только в Лос-Анджелосе и ничего не знала о таких местах, как Восточный Эл-Эй[1] или Баррио. Ей до сих пор было трудно представить, что здесь тоже водились бандиты, как и у них, в де Кито, где по темным улицам рыскали шайки молодых парней и подростков с ножами, готовые перерезать глотку каждому, кто попадется, чтобы получить пищу или деньги, чтобы купить ее. Случалось, что некоторым из этих налетчиков едва исполнилось пять лет... Нет, в Калифорнии она не видела ничего подобного!

Ремедиос выкладывала на стол хлеб и масло, когда мистер Ричвуз вошел в дверь. Джесс подбежала к нему, и он подхватил девочку на руки. Ремедиос смотрела на них и пы-

[1] *Эл-Эй* — разговорное название Лос-Анджелеса. Восточные районы Лос-Анджелеса славятся криминальной обстановкой.

талась представить, что сейчас чувствует Джесс. Ее отец умер, когда она была маленькой, сразу после рождения Долорес. Возможно, когда-то он тоже брал ее на руки, но она не могла вспомнить те времена, когда он еще был сильным и здоровым. Ее бабушка говорила, что смерть отца стала причиной смерти матери Ремедиос, потому что вскоре после его похорон та сильно заболела. Ремедиос до сих пор помнила, как мать страдала от изнурительных кровотечений и постоянной боли, превращаясь у них на глазах в подобие иссохшей бледной мумии. Но денег на врача у семьи не было, и им оставалось только смотреть, как их мать медленно умирала в течение двух мучительно долгих лет. Она оказалась слабой. «На то была воля Божья», — сказала бабушка.

Офис мистера Ричвуза, который он возглавлял, находился неподалеку от дома, в тени маленького сада, и хозяин еще не успел отключиться от рабочих проблем, придя домой. Ремедиос знала, что выбрала не самое удачное время, но все-таки решила попытать счастья, так как ей редко удавалось застать мистера Ричвуза одного.

Она стояла в дверях и напряженно смотрела, как тот достает бумаги из своего кейса.

— Мистер Ричвуз, можете уделить мне минутку?

Он не поднял головы, и Ремедиос было решила, что произнесла свою просьбу слишком тихо и Ричвуз ее не услышал. Но через несколько мгновений он словно заметил, что Ремедиос стоит тут, и обернулся к ней.

— Да? В чем дело? — Ричвуз говорил с ней своим обычным деловым тоном, таким же, каким по телефону обсуждал новости с фондового рынка.

— Мистер Ричвуз, я... я бы хотела прибавки к жалованью... — нерешительно начала Ремедиос, — хотя бы десять долларов в месяц.

На мгновение он устремил на нее пустой взгляд, а потом вернулся к своим бумагам. Не отрываясь от них, он проговорил:

— Вы работаете у нас только шесть месяцев. Обсудим вопрос о прибавке через следующие полгода.

Ремедиос ничего не оставалось, как вернуться на кухню и подать блюдо с мясом к столу.

Ричвузы сидели за столом и говорили все одновременно. «Оно превосходно, Реми!» — отозвалась миссис Ричвуз о жарком, и Ремедиос покраснела. Миссис Ричвуз стала называть девушку Реми вслед за детьми, которым было нелегко выговорить испанское имя. А теперь это имя прилепилось к ней, и так ее стал звать всякий, но Ремедиос не возражала. Она была очень благодарна за то, что может работать в такой хорошей семье.

Роберт клевал еду, как птичка. И когда затрезвонил дверной звонок, мистер Ричвуз раздраженно бросил сыну: «Роберт, скажи своему другу, чтобы не звонил так сильно, это может потревожить соседей», а миссис Ричвуз заметила: «С каких это пор люди разучились входить через дверь?» Но Роберт уже вскочил из-за стола, схватил с вешалки в прихожей свою куртку и выскочил прочь.

Следующим уходил мистер Ричвуз. Он быстро закончил трапезу и поднялся наверх, чтобы переодеться для встречи с другими домовладельцами, живущими в этом же районе. Миссис Ричвуз поднялась наверх вместе с Джесс, чтобы помочь ей сделать домашнее задание. «Реми, пожалуйста, если кто-то будет звонить, отвечай, что я сама перезвоню», — сказала она напоследок.

Мистер Ричвуз поспешно вышел из дома, и Ремедиос, закрыв за ним дверь, осталась одна и начала убирать со стола тарелки с недоеденной пищей. Как всегда в таких случаях, она была спокойна, как если бы выбрасывала в мусорный бак ненужный хлам. Но мысль о том, что остатками в этих тарелках ее семья могла насытиться на день вперед, не покидала девушку.

Раньше Ремедиос доедала то, что оставалось после трапезы хозяев, но миссис Ричвуз однажды застала ее за этим занятием и сделала замечание. Она заявила, что это негигиенично, и велела служанке всегда выбрасывать все объедки.

Однако вот и сейчас Ремедиос срезала куски мяса с краев жаркого, стараясь избегать непрожаренных мест, и сервировала себе свой собственный ужин, дополнив его густой подливкой и небольшой мисочкой салата. На протяжении всей ее жизни самая обильная трапеза всегда приходилась на середину дня. Перед сном Ремедиос лишь слегка пере-

кусывала; она не любила много есть на ночь. Прежде чем приступить к ужину, Ремедиос завернула оставшееся мясо в прозрачную пленку, салат и подливку поместила в воздухонепроницаемые контейнеры и убрала все в холодильник, забитый до отказа продуктами.

Дети съели свои десерты, мистер Ричвуз тоже. Только пудинг хозяйки остался нетронутым. Ремедиос положила его себе на тарелку. Теперь она могла приступить к еде.

Она скучала по пище, которую готовили у них дома: рис, красные и черные бобы, обильно сдобренные специями и — иногда — немножко мяса, если семья могла себе это позволить. А лепешки! Ничего похожего здесь не было.

Когда она еще только начинала работать в этом доме, то старалась готовить традиционные эквадорские блюда. Мистер и миссис Ричвуз их, конечно, ели, но дети даже не стали пробовать. Миссис Ричвуз решила, что будет лучше, если она каждую неделю станет сама составлять меню и объяснять Ремедиос, что именно нужно приготовить.

Она только собралась откусить немного мяса, как миссис Ричвуз позвала ее из холла: «Реми!», и девушка тут же вскочила на ноги: «Да, миссис Ричвуз?»

— Я совсем забыла. Эта бандероль пришла вам сегодня почтой.

Ремедиос столкнулась с миссис Ричвуз в дверях и взяла у нее маленький коричневый сверток. Даже не взглянув на адрес отправителя, она уже знала, что бандероль пришла из дома. Темная маслянистая бумага была перевязанная пеньковой бечевкой. Посылка прошла через две таможенные службы, изрядно помявшись и испачкавшись.

— Спасибо, — сказала Ремедиос и, подождав, пока миссис Ричвуз поднимется наверх до половины лестницы, вернулась за кухонный стол.

Она развернула сверток. Первое, что она обнаружила, был кусок газеты «El Comercio», со статьей о чупакабре под броским заголовком. Так вот о чем нынче пишут в Эквадоре! Ремедиос прочла статью о существе, похожем на вампира, которое называли «истребителем овец», несмотря на то что нападает оно не только на овец, но и на лошадей, коров и даже на кошек и собак! Оно кусает их тонкими острыми зубами и выпивает всю кровь. В статье утверждалось, что

есть свидетель, описавший чупакабру. Он сообщил, что видел существо четырех или пяти футов в высоту, с телом летучей мыши, с большими крыльями, с чешуей на спине до самой шеи, с кошачьей мордой и зубами как у кота! Ремедиос пробрала дрожь, пока она читала эти строки.

Следующее, что она нашла в посылке, была записка от бабушки. Вернее, от дяди Антонио, единственного в семье, кто мог писать на испанском. Но Ремедиос знала, что бабушка диктовала ему это послание.

«Моя дорогая Ремедиос, да благословит тебя Пресвятая Дева Мария!

Видит Бог, ты родилась сильной, и ты должна помогать своей семье. Только на тебя мы и можем рассчитывать...»

Далее в письме говорилось о том, что происходит с ее семьей и родными. Бабушку мучили и лишали сил боли в ногах и руках, близнецы постоянно болели, не могли избавиться от кашля, вот и теперь они опять были нездоровы. Долорес, которая родилась хромой, стало совсем трудно ходить. Сосед осмотрел ее и сказал, что нога сохнет и гниет; не пришлет ли Ремедиос денег на доктора? А Эсперанса беременна. Это известие не удивило Ремедиос — ее сестра была хорошенькой и любила флиртовать с парнями. Но если она родит, то, значит, в семье появится еще один рот, кормить который придется ей, Ремедиос! Однако самыми плохими были новости о Хуане. Брат начал уходить куда-то по ночам, и бабушка подозревает, что он пристрастился к кокаину и вступил в банду головорезов.

Ремедиос убрала письмо, ее руки тряслись. Слезы брызнули из глаз. Что она могла сделать, находясь здесь, в чужом уютном особняке, за тысячу километров от своего дома? Если она вернется домой, чтобы вразумить Хуана, они останутся без денег. А ведь ему уже тринадцать. Даже когда Ремедиос еще жила дома, а Хуан был младше, она не могла с ним справиться. Эсперанса тоже никогда не слушала свою старшую сестру, и вряд ли что-либо изменится сейчас. И как Ремедиос может найти деньги на доктора для Долорес? Она уже отправила им всю свою выручку, кроме десяти долларов. Их она оставила себе на скромные расходы. Ричвузы обеспечивали Ремедиос едой, одеждой, оплачивали поездки на транспорте — большего ей и не требовалось,

но иногда все-таки приходилось покупать для себя какие-то мелочи.

Возможно, ей следует каждый месяц отсылать пять из этих десяти долларов домой, тогда через три или четыре месяца накопится достаточно денег, чтобы заплатить за визит доктора к Долорес. Но Ремедиос хорошо понимала, что половина этой суммы отправится в карман к чиновникам, а половина из того, что останется, осядет в руках дяди Антонио. Если бы она вернулась домой... Ах, если бы она была там, то старенькой бабушке не пришлось бы за всеми присматривать. Но кто тогда будет зарабатывать деньги? В ее родном Кито, как и в других городах Эквадора, не найти работу. Ремедиос казалось, что она очутилась в тупике, из которого нет выхода, и все, что она могла придумать, неосуществимо. Неужели ей не остается ничего другого, кроме как молча плакать, смирившись со своей участью?

Раздавшийся телефонный звонок заставил ее взять себя в руки. Девушка вытерла слезы и записала сообщение для миссис Ричвуз, а затем вернулась на кухню. Ужин на ее тарелке выглядел уже совсем неаппетитно, и она, не прикоснувшись к еде, выбросила ее в мусорное ведро.

Разволновавшись из-за письма, она совсем забыла о посылке. Возможно, следовало открыть ее прежде, чем погрузиться в чтение плохих новостей и убиваться попусту.

Внутри посылки Ремедиос нашла маленькую картонную коробочку, в которой оказался такой же маленький черный кожаный мешочек, очень потрепанный, плотно завязанный кожаным шнурком. Этот мешочек она никогда не видела раньше. Ремедиос, волнуясь, развязала его и нашла внутри четки. Она принялась рассматривать четки, и... боже! О боже! Что это? Четки состояли не из бусин, а из зубов! Крошечных желтовато-белых зубов. Ремедиос поднесла их к свету, чтобы проверить, не показалось ли ей, и в этот момент на глаза ей снова попалось письмо.

Оказывается, в самом низу письма бабушка добавила: «Эти четки принадлежали моей матери. Они сделаны из молочных зубов ее детей, внуков и правнуков, включая и тебя. Я отдала их твоей матери, а она, в свою очередь, хотела, чтобы ты получила их, когда придет время. Ты передашь их своей старшей дочери. Настало время понять, на-

сколько ты особенная, Ремедиос. Твоя семья нуждается в тебе».

Ремидиос поднесла четки к самым глазам. Ведь это все молочные зубы! Это правда, у ее матери были братья и сестры, и у бабушки тоже. Так много зубов, надежно сохраняемых от почернения. Здесь были зубы со всего рта. Некоторые из них принадлежали ее братьям и сестрам, здесь же были зубы ее матери и бабушки, но она не знала, который из них кому принадлежит. Она осматривала знакомые детали четок: бусинки, сгруппированные по несколько штук в ряд, отделенные друг от друга узелками, если считать от распятия до замочка, то: одна, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят. Всего шестьдесят. И все одинаковые. Один к одному. И тут Ремедиос обнаружила, что один зуб отличается от других. Как же она сразу не заметила?

В четках был один зуб, непохожий на остальные. Он был длиннее других. Тонкий, острый, непохожий на человеческий зуб и больше напоминающий клык животного. Или вампира.

Ремедиос стало трудно дышать, четки выскользнули из ее рук и упали, ударившись об пол.

— Глупая девчонка! — обругала она себя и нагнулась, чтобы немедленно поднять бесценный подарок своей матери.

Хвала всем святым, ни один зуб не сломался.

Она проверила их все, один за другим. Да, ни один не был сломан или поцарапан. Какая удача! И она в ужасе уставилась на длинный клык. Ремедиос осторожно тронула пальцем кончик зуба. Он был острый, как нож!

Подавленная получением письма и загадочного подарка, Ремедиос убрала четки обратно в мешочек. Она быстро загрузила посудомоечную машину, привела в порядок кухню и унесла посылку в свою комнату. Она была так расстроена всем этим, что убрала сверток в нижний ящик шкафа и запрятала его под стопку с футболками. Внезапно она почувствовала ужасную усталость. Сняв туфли, но не раздевшись, девушка опустилась на кровать и закрыла глаза, даже не заметив, что забыла выключить свет.

Ремедиос очнулась от глубокого, тревожного сна, который не могла вспомнить. Ее спальня в доме Ричвузов по-

казалась ей странной и незнакомой, в углу шевелилась тень, казалось, скрывающая... кого? Может быть, чупакабру?

Девушка села и стала напряженно всматриваться в темноту угла, прикидывая, насколько здесь безопасно, и вслушиваясь в тишину. Дом казался странно безмолвным, точно Ремедиос была в нем единственной живой душой. Из приоткрытого окна с улицы не доносилось ни звука, ни даже шороха. Шкаф и то, что было в нем спрятано, притягивал ее взгляд с невиданной силой. Когда Ремедиос поняла причину своего тревожного возбуждения, ей стало нечем дышать, сердце бешено заколотилось, а в груди похолодело.

Она поднялась с кровати и прислушалась: в прихожей царила мертвая тишина. Ремедиос босиком отправилась на кухню — привычное место, где она проводила столько времени. Девушка включила свет, и это простое повседневное действие успокоило ее.

Безотчетный страх, охвативший Ремедиос, понемногу исчезал, и она, услышав урчание в животе, поняла, что очень голодна. Она открыла холодильник, достала блюдо, на котором лежало жаркое, и взяла нож со стола. С трудом осознавая, что она делает, Ремедиос отрезала непрожаренный, сочащийся кровью кусок мяса. Она отрывала самые кровавые куски жаркого и отправляла их в рот руками, слизывая кровь с пальцев.

Ремедиос посмотрела на свои руки, покрытые темно-красными пятнами крови, и внезапно вспомнила вот что: в межсезонье, когда ночи становятся холоднее, когда она была совсем еще маленькой ребенком — вроде бы еще до рождения Эсперансы, — Ремедиос попробовала кровь на вкус!

Ее мать, ее отец, всегда выглядевший таким усталым, ее еще не поседевшая бабушка... Маленькая Ремедиос стояла рядом с ними на деревенской площади, и руки матери лежали на ее плечах. Вся площадь с церковью на одном краю была заполнена их соседями, друзьями и прочими родственниками. «Сегодня праздничный день, — сказала бабушка утром. — *Dia de los Muertos* — День мертвых и День Всех Святых, день, когда люди молятся всем святым за всех усопших». Как можно молиться всем святым, удивлялась Ремедиос, ведь их так много? Ее бабушка сказала, что день будет наполнен молитвами и месса будет долгой: падре станет

перечислять имена всех умерших, для бедняков отслужат общую мессу, а для богатых, которые могут заплатить, проведут отдельные службы.

Из церкви, которую они только что посетили, выходили толпы утомленного народа, они двигались по площади кругами, падре вел за собой молящихся, и казалось, что одни люди напевали какую-то мелодию, а другие эхом повторяли за ними слова их молитв. Острый запах курящегося ладана наполнял воздух, министранты медленно шли за священником и звонили в колокольчики, в то время как другие рассыпали освященные темно-пурпурные лепестки цветов перед процессией.

Ремедиос мусолила во рту кусочек *guaguas del pan* — маленький хлебец, который бабушка испекла на этой неделе. Он лежал в корзинке специально для *Dia de los Muertos*. Это были небольшие хлебцы в виде мужских и женских фигурок, которые символизировали усопших. У фигурки, что держала в своей руке Ремедиос, глаза были сделаны из красного сахара, губы и волосы — ярко-зеленые, а одета она была в яркое платье. Бабушка называла ее Эсперанса. Это было имя умершей сестры матери Ремедиос. В ее честь назовут позже одну из ее младших сестер. «Это имя означает „надежда"», — говорила бабушка. Ремедиос спрятала маленькую Эсперансу в карман, чтобы позже положить ее на домашний алтарь. На алтаре стояли большая статуя святой Марианиты де Хесус и очень много свечей. Там же положат цветы, которые прихожане принесут с собой с кладбища.

Ремедиос проголодалась и удивлялась, почему они не могут вернуться домой и как следует поесть густой суп *locro* и выпить горячую, бордовую, похожую на желе *colada moranda*, которую ее мать готовила только на День Всех Святых.

Праздничное шествие длилось еще не один час, взад и вперед по площади носили венки цветов, маленькие *stampas* — фигурки святых, записки с именами умерших, которых нужно было помянуть в молитве. Записки были украшены красными и желтыми цветами. Падре нес большую икону с изображением Девы Марии, два других священника несли другую икону — с ликом святой Марианиты де Хесус, которая пожертвовала своей жизнью, чтобы спасти город от землетрясений. Оба изображения были обильно украшены

блестками, морскими ракушками и цветами. Ремедиос захотелось спать, и она опустилась на жесткую землю, прислонившись к ногам своей бабушки.

А потом, когда девочка открыла глаза, было уже темно, ночь опустилась с неба, как большое темное покрывало, и в городе все замерло... Она поняла, что теперь находится на кладбище.

Здесь обитель мертвых. Огромное множество бетонных ящиков, нагроможденных один на другой. Как сказала ее мать, мертвых много, а места мало. Ремедиос продолжала сидеть на земле перед могилами своих предков, в то время как взрослые украшали надгробия красивыми белыми лилиями, клали венки из цветов на мраморные плиты с высеченными на них именами тех, кто был здесь похоронен. Воздух наполнился сладким благоуханием лилий, пришедшие на кладбище начали возносить молитвы. Ремедиос опять задремала.

«Приведите их!» — приказал падре. Внезапно стало совсем темно, только звезды продолжали светить над головами собравшихся людей. Собаки! И их так много! Откуда они здесь взялись? С трудом верилось, что кто-то из их соседей мог позволить себе содержать собаку. Эти дикие животные скитались по улицам и выпрашивали еду у людей. Как же их сюда заманили? Все дело было в объедках. Ремедиос никогда не видела, чтобы в одном месте собиралось сразу так много собак, которым к тому же дали столько еды.

Некоторые время спустя мужчины стали осматривать собак, бурно, но по-дружески обсуждая каждую из них. Которое из этих животных было самое сильное, а которое самое слабое? Кто из двух огромных псов наиболее решительный? А вот этот маленький белый щенок, который бесстрашно набрасывается на других собак и отбирает у них еду, — возможно, когда он вырастет, то превратится в доминантного самца, вожака стаи. В конце концов из всей стаи выбрали одну собаку. Это была коричневая сука средних размеров, тихая и робкая. Самая слабая, как сказала бабушка Ремедиос. «Sometet — подчинись!» — сказал собаке дядя Антонио.

Ремедиос замерла, увидев, как дядя Антонио перерезал собаке глотку от уха до уха большим ножом. Животное по-

пятилось, оскалилось и взвыло, как это бывает на охоте. Сначала собака упала на землю на передние лапы, а потом завалилась на бок. Еще до того, как она затихла, женщины бросились к ее телу и стали собирать текущую кровь в чаши. Мать Ремедиос была среди них. Каждая семья собрала столько бесценной жидкости, сколько смогла, стараясь ни капли не пролить на землю. Затем была схвачена другая собака, и ее, рычащую, выволокли вперед. Ремедиос смотрела на происходящее, на ее глаза навернулись слезы. Этот пес был силен, полон жизни. Он был не очень крупным, но его дух был неистов, и все это чувствовали.

«Выживает сильнейший», — сказал дядя Антонио, и Ремедиос пришлось наблюдать за тем, как ее дядя поит свиреного кобеля кровью убитой собаки, которая еще несколько секунд назад была членом той же стаи, что и сам пес. А потом Ремедиос увидела, как Антонио отпил глоток.

«Вот, Ремедиос, выпей это, — велела ей мать. — Оно сделает тебя сильной. Ты самая сильная из нас, ты должна выжить».

Девочка покорно приложила губы к холодной металлической чаше и отпила немного горячей густой жидкости. Так, как будто это была не кровь, а молоко.

«Слабый питает сильного, — сказала ее бабушка перед тем, как тоже выпить. — Иногда сильные избегают стада и становятся дикими, потому что, вкусив однажды крови, они уже не могут без нее. Так всегда было и будет. Сильный должен стремиться выжить, или умрут все».

Ремедиос рассматривала свои окровавленные руки. Любопытно, почему вид крови больше не вызывает у нее прежнего отвращения? Она слизала сладкий сок с пальцев и ощутила, что все ее тело наполняется энергией, как и в тот раз, когда кровь слабой собаки вдохнула силу и жизнь в каждую клеточку ее тела.

Девушка отложила жаркое и вернулась в свою спальню, к шкафу. Она осторожно вынула четки из кожаного мешочка и положила на прикроватный столик, поближе к свету.

Сколько зубов! Некоторые из них выглядели хрупкими и могли рассыпаться в пыль, стоило только грубо коснуться их. Другие были побольше, покрепче, более приспособленные к тому, чтобы захватывать, кусать и пережевывать пи-

щу. И наконец, тот самый зуб, непохожий на остальные. Жестокий зуб, созданный самой природой для выживания. Он мог защищать, оберегать либо уничтожать. Она надела четки на шею и спрятала под футболку, ощутив прохладное прикосновение зубов к своей коже. Кончик самого острого зуба поместился между грудями и слегка царапал кожу.

Ремедиос даже не нужно было задавать себе вопросы, которых она раньше старалась избегать, потому что в душе она уже знала ответ. Зуб вампира принадлежал ей. Зуб, непохожий на другие. Зуб сильнейшего. Того, кто сможет прожить и выжить вдалеке от дома. Того, кто сможет позаботиться о всей семье, сделать так, чтобы родные ни в чем не нуждались. Того, у кого хватит духу охотиться на слабого и кто сможет быть жесток для того, чтобы сохранить жизнь. Так говорила ее бабушка; и поэтому они напоили ее кровью слабой собаки. И именно поэтому мать дала ей имя Десница Господня. Ее мать была мудра: она знала, что Ремедиос была рождена для того, чтобы защитить и прокормить их семью, в этом состояло ее предназначение.

Теперь к Ремедиос вновь пришли видения о вампирах и о чупакабре, но они больше ничем ей не угрожали.

Когда небо чуть посветлело, знание, открывшееся Ремедиос благодаря семейным четкам, не исчезло. Оно становилось все крепче, а все заботы и тревоги понемногу оставляли ее, освобождая место для решительных действий.

Спящий дом до сих пор был окутан мертвой тишиной. Ремедиос, не останавливаясь, прошла мимо комнат, в которых спали Джесс и Роберт, и продолжала идти по коридору второго этажа, глядя, как ее тень скользит по стенам. Наконец она достигла спальни своих хозяев, тихо открыла дверь.

Воздух в комнате был наполнен сладким ароматом духов миссис Ричвуз. На несколько мгновений Ремедиос замерла, чтобы принять решение. От ее спящих хозяев, оказывается, было много шума. Миссис Ричвуз спала с маской на глазах, а в ушах у нее были беруши. Мистер Ричвуз растянулся на боку на краю кровати и громко храпел. Ремедиос подошла к его стороне постели. Она присела рядом с ним на кровать и потянулась, чтобы осторожно дотронуться до синей вены, выпиравшей под кожей у него на шее. На мгновение девушка перестала дышать. Ричвуз открыл глаза

и в испуге уставился на нее. Ремедиос поднесла палец к губам и тихо прошептала: «Someter — подчинись!» Веки хозяина сразу опустились, на лицо вернулось сонное выражение. Он повернул голову так, словно предлагал Ремедиос свои вены. Девушка прокусила их быстро, легко, естественно, как и любое животное, которое в какой-то момент своей жизни полюбило вкус крови.

Ремедиос сидела за кухонным столом, чувствуя себя обновленной. Она поставила свою подпись в конце письма к дяде Антонио. Она писала ему о том, что он должен использовать часть тех денег, что получает от семьи в качестве своей доли, для того, чтобы обеспечить медицинскую помощь Долорес, чье имя означает «боль». Она заверила его, что боль Долорес станет и его болью тоже, если он не выполнит просьбу Ремедиос так, как нужно. Она прекратит посылать деньги домой, пока он не сделает то, о чем она его просит. А если он откажется? Да, ее семья будет страдать, и нога Долорес продолжит сохнуть и гнить, но он, Антонио, пострадает больше всех — она лично позаботится об этом.

Ремедиос положила письмо в конверт и запечатала его вместе со своими надеждами.

В это время на кухню вошел мистер Ричвуз.

— Доброе утро, Ремедиос. Как ваши дела? — Он выглядел уставшим и смущенным.

— У меня все хорошо, мистер Ричвуз. Могу я с вами поговорить?

— Да, конечно. О чем же?

— Я прошу вас о трех вещах. Первое, я бы хотела навестить мою семью недели на две. Мне нужен билет на самолет.

Ричвуз потер шею, и его взгляд принял отсутствующее выражение.

— Это можно устроить.

— Далее, я хочу прибавку к жалованью. Я бы хотела, чтобы вы мне платили дополнительно сотню долларов каждый месяц.

В отличие от того, каким раздраженным и нахмуренным он был вчера, сегодня мистер Ричвуз благожелательно ки-

вал с мечтательным выражением лица. Он разговаривал с Ремедиос уважительно, как равный с равной, как с сильным человеком, который знает, чего хочет, и это было справедливо.

— Хорошо. Я думаю, мы можем найти для вас лишнюю сотню долларов в месяц.

— И последнее, — сказала Ремедиос. — Я бы хотела, чтобы вы открыли счет на мое имя и разместили эти деньги в банке, как вы однажды предлагали мне. Это сделает меня миллионершей через двадцать лет.

Ремедиос была несколько удивлена, увидев, что он как будто поклонился ей.

— Ну, я не могу вам обещать, что вы станете миллионершей через двадцать лет, но если вы не будете касаться этих денег, то, я обещаю, со временем вы разбогатеете. Это мудрое решение, Ремедиос. Я сегодня же зайду в банк и возьму все документы, которые нужны, чтобы вам открыли счет; мой бухгалтер поможет в этом, и вы в любое время сможете пополнять свой вклад. А когда придет время, мы инвестируем эти деньги под большие проценты. Вам нужно быть храброй, ведь придется немного рискнуть. Но кто не рискует, тот не льет шампанского! Этот мир жесток — или ты, или тебя. Выживает самый сильный.

— И самый умный, — добавила Ремедиос, мягко улыбнувшись.

Она думала о том, насколько же удобнее жить за счет сильного, а не за счет слабого.

ТИНА РАТ

Мисс Массингберд и вампир

Свой первый рассказ в жанре «темного фэнтези» Тина Рат продала в «Catholic Fireside» в 1974 году. С тех пор ее фантастические рассказы периодически публиковались в «Ghosts & Scholars», «All Hallows», «Bella» и «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». Ее произведения вошли в состав нескольких антологий, сборник Карла Эдварда Вагнера «Лучшие ужасы: XV» («The Best Horror Stories: XV»). В сотрудничестве со своим мужем Тони она создала несколько рассказов для «Royal Whudunnits» и «Shakespearean Detectives» Майка Эшли. Также вдвоем супруги руководят обществом чтения и театральных постановок.

«В процессе работы над набросками к „Вампирам в популярной литературе“ („The Vampire in Popular Fiction“), — объясняет доктор Рат, недавно получившая степень в Лондонском университете, — я пришла к заключению, что плащ вампира является невероятно универсальным костюмом: его могут носить и мужчины, и женщины; он способен скрывать и маскировать своего хозяина, но, как это ни парадоксально, он может служить и для демонстрации; под ним может прятаться монах или завсегдатай оперы; его можно свернуть и незаметно пронести в любое место, но тот, кто его надевает, мгновенно преображается.

И сам вампир, независимо от того, мужчина он или женщина, ужасный и очаровательный, владеет похожей способностью к идеальной маскировке, прекрасно одевается, обладает фантазией — то он ничем не приметная личность, то скрывается в тени, то выставляет себя на всеобщее обозрение; его пол порой невозможно определить, а безразмерный плащ подходит любой фигуре. Черный плащ, как лакмусовая бумага, определяет все наши стремления, не только страхи, но и тайные желания — сексуальной силы, свободы от ограничений своего пола, морали и всего материального мира.

И конечно, он не настоящий, так что после утоления всех своих фантазий мы сбрасываем плащ и снова становимся людьми. Нет ничего удивительного в том, что образ

вампира до сих пор обладает непреодолимой притягательностью».

О приведенном ниже рассказе «Мисс Массингберд и вампир» Рат говорит следующее: «Я написала этот рассказ только потому, что живу неподалеку от красивого, поросшего ивами церковного кладбища, через которое пролегает живописная тропинка. Это место так и просило о вампире, вот я и решила поселить его там».

Впервые мисс Массингберд услышала о вампире от пятиклассниц. Но это были самые глупые девчонки во всей школе, так что их словам она не придала никакого значения. Конечно, она не могла не прочесть небольшого наставления о том, что из школы надо быстро идти прямо домой и по дороге вести себя так, как подобает леди.

— И тогда никто вас не потревожит. Ни люди, ни вампиры, — сказала она в заключение и собрала все головки чеснока, все кресты, сделанные из сломанных линеек и скотча, каким-то образом появившиеся почти на каждой парте классной комнаты.

Надо сказать, что для самой мисс Массингберд кратчайший путь в школу и обратно проходил через кладбище при церкви святого Альфеджа. По утрам все было в порядке, но вечерами, когда она задерживалась на родительских собраниях, или на заседании школьного комитета, или на репетициях школьной труппы, она порой предпочитала более длинный путь — в обход кладбища. Впрочем, мисс Массингберд была эмансипированной женщиной и презирала суеверные страхи. «Если бы меня было легко запугать, — говорила она себе, — я бы никогда не стала старшим преподавателем английского языка самой большой школы в этом районе Лондона». И в тот ясный осенний вечер, когда ей самой повстречался вампир, она возвращалась именно кратчайшим путем. К тому же она шла не торопясь, а медленно брела, как глупейшая из ее пятиклассниц, вдыхала дымок горящей на невидимом костре листвы и наслаждалась странным чувством тоски по прошлому, которой никогда не испытывала в дру-

гое время года. Вот тогда она и увидела среди надгробий фигуру в темном плаще.

В первый момент она приняла его за викария и прошла мимо, вежливо поздоровавшись. Но незнакомец обернулся и посмотрел на нее. Это определенно был вампир — над нижней губой блеснули кончики острых клыков. Кроме того, он был высоким, темноволосым и невероятно красивым. Мисс Массингберд, едва взглянув в его лицо, влюбилась без памяти.

Это чувство настолько поразило ее — она никогда не думала, что такое бывает,— что она остановилась и замерла, глядя в темные и мрачные глаза вампира. А вампир уставился на мисс Массингберд. Трудно сказать, что могло бы произойти, если бы мимо не проехал настоящий викарий на велосипеде. Луч фонаря рубиновым светом блеснул в глазах вампира, а потом он исчез в темноте. Мисс Массингберд вздрогнула и осталась одна, как будто внезапно очнувшись от глубокого сна.

Но она не могла определить, видела ли сон или страшный кошмар.

Викарий, заметив, что она продолжает растерянно стоять в сумраке кладбища, захрустев гравием, развернул велосипед и вернулся, чтобы пригласить мисс Массингберд на чашку чая. Он был недавно назначен в этот приход, к тому же не женат, так что радовался любым гостям, а мисс Массингберд уже хорошо знал, поскольку учительница и викарий часто встречались на заседаниях комитетов. Она была слишком потрясена встречей с вампиром, чтобы отказаться, и пошла вместе с викарием в его ужасный викторианский дом, который, как могло показаться, был построен для многоженца с огромной семьей.

— Я называю его казармой! — жизнерадостно воскликнул викарий, войдя в гулкий холл. Пол был выложен плитками, составлявшими картину принесения в жертву дочери Иеффая; заметив это, мисс Массингберд поспешно отвела взгляд. — Бросайте ваше пальто на вешалку.

Он провел ее в гостиную, настолько большую, что углы потолка терялись в сумраке, который не могла рассеять единственная лампочка в шестьдесят ватт. Викарий зажег газовый камин и предложил мисс Массингберд сесть поближе к огню.

— Здесь всегда прохладно, — сообщил он. — А наверху и того хуже. Если вы не против посидеть несколько минут, я быстренько заварю нам чай.

Мисс Массингберд присела, уставившись в темный угол и удивляясь, как это она решила зайти на чай к викарию, вместо того чтобы поспешить домой и заняться проверкой тетрадей. Конечно же, из-за вампира, но она не могла его винить. Постепенно в ее мыслях возникли разрушенные башни в лунном свете, и глаза с каждой минутой разгорались все ярче, что было совершенно не свойственно школьной учительнице. Вскоре викарий вернулся с подносом и был приятно удивлен, как восхитительно она выглядит при столь скудном освещении.

— К сожалению, у меня только индийский чай, — сказал он, неожиданно пожалев, что не может предложить нечто более экзотическое. — Зато кекс очень хорош.

Мисс Массингберд оторвалась от созерцания темноты и улыбнулась викарию. Она-то полагала, что это открытая дружеская улыбка, предназначенная для заседаний комитетов. Не могла же она знать, что на ее лице вспыхнула восторженная и загадочная улыбка женщины, влюбленной в вампира. Эта улыбка застала викария врасплох. Он никогда не замечал, какого насыщенного голубого цвета ее глаза и как ярко светятся ее волосы. Он тоже улыбнулся и с трудом удержался от нелепого порыва прикоснуться пальцем к мелким завиткам на ее шее, выбившимся из строгого французского пучка на затылке. Вместо этого он постарался переключить внимание на кекс.

Он попытался завести вежливый разговор о работе их комитета и спросил ее мнение о рождественском базаре, но мисс Массингберд с улыбкой Моны Лизы только молча крошила кекс на своей тарелке. Красноречия викария хватило ненадолго, и вскоре его монолог на общепринятые темы начал иссякать. В конце концов он обвиняющим тоном произнес:

— Вы почти не едите кекс.

Мисс Массингберд пробормотала, что не голодна, и викарий, как воспитанный хозяин, поднялся, чтобы убрать ее тарелку. Мисс Массингберд в этот момент вернулась к своей истинной роли в обществе и тоже встала, опять улыб-

нувшись викарию, а тот, утонув в ее голубых глазах, поцеловал гостью.

И мисс Массингберд, уже войдя во вкус, снова влюбилась.

Они с викарием, безусловно, поженились. Ужасный и пустынный дом викария они превратили в приют для бездомных семей. Заботы о приюте, а также работа с подростками и младшими девочками-скаутами и остальные обязанности в приходе не оставляли им ни одной свободной минутки на праздные размышления.

Только иногда, длинными весенними зелеными сумерками или в блеске огненной осени, мисс Массингберд ненадолго выходила прогуляться по кладбищу. Она возвращалась удивительно посвежевшей, но чуточку бледной и, прежде чем идти в подростковый клуб, или к девочкам-скаутам, или на заседание приходского совета, повязывала на шею шелковый шарф. А ее муж тихонько вздыхал и напоминал ей, чтобы она не забыла выпить укрепляющий раствор железа.

ФРЕДА УОРРИНГТОН

Порочные узы

После первого произведения «Дрозд в серебре» («A Blackbird in Silver»), вышедшего в свет в 1986 году, Фреда Уоррингтон создала шестнадцать повестей, имеющих отношение к вампирам и прочим сверхъестественным существам. Ее серия о вампирах «Вкус крови» («A Taste of Blood»), «Танец в кровавом бархате» («A Dance in Blood Velvet») и «Темная кровь маков» («The Dark Blood of Poppies») была опубликована британским издательством «Macmillan» и пользовалась огромным успехом, а в США вышла в свет в издательстве Мейши Мерлина. Роман «Дракула Немертвый» («Dracula the Undead»), написанный в 1997 году, принес автору награду за лучшую готическую повесть для детей, учрежденную Обществом Дракулы.

Не так давно Уоррингтон закончила работу над трилогией «Сокровище» («The Jewelry Trilogy») для издательства Симона и Шустера «Earthlight». В трилогию вошли повесть «Янтарная цитадель» («The Amber Citadel»), номинированная на Британскую премию фэнтези, а также «Сапфировый трон» («The Sapphire Throne») и «Обсидиановая башня» («The Obsidian Tower»).

«Мне нравятся парадоксы прозы о вампирах, — признается Уоррингтон. — В них воплощены наши страхи перед небытием или (о ужас!) встающими из могил мертвецами. И все же нельзя не признаться, что нас привлекают их вечная молодость, власть над окружающими и не скованная комплексами чувственность. Образ вампира сулит безграничные возможности. Долой картонных героев, вперед за картонными чудовищами! Герои „Вкуса крови" и последующих продолжений — Карл, Карлотта, Виолетта и их друзья — увлекали меня в таинственные темные лабиринты, исследовали темы любви, страданий, ревности, психологии, философии, религии, секса... Я могу продолжать до бесконечности.

„Порочные узы" появились на свет после того, как французский издатель Леа Силхол попросила меня написать рассказ для ее антологии „De Sang et d'Encre". Она особенно подчеркнула, что предпочитает видеть героями своих лю-

бимых персонажей Карла и Карлотту. Идея рассказа отчетливо вырисовывалась в моей голове до тех пор, пока я не прикоснулась пером к бумаге — и вместо отработанного замысла получилось нечто совсем другое! Я не знаю, откуда взялся Антуан, но, полагаю, он бы улыбнулся, прочитав цитату из произведения Сюзанны Эртц, записанную мной в настольном ежедневнике вскоре после того, как я закончила его историю: „Миллионы людей, мечтающих о бессмертии, не знают, чем себя занять в дождливый воскресный день..."».

Я иду по узкой тропинке над бездной. Только эта серебристая ниточка удерживает меня от тысячи футов непроницаемой тьмы, но я все равно не испытываю страха. Я, словно кот, ношусь по крышам Лондона, я лежу плашмя на крыше вагона, пока поезд с ревом мчится по темному тоннелю. Я карабкаюсь по металлической решетке Эйфелевой башни и танцую на перилах ее самой высокой точки, играя с силами притяжения. Но все это так скучно.

Скучно, потому что это мне по силам.

В проворстве и равновесии я могу соперничать с птицами. Я никогда не падаю, пока по собственной воле не устремляюсь к земле. Тогда я могу переломать себе все кости, но мои кости быстро срастаются. Это не трудно. Это не убьет меня. Все эти дикие выходки надоели мне, в них нет ничего нового, они не вызывают волнения в моей душе.

Чем же еще заняться вампиру?

Я встретил его в ночном клубе. Он мог бы быть моим близнецом: задумчивый парень с приятным худощавым лицом, с темными волосами, глазами, глядящими сквозь падающую челку, похожими на два печальных темных озера. Каким одиноким он кажется, когда сидит вот так, совершенно равнодушный к окружающей толпе, к сверкающим женщинам. Он сутулится над стаканом виски, время от времени поднимает длинную худую руку ко рту и затягивается сигаретой. Высасывает последнюю порцию ее горячего яда.

— Могу я к тебе присоединиться? — спрашиваю я.

— Если хочешь.

У него скучающий голос и протяжный выговор представителя высших классов. Мне это нравится.

— Здесь нет свободных столиков.— В подтверждение своих слов я обвожу рукой переполненный зал и желтую сцену, затянутую клубами сигаретного дыма.— Меня зовут Антуан Матисс.

— Руперт Виндхем-Хейз. — Он равнодушно пожимает мою руку. Его сигарета догорела, и я предлагаю ему другую — тонкую французскую сигарету из серебряного портсигара. Он берет. Я подношу ему зажигалку — такой дружеский жест,— и он откидывается на спинку стула, с мрачным наслаждением выпускает струйку дыма.— Как я понимаю, ты прямиком из Парижа? Первый визит?

— Я бывал здесь и прежде,— отвечаю я.— Лондон всегда притягивает меня.

Он едва заметно усмехается:

— А я бы предпочел оказаться в Париже. Забавно, нам всегда хочется того, чего мы не имеем.

— И что же мешает тебе отправиться в Париж, Руперт?

Я смотрю ему в глаза. Кажется, он даже не замечает, что я не курю. Он видит во мне нечто особенное, чувствует родственную душу, человека, который способен его понять.

Он подзывает официанта и заказывает выпивку, хотя я уже вылил ему содержимое своего стакана, пока он не смотрел. Спустя некоторое время его история проясняется. Его семья живет в Лондоне. Отец — гордый, богатый и важный. Мать давно умерла. Руперт — единственный сын, единственный ребенок, несущий на плечах непосильный груз надежд и ожиданий. Но он во всем разочаровывает отца.

— Чего бы он ни хотел, я не мог выполнить. Я должен был стать ученым, офицером, членом кабинета министров. Достойным своего отца. Мог жениться на дочери какого-нибудь графа. Таким он видел мое будущее. Но я подвел его. Я старался, но ничего не вышло; Бог свидетель, я очень старался! В конце концов во мне что-то сломалось, и я отказался плясать под его дудку. Теперь он меня ненавидит. Потому что на самом деле я художник. Это единственное, чем я хочу и могу заниматься,— рисовать!

Он глубоко затягивается сигаретой. Глаза вспыхивают от обиды.

— Разве отец не гордится твоим талантом?

— Гордится? — бросает он. — Он презирает меня за это. Он говорит, что я кончу жизнь в канаве.

— Почему ты не уйдешь от него? — Я говорю тихо и больше обращаю внимание на движения его мягкого горла, чем на слова. — Поселись на Монмартре, стань художником, докажи, что твой старик неправ.

— Не так-то просто. Эта девушка, Мэг...

— Забери ее с собой.

— В том-то и дело. Я не могу. Она дочь садовника, и отец взял ее в горничные. Понимаешь? Мало того что я не оправдал его ожиданий, так еще и влюбился в обычную служанку. И теперь старик заявляет, что, если я с ней не порву, если я не образумлюсь, он лишит меня наследства! И Мэг отказывается меня видеть. Говорит, что боится моего отца. Будь он проклят!

Я не так давно стал вампиром и еще помню, какой непреодолимой кажется подобная дилемма для обычных людей.

— Это ужасно.

— Старый мстительный боров! Я потеряю ее и останусь нищим! Я не могу с этим смириться.

— Что же ты собираешься делать, Руперт?

Он уставился в свой стакан. Как он привлекателен в своем отчаянии.

— Я хочу, чтобы этот ублюдок завтра же умер. Это решило бы все мои проблемы. Мне хочется его убить!

— А ты сможешь?

Он вздыхает:

— Если бы я был смелее. Но нет...

Тогда я улыбаюсь. Я кладу свои пальцы на его руку, но он выпил слишком много виски, чтобы заметить, как холодны их кончики. Я придумал кое-что поинтереснее, чем просто выманить его на улицу и выпить из него кровь.

— Я сделаю это для тебя.

— Что?

Его глаза стали огромными.

Должен сказать, что я беден. Так противно обыскивать карманы жертв, словно обычный воришка. Но иногда я все же это делаю, хотя, как правило, не получаю большого вознаграждения. Было бы непростительно пройти мимо

богатства, позволяющего вести достойный вампира образ жизни.

— Пообещай мне часть своего наследства, и я убью его. Никто тебя не заподозрит. Все решат, что смерть наступила от естественных причин.

Он почти перестает дышать. Руки трясутся. Догадывается ли он, кто я такой? И да, и нет. Стоит только заглянуть в наши глаза, как завеса в вашем мозгу рассеивается и вы попадаете в сон, где все возможно.

— Господи, — повторяет он снова и снова. — Господи. — А потом в его глазах вспыхивает неудержимый огонь. — Да. Поторопись, Антуан, пока он не изменил завещание. Сделай это!

Я стою в парке и смотрю на дом.

Здание огромное, но уродливое. Унылый квадратный дом построен из коричневато-серого камня, испещренного шрамами непогоды. Полукруг гравийной дорожки упирается в растрескавшиеся ступени галереи. Никаких клумб, которые могли бы смягчить суровость стен, только чахлые кусты. Дом еще крепкий, но за долгие годы в него не вложили ни любви, ни фантазии, ни денег.

В осенних сумерках я пересекаю лужайку и захожу с обратной стороны. Сад тоже выглядит строго официально, на плоской травяпистой лужайке, словно солдаты, стоят подстриженные деревья. Мрачное очарование ландшафту придают ореховые деревья, вязы и бук. Пожелтевшие листья усыпали землю. Садовник собрал их в кучи, и я вдыхаю английский аромат костра и сырой травы.

Где-то за окнами этого дома, как крыса в норе, сидит отец, Даниэль Виндхем-Хейз.

Становится темно. На вершинах деревьев рассаживаются грачи. Я не спешу, наслаждаясь приятным предвкушением, и вот из голубоватой темноты появляется фигура в длинном черном пальто и направляется ко мне.

— Антуан, что ты здесь делаешь?

Это еще один вампир. Карл. Возможно, он вам знаком, но если нет, я расскажу. Карл намного старше меня и уверен, что все на свете знает. Представьте себе лицо ангела, испытывающего блаженство и свою вину в падении, но продол-

жающего падать, несмотря ни на какие кары. У него янтарные глаза, пожирающие вас. Я всегда восхищался его волосами цвета бургундского вина — в тени они кажутся черными, а на свету приобретают красный оттенок. Таков Карл. Он словно неумолимый призрак, всегда предостерегающий меня от ошибок, которые совершил сам.

— Я размышляю над тем, как этот дом и сад отражают душу своего хозяина, — уклончиво отвечаю я. — Интересно, изменится ли что-либо после его смерти?

— Не старайся, — говорит Карл, покачивая головой. — Если ты начнешь присматриваться к людям и стараться их понять, тебе грозит безумие.

— Разве тебе не безразлично, если я сойду с ума?

Он кладет руку мне на плечо; несмотря на то что меня всегда тянуло к нему, я слишком взвинчен, чтобы откликнуться.

— Ты еще очень молод, а когда поймешь, может стать слишком поздно. Не связывайся с людьми. Держись от них подальше.

— Почему?

— Иначе они разобьют тебе сердце, — отвечает Карл.

Эти старики уверены, что им все известно, но каждый говорит по-своему. Их невозможно слушать. Их нельзя поощрять, иначе нравоучения никогда не закончатся.

Мы стоим, словно пара воронов посреди лужайки. Потом я делаю шаг назад, обхожу вокруг него и, уже направляясь к дому, легко оборачиваюсь.

— Иди к черту, Карл. Я буду делать то, что хочу.

И вот я в доме. По длинным коридорам гуляют сквозняки, стены не мешало бы заново покрасить. Но здесь висят картины старых мастеров, и я с волнением прикасаюсь пальцем к золоченым рамам. Забавно, Даниэль вкладывает деньги в эти мрачные масляные картины из-за их стоимости, но работы своего сына ни во что не ставит.

Следуя инструкциям Руперта, я нахожу белую сплошную дверь спальни и ступаю внутрь.

Отец выглядит совсем не так, как я ожидал.

Я останавливаюсь возле кровати и хорошенько рассматриваю его. Одной рукой отвожу полотнище балдахина. Я не-

подвижен, как змея перед прыжком. Если Даниэль проснется, он может решить, что кто-то сыграл с ним дурную шутку — поставил возле кровати восковой манекен с горящими глазами, чтобы его испугать. Но он спит, один в этой аскетически пустынной комнате. Рдеющие угли в камине отбрасывают на стены демонические блики. Как и во всем доме, здесь чисто, но все обветшало. Даниэль не транжирит свое богатство. Вероятно, он считает, что, лишив сына наследства, сможет забрать его с собой.

Почему *я* решил, что он стар? Руперту всего двадцать три, значит, его отцу не больше пятидесяти, а может, и того меньше. А он красив. У него выразительное лицо, как у хорошего актера, густые каштановые с проседью волосы, откинутые с высокого лба назад. На покрывале выделяются мускулистые руки с длинными прямыми пальцами. Даже во сне его лицо выглядит умным и сосредоточенным. Я стою рядом и восхищаюсь его орлиным носом и длинными полукружьями век, вокруг которых наметилась сеточка тонких морщинок.

Его нелегко будет убить. Я-то ожидал увидеть немощного старика в ночном колпаке, а не могучего льва, полного силы и крови.

Я склоняюсь над кроватью. Рот наполняется слюной. Я притрагиваюсь кончиком языка к его шее, ощущаю солоноватый привкус кожи и слабый запах пены для бритья, такой мужественный аромат... Я весь дрожу от нетерпения, крепко прижимаю его к постели обеими руками и прокусываю кожу.

Он просыпается и ревет от боли.

Я пытаюсь заткнуть ему рот своей рукой, и он впивается в нее зубами! Его клыки вонзаются в мышечную ткань, но мне все равно, я не чувствую боли, все ощущения сметены экстазом поглощения крови. Так мы лежим в кровати, кусаем друг друга, и его тело извивается подо мной.

Вдруг кто-то тихонько стучит в дверь.

Мы оба замираем, словно любовники, застигнутые в самый кульминационный момент. Я перестаю пить, медленно вытаскиваю клыки из раны. Даниэль только хрипло вздыхает, хотя боль, должно быть, мучительная. Мы едва успеваем посмотреть друг на друга, как дверь открывается и на пороге появляется призрак.

Это женщина. На ней плотная белая ночная рубашка, в руках горящая свеча, и огонек отражается в ее глазах.

— Даниэль? — шепчет она. — Уже полночь...

По ее поведению нельзя сказать, чтобы она пришла на его крик. Я не думаю, чтобы она вообще его слышала. Нет, она пришла тихонько, как вор, и я понимаю, что это свидание. Полог над кроватью почти целиком скрывает меня, и я успеваю ее рассмотреть, пока женщина меня не заметила.

Она хорошенькая. На белой сорочке хорошо видны распущенные темно-каштановые волосы. Какой цвет! Искры бронзы на красноватом фоне. И восхитительное личико. Темные глаза и брови, красный бутончик округленного от удивления рта.

Она направляется к кровати.

— Мэг, не надо! — хрипит Даниэль, и она вдруг видит нас обоих, видит кровь на его шее и моих губах.

Свеча падает на ковер, ее руки взлетают к щекам. Женщина пятится к двери и начинает кричать:

— О нет, господи! Помогите! Убивают!

Придется ее остановить. Я спрыгиваю с кровати и, не дав ей сделать и пары шагов, прижимаю к двери. Я в бешенстве. Я должен ею овладеть, и уже не могу остановиться. Во рту еще остался вкус его крови, но я припадаю к ее шее и чувствую на языке кровь Мэг, насыщенную, алую, солоноватую...

Ее голова запрокидывается, тело безвольно льнет ко мне. Ощущение настолько восхитительное, что я пью медленнее, и вот уже все ее тело прижимается ко мне, я слышу, как стучит ее сердце, чувствую ее дыхание в беспомощных криках.

Почему-то мне не хочется ее убивать. Мои клыки медленно выскальзывают из ранок, но я еще держу ее, ощущаю ее бессильный вздох. У меня нет ни сил, ни желания прикончить ее. Нет, она нравится мне живой. Мне нравится теплая тяжесть ее тела, повисшего на моих руках, нравятся ее волосы, прилипшие к окровавленным губам.

Так мы стоим несколько минут. Потом я чувствую, как Даниэль прикасается к моему плечу. Он все-таки выбрался из кровати.

— Кто ты? — шепчет он.

Его большая рука скользит по моему плечу, спине, пояснице. Потом протискивается между мной и женщиной и останавливается на ребрах, я даже ощущаю ее тепло. Он прислоняется к моей спине. Мы все трое стоим, прижавшись друг к другу.

Что ж, это приятно.

Она нашла меня, когда я снова вышел в сад. Я хожу взад и вперед по траве под холодными окнами дома, а сверху смотрит луна, и вдруг появляется Карлотта. Она выходит из тени живой изгороди и направляется ко мне.

— Нелегко уйти, правда? — говорит она, притрагиваясь к моему запястью своей холодной рукой. — Они что, похожи на твою семью?

— Нет, просто интересно. — говорю я. — Сын, Руперт, влюблен в хорошенькую горничную, Мэг. Как же я могу ему сказать, что Мэг периодически навещает спальню его отца? Ничего удивительного, что Даниэль запретил Руперту и думать о ней.

Карлотта разражается негромким чувственным смехом.

— Ах, Антуан, разве Карл не предупреждал тебя, что нельзя даже спрашивать их имен, нельзя вникать в их жизнь? Ты все знаешь и все же не в силах остановиться. Знаешь, это и мой грех тоже.

Как бы не так, Карлотта. Она любовница Карла и явилась только ради того, чтобы убедиться в тщетности его советов. Не вникать в жизнь людей, так он мне говорил? Лицемер. Он же сам овладел Карлоттой, когда та еще была человеком, он не смог остановиться, а потом не смог оставить ее одну. И кто стал бы его за это винить? В ней есть что-то от Снежной королевы и одновременно от английской розы. Это великолепная кукла из фарфора и золота, с сердцем, полным тьмы. Ее можно сравнить с принцессой, убежавшей вслед за цыганами, разодетой в золотистый шелк и кружева. Но если сравнить, кто из них опаснее, кто в большей степени соответствует облику вампира, это, безусловно, Карлотта.

Это соблазнительница. И смертельно опасна. Жертва никогда не видит Карла; он стремительно нападает и уходит, прежде чем вы успеете понять, что происходит. Никаких

обещаний, никаких объяснений. А Карлотта обольщает издали, приносит цветы, убегает и снова возвращается, пока вы не начинаете сходить с ума от любви к ней, пока не забываете обо всем на свете. А потом эта леди-гадюка бросается на вас, убивает и окропляет обескровленное тело своими слезами.

Как вы понимаете, я не стал ее жертвой. Но с искренним восхищением наблюдал за ее действиями.

— Как же это может быть грехом? — немного раздраженно спрашиваю я.

— Люди ведь бывают порой такими очаровательными, не правда ли? Ты не можешь довольствоваться только одним вкусом. Ты не такой, как Карл, — он наносит удар и никогда не оглядывается. Ты похож на меня, Антуан. Тебе нравится играть с ними, узнавать их, любить. Но стоит ли это удовольствие страданий? Я до сих пор не знаю. Приходится проделывать это снова и снова, надеясь, что в следующий раз все будет иначе.

— Для меня это всего лишь игра. Они меня ничуть не интересуют. Я делаю свое дело ради денег.

— Вот как? — восклицает она.— Тогда почему ты до сих пор не убил их? Почему ты все еще здесь?

Карлотта поднимается на цыпочки, прижимается своим розовым ротиком к моим губам и исчезает, оставив после себя мимолетный шорох шелка и аромат сирени.

Позади живой изгороди я обнаруживаю огород, где отец Мэг любовно выращивает овощи к общему столу. А, теперь понятно. Это человек, презирающий цветы и красоту, он предпочитает прозаичные овощи и зелень — совсем как его хозяин. Воздух здесь густо насыщен испарениями гниющих побегов брюссельской капусты, запахом свежевскопанной земли и компоста. Сквозь прорехи в живой изгороди я вижу холодный блеск стеклянной теплицы и между кухней и спальнями слуг — манящий прямоугольник кухонной двери.

Как только Руперт узнает, что я не убил его отца, он взрывается от ярости, словно вулкан.

Мы встречаемся под вязами. Среди голых ветвей над нашими головами кричат и перелетают с места на место грачи.

— Ты лжец! — кричит Руперт. — Ты предатель!

Он налетает на меня и молотит руками по воздуху, как ветряная мельница. Но я легко сдерживаю его натиск. В драке от Руперта никакого толка, как, впрочем, и во всем остальном. Возможно, он ничего не стоит и как художник, ему просто нравится размышлять о своих страданиях и непонимании окружающих.

— Почему ты не прикончил старого дьявола? Ты только ранил его!

— Мне помешали.

— Что это значит — помешали?

И я рассказываю ему. Руперт злится еще больше. Он стремительно расхаживает взад и вперед, пинает деревья и плачет. Наконец он поворачивается ко мне, словно в приступе смертельной болезни. Его лицо становится бледным и хрупким, как кожица гриба.

— Это катастрофа! — восклицает он. — Если Мэг — любовница моего отца, мне незачем больше жить. У них родится ребенок, а у меня не будет ни наследства, ни дома, ни жены!

Он бросается ко мне, хватает за лацканы пальто. Я не без удовольствия наблюдаю за ним.

— Убей меня, — молит он, и из его прекрасных затуманенных глаз текут слезы. — Убей меня вместо него.

С радостью.

Только я могу это сделать.

Я прижимаю Руперта к своей груди; мы одного роста с ним, и на мгновение наши взгляды встречаются, а потом я опускаю голову к его горлу. Он напряжен и жаждет забвения. Но происходит неизбежное. Он расслабляется в моих руках, обхватывает голову. Он вздыхает. И забывает, из-за чего так разозлился.

Мы связаны в единое целое, его кровь плавно перетекает мне в рот, его плоть крепко прижата к моему телу. И вот тогда я влюбляюсь в него.

Я уже насытился и перестаю высасывать из него кровь. Я хочу удержать его возле себя. Но я выпил не так много крови, чтобы его убить, и Руперт понимает это.

— Ты мерзавец, — произносит он ослабевшим голосом. — Ты опять мне солгал.

Он теряет сознание. Я отпускаю его. Оставляю его лежать на корнях дерева, где он упал, а сам убегаю.

Но я ухожу не далеко. На полпути к выходу стоят старинная беседка, увитая розами, неработающий фонтан и несколько замшелых статуй. Там я в нерешительности останавливаюсь. Моя голова полна мыслей о Руперте, Мэг и Даниэле. Меня тянет к ним. И я испытываю страдания.

Появление Карла пугает меня. Я не смотрю, куда иду, и не замечаю его в тени розовой шпалеры. Я едва не натыкаюсь на него. Он похож на ожившую статую с горящими глазами. Будь я человеком, я, наверное, умер бы от страха. Оказывается, он все еще ходит за мной, следит, предостерегает — могу поклясться, он делает это просто от скуки.

— Ты собираешься оставить его? — Он хватает меня за руки и вынуждает смотреть ему в лицо. — Антуан, у тебя есть выбор. Возвращайся и прикончи их всех или уходи немедленно и никогда не возвращайся. Прими решение, или ты уничтожишь себя!

— Почему ты не оставишь меня в покое! — ворчу я и высвобождаю руки.

— Оставлю, — холодно бросает он. — Но я видел слишком многих, похожих на тебя, кто пренебрегал собственным существованием из-за одержимости смертными. Я даже видел, как они убивали себя.

— Убивали себя?

Эта идея шокирует меня. Немыслимо. Какой смысл добиваться бессмертия, чтобы потом отказаться от него?

— Как только я смогу убедиться, что ты все понимаешь, я оставлю тебя и твои глупости.

Я смеюсь.

— Карл, неужели ты не понимаешь? Ты предлагаешь нам такое скучное существование. Да, я испытал все, чем грешат новоиспеченные вампиры, в надежде, что это утолит их тоску. На какое-то время это действительно помогает. Я взбирался на горные вершины, где из-за холода и недостатка кислорода не выжил бы ни один человек. Я погружался в пучину океана. Я, словно птица, летел вниз с Эйфелевой башни и отделался сломанным запястьем.

— И все это не доставляло тебе удовольствия?

— Дело в том, что все эти трюки удаются нам слишком легко, так что нет смысла их проделывать. Это не испытания. — Мой голос охрип, мне противно, что я так разгорячился и разоткровенничался с Карлом, но так уж вышло. — Нам доступно лишь немногое — единственное испытание — страстью. И этот шанс, — я показываю мимо деревьев на серо-коричневый дом, — остался там.

— Я не согласен, — говорит Карл, но глаза выдают его.

— Друг мой, если ты не согласен, почему так опекаешь меня? Какая может быть в подлунном мире причина кроме той, что ты сам надеешься ощутить некоторое волнение?

Карл не может найти ответа. А я, довольный, что заставил его хоть ненадолго умолкнуть, возвращаюсь назад.

Я опять подхожу к дому. Словно мотылек на огонь. Конечно.

Я стою под окнами гостиной, а они сидят внутри, в свете камина и газовых ламп. Картина в коричневых тонах с небольшими вкраплениями зеленого, красного и золотого цветов. К моему немалому удивлению, Руперт и его отец сидят в креслах по обе стороны от камина. Они не разговаривают, но — господи! — *они находятся в одной комнате! Они пьют* бренди, и янтарная жидкость сверкает в лучах пламени камина.

Мэг примостилась на диване и что-то шьет. На ней простая юбка и шерстяная кофта, а не форма горничной, как можно было ожидать. Заколотые на затылке волосы живописно растрепаны. Все слушают музыку, звучащую из радиоприемника — такого большого ящика, издающего слабые, металлические и резкие звуки. Но картина далека от обычной домашней сцены.

Все трое ужасно напряжены. Я чувствую это даже через стекло.

Они ждут меня, думают обо мне. Я ощущаю пыл их надежды и нетерпения. Ради меня они готовы забыть свои ссоры, забыть свои взаимоотношения. Все ради того, чтобы ощутить на шее мои губы, мои клыки, погружающие их... в блаженство. И я хочу войти к ним. Хочу ощутить на себе их руки, их тела, прижатые к моему телу, их гениталии, напряженные и раскрывающиеся подобно экзотическим цве-

там. Хочу ощутить, как их кровь вливается в меня. Да, их кровь...

Женщина уколола иглой палец. Я вижу, как на ее коже набухает бусинка крови. Потом ее губы накрывают алый шарик, и непреодолимое желание уже причиняет мне боль.

Моя рука тянется к окну...

Мэг, не отрывая влажных губ от пальца, поднимает голову и видит меня. Я хватаю перекладину оконной рамы и резким толчком поднимаю вверх. Тепло из комнаты окутывает меня, и слышится ее возглас: «Он здесь!»

Мужчины вскакивают с кресел. Лица освещаются восторгом, глаза горят, рты приоткрыты. Все трое устремляются к окну, а мне не терпится погладить их волосы, почувствовать через одежду тепло их тел, прикоснуться языком к коже. Задумчивый Руперт, мощный Даниэль и чувственная Мэг. Три золотых фигуры в обрамлении пламени.

— Вот и ты, — шепчут они. — Входи, Антуан, иди к нам.

Я протягиваю руку, и они тянутся ко мне, кончики наших пальцев встречаются...

Из-за моей спины кто-то резко опускает раму и хватает меня за руку.

— Они завладеют тобой, — шепчет мне в ухо Карлотта. — Они станут твоими рабами, а ты станешь их рабом.

Да, если бы это Карл захлопнул окно, я пришел бы в ярость. Но я никогда не мог злиться на Карлотту, по крайней мере долго. В одно мгновение ко мне возвращаются невозмутимость и ирония.

— Звучит привлекательно, — говорю я.

Лица, прижатые к холодному стеклу, вглядываются в сумерки. Карлотта тянет меня назад, чтобы нас не было видно. Я покоряюсь, и мы уходим вдоль задней стены дома, а грязь и опавшие листья липнут к обуви. Пахнет кладбищем. Я ищу другой вход в дом. Я чувствую себя призраком, который скребется в окна и поворачивает дверные ручки.

Тропинка снова приводит нас к огороду. В сумерках видно, как грачи бродят по грядкам в поисках деликатесов, оставленных на поверхности земли лопатой Мэг после осенней перекопки. Узнает ли он, чем занимается его дочь вместе с Даниэлем и Рупертом? Захочет ли к нам присоединиться? От старика, вероятно, пахнет по́том и землей, он вызывает из почвы

зеленые ростки жизни... Хотелось бы попробовать, каков он на вкус.

— Если ты войдешь, они тебя уже не выпустят, — говорит Карлотта. — Ты никогда не сможешь уйти.

Я привлекаю ее к себе и целую в шею.

— Мне не захочется уходить. Я люблю их. А тебе самой нравится такая идея.

Она смеется.

— Разве я не права, Антуан? Да, это вызывает волнение. Это восхитительно. Хочешь, я скажу, почему Карл так холоден? Не потому, что отличается от нас. Нет, он точно такой же, он не может отказаться от людей. Только ненавидит последствия. А я бросаюсь вперед без оглядки. Не могу удержаться, всегда думаю, что на этот раз все будет по-другому. Но Карл... он реалист.

И Карл тоже здесь. Он появляется словно из воздуха. Он поджидает нас, потом занимает место с другой стороны от меня, нежно касается моей руки. Они ведут меня прочь от дома, по травянистой тропинке к живой изгороди в дальнем конце огорода, потом мимо облетевших деревьев, дальше, к спасению. Каждый шаг причиняет мучительную боль.

— Все дело в цене, которую придется заплатить, — говорит мне Карл. — Ты можешь сказать им «да» и позволить себе пасть; но ты не сможешь удержать и сохранить их. Они умирают, Антуан. Чем сильнее ты их любишь, тем вернее убиваешь.

— И не думай, что их смерть не причинит тебе горя, — продолжает Карлотта. — Не воображай, что сможешь вырвать эту боль из своего сердца.

— Но если я...

Мой голос едва слышен.

Карлотта знает, о чем я подумал.

— Да, ты мог бы превратить их в вампиров, — жестко говорит она. — Если затратить массу сил и энергии, это возможно. Но все изменится. Ты останешься с тремя хладнокровными хищниками, они будут соперничать с тобой, возмущаться, возможно, возненавидят тебя. А от твоих горячих, податливых, полнокровных возлюбленных не останется и следа.

— Поэтому беги, — настаивает Карл. — Беги от них немедленно!

Мы добираемся до прохода в живой изгороди. Я в отчаянии останавливаюсь, горестно поднимаю руки. Полы пальто хлопают на ветру и вспугивают десяток грачей. Но один остается. Он неловко прыгает по траве, волоча сломанное крыло. Он не в силах покинуть землю.

Я вырываюсь из рук Карла и Карлотты. Бегом возвращаюсь к дому и, тяжело дыша, останавливаюсь снаружи.

Мои возлюбленные все еще там, ждут меня. Я слышу, как их кровь стучит в сердцах, вижу, как они в предвкушении облизывают губы. Стоит мне повернуть назад, и они навсегда останутся в этом состоянии: будут ждать, будут страдать, их страсть превратится в мучительную агонию, но они будут живы.

Что ж, надо попробовать, что такое печаль, решаю я.

Я нажимаю пальцами на холодное стекло кухонной двери и вхожу в дом.

НЭНСИ А. КОЛЛИНЗ

Вампир-повелитель для цыпочек-готов

Из дневника Сони Блю

В настоящее время Нэнси А. Коллинз проживает в городе Атланта, штат Джорджия. Ее перу принадлежат несколько повестей и множество рассказов, кроме того, в течение двух лет она писала сценарии для сериала «Swamp Thing» студии «DC Comic». Ее произведения «Темные очки после наступления темноты» («Sunglasses After Dark»), «Бегущий волк» («Walking Wolf»), «Линч. Готический вестерн» («Lynch: A Gothic Western») и сборник из тринадцати рассказов «Авеню X и другие темные истории» («Avenue X and Other Dark Stories»), составленный самим автором, чтобы продемонстрировать разносторонние литературные таланты, принесли ей награды: премию Брэма Стокера, «Икарус» Британского общества фантастики и другие. К последним ее произведениям относятся «Фаланги и истории» («Knuckles & Tales»), неготический сборник с иллюстрациями Стефена Р. Биссетта и «Мертвые розы для Синей Леди» («Dead Roses for a Blue Lady») — серия фантастических рассказов о Соне Блю. Вампирша Соня Блю является также героиней пятой, заключительной серии новелл «Самое темное сердце» («Darkest Heart»).

«Рассказ „Вампир-повелитель для цыпочек-готов" первоначально задумывался как первый комический вариант приключений Сони Блю, — объясняет Коллинз. — Под названием „The Real Thing" эта рукопись еще в 1995 году была отобрана Джо Лансдейлом для „Weird Business", увесистого сборника комиксов в твердом переплете издательства Mojo Press, в составлении которого он принимал участие.

Хотя я не проявляю большого интереса к уже опубликованным произведениям, эта вещица мне всегда нравилась, и через пару лет я попыталась переложить ее в прозу — так появился первый рассказ о Соне Блю. Переложение ко-

микса в литературный рассказ не доставило больших трудностей, поскольку первоначальный сюжет был проработан до мельчайших деталей».

«Красный ворон» — настоящая грязная дыра. Единственное, что выдает в нем бар, это реклама бутылки «Олд Кроу» в витринном окне да мигающая неоновая вывеска «Бар-салон». Туалеты здесь постоянно засоряются, и все давно пропахло мочой.

В течение недели это обычная дешевая забегаловка для водителей грузовиков и живущих по соседству любителей выпивки. Искать здесь Чарльза Буковски[1] было бы напрасной тратой времени. Но, поскольку напитки здесь стоят недорого, а бармен никогда не спрашивает удостоверений личности, в пятницу бар преображается, посетители становятся моложе и необычнее, по крайней мере внешне. Обычных завсегдатаев тесных кабинок и любителей табуретов у стойки «Красного ворона» сменяют молодые парни и девчонки в черной коже и с таким количеством пирсинга, что они напоминают ходячие наборы слесарных инструментов. Но Буковски среди них все равно нет.

Этот пятничный вечер ничем не отличается от остальных. К тому времени, когда я приезжаю, на обочине уже толпится кучка подростков-готов — в руках пластиковые одноразовые стаканчики с теплым, как моча, пивом, нескончаемые разговоры. На фоне всех этих дурацких причесок, изобилия черной краски вокруг глаз, мертвенно-бледных от пудры лиц и черной губной помады на меня никто не обращает внимания.

Обычно я не заглядываю в подобные места, но до меня дошли слухи, что в «Красном вороне» собираются последователи кровавого культа, и я решила проверить их лично. В большинстве случаев такие сведения оказываются пустой болтовней, но порой за городскими байками скрывается нечто зловещее.

---

[1] *Буковски Чарльз* (1920–1994) — американский писатель, работал в жанре гиперреализма.

Внутри «Красного ворона» тоже полно молодежи, и выглядят они гораздо более угрожающе и странно, чем я. В своей мотоциклетной куртке, потрепанных джинсах и такой же поношенной футболке с портретами «Нью-йоркских красавиц» я едва вписывалась в принятый здесь дресс-код.

Я машу рукой бармену, которого, кажется, совсем не удивляют мои солнечные очки в темное время суток, и заказываю пиво. Мне наплевать, что на поданном им стакане отчетливо видны отпечатки чьих-то пальцев, а верхний край пахнет губной помадой. В конце концов, я же не собираюсь из него пить.

Теперь, когда я не выделяюсь в толпе, я усаживаюсь и жду. В таких местах совсем не трудно получить любую информацию. Все, что от меня требуется, — это набраться терпения и держать уши открытыми. За долгие годы я выработала способность прислушиваться сразу к десяткам разговоров и отсеивать бессмысленный треп, не придавая ему значения, до тех пор, пока не отыщется то, что я ищу. Подозреваю, что я немного похожа на акулу, которая улавливает плеск раненой рыбы за несколько миль.

— ...я ему сказал, пусть поцелует меня в задницу...

— ...нет, мне понравился их последний альбом...

— ...шлюха вела себя так, словно я...

— ...до следующей получки? Клянусь, ты все получишь сполна...

— ...оживший мертвец. Он в самом деле существует...

Ага. Вот оно.

Я поворачиваю голову в направлении заинтересовавшего меня голоса, но стараюсь не смотреть в упор. У барной стойки парень и две девчонки в чем-то убеждают еще одну молодую женщину. Девчонки — архетипичные цыпочки-готы. Им около двадцати, может, чуть меньше, одеты в кожу и нижнее белье, слишком много краски на лицах. Одна высокая и жилистая, и толстый слой пудры не может скрыть угревую сыпь на ее щеках. Судя по корням ее черных, как вакса, волос, она вполне может быть бесцветной блондинкой.

Ее подружка значительно ниже и немного толстовата для атласного черного бюстье, в котором с трудом помещается ее грудь. Лицо белое, как у клоуна, около уголка левого глаза замысловатая татуировка, в которой можно узнать скорее

персонаж из популярного комикса, чем одного из египетских богов. На ней узкие мужские брюки для верховой езды, отделанные по всей длине черным кружевом, отчего она выглядит немного выше, чем на самом деле.

Парень, составивший им компанию, высокий и костлявый, на нем черные кожаные брюки, ремень с ужасающего вида серебряной пряжкой и кожаная куртка. Он не носит ни рубашки, ни футболки, так что можно рассмотреть безволосую впалую грудь. Парень примерно того же возраста, что и девчонки, может, чуточку моложе. Он постоянно кивает, что бы ни сказали его спутницы, и нервно отбрасывает назад прядь гладких волос бордового цвета. Мне не требуется много времени, чтобы установить, что высокую девушку зовут Сейбл, низенькую — Танит, а парня Сержем. Девушка, с которой они разговаривают, отличается коротко подстриженными торчащими во все стороны рыжими волосами и кольцом в носу. Это Шавна.

Я по привычке переключаю зрение на спектр Претендентов и сканирую всех четверых на наличие сверхъестественных сил. Все чисто. Странно, но они все же вызывают во мне интерес. Я неторопливо перемещаюсь ближе к группе, чтобы легче было отфильтровать голос Мэрилина Мэнсона, орущий из ближайшего музыкального автомата.

Шавна качает головой и нервно усмехается; она не уверена, что это не глупый розыгрыш.

— Да ну, *настоящий* вампир?

— Мы ему рассказали о тебе, скажи, Серж?

Танит бросает взгляд на неуклюжего юнца, сидящего рядом. Серж энергично кивает, отчего бордовая прядь снова падает ему на глаза.

— Его зовут Раймер. Лорд Раймер. Ему триста лет, — едва дыша, добавляет Сейбл. — И он сказал, что хочет с тобой встретиться.

Несмотря на увлечение готикой и весь постмодернистский шик, Шавна выглядит испуганной школьницей.

— Правда?

Мне становится ясно, что она попалась на крючок, как шестифутовая форель, и троице готов не составит труда вытащить рыбку. Все четверо упакованных в кожу мятежников выскакивают из «Красного ворона» настолько быстро,

насколько позволяли их «доки Мартенсы»[1]. Я выжидаю пару секунд и отправляюсь за ними.

Я вижу их силуэты уже на приличном расстоянии и никак не могу отделаться от ощущения, что здесь что-то нечисто. Правда, я нашла то, что искала, но все как-то неправильно, и, будь я проклята (понимаю, что это излишне), если я могу понять, в чем дело.

Насколько мне известно, вампиры избегают готов, как дневного света. Хоть их юношеское увлечение смертью и декадансом могло поначалу убедить вампиров использовать подростков в качестве слуг, их экстравагантные манеры привлекают чрезмерное внимание окружающих. Вампиры предпочитают более рассудительных и менее заметных служителей. Хотя этот лорд Раймер, кем бы он ни был, мог обладать более современным правом, чем те, с кем мне приходилось сталкиваться в прошлом.

Не знаю, как понять эту троицу юнцов, которые ведут ему жертву. Судя по их явному энтузиазму, звание неофитов подходит им куда больше, чем просто служителей. У них нет ни хищного блеска в глазах, ни осторожных повадок убийц. На пустынной темной улице, где они все так же беспечно болтают, эти юнцы похожи на стайку ребятишек, задумавших какую-то озорную выходку — испортить лужайку перед домом директора школы или испачкать окна преподавателю физкультуры. Они наверняка не подозревают о посторонней тени, прицепившейся к ним в тот момент, когда за ними и их добычей закрылась дверь «Красного ворона».

После десятиминутной прогулки они достигли своей цели: заброшенной церкви. Ну конечно. Это явно не аббатство Карфакс[2], но, по-моему, вполне подходит. Деревянная двухэтажная церковь увенчана старомодным шпилем с указующим в небо перстом.

Дурные предчувствия снова овладевают мной. Вампиры обычно избегают таких явных убежищ. Дьявол, это же не Средние века. Им больше ни к чему держаться поблизости

---

[1] *«Док Мартенс»* (Dr. Martens) — ботинки, похожие на армейские «берцы». Названием обязаны своему изобретателю.

[2] В романе Б. Стокера «Дракула» — лондонское жилище знаменитого вампира.

от развалин монастырей и фамильных склепов — тем более что в Соединенных Штатах таковых никогда и не было. Нет, современные кровопийцы предпочитают скрываться в верхних этажах складских комплексов или на заброшенных фабриках, даже в необитаемых домах. Одного такого типа я выследила в бедной городской больнице, закрытой во время президентства Рейгана и оставленной разрушаться. Кажется, стоит заняться посещением военных баз, которые должны закрыться в ближайшие годы, и проверить, не заражены ли и они всякой нечистью.

Группа подростков тем временем скрывается в церкви, и я понимаю: чтобы разобраться, что происходит, мне тоже необходимо попасть внутрь. Стараясь держаться в тени, я обхожу здание кругом, настороженно прислушиваясь и приглядываясь к любым признакам охраны вокруг логова вампира, будь то огры или ренфилды. Как правило, любой вампир предпочитает иметь охрану. Огры защищают от физического вторжения, а ренфилды — потусторонние медиумы — предохраняют от психических атак со стороны конкурентов-вампиров.

Я взбираюсь по задней стене церкви, продолжая мысленную разведку: я ищу неразборчивые обрывки дум огров или непроницаемую тьму, которой обычно прикрываются ренфилды, но мой сонар улавливает только взволнованный жар четверки, за которой я следила от «Красного ворона», и чуть более сложный сигнал из самой глубины церкви. Все чудесатее и чудесатее.

На церкви нет колокола, а только оставшаяся со времен корейской войны[1] система оповещения, давно превратившаяся в клубок перепутанных веревок. Здесь так мало места, что негде встать, не то что звонить, хорошо хоть дверь на лесенку не заперта. Она с тихим скрипом поворачивается на проржавевших петлях, однако у подножия ступеней все спокойно. Уже через несколько секунд я оказываюсь в лучшем наблюдательном пункте — на стропилах, поддерживающих неф храма.

Внутри церкви создана соответствующая атмосфера. Оставшиеся скамьи стоят в беспорядке, сборники церков-

[1] *Американо-корейская война 1950–1953 гг.*

ных песнопений сброшены с подставок и рассыпаны по полу. Святые, апостолы и пророки выступают из оконных ниш с поднятыми посохами или согнутыми в благословляющих жестах руками. Мой отраженный взгляд падает на центральное окно, расположенное сверху чуть позади кафедры. Сохранившийся витраж демонстрирует снежно-белого агнца, преклонившего колени на ярко-зеленой траве, в обрамлении безоблачного неба с золотым диском. Чуть ниже, свидетельствуя о надругательстве над церковью, висит перевернутый бронзовый крест.

Свет поступает только от двух церковных канделябров, стоящих по обе стороны от кафедры, на них прилеплено по сотне уже оплывших красных и черных свечек. Готы из «Красного ворона» останавливаются у алтарного ограждения, все смотрят на кафедру, расположенную чуть выше задрапированного черным бархатом алтаря.

— Где же он? — шепчет Шавна, и ее голос в пустой церкви кажется слишком громким.

— Не беспокойся. Он придет, — заверяет Танит.

Словно в подтверждение ее слов, из-за алтаря поднимается запах озона, вздымается столб багряного дыма. Шавна невольно вскрикивает от изумления и делает шаг назад, но обнаруживает, что путь к отступлению отрезан стоящими за спиной спутниками.

Сначала раздается хорошо поставленный мужской голос:

— Доброй ночи, дети мои. Приветствую вас в моем доме, приветствую всех, кто пришел с радостью и по доброй воле.

Затем дым рассеивается, и обнаруживается высокий мужчина в обтягивающих атласных брюках, черной шелковой блузе, какие носят поэты, черных кожаных сапогах для верховой езды и длинной театральной накидке, отороченной красным кантом. Его прямые черные волосы зачесаны назад и небрежно схвачены у шеи алой атласной лентой. У него молочно-белая кожа, в глазах — красные блики горящих свечей. Лорд Раймер наконец-то появился.

Серж робко улыбается своему демоническому повелителю, делает шаг вперед, указывая на Шавну, а Танит и Сейбл выжидающе молчат.

— М-мы сделали, как ты приказывал, господин. Мы привели тебе девушку.

— Ах, да-а. Новенькая.

Шавна, приоткрыв рот, смотрит снизу вверх на повелителя вампиров, словно перед ней Джим Моррисон, Роберт Смит и Данциг[1] в одном лице. Раймер обращается непосредственно к ней, и на ее лице вспыхивает скорее удивление, чем страх.

— Тебя ведь зовут Шавна, не так ли?

— Д-да.

Голос ее становится очень тонким, как у маленькой девочки, но похотливые огоньки, пляшущие в ее глазах, совершенно не детские.

Лорд Раймер протягивает дрожащей молодой женщине бледную руку. У него длинные заостренные ногти, покрытые черным лаком. Он безмятежно улыбается, говорит ровным и спокойным голосом, предназначенным для придания уверенности слабым существам.

— Подойди ко мне, Шавна. Подойди, чтобы я мог тебя поцеловать.

Тень сомнения мелькает на лице девушки. Она колеблется, оглядывается на своих спутников, а те только теснее смыкаются за ее спиной.

— Я... я не знаю.

Раймер слегка прищуривается, концентрируя взгляд налитых кровью глаз. Голос становится настойчивее, в нем прорезаются холодные нотки.

— *Подойди* ко мне, Шавна.

Кажется, напряжение Шавны ослабевает, ее взгляд, если это возможно, утрачивает волю. Она шагает вперед, медленно поднимается по ступеням кафедры. Раймер, приветствуя ее, протягивает руки навстречу.

— Вот так, моя дорогая. Подойди, ведь ты так об этом мечтала...

Раймер тоже делает шаг вперед, накидка между его руками распахивается, словно крылья гигантской летучей мыши. Улыбка его становится шире, рот приоткрывается, об-

---

[1] *Моррисон Джим* — лидер группы «The Doors», один из основателей психоделического рока. *Смит Роберт* — лидер постпанк-группы «The Cure», его творчество оказало влияние на становление принципов готик-рока. *Данциг Гленн* — американский музыкант, вокалист, ударник группы «Danzig».

нажая жемчужно-белые клыки, с которых капает слюна, голос слегка хрипит от вожделения.

— Приди ко мне, моя нареченная...

Шавна слегка морщится от боли и наслаждения, когда клыки Раймера впиваются ей в шею. Даже со своего насеста под самым потолком я ощущаю резкий запах крови, чувствую, как у основания шеи нарастает напряжение, но быстро избавляюсь от него. Мне не нужны никакие неприятности — не сейчас. И все же я с трудом отвожу взгляд от развертывающейся внизу сцены. Раймер крепко держит Шавну в своих объятиях. Она постанывает, словно на пике оргазма. Кровь стекает по ее горлу в бледную ложбинку между грудей, капли густые и темные, как черная патока.

Раймер с довольной улыбкой отстраняется от нее и слизывает кровь с подбородка.

— Дело сделано. Теперь ты связана со мной узами крови и моей бессмертной воли.

Веки Шавны трепещут, она как будто не сразу восстанавливает зрение. Ее рука касается ранки на шее, и Шавна долго смотрит на окровавленный палец.

— Классно...

Она делает шаг назад, на лице все то же выражение восторга и изумления. Слегка покачиваясь и прижимая руку к посиневшей и кровоточащей шее, она присоединяется к своим спутникам. Танит и Сейбл с готовностью подхватывают свою новую сестру, и, пока они помогают ей обрести равновесие, их руки быстро исчезают у нее под юбкой.

— Добро пожаловать в семью, Шавна, — шепчет Сейбл, сначала целует ее в щеку, а потом облизывает мочку уха.

— Ты теперь одна из нас, отныне и навеки, — мурлычет Танит, тоже целует, а свободной рукой прикасается к груди, уже освобожденной из-под блузки.

Сейбл прижимается еще теснее и слизывает с ее шеи остатки крови. Серж стоит в стороне, грызет ноготь большого пальца и периодически отбрасывает с лица непослушную прядь. Его глаза ежесекундно перебегают с девчонок на лорда Раймера и обратно. После недолгих вздохов и объятий все три девушки начинают старательно раздевать друг друга, и их стоны перемежаются нервными смешками. Черная кожа и кружева падают на пол, открывая черные сетчатые чул-

ки, пояса с подвязками и трусики с отверстиями на промежности. При виде лобковых волос Шавны — светло-рыжих, в отличие от ее багровой шевелюры, — у Сержа раздуваются ноздри и сверкают глаза. Он снова смотрит на Раймера, а тот кивает и плавным жестом руки со скрюченными пальцами позволяет парню присоединиться к оргии.

Тот нащупывает серебряную пряжку, и вот уже ремень с громким стуком падает на пол. У меня изумленно приподнимается бровь. При всей его граничащей с истощением худобе парень оснащен не хуже племенного жеребца. Сейбл что-то шепчет ему на ухо, и он, рассмеявшись, прижимается губами к ее испачканному кровью рту. Танит, крепко зажмурившись, и с похотливой усмешкой на губах, опускает руку, чтобы довести его до полной эрекции.

Серж быстро освобождается от их объятий, подхватывает Шавну на руки и несет к покрытому черным бархатом алтарю. Обе девушки тут же догоняют его. Начинается возня, сопровождаемая укусами и царапинами, и вскоре все четверо свиваются в клубок обнаженной плоти, и по тихой церкви разносятся стоны, хихиканье, шлепки и восторженные крики. А над ними возвышается лорд Раймер, он наблюдает за возней своих последователей, и в его багровых глазах сверкают огоньки свечей. Надо отдать должное Сержу: он не один час неутомимо трудится, обслуживая всех трех девчонок в разной последовательности, и только тогда кончает.

Наконец мутные от грязи стекла церковных окон начинают светлеть, близится восход, и оргия заканчивается. Едва лорд Раймер замечает, что за окнами светает, улыбка тотчас исчезает с его лица.

— *Хватит!* — гремит его голос, заставляя юнцов остановиться на полувздохе. — Скоро меня коснется солнце. Вам пора уходить, дети мои!

Готы, без единой жалобы оторвавшись друг от друга, начинают поспешно разыскивать свои вещи. Едва одевшись, они поспешно покидают церковь, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Я с трудом сдерживаю стон облегчения. Казалось, эти почитатели культа крови никогда не уйдут. Я еще раз мысленно проверяю все темные углы внизу. Сейчас самое время нанести визит вежливости их так называемому пове-

лителю. Надеюсь, он не откажется побеседовать, прежде чем отправится спать.

Лорд Раймер зевает и спускается по ступеням в подвал. В этой развевающейся накидке и с канделябром в руке он напоминает мне Дракулу в исполнении Белы Лугоши[1]. Но Лугоши уже давно умер.

Подвал с бетонным полом тянется на всю длину здания. В углах свалены стопки старых сборников церковных гимнов, сломанные стулья и полуистлевшие одеяния хористов. В центре, на деревянных козлах возвышается палисандровый гроб, обитый красным бархатом. Неподалеку стоит старомодный кофр.

Я вижу, как повелитель вампиров, все еще зевая, ставит канделябр на пол, сбрасывает свою накидку и аккуратно складывает ее поверх чемодана. Если он и чувствует мое присутствие, то никак этого не показывает. Презрительно усмехнувшись, я нарочно громко шаркаю каблуком ботинка по полу. Усмешка становится еще шире, когда он оборачивается с выпученными от испуга глазами.

— Кто?.. Кто здесь?

Он изумленно моргает, когда видит, как я балансирую на козлах, рядом с открытым гробом. Едва проникнув в подвал, я уже ощутила запах, и хватило одного взгляда, чтобы подтвердить догадку: гроб засыпан землей. Я подхватываю пригоршню земли и, приоткрыв ладонь, просеиваю ее между пальцев. Потом поднимаю голову и встречаю разъяренный взгляд Раймера.

— Ну, приятель, что ты пытаешься здесь изобразить?

Раймер, расправив плечи, поднимается во весь рост, злобно шипит и протягивает ко мне руки со скрюченными пальцами. Глаза повелителя вампиров сверкают, словно у загнанного в угол зверя.

Его представление не производит на меня ни малейшего впечатления.

— Воображаешь себя Кристофером Ли[2], козел? Я не какая-нибудь безмозглая цыпочка из готов. Тебе не удастся ме-

[1] *Лугоши Бела* (Бела Ференц Дежю Бласко) (1882–1956) — американский актер, создатель классического образа вампира-аристократа.

[2] *Ли Кристофер* (р. 1922 г.) — английский актер; девять раз исполнял роль Дракулы.

ня одурачить! — Ударом ноги я выбиваю козлы из-под гроба, земля из перевернутого ящика высыпается на пол. Раймер невольно вскрикивает и лихорадочно переводит взгляд с опрокинутого гроба на меня, потом обратно. — Только люди уверены, что вампиры должны спать на слое земли с их родины!

Раймер пытается исправить ситуацию. Он тянет ко мне костлявый палец и принимает самый угрожающий вид.

— Ты осквернила пристанище Раймера, повелителя мертвецов! За это, женщина, ты поплатишься жизнью!

— Вот как? — фыркаю я. — Поверь, приятель, я встречалась с Дракулой, и ты на него ни чуточки не похож!

Я стремительно кидаюсь к нему. В одно мгновение я на середине подвала, в другое — уже стою рядом с ним, и с костяшек пальцев капает его кровь. Раймер валяется на полу, ошеломленный, хнычущий от боли в разбитых губах и носу. Рядом с ним лежит зубной протез с удлиненными клыками. Я подбрасываю его носком ботинка и с отвращением качаю головой.

— Я так и думала: фальшивые клыки! А в глазах контактные линзы, верно? Могу поспорить, что и ногти у тебя накладные, из театрального реквизита...

Раймер, словно краб, старается отползти от меня, но он слишком медлителен. Одним движением я хватаю его за ворот рубахи и ставлю на ноги, так что он взвизгивает от страха.

— Что за игру ты тут затеял? Собираешься провернуть какую-нибудь аферу с этими недорослями-готами?

Раймер открывает рот, шевелит губами, но не произносит ни звука. Сначала я решаю, что он от страха разучился говорить, потом до меня доходит, что, не будучи вампиром, он превращается в ужасного заику.

— Я н-не в-вымогатель, н-не думай. Я д-делаю эт-то не ради денег!

— Если не из-за денег, то для чего?

Все его мотивы стали мне понятны еще с первого взгляда, но, прежде чем принять решение, я хочу услышать это от него самого.

— Всю с-свою жизнь я был неудачником. Н-никто не об-бращал на м-меня внимания. Д-даже м-мои родители. Н-никто не н-принимал м-меня всерьез. Я б-был всеобщим

п-посмешищем. Избавиться от н-насмешек я м-мог только в кино. И я в-всегда в-восхищался вампирами. Я в-видел самых разных вампиров. Н-но н-никто не смел н-над ними смеяться, н-никто не мог их игнорировать. Они были т-такими сильными, что все люди их б-боялись. Они м-могли заставить ж-женщин выполнять все их желания.

Когда м-мои родители умерли, они оставили м-мне кучу денег. Я м-мог больше н-никогда не работать. Уже через час после похорон я п-пошел к д-дантисту, заставил его вырвать мне все передние зубы и сделать протез.

Я в-всегда хотел стать вампиром — и п-получил шанс воплотить свою мечту в жизнь. Т-тогда я купил эту старую церковь и стал околачиваться в «Красном в-вороне», подыскивая подходящих девиц.

Первой б-была Т-танит. Потом пришла Сейбл. Остальное было просто. Они так сильно хотели, чтобы я б-был настоящим, что даже не приходилось слишком сильно п-притворяться. Но потом ситуация стала выходить из-под контроля. Они хотели, чтобы я... овладел ими. Н-но я физически не м-мог этого сделать, д-даже с другими людьми. Я сказал, что это из-за того, что я уже м-мертвец. И они нашли Сержа. А мне нравилось смотреть...

Раймер уставился на меня уже потемневшими глазами. Его страх стал сменяться любопытством.

— Н-но какое т-тебе до этого дело? Ты из их к-компании? Бывшая п-подружка Сержа?

Я не могу удержаться от смеха, но все же занимаю позицию между Раймером и выходом. Он пятится назад, не слишком быстро, скорее неуклюже. И вздрагивает от моего смеха, словно от удара.

— Я поняла, что здесь что-то неладно, когда увидела пряжку на бедрах этого юнца. Ни один уважающий себя вампир в здравом уме не потерпит такого слитка серебра в радиусе полумили от себя. А потом этот фокус с цветным дымом и антуражем ведьминского шабаша! Все эти любительские трюки смахивают на кадры из фильмов студии «Хаммер» и обложек книг Антона Ла Вэй[1]. Ты смешной

[1] *Ла Вэй Антон* (Говард Стэнтон Левей, 1930—1997) — основатель Церкви Сатаны, автор сатанинский библии.

грязный извращенец, Раймер, или как тебя там зовут. Ты окружаешь себя символами тьмы и играешь с проклятиями, но не различаешь настоящего выходца с того света, даже когда он разбивает тебе нос!

Раймер целую вечность стоит молча, потом его глаза расширяются, и он громко вскрикивает, как человек, внезапно увидевший человека, которого давно считал мертвым. У него дрожат губы, ноги подкашиваются, и он плашмя падает на пол.

— *Ты настоящая!*

— Поднимайся, — ворчу я, приоткрывая клыки.

Вместо ожидаемого ужаса это вызывает в Раймере колоссальный взрыв воодушевления, и он кричит еще громче, чем прежде. Он ползет по полу и с рыданиями припадает к моим ботинкам.

— Наконец-то! Я знал! Если долго ждать, кто-то из вас непременно явится!

— Я сказала, поднимайся, пакостник!

Я бью его ногой, но это не действует. Раймер проворно, словно ящерица на горячих камнях, подползает ко мне на брюхе. Этого-то я и боялась.

— Я с-сделаю все, что ты пот-требуешь, я все отдам! — Он цепляется за штанины и сильно тянет. — К-кусай м-меня! Пей мою кровь. *П-пожалуйста!* Сделай меня таким, как ты!

Я смотрю на этого никчемного человека, который настолько разочаровался в своей жизни, что пожелал превратиться в ходячего мертвеца, и в своих воспоминаниях возвращаюсь на много лет назад. Я вспоминаю ту ночь, когда глупая молодая девушка, слишком возбужденная погоней за запретными наслаждениями, пренебрегла осторожностью и настолько увлеклась романтикой опасности, что покинула защиту толпы. Я вспоминаю, как она оказалась наедине с чудовищем, скрывавшимся под маской красивого и красноречивого незнакомца. Я вспоминаю, как ее, нагую и обескровленную, выбросили на ходу из машины и оставили умирать в канаве. Я помню, как долго она умирала. Я помню, потому что это была я.

Меня бьет дрожь, словно в приступе лихорадки. Отвращение перерастает в ярость, а я никогда не умела сдержи-

вать свой гнев. И в душе — в темной ее части — я не слишком-то к этому стремлюсь.

Я пытаюсь держать себя в руках, но это нелегко. Раньше, когда гнев разгорался в моей душе, я старалась лишь увериться, что он направлен на достойного противника. Такого, как настоящий вампир. Такого же, как я. Но иногда... Иногда я срываюсь. Как, например, сейчас.

— Ты хочешь стать таким, как я?

Я с размаху бью его ногой, так, что трещат ребра, а мелкий мерзавец летит по полу и ударяется в стену. Он снова кричит, но вряд ли от боли.

— Ты сумасшедший ублюдок! Даже я сама не хочу быть такой!

Я срываю зеркальные солнцезащитные очки, и при виде моих глаз Раймер немеет от ужаса. Ничего похожего на рубиновые контактные линзы. В моих глазах нет ни радужной оболочки, ни белков — только озера застывшей крови, перечеркнутые вертикальными зрачками, которые то сужаются, то расширяются, как у змеи, в зависимости от освещения. В подвале довольно темно, так что мои зрачки расширены, словно у акулы, поднявшейся из сумрачных глубин за беспечным пловцом.

Я иду вперед, и Раймер дрожащей рукой загораживает лицо. Его восторг сменился настоящим, стопроцентным, лишающим разума ужасом. Он только сейчас понял, что находится в обществе чудовища.

— Пожалуйста, госпожа, не убивайте меня. Простите...

Я не знаю, что еще он хотел сказать, чтобы избежать своей участи, потому что в тот момент его голова оказывается в моих руках.

Несколько мгновений руки Раймера еще трепещут в бессильной попытке вымолить прощение, потом из шеи с шипением толчками поднимается алая струя, поскольку сердце еще бьется и гонит кровь туда, где должен был быть мозг. Я не выпускаю из рук трофей, но отхожу в сторону.

Повернувшись спиной к еще агонизирующему телу, я склоняюсь над обломками старинного гроба и его содержимым. Земля, безусловно, привезена с Балкан — из Молдовы[1] или

[1] *Молдова* — историческая область на востоке Румынии.

даже Трансильвании. Я качаю головой. Удивительно, что так много людей все еще верят в эти старые сказки!

Я поднимаюсь по ступеням, держа голову Раймера под мышкой, но наверху оборачиваюсь и бросаю последний взгляд на логово притворщика, вообразившего себя королем вампиров перед цыпочками-готами. Ну и бедлам! Хорошо, что убираться здесь придется не мне.

Это не первый фальшивый вампир на моем пути, но, должна признаться, это лучший из всех жуликов. Девчонки-готы хотели первоклассное чудовище, и он дал им то, к чему они стремились, вплоть до подходящей обстановки в заброшенной церкви, люка в полу и театральных трюков. А они купились на его уловки, поскольку ощущали себя особенными и, что более важно, ощущали себя *живыми*. Бедные глупышки. Они видят только черную кожу, любовные укусы и безвкусные дешевые побрякушки; они стремятся к вечной молодости и красоте и хотят, чтобы никто не смел их обидеть.

Как бы не так.

А что до Раймера, так он хотел этого не меньше, чем готы. Он всю жизнь восхищался чудовищами; он надеялся, что искреннее подражание проклятым существам или волшебным образом превратит его в их подобие, или его действия со временем привлекут внимание порождений ночи, которым он так искренне поклонялся. Так и произошло. Я, принадлежащая к их роду, явилась к нему во всей красе.

Но *вряд ли* Раймер все эти годы мечтал о такой кровожадной соблазнительнице. Не мог же он знать, что его трюки привлекут внимание не просто вампира, а убийцы вампиров.

Видите ли, мое нежеланное и уникальное превращение оградило меня от многого: от старения, от любви, от сознания жизни. И в отместку за трансформацию, осуществленную против моей воли, я десятки лет отрицала свою чудовищную сущность; я пыталась — хоть и напрасно — не замечать Другого, завладевшего темной половиной моей души. Тем не менее у меня осталась одна радость, в которой я не в силах себе отказать. Убийство вампиров.

И тех, кто может в них превратиться.

К тому времени, когда я поднимаюсь в церковь, утро уже в самом разгаре. На побеленных стенах расцвели красные,

зеленые и голубые пятна от разноцветных стекол. Я отхожу на пару шагов и, размахнувшись, швыряю голову Раймера в витраж с Божьим агнцем.

За широкими двойными дверями церкви птицы на деревьях славят утро своими веселыми песнями. Бродячая собака со свалявшейся шерстью и выступающими ребрами уже вынюхивает в высокой траве упавшую голову Раймера. Она ощетинилась и зарычала, завидев меня, но вскоре прижимает уши и прячет хвост между задними лапами, а потом поспешно ретируется. Собаки умные создания. Они знают, что принадлежит этому миру, а что — нет. А люди этого не понимают.

По моему разумению, эта ночь выдалась неудачной. Если уж я выхожу на охоту, я предпочитаю настоящую добычу, а не фальшивых хищников. Все же хотелось бы понаблюдать за лицами поклонников Раймера, когда они увидят, что случилось с их «повелителем». Это было бы забавно.

Никто не может обвинить меня в отсутствии чувства юмора.

СТОРМ КОНСТАНТАЙН

В его вкусе

Сторм Константайн живет в Центральной Англии со своим мужем Джимом и девятью кошками. Она является автором многочисленных рассказов и семнадцати романов, которые сочетают в себе черты жанров научной фантастики, хоррора и фэнтези; она также участвовала в написании популярных книг о египетских богинях-кошках и эзотерической психологии.

Среди ее последних работ — роман «Серебряное сердце» («Silverheart»), написанный совместно с Майклом Муркоком, и трилогия в жанре фэнтези «Хроники Магравандиаса» («Magravandias Chronicles), второй том которой, «Корона безмолвия» («The Crown of Silence»), был опубликован в 2000 году.

«Когда я собирала материал для романа „Неуловимая добыча“ („Stalking Tender Prey“), — вспоминает писательница, — сюжет которого основан на легенде о падших ангелах, мне вдруг пришло в голову, что поверья о вампирах могли появиться из того же источника.

Библейское сказание о падших ангелах произошло от более ранних шумерских мифов, которые, в свою очередь, уходят корнями в далекое прошлое. Возникает соблазн предположить, что эти крылатые существа имеют прототип — реально существовавший народ из плоти и крови, шаманов-сперятников. Во время ритуалов они привязывали к спине крылья грифов — отсюда ангельские крылья. Остатки птичьих крыльев были найдены в пещерах на Ближнем Востоке вместе с костями и ритуальными предметами. Падшим ангелам приписывали привычку пить кровь людей и животных, что также могло быть частью шаманского обряда. Этот аспект мифа оказался некстати в „Неуловимой добыче“, и я с радостью воспользовалась возможностью написать на его основе рассказ для этой антологии».

Все произошло потому, что она была как раз в его вкусе. Она сидела в конце душного общего зала в пабе, не отрывая от него взгляда, и приковывала к себе его внимание — без всяких видимых усилий. Очевидно, она была высокого роста — голова ее поднималась над

головами соседей. Одета она была в черное; руки сложены на коленях.

Она пришла послушать знаменитого историка и писателя Ноя Джонсона. И он обнаружил, что читает лекцию только для нее. Он знал текст «Вампиров в легендах и истории» наизусть, он рассказывал этот материал бесчисленное множество раз. Ной постоянно совершенствовал содержание, но оно, в сущности, оставалось прежним: цветистым, но не слишком смелым. Он рассказывал посетителям не все. Он знал, как угодить смешанной аудитории.

Регулярные собрания «Загадок истории» проходили успешно. Он устраивал их раз в две недели в верхней комнате местного паба «Утка и ружье», и сейчас их постоянно посещали около пятидесяти человек. Иногда некоторым приходилось отказывать. Несколько лишних людей — и атмосфера в помещении становилась удушающей. Ной затеял эти лекции ради денег в то время, когда доходы оскудевали; непостоянство денежных поступлений — оборотная сторона жизни любого писателя. Но начинание пользовалось таким успехом, что он запланировал еще несколько собраний, на этот раз на свежем воздухе, поскольку близилось лето. Саре это понравилось бы. Но нельзя о ней сейчас думать. Она больше не является частью его жизни.

Друг и помощник Ноя, Гэри, погасил свет, готовясь к презентации. Кое-кто из слушателей обмахивался листами с тезисами, которые Эбби, подружка Гэри, перед началом лекции разложила на стульях. Окна были открыты, но в зале все равно не хватало воздуха.

Одна за другой на экране мелькали иллюстрации: картинки из древних текстов, фотографии, сделанные самим Ноем в отдаленных уголках Восточной Европы. Некоторые из них были включены в его бестселлер «Поиски носферату»[1]. Этот предмет больше не интересовал его: он свое дело сделал, с этим было покончено, но публика по-прежнему была жадна

[1] *Носферату* (nosferatu) — в литературе о вампирах якобы румынское слово, означающее «вампир»; впервые появилось в произведениях шотландской писательницы Эмили Джерард (Emily Gerard, 1849–1905). В действительности в румынском языке такого слова не существует, и происхождение его неясно.

до подобных вещей. Ной обратился к новой теме и сейчас проводил исследования для очередной книги о легендарных обитателях далеких островов у берегов Шотландии и их загадочных древних постройках.

Когда снова зажегся свет, взгляд Ноя немедленно обратился к девушке в заднем ряду. Он почти ожидал увидеть, что она ушла. Но нет, судьба не пожелала быть к нему благосклонной — девушка сидела на месте, прямо, безмятежно, глядя на Ноя из-под полуопущенных век; на губах ее играла легкая улыбка.

Он начал отвечать на вопросы, но сегодня ему хотелось побыстрее покончить со всем этим. Если кто-то жаждет поделиться своим мнением — а обычно они делились, особенно старожилы, — можно продолжить внизу, в баре. Он перебил какую-то женщину:

— Послушайте, здесь стало слишком жарко. Перейдем вниз?

Большинство слушателей собирались домой, но те, кто считал себя ядром его группы, обычно оставались в баре до закрытия. Было всего девять вечера.

Люди начали подниматься, явно не меньше оратора желая выбраться из душного помещения. Женщина, которую Ной перебил, выглядела уныло и почему-то смущенно.

Гэри и Эбби начали наводить порядок, собирать упавшие бумажки, упаковывать проектор.

— Хороший сбор сегодня, — заметил Гэри.

— Может быть, снять помещение побольше, — предложила Эбби. — Все равно оно будет полным.

Ной смотрел, как люди постепенно покидают зал. Девушка осталась сидеть. Он улыбнулся ей, и она поднялась с места. Он подошел к ней.

— Простите, мистер Джонсон, я хотела бы обратиться к вам с одним вопросом.

— Пожалуйста, — ответил он. — Идемте в бар. Обычно мы еще пропускаем по несколько стаканчиков.

— Благодарю вас.

Он с собственническим видом взял ее под руку и повел к двери.

— Спасибо, Ной! — крикнула Эбби ему вслед. — Можно, мы тут приберемся?

Он обернулся и усмехнулся в ответ, а она покачала головой в знак шутливого неодобрения. Они знали друг друга, знали, насколько далеко можно зайти.

Внизу слушатели настояли на том, чтобы угостить Ноя, но выпивку для девушки он купил сам.

— Я вас здесь прежде не видел, — заговорил он, облокотившись на стойку бара.

Лицо ее изменилось. Черты его были тонкими, подвижными.

— Я совсем недавно сюда переехала. Так обрадовалась, узнав о существовании группы, особенно о том, что вы — ее руководитель. Я прочла все ваши книги.

Он рассмеялся: «Спасибо». Мысленно он уже представлял себе встревоженное лицо Эбби: «Ной! Это же твоя поклонница, понимаешь? Ради бога, поосторожнее».

Девушка отбросила со лба пряди длинных черных волос. Идеальной формы губы были четко подведены пурпурной помадой. Длинное, до пола, бархатное черное платье украшали кружева. Она оказалась не ниже его ростом.

— Кстати, меня зовут Лара. Лара Хоскинс.

Ной протянул ей водку с тоником. Когда она брала у него бокал, он заметил, что кружевные манжеты почти скрывают пальцы. Ногти были покрыты черным лаком.

— Так о чем вы хотели меня спросить?

Он чувствовал, что взгляды присутствующих прикованы к нему, что они не одобряют этого уединения с новенькой. Обычно в это время Ной занимал аудиторию.

— Должна признаться, что меня очень заинтересовал предмет сегодняшней лекции, — сказала Лара и неловко засмеялась. — Разумеется, я бы пришла послушать вас, если бы вы говорили и о чем-нибудь другом...

— И?..

— А почему вы не рассказали о происхождении мифов о вампирах?

— Рассказал. Вы же сами слышали.

Она помолчала несколько секунд.

— Мне кажется, мы оба знаем, что здесь кроется нечто большее.

— В основном корни его нужно искать в Европе, хотя параллели существуют и в месопотамской, и в иудейской мифологии.

— Но откуда взялись эти мифы?

— Эта тема присутствует во всех мифологиях. Людям во всем мире присущи одинаковые страхи, одинаковые желания. Нет причин предполагать, что мифы о вампирах имеют единый источник.

— Но в «Носферату» вы писали другое.

— К чему это вы? — с усмешкой спросил Ной. — Только не говорите мне, что вы — вампир, желающий узнать о своем происхождении!

Вампир наверняка не покраснел бы так, как она.

— Я очень заинтересована в этом предмете, для меня это важно, — сказала Лара. — Я надеялась, что вы, в свою очередь, воспримете меня серьезно.

— Послушайте, — возразил Ной, — если хотите знать мое мнение, то я вам скажу, что люди могут подпадать под влияние некоторых легенд, особенно о вампирах. Это опасно.

— Почему? — Она смотрела на него с жадным интересом.

— Любое сильное увлечение опасно. Мне не хотелось бы его поощрять. — Он думал в этот момент о Саре, и перед его глазами стояло ее лицо, выражающее грусть и отчаяние.

— Что случилось? — негромко спросила Лара, и ему показалось, что ей уже все известно.

Он с легкостью рассказал бы ей все. Она может стать его исповедником.

— У меня была одна знакомая женщина... — начал Ной, и в этот момент кто-то хлопнул его по спине.

— Эй! — Это была Эбби. — Только не говори, что ты не припас для нас выпивки! — Она улыбнулась Ларе. — Он с нами обращается, как с лакеями!

— Извините, — улыбнулся Ной и отошел, чтобы позвать бармена.

Весь оставшийся вечер Эбби не отходила от Ноя. И он понимал почему. Эбби слишком хорошо его знала. Она была прекрасной собеседницей и не давала Ларе почувствовать, что подозревает ее, но Ной отлично разбирался в чувствах своей помощницы.

Когда последние коктейли были выпиты и люди начали расходиться, Ной обратился к Ларе:

— У нас в следующее воскресенье очередное собрание. Поедем на экскурсию осматривать местные древности, церкви, источники и тому подобное. Будет много народу. Не хотите присоединиться?

— Ну... — Лара поставила пустой бокал на стойку. — Вряд ли. У меня нет машины.

— Я могу за вами заехать, — предложил Ной.

— Здорово! — Лара открыла сумочку и принялась что-то искать. — Я дам вам свой адрес. Когда?

— Где-то после полудня.

— Это стоит десять фунтов, — сообщила Эбби с некоторой долей угрюмости.

— Прекрасно, — отозвалась Лара, снимая колпачок с ручки.

На улице, на парковке, Эбби набросилась на Ноя.

— Ты что делаешь? — возмутилась она. — Мне казалось, ты решил оставить поклонниц в покое.

— Что ты имеешь в виду? — делано удивился Ной, поигрывая ключами от машины.

— Я имею в виду то, что она тебе понравилась. Это очевидно. Но ты уже проходил это не раз. Ты знаешь, чем это кончается.

— Она просто хочет поехать на экскурсию, — возразил Ной. — Что тут такого? Туда поедет много людей, и они также мои поклонники.

Эбби с воинственным видом скрестила на груди руки.

— Ты меня за дурочку принимаешь?

— Оставь его в покое, а! — рявкнул Гэри.

Но от Эбби не так легко было отделаться.

— Она его поклонница, Гэри, и она положила на него глаз. Но в ней есть что-то странное. Я это чувствую.

— Он взрослый человек, — устало отозвался Гэри. — Ради бога, Эбби, ну послушай себя. Ты, черт подери, говоришь с ним, как мамаша.

— А я и есть ему почти что мамаша, — заявила Эбби, залезая на переднее сиденье рядом с Ноем.

Несколько дней подряд Ной не мог выбросить из головы Лару Хоскинс. Эбби зря его подозревает. Он действительно познакомился с Сарой на лекции, задолго до того, как стал проводить их регулярно, — наверное, именно потому Эбби

сейчас так боится за него. С тех пор он встречался со многими девушками, некоторые из них принадлежали к числу посетительниц «Загадок истории», и он первым готов был признать, что ни с одной из них у него ничего хорошего не вышло. Но сейчас он был уверен, что все сложится иначе. Лара — способная ученица, у нее пытливый ум. Пока никаких плохих признаков Ной не замечал. Ни разу за вечер ее рука, державшая бокал, не дрогнула. Она была открыта и общительна.

Когда наступило воскресное утро, он едва сдерживал дрожь волнения и больше времени, чем обычно, уделил своей внешности. Лара была примерно на десять лет его моложе, на вид — лет двадцати пяти, но это не имело значения. Он выглядел молодо для своего возраста. Женщины всегда бегали за ним.

Когда он притормозил около ее дома, она как раз вышла на крыльцо — он даже не успел выключить мотор. Она была в черных джинсах и футболке, вокруг талии повязала черную кофту с капюшоном — наверное, на случай похолодания. Длинные черные волосы, стянутые на затылке в хвост, развевались вокруг ее лица и плеч, когда она бежала к машине по короткой подъездной дорожке. Она была спортивной, гибкой, как юноша. Сердце Ноя сжалось. Она была прекрасна.

— Привет! — запыхавшись, выговорила Лара, запрыгивая в машину.

От нее сильно пахло духами — какой-то пряный аромат, но с цветочными нотами.

— Привет, — улыбнулся Ной. — Мне нравятся женщины, которые не опаздывают.

Лара рассмеялась. Это был веселый, жизнерадостный смех, без всякой искусственности. Разумеется, она была готова уже несколько часов.

Когда они прибыли на место встречи, Ной с удовлетворением увидел, что его ждет неплохой урожай; уже прибыло семь набитых до отказа машин. Эбби обходила присутствующих, собирая деньги и раздавая карты.

У каждой достопримечательности Ной просил всех сесть на землю и медитировать, чтобы увидеть, могут ли они уловить какую-нибудь информацию о прошлом, например, о том,

для чего прежде могло использоваться это место. Он никогда не устраивал медитаций в помещении. Сейчас с ним были избранные, для которых он приготовил несколько «зловещих штучек», как их называли некоторые. Во время медитации Лара увидела множество подробных и верных картин.

— Мне кажется, вы медиум, — сказал ей Ной, когда они остались вдвоем.

— О, это мне известно, — ответила она.

— Вы превосходны! — воскликнул Ной.

Лара улыбнулась.

— Когда мы сможем продолжить этот разговор?

— Позднее. Как насчет ужина?

— Звучит великолепно.

Ною пришлось постараться, чтобы отделаться от Эбби и Гэри. Он не хотел, чтобы Эбби знала о походе в ресторан с Ларой, будучи уверенным, что они с Гэри увяжутся туда с ними. К счастью, сегодня его ассистенты приехали на своей машине, и, осмотрев последний памятник, Ной ускользнул вместе с Ларой, буквально ни с кем не попрощавшись. Он знал, что за это придется расплачиваться, и предчувствовал, что дома на автоответчике его будет ждать суровое послание от Эбби. Но сейчас ему было все равно. Они с Ларой хихикали, унесясь прочь в облаке пыли и камешков.

— Откуда у меня это чувство, будто я прогуливаю уроки? — спросила Лара.

— Иногда мне нужно побыть одному, вот и все, — объяснил Ной. — Проблема с этими экскурсиями в том, что люди хотят продолжать их часами. Иногда это неплохо, но сегодня... — Он взглянул на нее, и девушка улыбнулась.

Ной повел ее в тайский ресторан, где сам никогда не бывал, уверенный, что никто из его группы не выследит его там. Еда оказалась так себе, но это не имело значения: Лара сидела напротив него, и ее улыбка, казалось, окутывала его золотистой туманной завесой. Они были возбуждены, как заговорщики. И возбуждение это усиливалось предчувствием дальнейшего.

Лара, судя по всему, внимательно слушала рассказ Ноя о его новой книге и лишь после того, как подали кофе, вернулась к теме, затронутой в прошлый вторник после лекции.

— Почему вы так отрицательно отреагировали на мой вопрос?

— Отрицательно? Не думаю. Просто я не люблю говорить о некоторых вещах.

— А в чем дело, у вас что-нибудь случилось? — Она отпила глоток кофе и обезоруживающе улыбнулась. — Или это тайна?

Ной откинулся на спинку кресла.

— Нет, не тайна. Если вы станете членом моей группы — а я уверен, что станете, — вы все равно обо всем узнаете. В общем, дело вот в чем. Во время работы над «Носферату» я решился на необычный эксперимент. И у меня возникла проблема.

Лара наклонила голову набок:

— Что вы хотите сказать?

— Вы видели, чем мы занимались сегодня. Люди обожают парапсихологию. До определенного момента это вполне невинно, и большинство не заходит в этом увлечении дальше некоей границы. Но в какой-то момент это занятие становится опасным. Сидение на пороге старой церкви и попытка представить себе картины прошлого не могут никому причинить вреда, потому что прошлое давно мертво. Это всего лишь картина, созданная нашим воображением, нечто вроде фотографии. Но есть другие вещи, они до сих пор живы, они, так сказать, среди нас.

Лара засмеялась и прикурила сигарету.

— Вы пытаетесь дать мне понять, что установили мысленный контакт с вампиром?

Ной на мгновение замешкался. Что-то удерживало его от продолжения, но огромные глаза Лары были прикованы к нему, он чувствовал на себе их живой, острый взгляд. Он понял, что ей может рассказать все что угодно.

— Я работал с одной девушкой, ее звали Сара. Люди этого не знают, но много информации, содержащейся в моих книгах, взято из источников, которые я называю духовными, то есть от медиумов. Большая часть этих сведений не может быть использована в серьезной работе, потому что ее нельзя проверить и подтвердить, но она дает мне некое чувство, понимание предмета. Сара была моей помощницей и партнером. Она очень чутко воспринимала подобные вещи.

— *Была*, — повторила Лара, опершись подбородком о ладони. Ее окружали медленно поднимавшиеся вверх клубы табачного дыма. — Звучит зловеще.

— Я был, скажем так, заинтересован происхождением мифа о вампирах, как и вы. Я изучил все легенды о демонах-кровопийцах, начиная от средневековой Европы, и углубился в древность, во времена шумеров. И где-то по пути я обнаружил, что подтекст мифа изменился. — Ной развел руками. — Это трудно сформулировать, но идея о вампирах как несчастных неумирающих, жертвах обстоятельств, сменилась намеками на то, что первые вампиры были весьма даже живыми существами. Они сами выбрали свой удел, это была неотъемлемая часть их верований.

Лара с энтузиазмом кивнула:

— Я тоже так думаю.

— Все это казалось нам весьма достоверным. Мы называли их людьми-стервятниками, племенем шаманов, которое практиковало употребление в пищу крови и жертвоприношения. Сара обнаружила кое-какие интересные вещи, которые привели нас к древним памятникам Малой Азии. Виденное ею можно было подтвердить фактами. Эти места были реальны, археологи обнаружили свидетельства того, что культура шаманов существовала и что они поклонялись хищным птицам. Эти шаманы верили, что, выпив крови, приобретают сверхчеловеческие способности. Правда это или нет, но мы решили, что другие племена вполне могли считать их сверхлюдьми, даже демонами, из-за их кровожадных обычаев. Мы обнаружили, что это племя распространилось на большой территории и, возможно, часть его даже переселилась в Европу, положив начало легендам о вампирах.

Каждый вечер я вводил Сару в транс, заставляя ее все дальше углубляться в прошлое в поисках истины. Казалось, мы вот-вот должны были все выяснить, найти все связующие звенья. Люди-стервятники стали для нас реальными: могущественные шаманы, они использовали кровавые ритуалы для того, чтобы изменить свой мир. Со временем Сара стала относиться к нашим занятиям с беспокойством. Она говорила, что чувствует присутствие каких-то темных существ, прячущихся в складках одеяний шаманов, и что

они пытались вступить с ней в контакт. Она хотела все прекратить, но я уговорил ее не делать этого. Я подумал, что мы приближаемся к некоему открытию, которое окончательно подтвердит мою теорию. Мы обязаны были продолжать. Но потом, однажды ночью, Сара привела за собой нечто.

Последовала пауза, во время которой Лара, задумавшись, сделала длинную затяжку. Затем она спросила:

— И Сара этого не выдержала?

Ной на мгновение прижал ладонь к глазам. В ушах у него еще звучали ее крики.

— Оно было слишком страшным, слишком *чуждым*. Мы всегда проводили наши сеансы при свете одной лишь свечи, так что ничего толком не разглядели, но чувство было такое, словно в комнату внезапно хлынула ночь. Нас окружало чье-то присутствие — не зла в прямом смысле этого слова, но некоего существа, находившегося за пределами добра и зла. Оно было аморально, и мы для него были *никем*. Даже я это почувствовал, а я плохой медиум. В этот миг я понял, что мы играем с чем-то страшным, превосходящим нас, с чем-то неизмеримо могущественным. Мы слишком настойчиво дергали его за подол, и оно нас заметило.

— Что произошло дальше?

— Ну, когда Сара начала кричать, я вскочил и зажег свет. Если там и было что-то на самом деле, оно исчезло. — Ной допил теплое пиво и покачал головой. — Сара корчилась на полу. Я не знал, что делать. Она издавала кошмарные крики. В конце концов я дал ей пощечину. Считается, что это помогает... И она постепенно пришла в себя. Но хотя это существо ушло, оно оставило после себя след.

— Она умерла? — прямо спросила Лара.

Ной уловил в ее тоне легкий оттенок презрения.

— Нет, нет. Сара была опытным медиумом, но то, что она видела и слышала, причинило ей вред. Она изменилась, и я ничего не мог с этим поделать. Ничего. Она впала в паранойю, стала ревнивой, всего боялась. В конце концов мы расстались.

— Это не ваша вина, — сказала Лара, протянула руку и дотронулась до его пальцев.

Ной цинично рассмеялся:

— Все так говорили, но я-то знаю, в чем дело. Я так хотел выяснить правду, что не подумал об опасности. Я толкал Сару вперед и вперед. После того как мы расстались, она потеряла работу. У нее была отличная работа. Последнее, что я о ней слышал, — это что она легла в больницу. Она перестала общаться со всеми прежними друзьями.

— Вы не виноваты, — настаивала Лара. — Она просто оказалась недостаточно сильной.

— Нет, она была сильной, — возразил Ной. — Просто *оно* оказалось сильнее нас обоих.

— Не верю.

— Вас там не было. Хотя я и писатель, но я не могу найти слов, чтобы описать ужас той ночи, реальность того существа, которое к нам явилось. Это вам не Кристофер Ли в шелковом плаще, Лара. Это не походило на небольшую приятную медитацию, как сегодня. Мы столкнулись с первобытной, неуправляемой энергией; оно могло в два счета нас прихлопнуть! — Ной щелкнул пальцами у нее перед носом, но она даже не пошевельнулась.

— Я хочу попробовать, — заявила Лара.

Он засмеялся, но голос его дрожал.

— Что?

— Это то, что мне нужно. Мне необходимо узнать правду. Я не боюсь.

Ной развел руками и с сожалением покачал головой:

— Нет. Вы не понимаете, о чем говорите. Вампиры, которыми вы очарованы, — это просто дань моде, аксессуар, романтический миф. Вы не захотите узнать правду, поверьте мне.

— Да как вы можете так говорить! — вспылила Лара. — Как будто я сопливая девчонка, пытающаяся изображать зловещую красотку. Очарована! — Она стукнула себя кулаком в грудь. — Я живу с этим всю жизнь, я чувствую, как оно вкрадывается в мои мысли, пытаясь достучаться до меня. Я постоянно чувствую запах падали, исходящий от него. Когда я прочитала «Носферату», я решила, что нашла того, кто поймет меня и не сочтет сумасшедшей. — Подняв руки, она провела ими по голове, распустила хвост, и волны волос упали ей на плечи. — Если вы так настроены против вампиров, то почему же вы включили в свою книгу все эти намеки и ключи?

Ною показалось, что она безумна, с этими прядями волос, обрамлявшими ее лицо, с лихорадочным румянцем, выступившим на щеках, с этими огромными, горящими глазами. Но она была так прекрасна, что у него захватывало дух, и в этот миг он мог поверить, что она так сильна, как говорит.

— Лучше скажите, что вы имели в виду, говоря «я живу с этим», — сказал он.

Лара наклонила голову в знак согласия и позвала официанта, чтобы заказать еще выпивки.

— Нет, — отказался Ной. — Я за рулем. Пусть принесут счет. Мы можем поговорить у меня.

По дороге к дому Ноя никто из них не произнес ни слова. Лара сидела, сложив руки на коленях, глядя в ветровое стекло. Ной сам себе удивлялся. Он представлял, чем все это закончится. Это было неизбежно, как прилив, и он видел, как волна уже показалась на горизонте. Он еще может все остановить, отвезти ее домой.

Они миновали поворот к ее дому. Руки его сжали руль. Через десять минут он уже припарковывал машину у своего особняка.

Лара принялась бродить по гостиной, дотрагиваясь до древних артефактов, которыми были уставлены все свободные поверхности. Большую часть их собрала Сара, но, уходя, она не пожелала взять с собой ни один из них. Она не хотела ничего забирать, не хотела подавать в суд и делить имущество. Она просто хотела уйти, стереть все воспоминания о жизни с Ноем, отчаянно жаждала жить одним днем, в безопасности мирской суеты. Но в этом ей было отказано. Никто не мог безнаказанно проникнуть туда, куда отважилась заглянуть она. Никто.

Ной сварил кофе в огромной пустой кухне, безупречно чистой, полной сверкающих хозяйственных принадлежностей. Это Сара здесь все устроила, сама все оплатила. Посуда, ножи и вилки, оставшиеся от завтрака, все еще лежали в раковине, хотя обычно Ной поддерживал в доме порядок из уважения к своей бывшей возлюбленной, словно ее дух все еще витал здесь и мог не одобрить грязь и беспорядок. По пути в гостиную он прихватил из бара бутылку бренди

и два больших пузатых бокала, поставил их на поднос вместе с кофейником и чашками.

Лара свернулась в большом кожаном кресле у камина и зажгла газовую горелку, имитировавшую горящие поленья. Она также ухитрилась отыскать крошечную пепельницу, которую Ной скрепя сердце завел для гостей.

— Повезло тебе, — заметила она, когда Ной вошел в комнату. — Здорово здесь. Куча книг и прочего. Сколько у тебя спален?

— Пять, — сообщил он.

— Да, не ту работу я выбрала! — рассмеялась Лара. Сейчас она казалась обыкновенной девушкой, игривой, настроенной пофлиртовать.

Ной поставил поднос на кофейный столик и стал разливать напитки.

— Мы купили этот дом за бесценок, — почти извиняющимся тоном произнес он. — Это была просто дыра. Сара все привела в порядок. — Он оглядел комнату. — Разумеется, сейчас это кое-чего стоит, но пара плохих лет — и мне придется его продать. Литература — это не золотое дно, как обычно считается.

— Странно слышать это от тебя, — сказала Лара.

— Вы все так говорите. Люди думают, что все писатели живут, как Джеки Коллинз.

— Нет, я не то имела в виду. Я хотела сказать, что ты знаешь, как управлять судьбой, как поворачивать ход событий в свою пользу. Так почему ты не воспользуешься этими знаниями для себя, чтобы «плохие годы» не наступили?

— Ты меня принимаешь за кого-то другого, — усмехнулся Ной, пододвигая к ней бокал бренди и кофе. — Я писатель, исследователь, а не какой-то Санта-Клаус!

Лара улыбнулась, вертя в пальцах прядь волос, упавшую со лба.

— Да ладно тебе! А как же «зловещие штучки»?

— Если бы я знал, как с помощью медитаций получать деньги, я бы стал богачом. Но я этого не знаю. Я знаю лишь, как с их помощью проникать в прошлое.

— Но люди-стервятники могли изменять мир. Ты сам сказал.

— Но, как ни странно, у меня не возникает всепоглощающего желания пить кровь и убивать людей. — Ной получал удовольствие от этого разговора, будучи уверенным, что он имеет сексуальный подтекст.

Лара взяла бокал.

— Ты вступал с ними в контакт, — произнесла она. — Сколько еще людей проделали это? Если бы ты не испугался, как дитя, то мог бы воспользоваться их энергией в своих целях. — Она медленно, с чувством осушила бокал.

Ной уселся на корточки, обхватив руками колени.

— Мне кажется, ты опасная молодая женщина.

— Тебе бы не пришлось никого убивать, — продолжала она, протягивая бокал, чтобы он налил еще бренди. — Я уверена, небольшого количества крови в качестве жертвы было бы достаточно.

Ной щедро налил в ее бокал золотистой жидкости.

— Я не собираюсь туда возвращаться, Лара. Я уже один раз обжегся, глупо будет повторять этот опыт. Ты же не станешь по доброй воле совать руку в огонь.

— Когда человек не боится, он может пройти по раскаленным угольям, — заявила Лара. — Я боюсь сумасшедших с ножами, извращенцев, прячущихся в подворотнях. Я боюсь людей, потому что люди — это дерьмо. Но призраки и видения меня не пугают. У них нет рук из плоти и крови. Они не могут стрелять из ружья. Они могут причинить нам вред только через страх, через наше собственное сознание. Ты должен понимать это.

Ной колебался. Он чувствовал, что она убеждена в своей правоте.

— Ты ведьма, — прошептал он и сделал большой глоток из своего бокала. Бренди обжег горло, и ему стало лучше.

Лара прикрыла глаза.

— Возьми меня туда, Ной. Я не боюсь оставаться одна, я не поставлю тебя в дурацкое положение визгом и нервными припадками. Просто покажи мне путь.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что они хотят от тебя этого, — сказала девушка. — Я с детства слышу в своих снах их шепот. Я каждую ночь вижу за занавесками моей спальни их тени. В темноте я чувствую на своем лице их дыхание, смердящее падалью.

Я одна из них, Ной. Возможно, я была одной из них в прошлой жизни. Я хочу вернуться домой.

В комнате воцарилась полная тишина; тишина не шевелилась и наблюдала за ними, подобно шаманам-стервятникам. Как будто Лара своими страстными словами действительно вызвала к жизни нечто потустороннее. Ной не мог не поверить ей. Она выглядела вполне нормальной, но как будто доведенной до крайности. Он не в силах был произнести ни слова.

— Я не какая-то больная корова, которая хочет попить человеческой крови, — шутливо продолжала Лара. — У меня нет спальни с черным бельем, я не люблю фильмы ужасов. Я не хочу быть вампиром в традиционном смысле слова. Я просто хочу узнать, что или кто пытается вступить со мной в контакт, вот и все. — Она улыбнулась. — Боже, должно быть, это звучит как бред. Что мне еще сказать, чтобы убедить тебя в том, что я не сумасшедшая?

Ной смотрел на нее пристально, борясь с собой, с воспоминаниями о Саре.

— Я чертовски хороший медиум, — лукаво заметила она, наклонив голову. — Тебе это всегда может пригодиться, верно?

— Тогда зачем я тебе нужен? Если ты все умеешь, делай это сама.

— У тебя есть карта, — объяснила Лара. — Ты будешь проводником. Все просто. — Она говорила полушутливо-полусерьезно. — Я присмотрю за тобой, Ной, не бойся. Ты будешь в *полной* безопасности.

Комната для медитаций располагалась в задней части дома, на третьем этаже, окна ее выходили на поля и небольшую рощицу. Как и во время сеансов с Сарой, Ной не стал задергивать шторы и зажег одну свечу. Сердце его учащенно билось, но не от страха. Он сам не понимал, что чувствует. Когда он готовил ароматические травы, чтобы создать подходящую атмосферу, Лара спросила:

— У тебя нет булавки?

— Что?

— Чтобы проколоть палец. Мы должны накапать в благовония своей крови.

— *Лара...*

— Ной!.. — Она смеялась над ним.

На поиски булавки ушло несколько минут; за это время Лара выпила еще один бокал бренди. Ной и сам уже чувствовал опьянение. Наверное, алкоголь притупил его разум. Он позволил Ларе уколоть себе палец и выдавить из ранки ярко-алую каплю, которую она стряхнула в курильницу для благовоний. Затем она взяла его палец в рот, облизнула его, пососала.

— *Боишься? — спросила она.*

— Просто в ужасе.

Лара уколола палец себе, но не предложила ему отведать своей крови. Ной почувствовал легкое разочарование.

Лара легла на ковер перед камином, а Ной сел рядом с ней, скрестив ноги, и осторожно ввел ее в легкий транс. Слова его действовали усыпляюще. У него и самого начали слипаться глаза. Он провел ее в глубь времен, позволяя увидеть картины далекого прошлого, и наконец велел ей представить себя стоящей перед входом в пещеру среди высоких, источенных ветрами скал, похожих на какие-то фигуры. За порогом царила тьма.

— Это пещера Шанидар[1], — негромко произнес он. — Жилище людей-стервятников. Войди в нее.

Он смолк, прислушиваясь к ее легкому дыханию.

— Скажи мне, что ты видишь, — приказал Ной.

— Темнота, ничего не видно, — ответила Лара. На лбу появилась морщина. — Но я чувствую запах...

«Сейчас она скажет — запах крови», — подумал он.

— Цветов, — едва слышно продолжала девушка. — Везде цветы. Они осыпали цветами кости. Я вижу их. Множество костей. У них крылья...

— Кроме тебя, там кто-нибудь еще есть?

— Да. — Голос ее звучал, как лепет ребенка — тонкий, дрожащий.

— Хочешь уйти? — предложил Ной. — Ты в любую минуту можешь вернуться обратно.

Нет. Он меня знает. Он хочет дать мне что-то.

---

[1] В пещере Шанидар (Курдистан, Ирак) обнаружены остатки скелетов неандертальцев, находки датируются 60—80 тыс. лет до н. э.

— Что?

— Говорящую кость...

— Как она выглядит?

Внезапно Лара резко втянула в себя воздух, широко раскрыла глаза и села, прямая, как стрела. Ной протянул было руку, чтобы поддержать ее.

— Все нормально, — сказал он.

Она медленно повернулась к нему и заговорила глубоким, режущим слух голосом:

— Не удерживай ее на пути ко мне, сын Ламеха. Ее смех наполнил горы, и дикие звери склонились перед ней. Горе тому, кто заберет ее у меня. Горе!

Ной почувствовал запах хищной птицы, смрад ее дыхания.

Внезапно Лара вздохнула и упала обратно на пол.

— Лара, — едва выговорил Ной, наклоняясь над ней. — Лара. С тобой все в порядке?

Она рассмеялась и удобнее устроилась на ковре.

— О *да*.

Не открывая глаза, она потянулась к нему, увлекла его на пол. Целуя ее, он почувствовал обжигающий вкус бренди.

— Благодарю тебя, — бормотала она между поцелуями. — Благодарю тебя.

Кожа Лары была горячей, она источала аромат почти выветрившихся духов. Они занимались любовью, и Ной сам не знал, полностью ли она вернулась в этот мир или нет. Но это не имело значения. Она была его воплощенной мечтой, женщиной, которая могла войти одна в темную пещеру и вернуться, смеясь и говоря о запахе цветов.

Потом она лежала рядом с ним, обнаженная, и курила сигарету.

— Так какого черта ты тогда испугался? — удивлялась она. — Разве со мной кто-то пришел? Нет. А я этого хотела, поверь мне.

Ной лежал на боку, гладя ее упругий живот.

— Как оно — он выглядел?

Лара поморщилась:

— В общем, так, как ты это себе представляешь. Сначала он сидел на корточках, завернутый в просторный плащ из черных перьев. Плащ как будто был сделан из целых крыль-

ев грифа. Я заметила прищуренные глаза, он пристально наблюдал за мной из-за плаща. Он и сам походил на грифа... на вампира! И хотя он сидел скрючившись, я поняла, что он гигант; он велик, мудр и неистов.

— Яркий изобразительный ряд, — заметил Ной.

— Затем он поднялся и распахнул плащ. Под ним оказались звериные шкуры. Тело было покрыто какой-то краской, но не кровью. Там были рисунки, похожие на примитивную наскальную живопись. В волосах его виднелись кости, на шее висело ожерелье из костей. Думаю, это птичьи кости. Тебе будет приятно услышать, что зубы у него были острые. Все зубы.

— Сточенные?

— Возможно. — Она яростно затянулась сигаретой. — О, я не знаю. Может быть, я увидела лишь то, что хотела увидеть, или на меня оказали влияние твои рассказы.

— А как насчет тех слов, которые он произнес твоими устами?

— Не знаю. Мне показалось, что он явно знает меня. Казалось, и ты ему в каком-то смысле знаком. Ламех в Библии — это отец Ноя, ведь так?

Ной кивнул; ему стало не по себе при мысли, что неизвестное существо знает о его существовании.

— Если все это не плод моего воображения, — продолжала Лара, — то я думаю, что в прежней жизни я жила там. Может быть, мы были возлюбленными. Да, мысль о нем меня определенно возбуждает!

— По твоему описанию выглядит он не очень-то привлекательно!

Лара потушила сигарету; рука ее скользнула вниз живота Ноя.

— Нет, он был привлекателен! Даже прекрасен. У него чудесные глаза пронзительного синего цвета. Боже, я захотела принадлежать ему. Полностью, и душой и телом. Это было словно существо-прародитель. — Она хрипло рассмеялась. — Я была бы рада, если бы он меня укусил.

Ной наклонился и слегка сжал зубами ее горло.

— Ладно, пойдем в постель. Здесь что-то холодно.

Они еще долго занимались любовью. Ной пребывал в состоянии эйфории — он никак не мог поверить, что подоб-

ная женщина вошла в его жизнь. Она была полна смеха и тепла, так серьезно относилась к своим способностям и одновременно была такой забавно неуважительной к ним. Она была раскованной, открытой, загадочной и роковой. Волшебница. Жрица.

— Где ты была всю мою жизнь? — спрашивал Ной.

— Бьюсь об заклад, ты такое говорил всем своим девушкам, — отвечала она, и они несколько минут смеялись, как дети, над этими глупыми штампами.

Около четырех утра Лара сказала, что устала, и, отвернувшись, уснула. Ной еще некоторое время разглядывал ее, впитывая каждую деталь ее изящного тела, россыпи черных волос на подушке. Он провел над ней рукой, она пошевелилась и издала довольное мурлыканье, словно почувствовала, как он гладит ее ауру.

— Прекрасная моя, — прошептал он. — Моя любовь.

Он лег, закрыл глаза, и перед его внутренним взором сияли очертания ее белого тела.

В серых предрассветных сумерках Ной неожиданно проснулся.

Он сразу ощутил холод и увидел, что рядом на кровати никого нет. Его пронзила боль потери, затем он заметил на плетеном стуле у окна одежду Лары и решил, что она вышла в ванную или на кухню налить себе выпить.

Ной лег на спину и натянул на себя пуховое одеяло, чтобы согреться. Внезапно из угла комнаты послышалось какое-то шипение. Он вздрогнул.

— Лара?

Он сел. В комнате царила темнота, но ему показалось, что в углу, около шкафа с одеждой, кто-то сидит.

— Лара...

Он хотел было включить лампу у изголовья, но свет не зажигался. Наверное, лампочка перегорела.

И снова раздалось это шипение, низкое, тонкое.

Что-то пошевелилось в тени, двинулось вперед. Сначала Ной увидел глаза: пронзительно-синие глаза. Она была обнажена, тело было покрыто черной краской; наверное, это действительно краска, в гараже у него осталось несколько банок. Волосы торчали в разные стороны, облепленные какой-то вязкой жидкостью. Язык неестественно далеко вы-

валился изо рта, как у богини смерти Кали. Зубы ей покрасить было нечем. В его доме не было для этого приспособлений. Она снова зашипела и топнула ногой.

— Лара.

Он медленно слез с кровати. Это так отличалось от того раза с Сарой. Лара не кричала, не бредила, не плакала.

Она не сводила с него взгляда, когда он огибал комнату.

Ной вытянул перед собой руки в общепринятом жесте, выражающем мирные намерения.

— Лара, очнись. Ты спишь. Это не реальность. Лара.

Она сделала угрожающее движение, зарычала и затопала ногами. Он отпрыгнул назад. Это невероятно. Он ничего не чувствовал, ошеломленный нереальностью происходящего.

Комнату наполнила ночь. Не просто тьма, но сама ночь, отсутствие света. Стало холодно, как на Земле до первого утра.

— Лара...

И тогда она набросилась на него, с невероятной быстротой преодолев пространство комнаты. Она схватила его за плечи, и он почувствовал, как ногти ее вонзаются в его тело. От нее несло тухлым мясом, вокруг рта засохла какая-то корка. Изо рта у нее шла кровь. Зубы были спилены, от них остались зазубренные обломки.

Как ей, должно быть, больно. Как больно...

Ной начал отбиваться. Это была не Лара. Это была тьма, от которой он так долго прятался. Возможно, она всегда присутствовала в его жизни, шныряла в темных уголках его дома, в его воспоминаниях.

Она была сильна, как тигрица. Швырнула его на кровать и встала над ним, расставив ноги. Груди ее казались больше, чем вчера вечером, они были покрыты царапинами — она сама себя исцарапала. Издав резкий крик, она потянулась к его горлу.

Он должен был испугаться. Эта тварь, это чудовищное исчадие ада, возникшее из первобытного болота, пыталось пожрать его, рвало его плоть, когтило его кожу своими лапами, высасывало из него соки. От него пахло преисподней. Но оно возбуждало его. Он хотел ее, и она позволила ему овладеть собой, и тело ее сотрясли жестокие судороги.

А потом он увидел это — словно перед ним открылся какой-то туннель, ведущий в древность. Реки крови, унося-

щие прочь все человеческое. Это живет внутри каждого из нас, подумал он. Мы приручили его, нарядили его в шелка. Мы сделали вид, что оно умерло. Мы загнали его в книги, фильмы и чувственные сны. Мы видим его в кошмарах. Но оно с нами постоянно. И оно живо, оно пульсирует, оно горячее и влажное, от него воняет мускусом и гнилым мясом.

Лара оказалась не сильнее Сары. Напротив. Сара отвергла это. Именно это она видела и чувствовала, хотя никогда не говорила об этом. Носферату нужно искать не в могиле, но в мозгах рептилии, среди остатков первобытного зверя, живущего внутри каждого человека. Это было *дьявольским*. И божественным.

Поздним утром, когда яркий солнечный свет заливал кухню, они держались друг с другом безукоризненно вежливо. Лара сказала, что, споткнувшись в темноте, упала и сломала зуб. Они не говорили о том, как она раскрасила свое тело. Когда Ной спустился, в кухне было прибрано, а девушка только что вышла из ванной, от нее исходил аромат его геля для душа с экстрактом пачули. Осторожно отхлебывая горячий кофе, она шутила, что боится зубных врачей. Он сделал тосты, извинился, что не может предложить ничего помягче: может быть, яйцо всмятку? Она ответила, что не голодна.

Он потер шею.

— Ах да...

Ей нужно было на работу к двум. Она работала неполный день в местном магазине. Возможно, ей удастся до работы попасть к врачу вне очереди.

Ему тоже нужно было заняться делом. Иначе издатели не получат книгу вовремя. Хороший денек сегодня.

Да, отличный.

У дверей Лара слегка клюнула его в шею.

— Мы *должны* снова встретиться, — сказала она.

— Ты думаешь?

Между ними осталось столько недосказанного.

Она улыбнулась. Она выглядела очень усталой, глаза были обведены багровыми кругами.

— Я думаю, что я получила то, что хотела. А ты?

— Лара...

— Можешь мне позвонить. А можешь и не звонить, — сказала она. — Теперь ты мне не нужен, Ной, но ты мне нравишься.

Он смотрел, как она бежит по тропинке к дороге. Он предложил подвезти ее, но она отказалась. Он прижался лбом к дверному косяку. Если ты откроешь глаза, то закрыть снова никогда не сможешь. Сара это знала.

Не следует больше встречаться с Ларой. Нужно забыть о том, что произошло. Они были пьяны. Она сломала зуб, вот и все. Все проще, чем он себе вообразил. И словно затем, чтобы напомнить ему об обратном, шея болезненно запыла. Он чувствовал какую-то пустоту, тошноту, и внезапно ему представилась его будущая жизнь — длинная, медленно, мучительно тянущаяся жизнь, спуск в преисподнюю, о которой он не осмеливался думать.

Не следует больше встречаться с ней. Но она как раз в его вкусе, верно? Как раз в его вкусе.

ЭЛИЗАБЕТ ХЭНД

Князь цветов

Элизабет Хэнд живет на побережье штата Мэн. Она автор шести романов, в их числе «Всю зиму напролет» («Winterlong»), «Мерцание» («Glimmering»), «Пробудить Луну» («Waking the Moon») и «Черный свет» («Black Light»), а также сборника рассказов «Последнее лето на Марс-Хилл» («Last Summer at Mars Hill»). Кроме того, она написала новеллизации нескольких фильмов — «12 обезьян», «Секретные материалы. Битва с будущим», «Анна и король» и «История с ожерельем».

В 1990 годы она в соавторстве с Полом Уитковером придумала и написала серию комиксов «Анима» («Anima») для издательства «DC Comics» и регулярно публикует свои рассказы в журналах «Washington Post Book World» и «Village Voice Literary Supplement». Сейчас Элизабет Хэнд завершает работу над романом «Творение мастера» («The Master Stroke»). Ее романы и рассказы удостаивались премий «Небьюла», Всемирной премии фэнтези, премии Джеймса М. Триптри-младшего и премии Мифопоэтического сообщества.

«Это мой первый опубликованный рассказ, — вспоминает писательница. — Таппан Кинг в 1987 году купил его для „The Twilight Zone Magazine“, и он вышел в свет в начале 1988 года. В телефонном разговоре Таппан сказал, что я стану известной писательницей девяностых, поскольку у моих рассказов есть „и сердце, и острые зубки“. В то время я жила в Вашингтоне и работала в Смитсоновском институте. Жутковатую куклу, давшую название рассказу, я купила, зайдя однажды в обеденный перерыв в темную лавчонку под названием „Фабрика артефактов“. Я прямо влюбилась в эту куклу и выложила за нее пятьдесят долларов — изрядную долю моей скудной зарплаты, — а когда принесла ее на работу в Национальный музей воздухоплавания и астронавтики, то объявила, что она принесет мне удачу. Так оно и вышло — вскоре я написала этот рассказ, а затем сумела и напечатать его, хотя на поиски издателя ушло года два».

Первое задание, полученное Хелен, включало в себя инвентаризацию в отделе червей. Две недели она бродила по узким проходам между рядами высоченных застекленных шкафов, открывала бесконечные ящики с законсервированными беспозвоночными и прикрепляла к каждому экспонату ярлычок с инвентарным номером. Иногда она краем глаза замечала и другие фигуры — такие же скучные, как она сама, в казенных рабочих халатах, серые тени, бродящие по сумрачным коридорам. Они приветственно махали ей, но заговаривали редко, разве что спрашивали дорогу — в музее терялись все.

Хелен любила эти часы странствий в лабиринте запасников, исследовательских лабораторий, прохладных подвалов, забитых восковыми фигурами индейцев яномамо и чучелами ягуаров. Вскоре она уже научилась различать отделы по запаху: едкая пыль от перьев в орнитологии, приторный аромат пажитника и сиропа из тараканьих ловушек в отделе млекопитающих, рыбно-формальдегидная вонь в ихтиологии. Больше всего Хелен любила отдел палеонтологии, закоулок, где воздух пах влажной свежестью, как будто под мраморными полами журчала вода, зияли неизведанные пещеры, лежали кости мамонтов — в дополнение к тем, которые хранились в отделе. Когда закончились две недели в отделе червей, Хелен отправили в палеонтологию, и она в восторге рассматривала скелеты, расставленные поверху шкафов, словно забытые игрушки, и голые черепа, глядевшие из-за книжных полок и мусорных корзин. Ей попался забытый всеми fabrosaurus ischium, завернутый в оберточную бумагу и помеченный цветным мелком; рядом стоял большой, грубо сколоченный деревянный ящик с цифрами «1886» и надписью «Вайомингский мегозавр». Ящик никогда не открывали. Иногда по утрам Хелен садилась рядом с горкой окаменелостей, пытаясь соединить обломки под руководством монографии Викторианской эпохи. Проходили часы в полнейшей тишине, миновали недели, за которые она видела всего трех-четырех человек — кураторов, которые бесшумно сновали из кабинета в кабинет. По пятницам, когда она сдавала инвентаризационные описи, кураторы ей улыбались. Иногда даже вспоминали, как ее зовут. Но по большей части ее оставляли в покое — она сортировала кар-

тонные коробки с костями и кусками сланца, рассыпала хрупкие скелеты ископаемых рыб, как газетный набор.

Как-то раз, почти не задумываясь, Хелен сунула в карман халата окаменелый отпечаток рыбки. Рыбка была размером с ее ладонь, аккуратненькая, как живой буковый лист. Весь день Хелен нащупывала добычу в кармане, поглаживала пальцами следы костей и чешуек. Потом в туалете она завернула рыбку в бумажные полотенца, спрятала в сумочку и отнесла домой. С тех пор она начала воровать экспонаты.

В магазинчике товаров для творчества в центре города она купила себе небольшие этажерки из оргстекла и латуни, чтобы дома выкладывать на них свою добычу. Больше никто этих экспонатов не видел. Хелен просто любила смотреть на них одна.

Потом ее перевели в отдел минералогии, где она пересчитывала бесформенные метеориты и необработанные самоцветы. Самоцветы наводили на нее скуку, но она все равно взяла кусок окаменелого дерева и горстку неотполированных аметистов и разложила их дома в ванной. Месяц спустя она получила постоянную должность в отделе антропологии.

Отдел антропологии находился в самом далеком уголке музея; он располагался близко к котельной, поэтому там было теплее, чем в крыле естественных наук, воздух наполнял запах сандала и благовонных масел, которыми полировали наконечники стрел и топорища. Потолок уходил так высоко, что шаткие люстры слегка колыхались на сквозняках, Хелен мечтала ощутить их. Из-за этого лампы оставляли на полу мерцающие волны света. Воздетые руки статуй с острова Бали, казалось, плавно покачивались, а в пустых глазницах разукрашенных перьями масок играли огоньки.

Повсюду высились стеллажи, набитые браслетами и ожерельями — и гладкими, из слоновой кости, и сделанными из ярких бусин. Присев на корточки в углу, Хелен унизывала руки браслетами, пока запястья не начинали ныть от их тяжести. Она выкапывала пыльные жутковатые фигурки храмовых демонов и чистила их, полировала впалые щеки и лазуритовые глаза, прежде чем прикрепить к каждой фигурке ярлык с номером. В углу, загроможденном шестами от индейских жилищ типи, спрятался всеми забытый стол, и Хелен

решила присвоить его и украсила фотографией мумии и керамической кофейной кружкой. В верхнем ящике она хранила кассеты, а под сумочкой — несколько обсидиановых наконечников для стрел. Никто не отдавал ей стол в пользование официально, однако ей не понравилось, когда однажды утром она обнаружила, что за ним, откинувшись на спинку стула, сидит неизвестный молодой человек и роется в ее кассетах.

— Привет! — весело воскликнул он. Хелен передернулась и холодно кивнула. — Твои кассеты? Можно, я у тебя возьму вот эту послушать? У меня последнего альбома еще нет. Я Лео Брайант...

— Хелен,— грубовато отозвалась она.— По-моему, за тамтамами был свободный стол.

— Спасибо, я тут первый день. Ты куратор?

— Нет, я провожу инвентаризацию. — Хелен подчеркнуто переставила его рюкзак на пол.

— Я тоже. Может, будем помогать друг другу.

Хелен взглянула в его серьезное лицо и улыбнулась.

— Спасибо, я предпочитаю работать одна.

Молодой человек обиделся, и она добавила:

— Дело не в тебе, просто я так люблю. Конечно, мы будем часто встречаться. Приятно познакомиться, Лео.

Хелен схватила кипу бланков описей и зашагала прочь по коридору.

Как-то утром они вместе зашли в кафе перед работой. Через пару месяцев они встречались уже почти каждое утро, а иногда ходили обедать куда-нибудь на Эспланаду. Днем Лео заглядывал к ней из своего кабинетика в отделе этнологии поделиться последними сплетнями. Иногда после обеда они заходили выпить, но не настолько часто, чтобы самим стать предметом этих сплетен. Хелен все это очень нравилось, кураторы были счастливы обзавестись такой сотрудницей — тихой, лишенной честолюбия, пунктуальной. Никто, кроме Лео, ее не трогал.

Однажды под вечер Хелен свернула не туда и оказалась в тупике между баррикадами ящиков, которые не пропускали ни свет, ни воздух. Хелен зевнула, вдохнув слабый аромат корицы, и стала искать место, куда попала, на мятом инвентаризационном плане. Этого узкого прохода на плане

не было, а в соседних коридорах хранились экспонаты из Малайзии, инструменты для росписи по тканям, узкие тиковые ящики с гонгами. На полу громоздились упавшие ящики и грубые картонные коробки, набитые соломой. Хелен протиснулась дальше, неструганые доски цеплялись за рукава. Над коробками висел сладкий запах, томный аромат неведомых цветов.

В конце тупика рухнула целая стопка ящиков, словно бремя десятилетий притянуло ее к земле. Хелен присела и взяла первую попавшуюся коробку, широкую и плоскую, вроде портфеля. Она подняла крышку и увидела стопку кожаных силуэтов, которые покоробились от времени, будто ссохшиеся тряпки. Хелен осторожно вытащила один из них и нахмурилась — края от прикосновения стали крошиться. Это была кукла для театра теней, такая изысканная и резная, что даже непонятно было, мужчина это или женщина,— она и на человека не была похожа. Хелен поводила силуэтом из стороны в сторону, и сквозь тонкое кружево замерцал свет, а на стене затанцевала бледная тень. А потом кукла треснула и рассыпалась на хрупкие завитушки, которые легли на мраморный пол неведомыми иероглифами. Ругнувшись про себя, Хелен закрыла коробку и сунула ее назад в темноту. Пальцы нащупали другой ящик — из гладкого полированного дерева. Он приятной тяжестью лег Хелен на колени. Узкая крышка крепилась по углам четырьмя гвоздями с большими квадратными шляпками. Хелен вытащила гвозди и аккуратно поставила их в ряд остриями вверх.

Стоило ей открыть коробку — и на колени ей хлынул поток сухих цветов, семян и деревянных стружек. Хелен закрыла глаза и глубоко втянула воздух, представив себе синюю воду, и отблески костра, и сладко пахнущие зерна, потрескивающие на угольях. Она чихнула и открыла глаза — над ящиком дымной струйкой вилось облако пыли. Хелен осторожно-осторожно погрузила пальцы в благоухающую стружку, нежно растирая лепестки, пока не наткнулась на что-то твердое и ломкое. Она вытащила свою добычу из груды сухих цветов.

Это была марионетка — не игрушка, а фигурка в роскошном костюме, на тонких руках звенели стеклянные и костяные браслеты, расписные шелковые одежды были тяжелы от вышивки и бисера. Туловище и руки были сделаны из длин-

ных полированных палочек, к ним крепились веревочки, и когда кукла шевелилась, ее одежды трепетали, будто ласточкины крылья. Хелен рассматривала куклу, держа ее на вытянутой руке, и та презрительно глядела на нее сверху вниз. лицо ее поблескивало эмалью и позолотой. Руки на шарнирах были обвиты змеистыми лозами. В богатой ткани одеяния сияли цветы, в складках синего шелка цвели орхидеи.

А самым прелестным было лицо куклы — линия щек и подбородка закруглена так изящно, словно головка отлита из золота, а не вырезана из дерева. Хелен провела по нему пальцем — белая краска засияла так ярко, словно еще не высохла. Хелен дотронулась до темно-розовых выгнутых губ, коснулась черных как смоль ресниц, выгравированных на веках, будто фаланга муравьев. Гладкое дерево теплело под пальцами. Улыбка сфинкса была совершенна — должно быть, моделью мастеру послужила какая-нибудь известная куртизанка; а в груде лепестков Хелен обнаружила листок бумаги, покрытый паучками иероглифов. А под нарочито небрежными каракулями другая рука приписала печатными буквами: «Князь цветов».

Наверное, когда-то его причудливыми позами забавлялась императорская наложница, коротая влажную тишину долгого сезона дождей. До самого вечера Князь цветов служил игрушкой для Хелен. Она заставляла его сгибаться и разгибаться, одежды его порхали в полутемной комнате, хрупкие руки и тонкие запястья крутились в марионеточном вальсе.

Вдруг ее окликнули:

— Хелен!

— Лео... — промурлыкала она. — Смотри, что я нашла...

Лео присел рядом поглядеть на фигурку.

— Красиво. Ты сейчас ими занимаешься? Экспонатами с Бали?

Хелен пожала плечами:

— А он с Бали? Я не знала. — Она посмотрела на темные ряды шкафов и вздохнула. — Наверное, мне не стоило сюда заходить. Просто так жарко... — Она зевнула, потянулась, и Лео взял куклу у нее из рук.

— Можно? — Он повертел куклу, так что голова у нее крутанулась, а деревянные руки затрепетали, как крылья. — Жуть. Вроде танцора из фильма «Король и я».

Он поставил марионетку на пол и поиграл ею, завороженный разлетающимися одеждами. Когда он остановился, кукла резко выпрямилась и уставилась на Хелен пустыми глазами.

— Осторожно! — воскликнула Хелен, теребя халат. — Ей, наверное, лет сто! — Она протянула руки, и Лео с удивленным видом вернул куклу.

— Жуть, одним словом. — Он встал и потянулся. — Минералки хочется. Пошли со мной?

— Лучше я поработаю. На этой неделе надо закончить бирманскую секцию. — Хелен небрежно положила куклу в ящик, отряхнула сухие цветы с коленей и поднялась.

— Ты точно не хочешь минералки или сока? — Лео заискивающе помедлил, дернув пару раз бейджик с фамилией на груди. — Говорила, тебе жарко...

— Нет, спасибо, — бледно улыбнулась Хелен. — Перенесем на другой раз. На завтра.

Лео огорченно что-то пробурчал и ушел. Когда его силуэт исчез вдали, Хелен повернулась и юркнула с коробкой в темный угол. Там она вытряхнула сумку и пристроила куклу на дно, обернув ей голову и руки бумажными носовыми платками. Кошелек, расческа, губная помада — все это она в беспорядке побросала сверху, замаскировав куклу. Она собрала меланхоличную груду сухих цветов и всыпала ее обратно в ящик, а гвозди приколотила туфлей. Потом она на коленях проползла вдоль стен, пока не нашла место между стопками картонных коробок. Пустой ящик гулко ударился о стену, и Хелен с усмешкой задвинула его несколькими коробками. Спустя десятилетия какой-нибудь инвентаризатор найдет пустой ящик и задумается, что же в нем было, как много раз задумывалась она сама.

В конце рабочего дня, когда она ехала в набитом лифте, кожаная ручка сумки впивалась в ладонь мокрым канатом. На каждом этаже в лифт входили люди, и Хелен как ни в чем не бывало отодвигала сумку, чтобы никого не задеть, а в вестибюле попрощалась с кураторшей отдела Индии и Юго-Восточной Азии, но сердце у нее отчаянно колотилось. Воображаемые ворота тюрьмы воздвиглись перед ней — и обрушились, когда она миновала дверь между колоннами и вышла на солнечную улицу.

Всю дорогу домой Хелен победно улыбалась, прижимая сумку к груди. У двери в квартиру она открыла сумку, чтобы достать ключи, и из глубин ее пахнуло ароматом свежей розы. А внутри это слабое благоухание перешиб другой запах — креозота, гнилых фруктов, грязного белья. Квартирка Хелен была темная, душная, пыльная, словно самые запущенные музейные подвалы; два имевшихся окна выходили на улицу. Мимо с ревом неслись машины, за жалюзи вился синеватый выхлоп. Тусклое зеркало отражало шаткие стулья, откидной стол с покосившейся лампой — мебель, списанную из общежитий или купленную у старьевщика на углу. Обшарпанные стены были испещрены останками раздавленных тараканов и мокриц.

Но среди этой разрухи сверкали прекрасные вещи — они сияли на подоконниках и потрескавшихся меламиновых стеллажах: нежный изгиб ископаемого папоротника на обсидиане, блестящем, как мокрая смола, крошечный водоворот наутилуса, выставленный на латунной подставке. На потертом журнальном столике красовался известняковый отпечаток стрекозиного крыла длиной фут, филигранные чешуйки — совсем как разбитый кристалл.

В углах громоздились черепа лемуров и куски окаменелого дерева. Изысканные конические раковины ядовитых моллюсков. Груды зеленовато-золотых радужных жуков, похожих на заморские монеты. На кусках линолеума — акульи зубы и наконечники стрел, пучок изумрудно-зеленых перьев, придавленных крошечным черепом и трепещущих на сквозняке, будто актиния. Хелен критично осмотрела свои богатства, отметив с некоторым удивлением слепяще-розовую жеоду, — она о ней совсем забыла. Потом она принялась за работу.

За несколько минут она опорожнила сумку и закатила жеоду под стул. Хелен развернула куклу на столе — сначала сняла салфетки с хрупких рук, затем очень осторожно размотала длинную полосу бумаги на голове, пока не оказалась по щиколотку в бумажной поземке. Деревянная подпорка куклы замечательно вошла в горлышко пивной бутылки, и Хелен расправила марионетку так, что складки одежд прикрыли стекло, а царственное лицо чуть запрокинулось, глядя в источенный жучком потолок.

Хелен одобрительно прицурилась и расставила вокруг куклы перья, прижав их панцирями скарабеев, – и получилось просто хуже некуда. Рядом с гордой фигуркой ископаемые казались не более чем грязными отбросами, наутилус — прибрежным хламом. Порыв ветра из окна взметнул одежды куклы и стряхнул скарабеев на пол. Хелен, не успев ничего заметить, наступила на них, и крошечные изумрудные панцири рассыпались под ее каблуком в серую пыль. Хелен огорченно охнула: все ее красивости вдруг показались такими жалкими. Она переставила куклу на подоконник, на второй стол, потом к себе в спальню. Но куда бы она ни ставила куклу, все уголки квартиры рядом с ней казались запущеннее прежнего. Хелен смела паутину под притолокой, а затем поставила куклу на тумбочку у кровати и со вздохом рухнула на матрас.

В полумраке спальни, где не было окон, фигурка не казалась уже такой вызывающе роскошной. Хелен огорчилась и снова поправила синие одежды. Из складок ткани ей в ладонь выпали два лепестка фиалки — каждый размером с ее мизинец. Хелен пощупала лепестки — они были на диво свежие и влажные и источали аромат то ли озона, то ли моря. Она задумчиво терла их, пока в руке не остались лишь скрипучие катышки.

Цветы, подумала она и вспомнила, что было написано на той бумажке. Царственная фигурка желает цветов.

Схватив ключи и ржавые ножницы, Хелен метнулась на улицу. Спустя полчаса она вернулась, нагруженная цветами: отломанные ветки индийской сирени с их бело-розовой пеной, свисающие язычки жимолости, привядший белый шиповник, украденный из соседнего садика, цикорий, меркнущий, словно горсть голубых звезд. Хелен свалила цветы в изножье кровати, порылась в кухне и нашла пыльный графин и несколько пустых банок. Сполоснув их и наполнив водой, она сделала неряшливые букеты и окружила ими куклу, так что ее бледная головка торчала из облака белого, лилового, нежно-салатного.

Хелен снова бросилась на кровать, довольно улыбаясь. Банки ловили неверный свет и отбрасывали на стены мерцающие блики. От индийской сирени на потолке появилось еле заметное розоватое пятно, размывшее тень от буйных джунглей жимолости.

В голове у Хелен тоже все размылось и поплыло. Она зевнула, одурманенная густым запахом шиповника и приторным ароматом жимолости, томностью летнего дня, клонящегося к закату. Хелен быстро уснула — ее убаюкал ветерок в краденом саду и дремотное жужжание потерявшейся пчелки.

Один раз она просыпалась. По плечу что-то скользнуло — комар? паук? мокрица? — потом легчайший укол, прикосновение невидимых ножек или крылышек, и все кончилось. Хелен скривилась, почесала укушенное место, поднялась и пошла в ванную. В облупившемся зеркале отразился волдырь на плече. Волдырь жгло, а когда Хелен до него дотронулась, показалась капелька крови. Хелен надела ночную рубашку, проверила, нет ли в постели пауков, свернулась калачиком и снова заснула.

Гораздо позднее она проснулась от какого-то звука — раз, другой, будто гулко плеснул камешек, упавший в колодец. Затем медленная меланхолическая нота — другой колодец и камень побольше, ударяющийся о темную поверхность воды. Хелен застонала, перевернулась на бок. За первыми звуками послышались слабые отголоски, протяжные, словно прибой, сладкие, словно дождь на языке. В ушах Хелен звучал их настойчивый ритм, и вдруг она стиснула руки и застыла, сосредоточившись на звуках.

От стен, пола, потолка отражалось монотонное эхо, оно то становилось громче, то стихало, истончалось до шепота. Хелен села, держась за стену, стряхивая с себя последние нити сна. Рука соскользнула, и Хелен очень медленно поднесла ее к лицу. Рука была мокрая. Между пальцами поблескивали водяные перепонки, серебряными побегами вились к запястью и терялись в голубом ущелье локтя. Хелен помотала головой, не веря своим глазам, и поглядела на потолок. От стены до стены, как пробор в волосах, тянулась узкая полоса воды. На глазах у Хелен нить порвалась, и на висок ей упала теплая капля. Хелен ругнулась, отодвинулась на край матраса — и замерла.

Поначалу ей показалось, будто все вазы попадали на пол и цветы рассыпались. Однако банки по-прежнему стояли на тумбочке, и в темноте виднелись рваные силуэты цветов. Но рядом с букетами громоздились груды других цветов — фи-

алки, черные розы, какой-то вьюн, весь в крошечных граммофончиках. Цветы валялись по всему полу, засыпав складки грязной одежды. Хелен подняла с линолеума орхидею, морщась от изумления. Орхидея сияла неверным розовым огоньком, а пушистые тычинки окрасили кончики пальцев ярко-желтым. Хелен рассеянно вытерла пальцы о бедро, случайно поцарапав кожу ногтем.

Мимолетная боль заставила ее резко пробудиться. Она уронила орхидею. Ей наконец стало ясно, что это не сон. В комнате было жарко и влажно, как будто к лицу прижимали мокрые полотенца. Хелен поглядела на бедро — желтый отпечаток пальца растаял и расплылся от пота. Она спустила ноги на пол — под пяткой перезрелой виноградиной лопнула орхидея. От раздавленного цветка поднялся тошнотворно густой запах. Дышать было трудно, как в сильный дождь, Хелен закашлялась. Ноздри были мокрые. Она чихнула, втянув теплую воду. Вода текла по щекам, и она медленно подняла руку, чтобы вытереть глаза. Рука поднялась только до пояса. Хелен посмотрела вниз, и рот у нее сам собой открылся от изумления.

Ее держали — рукой нежной и тонкой, будто стебель ириса, такой маленькой, что Хелен еле чувствовала ее прикосновение к жилке на запястье. В голове у нее кровь билась в ритме яванского гамелана — гонгов и барабанов, повторяющих биение сердца. Крошечная ручка исчезла. Хелен пошатнулась и упала на кровать, лихорадочно пытаясь нащупать выключатель. В темноте по смятой простыне что-то ползло.

Когда Хелен закричала, рот ей заткнули — розами, орхидеями, углом подушки. Крошечные ручки зажали ей нос — и совали ей в рот цветы, цветы, цветы, пока она не замерла, давясь благоуханными лепестками. Над разоренной постелью возникла ухмыляющаяся тень — размером с ребенка. Тонкие руки были обвиты привядшими желто-зелеными побегами, а когда тень поползла к Хелен, постель зашелестела, словно листва под дождем. Кукла подползала гигантским богомолом, подтягиваясь на длинных руках, грубая ткань одеяния скользила у Хелен между коленей, белые зубы сверкали в темноте. Хелен попыталась схватить существо сквозь простыню и ударить о стену. Но она не могла пошевелиться.

Она хотела закричать, но изо рта посыпались цветы, мягкие пальцы орхидей полезли в горло, пока она боролась с простынёй.

А клацанье барабанов не прекращалось, даже когда крошечные руки пробежались по ее груди, когда крошечный рот защипел ей в ухо. Острые, как иглы, зубы пронзили ей плечо, длинный язык развернулся и все лизал кровь, разбрызгивая ее на цветы, обвитые вокруг шеи. Лишь когда узкая тень отпрянула и начались ужасные, ужасные сны, гамелан наконец умолк.

Было уже полдесятого — обычно Хелен встречалась с Лео в кафе гораздо раньше. Он ждал ее и выпил целый кофейник, но в конце концов двинулся наверх, обиженный, что она так и не появилась.

Лео обнаружил ее в том же самом тупике с малайзийскими экспонатами — она сидела над двумя узкими деревянными шкатулками. Он долго смотрел ей в спину и даже собирался так и уйти, ничего не сказав. Волосы у нее были грязные, небрежно свернутые в растрепанный узел, а плечи устало ссутулились. Но не успел Лео отвернуться, как она посмотрела на него, прижав шкатулки к груди.

— Бурная ночка? — процедил Лео.

Шарф, туго замотанный вокруг шеи Хелен, не мог скрыть синяков. Губы распухли, глаза покраснели и запали, словно после бессонной ночи. Лео понимал — у Хелен наверняка есть знакомые, мужчины, любовники. Но она ни разу ни о ком не упоминала, никогда не рассказывала о поездках на выходные или в отпуск. Лео внезапно почувствовал, что его предали, и резко развернулся.

— Лео... — пробормотала Хелен, рассеянно поглаживая шкатулку. — Я сейчас не могу говорить. Я сильно опоздала. Занята, в общем.

— Догадываюсь.

Лео неловко рассмеялся, но на углу остановился и увидел, как Хелен склонилась над открытой шкатулкой. Лица было не видно, и Лео не мог понять, что она там обнаружила.

Прошла неделя. Лео решил не звонить Хелен. Тщательно рассчитывал визиты в кафе — лишь бы не застать ее.

Уходил с работы попозже — лишь бы не столкнуться с ней в лифте. Каждый день надеялся увидеть ее на месте, хотя бы найти у себя на столе наспех нацарапанную записку. Но Хелен так и не появилась.

Прошла еще неделя. Лео наткнулся у лифта на кураторшу отдела Индии и Юго-Восточной Азии.

— Вы не видели Хелен на этой неделе? — спросила она, и Лео при упоминании этого имени весь вспыхнул.

— Нет... — выдавил он. — Честно говоря, ни разу не видел.

— Наверное, она заболела.

Куратор пожала плечами и шагнула в лифт. Лео проехал с ней до подвала и битый час бродил по коридорам, время от времени заглядывая в отдел антропологии. Ни следа Хелен, никаких записок от нее на столе.

Лео пошел обратно, остановившись у того закоулка, где видел Хелен в последний раз. Целый ряд ящиков обрушился, и Лео, распинав коробки, опустился на колени и вяло принялся читать надписи на них, словно выискивал в них шифрованное послание от Хелен. Надписи были на санскрите, по-вьетнамски, по-китайски, по-английски, а рядом — полустершиеся багажные бирки, экзотические марки и небрежные описания содержимого. «Ва-Янь Го-Ли» — прочитал Лео. Ниже было нацарапано: «Куклы». Лео присел на пол, глядя на баррикады ящиков, а потом принялся равнодушно читать все надписи подряд. Может быть, она его здесь найдет. Наверное, она болела и пошла к врачу. Или просто опять опаздывает.

Он сдвинул узкий деревянный ящик, и тот загремел. «Крис», — прочитал Лео на этикетке, открыл ящик и увидел внутри богато украшенный меч. На ящике потяжелее значилось «Сань-Хьянь. Живая кукла». На третьем, пустом, было размашисто написано «Секар Мас» с коряво нацарапанным переводом: «Князь цветов».

Лео швырнул последним ящиком в стену и услышал глухой треск дерева. Хелен сегодня не придет. Ее не было две недели.

Вечером он ей позвонил.

— Алло!

Голос Хелен; по крайней мере, трубку взял не мужчина.

— Хелен! Как дела? Это Лео.

— Лео... — Она кашлянула, и он услышал еще чей-то неразборчивый голос. — Это ты.

— Я, — сухо отозвался он, ожидая, что она извинится, неловко засмеется, снова кашлянет и разразится перечнем вымышленных недугов — сенная лихорадка, простуда, грипп. Но она ничего не сказала. Лео прислушался и понял, что на заднем плане был не голос, а скорее какой-то монотонный шум вроде вентилятора или воды из крана. — Хелен! У тебя все нормально?

Долгая пауза.

— Конечно. Конечно, у меня все хорошо. — Голос ее умолк, и Лео услышал высокий писк.

— Хелен, ты там птицу завела?

— А?

Лео переложил трубку к другому уху, прижав ее сильнее, чтобы лучше слышать.

— Птица. У тебя там какие-то странные звуки, будто птица щебечет.

— Нет, — медленно проговорила Хелен. — У меня нет птицы. И телефон не сломан. — Лео слышал, как она ходит по квартире, и шум то становился громче, то стихал, но не смолкал. — Лео, я сейчас не могу говорить. Завтра увидимся, хорошо?

— Завтра?! — взорвался он. — Я тебя две недели не видел!

Она кашлянула и ответила:

— Извини. Была занята. Завтра увидимся. Пока.

Он хотел было возразить, но она уже повесила трубку.

Назавтра она не пришла. В три Лео пошел в отдел антропологии и спросил секретаршу, появлялась ли сегодня Хелен.

— Нет, — покачала головой она. — В отделе кадров уже отметили, что она прогуливает. Ее всю неделю не было. — Она нерешительно помолчала и зашептала: — Лео, в последнее время она плохо выглядела. Как вы думаете, может быть... — Умолкнув, она пожала плечами. — Всякое может быть. — Тут у нее зазвонил телефон.

Лео ушел с работы пораньше, вывел велосипед со стоянки и покатил направо, в сторону дома Хелен. Он кипел от ярости, но сквозь злобу пробивалась серебряная игла страха. Он едва не решился сначала зайти к ее непосредственному на-

чальнику, едва не решился предупредить ее звонком. Но он не стал этого делать и теперь катил по Пенсильвания-авеню, объезжая первые пробки. В нескольких кварталах впереди виднелся Юнион-стейшн. Лео вспомнил статью во вчерашнем выпуске «Пост»: какие-то вандалы оборвали все розы в сквере перед вокзалом. Он пересек автобусную полосу вокруг вокзала и объехал разоренный сквер, качая головой и огорченно озираясь. Ни одной розы не осталось. Кто-то оборвал со стеблей все цветы до единого. Местами на брусчатке лежали груды роз, уже начавшие буреть от гнили. Кое-где мертвые цветы еще болтались на надломанных стеблях. Выругавшись от возмущения, Лео еще раз объехал сквер и едва не врезался в автобус — он все время оглядывался на погибшие цветы. После этого он свернул к дому Хелен — многоэтажке в нескольких кварталах к северу.

Свет в окнах Хелен не горел. Даже с улицы было видно, какие засаленные у нее занавески, они словно прилипли к стеклу от грязи и усталости. Лео стоял на поребрике и тупо разглядывал окна, зияющие в голом бетонном фасаде.

«Кому же захочется тут жить?» — невольно подумал он, и ему стало стыдно. Надо было приехать сюда уже давно. Стыд застыл и сгустился в мрачные предчувствия в тончайших ледяных ножнах страха. Лео поспешно пристегнул велосипед к парковочному счетчику, подошел к окну Хелен и, встав на цыпочки, заглянул в квартиру. Ничего не видно. Выцветшие занавески скрывали от него комнату, будто облака молочно-белого дыма. Он тактично постучал в окно, а затем, расхрабрившись от тишины, несколько минут настойчиво барабанил, прищурясь, чтобы не пропустить никаких движений внутри.

По-прежнему ничего. Лео вслух выругался и сунул руки в карманы, пытаясь сообразить, как теперь быть. Вызвать полицию? Найти родственников? При этой мысли его передернуло: она давно сделала бы это сама, если бы хотела. Хелен четко и ясно говорила: она любит быть одна. Но битое стекло под подошвами кроссовок, мятые газеты, которые ветром прибило под крыльцо, вся неприкаянность этого квартала говорили об обратном. «Почему она живет здесь?» — подумал Лео со злостью и помчался по лестнице, перепрыгивая через ступеньку и расшвыривая с дороги бутылки и обертки от гамбургеров.

Он ждал у двери пять минут, пока из дома вышел какой-то паренек. Лео едва успел поймать дверь, пока она не захлопнулась. В подъезде с потолка криво свисала, жужжа, как пчела, лампа дневного света. Квартира Хелен была первая направо. На полу валялись рекламки окрестных магазинов, а на дальней стене виднелись почтовые ящики. Один был открыт и весь набит квитанциями и бесплатными журналами. На ступеньках под ним валялись конверты. Все были адресованы Хелен.

На стук никто не ответил, но Лео почудились внутри чьи-то шаги.

— Хелен,— негромко окликнул он.— Хелен, это Лео. Ты там как?

Он постучал погромче, еще раз позвал ее, потом принялся колотить в дверь обоими кулаками. По-прежнему ничего. Надо идти; надо вызвать полицию. А лучше вообще забыть, что он сюда ходил. Но он же здесь, и полицейские все равно будут его допрашивать, и кураторша отдела Индии и Юго-Восточной Азии будет смотреть на него косо. Лео прикусил губу и взялся за дверную ручку. Заперто; но когда он прислонился к двери, дерево подалось. Он покрутил ручку и уже собрался выломать дверь.

Однако это не понадобилось. Ручка крутанулась, и дверь распахнулась — так неожиданно, что Лео мешком рухнул внутрь. За спиной щелкнул замок. Лео оглядел комнату, высматривая Хелен, но видел он лишь серый сумрак, вуали теней, которые отбрасывали заскорузлые занавески. Тут Лео вдохнул, закашлялся и зажал рот рукавом, чтобы дышать сквозь ткань. Он попятился к двери, поскользнулся на чем-то влажном, вроде груды мокрого белья. Взглянул под ноги и крякнул от отвращения.

Розы. Они были повсюду: груды гнилых цветов, сломанные ветки, ободранные листья, даже целый небольшой кустик шиповника в углу. Лео забыл о Хелен, обернулся нашарить дверную ручку и споткнулся о выдернутую с корнями азалию. Он упал, цепляясь за стену. Руки скользнули по штукатурке, словно она была мокрая. Подняв взгляд, Лео обнаружил, что она *и была* мокрая. С потолка по стенам ручьем лилась вода, манжеты рубашки сразу намокли. Лео охнул. Колени подломились, и он, взмахнув руками,

рухнул в груду гниющих цветов. Вонь душила его, глаза слезились, он подавил рвоту и попытался снова встать.

Тут он что-то услышал — то ли звонок в дверь, то ли телефон; и тихий шорох — будто под потолком скреблось какое-то животное. Лео осторожно повернулся и поглядел вверх, стараясь не выдать себя резким движением. По потолку кто-то пробежал, и Лео стало нехорошо. Что там такое? За первой тварью юркнула вторая, на него уставились немигающие золотые глаза.

«Гекконы, — в ужасе подумал Лео. — Она держала гекконов. Нет, она *держит* гекконов! Боже мой!»

Нет, ее здесь нет! Тут так жарко, так невыносимо воняет тухлой водой, гнилыми цветами, везде мокро. Брюки Лео намокли — он упал прямо в лужу гнили, колени саднило. Линолеум покоробился, из трещин тоже торчали цветы — побуревшие ирисы, осклизлая жимолость. Из соседней комнаты доносилась неумолчная капель, словно забыли закрыть кран.

Надо выбираться отсюда. Оставить дверь открытой — пусть увидит домовладелец или полиция. Кто-нибудь позовет на помощь. Но Лео не мог добраться до двери. Не мог встать. Ноги скользили по заплесневелому линолеуму, руки тщетно хватались за бурые лепестки. Темнело. Свет сочился сквозь серые занавески, оставляя на полу золотые полосы. Лео пополз по гнилым листьям, хлюпая мокрой одеждой и отшвыривая в стороны лепешки зелени и изломанных ветвей. Падая, он подвернул ногу, и она болела, руки жгло от невидимых колючек.

Что-то скользнуло по пальцам, и он заставил себя посмотреть вниз, содрогаясь от отвращения. Раздавленный наутилус оставил на руке длинную красную царапину, острые осколки золотило заходящее солнце. Оглядевшись, Лео заметил и другие предметы, множество мелочей, видневшихся в трясине гнилых цветов, как будто тухлая зелень накрыла линолеум приливной волной. Агаты, яркие маски, перья райских птиц, покрытые коркой грязи, расколотые черепа и кости, золотая парча. Он узнал резную куклу, с которой играла Хелен тогда в индонезийском коридоре, — ее головной убор поблескивал в сумраке. Вокруг кукольной шеи была обмотана гирлянда свежих цветов, и янтарные и лазурные цветы так и светились среди руин.

Раздался гулкий стук. Лео с облегчением поднялся на колени. Кто-то постучал в дверь! Но стук раздался откуда-то сзади, затем повторился — грубее, резче. Когда он стих, Лео услышал топоток гекконов по потолку. Зазвенела высокая нота, оконные рамы задрожали, словно под напором ветра. Листья куста в углу развернулись, будто перед дождем, розы зашевелились.

Тогда Лео услышал другой звук — тихий шорох: так почесывается проснувшаяся кошка. Теперь у него болели обе ноги, и ему приходилось подтягиваться на локтях, но он по-прежнему стремился к двери. Стук стал громче, звонче. Ему аккомпанировало глуховатое эхо — как шум дождя. Лео оглянулся через плечо на темный провал двери в спальню. Там что-то пошевелилось.

У его локтя тоже что-то пошевелилось — и он слабо стукнул куклу, отбросив ее в сторону. Он рассеянно поглядел ей вслед и съежился, посмотрев на потолок, — вдруг к нему крадется геккон?

Но никакого геккона не было. Когда Лео снова поглядел на куклу, она ползла по полу к нему, помогая себе длинными хрупкими руками.

Гонги грохотали. По комнате ползла и другая фигура — большая, заслонившая дверной проем. Лео успел увидеть, прежде чем его ослепили лепестки, что это исхудалый человек, женщина, которая цеплялась иссохшими тонкими пальцами за обломанные ветви и беспомощно возила ногами по скользким листьям. Над ней вился рой ярких куколок. Они обвивали ей руки и шею цветочными стеблями, рассыпали на пол цветы. Стаей стрекочущих бабочек они ринулись на Лео, раскинув крошечные ручки, высунув багровые пестики длинных язычков, и гонги зазвенели золотыми колокольцами, когда они набросились на него — и сожрали.

ЛУИЗА КУПЕР

Ярость

Луиза Купер пишет книги буквально с того дня, как научилась писать. Свой первый роман, «Книга парадоксов» («The Book of Paradox»), она опубликовала в двадцать один год, и с тех пор в свет вышло более пятидесяти ее книг. Среди них — трилогия «Повелитель времени» («The Time Master Trilogy») и две трилогии, сюжет которых перекликается с сюжетом первой, — «Врата хаоса» («Chaos Gate») и «Тень звезды» («Star Shadow»). Недавно опубликована серия романов для подростков, действие которых происходит в том же мире, — «Дочь бурь» («Daughter of Storms»), «Темный гость» («The Dark Caller») и «Хранители света» («Keepers of Light»).

Купер — автор множества книг в жанре фэнтези для взрослых, например, восьмитомной серии «Индиго» («Indigo»), а также романов с самостоятельным сюжетом — «Мираж» («Mirage»), «Королевский демон» («The King's Demon»), «Таинство ночи» («Sacrament of Night»), «Снежная мадонна» («Our Lady of the Snow») и «Летняя ведьма» («The Summer Witch»). Для детей Купер написала серию из девяти романов (среди них — специальная книга с рождественским сюжетом) под названием «Существа» («Creatures»), это «ужастики» о животных. В настоящее время писательница работает над более «традиционным» романом для взрослой аудитории (в котором, однако, присутствует и сверхъестественное) и собирается написать книгу в жанре альтернативной истории.

«Не имею ни малейшего представления, как у меня возникла идея этого рассказа, — признается автор. — Она просто пришла, и все. Только что я ломала голову над сюжетом, который отличался бы от традиционных произведений о вампирах, а в следующее мгновение идея уже сформировалась у меня в мозгу. Такое со мной редко бывает. В „Ярости" затрагивается тема, которую я считаю исключительно увлекательной: как обычное, прозаическое человеческое существо реагирует на встречу с невероятным, особенно когда „невероятное" сочетает в себе нечто ужасное, потенциальную опасность и соблазн „исполнения желаний".

Что касается вампиров... В жизни я еще не встречала ни одного и искренне надеюсь, что не встречу. Но существуют люди, которые оказывают на окружающих такое отрицательное влияние, что их можно сравнить с вампирами из легенд: они словно присасываются к другим и питаются их энергией. Кармин, помимо того, что она „традиционная" вампирша, представляется мне таким „энергетическим" кровососом. Ведь, если вампиры существуют, у них наверняка должны быть и надежды, и страхи, и мечты, как у всех людей.

Как бы вы их ни называли...»

Вежливый женский голос на другом конце провода произнес:

— Я прочитала ваше объявление в «Альтернативе». Возможно, я смогу вам помочь.

Учащенное, болезненное биение сердца, вызванное внезапно вспыхнувшей надеждой, стало для Пенни слишком хорошо знакомым за последние несколько месяцев, но она попыталась подавить возбуждение и говорить ровным голосом:

— Понимаю... Что... э-э... конкретно вы хотите мне предложить?

Последовала небольшая пауза.

— По вашему тону я могу предположить, что вам уже звонили по этому вопросу, но ничего не вышло, не так ли?

— Да, это так.

Пенни вспомнила эти звонки, и надежда сменилась горечью: два травника, лечивших нетрадиционными методами, целитель с каким-то кристаллом, женщина, пытавшаяся всучить ей «магический талисман удачи» и в придачу набор «ваших персональных любовных ритмов». О, и еще этот идиот, который бубнил об Иисусе и расплате за грехи, пока она не обругала его и не швырнула трубку на рычаг. В журнале, где Пенни поместила свое объявление, ей не советовали давать домашний номер. Однако отчаянное положение заставляет идти на отчаянные меры.

— Послушайте,— начала Пенни,— если вы продаете какое-то новое волшебное снадобье, то...

— О нет. Ничего подобного, я вас уверяю; то, что я предлагаю, — абсолютно практическая мера и абсолютно действенная. Единственное, о чем я должна предупредить пациента, — это некоторые побочные эффекты.

Надежда снова зашевелилась где-то глубоко внутри. Слова «пациент» и «побочные эффекты» звучали успокаивающе: в них было нечто от классической медицины.

— Могу я задать вам вопрос? — продолжала женщина.

Пенни усилием воли оторвалась от того оборота, который приняли ее мысли.

— Да; разумеется, пожалуйста.

— В своем объявлении вы по понятным причинам не стали вдаваться в детали. Болен ваш муж?

— Да.

— И врачи говорят, что... словом, что они не могут больше ничего сделать?

— Да. — Терапевт, анализы, специалист, снова анализы, *проклятая* больница... Пенни сделала глубокий вдох и изо всех сил постаралась, чтобы голос не дрожал. — Болезнь неизлечима, и она прогрессирует. За последние два года мы перепробовали все, но ничто не помогло... А теперь... теперь у него осталась пара месяцев, и врачи говорят... — У нее перехватило дыхание, она прикрыла ладонью трубку и попыталась откашляться.

— Говорят, что надежды нет, — негромко закончила предложение женщина. — Я понимаю. Очень сочувствую вам.

— Спасибо, — напряженным голосом ответила Пенни.

— Итак, думаю, я смогу помочь вам, если вы согласитесь принять мою помощь. Но сначала я хотела бы обсудить все лично.

У Пенни наступила реакция на минутное напряжение, и к ней вернулось недоверие.

— Зачем? — воскликнула она. — Все вы, проповедники, так делаете: сначала выклянчиваете приглашение, затем начинаете воздействовать на людей. Только на прошлой неделе я открыла дверь, а там оказался какой-то проклятый...

— Прошу вас, успокойтесь. Я вам обещаю, что я не проповедник, не принадлежу ни к какой религии или секте. Совсем напротив. Но то, что мне... необходимо объяснить, я могу сообщить только при личной встрече.

Пенни подняла взгляд и оглядела коридор. Бледное февральское солнце придавало обстановке унылый вид; ступени лестницы находились в глубокой тени. Дэвид лежал там, наверху, в их спальне, напичканный обезболивающими, он едва узнавал жену, едва понимал, где находится.

— Хорошо. Когда и где? — выпалила она на одном дыхании.

— Я думаю, лучше будет, если я приду к вам домой. Сегодня вечером вам удобно?

— Да.

Лучше покончить с этим сразу. Если это очередное разочарование, пусть оно наступит как можно быстрее. С чувством нереальности происходящего Пенни дала свой адрес и договорилась о встрече в семь вечера.

— Я не знаю вашего имени, — добавила она.

— О, разумеется. Смит. Кармин Смит.

Пенни ей не поверила, она вообще не верила, что женщина сможет ей помочь. Но разве это имело значение? Терять было нечего.

Кармин Смит было, наверное, немного за сорок, на ней были надеты элегантный темный костюм и дорогой плащ из черного шелка. Волосы у нее тоже были темные, подстриженные коротко, по-мальчишески, что очень ей шло. Глаза были слегка подкрашены, но помадой женщина, видимо, не пользовалась.

— Благодарю, — сказала гостья, взяв протянутую Пенни чашку кофе (черного, без сахара). Она оглядела комнату, оценила стоимость обстановки, но лицо ее оставалось непроницаемым. Затем она спросила: — Ваш муж дома?

Пенни кивнула:

— Мне сказали, что держать его в больнице нет смысла. Им нужны койки, а врачи ничего...

— Конечно. Могу я его увидеть?

Пенни ощетинилась:

— Он, скорее всего, спит. Он много спит, а когда бодрствует, сознание его затуманено. Он вам не сможет ничего сказать.

— И все же позвольте, я просто взгляну? — Кармин пристально смотрела на хозяйку.

Пенни, поколебавшись мгновение, пожала плечами.

Они поднялись на второй этаж. Кармин шла бесшумно, отчего Пенни овладело какое-то смутное беспокойство. Она представила себе, что, обернувшись, не увидит за спиной никого и что вся эта встреча — сон, галлюцинация.

Дэвид, как она и сказала, спал. Кармин подошла к постели и некоторое время пристально разглядывала больного в свете прикроватной лампы; Пенни, которой в последнее время не очень-то хотелось смотреть на мужа, переминалась с ноги на ногу у окна.

Наконец Кармин едва слышно произнесла:

— Он очень красив.

— Да.

«Точнее, был красив до того, как его организм перестал принимать пищу и началось истощение».

— Сколько ему лет?

— Сорок шесть. — Пенни беспокойно пошевелилась. — Послушайте, мне не хотелось бы его разбудить. Вы его увидели; если нам нужно поговорить, лучше спустимся вниз.

— Разумеется. — Кармин вышла первой, она держалась с уверенностью, которой не было заметно прежде, словно за несколько секунд она осмотрелась, взвесила все и пришла к некоему решению. В гостиной она села в любимое кресло Дэвида, сделала глоток кофе, затем поставила чашку и взглянула Пенни в лицо. — Я могу вернуть его вам, — заявила она.

Все тело Пенни задрожало, словно по нему пробежал электрический ток, и она, не веря своим ушам, уставилась на гостью.

— Как?

Кармин опустила взгляд и принялась рассматривать свои руки, лежавшие на коленях.

— Это самая трудная часть, миссис Блайт. Вам будет нелегко принять то, что я сейчас скажу.

— Вы упоминали о побочных эффектах...

— Да-да; но пока я говорю не об этом. — Кармин сделала глубокий вдох. — Наверное, лучше будет, если я скажу все прямо и не стану ходить вокруг да около. Я могу вернуть вам мужа, здорового, целого и невредимого, он будет еще здоровее, чем прежде. Потому что я могу сделать его бессмертным.

Наступила короткая, мучительная пауза. Пенни поднялась.

— Убирайтесь из моего дома, — приказала она. — Немедленно.

— Миссис Блайт...

— Немедленно! — в ярости воскликнула Пенни. — Люди, подобные вам, больны. Думаю, вы находите это все забавным, так ведь. Забавно разыгрывать людей, смеяться над чужим горем? Нечто вроде наркотика, да? — Она быстрыми шагами подошла к двери и рывком распахнула ее. — Убирайтесь вон!

Кармин тоже встала, но уходить не собиралась.

— Миссис Блайт, я говорю серьезно!

Это было сказано почти сердито, и Пенни, отвернувшись, стукнула стиснутым кулаком по дверному косяку.

— Ах, она серьезно! Значит, это не идиотская шутка; она и впрямь в это верит! Боже, дай мне терпения! — Пенни снова повернулась к Кармин. — Да вы что, принимаете меня за слабоумную? А может, вы и сами слабоумная? Бессмертие, значит! Вы ведь из какой-то секты, так? Ну так вот, я вам скажу, мисс Смит, или как вас там на самом деле зовут, вам промыли мозги, но я больше ни минуты не собираюсь выслушивать это дерьмо!

— Миссис Блайт, — повторила Кармин, и что-то в ее голосе заставило Пенни замолчать. — Миссис Блайт, я не принадлежу ни к какой секте, ни к какой организации. Но я действительно бессмертна, и я предлагаю вашему мужу шанс стать таким же, потому что для него это единственная альтернатива смерти. Дело в том, что я вампир.

Пенни прижалась лбом к косяку и начала смеяться. Смех перешел в истерический хохот, затем сменился захлебывающимися рыданиями, перемежающимися икотой. Пенни принялась швырять в Кармин все, что попадалось ей под руку, выкрикивая бранные слова. Кармин уклонялась от летящих в нее предметов и спокойно ждала, пока прекратится истерика.

Устав, Пенни опустилась на корточки, прислонившись спиной к стене, и закрыла лицо руками.

— У вас есть зеркало? — спросила Кармин.

Пенни подняла голову, тупо посмотрела на странную женщину и ничего не сказала. Взглянув мимо нее в открытую

дверь, Кармин заметила на стене в холле овальное зеркало. Она принесла его и присела рядом с Пенни.

— Посмотрите, — велела она.

Слишком обессиленная, чтобы возражать, Пенни повиновалась. Она увидела свое собственное лицо, покрасневшие глаза, спутанные волосы и решила, что похожа на больную свинью; даже в этой невероятной ситуации ей стало стыдно. Затем в мозгу у нее что-то щелкнуло, и она перевела взгляд на отражение Кармин. У женщины в зеркале не было лица. Пенни увидела лишь смутное серое пятно, словно у плеча ее опустилось облако тумана. В тумане можно было с трудом различить лицо человека, за серой завесой угадывались какие-то черты, но и только.

— Суеверие, гласящее, что мы не отражаемся в зеркалах, не совсем точно, — мягко объяснила Кармин, — но суть оно передает.— Она встала, подхватила зеркало, едва не выскользнувшее из онемевших пальцев Пенни, и отступила на пару шагов, показывая, что не имеет враждебных намерений.— Что еще мне сделать, чтобы убедить вас?

Пенни очень медленно подняла голову. Она выглядела потрясенной, на губах застыла бессмысленная улыбка, похожая на оскал мертвеца.

— Чеснок, — выговорила она. — Вампиры не переносят чеснок. И они обращаются в прах под лучами солнца.

Она бросила быстрый взгляд в сторону окна, но шторы были задернуты. На улице уже стемнело — она совсем забыла об этом.

— Вы не совсем правы, — возразила Кармин.— Лично я обожаю чеснок. А что касается солнца... ну, на солнце у нас кружится голова и кожа сгорает быстрее, чем у обычных людей, но особого вреда оно не приносит.

Пенни не сдавалась:

— Тогда гробы. Вампиры спят в гробах.

— И снова вы ошибаетесь. Правда, я попробовала однажды, когда была еще ребенком, но одной ночи оказалось достаточно. В кровати намного удобнее.— Кармин криво усмехнулась. — Напоминает игру в испорченный телефон, верно? Переходя от одного к другому, истории обрастают преувеличениями и искажаются, и получается смесь правды и вымысла. Именно так за долгие века и появился фольклор о нас.

— Века... — тупо повторила Пенни, затем издала странный лающий смешок. — Сколько вам лет?

— Намного больше, чем хотелось бы признать. В моем случае это наследственное. Кстати, еще один миф гласит, что вампирами можно только сделаться, но не родиться. Это неправда, возможны оба варианта. И это возвращает нас к Дэвиду...

— Нет, — сказала Пенни.

— Миссис Блайт...

— Нет. В любом случае я не верю ни единому вашему слову.

— Точнее, не желаете верить. Посмотрите на меня. Прошу вас. Я просто хочу вам кое-что показать.

Зубы, разумеется. Клыки были необыкновенно длинными; не такими, конечно, как у Дракулы, но определенно длиннее, чем у большинства людей. И острыми на вид.

Пенни глупо хихикнула, и Кармин сказала:

— Если вы все еще не верите, то мне остается лишь один способ доказать свои добрые намерения.

Пенни прекратила хихикать и подозрительно уставилась на гостью.

— Какой способ?

— Начать *лечение*. — Кармин многозначительно подняла взгляд к потолку — над ними находилась спальня. — И прежде чем снова начать кричать на меня, вспомните: я ничем не могу ему навредить, потому что он уже приговорен. Что вы теряете?

Разум — вернее, то, что от него осталось, — твердил Пенни: «Это полное безумие. Я говорю с женщиной, которая называет себя вампиром и утверждает, что может вернуть Дэвида к жизни, также сделав его вампиром. И какая-то часть меня жаждет, чтобы эти смехотворные бредни оказались правдой, потому что я отдам что угодно, чтобы вернуть его. И вот я уже готова сказать: да, в таком случае идите к нему, посмотрим, что вы можете сделать!»

Она услышала свой собственный голос:

— В таком случае идите к нему, посмотрим, что вы можете сделать! — Пенни отвернулась от Кармин и уставилась на стену. — Вы сами сказали, что мне нечего терять! Скорее всего, вы спятили, будете прыгать вокруг него и танцевать

танцы мумбо-юмбо, и ничего не произойдет. Но я согласна. Почему нет? Я бы не стала помещать это объявление, умоляя помочь мне, если бы не решила испробовать буквально все средства. — Она смолкла и нахмурилась. — Что конкретно вы собираетесь сделать?

— Укусить его, — спокойно ответила Кармин. — Эта часть легенды отвечает истине. После первого сеанса изменится немногое — их потребуется несколько, — но это, так сказать, запустит процесс. Вы, возможно, заметите, что состояние больного начнет улучшаться уже сегодня.

— Конечно. — Пенни махнула рукой. «Невероятно. Я, наверное, сошла с ума, этого не может быть на самом деле. Какого черта?» — Тогда идите. Да. Идите.

Кармин не позволила Пенни сопровождать ее наверх. Они поспорили насчет этого, но в конце концов Пенни сдалась. Она принялась мерить шагами холл, но так ничего и не услышала. Наконец наверху послышались шаги — кто-то направлялся в ванную. Раздался плеск воды, затем по лестнице спустилась Кармин.

— И все? — спросила Пенни.

Она ожидала увидеть в женщине какую-то перемену. Но ничего особенного не заметила — лишь ее бледные щеки чуть порозовели.

— На сегодня все, — объяснила Кармин. — А сейчас мне нужно идти. Наблюдайте за его состоянием в течение сорока восьми часов.

Она сняла с крючка плащ и собралась надеть.

— Постойте! — воскликнула Пенни.

— Да?

— Зачем вы это делаете? Я хочу сказать... если вы говорите правду и вы действительно... — Она не смогла заставить себя произнести это слово. — Вам что-то от меня нужно?

— Разумеется, — сказала Кармин. — Деньги.

Пенни меньше всего ожидала подобного ответа; ошарашенная, она заморгала.

— Что?

Кармин пожала плечами:

— Всем нужно как-то зарабатывать на жизнь. Если вашему мужу станет лучше и вы решите продолжить лечение, тогда вам придется заплатить мне гонорар.

— Какой гонорар?

— Обычно я прошу десять тысяч — если лечение доведено до конца. В случае, если вы захотите остановиться — на любой стадии, — мы договоримся о процентах.

— Десять... тысяч?

— Мне не хотелось бы показаться невежливой, — произнесла Кармин, — но разве жизнь вашего мужа не стоит этой суммы?

Разумеется, если подумать, она права, это совершенно разумная сделка. Новая машина стоит в два раза дороже, дом — вообще на несколько порядков больше. Как сказала Кармин, сколько стоит жизнь Дэвида? И все же по своей наивности Пенни решила, что женщиной руководит какой-то альтруизм, и открытие, что вампирша не менее реалистична, чем продавец или агент по недвижимости, стало для нее потрясением.

— Это... — Она засмеялась, поперхнулась, затем взяла себя в руки. — Это ведь не министерство здравоохранения назначает такие цены, а?

— Нет, — сказала Кармин. — Должна вас предупредить, что это строго между нами.

С машиной можно и расстаться. За нее дадут по меньшей мере восемь тысяч. Недостающие две будет нетрудно раздобыть.

— Отлично, — решила Пенни. — Если это подействует. — Она прижала руку ко лбу. — Не верю, что я это делаю.

Кармин достала визитку с серебряным обрезом.

— Здесь мой рабочий телефон, — сообщила она. — Позвоните мне послезавтра, и мы посмотрим, что делать дальше.

Пенни взглянула на карточку.

— Кармин Смит, консультант... Это вы так себя называете?

— Полезное слово. Прикрывает множество грешков. — На губах женщины промелькнула улыбка, показавшаяся Пенни зловещей. — До свидания, Пенни. Можно мне называть вас по имени? Мы скоро увидимся.

И она ушла.

В тот вечер Дэвид Блайт не проснулся, он спал всю ночь мирно, как младенец, без помощи снотворных. Вспомнив

фильмы, Пенни осмотрела его шею в поисках отметин от зубов. Но ничего не нашла и отправилась спать в соседнюю комнату; ее долго мучила бессонница, периоды бодрствования перемежались кошмарами.

Дэвид проснулся вскоре после семи и сообщил жене, что почти не чувствует боли. Его посеревшие во время болезни щеки тронул едва заметный румянец. Затем он снова уснул. За ланчем он съел полчашки бульона, и его не вырвало. Потом больной опять вздремнул, поел еще и провел спокойную ночь.

На следующее утро Пенни, забыв о соглашении насчет сорока восьми часов, уже в десять набирала номер, указанный на визитке Кармин Смит.

— Ему лучше, — сказала она тонким, напряженным голосом. — Я ничего не понимаю, я не могу поверить, но ему намного лучше!

— Хорошо, — произнесла Кармин с ноткой удовлетворения в голосе. — Десять тысяч, вы не забыли?

— Десять тысяч, — повторила Пенни. — О боже, да.

Кармин приходила в дом еще четыре раза. Каждый раз повторялось то же самое: кофе, затем уединение наверху, во время которого Пенни нервно расхаживала по комнате, затем ванная, прощание. Один раз после визита в спальню Кармин выпила бокал бургундского, и это все. И пока она не спрашивала об оплате, а когда Пенни робко затронула эту тему, лишь покачала головой и сказала, что предпочитает брать деньги после завершения работы. Пенни решила: либо вампирша доверяет ей, либо ее клиенты слишком напуганы, чтобы идти на попятный.

По настоянию Кармин Дэвид ничего не знал о происходящем. Хотя здоровье его быстро улучшалось, он по-прежнему много спал, и визиты вампирши происходили именно в это время. Пенни пыталась облегчить свою совесть, повторяя себе, что, имей ее муж право голоса, он с радостью согласился бы на что угодно, лишь бы не умирать.

Однажды вечером, когда они потягивали ритуальный кофе, Кармин объявила, что сегодняшний визит — последний. Рука Пенни застыла, не донеся чашку до рта.

— Почему? Что случилось?

— Все в порядке. — Кармин поставила кофе на стол. — Просто начальная стадия лечения закончена. Настало время для второй, завершающей стадии.

Она смотрела на Пенни, не отводя взгляда, и та поняла, что не готова к окончательному решению. Кармин объяснила ей — или пыталась объяснить — суть и последствия того, что в конце концов произойдет с Дэвидом. Как он будет жить. Чем он будет питаться. То, что он будет обладать бьющей через край энергией; то, что он не будет стареть и останется таким же, как сейчас... ну, теоретически навсегда. Пенни делала вид, что слушает, но в действительности слова Кармин скользили мимо, не задерживаясь в ее сознании. Она не желала знать подробности; для нее имело значение лишь то, что Дэвид медленно, но верно возвращался к жизни.

Но теперь реальность нанесла Пенни жестокий удар, и ей сделалось нехорошо. Сегодня, если Кармин дойдет до конца, Дэвид станет таким же, как она. Станет вампиром. Теперь Пенни верила в вампиров. Кармин утверждала, что принадлежит к их породе, и, видя чудеса, которые она творила, можно ли было сомневаться в ее словах?

Вампир.

— Я... — начала Пенни, затем до нее дошло, что она сама не знает, что хотела сказать, и она смолкла. Кармин отставила свой кофе; она просто ждала, и наконец Пенни выдавила из себя вопрос: — Что... вы сделаете?

— То же, что и прежде. — Голос Кармин звучал мягко, успокаивающе, он внушал доверие. — Но в большей степени. Я бы не хотела вдаваться в подробности; они могут вас расстроить. Существуют вещи, которые мы... не любим открывать тем, кто не принадлежит к нашему роду.

«Дэвид. Вампир».

— Вы причините ему боль?

— Вовсе нет. Я это гарантирую.

«Мой муж». Затем Пенни заставила себя спросить о том, о чем хотела, о том единственном, что имело значение.

— Он... умрет?

Она думала, что Кармин уклонится от ответа, из деликатности, доброты или по каким-то своим причинам. Но она не сделала этого. Она сказала будничным тоном, словно обсуждала работу автомобильного мотора:

— Технически — да. Он отключится, то есть не будет дышать примерно двенадцать часов; затем проснется и... — Она развела руками. — И все.

«И все. Мой муж станет бессмертным. Вампиром...»

— О, я должна вас предупредить, — добавила Кармин. — Двенадцать часов ожидания — это довольно долго; возможно, они покажутся вам дольше двенадцати дней. Вы можете легко впасть в панику и подумать, что что-то идет не так, но вы не должны действовать под влиянием этого страха. Если вы позвоните врачу, в неотложную помощь или еще куда-нибудь, последствия будут катастрофическими — я не преувеличиваю. — Рука женщины, лежавшая на подлокотнике кресла, сжалась, словно она вспомнила нечто неприятное. — Представьте себе, что будет, Пенни. Мертвец, внезапно необъяснимым образом возвращающийся к жизни. Поверьте мне, вы пожалеете о своей неосторожности, когда вам и Дэвиду придется столкнуться с ее последствиями.

Пенни кивнула. Она с каждой минутой чувствовала себя все хуже, внезапно ей захотелось все отменить и указать Кармин на дверь, как она сделала в их первую встречу.

— Боюсь, — негромко заметила женщина, — что для этого немного поздно.

Пенни в ужасе уставилась на нее.

— Откуда вы...

— Узнала ваши мысли? Не волнуйтесь, я не телепат. Просто все написано на вашем лице. Страх, сомнения в последнюю минуту — это происходит со всеми. Но вы не можете меня выгнать. Мы зашли слишком далеко, и если я сейчас остановлюсь, он умрет быстрее и гораздо более мучительно, чем умер бы, если бы мы с вами не встретились. — Она поднялась. — С вашего разрешения...

Лицо Пенни застыло, она походила на статую. Она едва заметно кивнула, и Кармин бесшумно вышла из комнаты.

Она отсутствовала дольше обычного; когда она вернулась, Пенни не расхаживала по комнате, а неподвижно сидела в кресле.

— Двенадцать часов, — напомнила Кармин. Щеки ее горели, глаза блестели возбужденно, даже лихорадочно. — Прошу вас, ради него и ради себя самой не забывайте о моем предупреждении и не впадайте в панику.

Пенни, не глядя на нее, неловко нащупала свою сумочку, лежавшую на полу рядом с креслом.

— Я хотела бы... — Она проглотила ком в горле. Машина была продана, деньги помещены в банк. Она жаждала поскорее избавиться от них. — Вы возьмете чек?

— Конечно. — Пока Пенни дрожащей рукой выписывала чек, Кармин надела пальто. — Благодарю вас, — сказала она, и чек исчез в небольшом бумажнике из черной кожи. — О, и еще: если я вам снова понадоблюсь, просто позвоните. Это включено в счет; вам не нужно будет платить.

— Понадобитесь? — резко переспросила Пенни. — Зачем?

— Ну, возможно, вы уже подготовились к тому, что вас ждет, и в таком случае проблем не возникнет, — сказала Кармин. — Но если нет... — Она пожала плечами, красноречиво, но в то же время словно устраняясь. — Возможно, вам понадобится помощь, когда вы соберетесь рассказать Дэвиду о том, что мы с ним сделали.

Пенни сидела у постели мужа, остекленевшим взглядом уставясь ему в лицо; тело и разум ее словно впали в оцепенение. Дэвид не дышал, а она выпила почти полбутылки водки, и, если Кармин сказала правду, ей предстояло вытерпеть еще более девяти часов, прежде чем его грудь пошевелится, глаза откроются и он взглянет на нее, и ей придется сообщить ему правду. Она не знала, как скажет ему эту правду, и хотела бы иметь наглость, чтобы молить Бога о помощи. Но такой наглости у нее не было, и многочасовое ожидание в компании с бутылкой водки казалось единственной альтернативой.

К полуночи Пенни уснула, повалившись на кровать лицом вниз. После сна в таком положении наутро ей предстояло испытать адскую головную боль. В 7.45 ее разбудил какой-то звук и движение на кровати, и через пару секунд перед ней возникло лицо Дэвида.

Он проснулся. Он сидел. И он был *голоден*.

— Шампанское. — Кармин достала коробку со скромным, но изящным логотипом и протянула ее Пенни. — Чтобы отметить нашу встречу и благополучное окончание лечения.

Шампанское было дорогое, уже охлажденное до нужной температуры, и от этого Пенни почему-то стало неловко. Она принялась излишне горячо благодарить, но, прежде чем она успела достать бутылку, Дэвид перехватил ее.

— Позволь мне, дорогая. Ты же знаешь, как это у тебя бывает: будешь бороться с ней, а потом пробка с грохотом вылетит, и половина вина выльется на пол, прежде чем мы сможем отведать его.

Это замечание задело Пенни, но она постаралась не показывать своих чувств. Она холодно улыбнулась, принесла бокалы и смотрела, как Дэвид извлекает пробку и разливает пенящееся шампанское. Кармин получила первый бокал — вполне естественно, она же гостья, Пенни второй.

— Ну что ж... — Дэвид поднял третий бокал. — За нас троих. — Но при этом он смотрел на Кармин.

Та тепло улыбнулась. Они выпили, и последовала неловкая пауза.

Пенни произнесла:

— Пойду взгляну, как там ужин...

«Все нормально, — сказала она себе, оказавшись в кухне. — Все это так ново для него, а она была весьма полезна; вообще-то, я не представляю, как бы мы без нее справились. Хватит дуться на нее, хватит этой паранойи». Вот так. Если она будет достаточно часто повторять себе эти слова, они сами впечатаются в ее подсознание. Нет никаких причин подозревать его.

Пенни начала возиться с едой, пытаясь сосредоточиться на филе камбалы, приготовленной ею для себя, и не слишком задумываться о том, что будут есть Кармин и Дэвид. Лишь нежелание посеять отчуждение между собой и Дэвидом помешало ей принимать пищу отдельно от него. Откровенно говоря, Пенни едва могла смотреть на мужа во время обеда; ее всегда тошнило от вида сырого мяса, и раньше они питались в основном рыбой, курятиной или овощными блюдами. Теперь все изменилось, и если рацион Дэвида был не таким кошмарным, как в легендах, все же он оставался довольно неаппетитным. И его манеры за столом... Он поглощал пищу жадно, со смаком... В основном он ел мясо, предпочитая говядину или телятину, либо совершенно сырое, либо едва прожаренное, так что кровь текла с куска и свер-

тывалась на тарелке, а рыбу только в виде суши. Он обожал тушеного зайца, если мясник доставлял его с кровью. Когда мясо было принесено, Пенни уперлась и заявила Дэвиду, что он будет готовить его сам. Никаких овощей, никаких фруктов, хлопьев или круп. О, и еще, конечно, ежедневный завтрак из сырых яиц и кровяной колбасы. С алкоголем проблем не было — только теперь Дэвид предпочитал более крепкие красные вина и не пьянел, независимо от количества выпитого.

Сегодня Пенни пришлось угождать двоим вампирам, и она заставила себя приготовить бифштекс (сырой) с большим количеством густого пряного соуса, чтобы заглушить запах сырого мяса и замаскировать его вид. Она собиралась подать также овощи, но лишь для себя; ей одной предстояло есть и десерт — тирамису.

Пенни не ждала от этого вечера ничего хорошего. В первое, тяжелое время (она безрадостно улыбнулась, вспомнив, что считала его тяжелым) Кармин служила для нее опорой, посредницей в болезненном процессе преодоления Дэвидом первого потрясения и привыкания к своему новому состоянию. Однако теперь этот кошмар закончился, и мысль о том, что Кармин придет к ним в дом не для работы, словно превратив таким образом их отношения из профессиональных в личные, раздражала Пенни. Она не желала общаться с Кармин. Эта женщина нервировала ее (что было понятно), и теперь, когда нужда в ее услугах отпала, Пенни с радостью рассталась бы с ней навсегда.

Но Дэвид возразил, что они обязаны пригласить Кармин хотя бы раз. Простое прощание будет грубостью, настаивал он, и, если учесть, что без вмешательства вампирши Пенни была бы сейчас вдовой, он не понимал жену и был даже разочарован. Чувствуя себя мнительной школьницей, Пенни покраснела и капитулировала; остаток дня ее раздирали чувства вины и стыда, и она горячо надеялась, что Кармин не примет приглашения. Но Кармин пришла, так что этот день необходимо было пережить. Дэвид будет доволен, а когда все закончится, она, к счастью, навсегда распрощается с Кармин.

Обед протекал в церемонной, несколько скованной атмосфере, и Пенни, кроме сырого мяса, смущало количество вы-

питого Дэвидом и Кармин вина. Нет, на самом деле она ничего не имеет против, убеждала себя Пенни. Они не пьянели, не становились несносными. Но Кармин принесла всего одну бутылку шампанского, а если вспомнить, что их деньги, десять тысяч, преспокойно лежат сейчас на ее счете...

Она отбросила эту мысль. Мысли о деньгах беспокоили ее слишком часто, и она напомнила себе слова Кармин: сколько стоит жизнь Дэвида? Дэвид уже четыре месяца был ва... был тем, кем он стал, и даже в самые неприятные минуты Пенни признавала, что в его новом положении были свои плюсы. Взять, например, секс. За время их супружеской жизни муж редко проявлял сильное влечение; иногда постель становилась камнем преткновения, а когда он заболел, вопрос о супружеских обязанностях отпал сам собой. Пенни, естественно, никогда не жаловалась, но такое положение дел ее весьма раздражало. Теперь все изменилось. Дэвид стал неутомим. И изобретателен, и так любвеобилен, что его непомерные требования начинали утомлять ее и даже немного надоели. Мороженое — это вкусно, но если есть его каждый день, то в конце концов тебя затошнит...

Пенни постаралась отогнать от себя и эту мысль, постаралась преодолеть приступ жалости к себе. Какое значение имеют деньги или эти бытовые мелочи? Дэвид жив («ну... нет, нельзя углубляться в это»), здоров и гарантированно должен был оставаться таким... Внезапно это слово потрясло ее до глубины души. Навсегда. Дэвид не будет стареть. Пройдут годы, а он останется таким же, как сегодня, а она...

— Пенни? — Голос Кармин оторвал ее от кошмарных картин, встававших перед ее внутренним взором. — Все в порядке?

«О да, разумеется, все в порядке. Только я — кретинка, потому что лишь сейчас до меня дошел смысл происшедшего!»

— Да, — проговорила она странным, хриплым голосом, который опроверг ее слова. — То есть нет, я... у меня, по-моему, что-то застряло в горле.

Может быть, это была лишь игра воображения, но Пенни показалось, что Кармин и Дэвид обменялись взглядами, не предназначенными для посторонних глаз.

— Надеюсь, не рыбья кость? — сочувственно спросила Кармин. — Это может быть опасно. Позвольте мне...

— Нет! — Пенни сглотнула. — Благодарю. Все в порядке. — Она сделала неприлично большой глоток из своего бокала и на этот раз определенно заметила, как Дэвид поднял бровь.

— Еще налить, дорогая?

В его голосе не было ни тени неодобрения; но он хорошо умел скрывать свои мысли. «Всегда умел», — подумала Пенни.

— Да. Спасибо. — Она с вызывающим видом одним махом осушила бокал, словно желая, чтобы муж сделал замечание. Но он молчал.

— Все было замечательно, Пенни, — сказала Кармин, вероятно, чтобы разрядить внезапно накалившуюся атмосферу.

— Абсолютно согласен с вами, — подхватил Дэвид, прежде чем Пенни смогла вставить слово. — Мы должны как-нибудь снова встретиться, не правда ли?

Пенни открыла было рот, чтобы спросить: «Неужели?», но у нее хватило ума прикусить язык. Дэвид предложил Кармин кофе и, поскольку Пенни не проявила никакого желания готовить его, ушел на кухню сам. Пенни смотрела, как он уходит (высокий, стройный; прежняя склонность к полноте исчезла, и теперь он выглядел необыкновенно хорошо), а когда он скрылся, в мозгу у нее возник вопрос. Он вытекал из факта бессмертия Дэвида (она уже успокоилась насчет этого, хотя, без сомнения, мысли о его вечной жизни должны были вернуться и терзать ее снова), и внезапно ей отчаянно захотелось услышать ответ.

Пенни повернулась к Кармин.

— Могу я у вас кое-что спросить?

— Разумеется. — Кармин наклонила голову с царственным видом, отчего Пенни показалось, что ее принимают за дурочку. Еще одна мысль, которую нужно отогнать подальше.

— Это насчет детей.

— Ах, — на лице женщины появилось настороженное выражение, — я все думала, спросите вы об этом или нет.

Пенни внутренне встала на дыбы.

— Мне кажется, это вполне естественный вопрос. Что бы Дэвид ни говорил...

— У вас нет детей. Это было ваше желание или...

— Конечно наше желание. — Она разозлилась и пожалела, что завела этот разговор. Однако останавливаться бы-

ло поздно, и усилием воли Пенни взяла себя в руки. — Вопрос предельно прост. Можем ли мы иметь детей?

— Нет, — ответила Кармин.

Бравада и агрессия куда-то испарились.

— Почему?

Во взгляде Кармин мелькнуло сочувствие; но Пенни не желала замечать его.

— Это печальное следствие его... нашей природы, — объяснила она. — Вампиры могут размножаться — вполне понятно, иначе мы вымерли бы уже давным-давно; если подумать логически, мы бы никогда и не появились. Вы знаете, вопрос о курице и яйце... — Кармин увидела, как напряглось лицо Пенни, и не закончила фразу. — Я была рождена вампиром, и у меня могут быть дети от любого мужчины, вампира или нет. Но Дэвид не родился им, а когда вампиром становится обычный человек, его способности несколько отличаются от наших. У него могут быть дети только от женщины, родившейся вампиршей. Но от вас — нет, это невозможно.

Пенни словно провалилась куда-то, и ее легкие, казалось, наполнило что-то плотное, злое и горькое.

— Значит, — пробормотала она, — вы можете родить ребенка от моего мужа, а я — нет.

Что означала эта пауза? Ничего? Все?

— Да. Теоретически, — в конце концов ответила Кармин.

Теоретически.

— А у вас есть дети? — спросила Пенни.

Кармин посмотрела в сторону — в первый раз за все время их знакомства она отвела взгляд.

— Да.

Пенни переполняла горечь, а с ней — дикое желание ранить, причинить боль, потому что ей самой было больно, и ей хотелось, чтобы Кармин тоже страдала.

— И где они сейчас? — спросила она.

Вторая пауза тянулась дольше первой. Затем последовал ответ:

— Один, — произнесла Кармин бесстрастно, — в Нью-Йорке. Или был там, когда я в последний раз о нем слышала. Он наркоман, сидит на героине, хочет умереть от этого, но не умрет, потому что... потому что он тот, кто он есть.

Вторая... — она на мгновение запнулась, — умерла, хотя она, напротив, жаждала жизни. Какая ирония, верно? Но это было очень давно, в Восточной Европе. Тогда люди в нас верили, и когда она допустила серьезную тактическую ошибку, они... — Она закашлялась. — В общем, вы знаете, что говорится в легендах. Способ убийства вампиров передан верно.

Пенни уставилась на нее, и, несмотря на обуревавшие ее чувства, ее одолело любопытство.

— Кол в сердце? — едва слышно прошептала она.

Кармин кивнула. Лицо ее напряглось, превратившись в неподвижную глиняную маску.

— Это не... это не обязательно должен быть кол, — проговорила она. — Любой предмет сойдет, если он... достаточно длинный. В ее случае...

— Вашей дочери?

Кармин сглотнула.

— Моей дочери, да. В ее случае это был... был кухонный нож. Просто кухонный нож.

В этот момент вернулся Дэвид.

— Кофе заваривается, — весело сообщил он, затем заметил напряженное лицо Кармин, взгляд Пенни. — В чем дело? — Голос его зазвучал резко. — Что произошло?

Пенни одними губами произнесла: «Потом расскажу», но он не заметил этого — его взгляд был прикован к Кармин. Та расправила плечи и улыбнулась ему.

— Ничего интересного для вас, — небрежно произнесла она. — Женские разговоры, только и всего. Дэвид, после кофе я должна идти. Вечер был замечательный, но завтра мне нужно рано вставать — у меня важная встреча.

Пенни хотела было ехидно вставить: «Еще десять кусков?», но удержалась. Сейчас было не время набирать очки — через несколько минут Кармин навсегда исчезнет из ее жизни. Она заставила себя быть вежливой и поддерживать ничего не значащий разговор во время кофе и коньяка, затем Дэвид принес плащ Кармин и отправился проводить ее до машины. Пенни наблюдала за ними из-за занавески, но на улице совсем стемнело, и она не смогла разглядеть, какая у Кармин машина. Несомненно, дорогая. Она ведь может себе это позволить, правда? Но почему они так долго прощаются? Что они там делают?

Когда Дэвид вернулся (он отсутствовал шесть минут — Пенни засекла время), она мыла посуду, намеренно создавая побольше шума и расплескивая по сторонам воду. Когда-то, еще до болезни, он обещал ей купить посудомоечную машину. Теперь, конечно, никакой посудомойки не будет. Они не могут себе этого позволить. Она швырнула в мойку очередную тарелку, и в этот момент муж подошел к ней сзади и обхватил за талию.

— Оставь это. Я помою утром. — Он прикоснулся губами к ее затылку. — Пойдем в постель.

«О боже, опять».

— Я устала, — ответила жена. — Давай сегодня дадим себе передышку, ладно?

Дэвид рассмеялся:

— Ни за что. Я хочу тебя. Пойдем, дорогая; отказа я не принимаю.

«И никогда не принимал». Пенни незаметно для него скорчила гримасу и вздохнула. Спорить не было смысла; она только потратит силы и время; лучше дать ему то, чего он хочет, — снова. Она сняла хозяйственные перчатки, швырнула их на сушилку для посуды и пошла за мужем наверх.

Дэвид всегда крепко засыпал после секса, и, убедившись, что он ничего не слышит, Пенни поднялась и направилась в ванную. Включив небольшую лампочку у зеркала, она принялась пристально разглядывать свое отражение. На первый взгляд, она выглядела неплохо для сорока трех лет, но сейчас у нее было далеко не оптимистическое настроение, и она изучала свое лицо подробно и придирчиво. Зачатки «гусиных лапок» в уголках глаз. У рта уже залегли складки. Подбородок начинает отвисать; едва заметно, но она это знает. Она не была натуральной блондинкой, поэтому не могла сказать, есть ли в волосах седина. Седина украшает мужчину, но старит женщину.

«У Кармин нет седых волос, помнишь? Кармин может зачать от него ребенка. А я — нет».

Не то чтобы она так уж хотела детей. На самом деле никогда и не хотела; она не была создана для материнства. Но сейчас дело было в принципе, и мысль о том, что Кармин и Дэвид могут сделать то, чего не может она с Дэвидом,

бесила ее до невозможности. Из этой мысли, вполне естественно, вытекала следующая: если они могут, им ничего не стоит это сделать. Может быть, сегодня она наблюдала начало любовной интрижки. А если это было и не начало, то такая возможность всегда остается.

Возможность — или неизбежность? Пенни нагнулась вплотную к зеркалу, и отражение исчезло. Хотя сейчас морщинки и седые волосы были едва заметны, скоро все изменится. «Подумай о том, что будет через три года; через пять, через десять». Через десять лет ей исполнится пятьдесят три. На горизонте замаячит шестидесятилетие, но Дэвид останется таким же, как сегодня, — молодым, красивым, полным энергии. Зачем ему шестидесятилетняя жена? Она превратится в отработанный материал, в помеху, и тогда все, конец браку, до свидания.

Дэвид не дурак; он наверняка размышляет об отдаленном будущем. Может быть, он даже обсуждал его с Кармин как-нибудь, когда Пенни не было рядом? У нее словно что-то внутри перевернулось при мысли о том, что он разговаривал с Кармин, возможно, даже встречался с ней, когда жены не было рядом, чтобы изображать дуэнью. «Или сводницу. Помнишь, как он сегодня на нее смотрел? А может быть, у них уже роман? А вдруг?»

Внезапно она почувствовала себя грязной, и ее захлестнуло непреодолимое желание вернуться в спальню, встряхнуть Дэвида как следует, разбудить его и швырнуть в лицо свои подозрения. Или пойти к телефону, набрать номер Кармин и потребовать у нее сказать правду. Да, так будет лучше. Если у них интрижка, Дэвид солжет, а она всегда поддается его обаянию и верит. Если солжет Кармин, Пенни это не обманет. Да. Так лучше. Утром, когда Дэвид уйдет на работу, она так и сделает.

Пенни не стала звонить, как собиралась. К утру в голове у нее зародилась новая мысль, такая революционная, что поначалу Пенни была потрясена и отбросила ее прочь, найдя сотню причин, по которой идея была совершенно неосуществимой. Но к вечеру, однако, эти причины уже перестали казаться ей такими важными, а потом она и совсем забыла о них, и осталось лишь головокружительное, болезненное

возбуждение, подобное тому, что испытывают маленькие дети в ночь перед Рождеством, когда не могут уснуть.

За час до прихода Дэвида она призвала на помощь всю свою храбрость и позвонила Кармин.

Кармин сказала:

— Нет. Мне жаль, Пенни, но я не могу этого сделать.

Мир вокруг начал рушиться, и Пенни завизжала в трубку:

— А почему нет, черт подери? Вы с готовностью сделали это для Дэвида, так какого черта вдруг такая разница, а? — Она с силой втянула в себя воздух. — Я понимаю, что для вас это бизнес, но я найду деньги, я...

— Пенни, послушайте меня! Вы уже говорили об этом с Дэвидом?

— Нет, не говорила!

— Тогда, я думаю, стоит поговорить. И мне кажется, я знаю, что́ он вам ответит.

Глаза Пенни словно застлала красная пелена.

— Проклятие, Дэвид мне не хозяин, я сама решаю за себя! И откуда, дьявол вас возьми, вы знаете, что он скажет? Вы что, телепатка? Или вы за это время так сроднились с моим мужем, что знаете его лучше меня?

— Я этого не говорила. Я просто сказала...

— Что вы такого сказали? Скажите мне хоть раз правду!

— Я пытаюсь. В вашем случае дело обстоит иначе, Пенни. Дэвид был смертельно болен, и то, что я сделала, было для него единственной возможностью избежать смерти. Но у вас не так. Вы здоровы, у вас впереди долгая, нормальная жизнь. Это не... будет неправильно превращать вас...

— Но я хочу этого! — Затем огромным усилием воли Пенни взяла себя в руки. «Не теряй голову. Убеди ее». — Послушайте. Я все обдумала, у меня нет сомнений, и я могу заплатить вам. Вам что, не нужно еще десять тысяч?

Кармин издала странный короткий смешок.

— Дело не в деньгах. Можете предложить мне хоть полмиллиона — я все равно не соглашусь. Просто все дело в том, что я не стану превращать живого человека в вампира, если на это нет очень, очень серьезной причины.

— А моя причина недостаточно серьезна?

— Нет. Откровенно говоря, я считаю, что нет.

— Понятно. Значит, вы с радостью сделали Дэвиду этот подарок, а мне — не желаете.

— Все не так, Пенни.

— Да-да, я уверена, что не так. — Затем в мозгу у нее забрезжил свет, и Пенни удивилась — какого дьявола она не подумала об этом раньше. — Ну что ж, я больше не стану вас беспокоить. Я попрошу своего мужа. В конце концов, это мой муж. Хотя, мне кажется, вы с легкостью можете забыть об этом, когда вам удобно.

Последовала напряженная пауза.

— Что это значит?

— Подумайте сами, Кармин. Вы достаточно умны, догадаетесь. — Пенни была абсолютно спокойна. «Да, Дэвид сможет это сделать. Какая же я дура: не надо было вообще ей звонить». — Не буду отнимать у вас время, — добавила она холодно. — О, и еще одно. Я не желаю больше видеть вас в своем доме.

Она не стала вешать трубку — ей хотелось услышать ответ Кармин и насладиться ее реакцией. Последовала короткая пауза, затем женщина на другом конце провода произнесла:

— Я вас поняла. Но прежде чем мы распрощаемся, думаю, справедливо будет предупредить вас о том, что Дэвид вам не поможет. Даже если он захочет это сделать — в чем я, честно говоря, сомневаюсь, — он не обладает такими возможностями. Только те, кто рожден членом, как бы вы сказали, секты, могут привлекать новых членов. До свидания, Пенни. Мне жаль вас.

Кармин первой повесила трубку.

Пенни не стала рассказывать мужу о телефонном разговоре, не стала просить его сделать то, что ей было нужно. Вместо этого она, как следует запомнив слова Кармин, принялась бесконечно повторять их про себя, пока царапина не превратилась в незаживающую язву. «Дэвид не может». Правда ли это, или Кармин зачем-то солгала ей? «Сомневаюсь, что он захочет». Откуда она знает, чего он захочет, а чего — нет? Они что, это обсуждали? И как часто? Насколько интимно? «Ваша причина недостаточно серьезна». Кармин Смит, так же известная, как Господь Бог. Ну что ж, ее мотивы очевидны, верно? Жена

мешает любовникам, и последнее, чего хотят Кармин и Дэвид, — это вступления Пенни в секту, как выразилась Кармин. Пенни — досадная помеха. Значит, нужно избавиться от нее. Если она останется простой смертной, им нужно будет только подождать несколько лет — для вампиров это пустяки, — пока Пенни не состарится, не лишится здоровья и сил и не исчезнет со сцены окончательно. Проблема будет решена. А до тех пор им просто нужно продолжать связь у нее за спиной.

Весь вечер Пенни была погружена в мрачные мысли, черной пеленой застилавшие ее сознание. Дэвид, должно быть, заметил, что что-то не так, но ничего не сказал, и она увидела в этом подтверждение его вины. Вечером она отказалась заниматься любовью (и он, что было необычно, не настаивал слишком сильно), спала плохо и, когда настало время вставать, продолжала лежать молча, неподвижно, делая вид, что не слышала будильника. Она обманула Дэвида; он молча оделся и спустился вниз, чтобы приготовить себе завтрак, — в последнее время она отказывалась делать это.

Вдруг раздался телефонный звонок. Им никогда не звонили так рано, и Пенни подняла голову от подушки. Дэвид взял трубку на кухне, которая находилась прямо под спальней, и поэтому жена хорошо слышала его слова.

— Дэвид Блайт... О, привет. Не ожидал вас услышать... Нет-нет, ничего... Что? Когда?.. Ну, я не... Ах. Ну ладно, может быть, стоит... Хорошо; в двенадцать сорок пять вас устроит?.. Отлично. Встречу вас там. — Щелчок. Конец разговора.

Когда он позавтракал и вернулся в спальню, Пенни зевнула, потянулась и сонным голосом спросила:

— Кто это звонил?

Дэвид, стоя к ней спиной, завязывал галстук. В зеркало он не смотрел — в этом не было смысла.

— Я не рассказывал тебе про нового клиента?

— Нет.

— О. Ну, в общем, это был его секретарь, хотел перенести встречу. Чтоб он пропал — у меня сегодня как раз куча дел. — Обернувшись, он бросил на жену быстрый взгляд. — С тобой все в порядке?

— Конечно.

«Иди, уходи. Мне нужно кое-что выяснить, и я не хочу, чтобы ты в это время болтался рядом».

Через несколько минут он ушел. Пенни прислушалась к реву старой машины, никак не желавшей заводиться (чертов драндулет — мы ведь знаем, куда делась новая, правда?), и, когда Дэвид уехал, подбежала к телефону и нажала кнопку определителя, чтобы узнать, кто звонил на самом деле.

Номер был местный, но незнакомый. Может быть, это и правда секретарь какого-то клиента. Тем не менее... Пенни набрала код, препятствовавший определению ее номера, затем принялась нажимать на кнопки. Послышались длинные гудки.

Щелчок.

— Кармин Смит.

Пенни повесила трубку. Кармин. Это не рабочий телефон — очевидно, домашний. Ну что ж, теперь все ясно. Новый клиент. Как же, как же.

— Ублюдок! Двуличный, лживый, неверный, хладнокровный ублюдок!

Именно в этот миг, хотя сама она осознала это несколько позднее, все и началось.

Она наблюдала. О, она наблюдала, и подслушивала, и при любой возможности обыскивала одежду Дэвида, его бумажник, все, что он неосторожно оставлял в пределах ее досягаемости. Шесть дней ее старания оставались безрезультатными. Затем, вечером седьмого дня, пока муж принимал душ, последнее доказательство его вины было найдено.

Пенни не знала, радоваться ей или рыдать, когда она прочла несколько слов, нацарапанных на последней странице его ежедневника: «Кармин, „Крик", пятница, 12.30». Это была не прошлая пятница — с тех пор она уже заглядывала в записную книжку. Сегодня четверг. Значит, завтра. «Крик» был новым минималистским кафе; Пенни предлагала Дэвиду пойти туда, но он презрительно отверг эту идею, сказав, что это безумно дорогая забегаловка для жертв моды. Теперь она понимала истинную причину его отказа. Не очень разумно приводить жену туда, где встречаешься с любовницей...

Она услышала из ванной звуки, говорящие о том, что Дэвид собирается выходить, и торопливо спрятала книж-

ку во внутренний карман его пиджака. Завтра, в двенадцать тридцать. Отлично. Это будет последним доказательством.

Дождь дал ей возможность остаться неузнанной. Она ждала рядом с кафе, спрятав лицо под большим черным зонтом и делая вид, что разглядывает витрину. Ей повезло; все шло как по сценарию. Дэвид пришел пешком; когда он толкнул дверную ручку, подъехало такси, и появилась Кармин. С гулко бьющимся сердцем Пенни искоса наблюдала, как они приближаются друг к другу, и увидела, что Кармин потянулась к ее мужу, чтобы поцеловать его. Это был не дружеский поцелуй, и Пенни не стала больше ждать — она развернулась, тихо и незаметно, и пошла прочь.

Поэтому она не видела, как отреагировал на поцелуй Дэвид; не видела, как он положил руки на локти женщины и мягко отстранил ее. Кармин застыла на месте, пристально глядя ему в лицо, и то, что она увидела, заставило ее изменить поведение. Она слегка улыбнулась и с сожалением, почти извиняясь, пожала плечами. Затем они вместе вошли в кафе.

— Прости, — Кармин помешивала ложечкой в чашке с кофе, но не проявляла ни малейшего желания его пить. — Да, признаюсь, я надеялась, что у нас с тобой может... что-нибудь быть. Не буду лгать — ты показался мне очень привлекательным, и поскольку мы оба... В общем, это выглядело некоторым образом логично.

Дэвид подумал, что это не слишком высокоморально, но ничего не сказал.

— Извинения принимаются, — произнес он. — Но, может быть, при других обстоятельствах...

— Благодарю, что ты тактично отнесся к этому... Но я переступила черту. Я просто не поняла, как сильно ты привязан к Пенни.

— Я люблю ее, — сказал Дэвид. — И не хочу ее потерять. Когда ты позвонила в первый раз и рассказала мне о ее просьбе, я был потрясен. Я раньше не думал об этом; не задумывался о последствиях своего превращения, о том, что с нами будет в дальнейшем. Но сейчас...

— Ты хочешь, чтобы я это сделала. — Кармин опустила взгляд на скатерть.

— Да. Тогда мы с Пенни никогда не расстанемся. — Дэвид не переставая постукивал пальцами по столу. — Я понимаю, что прошу слишком многого, Кармин; особенно, если учесть, что ты... ну, что я тебя разочаровал. — Он быстро мотнул головой. — Боже, как это глупо звучит; я не хотел...

— Забудь. Я бы не прожила такую долгую жизнь, если бы не обзавелась довольно толстой кожей. Да, ты просишь многого. Но ты просишь ради любви, и совесть не позволяет мне воспользоваться любовью в качестве причины для отказа.

Дэвид словно ожил.

— Значит...

— Я сделаю это. Не за деньги; на этот раз я не приму платы. — Она подняла голову, с видимым усилием заставляя себя встретиться с ним взглядом, и улыбнулась. — Можешь считать, что я делаю это в знак любви к тебе.

Последовала короткая пауза, затем Дэвид глубоко вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Спасибо. Я даже не могу передать, как это для меня важно.

— Тогда и не пытайся. — Рука женщины, находившаяся под столом, сжалась в кулак, и ногти больно вонзились в ладони. — Я могу начать сегодня же вечером, — добавила она через несколько секунд. — Чем быстрее, тем лучше, верно? А потом я навсегда уйду из вашей жизни.

— Я не знаю, что тебе сказать, Кармин.

— У тебя уже вошло в привычку повторять «не знаю». — Она выдавила смешок, чтобы показать, что это была шутка. — Тогда я приду к вам в восемь, ладно?

— В восемь. Да. Спасибо тебе.

Кармин поднялась и собралась уходить, оставив свой кофе нетронутым.

— Лучше не говори Пенни заранее о моем приходе. Она... она сейчас не очень-то расположена меня видеть.

— Это скоро изменится.

— Ах. Ну, это утешит меня и послужит вознаграждением за оказанную услугу. — Уголок ее рта изогнулся в шутовской усмешке. — Увидимся сегодня вечером. О, и еще:

после процедуры я не прочь выпить бокал-другой хорошего бордоского или бургундского. До вечера, Дэвид.

Дэвид не собирался ничего говорить Пенни, но когда, войдя в дом, он увидел ее враждебное лицо и напряженную походку, ему захотелось утешить ее, улучшить ей настроение. Он поцеловал жену (она ответила холодно) и сказал:

— А у меня есть для тебя сюрприз.

— Да? — Пенни неуверенно взглянула на мужа, желая возненавидеть его за ту боль, что он причинил ей.

— М-м... В восемь ты все узнаешь. Когда приедет Кармин.

— Кармин? — Она, не веря, уставилась на него горящими гневом глазами, но Дэвид уже поднимался по лестнице и ничего не заметил.

— Именно. Не беспокойся насчет еды — обедать с нами она не будет. Но я купил вино; можешь его сейчас открыть, пусть постоит час-два. Я пойду быстро приму душ и переоденусь.

Голос его затих наверху, а Пенни продолжала неподвижно стоять в дверях гостиной. Она не понимала, что он говорит; она не слышала его слов. Она услышала лишь одно слово — одно имя. Весь день она готовилась к решающему разговору, готовилась швырнуть мужу правду в лицо и увидеть, осмелится ли он отрицать ее. Теперь все ее планы смешались; он предупредил ее, перехватил инициативу. Кармин придет сюда. Он пригласил ее, словно между ними ничего нет, ничего не происходит, словно им печего скрывать. Что за «сюрприз» они там придумали, чтобы усыпить ее бдительность, сбить ее со следа? Должно быть, они считают ее полной дурой, слабоумной, если надеются, что она поддастся на эти уловки!

Наверху, в спальне, Дэвид, раздеваясь, напевал что-то. У него был неплохой баритон, но сейчас этот ненавистный голос резал Пенни ухо, словно скрежет металла. Дура. Идиотка. На нее не обращают внимания, используют, смеются над ней... Внутри ее разгоралась неконтролируемая ярость, она захлестывала ее, словно приливная волна, и хотя какая-то часть сознания Пенни говорила ей, что это безумие, другая часть поддавалась ярости, приветствовала ее. Ярость бы-

ла лучше, намного лучше боли от предательства и бессилия противостоять ему.

Противостоять ему. Наконец Пенни сдвинулась с места. Пошла по коридору, вошла в кухню. Наверху послышались шаги; Дэвид был в ванной. Слабый шум душа. «Он перестал петь. Я больше не хочу слышать его пение, никогда».

Она наугад открыла один из ящиков стола, заглянула внутрь, закрыла. Она не соображала, что делает; ею руководила ярость, она отключила разум, мозг, изгнала оттуда все мысли, оставила лишь полубессознательные рефлексы, и Пенни превратилась в робота. Нет, не здесь. В третьем.

Ага...

«Это не обязательно должен быть кол. Любой предмет сойдет, если он достаточно длинный», — слова самой Кармин. Ее дочь так и умерла, попавшись на — как это Кармин сказала? — «серьезной тактической ошибке», вот как. Ее раскрыли, обнаружили, кто она такая, и казнили без суда, присяжных и адвоката. Должно быть, это произошло давно. Сто, двести лет назад; Кармин не распространялась насчет своего возраста, так что не ясно было, когда именно. Тогда все было по-другому. А сейчас они живут в современном мире, в век разума. Сейчас люди таких вещей не делают. Разве?

«Если он достаточно длинный».

Пенни вытащила из пластикового гнезда кухонный нож с восьмидюймовым лезвием и взвесила его на ладони.

Кармин опоздала на пятнадцать минут, но это не имело значения. Пенни услышала шорох шин подъезжающего автомобиля и устроилась поудобнее — она сидела на полу в холле, скрестив ноги. Минуту-другую Кармин будет припарковывать машину; по вечерам места было совсем мало — люди приезжали домой, и у тротуара оставались лишь узкие щели. «Да, это она. Двигатель взвизгивает. Она плохо чувствует габариты. Не думаю, что стоит выходить и помогать ей. Нет, эта идея не из лучших».

По ковру расползалось пятно. С рук и локтей ее все еще капало — это потому, что она била его кулаками в грудь, чтобы убедиться наверняка. Забавно: ее всегда так мутило

от вида сырого мяса, а сегодня ей было все равно. И сейчас ее не тошнило, несмотря на то что все получилось гораздо более зрелищно, чем она ожидала. Пенни хихикнула. Киношники понятия не имеют, как снимать фильмы. Со ступеней и ковра в холле пятна, может, и удастся удалить, но там, наверху, следы останутся навсегда. Ванная, спальня — в первый раз она ударила не совсем чисто (Ха! Это шутка!). Дэвиду удалось выбраться из ванной, но от шока и боли он упал, и она смогла все закончить. «Сердце — действительно мощный мотор. Я и не знала, что его так трудно остановить».

Рев двигателя снаружи наконец стих. Раздались шаги — стук элегантных каблуков, приближавшийся к воротам. Пенни снова хихикнула, но на этот раз беспокойство заставило ее замолчать. «Глупая женщина. Возьми себя в руки. Это не смешно».

При этой мысли она прикрыла рот окровавленной рукой и издала какое-то лошадиное ржание. Успокоившись, она отняла ладонь от лица — на нем остались алые пятна, но она не заметила этого, да и в любом случае это не имело значения. «Давай, подходи. Я слышу тебя. К двери. Привет, Кармин. Входите. Я ждала вас; я готова».

За матовым стеклом входной двери возникла смутная тень; негромко прозвенел звонок, один раз.

«Сука. Блудливая баба, мошенница. Предательница. Сделала моего мужа бессмертным, да неужели? Ну что ж, больше он не бессмертный. Может быть, я разрешу тебе на него посмотреть. Но думаю, лучше не надо. Так будет безопаснее. В конце концов, не хочется терять элемент внезапности».

Пенни поднялась и изобразила на лице улыбку. В зеркале, мимо которого она прошла, промелькнула дьявольская гримаса — смертельно бледное лицо, запятнанное кровью, с горящими, смеющимися глазами. Ей казалось, что ладони тоже горят, но это не имело значения, как и опоздание Кармин. Улыбка на ее лице застыла, и ничто больше не могло ее стереть. Пальцы правой руки за спиной крепче сомкнулись на рукояти алого от крови ножа, а левой рукой она начала открывать дверь.

ДЖАНЕТ БЕРЛИНЕР

То, что после

Джанет Берлинер является обладательницей премии Брэма Стокера за повесть «Дети тьмы» («Children of the Dark»), вошедшую в третий том серии «Манифест Мадагаскара» («The Madagascar Manifesto»), созданной в соавторстве с Джорджем Гатриджем. В качестве редактора она работала над следующими проектами: «Резюме: хроника женской прозы двадцатого века» («Snapshots: 20th-Century Mother-Daughter Fiction») (в соавторстве с Джойс Кэрол Оутс); дилогия Питера Бигла «Бессмертный единорог» («Immortal Unicorn»), «Истории Дэвида Копперфилда о невозможном» («David Copperfield's Tales of the Impossible»), «Дэвид Копперфилд: за гранью воображения» («David Copperfield's Beyond Imagination»), «Пламя желания: Женские истории о темной стороне страсти» («Desire Burn: Women's Stories from the Dark Side of Passion»). Кроме того, она выпустила «Сонату единорога» («The Unicorn Sonata»), иллюстрированную повесть Питера Бигла, по которой снимается фильм. Сейчас Джанет работает с Кевином Андерсеном, Меттью Костелло и Полом Уилсоном над приключенческим романом «Флиртуя со смертью» («Flirting with Death»).

«Рискуя прослыть предательницей, я признаю тот факт, что, не считая этой истории, я никогда особенно не интересовалась вампирами, всеми этими традиционными байками про кровососов, — откровенничает Джанет. — По крайней мере до знаменательной встречи на вечеринке в Лас-Вегасе. На таких мероприятиях то и дело натыкаешься на Элвисов или Мэрилин Монро, не считая грязных столов, поэтому я не слишком удивилась, когда пересеклась с высоким, симпатичным мужчиной, который назвался Владом и говорил с сильным балканским акцентом. Кстати, он утверждал, что родом из Трансильвании. Как-то очень быстро он догадался, что я писатель, и спросил, не писала ли я когда-нибудь историй о вампирах. Конечно не писала. Позже, как часто это бывает, прямо на следующий день меня попросили написать вампирский рассказ, действия которого разворачивались бы в Иерусалиме 1197 года.

Вот так все и было. Своеобразный вызов для меня. Я могу продолжать писать о людях, но, встреть я Влада вновь, я бы со всей честностью отчиталась, что в моем послужном списке числится и история о вампире».

В земле Ханаан, иначе зовущейся Эрец-Исраэль, весной года 1197 по календарю христиан, мусульмане молились беспрепятственно и открыто, но с некоторой тревогой. Евреи, для которых весной наступала пора празднования Песаха, исчисляли этот год как 4957. Они молились тайно, но с не меньшей тревогой. Оба народа пережили бесчинства и жестокости трех Крестовых походов. Каждый мужчина понимал, понимала каждая женщина — затишье не продлится долго, и Четвертый крестовый поход последует за третьим так же точно, как верблюды пересекают пустыню с собственным запасом воды в горбах.

Первые три кампании христиан обернулись полным опустошением. Огромное число мусульманских семей было вырезано; евреи, ложно обвиненные в кровавых ритуалах, слишком ужасных, чтобы быть правдой, отказались принять христианство, отречься от Ав ха-рахамим, Отца Милосердного, и сложили головы, прославляя имя Его.

Крестоносцы лишили отцов счастья увидеть, как возмужают их сыновья; отняли у невест женихов, и теперь обеим общинам было очень трудно следовать наказу святых отцов или Аллаха плодиться и размножаться.

Поэтому Мейер бен Иосиф и Хамид аль Фазир, главы среди своих, осознающие, что перед лицом грядущего зла им всем понадобится защита, поддерживали друг друга.

— Если мы будем повержены, горстка выживших перестанет чтить наших богов, — говорил Мейер.

И Хамид соглашался.

В первый вечер Песаха, все из той же религиозной солидарности, мусульманин принял приглашение посетить праздничный ужин, который новоиспеченный его друг называл седером.

— Так я получу возможность, — объяснял он своим людям, — стать свидетелем их обрядов. Если они не пьют кровь

христианских детей, как рассказывалось, то мы сомкнем наши ряды, чтобы защитить город от захватчиков, когда те придут.

И вот настал час, когда Хамид вместе с семьей пришел в дом Мейера, где его встретили сам хозяин с женой Розой и их единственный выживший ребенок — дочь Девора. Склонив в почтении головы, они слушали, пока глава семейства рассказывал историю своего народа, пересекшего пустыню в поисках Земли обетованной. Звучали красивые песни, и евреи кивали в такт молитвам.

— Разлей остаток вина, Мейер, — сказала Роза наконец. — Я вижу, наши гости проголодались.

Мейер поделил лишь небольшое количество молитвенного напитка между мусульманами, ибо знал, что вино претит им из религиозных соображений. Остаток он вылил в глубокий кубок, стоявший в другой части стола, — для пророка Илии. И тут в дверь постучали. Рука Мейера дрогнула от неожиданности, и несколько капель священного вина попало на скатерть, сотканную Розой. Еврей поморщился; вина и без того очень мало. Еще один кубок на столе, свободное место для особого гостя — такова была традиция, и Мейер ни за что не пренебрег бы ею, но незнакомцу понадобилось явиться именно в этот момент седера. Какое-то чудесное совпадение.

— Здесь главное — точность, — сказал Мейер, думая про себя, что у пророка хороший нюх, и велел своей шестнадцатилетней дочери: — Ступай, Девора, открой дверь нашему гостю.

Девушка не удивилась, ибо каждый год на Песах отец не самым незаметным образом постукивал по крышке стола и просил ее младшего брата пойти к двери и впустить пророка Илию. Разумеется, на пороге никогда никого не было, но отец утверждал, что дух Илии вошел в их жилище.

На этот раз случилось иначе.

Снаружи, во мраке сумерек ждал высокий человек в длиннополых одеждах, чье прекрасное лицо выражало невыносимую усталость. Немного позади стоял другой гость; его наружность и манеры выдавали в нем слугу.

— Добро пожаловать в наш дом, — приветствовал их Мейер, провожая к столу и думая, что Розе придется накрыть хотя бы на еще одного человека. — Может быть, не хоромы, но один из лучших в Меа Шеарим.

Жестом гость приказал слуге оставаться на месте и последовал за Мейером. Мантии он не снимал и в глаза хозяину не смотрел.

— Помолишься с нами над вином? — предложил еврей, наказывая себе не забыть передать с Деворой ужин слуге, оставшемуся на улице.

Гость сел за стол, но говорить не спешил; не пригубил вина, не отведал пищи, даже когда с молитвами было покончено. Он был смуглым, но явно не из здешних мест.

— Какой дорогой ты прибыл, странник? — спросил Мейер, гадая, прислали ли этого человека, чтобы понаблюдать за кровавыми ритуалами, приписываемыми евреям. Если так, он покинет сей дом разочарованным.

— Я следую дорогой Человечества, — таков был ответ.

И более гость не вымолвил ни слова.

Ужин был окончен, и оставалась еще одна традиция перед завершающим вечерю гимном. Девору — прежде старшее, теперь единственное дитя — послали за спрятанным ею по обычаю куском мацы, именуемым афикоменом[1].

— Пусть дочь наша отнесет еды и вина человеку, что ждет снаружи в лучах лунного света, — сказал Мейер Розе. — Я награжу Девору за возвращение на стол афикомена, — объяснил он гостям, — ибо без этого куска хлеба седер не может считаться завершенным. Это не займет у нее много времени. Мы с Розой видели, как дочь прятала его в саду.

Но время шло, Девора не возвращалась, и незнакомец поднялся, чтобы уйти. Мейер пожелал ему Божьей помощи в пути и взглянул на мусульман, надеясь, что и они соберутся восвояси. Хозяин дома приложил уйму усилий, чтобы ужин удался, но слишком велико было напряжение. Он хотел только одного: чтобы все поскорее закончилось.

Когда прошли всякие сроки для Деворы вернуться с хлебом, название которого переводилось как «то, что придет после», Роза сказала:

---

[1] *Афикомен* — ритуальный кусок мацы, съедаемый во время седера. В переводе с греческого означает «то, что после». — *Примеч. перев.*

— Я волнуюсь за нашу дочь. Это ее время месяца, нехорошо ей быть на улице в столь поздний час совсем одной.

Мейер извинился перед гостями и вышел на поиски.

Он нашел девушку в маленькой беседке посреди сада, которую каждую осень украшали, прославляя щедрость Божию. В руке Девора держала афикомен. Молча она протянула хлеб отцу.

Молча он взял его.

— Мы ждали тебя. Все, кроме незнакомца. Он вернулся во мрак, из которого пришел.

— Я была с ним, — отозвалась Девора. — И должна была накормить его слугу.

С тех пор дочь Розы и Мейера бен Иосифа ни разу не заговаривала ни о двух мужчинах, ни о ребенке слуги, зачатом в Песах, в ее период месяца, который теперь рос в ее чреве. Время шло, Девора все больше замыкалась в себе, становилась молчаливой и угрюмой. Всякий раз, проходя мимо зеркала, она замечала капли крови на его поверхности, и стыд перед отцом охватывал ее, стыд перед единственным выжившим мужчиной в семье. Вскоре она перестала слушаться его или любого другого мужчину. Ей хотелось умереть при родах, и поэтому, выпекая халу, она нарочно не отделяла часть от теста, которую положено было отдавать священнику в качестве десятины.

Мейеру поведение дочери не нравилось, но он принимал это за влияние беременности, таинства которой он и не пытался постичь. Роза волновалась сильнее, чем сердилась. Пусть то было наставление Господа и Аллаха — плодиться и размножаться, но Господь также велел не зачинать дитя в дни нидды[1], и по весомым причинам.

Она боялась за жизнь дочери и за жизнь ее ребенка, ибо зачатое в крови дитя могла забрать Лилит, повелительница демонов.

Девочка в утробе росла сильной и здоровой. Как всякий эмбрион, посвящаемый в наследие рода человеческого, она

[1] *Нидда* — отделение *(иврит)*; в иудаизме период ритуальной нечистоты женщины, не менее двенадцати дней.

созерцала историю детей Божиих в белом сиянии света, словно при свече, горящей в сумраке сферы. Наблюдала начало и конец Вселенной.

Там, в утробе, ангел берег младенца, обучал законам Торы; снаружи Лилит, чье горе бесплодия и неудавшегося брака лишь увеличивало ее силы во сто крат, следила за ангелом и сгорала от зависти к будущей матери. Свирепая демоница выжидала, ухмыляясь, пока Роза мастерила амулет с изображением ангела Разиэля, который защитил бы мать и дитя после родов, и развешивала многочисленные обереги по стенам и над детской кроваткой, чтобы отпугнуть Лилит.

Перед самыми родами, когда — согласно Писанию — ангел вот-вот коснется нижней губы ребенка, чтобы на верхней образовалась складка, и дитя позабыло все, что узнало, вмешалась Лилит. Погасив сияние в утробе, она толкнула плод в родовой канал.

В тот же момент душа Деворы покинула тело. И родилась Мариса. Она вышла из материнского чрева, сохранив в себе коллективное сознание; и ее высокомерие наряду с пороком в строении лица, безусловно, выделяли девочку среди остальных детей Меа Шеарим.

Из всех шестисот тринадцати заповедей Торы рехилут — первый, хотя наименее строгий запрет на сплетни и злословие — в квартале Марисы нарушали чаще остальных. Пересуды о малышке порождал скорее страх, чем желание как-либо навредить ей. Не было тайной, что ее зачали во время нидды, как не было тайной отсутствие складки на верхней губе. Раз мать умерла при родах, это давало разумное основание полагать, что на ребенка предъявила требования Лилит. Но от чего бежал мороз по коже — о том лишь перешептывались: учитывая обстоятельства зачатия и рождения Марисы, она должна нести в себе семя страшнейшего из всех недугов — проказы.

Мейер и Роза окружили внучку щедрой любовью, они звали ее Мариса Девора, и она была последней из их рода. К несчастью, доброжелательность этого семейства не могла свести на нет страх соседей, столько переживших за предыдущие годы гонений, что они паниковали по

любому поводу, который мог бы принести беду в их общину.

И вновь Хамид аль Фазир, весьма милостиво отзывавшийся о доме бен Иосифа, пришел на помощь другу. Они объединили усилия в попытке защитить Марису от любого, кто, будучи ведомым беспричинной боязнью, намеревался обидеть сироту.

Но тщетно. Однажды вечером, почти на закате, Марису выкрали и увезли в пустыню. Там над ямой, где прежде брали воду, теперь наполненной кровью нескольких забитых ягнят, был сооружен жалкий навес, чтобы защитить ребенка от последних жестоких лучей пустынного солнца.

Девочку ожидал обряд крещения кровью. Ее опустили в кровавый водоем и держали там до наступления темноты. Малышке едва исполнилось шесть лет, и она, разумеется, не смогла бы вырваться из сильных рук взрослых. Мариса даже не кричала, не звала на помощь, вместо этого молча подчинившись воле жителей Иерусалима.

В квартале Меа Шеарим, в доме друга, Хамид, с мукой в голосе, вымолвил:

— Без сомнений, они вытрут ее и вернут домой в целости на восходе луны.

— Да, конечно, — согласился Мейер со слезами на глазах. — Что скажешь, Роза?

Роза молчала. Она покинула дом и отправилась в пустыню. Даже если и было что сказать этой женщине, ярость и дурные предчувствия сковывали ее язык. В момент, когда над горизонтом взошла луна, Роза подошла к яме.

Она держалась поодаль, не в силах отвести взгляд от Марисы. Та, пожалуй, никогда прежде не выглядела настолько довольной. Она светилась счастьем, барахтаясь в кровавом пруду и зачерпывая ладошкой кровь, которую пила с такой жадностью, какой ни разу не проявляла при виде бабушкиного куриного супа.

Подняв взор, Роза увидела того самого незнакомца, высокого, в длинных одеждах, верхом на верблюде, которого вел в поводу верный слуга.

— Нет! — вскричала несчастная, а горожане расступились, и странник провозгласил свое право на Марису Девору.

Девочка протянула руки, и слуга передал ее хозяину. Незнакомец посадил ребенка в седло перед собой, и они тронулись прочь.

Роза рыдала, но не сделала ничего, чтобы помешать.

На рассвете жители Иерусалима вернулись к своим делам и повседневным сплетням. Только тогда Роза нашла в себе силы перестать плакать и поведала о случившемся Мейеру бен Иосифу и Хамиду аль Фазиру. Правда, она утаила от них, что слышала женский голос, призывавший странника и девочку. Промолчала о том, что Лилит забрала мужчину и ребенка в свое царство.

Мейер и Хамид, не помня себя от горя, залились слезами, обняв друг друга. Позже они утерли слезы и принялись терпеливо ждать, когда послание о Марисе Деворе и незнакомце достигнет Кипрского королевства и ушей его правителя.

— Берегись, — передал слово в слово посланец, — в земле Ханаан живет дочь Лилит, любимая человеком, Богом и Аллахом и помеченная дьяволом. Не гневи ее, ибо гнев сей уничтожит тебя.

ИВОНН НАВАРРО

Одна на миллион

Ивонн Наварро живет в Чикаго, является автором двенадцати опубликованных романов и шестидесяти рассказов. Ее последнее произведение — триллер «Это не мое имя» («That's Not My Name»); также она написала несколько книг по мотивам телесериалов (например, «Баффи — истребительница вампиров»). В немногие часы, свободные от работы и изучения боевых искусств, она мечтает о переезде на теплый и солнечный американский юго-запад.

«Рассказ „Одна на миллион" возник как ответ на довольно заурядный вопрос, — объясняет автор, — а именно: что делать, если вас преследуют? Далее выясняется, что преследователь — вампир, но зачем вампиру обыкновенная женщина? Нет, эта женщина не должна быть обыкновенной.

Многие люди считают, что истории о вампирах устарели, вышли из моды и тому подобное; думаю, что они сильно ошибаются и все обстоит наоборот. Да, вампиризм напоминает кражу, но это не только кража крови. Это может быть похищение или потеря — жизни, самого себя, всего того, кем и чем ты являешься или мог бы стать; превращение личности в новое существо, которое ты можешь или не можешь контролировать. Эта тема обладает огромным потенциалом и никогда не исчерпает себя. Людям, которые задирают нос и заявляют, что вампиры — это вчерашний день, следует вспомнить о том, что они смертны. Каждый день рождается новое поколение читателей, и они всегда голодны.

Как вампиры».

Сондра точно знала, когда именно вампир начал преследовать ее и детей.

Она вызвала полицию. Полицейские пришли к ней домой — два исполнительных копа из маленького городка, с крошечными мозгами и пивными животами. От них исходил застарелый запах жира и табачного дыма. Близнецы,

с прелестными ангельскими личиками, голубыми глазенками и тонкими светлыми волосиками, при виде которых у нее сжималось сердце от любви, ворковали и смеялись в манеже, в детской, не замечая выражения ужаса на лице матери и не слыша напряженного разговора в соседней комнате.

— Послушайте, — говорила Сондра, — я видела, как оно следовало за нами...

— Оно?

На груди старшего блестела табличка с именем, гласившая: «Макшоу». Он многозначительно посмотрел на своего напарника. Тот что-то быстро набросал на планшете.

— То есть он. — Лицо ее осталось спокойным, но внутренне она дала себе пощечину за оговорку. Страх стал ее постоянным отвратительным спутником; он мог заставить ее наделать множество ошибок, даже рассказать правду — а этого она хотела меньше всего. Сейчас Сондра не могла позволить себе рассказать правду — сейчас, когда речь шла о безопасности Мэллори и Мелины. — Я видела *его*.

— Хорошо.

Второй полисмен был моложе, но у него явно были все шансы вскоре догнать своего толстопузого напарника. Слишком много пончиков, сидения на заднице в патрульной машине, раскатывающей по городу, размышлений о том, как он круто выглядит в синей форме и блестящих ботинках, с тщательно смазанным револьвером тридцать восьмого калибра в кожаной кобуре. Галена находилась достаточно далеко от Чикаго, убийства и насилия здесь практически не случались, и полицейские целыми днями страдали от безделья — разве что *ловили мелких воришек, тинейджеров, превышающих скорость*, да немногочисленных пьяных и наркоманов. Наверное, ему никогда не приходилось стрелять из револьвера во что-нибудь, кроме бумажной мишени. Что этот человек знает о крови и ужасах?

— Значит, вы видели, как кто-то следовал за вами по торговому центру Фокс Вэлли, — повторил второй полисмен. — И вы говорите, что он шел за вами и вашими детьми почти всю дорогу до машины.

— Да.

— А когда вы обернулись, чтобы прогнать его, в присутствии некоей супружеской пары, он исчез.

Сондра наконец разглядела табличку на кармане его рубашки, пришитую немного криво.

— Именно так, офицер Уолтерс. — Она откинулась на спинку стула.

Макшоу скривился:

— Фокс Вэлли — место просторное, мисс Андервуд. — Он взглянул на нее поверх очков, в карих глазах мелькнуло скептическое выражение. — Разве не мог этот человек просто припарковать машину рядом с вашей? Тогда это всего лишь совпадение.

— Я же говорю вам, что он нас преследовал, — излишне громко повторила Сондра.

Близнецы в соседней комнате зашумели, и она, озабоченно бросив взгляд в сторону двери, понизила голос:

— Он...

Затем смолкла и рассеянно потерла подбородок. Эти копы — они такие спокойные... Как она может объяснить им, какая паника охватила ее, когда человек со знакомыми острыми зубами впился взглядом ей в лицо у дверей детского магазина? Конечно, она просто гуляла с мальчиками, рассматривала витрины — денег у нее хватало только на самое необходимое. Увидев *его*, Сондра тут же забыла о смешной заводной собачке, радостно разинувшей пасть за стеклом витрины. Широкие, ярко освещенные коридоры, ослепительные огни торгового центра завертелись вокруг нее и исчезли, и во всем мире остались только она и *он*... и, разумеется, ее дети. Они замахали ручками и заплакали, загипнотизированные, как и она, его темной фигурой, возникшей среди суеты и огней.

— Он — что? — поинтересовался Макшоу.

Ручка застыла над бумагой — ему осталось заполнить три дюжины клеток, затем можно было ехать на следующий вызов — в кафе.

Сондра сглотнула ком в горле. «Теперь будь осторожна, — напомнила она себе. — Очень, очень осторожна».

— Я... я уже видела его.

Молодой полицейский встрепенулся:

— Сколько раз?

— Дважды, — ответила она. — Один раз, когда отвозила детей в поликлинику, и второй раз — на прогулке.

— Значит, ему известно, где вы живете?

Голос Уолтерса зазвучал резко, но вместо торжества Сондра ощутила желание ударить полицейского. Почему она должна лгать, чтобы заставить их защитить ее? Потому что увидеть преследователя раз или два было в порядке вещей, но *три* — число магическое.

— Я уже боюсь выходить из дому.

— Расскажите мне об этих двух встречах, — попросил Макшоу.

Сондра внезапно поднялась.

— Вы не... не хотите кофе? — дрожащим голосом предложила она. — Я собираюсь налить себе чашечку.

— Если можно. — Старший полисмен взглянул на нее с любопытством.

— Конечно. — Она подошла к двери детской и, прежде чем закрыть ее, проверила, все ли в порядке. Мэллори и Мелина за сеткой манежа устраивались спать, их нежные, пухлые тельца лежали обнявшись, они походили на сытых котят. Плотно затворив дверь, она обернулась к мужчинам, сидевшим на диване. — Сахар? Сливки?

— Черный будет в самый раз, — ответил Уолтерс. — Два.

Сондра кивнула и поспешила на кухню. По дороге она трясущимися пальцами захватила из буфета две разнокалиберные кружки и проверила, нет ли там отвратительных тараканьих яичек. В этой квартире она ужасно страдала от насекомых и не хотела попасть в глупое положение; но чего еще можно ожидать от укрытия, от жилища изгнанницы? Кофе был слишком крепким — он стоял на плите с утра, и Сондра совсем не хотела пить, но ей нужно было время, чтобы собраться с мыслями и еще раз повторить про себя заготовленный рассказ. Заявление о встрече у поликлиники было ложью, и Сондра решила сгладить ее, сказав, что видела незнакомца лишь мельком; полицейские могли записать эти слова, могли и не записывать. Но он действительно знал ее адрес и следовал за нею всякий раз, как она переступала порог дома, — видение воплощенного голода, о котором невозможно было забыть.

Внезапно у нее подкосились ноги, и она, чтобы не упасть, прислонилась к кухонному столу. Будет ли толк от этой затеи? Скорее всего, ей снова придется бежать, спасаться,

продолжать бесконечную, изматывающую гонку в попытке дать своим детям нормальную жизнь. Господь милосердный, неужели он никогда не оставит их в покое?

Без предупреждения у нее в ушах снова раздался его насмешливый, жестокий хохот, и от воспоминания о его ледяных руках, скользящих по ее телу, ее бросило в жар.

— Раздвинь ноги.

— Нет!

Глаза у него были черными, но в них блестели какие-то странные желтые искры, словно отражение ночного неба, усыпанного звездами. Его пальцы с острыми ногтями, способными пронзить ее кожу, шарили по внутренней стороне ее бедер. При этом прикосновении вся кровь ее закипела от желания.

— Ты станешь матерью моих детей.

— Отпусти меня! — закричала она.

Она прокляла его, прокляла свое собственное тело, когда ее худые колени начали раздвигаться. Она лежала на черной простыне, и ее руки и ноги походили на лепестки раскрывающейся бледной лилии, плывущей по агатовому океану.

— Я наполню тебя кровью и огнем, — прошептал он ей в ухо, придавив ее своим телом.

Ее словно пронзило ледяное копье. Тело задрожало, непроизвольно отвечая на его ласки, и он, мерно двигаясь, застонал — в ее ушах прозвучало это удовлетворенное волчье рычание, а острые края его зубов скользнули по коже ее горла, почти желая похитить то, что он еще оставил ей. Все остальное он уже отнял: гордость, уважение к себе, ее девственность. Она стала его шлюхой, его рабыней, и вскоре ей предстоит увидеть последнее доказательство своей принадлежности ему. Разумеется, он оставит ей хрупкий остаток человеческого естества — ее кровь, пульсирующую в артериях. Разумеется...

Сахарница в ее руках опасно накренилась, и женщина с грохотом поставила ее на стол, решив, что лучше обойтись без сахара, чем рассыпать его. Это *он* наслал на нее тараканов, чтобы мучить ее, чтобы заставить ее уехать отсюда, и она скорее сдохнет, чем станет кормить их. Обернувшись

к раковине, Сондра смочила руки и лицо холодной водой, промокнула кожу бумажным полотенцем. Тише едешь — дальше будешь, сказала она себе. Еще через десять секунд она более или менее успокоилась, смогла выудить из ящика около плиты помятую форму для запекания и поставить на этот импровизированный поднос чашки с кофе. Она чуть не уронила все это, когда развернулась и увидела прямо перед собой младшего полисмена. Взгляды их встретились, и на миг Сондра почувствовала себя в ловушке, ее охватило опасное желание рассказать ему все, всю эту отвратительную историю, которая уже жгла ей губы. Кружки звякнули на поцарапанном алюминиевом блюде.

— Я отнесу, — предложил Уолтерс.

Он протянул руку, и его пальцы, холодные, как и у нее, скользнули по локтю женщины. Выражение лица его было непроницаемым, но от его прикосновения она ощутила странную слабость и растерялась. Стоя напротив него в тесной кухне, Сондра поняла, что ошибалась насчет его телосложения; он вовсе не был полным. Напротив, его тело как будто удлинилось и стало гибким — так лежащая на полу собака кажется безобидной, теплой и пушистой, пока не встанет и не потянется. От страха у Сондры перехватило дыхание, но полицейский лишь подхватил ее под локоть свободной рукой и повел в гостиную, к ожидавшему их напарнику, и рука его жгла ее кожу, словно сухой лед.

Макшоу, заполнявший свои формуляры, поднял голову, бросил ручку на журнальный столик и жадно потянулся к чашке. Сондра рухнула в широкое потертое кресло, испытывая облегчение; но это облегчение улетучилось, когда Уолтерс устроился рядом с ней, вместо того чтобы вернуться на свое прежнее место в кресле-качалке. В квартире все было маленькое: комнаты, окна, солнечные лучи, с трудом проникавшие внутрь, мебель; нога полицейского, мускулы которой выступали под тканью брюк, прижалась к Сондре, словно кусок льда, но отодвинуться было некуда. Она задыхалась; что-то, пульсирующее у нее в горле, мешало воздуху проникнуть в легкие.

— Итак, — через минуту произнес Макшоу. Он не прикоснулся к планшету, оставленному на столе рядом с ручкой. — Расскажите нам об этих двух встречах.

— Мне показалось, что я видела его в прошлый вторник, когда возила детей к педиатру в бесплатную поликлинику, — хрипло проговорила Сондра. Она гордилась своим самообладанием — голос совсем не дрожал, не выдавал этого небольшого обмана. — Он снова следовал за нами. Но там было много народу, а когда мы вышли, уже наступил час пик. Он исчез.

— Вам показалось?

Сондра кивнула, но не очень уверенно. Пусть не обращают на этот рассказ внимания, если не хотят; в любом случае это ложь, попытка подсластить пилюлю.

— А в третий раз?

— Это было вчера... вечером. Я с детьми пошла в парк, на осенний праздник. Он б-был там, и он шел за мной до самого дома.

Макшоу наклонился вперед.

— Мисс Андервуд, если он преследовал вас до дома вчера вечером, почему вы позвонили нам только сегодня утром?

Сондра опустила взгляд и посмотрела на свои руки, ярко-красные от постоянной возни в воде — она изо всех сил пыталась отчистить грязь в квартире. Ногти были окружены белым ободком — под них забилась детская присыпка.

— Я... я не знаю, — прошептала она. — Думаю, я надеялась, что он просто уйдет, но сегодня утром, когда я встала и обдумала все это, то решила, что сам он не оставит меня никогда.

— Он пытался вступить с вами в контакт? Угрожал вам?

Голос Уолтерса был мягким и каким-то... *нежным*, он напоминал дорогие охлажденные напитки, которые подают в первоклассных ресторанах. Ей послышалось множество намеков в этом голосе, таких же разнообразных, как те жидкости, что смешивают в вычурных бокалах, украшенных ломтиками фруктов и пластиковыми соломинками.

Сондра невольно встретилась с ним взглядом и на какой-то миг поддалась панике, растерялась, но вовремя взяла себя в руки и ответила, прежде чем Макшоу успел заметить паузу:

— Нет.

В отчаянии она сообразила, как глупо и жалко звучит ее история, и ей пришлось сделать над собой громадное усилие,

чтобы пошевелить онемевшими губами. Она слишком быстро позвонила, полиция ей никогда не поверит. Поддержки ждать не от кого, а ей необходимо защитить Мэллори и Мелину, как она защищала их с самого момента рождения.

— Похоже, нам необходимо позвать врача, — мрачно сказала акушерка. Подняв голову, Сондра увидела широкое черное лицо женщины, смотревшее на нее через перевернутый треугольник ее расставленных ног, поверх раздутого, мучительно пульсирующего живота. От дурного предчувствия южный акцент негритянки усилился, и слова сливались в кашу. — У вас сильное кровотечение, а роды и так уже тянутся слишком долго.

— Никакого врача! — прошипела Сондра.

Последнее слово потонуло в крике: живот ее терзала кошмарная боль — это ребенок рвался наружу, из своей тюрьмы, наполненной кровью матери. Слышал ли он слова акушерки, понимал ли опасность, которая грозит ему, если роды затянутся?

— Он идет! — завопила она и поднатужилась изо всех сил, как никогда прежде не делала, стараясь вытолкнуть из своего тела нечто, пытавшееся убить ее.

— Я вижу головку — тужьтесь еще! — Руки акушерки были горячими и влажными от крови Сондры; на мгновение они погрузились в ее истерзанную плоть, затем сомкнулись на чем-то огромном, причинив ей новую боль. — Я держу ее. Давайте же, Сондра, если вы перестанете тужиться, вы убьете его и себя!

Сондра снова вскрикнула и впилась ногтями в матрац, и ветхая ткань порвалась в тот самый миг, когда ребенок вылез из ее тела, причинив ей такую боль, что она едва не потеряла сознание. Боже милостивый, пронеслось у нее в голове, когда она пыталась перевести дыхание, почему живот не стал меньше? Что это, послед? Неужели плод ее совокупления оставил внутри столько отвратительных остатков?

Она все еще тяжело дышала после рождения Мэллори, когда схватки начались снова, заставив ее корчиться на мокрых простынях и раскрыть рот в неслышном крике. Акушерка немедленно подбежала к ней, и ее большие лоснящиеся руки принялись колдовать над животом Сондры, поглаживая и надавливая.

— Двойня! — объявила она. — Держись, девочка, — сейчас появится второй!

Сондра взвыла в голос, когда второй ребенок высвободился из ее чрева. Что-то внутри отпустило ее, и она снова смогла дышать, не обращая внимания на слабые схватки, которые сотрясли ее тело, когда акушерка извлекала послед.

— Что? — выдавила наконец Сондра, втягивая ртом воздух и пытаясь сесть. — Кто там?

— Девочки, — сказала акушерка, поворачиваясь к пеленальному столу. — И вполне здоровенькие. Каждая чуть больше шести с половиной фунтов — крупные для двойни.

Несмотря на заверения в том, что с детьми все в порядке, голос негритянки звучал напряженно, словно она была чем-то озадачена. Утомленная до предела Сондра слушала плеск воды в ванночке — это акушерка ловко обмывала детей; затем она завернула их в пеленки.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста. По одной в каждую руку.

С двух сторон к ней положили какие-то теплые комочки, и Сондра, прижав подбородок к груди, взглянула на своих детей. Придя в этот мир без малейшего писка, они уже спали; крошечные пальчики были сжаты в кулачки, нежные губки были еще синеватыми, но розовели с каждой минутой. На макушках росли густые черные волосы, брови были красиво очерчены, маленькие носики были слегка курносыми. И пока она смотрела на них, младшая — Мелина — раскрыла свой ротик, похожий на сердечко, и зевнула.

Сондра вздрогнула, и новорожденные, раскрыв глазки, печально уставились на нее.

— Что это было? — дрожащим голосом произнесла она.

Мгновение акушерка молчала, затем сложила руки перед собой, словно в безмолвной молитве.

— То, чего не бывает у новорожденных, — наконец выговорила она. — Зубы.

А теперь Сондра столкнулась с новой опасностью: с Уолтерсом. В нем было что-то такое, что напоминало ей отца ее детей, какой-то неуловимый сексуальный призыв к запретному, который, как она прежде думала, исходит только от одного мужчины, от одного *существа*.

«Раздвинь ноги».

«Нет!»

«Ты станешь матерью моих детей».

Кто-то прикоснулся к ее руке, и у нее перехватило дыхание, затем до нее дошло, что это Макшоу.

— С вами все в порядке, мисс Андервуд? Вы неважно выглядите.

— Все в п-порядке, — запинаясь, пробормотала Сондра. — Просто устала, вот и все. Нелегко выспаться с двумя орущими младенцами.

Она плотно сжала губы, внезапно испугавшись, что это воспримут как жалобу. В любом случае это была очередная ложь: близнецы никогда не плакали. Ей не давал спать едва слышный скрип ступеней на лестнице, тысячи воображаемых призраков в углах темных комнат, приглушенный скрежет стальных ногтей по хлипкой входной двери.

Уолтерс сочувственно кивнул, и у нее промелькнула абсурдная мысль, будто он видит ее насквозь.

— Разумеется, — сказал он. — Мы все понимаем.

Сондра проглотила язвительное замечание, и полицейские поднялись, словно какой-то невидимый кукловод одновременно потянул их за ниточки. Она обнаружила, что смотрит, как двигаются мускулы под плотно сидящей формой Уолтерса, затем покраснела, встретившись с ним взглядом, — оказалось, он это видел. В первый раз она заметила, что у него странного цвета глаза — желтоватые. Она никогда такого не видела — этот человек был похож на льва, наблюдающего за своей добычей.

— Если увидите его снова, звоните «девять-один-один», — посоветовал Макшоу. — А мы каждую смену будем лишний раз проезжать мимо вашего дома, чтобы он заметил нашу машину. Пока вы не сообщите нам что-нибудь более конкретное, мы больше ничего не можем сделать. Мне жаль. — Толстый коп взглянул на свой планшет и нахмурился. — Похоже, он ни разу не приближался к вам настолько, чтобы вы смогли дать сколько-нибудь подробное описание.

Сондра открыла было рот, затем сжала губы — Уолтерс взглянул на нее своими кошачьими глазами. Она уже собиралась сказать: «Он похож на него» — и указать на офицера Уолтерса, но в ужасе прижала ко рту трясущуюся руку и взмо-

лилась, чтобы Макшоу не заметил ее состояния. Было ли там хоть какое-нибудь сходство? Нет, конечно же нет.

Конечно же нет.

«Раздвинь ноги».

Уолтерс вышел последним. Сондра сама не понимала, зачем сказала это, но, когда он оглянулся, она с трудом, напряженно выговорила:

— Ему нужны дети.

Он кивнул.

— Я знаю. — Прежде чем она успела закрыть дверь, он протянул руку в дверной проем и легко прикоснулся к ее запястью — может быть, он искал ее пульс? — затем искоса взглянул на спину удалявшегося напарника, словно Сондра была его соучастницей в каком-то великом и тайном заговоре. — Я буду поблизости, — прошептал он.

«Я наполню тебя кровью и огнем».

Сондра с силой захлопнула входную дверь и несколько минут стояла так, дрожа от ужаса и дурного предчувствия.

Она искупала детей, накормила их и уложила спать. Они, тесно прижавшись друг к другу, лежали в манеже — у нее не было денег на кровать, — тихие, спокойные, словно две части единого целого. Сондра знала, что они еще много часов не сомкнут глаз. Некоторое время она наблюдала за дочерьми, размышляя, какими они станут, когда вырастут. Сейчас они были слишком маленькими для своего возраста, вырастут ли они потом? Может быть, скоро произойдет один из тех удивительных скачков развития, которыми постоянно хвастаются родители и которые с тошнотворной регулярностью обещают педиатры? Она пожалела, что ее дети не могут навсегда остаться маленькими, навсегда остаться с ней и ничего не знать об этом прекрасном, но опасном мире.

Потом она пошла в ванную и уставилась на свое отражение в зеркале. У нее был изможденный вид, она была бледной, худой, с выдающимися скулами и невыразительным носом, под карими глазами залегли темные круги от бессонных ночей. От недоедания и постоянной тревоги она стала тощей и угловатой, рот превратился в несуразно большую красную щель, пересекавшую нижнюю часть ее лица. Даже темные

волосы ее были самыми обыкновенными — лежали плохо, концы торчали в разные стороны. Что их так привлекает в ней? Почему она?

«Потому что ты одна на миллион, Сондра».

Она развернулась — медленно, словно это происходило под водой.

— Вы!

Офицер Уолтерс одарил ее приятной улыбкой.

— Я же сказал вам, что буду поблизости.

Сондра отступила назад, и в спину ей вонзился острый край дешевого шкафчика. На какое-то мгновение она подумала, что это чьи-то зубы, и у нее подкосились ноги; сделав над собой усилие, она протянула руку и пощупала за спиной — старая, погнутая медная ручка, вот и все.

— Как... как вы вошли?

— Дверь была незаперта.

— Не может быть! — воскликнула она. — Я не могла...

Прежде чем она успела произнести еще хоть слово, он уже стоял перед ней, в мгновение ока преодолев разделявшее их пространство. Слова, которые она собиралась сказать, замерли у нее на губах, когда он протянул руку — холодную, белую и сильную — и взял ее за подбородок. Большим пальцем слегка провел по нижней челюсти, затем поднял его, обвел губы.

— Мне кажется, вы оставили ее открытой для меня...

— Нет!

— Разве?

Уолтерс склонился над ней — до его лица оставался всего какой-нибудь дюйм. Дыхание его было тяжелым, от него чем-то пахло, но довольно приятно — холодный, словно неживой ветерок овевал ее щеки. Сейчас он выглядел иначе, чем днем, словно жирный, напичканный пончиками коп был лишь маскарадным костюмом, который он надевал на работу, чтобы соответствовать своему шарообразному напарнику. Черты лица были те же, но сейчас он выглядел как хищник, длинный, гибкий и темный, будто пантера, скользящая сквозь ночь, выслеживая жертву.

— Пожалуйста, — услышала она свой собственный голос. Она хотела заплакать, но глаза ее были сухи, в горле тоже пересохло. — Не трогайте меня.

— Ты же хочешь этого, — прошептал Уолтерс, скользя губами по ее шее; схватив ее за плечи, он повлек ее из ванной в тесную кухню.

Сондра хотела отвернуться, но тут совершила фатальную ошибку — встретилась с ним взглядом. В тот же миг она почувствовала, что словно куда-то падает, это был восхитительный полет со стоэтажного небоскреба, и она не думала о том, что сейчас неизбежно врежется в землю; она отклонилась бы в сторону, но он крепко прижал ее к себе, и тепло его тела просачивалось к ней сквозь одежду.

«Открой мне свое тело, Сондра».

Голос его стал более глубоким, изменился и напомнил ей голос того, другого, — она застонала от ужаса. Она сильно дрожала; ей казалось, что она лежит лицом вниз на кожаном одеяле; она всем телом ощущала тепло, исходящее от мускулистой груди мужчины, от его твердого живота, от плотно прижатых к ней бедер. Его сердце колотилось о ее грудь еще до того, как его пальцы схватили ее за воротник блузки и разорвали ее.

«Ты можешь сделать это для меня, можешь совершить чудо. Дай мне войти в тебя...»

— Дьявол тебя возьми, я вам что, инкубатор? — всхлипнула Сондра. — Оставьте меня в покое!

Она попыталась оттолкнуть его, но спина ее упиралась в стену или в холодильник, словом, во что-то, мешающее ей спастись. Когда руки его скользнули по ее грудям и сжали их, затем начали ласково поглаживать, чтобы отогнать холод прикосновения, ей хотелось закричать — против своей воли она прижалась к нему бедрами и запустила пальцы в его густые волосы, чтобы притянуть его ближе.

«Я могу согреть тебя, дорогая моя. Я могу наполнить тебя. Кровью...»

Его зубы, острые, влажные, скользнули по коже ее шеи, и что-то у нее в животе сжалось от наслаждения.

«...и огнем».

Отвечая на его прикосновения, но не прекращая проклинать себя за это, она начала рвать на нем одежду, отчаянно желая почувствовать на своей горячей коже зимний холод его тела, дрожа от желания погасить огонь, который он зажег в ней. Сондра закричала, когда он овладел ею, прижав

ее к кухонному шкафу, вскрикнула снова, испытав оргазм, и лишь затем вспомнила, что даже не знает имени этого человека.

— Николас придет за тобой, — одеревеневшим голосом произнесла Сондра.

Она произнесла имя того, другого, в первый раз после той ночи, шестнадцать месяцев назад, когда он впервые овладел ее душой и телом в спальне, в цокольном этаже, в пятистах милях отсюда. Наверное, она все это заслужила: позволила так легко вскружить себе голову, позволила подцепить себя в баре, покорно последовала за ним в его просторную квартиру с огромными окнами и непомерных размеров кроватью с черными простынями. Но как жестоко она поплатилась за свою слабость! Тогда ей следовало быть сильнее; следовало быть сильнее и сегодня. Для Николаса она была никем, как и для Уолтерса, — использованное, изорванное перышко, подхваченное жестоким ураганом их желаний.

— Может быть, даже убьет тебя.

Губы ее онемели от холода, и она нечетко произносила слова; по ногам текла жидкость. Она лежала на темных плитках кухонного пола, и холод просачивался в ее обнаженное тело; холод, наступивший не по сезону рано, пробирался сквозь бетонный фундамент, полз по ее рукам, ногам, спине. Она хотела пошевелиться, встать, скорчиться где-нибудь в тепле, пока не почувствует снова, как горячая кровь бежит по ее жилам, но Уолтерс обхватил ее сзади руками и ногами, словно гигантский паук, высасывающий соки из сладкой добычи. Даже тараканы разбежались, испугавшись могучего охотника.

— Николас просто хочет посмотреть на детей, — сказал Уолтерс, и она почувствовала его дыхание на своих волосах. Он хватал пряди губами и, высунув язык, пробовал их на вкус. — Если ты позволишь ему приходить время от времени, всем будет лучше. Он такой... незрелый, непостоянный. У него нет жизненного опыта, а дети — это может произвести на него огромное впечатление, я даже сомневаюсь, что он придет к ним во второй раз. А вместо этого ты носишься с места на место, как перепуганная насмерть крольчиха со

своим потомством, заставляя его гоняться за собой и вызывая полицию всякий раз, когда он подойдет поближе. Но я не такой безответственный дурак, как мой брат Николас, дорогая.

— Что ты сказал? Что значит — *брат?* О чем ты?

Сондра до смерти перепугалась, поняв, что Уолтерс знает, что ее преследователь — отец близнецов, она попыталась вырваться из его объятий и взглянуть ему в лицо, но рука его стиснула ей грудную клетку, словно стальная полоса. Она в раздражении начала пинать его ногами, и он просунул свободную руку между ее ног и принялся гладить; спиной она почувствовала, что плоть его снова поднимается, и он, прижавшись бедрами к ее бедрам, начал двигаться. Задыхаясь от наслаждения и стыда, она схватилась за его колени, раздвинула ноги и приподнялась, позволяя ему ласкать себя. Она забыла о ледяном холоде, исчезнувших тараканах и обо всем остальном, когда Уолтерс начал ласкать ее и наконец, легко подняв, посадил себе на колени. Сквозь горячую волну, заливавшую все тело, Сондре все же удалось задыхающимся голосом спросить:

— Что ты имел в виду?

— Мне показалось, что это очевидно, — ответил Уолтерс.

Голос его превратился в знакомое рычание охваченного желанием зверя. Он, не отрываясь от нее, приподнялся и подвинулся вперед, и Сондра оказалась стоящей на коленях под ним. Одна из его огромных рук скользнула под ее левый локоть и обхватила ее за горло; он не сжал ладонь — нет, он просто крепко прижал женщину к себе, чтобы почувствовать горячую кровь, бегущую по ее артерии так близко от его смертоносных пальцев. Это чувство возбудило его, и он вошел в нее еще глубже, заставив ее вскрикнуть от новой волны экстаза. Другая его рука скользнула по бедрам Сондры, и он приподнял ее так, что колени ее оторвались от пола, и она касалась плиток лишь сжатыми кулаками, защищая лицо, чтобы не пораниться. Болтаясь в воздухе, пока он трахал ее, словно какую-то надувную куклу, Сондра готова была лопнуть от злости, но вскоре поддалась нежности в его низком голосе и забыла обо всем, дрожа от наступившего оргазма. Слова, похожие на подернутый изморозью бархат, звучали в ее ушах, когда зубы его скользнули

с ее шеи на плечо, оставив едва заметную кровоточившую царапину, которую он начал сосать, словно младенец.

«Помнишь, что я сказал, Сондра? Ты одна на миллион, только ты способна произвести на свет сокровище. И я сделаю это. Я возвышу тебя и поставлю над всеми, дорогая моя».

Сондра не знала, что именно — его следующие слова, его ласкающая рука, устремившаяся с ее шеи вниз, к животу, сладострастные содрогания или наступающее безумие — заставило ее пронзительно закричать, когда он наконец наполнил ее обжигающей, кровавой ледяной жидкостью и страстью.

«Я не похож на своего брата Николаса, я буду с тобой каждую минуту, когда ты будешь носить моих драгоценных сыновей и произведешь их на свет».

МЭРИ Э. УИЛКИНС-ФРИМЕН

Луэлла Миллер

Мэри Элинор Уилкинс (1852—1930) родилась в Рэндольфе, штат Массачусетс. Ее муж, доктор Чарльз Фримен, страдал алкоголизмом и в 1920 году был помещен в психиатрическую лечебницу, где умер три года спустя.

Мэри Уилкинс дебютировала в литературе в 1881 году балладой для детей, позже были опубликованы ее многочисленные стихи и прозаические произведения. Уилкинс участвовала в региональном движении в американской литературе, была сторонницей «местного колорита». Она написала двенадцать романов, среди них «Джейн Филд» («Jane Field», 1893), «Плечи Атласа» («The Shoulders of Atlas», 1908) и «Дом бабочек» («The Butterfly House», 1912). Некоторые из более двухсот ее рассказов выпущены в сборниках «Скромный романс и другие рассказы» («A Humble Romance and Other Stories», 1887), «Монахиня из Новой Англии и другие рассказы» («A New England Nun and Other Stories», 1891) и «Лучшие рассказы Мэри Э. Уилкинс» («The Best Stories of Mary E. Wilkins», 1927). В 1926 году писательница получила от Американской академии литературы и искусства золотую медаль имени Уильяма Дина Хоуэллса.

При жизни Уилкинс были опубликованы лишь шесть ее рассказов о сверхъестественном — в сборнике «Ветер в кустах роз и другие истории о сверхъестественном» («The Wind in the Rose-Bush and Other Stories of the Supernatural», 1903). Еще пять рассказов вышло в сборнике издательства «Arkham House» «Рассказы о привидениях» («Collected Ghost Stories») в 1974 году.

В 1970 году по мотивам одного из ее наиболее известных рассказов был снят эпизод для телесериала «Ночная галерея Рода Серлинга» («Rod Serling's Night Gallery») под названием «Тени на стене» («Certain Shadows on the Wall»). Жаль, что никто не попробовал снять фильм по классической истории о вампирах — «Луэлла Миллер»...

Почти у самой дороги стоял одноэтажный домик — там когда-то жила Луэлла Миллер, о которой в деревне шла дурная слава. Она умерла много лет назад, но некоторые местные жители еще наполовину верили в историю, слышанную в детстве, несмотря на то что прошедшее время придавало ей несколько иную окраску. Где-то в глубине души каждого из них, хотя сами люди вряд ли в этом признались бы, еще жили остатки дикого, первобытного страха их предков, современников Луэллы Миллер. Даже молодые люди, проходя мимо, с содроганием смотрели на старый дом, дети никогда не играли около него, как играют обычно в заброшенных жилищах. Все стекла в окнах старого дома Миллеров были целы; в них отражался свет утреннего солнца, отбрасывая изумрудные и голубые блики; покосившуюся входную дверь ни разу не открывали, хотя ни замков, ни засовов на ней не было. С тех пор как Луэллу Миллер вынесли отсюда, в доме никто не жил, кроме одной несчастной старухи, у которой никого на всем свете не осталось и которой некуда было идти, разве что ночевать под открытым небом. Эта старуха, пережившая всех своих родных и друзей, провела в доме всего неделю, а затем, однажды утром, соседи не увидели дыма из ее трубы и, собравшись группой в дюжину человек, вошли внутрь и обнаружили ее мертвой на кровати. Насчет причин ее смерти ходили некие темные слухи: говорили, что на мертвом лице застыло выражение такого ужаса, что было ясно, в каком состоянии душа ее покидала бренное тело. Старуха была еще крепкой и здоровой, когда вошла в этот дом, и все же через семь дней она умерла; казалось, что она пала жертвой какой-то зловещей силы. Священник в своей проповеди сурово обрушился на грех суеверия, но слухи остались. Деревенские жители скорее согласились бы оказаться в приюте, чем жить в проклятом доме. Бродяги, услышав рассказы о нем, не осмеливались искать здесь прибежища — настолько силен был суеверный страх, висевший над домом почти полвека.

В деревне остался лишь один человек, своими глазами видевший Луэллу Миллер. Этой женщине давно перевалило за семьдесят, но она была на удивление бодра и хорошо сохранилась. Она шагала по улицам, прямая, как стрела, только что выпущенная из лука жизни, и всегда посещала

церковь — и в дождливую, и в ясную погоду. Она никогда не была замужем и много лет прожила в доме через дорогу от хибары Луэллы Миллер.

Женщина не страдала старческой болтливостью, но если уж она решала заговорить, ничто не могло ее остановить, и, решив говорить правду, она шла до конца. Именно она могла описать жизнь и злодеяния Луэллы Миллер — хотя, возможно, последнее она намеренно преувеличивала — и ее внешность. Когда старуха начинала свою историю — а она обладала даром рассказчика, хотя облекала свои мысли в грубый диалект родной деревни, — слушатели словно видели перед собой Луэллу Миллер. Если верить женщине, Лидии Андерсон, Луэлла была красавицей довольно редкого в Новой Англии типа. Она была стройной, гибкой, словно сгибалась, но не ломалась под натиском судьбы. У нее были прямые блестящие светлые волосы, уложенные косами вокруг приятного удлиненного лица. В ее голубых глазах словно застыла некая мольба, руки были маленькие, беспокойные, и все ее движения отличались удивительной грациозностью.

— Луэлла Миллер сидела так, как никто, кроме нее, не мог сидеть, даже если бы учился этому семь недель, — говорила Лидия Андерсон, — и смотреть, как она идет, было одно удовольствие. Если бы одна из тех ив, что стоят на берегу ручья, могла вытащить корни из земли и тронуться с места, она шла бы точь-в-точь так, как Луэлла Миллер. Она обычно носила зеленое платье из переливчатого шелка и шляпу с кружевной вуалью и длинными зелеными лентами, которые развевались на ветру, а на талии — зеленый кушак, концы которого разлетались в стороны. Вот в таком наряде она отправилась в церковь, венчаться с Эрастусом Миллером. До замужества ее фамилия была Хилл. В ее имени всегда было много «л», и в девичестве, и после свадьбы. Эрастус Миллер тоже был красавцем, даже красивее Луэллы. Иногда она, помню, казалась мне совсем непривлекательной. Но Эрастус просто боготворил ее. Я его хорошо знала. Он жил в соседнем доме, и мы вместе ходили в школу. Говорили, что он за мной ухаживает, но это было не так, ничего подобного. Я так никогда не думала — ну, только пару раз он мне говорил такие вещи, которые другие девушки сочли бы намеками на ухаживание. Это было до того, как Луэлла приехала сюда

и стала учительницей в местной школе. Удивляюсь, как она смогла получить эту работу,— люди говорили, что она совсем необразованная и что одна из старших девочек, Лотти Хендерсон, делает за нее все, а она только сидит и бездельничает или вышивает батистовые платочки. Лотти Хендерсон была очень умной девушкой, она училась лучше всех, но она чуть ли не молилась на Луэллу — да и все остальные девочки тоже. *Лотти стала бы действительно необыкновенной женщиной*, но она умерла, когда Луэлла прожила здесь около года,— просто увяла и умерла; никто не знал отчего. Но она таскалась в эту школу и помогала Луэлле чуть ли не до своего последнего часа. Все в школьном комитете знали, что та ничего сама не умеет, но смотрели на это сквозь пальцы. Прошло немного времени после смерти Лотти, и Эрастус женился на Луэлле. Я всегда считала, что он так поторопился потому, что Луэлла не могла работать. После смерти Лотти ей помогал один из старших мальчиков, но он был не очень способным, и дела в школе шли все хуже и хуже, и Луэлле вскоре все равно пришлось бы уйти, потому что в комитете уже не могли закрывать на все это глаза. Юноша, помогавший ей, был честным, благонравным парнем и учился неплохо. Люди говорили, что он слишком много занимался и поэтому через год после свадьбы Луэллы сошел с ума — может, все так и было, не знаю. И не знаю, отчего это Эрастус Миллер примерно тогда же заболел чахоткой — в его роду чахоточных не было. Он становился все слабее и слабее, сгибался чуть ли не вдвое, когда пытался прислуживать Луэлле, и говорил дрожащим голосом, будто старик. Он трудился изо всех сил до последнего, пытаясь накопить хоть немного денег, чтобы оставить их жене. В дождь и грозу я видела, как он отправляется в лес — Эрастус был дровосеком. Он сидел, скрючившись, на своей телеге и был похож скорее на мертвеца, чем на живого человека. Однажды у меня кончилось терпение: я подошла и помогла ему сложить в повозку дрова — у меня всегда были сильные руки. Он просил меня оставить это, но я его не слушала, и, думаю, он обрадовался моей помощи. Это случилось всего за неделю до его смерти. Он упал на пол в кухне, когда готовил жене завтрак. Он всегда готовил завтрак, пока Луэлла валялась в постели. Он убирался в доме, мыл посуду, стирал, гладил и почти все

готовил. Он не мог позволить своей женушке хотя бы пальцем пошевелить, и она разрешала ему выполнять женскую работу. Она жила как королева и ровным счетом ничего не делала. Даже не шила. Говорила, что от шитья у нее плечо болит, и бедной Лили, сестре Эрастуса, приходилось ее обшивать. Лили не могла похвалиться крепким здоровьем, у нее была слабая спина, но шила она прекрасно. Да и как иначе, ведь Луэлле было трудно угодить. Никогда я не видела ничего лучше вышивок, которые Лили Миллер делала для Луэллы. Она сама сшила ей подвенечное платье, фату и зеленое шелковое платье, которое скроила Мария Бэббит. Мария скроила его совершенно бесплатно, и она еще много работы выполняла для Луэллы даром. После смерти Эрастуса Лили Миллер переехала жить к невестке — бросила свой дом, хотя очень его любила и ничуть не боялась жить одна. Она стала сдавать его внаем и сразу после похорон поселилась с Луэллой.

Затем старуха, Лидия Андерсон, которая помнила Луэллу Миллер, принималась рассказывать историю Лили. По-видимому, после переезда Лили в дом ее умершего брата, где жила его вдова, по деревне впервые пошли разговоры. Эта Лили Миллер была совсем молодой девушкой, крепкой, цветущей, с розовыми щеками, густыми кудрявыми темными волосами, круглым белым лицом и блестящими черными глазами. Не прошло и полугода после того, как она поселилась у своей невестки, как краска сошла с ее лица, оно исхудало и вытянулось, глаза ввалились. В черных кудрях появились седые пряди, глаза потухли, черты заострились, у рта возникли жалобные складки, но на лице по-прежнему сияло милое, приветливое и даже счастливое выражение. Лили посвятила невестке всю жизнь; несомненно, она любила ее всем сердцем и была довольна своей участью. Она боялась лишь умереть и оставить Луэллу одну.

— Слушая, как Лили Миллер говорит о Луэлле, я не знала, плакать или сердиться, — продолжала Лидия Андерсон. — Я бывала у них в доме несколько раз незадолго до смерти несчастной, когда она настолько ослабела, что уже не могла готовить, и приносила ей немного бланманже или сладкого крема, или еще чего-нибудь вкусного, и она благодарила меня, а когда я спрашивала ее о здоровье, отвеча-

ла, что чувствует себя прекрасно. Спрашивала меня, выглядит ли она лучше, чем вчера, — слушать ее было ужасно грустно. Она говорила, что бедная Луэлла совсем сбилась с ног, ухаживая за ней и выполняя ее работу, ведь она такая слабая, а на самом-то деле Луэлла и пальцем не пошевелила, и о Лили заботились лишь соседи, и всю принесенную ими пищу съедала ее невестка. Я в этом совершенно уверена. Луэлла все это время просто сидела сложа руки да плакала. Она изображала любовь к Лили — и действительно, сильно увяла и совсем исхудала. Некоторые думали, что она тоже скоро отправится на тот свет. Но после смерти Лили к ней приехала ее тетка, Эбби Микстер, и тогда Луэлла выздоровела и снова стала такой же румяной и цветущей, как прежде. Но бедная тетя Эбби начала увядать — точь-в-точь как прежде Лили. Думаю, кто-то написал ее замужней дочери, миссис Сэм Эббот, которая жила в Барре; та, в свою очередь, написала матери, попросила ее немедленно приехать, навестить ее, но тетя Эбби отказалась покидать Луэллу. Как сейчас вижу ее перед собой. Она очень хорошо выглядела, была высокой и крепкой, с широким лицом, высоким лбом, и глаза у нее были добрые и ласковые. Она просто прислуживала Луэлле, как малому ребенку, а когда родная дочь попросила ее приехать, и с места не сдвинулась. Она всегда очень любила свою дочь, но говорила, что Луэлла в ней нуждается, а та — нет. Дочь все писала ей и писала, но это не помогло. Наконец она приехала сама, увидела, как изменилась ее мать, пришла в ужас, разрыдалась и чуть ли не на коленях умоляла ее уехать. Она и Луэлле все прямо высказала. Сказала ей, что она погубила своего мужа и всех, кто к ней приближался, и велела оставить в покое ее мать. С Луэллой случилась истерика, и тетя Эбби так перепугалась, что после ухода дочери позвала меня. Миссис Сэм Эббот уехала в своей коляске вся в слезах, плакала так, что слышали все соседи, и было отчего; больше она свою мать в живых не видела. В тот вечер я пошла к ним домой, тетя Эбби позвала меня — она стояла в дверях, закутавшись в зеленую клетчатую шаль. Как сейчас ее вижу. «Идите сюда, мисс Андерсон!» — крикнула она, задыхаясь. Я не медлила ни минуты. Оделась как могла быстрее, побежала к ней. Луэлла то смеялась, то плакала, а тетя Эбби

пыталась ее успокоить, хотя сама была белой как простыня и дрожала так, что едва могла стоять.

— Ради всего святого, миссис Микстер, — сказала я. — Вы выглядите хуже нее. Вам нужно пойти лечь.

— О, со мной все в порядке, — ответила старуха. И продолжила говорить с Луэллой: — Ну-ну, перестань, бедный мой ягненочек, — бормотала она. — Тетушка Эбби с тобой. Она никуда не уедет, не бросит тебя. Не плачь, деточка моя.

— Оставьте ее со мной, прошу вас, миссис Микстер, и возвращайтесь в постель, — сказала я — в последнее время тетя Эбби большую часть дня лежала, хотя и ухитрялась как-то делать работу по дому.

— Я хорошо себя чувствую, — возразила старуха. — Как вы думаете, может, лучше позвать к ней доктора?

— Доктора? — сказала я. — Я думаю, лучше к *вам* позвать доктора. По-моему, вы нуждаетесь в помощи больше некоторых людей, которых я называть не буду. — И я посмотрела на Луэллу Миллер; та хохотала, рыдала и вообще вела себя, словно она пуп земли. Она ловко притворялась — делала вид, что ей так плохо, что она ничего вокруг не замечает, но в то же время исподтишка внимательно наблюдала за нами.

Луэлле Миллер меня было не обмануть. Я ее насквозь видела. Наконец я вышла из себя, побежала домой, достала бутылочку валериановых капель, взяла пучок мяты, залила ее кипятком, смешала отвар с почти полстаканом валерьянки и вернулась к Луэлле. Подошла прямо к ней и протянула чашку, еще горячую.

— А теперь, — велела я, — Луэлла Миллер, глотай это немедленно!

— Что это — о, что это такое? — взвизгнула она и снова захохотала, так что я чуть не пристукнула ее.

— Бедный ягненочек, бедный маленький ягненочек, — пробормотала тетя Эбби. Она стояла рядом, еле держась на ногах, и пыталась приложить к ее лбу примочку из камфоры.

— Глотай это немедленно! — повторила я и больше не стала тратить время на церемонии.

Я просто взяла Луэллу Миллер за подбородок, запрокинула ей голову назад, дождалась, пока она раскроет рот, приложила ей чашку к губам и заорала: «Глотай, глотай, глотай!» И она проглотила все содержимое. Деваться ей было

некуда, и, мне кажется, снадобье ей помогло. Во всяком случае, она перестала хныкать, позволила мне отвести себя в кровать и через полчаса уснула, как младенец. Но бедной тете Эбби пришлось худо. Она не спала всю ночь, и я осталась с ней, хотя она и пыталась отправить меня домой: сказала, что она не настолько больна, чтобы нуждаться в сиделках. Но я не ушла, сварила немного жидкой каши и всю ночь время от времени кормила старуху по ложечке. Мне показалось, что она умирает от истощения. Наутро, как только рассвело, я сбегала к Бисби и послала Джонни Бисби за доктором. Велела ему передать доктору, чтобы он поторопился, и тот пришел довольно скоро. Когда он вошел, бедная тетя Эбби, по-моему, уже ничего не понимала. Непонятно было даже, дышит ли она — настолько она была измождена. Когда доктор ушел, в комнату заглянула Луэлла в ночной сорочке с оборками — будто ребенок. Сейчас я словно вижу ее, как живую. Глаза у нее были голубые, лицо бело-розовое, цветущее, и она с каким-то невинным удивлением взглянула на тетю Эбби, лежавшую в кровати.

— А что,— спросила она,— тетушка Эбби еще не встала?

— Нет, не встала,— ответила я, и весьма резко.

— А мне показалось, будто пахнет кофе,— сказала Луэлла.

— Кофе,— повторила я.— Думаю, если сегодня утром тебе хочется кофе, то придется варить его самой.

— Я никогда в жизни не варила кофе,— возразила она, ужасно изумленная.— Пока Эрастус был жив, он готовил мне кофе, потом — Лили, а затем тетя Эбби. Не думаю, что я смогу сварить себе кофе, мисс Андерсон.

— Можешь варить, а можешь и обойтись без него — делай как хочешь,— ответила я.

— И тетя Эбби сегодня не встанет? — удивилась она.

— Не думаю,— сказала я.— Она очень больна.

Я злилась все больше и больше. Что-то было такое в этой тщедушной девице с бело-розовым личиком, стоявшей передо мной и рассуждавшей о кофе, девице, уморившей до смерти несколько человек лучше ее и только что убившей еще одного... Я пожелала, чтобы кто-нибудь прикончил ее саму, прежде чем она снова начнет причинять людям вред.

— Значит, тетя Эбби больна? — протянула Луэлла, как будто она была расстроена и обижена.

— Да,— ответила я,— она больна и скоро умрет, и тогда ты останешься одна, и тебе придется самой зарабатывать себе на жизнь и самой себя обслуживать или обходиться без денег и еды.

Не знаю, наверное, я говорила жестко, но это была правда, и едва ли я была с ней строже, чем она того заслуживала. Во всяком случае, я о своих словах не пожалела. Ну а потом Луэлла расстроилась и снова впала в истерику, и я предоставила ей рыдать и обливаться слезами. Я просто оттащила ее в комнату в другой стороне дома, откуда тетя Эбби не могла бы услышать ее, если она вообще что-нибудь слышала — я в этом не была уверена, силой усадила ее в кресло и приказала сидеть здесь, и она меня послушалась. Луэлла рыдала там, пока не устала. Поняв, что никто не собирается бежать и нянчиться с ней, она замолчала. По крайней мере, надеюсь, что она поняла. Я в это время изо всех сил старалась не дать бедной тете Эбби испустить дух. Доктор сказал мне, что она в очень плохом состоянии, и дал мне сильнодействующее лекарство, и мне приходилось часто давать его по нескольку капель, а еще велел кормить ее как можно больше. Ну и я все делала, как он велел, до тех пор, пока она уже не могла больше глотать. Тогда я послала за ее дочерью. Я начала понимать, что долго старуха не протянет. Раньше я в это не верила, несмотря на то что сама говорила Луэлле. Доктор снова пришел, и с ним миссис Сэм Эббот, но было уже поздно: мать ее умерла. Дочь тети Эбби бросила лишь один взгляд на тело матери, затем у нее сделалось суровое лицо, и она обернулась ко мне.

— Где она? — спросила миссис Эббот, и я поняла, что она имеет в виду Луэллу.

— Она там, на кухне,— ответила я.— Она слишком нервная, не может смотреть, как люди умирают. Боится упасть в обморок.

Тогда заговорил доктор, еще молодой человек. Старый доктор Парк умер за год до этого, а сейчас у нас работал совсем молодой парень, только что из колледжа.

— Миссис Миллер обладает слабым здоровьем,— сказал он, строго так,— и она правильно поступает, не желая огорчать себя.

«Ты следующий, юноша; она уже наложила на тебя свои хорошенькие лапки»,— подумала я, но ничего ему не сказала.

Я просто ответила миссис Сэм Эббот, что Луэлла на кухне, и миссис Сэм Эббот вышла, и я за ней, и я никогда не слышала таких слов, которые она говорила Луэлле Миллер. Я и сама была немало сердита на Луэллу, но так бранить ее я бы никогда не осмелилась. Луэлла слишком перепугалась, чтобы устраивать истерику. Она просто шлепнулась в кресло. Казалось, она превратилась в какой-то маленький комок, а миссис Сэм Эббот стояла над ней и все говорила, и говорила правду. Думаю, правда оказалась слишком невыносимой для девчонки, и верно — когда она в конце концов упала в обморок, то это был самый настоящий обморок, в отличие от поддельной истерики. Она лежала, будто мертвая, и нам пришлось оставить ее на полу, и тут прибежал доктор, и начал что-то говорить про слабое сердце, и накинулся яростно на миссис Сэм Эббот, но та ни капельки не испугалась. Она смотрела на него, такая же белая, как Луэлла, лежавшая на полу, словно мертвая, в то время как доктор щупал ей пульс.

— Слабое сердце! — повторила она. — Какой вздор! Эта женщина отнюдь не слаба. У нее достаточно сил, чтобы вцепляться в других людей и высасывать у них кровь, пока они не умрут. Слабая? Это моя мать была слабой; эта женщина убила ее. Это так же верно, как если бы она вонзила нож ей в сердце.

Но доктор, он не слишком-то обратил внимание на эти слова. Он склонился над Луэллой Миллер, а та лежала на полу, желтые волосы ее разметались, миленькое розовое личико побледнело, голубые глаза, похожие на звезды, погасли, и он держал ее за руку, и гладил по лбу, и приказал мне принести бренди из комнаты тети Эбби. Тут я совершенно уверилась, что Луэлле была нужна новая жертва теперь, когда тетя умерла. Я подумала о несчастном Эрастусе Миллере и даже пожалела бедного молодого доктора, который увлекся хорошеньким личиком, и решила не спускать с них глаз.

Я ждала месяц после того, как тетю Эбби похоронили; доктор стал часто навещать Луэллу, и среди соседей пошли слухи. Затем, однажды вечером, когда доктора вызвали за город и его не было поблизости, я отправилась к Луэлле домой. Я нашла ее разряженной в голубое муслиновое платье в белый горошек, тщательно причесанной — в нашей деревне

ни одна девушка не могла с ней сравниться. Было что-то в Луэлле Миллер такое, что покоряло все сердца, но мое сердце она покорить не смогла. Она сидела в гостиной, у окна, раскачиваясь в кресле-качалке, а Мария Браун ушла домой. Мария Браун ей помогала, или, скорее, делала за нее всю работу, потому что тому, кто сидит сложа руки, помогать не в чем. Мария Браун была женщиной очень работящей, семьи у нее не было, и она жила одна; поэтому она и предложила свою помощь. Я не могла понять, почему бы Луэлле самой не взяться за работу; она была не слабее Марии. Но Мария, видимо, считала, что Луэлла ничего не может, да и сама девчонка так же думала, так что Мария приходила и все за нее делала — стирала, и гладила, и готовила, пока Луэлла сидела и раскачивалась в кресле. После этого Мария прожила недолго. Она начала увядать точно так же, как и другие до нее. Ну она была предупреждена, но когда люди начинали убеждать ее, она прямо с ума сходила: говорила, что Луэлла — несчастная, всеми обиженная женщина, слишком нежная, чтобы жить самостоятельно, и стыдно плохо говорить о ней. Если ей, Марии, суждено умереть, помогая тем, кто не может помочь сам себе, то она так и сделает. И она умерла.

— Я так понимаю, что Мария ушла,— сказала я Луэлле, входя и садясь напротив нее.

— Да, ушла полчаса назад, после того как приготовила ужин и вымыла посуду, — ответила Луэлла своим милым голоском.

— Мне кажется, что у Марии полно работы дома,— проговорила я едко, но Луэлле это было что с гуся вода. Она считала, что люди, которые ничем не хуже ее, обязаны ей прислуживать, и у нее просто не укладывалось в голове, что кто-то может считать это неправильным.

— Да,— ответила Луэлла, сама доброта и мягкость, — да, она говорила, что у нее сегодня стирка. Она сказала, что должна была постирать уже две недели назад.

— Почему бы ей тогда не остаться дома и не заняться своей стиркой, вместо того чтобы приходить сюда и делать *твою* работу? Ты точно так же можешь работать, даже еще и быстрее, чем она,— сказала я.

Луэлла посмотрела на меня, как ребенок на погремушку, и рассмеялась, невинно так.

— О, я не могу работать, мисс Андерсон, — возразила она. — Я никогда не работала. Мария обязана это делать.

Тогда я закричала.

— Обязана?! — крикнула я. — Обязана! Нисколько она тебе не обязана. У Марии есть собственный дом и есть на что жить. Совсем она не обязана приходить сюда и надрываться, как рабыня, и убивать себя.

Луэлла просто сидела и смотрела на меня — ну точь-в-точь как кукла, которую так обидели, что она даже ожила.

— Да, — повторила я, — она себя убивает. И умрет, так же как Эрастус, и Лили, и тетя Эбби. Ты убиваешь ее точно так же, как их. Не знаю, кто ты такая, но мне кажется, что на тебе лежит проклятие, — сказала я. — Ты погубишь любого человека, оказавшегося достаточно глупым, чтобы иметь с тобой дело.

Она уставилась на меня и сильно побледнела.

— И Мария — не единственная, кого ты собираешься убить, — продолжала я. — Ты собираешься покончить и с доктором Малкомом.

Тогда Луэлла вся покраснела.

— Я не хочу убивать его! — сказала она и начала плакать.

— Нет, *хочешь!* — возразила я.

А затем я говорила с ней так, как никогда прежде. Понимаете ли, я все вспоминала Эрастуса. Я сказала, что нечего ей думать о мужчинах после того, как она загубила жизнь своего мужа; говорила, что она ужасная женщина, и это как раз было верно; но вот недавно я подумала — а понимала ли это она сама? А может быть, она была как ребенок с ножницами, который режет всех вокруг, сам не понимая, что творит?

Луэлла становилась все бледнее и бледнее и не отрывала взгляд от моего лица. В том, как она на меня смотрела, не говоря ни слова, было нечто ужасное. Я замолчала и ушла домой. Я не стала в тот вечер ложиться спать, но огонь у нее погас, когда еще не было девяти, и когда доктор Малком, проезжая мимо, приостановился, то увидел, что в окнах темно, и поехал дальше. В следующее воскресенье мне показалось, что Луэлла его избегает, так что он не пошел к ней домой, и я начала думать, что, может быть, в конце

концов, у нее осталась совесть. Прошла всего неделя после смерти бедной Марии Браун — она наступила неожиданно, хотя все понимали, что бедняжке недолго оставалось жить. Ну так вот, все очень расстроились, поползли темные слухи. Говорили, что Луэлла — колдунья, и избегали ее. Она держалась с доктором холодно, и он не ходил к ней, так что некому стало ей помогать. Не знаю, как она жила это время. Я не пошла предлагать ей помощь — не потому, что боялась умереть, как остальные, но потому, что считала ее способной выполнять всю работу не хуже меня. Я подумала, что пора ей делать все самой и перестать губить других. Но прошло немного времени, и люди стали говорить, будто Луэлла больна и скоро умрет, так же, как ее муж, и Лили, и тетя Эбби, и прочие. Я сама заметила, что выглядит она очень плохо. Я часто видела, как она возвращается из лавки со свертком, и мне казалось, что она едва тащится. Но я вспоминала, как Эрастус прислуживал жене и ухаживал за ней, когда еле мог переставлять ноги, и не выходила, чтобы помочь ей.

Но наконец, однажды утром, я увидела, как к ее дому, словно обезумевший, подкатил доктор со своим саквояжем, а после ужина ко мне пришла миссис Бэббит и сказала, что Луэлла совсем плоха.

— Я бы пошла к ней,— вздохнула она,— но у меня дети. Может, люди и врут, но все равно странно: все люди, которые ей помогали, умерли.

Я на это ничего не ответила, но вспомнила, что Луэлла была женой Эрастуса, что он с нее глаз не сводил, и решила пойти к ней завтра утром, если ей не станет лучше, и посмотреть, не нужно ли ей чего. Но наутро, выглянув в окно, я увидела, как девчонка выходит на крыльцо, здоровая, как прежде. Вскоре пришла миссис Бэббит и сказала мне, что доктор нанял Луэлле служанку по имени Сара Джонс и что он наверняка собирается жениться на бывшей больной.

Я и сама в тот вечер увидела, как они целуются на крыльце, и поняла, что это правда. Девушка-служанка пришла на следующий день и начала носиться по дому. Не думаю, что Луэлла подметала хоть раз с того дня, как умерла Мария. Сара мыла полы, вытирала пыль, стирала и гладила; весь день во дворе сушились одежда, белье и ковры; и когда Лу-

элла выходила на улицу, служанка поддерживала ее и помогала ей спускаться и подниматься, как будто та не умела ходить.

Ну, все поняли, что Луэлла и доктор собираются пожениться, но скоро заговорили, что он плохо выглядит, так же, как прежде о других; и Сара Джонс, видимо, тоже заболела.

Доктор и правда умер. Он хотел перед смертью жениться, чтобы оставить свое скромное имущество Луэлле, но испустил дух, прежде чем пришел священник, а через неделю умерла и Сара Джонс.

Для Луэллы Миллер это был конец. Никто во всей деревне не захотел и пальцем пошевелить ради нее. Даже паника началась. Тогда она действительно стала вянуть. Ей пришлось ходить в лавку самой, потому что миссис Бэббит не разрешала Томми помочь ей, и я видела, как она проходит мимо, через каждые два-три шага останавливаясь передохнуть. Ну, я терпела это сколько могла, но однажды, когда Луэлла шла нагруженная и, остановившись, прислонилась к забору Бэббитов, я выбежала, взяла у нее узлы и отнесла их в дом. Потом я ушла к себе и не ответила ей ни единого слова, хотя она звала меня душераздирающим, жалобным голосом. В тот вечер я заболела, простудилась, и болела целых две недели. Миссис Бэббит видела, как я выбежала помочь Луэлле, и пришла сказать мне, что я теперь от этого умру. Я сама не знала, правда это или нет, но не могла иначе поступить со вдовой Эрастуса.

Думаю, в последние две недели Луэлле пришлось худо. Она действительно заболела, но никто из соседей не осмеливался подойти к ее дому. Не знаю, много ли ей было нужно на самом деле — в доме у нее было полно еды, а погода стояла теплая, и она каждый день ухитрялась готовить себе немного овсянки, но все же думаю, что ей приходилось нелегко — ей, которую всю жизнь обожали и обихаживали.

Однажды утром, когда я настолько поправилась, что смогла выходить из дому, я решила зайти к Луэлле. Только что меня навестила миссис Бэббит и сказала, что из трубы у нее не идет дым, и она понимает, что кто-то обязан войти и посмотреть, но она не может — у нее дети. Тогда я встала, хотя уже две недели не выходила из дому, и пошла туда. Луэлла лежала на кровати — она умирала.

Она продержалась весь этот день и еще полночи. Я осталась с ней после того, как ушел новый доктор. Больше никто не осмеливался прийти к Луэлле. Около полуночи я на минуту оставила ее и сбегала домой за своим лекарством — мне стало совсем плохо.

В ту ночь светила полная луна, и я, выйдя из своего дома, чтобы вернуться к Луэлле, замерла на месте — я кое-что увидела.

В этот момент Лидия Андерсон всегда с некоторым вызовом говорила, что она не ждет, чтобы ей поверили, а затем приглушенным голосом продолжала:

— Я видела то, что видела, и я знаю, что это правда, и на своем смертном ложе могу поклясться, что не лгу. Я увидела Луэллу Миллер и Эрастуса Миллера, и Лили, и тетю Эбби, и Марию, и доктора, и Сару — все они выходили из ее дверей, и все, кроме Луэллы, светились белым в лунном свете, и все они помогали ей идти, пока она не поплыла над землей, как они. Тогда все исчезло. Минуту я стояла — сердце мое колотилось, затем перебежала через дорогу. Подумала было позвать миссис Бэббит, но решила, что та испугается. И я пошла одна, хотя уже поняла, что случилось. Луэлла мирно покоилась на кровати — мертвая.

Такую историю рассказывала старуха, Лидия Андерсон, но продолжение ее было рассказано другими людьми, и потом история эта превратилась в местную легенду.

Лидия Андерсон умерла в восемьдесят семь лет. Она до самого конца была на удивление бодрой и здоровой, но примерно за две недели до смерти захворала.

Однажды вечером, когда светила полная луна, она сидела у окна у себя в гостиной, как вдруг вскрикнула, выбежала из дома и перебежала улицу — соседка, ухаживавшая за ней, не успела ее остановить. Она поспешила следом и нашла Лидию Андерсон распростертой на земле у дверей заброшенного дома Луэллы Миллер. Старуха была мертва.

На следующую ночь — на небе тоже сияла луна — соседей разбудил алый свет; старый дом Луэллы Миллер сгорел дотла. Теперь от него ничего не осталось — лишь несколько камней фундамента и куст сирени, а летом сорные травы обвивают беспомощные плети вьюнка — словно эмблема самой Луэллы.

ЛИЗА ТАТТЛ

Sangre[1]

Лиза Таттл родилась в Техасе, но с 1980 года живет в Великобритании. Сейчас они с мужем и дочерью осели в Шотландии. Среди ее романов — «Гавань Ветров» («Windhaven», 1981, в соавторстве с Джорджем Р. Б. Мартином), удостоенный премии Джона У. Кемпбелла, «Родная душа» («Familiar Spirit»), «Габриэль. Роман о реинкарнации» («Gabriel: A Novel of Reincarnation»), «Пропащие» («Lost Futures»), «Задушевный друг» («The Pillow Friend») и «Подменыш» («The Changeling»), а также несколько книг для подростков и юношества. У Лизы Таттл вышло несколько сборников рассказов — «Каменный звездолет и другие рассказы» («A Spaseship Built of Stone and Other Stories»), «Гнездо кошмаров» («A Nest of Nightmares»), «Воспоминания тела. Истории о страсти и преображении» («Memories of the Body: Tales of Desire and Transformation») и «Моя патология» («My Pathology»), кроме того, она была редактором антологий «Шкура души» («Skin of the Soul») и «За пределы. Двусмысленные эротические истории» («Crossing the Borders: Tales of Erotic Ambiguity»). В издательстве «A&C Black's» в серии «Учебники для писателей» вышла ее книга о секретах мастерства «Как писать фэнтези и научную фантастику» («Writing Fantasy and Science Fiction»).

«Хотя я часто обращалась к теме вампиров в переносном смысле, — говорит автор, — рассказ „Sangre", по-моему, единственный, где я описала традиционного вампира-кровопийцу...»

Гленда вышла из душа и остановилась у зеркала. Сейчас, когда ее волосы были подобраны и спрятаны под шапочку, шея казалась особенно длинной, а глаза — темнее и больше.

— Совсем испанка, — улыбнулся Стив.

---

[1] Кровь *(исп.)*.

Она не обернулась и по-прежнему глядела на свое красивое бесстрастное лицо в зеркале.

Стив положил руки ей на мокрые плечи, наклонился и поцеловал ее в шею.

— Вытри меня, — сказала она.

Он взял полотенце и нежными, благоговейными прикосновениями обсушил ее. Она подняла руки, стянула шапочку, и лавина медово-каштановых волос хлынула до самой талии. У Стива перехватило дыхание.

— Когда мы должны освободить номер? — спросила она.

— В полдень.

Гленда обернулась и посмотрела Стиву в глаза.

— И что потом? Через час мы отсюда уйдем — и что тогда?

— Все, что пожелаешь. Я поведу тебя обедать в любой ресторан, куда захочешь, а потом еще останется время походить по магазинам до самолета. Все, что пожелаешь. — Он глядел на нее умоляюще.

— Все, что пожелаешь, — ядовито передразнила она. Лицо исказила злоба, и Гленда выдернула у Стива из рук полотенце и завернулась в него. — Как у тебя только язык поворачивается?!

— Гленда!..

— Я не про сегодня! Я про то, что будет дальше! Когда я вернусь, мы что, сделаем вид, будто ничего не было? Постараемся обо всем забыть? Значит, тебе это проще простого — привести меня сюда, затащить в постель и потом побежать домой, к моей мамочке? И зачем ты устроил эту поездку в Испанию? Что, трудно стало отвираться? Мамочка что-то заподозрила?

— Что ты, милая, не надо... Я вовсе не хочу от тебя избавиться. Я же люблю тебя. И твою маму я тоже люблю. Честное слово, мне трудно...

— Ну еще бы! Только объясни мне, почему это именно я должна жертвовать собой? Что будет со мной, когда вы с мамой поженитесь?

— Радость моя, попробуй понять...

— Ну конечно, как понимать — так это я, а как оставаться в блаженном неведении — так это мама! Как ты думаешь, это будет надолго?

— Со временем,— сказал Стив, пытаясь держать себя в руках, стараясь говорить разумно,— со временем, надеюсь, мы... втроем... сумеем во всем разобраться. Но это очень трудно. Ты — ты совсем молода, а люди вроде нас с твоей матерью скованы узами традиционной морали; ты способна принять... ну, так сказать, более свободные отношения... и со временем, возможно, когда мы с твоей мамой поженимся, мы все сможем...

Он запнулся и умолк. Гленда скривилась, передразнивая его.

— Я тебе никогда не лгал! — воскликнул Стив, внезапно переходя в наступление от злости, что выставил себя дураком.— Ты прекрасно знала, во что ввязываешься, ты знала, кто я такой, когда стала моей любовницей...

— Любовницей! — с отвращением повторила Гленда, и он уловил в ее глазах стальной отблеск ненависти.

Стив хотел достойно ответить, но не успел он ничего сказать, как Гленда нетерпеливо тряхнула головой, и полотенце соскользнуло на пол.

— Что ж,— произнесла она.— У нас еще остался целый час.

Когда самолет взлетел, Дебби открыла рот, натужно зевая. Когда давление стабилизировалось, она повернулась к Гленде и одобрительно заметила:

— А твой отчим очень даже ничего.

— Стив мне не отчим.

— Да ладно тебе. Они же скоро поженятся, да?

— В июле. Как только я вернусь из Испании.— Гленда прислонилась щекой к иллюминатору и закрыла глаза.

— Так молодо выглядит, просто отпад.

Гленда передернула плечами.

— Он на пару лет моложе мамы.

Дебби склонила темно-русую голову над «Фиестой», так как стало ясно, что Гленда не расположена болтать. Девушки дружили с детства, а когда вместе поступили в колледж, то продолжили приятельствовать — но теперь уже нетребовательно, можно сказать, поверхностно.

Гленда прикусила губу.

— Смотри, что он мне подарил,— вдруг сказала она и показала Дебби руку.— Ну, Стив.

Это было серебряное колечко, простенькое, с припаянной к нему буквой «С». Его сделали в мастерской при темной тесной сувенирной лавочке, пока Гленда разглядывала безделушки, стиснув руку Стива с чувством, которое совсем не отражалось на ее бесстрастном лице.

Дебби кивнула:

— Симпатичное. Он ведь тебе и поездку оплатил, да?

— Да, он так решил. Да и мама... Он так вскружил маме голову, что она во всем с ним соглашается.

— По-моему, это здорово, — заметила Дебби. — Твоя мама снова выходит замуж. Да и тебе он вроде нравится.

— Что ты, мы с ним не разлей вода.

В гостиничном номере в Севилье было две кровати, рыжий плиточный пол и балкон, откуда открывался вид на колокольню Ла-Хиральда, бывший минарет мавританской мечети. Вечером, когда дневная жара уже развеялась, Гленда вышла на балкон и глядела, как вокруг колокольни, окруженной розовым ореолом заката, парят и ныряют ласточки.

Гленда не понимала, в чем дело, но после шума и машин серого Мадрида в Севилье она чувствовала себя как дома. Она провела Дебби — толстушку Дебби, немного запыхавшуюся под тяжестью рюкзака, — по лабиринту улочек, словно что-то подсказывало ей дорогу, нашла маленькую гостиницу и без всякого удивления убедилась в том, что лучше места и не придумаешь. Но при этом у нее кружилась голова и от волнения подводило живот — как всегда в тех редких случаях, когда ей предстояло оказаться наедине со Стивом. К вечеру предчувствие стало еще сильнее, и Гленда чувствовала, что реальность ускользает от нее, словно во сне.

Гленда потрогала щеку и обнаружила, что вся горит. Она повернулась и увидела, что Дебби застегивает юбку.

— Уже почти восемь, — заметила Дебби. — По-моему, мы уже имеем полное право пойти поужинать.

За столом Гленда то и дело замирала, задумавшись неведомо о чем, но, когда Дебби попеняла ей за невнимательность, обвинила во всем вино. Все кругом ускользало от нее, казалось неестественно ярким, словно на экране в темном зале с обитыми войлоком стенами.

Вернувшись в номер, Гленда сразу же легла в постель, а Дебби села писать письмо родителям.

— Тебе ведь свет не мешает?

— Конечно нет.

Слова пришлось выговаривать с трудом. Комната закружилась, раздвинулась, словно телескоп, в который видно иной мир, и Гленда уснула.

Она проснулась от жажды. Дебби темным холмиком свернулась на соседней кровати. Ставни были открыты, в комнату полосками просачивался лунный свет. Гленде стало невыносимо жарко. Краем сознания она отметила этот факт и заключила, что, должно быть, заболела и у нее температура. Собственное тело казалось ей таким же далеким, как и все кругом.

На балконе кто-то был. Вот он заслонил свет, вот он шевельнулся — и свет его залил. Горло у Гленды перехватило от ужаса, однако разум фиксировал ее наблюдения, бесстрастно щелкая, словно пишущая машинка.

На незнакомце был плащ и что-то вроде мягкой широкополой шляпы. В лунном свете блестели лаковые сапоги — и не шпага ли у него на боку? Дон-Жуан? — предположил холодный удивленный голос в голове Гленды. Явился соблазнить андалузскую красотку?!

Вряд ли.

Незнакомец не сделал ни шага в сторону номера, и Гленде это придало чуточку храбрости — по крайней мере она сумела приподняться на локтях и поглядеть ему в лицо. Даже если он и заметил ее движение, то виду не понял. Тогда Гленда села и свесила ноги с кровати. Стены номера то приближались, то отодвигались, от этого накатывала дурнота, но в конце концов комната остановилась, — она была по-прежнему далекой, однако по крайней мере не качалась.

Незнакомец ждал ее на балконе. Гленда открыла рот, хотела заговорить, положить конец этому розыгрышу, дать понять, что она не спит и что, скорее всего, он ошибся окном. Но заговорить казалось кощунством — и к тому же масштабным предприятием, на которое она сейчас не была способна. Он раскрыл ей объятия — незнакомец в плаще, с лицом, скрытым за маской тьмы, — и ждал, когда она в них шагнет. Гленда увидела себя словно издалека — сомнамбу-

лическая фигура в длинной белой рубашке, с длинными развевающимися волосами, с бледным, невинным сонным лицом, — и увидела, как эта фигура двинулась в распростертые объятия.

Она подняла глаза, он повернул голову, и лицо его залил лунный свет. Тогда Гленда поняла, что это был никакой не Дон Жуан, а совсем иной персонаж: нездорово-бледное лицо, причудливо изломанные брови, приоткрытые алые губы, сверкающие острые клыки... Голова ее запрокинулась ему на плечо, глаза закрылись, жертвенно блеснула белоснежная шея.

— Гленда!

Ее накрыла волна тошноты, она открыла глаза, пошатнулась и ухватилась за перила.

— Глен, ты чего?

Гленда повернула голову и увидела Дебби — и больше никого, только Дебби, такая земная и утешительная, вся в розовых кружавчиках.

— Стало душно, — сказала Гленда, и ей пришлось откашляться и повторить эти слова. Ей было жарко и очень хотелось пить. — У нас есть вода?

— Только полбутылки кока-колы, которую мы купили в поезде. Тебе что, плохо?

— Нет, нет... просто в горле пересохло. — Гленда отчаянно отхлебнула колы, но сладкая газировка только обожгла ей горло. Она поперхнулась, ее замутило. — Спокойной ночи. — Она забралась в постель и больше ничего не отвечала на расспросы Дебби, так что в конце концов та вздохнула и тоже отправилась досыпать.

— Так не хочется тебя оставлять. — Дебби несмело остановилась на пороге. — Как ты себя чувствуешь?

Гленда лежала в постели.

— Честное слово, ничего страшного. Просто нет сил никуда сегодня идти. Но мне не настолько плохо, чтобы не спуститься к управляющему или к его жене, если мне что-то понадобится. Иди погуляй с тем славным канадцем, а за меня не волнуйся. А я посплю. Лучшее лекарство.

— Точно? Может, лучше переедем в отель побольше? Чтобы была собственная ванная?

— Нет, конечно! Мне здесь нравится.

— Ну ладно... Что тебе принести?

— Что-нибудь выпить. Бутылку вина. Все время пить хочется.

— Не стоит тебе вина... Ладно, я тебе что-нибудь куплю.

Наконец Дебби ушла. Гленда ослабила хватку на горле реальности, которая с каждой уходящей секундой становилась все страшнее и неуловимее. И провалилась в пропасть.

Она была на улице под названием улица Смерти — на одной из узких, мощенных булыжником улиц, с обеих сторон стиснутых слепяще-выбеленными домами. Название улицы — Muerte — было написано синими буквами на табличке на стене дома.

Девочка долго плакала. Она была грязная, и лицо стало липким от грязи и слез. Была сиеста, и девочка стояла на длинной улице одна, но знала, что надолго одна не останется. И нельзя, чтобы ее нашли. Она знала, что должна спасаться, бежать из города, но мысль о том, что придется одной бродить по полям и лесам, пугала не меньше, чем мысль остаться, — поэтому она и оказалась в тупике, поэтому и не могла ни на что решиться.

Если ее найдут, то жестоко отомстят, — хотя она ведь ничего не делала, она была невинной свидетельницей. Она вспомнила о событиях последнего месяца, о заразе, охватившей город, о мертвецах — о трупах на улицах, белых мертвецах, с метками на шеях, в происхождении которых невозможно было усомниться, — и о страхе, о растущем ужасе.

По ночам мать всегда куда-то уходила, возвращалась на рассвете, бледная и измотанная, и забывалась тяжелым сном. Но во сне она улыбалась, и пока девочка стояла у изголовья и разглаживала спутанные волосы матери, на ум ей сами собой приходили слова соседей. Неужели мама и правда спуталась с дьяволом? Неужели они с любовником по ночам действительно превращались в нетопырей, летали по улицам, высматривали беспечных прохожих, ловили их и пили кровь? Девочка начала бояться матери, хотя по-прежнему любила ее и каждый вечер украдкой следила из-под век, как та крадется за дверь. И вот однажды ночь кончилась, а мать домой не вернулась, и с тех пор девочка была одна.

Она побрела по улицам, сама не зная куда, она хотела есть и пить, но ей было страшно постучать в дверь и попросить попить или переночевать. Вечерело, и с наступлением темноты двери стали запирать, и на улицу по двое, по трое выходили озабоченные люди. И тут улица наполнилась факелами, словно летний луг светлячками, но теперь по городу бродило чудовище.

Взошла луна, стало светлее, и наконец девочка вышла на небольшую площадь с фонтаном посредине. Но фонтан не действовал и пересох, и она прислонилась к нему и плакала от досады, пока у нее не кончились силы плакать.

Что-то заставило ее поднять глаза — ощущение какой-то опасности. Луна стояла высоко. В просвете одной из четырех улочек, выходивших на площадь, стоял человек — человек, закутанный в плащ, скрывавший его с ног до головы. Сверкали носки его сапог, сверкали его глаза — две точки света под широкополой шляпой.

Девочка не двигалась, надеясь, что в темноте он ее не заметит.

— Доченька,— позвал он, и голос его прошелестел, словно сухие листья на ветру.

Девочка невольно вздрогнула.

— Дорогая моя доченька.— Человек шагнул вперед.

Девочка бежала не оглядываясь, тихонько всхлипывая, по одной улице, потом по другой, в ужасе при мысли о том, что, возможно, бежит по кругу и вот-вот снова выскочит на площадь, и он будет там... Она бежала. Потом попала на улицу, на которую попадать не стоило,— в тупик. Она оберпулась — и увидела, что тот человек стоит у нее на пути.

Девочка замерла. Словно сухие листья шелестели у него в горле, когда он подошел к ней. Он поднял руки вместе с полами плаща, словно они были соединены, словно он завернулся в просторные крылья — и теперь накрыл этими крыльями их обоих. Губы его раздвинулись, девочка слышала, как он дышит, видела, как блестят его зубы. Она провалилась в пропасть.

Гленда проснулась, ее бил жестокий озноб.

— Я тебя разбудила? Солнышко, ты тут как? Ты белая, как привидение! Мы идем обедать, может, ты...

Гленда мотнула головой:

— Нет. Что-то мне нехорошо. — Слова раздирали горло. Язык пересох. — Ты мне принесла попить?

— Ой, прости! Забыла. Чего бы тебе хотелось? Сейчас сбегаю и куплю. Может, поешь чего-нибудь?

Гленда еще раз мотнула головой:

— Нет, только пить.

Было трудно сосредоточиться, а удержать внимание еще труднее.

Дебби подошла к кровати, протянула руку, и Гленда яростно отпрянула.

— Глен, я просто хотела проверить, нет ли у тебя температуры! Гм... ты такая горячая. Боже мой, что это у тебя на шее?!

Гленда погладила пальцами две крошечные ранки и пожала плечами.

— По-моему, тебя надо отвезти в больницу!

— Нет. Я скоро... Я приму аспирин... Я полежу... Все пройдет...

Лицо Дебби пошло рябью и расплылось, словно Гленда смотрела на него из-под воды. Она провалилась в пропасть.

Луна уже ушла с неба и начало светлеть, когда она открыла глаза. Она лежала на булыжной мостовой в коротком узком переулке и с трудом поднялась на ноги. Пить хотелось ужасно. Рот был весь отекший, язык разбух. Девочка обеими руками откинула волосы с лица и почувствовала что-то липкое. Она снова подняла руку — медленно и неохотно, ощупала себя и вспомнила, какие метки оставались на шеях у некоторых горожан, и вспомнила, что потом они умирали.

Она прошла по извилистым улочкам и наконец увидела колокольню Ла-Хиральда. Восходящее солнце осветило башню, и девочка разглядела под кровлей летучую мышь, которая висела, словно свернутый лист.

Граждане Севильи в лице двоих пьянчужек в свое время попытались поймать дьявола (который, как полагали в народе, поселился в мавританской башне в обличье летучей мыши) в его обиталище и заколотили дверь, чтобы не дать ему бродить по улицам города. Однако им открыли глаза

на то, что, даже если предположить, будто деревянные доски способны остановить дьявола, летучим мышам вовсе не нужно непременно вылетать в двери, когда в башне столько окон, — и пьяницы оставили свою затею.

Девочка полезла через недостроенную преграду и поцарапала ногу. Она поглядела на крошечные бусины крови вдоль кривой царапины и отвела глаза. А теперь куда — вверх? Туда, где висят колокола, которые никогда не звонили? И тут она заметила сбоку дверь — деревянную дверь, не затянутую паутиной. Девочка подошла к ней, толкнула и увидела ступеньки, которые вели вниз, во тьму. Закрывать дверь она не стала, чтобы падал свет, и начала спускаться. Ступеньки были пологие, но их было очень много. От бесконечного спуска ноги девочки заныли.

Внизу оказался просторный подвал — девочке даже не было видно, где он кончается, — скудно освещенный факелами, которые дымили в стенных нишах. Девочка сразу увидела гроб и подошла к нему. Гроб был открыт, и внутри, без шляпы, но в плаще и в сапогах, лежал человек, от которого она убегала ночью, человек, которого любила — или которому служила — ее мать.

На нее бесшумно и смертоносно спикировала летучая мышь. Девочка пригнулась, чтобы спрятать глаза, но тварь только задела ее щеку краем кожистого крыла. Девочка повернулась и побежала к лестнице, и летучая мышь не стала за ней гнаться. Наверху, при солнечном свете, девочка перевела дух и обдумала то, что увидела. Она подумала о его жестоком лице, о кроваво-красных губах. Медленно облизнула сухие губы — и рука невольно дернулась к шее. Кто же он — дьявол или кто-то еще? Дьявола убить невозможно, а кого-то другого...

Когда она сделала, что хотела, руки у нее были все в занозах и царапинах, зато теперь она обзавелась оружием — большой заостренной палкой. Снаружи лежала груда камней, и девочка нашла себе кирпич. Старуха в черном, ранняя пташка, подозрительно глянула на нее, но ничего не сказала.

Когда девочка вернулась в подвал, летучая мышь снова налетела на нее и принялась кружить над головой. Девочка прикрыла лицо, но с пути не свернула. Она положила кир-

пич на пол, схватила деревянный кол обеими грязными, окровавленными руками — и ткнула его человеку в грудь. Глаза ей застилали волосы, а потом и кровь, ведь летучая мышь рвала и терзала ей голову, но наконец кол вонзился, и усилия девочки были вознаграждены — жертва глухо застонала. Летучая мышь вскрикнула — испустила горький вопль поражения — и умчалась прочь, хлопая крыльями. Тогда девочка взяла кирпич и со всей силы ударила по колу.

Раздался крик — словно закричали сами стены, — и ей в грудь, на руки, в лицо ударил фонтан крови. А девочка все била и била, она то ли не могла, то ли не хотела остановиться, пока кол не пронзил лежащего насквозь, и только тогда триумфально отшвырнула кирпич и выпрямилась, задыхаясь и глядя на бурлящую кровь. Было очень тихо. И тут девочку, сметая даже боль, даже триумф, захлестнула жажда. Девочка рухнула на колени, припала лицом к груди жертвы и пила, и пила, и пила, пока не насытилась.

Гленда открыла глаза. В комнате было пусто, солнце нагрело красные плитки пола и белые стены. Все снова стало четким и осязаемым — должно быть, температура упала. Предметы стали твердые, как алмазы, обрели плотность и фактуру, которых Гленда раньше не замечала.

С балкона вбежала Дебби и, увидев, что Гленда сидит, испуганно остановилась.

— Ого! Как ты себя чувствуешь? Ну и потрепала ты нам нервы!

— «Нам»?!

— И мне, и Роджеру, тому канадцу из номера в конце коридора. Он побежал вызвать врача.

— Не надо мне врача! Я же сказала!

— Ну да, сказала — и тут же хлопнулась в обморок. Лежи уж! Не прыгай! Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Превосходно. Лучше некуда.

— Все равно не вставай. Хочешь, принесу попить?

— Нет, спасибо. — Гленда откинулась на подушку.

Врач не нашел у Гленды никаких симптомов, кроме загадочных отметин на шее. Когда его расспросы начали Гленде

докучать, она притворилась, будто не понимает его английский — на самом деле очень правильный, — и с головой накрылась одеялом, жалуясь, что свет режет глаза и она ужасно устала.

Гленда вела себя очень решительно, настойчиво и целеустремленно и в конце концов раздобыла билет на «Боинг-747», летевший в Нью-Йорк. Дебби — бедная, растерянная Дебби — осталась в Испании, в компании своего канадца и его приятелей.

— Хоть бы телеграмму маме послала, — сердилась она, но Гленда только с улыбкой покачала головой.

— Хочу устроить ей сюрприз, прикачу на такси.

Она знала, что Стив будет с матерью. Она приедет ранним утром, они еще не встанут, будут сладко спать. И сейчас лежат себе в обнимку и не ждут ее.

Гленда улыбнулась черноте за окном и потрогала свое серебряное колечко. Она стянула его и нежно провела пальцем вдоль изгиба буквы «С». «С» — это Стив, подумала она, «С» — это Севилья. И вдруг она сжала кольцо в пальцах, с силой повернула букву «С» — получилась пара крутых рогов. Тогда она схватила кольцо и стиснула его в кулаке, пока не выступила кровь.

ЧЕЛСИ КУИНН ЯРБРО

Проблема покровительства

История о Сен-Жермене

Писатель и профессиональный толкователь карт Таро, Челси Куинн Ярбро родилась в Беркли, штат Калифорния. Ее первый рассказ был опубликован в 1969 году в журнале «If». С тех пор она полностью посвятила себя литературе и выпустила в свет более шестидесяти романов и еще большее количество рассказов. Ее перу принадлежит изрядное количество произведений об оборотнях, новеллизации по фильмам, трилогия о восставших из мертвых женах Дракулы «Сестры Ночи («Sisters of the Night»). Однако наибольшую известность автору принесли ее произведения, посвященные романтическому образу вампира Сен-Жермена, личность которого ошибочно связывают с реальным французским графом, носившим то же самое имя. Первая книга этого цикла «Отель „Трансильвания". Роман о запретной любви» («Hotel Transylvania: A Novel of Forbidden Love») появилась в 1978 году. К настоящему времени увидели свет ее тринадцать романов цикла. Сопутствующий цикл книг о возлюбленной Сен-Жермена по имени Анна Оливия Клеменс включает в себя три романа: «Пламя Византии» («A Flame in Byzantium»), «Факел крестоносца» («Crusader's Torch») и «Свеча для д'Артаньяна» («A Candle for D'Artagnan»), а фантастические рассказы автора были объединены в антологиях «Хроники Сен-Жермена» («The Saint-Germain Chronicles») и «Вампирские истории Челси Куинн Ярбро» («The Vampir Stories of Chelsea Quinn Jarbro»).

«Когда ко мне обратился Роберт Ейтин-Бизанг из „Transylvania Press" по поводу выпуска сборника моих рассказов о вампирах ограниченным тиражом в пятьсот экземпляров, он попросил написать для этого особенного издания еще один рассказ, — вспоминает Ярбро. — Он сказал, что хотел бы получить историю о Сен-Жермене и, если возможно, с упоминанием о Дракуле. В тот момент я согласилась на Сен-Жермена, но выразила сомнения по поводу Дракулы,

поскольку два этих образа слишком сильно отличаются друг от друга и не имеют ничего общего, кроме Трансильвании.

В процессе размышлений я остановилась на Генри Ирвинге, боссе Брэма Стокера. Я прочитала о нем несколько статей, надеясь отыскать в его жизни подходящий период, куда можно было бы вставить Сен-Жермена. Начало его карьеры показалось мне более подходящим, чем период расцвета его славы, тем более что можно было указать косвенную связь со Стокером, который мог слышать о Сен-Жермене, но сам с ним никогда не встречался.

И в результате появился этот рассказ».

Снаружи было сыро и пасмурно, внутри — душно и слишком жарко. День быстро превращался в длинный ноябрьский вечер, и клерки в офисе торгово-складской компании не могли удержаться от зевоты.

— Не пора ли запереть дверь, Джон Генри, — воспользовавшись своей привилегией, сказал старший клерк самому младшему из всех служащих. — В такой час вряд ли кто-нибудь придет.

Джон Генри Бродрибб поднялся со своего стула и отвесил старшему клерку преувеличенно подобострастный поклон, одновременно забавлявший и раздражавший остальных. Все давно заметили, что Джон Генри обладает несколько театральными манерами. Он даже изменил свой голос.

— Как пожелаете, мистер Таббс, почту за честь услужить вам.

Его выговор представлял забавную смесь речи выпускника лондонской средней школы с протяжным акцентом уроженца Девона или Корнуолла. Долговязый, с вытянутой головой, парень еще не утратил последних признаков юности. От восемнадцатого дня рождения его отделяло три месяца.

Он не успел дойти до двери, как створки неожиданно распахнулись, и в контору вошел мужчина в длинном плаще с капюшоном — словно выходец из другого столетия, возможно, монах из Средних веков или призрак Плантагенета, испытавшего неприязнь своих кузенов.

— Добрый день. Могу я видеть мистера Ламбкина? — спросил он приятным голосом с иностранным акцентом, заставив Джона Генри остановиться на полпути.

В тени под капюшоном сверкнули темные глаза незнакомца.

— Он назначил вам встречу? — быстро оправился от удивления Джон Генри, изо всех сил стараясь копировать манеры посетителя.

— Да, но время не было определено, — сказал незнакомец. — Видите ли, я только что приехал в Лондон.

Он сбросил капюшон, открыв приятное подвижное лицо с высоким лбом, хотя и чисто выбритое, что противоречило моде; однако густые темные волнистые волосы с лихвой восполняли отсутствие усов и бакенбард. Несмотря на средний рост, незнакомец явно обладал властным характером, который выдавал пронизывающий взгляд его черных глаз.

— Мистера Ламбкина сегодня не будет, — сообщил Джон Генри, поглядывая на дверь кабинета, где обычно работал человек, отвечавший за все заморские операции. — Он вернется не раньше будущего четверга. Он уехал в Саутгемптон, чтобы встретить груз муслина.

— Из Египта или Америки? — с неожиданной заинтересованностью спросил незнакомец.

— Из Амер... — начал Джон Генри, но его прервали.

В этот момент вмешался мистер Таббс, старший клерк конторы. Он поднялся со своего стула и поспешил навстречу посетителю, намереваясь взять на себя заботу о неизвестном джентльмене.

— Добрый день. Я Парвис Таббс, старший клерк. Могу я чем-нибудь вам помочь, мистер?..

— Рагоци, — ответил незнакомец. — Граф Ференц Рагоци из Сен-...

Джон Генри нетерпеливо прервал его.

— Рагоци! Вы могли приехать откуда угодно! — Его глаза засверкали энтузиазмом. — Я переписываю вашу учетную книгу, сэр, и могу сказать, что вы самый заядлый путешественник из всех клиентов нашей конторы. У вас имеются владения в Баварии, в Санкт-Петербурге, в Христиании, Голландии, Италии, в Праге...

Мистер Таббс положил конец этому перечислению:

— Джон Генри, мне кажется, мистер Рагоци не хотел бы распространяться обо всех своих вложениях.

Младший клерк виновато опустил взгляд.

— Да, мистер Таббс, — произнес он.

Рагоци стало его жаль.

— Приятно узнать, что хотя бы один из ваших клерков осведомлен о моих интересах. — Рагоци повернулся; его мимолетная улыбка, предназначенная Джону Генри, ободрила юношу. — А вы можете сказать, где у меня еще имеется собственность?

Брошенный исподтишка взгляд мистера Таббса огорчил Джона Генри, и он продолжил уже не так уверенно:

— В... Венгрии. — Он постарался успокоиться. — В Венгрии есть два адреса, как я помню; один в Буде, а второй — в каком-то отдаленном районе, на востоке. В Карпатах. Ведь это место находится в Венгрии, не так ли?

— Технически — да, пока это так. — Он посмотрел на часы, пробившие половину часа. — Хотя оно ближе к Бухаресту, чем к Будапешту. Сен-Жермен расположен на нынешней границе между Венгрией и Румынией, но так было не всегда. Это очень древний замок.

Рагоци замолчал.

После недолгой паузы заговорил мистер Таббс:

— Это все, что ты можешь сказать, Джон Генри? Ведь тебе поручено сделать копию счетной книги мистера Рагоци. Покажи, что ты не лентяй.

Выговор подстегнул Джона Генри, и он, расправив угловатые плечи, продолжил перечень:

— У вас, граф, есть владения в Москве, Египте, на Крите, в Персии, в Марокко, в Испании, Польше, Армении, в Канаде и Южной Америке. В Перу, насколько я помню. Да, и еще в Мексике.

Граф одобрительно кивнул.

— А еще, согласно нашим записям, вы в течение последних тридцати лет отправляете грузы в Китай и Индию. Более ранних записей я не видел, поскольку книга начата тридцать один год назад.

Последний факт служил Джону Генри главным козырем, подтверждающим его внимательное отношение к порученному делу.

— У вас весьма точные сведения, — заметил Рагоци.

— Точность абсолютно необходима коммерсантам, иначе они не долго продержатся в торговле, — высокопарно заявил мистер Таббс.

Их разговор уже привлек внимание и остальных четверых клерков, так что Джон Генри постарался воспользоваться шансом.

— Граф, если вы хотите проверить ваши счета, я почту за честь показать вам записи.

Мистер Таббс неодобрительно поморщился.

— Джон Генри! — одернул он младшего клерка. — Это дело мистера Ламбкина.

— Да, но ведь он отсутствует, не так ли? — с показным подобострастием напомнил юноша. — А записи лежат на моем столе. Я делаю с них копию по заданию мистера Ламбкина. Раз уж граф Рагоци здесь, было бы целесообразно показать их сейчас, вместо того чтобы просить прийти в другой раз, когда вернется мистер Ламбкин.

— Сейчас уже поздно. В любом случае мистеру Рагоци придется вернуться утром или в другое удобное для него время. — Мистер Таббс осадил младшего клерка, потом с раболепной почтительностью повернулся к посетителю. — Мне очень жаль, что вы пришли так поздно. Не сочтите за дерзость, но наша контора скоро закрывается.

Джон Генри радостно просиял.

— Я не против задержаться, чтобы услужить вам, граф. — Он намеренно подчеркнул титул, как для собственного удовольствия, так и в нику мистеру Таббсу. — Вас это устроит?

— Это весьма великодушное предложение, Джон Генри, — произнес мистер Таббс, но его скулы слегка порозовели, а голос стал еще более строгим. — Но такой человек, как мистер Рагоци, наверняка имеет другие планы на вечер. Он сам назначит нам время, когда соизволит просмотреть свои записи.

Рагоци наградил обоих клерков приветливой улыбкой.

— У меня нет никаких планов до самого позднего вечера. Я привык... ужинать в десять часов.

— Тогда решено! — воскликнул Джон Генри, опередив мистера Таббса. Он показал на свой стол. — Ваша книга здесь самая старая. — В его взгляде появился оттенок лю-

бопытства. — Вероятно, в вашем семействе очень прочны традиции предпринимательства.

— Гм, — только и ответил Рагоци, но в его бездонных глазах сверкнули веселые искорки.

Мистер Таббс не мог стерпеть, что его переспорил самый младший из клерков, и пришел в крайнее замешательство.

— Это немыслимо, Джон Генри. Ты прослужил здесь не так долго, чтобы я мог доверить тебе запереть дверь. — Он непроизвольно съежился, переведя взгляд на лицо Рагоци. — Боюсь, нам придется назначить другое время, мистер Рагоци.

Не успел Джон Генри привести очередной довод, как вмешался Рагоци.

— Но вы ведь не будете возражать против того, чтобы доверить ключ мне? — вежливо поинтересовался он. — Я веду дела с этой фирмой дольше, чем вы здесь служите. Уверен, это достойно вашего доверия, мистер Таббс. Вы не будете возражать, если я верну вам ключ завтра? — Граф говорил очень учтиво, но было ясно, что он не потерпит возражений. — Но я не могу не отметить вашу заботу о безопасности конторы.

У мистера Таббса больше не осталось возражений, и он резко кивнул:

— Меня это вполне устроит. Я сейчас же принесу вам ключ, мистер Рагоци, — сказал он и удалился, бросив на прощание сердитый взгляд на младшего клерка и настойчивого посетителя в черном плаще.

Джон Генри не придал значения недовольству старшего клерка; он жестом пригласил Рагоци следовать за ним и с сияющим от предвкушения лицом поспешно вернулся к своему столу.

— Я не понимаю, — тряхнул головой Джон Генри, глядя в старую книгу. — В отчете об этой операции не хватает двухсот фунтов. Как же этого никто не заметил? Не могли же они сделать ошибку в арифметических подсчетах?

В конторе стало совсем темно, и шум улицы уменьшился до случайного стука подков и колес; свет поступал только от масляной лампы на столе Генри Джона да от затухающих углей в камине. В помещении уже было не жарко, но, несмотря на прохладу, оставалось все так же душно.

— Здесь нет арифметической ошибки, — раздраженно вздохнул Рагоци.

Он снял свой плащ и остался в черном шерстяном пиджаке, скроенном по последней французской моде. Шелковая рубашка блистала безукоризненной белизной. Красный в белую полоску, тоже шелковый галстук был повязан на русский манер. Черные шерстяные брюки отличного фасона были идеально отглажены. Джон Генри, как ни старался, мог отыскать только один недостаток в облике иностранца: слишком толстые подошвы его черных ботинок.

Джон Генри изумленно моргнул:

— Но, граф, это бы означало, что... кто-то...

— Ворует, — негромко подсказал Рагоци и постучал по странице тупым концом карандаша. — Да, похоже, что так.

— Но... для чего?

— Ради выгоды, я полагаю, — ответил Рагоци, безуспешно стараясь изобразить философскую усмешку. — Это самая распространенная причина для воровства: ради той или иной выгоды.

— Выгода, — повторил Джон Генри, словно заучивая незнакомое слово. — В этой фирме?

— Возможно, орудовали двое: один здесь, а другой — за пределами Англии. — Рагоци взвесил на руке том. — Чтобы разобраться, кто за этим стоит и как давно начались кражи, потребуется немало времени. — Рагоци положил книгу на стол и достал из кармашка брюк часы. — Посмотрим, который час.

Джон Генри взглянул на настенные часы.

— Уже скоро девять, — удивленно заметил он. — Мне не следовало так вас задерживать, граф.

— Полагаю, что это я вас задержал. — Рагоци протянул руку Джону Генри. — Я должен поблагодарить вас, мистер Бродрибб, за потраченное время. И еще я благодарен за проявленное внимание.

— Мне это доставило удовольствие, — ответил Джон Генри и вспыхнул, пожимая руку графа.

— Я в этом сомневаюсь, — сказал граф, хотя его лицо все так же выражало дружелюбие. Заметив удивленный взгляд Джона Генри, он пояснил: — Я уверен, что такому молодому человеку, как вы, есть чем заняться по вечерам, кроме проверки старых бухгалтерских книг.

— Большая часть свободных вечеров посвящена учебе, — без особой охоты признался Джон Генри.

— Ага! — воскликнул Рагоци. — Тогда, возможно, вы позволите и дальше рассчитывать на вашу помощь. Если вы не откажетесь продолжить это исследование еще на один вечер, я заплачу за потраченное время. Надеюсь, вы не подвергаете риску свою репутацию, помогая мне?

— Почему вы так считаете? — спросил Джон Генри. — Есть подозрение, что с ваших счетов воруют деньги. Вы вправе возместить все, что было украдено. Я был бы плохим клерком, если бы старался прикрывать проступки своего работодателя.

— Все верно. Тем более вы имеете право принять деньги за оказанную помощь. Если бы не ваше содействие, я затратил бы гораздо больше времени.

Рагоци явно был доволен.

— Но это вряд ли необходимо. — Джон Генри уставился на умирающий огонь в камине. — Мистер Таббс позволил мне остаться, поскольку я самый младший среди клерков. Он не рассчитывал, что я смогу обнаружить нечто важное.

— Вы полагаете, он что-то скрывает, — произнес Рагоци тем же дружелюбным тоном, но настороженность в его взгляде встревожила Джона Генри.

— Я сомневаюсь, что он позволил бы мне остаться, если бы боялся, что вы узнаете... то, что узнали. — Юноша поднял руки. — И вы отлично справились бы и без меня. Моя помощь слишком ничтожна...

— Тем не менее разрешите мне компенсировать потерю свободного времени.

За учтивыми словами таилась несгибаемая воля; Джон Генри ощутил ее и кивнул.

— Благодарю вас, граф, — сказал он. — Я останусь на завтрашний вечер, если вам будет угодно.

— Отлично. — Рагоци одной рукой потянулся за плащом, а вторую запустил во внутренний карман пиджака.

Он вытащил банкноту в пять фунтов и протянул ее Джону Генри. Тот замер от удивления — эта сумма была равна его месячному жалованью.

— Это за вашу службу. И на вашем месте я бы сегодня воспользовался кебом, мистер Бродрибб.

— Но пять фунтов... — Джон Генри не мог подобрать слов.

— Учитывая величину кражи, которую вы помогли мне сегодня обнаружить, это весьма скромное вознаграждение. Если бы я нанял кого-то для такой работы, его услуги обошлись бы мне гораздо дороже. И кто знает, каким был бы результат? Вам знакомы записи в счетных книгах, а ему, возможно, нет. — Быстрая улыбка вновь мелькнула на лице Рагоци. — И вряд ли тот человек был бы таким же занимательным.

Джон Генри перевел взгляд с банкноты на Рагоци.

— Вы очень добры, граф.

— Это вы так думаете.

Рагоци с такой ловкостью набросил на плечи плащ, что Джон Генри дал себе слово когда-нибудь скопировать этот жест.

— Значит, до завтрашнего вечера, — сказал Джон Генри направлявшемуся к двери Рагоци и сложил банкноту, чтобы она поместилась в маленький кармашек его куртки.

— Вам лучше присоединиться ко мне, — насмешливо заметил граф. — Ключ у меня.

— Ах да.

Джон Генри торопливо схватил свое пальто, невольно заметив, насколько оно поношено по сравнению с плащом Рагоци, потом погасил лампу и помешал угли в очаге. Наконец он выбежал из конторы и подождал, пока граф запер дверь.

— Прошу вас известить мистера Таббса, что я еще один день подержу у себя ключ, — сказал Рагоци, но в следующее мгновение передумал. — Нет. Это не годится. — Он решительно кивнул. — Я пришлю ему после обеда записку, извещающую, что ключ нужен мне еще на один вечер. И в ней попрошу вас остаться и помочь мне. Тогда у него не останется времени, чтобы просить меня изменить планы.

— А вы думаете, он этого захочет? — спросил Джон Генри, пораженный подтекстом рассуждений Рагоци.

— Мне кажется, это возможно, — ответил граф и накинул на голову капюшон. — Пойдемте. На следующем углу в любое время дня и ночи можно найти кеб.

Джону Генри на мгновение показалось, что спрятанная в его кармане банкнота излучает ослепительно-яркий свет.

Он решил, что подобная расточительность вполне оправдана, когда у него в кармане такая огромная сумма.

— Вы правы, граф, — произнес молодой клерк и пошел вслед за одетым в черный плащ иностранцем.

— Это в высшей степени возмутительно, — жаловался мистер Таббс, прислонившись к двери, отделявшей его от сгущавшегося темного тумана, наползавшего с Темзы. — Вы только послушайте! Он хочет повторить свою выходку! Я так и передам мистеру Ламбкину, когда он вернется. Какое право он имеет выдвигать подобные требования? — Он весь пылал от возмущения. — Ну, иностранцы никогда не знали правил приличия.

Джон Генри старательно изображал удивление по поводу отсутствия Рагоци, но вместе с тем он предвкушал смятение старшего клерка, когда в начале пятого появился простой посыльный, впрочем державшийся с большим достоинством, и доставил записку от графа, написанную изящным четким почерком на плотной кремовой бумаге.

Мистер Таббс!

К сожалению, я не могу появиться в вашей конторе раньше чем через час. Не могли бы вы попросить мистера Бродрибба меня подождать? Я понимаю, что причиняю беспокойство и вам, и ему, но вынужден просить об одолжении. Я сожалею, однако обстоятельства не позволяют мне распорядиться своим временем.

Примите мою благодарность и извинения по поводу причиненных неудобств.

Ференц Рагоци,
Граф Сен-Жермен.
(Печать и подпись)

Записка сопровождалась тремя шиллингами, которые мгновенно исчезли в кармане мистера Таббса.

— Я воспользуюсь этим временем, чтобы кое-что выучить, — сказал Джон Генри. — Мне все равно, где этим заниматься.

— Это весьма благородно с твоей стороны, — ответил мистер Таббс. — Но ведь тебе понятно, что в случае отсутствия

мистера Рагоци тебе придется здесь переночевать. Я еще не могу доверить тебе ключ, и мне придется тебя запереть.

Его беспокойство было явно фальшивым, и они оба это знали.

— Ничего страшного, — ответил Джон Генри, спрятав лицо в тень. — Торопитесь, мистер Таббс, а то вы пропустите вечерний чай.

Мистер Таббс надвинул шляпу на лоб, поднял воротник пальто и неохотно вышел на улицу. Закрыв за собой дверь, он тщательно запер и подергал замок.

Джон Генри прислушался к удалявшимся шагам мистера Таббса. Затем он быстро допил остывший горький чай, стоявший на столе, и бережно вынул из нижнего ящика небольшую книжицу. При взгляде на заглавие он не мог сдержать улыбку: «Трагедия Ромео и Джульетты», Уильям Шекспир.

Сдвинув стулья, он соорудил в центре комнаты небольшой репетиционный зал и приступил к разучиванию роли Ромео.

Так слушай. Я всем сердцем полюбил
Дочь старого синьора Капулетти,
Да и она мне сердце отдала.
Все слажено, и остается только
Тебе союз наш браком завершить.
Как, где, когда мы встретились, влюбились
И клятвами друг с другом обменялись —
Я расскажу об этом по пути;
Теперь же вот о чем тебя прошу я:
Чтоб повенчал сегодня же ты нас[1].

Джон Генри с головой погрузился в свое занятие, и прозвучавшая фраза поразила его, словно удар грома, тем более что она соответствовала его мыслям.

— «Святой Франциск, какой переворот!»[2] — произнес Рагоци.

Он уже стоял в конторе у самой двери, и черный плащ сливался с темнотой.

Джон Генри огляделся, словно в поисках публики.

---

[1] *Шекспир У.* Ромео и Джульетта. Пер. Д. Л. Михаловского.

[2] Там же.

— Я не слышал вашего стука.

Рагоци показал ему ключ.

— Ах да, конечно! — удрученно воскликнул Джон Генри. — Вы очень тихо вошли.

— Вы были слишком заняты, — заметил Рагоци, указав на книжку в руке клерка.

— Да, — вздохнул Джон Генри. — Теперь вам известен мой секрет. Полагаю, вы обо всем расскажете мистеру Таббсу.

— Зачем мне это надо? — Рагоци сбросил плащ; под ним оказался парадный вечерний костюм с алой шелковой перевязью через плечо и венгерским орденом Святого Стефана, искрящимся бриллиантами. — Какое отношение имеет Шекспир к вашей работе в конторе?

— Если они узнают, что я учусь на актера, меня вышвырнут вон, — с неожиданной для себя и для Рагоци откровенностью сказал Джон Генри.

— Почему? — Рагоци взял один из обитых черным сукном стульев, развернул его и уселся лицом к Джону Генри. — Почему они должны вас выгонять?

— Игра в театре не слишком... уважаемая профессия, — тихо ответил Джон Генри.

— Это занятие устраивало Шекспира, а он закончил свою жизнь баронетом, — с некоторым удивлением заметил Рагоци. — Впрочем, в эпоху Елизаветы люди были не столь щепетильны, как современные англичане.

— Большое значение имеет влиятельное покровительство, — вздохнул Джон Генри. — А клерк в торговой конторе вряд ли может надеяться на такого рода преимущества.

— Говорят, что и Шекспир начинал с лавки мясника в Уорикшире. — Рагоци покачал головой. — Он самостоятельно добился успеха, и вы тоже могли бы попытаться. Чем бы вы хотели заняться, мистер Бродрибб? — спросил Рагоци, устраиваясь поудобнее. — Отвечайте без опаски. Я сохраню ваш секрет.

— Закончить начатое дело сегодня вечером, если это возможно, — тотчас ответил Джон Генри.

— Нет, — возразил Рагоци. — Чем бы вы хотели заняться в театре?

Джон Генри взглянул на Рагоци в полной уверенности, что ответ очевиден.

— Стать актером, конечно. Играть в пьесах Шекспира перед благожелательной публикой. И ставить другие достойные пьесы.

Его мечта простирались намного дальше, но Джон Генри не решался их озвучить из опасения сглазить.

— И это все? — настойчиво спросил Рагоци.

— Нет, — признался Джон Генри.

— Не могли бы вы поделиться со мной своими заветными устремлениями?

Его голос звучал довольно равнодушно, но граф поощрил юношу взглядом, и это развеяло последние сомнения Джона Генри.

— Только никому не рассказывайте, — взволнованно попросил он Рагоци

— Конечно, — серьезно заверил его Рагоци и посмотрел на юношу испытующе. — Как вы собираетесь стать актером? Вы уже задумывались над этим?

Этот вопрос занимал мысли Джона Генри с тех самых пор, как восемь лет назад он приехал в Лондон, так что ему не пришлось задумываться над ответом. Он давно составил план, который должен был возыметь успех, если бы только удалось скопить достаточно денег.

— Во-первых, — заговорил он, с удовольствием обращаясь к составленной схеме, — я бы нанялся играть в приличную любительскую труппу, где смог бы накопить опыт, общаясь с теми, кто уже овладел этой профессией. Если бы я сумел набрать достаточную сумму, чтобы играть ведущие роли, это было бы лучше всего...

— Платить за ведущие роли? — прервал его Рагоци. — У вас так принято?

— Да, — *немного сбился Джон* Генри. — Лучше бы заплатить за всю постановку, но это доступно только звездам. — Он немного помолчал, припоминая, на чем остановился. — Я бы обзавелся костюмами и смог брать уроки фехтования. А когда появятся благоприятные отзывы и рекомендации, я нашел бы странствующую труппу профессионалов, где-нибудь на севере или в центральных графствах, и поступил бы к ним на небольшие роли. Я мог бы совершенствовать свое мастерство и набираться опыта. Со временем я хотел бы перебраться в Лондон и когда-нибудь организовать собственную труппу.

Последнюю фразу он выпалил на одном дыхании.

Рагоци окинул его долгим взглядом.

— И для начала вы разучиваете роль Ромео.

— Да. Но я уже выучил роль Брута и Генриха Пятого и работаю над Анджело. Потом возьмусь за Макбета. Но пока мне, конечно, еще рано их играть. — Он смущенно улыбнулся. — Я пытаюсь изображать пожилых людей, но у меня мало практики, так что получается довольно смешно.

— Значит, остается Ромео, поскольку вы еще молоды, — сказал Рагоци.

— Да, — сверкнул глазами Джон Генри. — Но я постоянно изучаю людей, перенимаю их повадки, чтобы использовать в будущем. — Он прошелся по комнате, изображая неповоротливого мистера Таббса. — Вот лишь один пример.

— Отлично исполнено, — похвалил его Рагоци. — Вы верно подметили его раболепную помпезность.

Джон Генри потупился.

— Благодарю вас.

Рагоци еще несколько секунд молча рассматривал юношу, затем поднялся на ноги.

— Ну, может, теперь займемся записями? — Он подошел к столу Джона Генри и открыл заложенную вчера страницу. — Как вы считаете, насколько плохо обстоят дела?

Джон Генри не без труда отвлекся от своих мечтаний и сосредоточился на цифрах.

— Должен вам сказать, граф, что только за последнее десятилетие с вашего счета было... переведено более двух тысяч фунтов. Между надлежащей суммой и тем, что я считаю последовательными приписками к существующей норме расходов, наблюдается огромная недостача.

Он замолчал, пытаясь представить себе, что можно почувствовать, потеряв около трех тысяч фунтов.

— И вы, без сомнения, считаете эти приписки намеренными?

В тоне Рагоци, все таком же ровном, как обычно, отчетливо прозвучала решимость, и Джон Генри поклялся, что когда-нибудь скопирует это на сцене.

— Я бы *хотел* сомневаться, — признался он. — Но сегодня я просмотрел все записи в книге, не только текущие, но и те, что относятся к более раннему периоду. И что меня

больше всего огорчает, так то, что воровство продолжается все тридцать лет. Я сейчас покажу вам, — предложил он и перевернул две страницы, исписанные аккуратными столбцами цифр. — Вот что я обнаружил сегодня.

— Вы проделали для меня огромную работу, — заметил Рагоци, просматривая аккуратные строчки.

— Не только для вас, но и для себя, — заявил Джон Генри. — Я хочу восстановить доброе имя фирмы, а без точных расчетов это невозможно.

— Вашу фирму пока еще никто не обвиняет, — напомнил ему Рагоци.

— Достаточно того, что мне стало известно, — ответил Джон Генри, невольно расправив плечи.

— А вы выяснили, кто из лондонских партнеров в этом замешан?

Рагоци, не переставая изучать записи, быстро взглянул на клерка.

— Я... не могу сказать с полной уверенностью, но удобнее всего это было бы мистеру Ламбкину, — ответил Джон Генри. — Если только виновник работает в нашей фирме.

— Да, я тоже так считаю, — согласился Рагоци и внимательно прочел представленный отчет. — А как же случилось, что никто до сих пор не обнаружил приписок? Вам это известно?

У Джона Генри уже был наготове ответ:

— Я размышлял об этом и полагаю, что никто раньше не брался за копирование книги. Вы не так часто посещаете Лондон и еще реже заходите к нам. Все записи с предельной точностью и аккуратностью вносились главой фирмы, так что ни у кого не могло возникнуть сомнений, пока не появились прямые подозрения. А поскольку ошибки невозможно обнаружить, не проведя детальное расследование, было бы удивительно, если бы на них кто-то наткнулся.

Рагоци кивнул.

— А как вы полагаете, почему вам поручили снять копию с книги?

— Книга очень старая. Ваша семья, как мне кажется, очень давно имеет дело с этой фирмой. — Он опустил взгляд. — Ваш счет открыт здесь на протяжении многих лет. Только в этой книге записаны операции за три десятка лет,

но некоторые цифры перенесены из ранних записей, вероятно, из предыдущей книги.

— Это разумное предположение, мистер Бродрибб, — сказал Рагоци. — И вы сомневаетесь, что я подписывал документы тридцать лет назад?

— Возможно, это не совсем так, — сказал Джон Генри, — поскольку на вид вам никак не больше сорока.

Он хотел было продолжить, но не решился.

— Что вы хотели добавить? — осведомился Рагоци невозмутимо.

На этот раз Джону Генри было не так-то легко ответить.

— Просто я... наблюдаю за различными людьми. Мне это необходимо, чтобы стать хорошим актером. — Он собрался с духом. — В ваших глазах я заметил кое-что странное. Я не видел такого выражения ни у кого, кроме очень старых людей, которые сохранили ясный ум и твердую память.

Рагоци кивнул.

— Да, я намного старше, чем кажется, — сказал он довольно равнодушно. — В нашей семье возраст очень долго не проявляется.

Джон Генри нервно вздохнул, но уверенность его окончательно покинула.

— Я... я предполагал нечто в этом роде. Это похоже на усталость... Иностранцев не легко...

Он совсем запутался, не в силах подобрать слова.

— Давайте вернемся к нашим записям, — предложил Рагоци. — До конца еще далеко, а я, если только это возможно, хотел бы все закончить сегодня вечером.

— Но вы собирались...

Джон Генри снова не договорил, но красноречиво кивнул на парадный костюм графа.

Рагоци улыбнулся и покачал головой.

— Я пришел сюда прямо с приема, а банкет еще продолжается.

Джон Генри был поражен.

— Я бы предположил, что вы предпочтете веселиться на банкете, чем копаться в скучных цифрах. Это, вероятно, весьма почетно — получить приглашение на подобное событие. — Он позволил себе мимолетную усмешку. — Я уверен, что еда...

на таком мероприятии намного лучше, чем то, что можно ожидать от обычного ресторана, а именно это вам и предстоит, если мы задержимся допоздна.

— Да, там подают изысканные кушанья, но мои потребности в этом отношении довольно просты, — сказал Рагоци.

— Ага, — произнес Джон Генри, сделав вид, что понял слова своего собеседника, хотя на самом деле был далек от этого.

— Но я непростительно забывчив и прошу извинить невольную грубость. А вы не голодны? — внезапно спросил Рагоци. — Если вы проголодались, я могу подождать, пока вы купите себе что-то на ужин.

— Нет, — поспешно ответил Джон Генри. — Я плотно закусил за чаем, и на сегодня этого достаточно. Я бы хотел продолжить работу над книгой.

— Тогда давайте просмотрим записи, относящиеся к Греции, — предложил Рагоци и быстро нашел нужную страницу. — Как вы уже говорили, первые записи относятся к тысяча восемьсот двадцать восьмому году. — Он быстро провел пальцем по строчкам. — Похоже, что первые несколько лет все шло гладко. — Он перевернул страницу. — Все записи, на первый взгляд, в порядке. Вы согласны?

— Ваша семья долгое время занималась торговлей специями, не так ли, граф? Здесь есть ссылка на ваши прежние расчеты с арабскими торговцами. И счета из Египта тоже без изменений, — прокомментировал Джон Генри, вернувшись в мир цифр.

— Да. — Несколько минут Рагоци молча изучал записи, потом поднял голову. — Как мне помнится, старшим клерком на протяжении многих лет был мистер Боултон.

— Я слышал о нем, — осторожно подтвердил Джон Генри.

— И мистер Боултон состоял в родстве с основателем фирмы, — продолжал Рагоци.

— Насколько мне известно, это так, — более уверенно произнес Джон Генри. — Он умер около двадцати лет назад, по крайней мере, мне так говорили.

— Верно, — кивнул Рагоци. — Тогда его место занял дядя мистера Таббса, мистер Харбридж. Похоже, что проблемы начались с того момента.

— Так вы думаете, мистеру Таббсу известно о том, что происходит? — спросил Джон Генри, стараясь не показать, насколько его шокирует подобное подозрение.

— Вполне возможно. Как вы помните, он не слишком охотно позволил мне проверить записи; в данной ситуации это обстоятельство может оказаться очень важным, — сказал Рагоци. — Как долго он занимает должность старшего клерка?

— Мистер Таббс? Около четырех лет, мне кажется. Четыре или пять. — Джон Генри осмотрелся по сторонам, словно боялся, что их подслушивают. — Стараниями своего дяди он быстро получил повышение, так мне говорили два других клерка. — Ему пришлось прочистить горло. — Он уже был старшим клерком, когда меня приняли в контору.

— Вероятно, партнеры поручили ему защищать их интересы, а дядя повысил его, чтобы скрыть свои махинации. — Лицо Рагоци стало печальным. — Какова бы ни была причина, боюсь, что мне придется положить этому конец.

— Конечно, вы должны это сделать! — воскликнул Джон Генри, изумленный явным нежеланием графа защищаться от воров. — Это нельзя оставить без внимания и позволить продолжать обман. Если они решили обокрасть вас, могут быть и другие пострадавшие...

— Да, — прервал его Рагоци. — Несомненно, вы правы. Не могли бы вы скопировать для меня эти две страницы? Завтра я пришлю за ними слугу, если вам удобно. И он же вернет мистеру Таббсу ключ вместе с моими извинениями в злоупотреблении его доверием.

Что-то в его словах заставило Джона Генри насторожиться.

— Я все сделаю, граф, — сказал он, ощутив, как по спине пробежал холодок.

— Вы очень добры, — сказал Рагоци. — Как бы то ни было, знакомство с вами, мистер Бродрибб, было весьма интересным.

— Благодарю вас, — ответил Джон Генри и постарался справиться с охватившей его дрожью. Потом, не в силах сдержаться, он внезапно выпалил: — Вы доктор Фауст?

Услышав свой голос, он понял, что произнес вслух нелепое предположение, но не мог придумать достойного извинения.

Рагоци слегка удивился.

— Нет, мистер Бродрибб, это не так. И я не «ходил по земле и обошел ее»[1], как, говорят, поступил Мефистофель. — Он очень внимательно взглянул в лицо Джона Генри. — Вы наверняка преуспеете в выбранной профессии: у вас острые глаза и проницательный ум, вы далеко пойдете.

— Я не хотел... Это не... — забормотал Джон Генри.

— Не бойтесь, — с иронической усмешкой успокоил его Рагоци. — В моей жизни я слышал и худшие эпитеты.

— Сколько вам лет? — спросил Джон Генри, решив, что отступать уже поздно.

— Если бы я вам сказал, — крайне вежливо произнес Рагоци, — вы бы ни за что не поверили.

— Я поверю.

Джон Генри был слишком ошеломлен, чтобы испытывать страх. Он знал, что испуг придет позже, когда он окажется в безопасности своей кровати и воображение освободится от оков.

— А я думаю, что нет, — отрезал Рагоци, закрыв тему.

— Чего вы теперь потребуете от меня? Молчания под страхом ужасного возмездия?

Рагоци насмешливо склонил голову набок.

— Это не спектакль. И вы не на сцене, мистер Бродрибб. Я полагаюсь на ваш здравый смысл и благоразумие, я надеюсь, что вы оставите все догадки при себе.

— Или мне не поздоровится?

Джон Генри понимал, что опять зашел слишком далеко, но уже во второй раз не мог подобрать слов для извинения.

— Нет. — Рагоци отвечал спокойно, но твердо. — С моей стороны вам ничего не угрожает, можете положиться на мое слово. — Он отошел от клерка, остановился у горящего камина и снова обернулся к Джону Генри. — Скажите, какая сумма необходима вам, чтобы воплотить в жизнь театральные планы? — неожиданно спросил он. — Вы определили сумму?

Такой резкий поворот в разговоре ошеломил Джона Генри, но он постарался не медлить с ответом.

— Для начала мне понадобятся парики, бороды, грим, а также мечи и костюмы, — начал он перечислять, даже не

[1] Книга Иова, 2:2.

заглядывая в потрепанный блокнот, хранящийся в кармане куртки. — Все это стоит от сорока до пятидесяти фунтов. А потом придется заплатить за право исполнять ведущую роль. И это будет стоить еще пятьдесят фунтов, если я захочу сыграть Ромео.

Он вспыхнул от волнения, но прозвучавшая сумма казалась настолько огромной, что его энтузиазм мгновенно испарился.

Рагоци сложил вместе кончики пальцев своих красивых рук.

— Предположим, — заговорил он, — что часть денег, которые я верну благодаря вашим усилиям, я выплачу в награду за помощь. Учитывая масштабы кражи, сумма может быть весьма значительной.

Джон Генри разочарованно тряхнул головой.

— Это будет выглядеть как взятка за полученные сведения, по крайней мере, так могут представить дело в суде старшие партнеры. И остальные клерки вполне могут поверить их обвинениям, я ведь совсем недавно здесь работаю. Любой судья прислушается к их показаниям.

— Тогда остается наследство, — заявил Рагоци, не приняв во внимание протест Джона Генри. — У вас должен быть какой-то дальний родственник, который мог бы завещать вам свое состояние.

Джон Генри вздохнул:

— В моей семье вряд ли такой отыщется. Да ни у кого из них не найдется и десяти шиллингов, чтобы кому-то одолжить. К тому же, если это произойдет сразу же после нашей встречи, кто-нибудь обязательно заподозрит неладное. Здесь наверняка будут задавать щекотливые вопросы.

— Послушайте меня, — решительно сказал Рагоци. — Предположим, что через шесть месяцев... скажем, ваш дядя... оставит вам по завещанию сто фунтов. Деньги будут переданы через адвоката из северного графства, так что ничто не сможет вас скомпрометировать, невзирая ни на какие обвинения ваших партнеров. В таком случае вы сможете начать театральную карьеру?

Как ни сдерживался Джон Генри, его сердце забилось чаще. Он подсчитал, что мог бы сделать, обладая такой суммой, и решил на время забыть об осторожности.

— Да, если бы это произошло не сразу, наследство выглядело бы более правдоподобно.

Его волнение нарастало, и лицо вспыхнуло в предвкушении.

— Значит, через полгода. Мои лондонские адвокаты к тому времени сделают все возможное, чтобы вернуть украденные деньги. — Рагоци с любопытством посмотрел на Джона Генри. — Вероятно, мой иск против вашей фирмы доставит некоторые неприятности и вам лично, не так ли? Может потребоваться полицейское расследование.

— Возможно, кто-то захочет меня обвинить, — сказал Джон Генри. — Ведь ни для кого не секрет, что я делал копию с вашей книги. Они наверняка решат, что вы получили информацию от меня.

— Но им ни к чему знать, что вы раскрыли кражу, — многозначительно произнес Рагоци. — Я могу убедить моих лондонских поверенных начать проверку записей и провести полную инвентаризацию принадлежащих мне счетов. Это оградит вас от неудовольствия со стороны партнеров. Я не думаю, что вас накажут за то, что вы проявили себя честным человеком, мистер Бродрибб.

— Когда я уйду из конторы, это будет не важно, — добавил Джон Генри.

— Вы так полагаете, но вы ошибаетесь, — возразил Рагоци. — Вам ни к чему шепотки за спиной о том, что вы обманули доверие работодателей. Подобные вещи вызывают неприязнь даже в театре, мистер Бродрибб. Слухи постоянно сопровождают актеров, но, поверьте, вы не захотите начинать карьеру, имея запятнанную репутацию.

Джон Генри не мог с этим не согласиться. Он понял, что Рагоци был не только благородным, но и более осведомленным человеком, чем ему представлялось.

— Хорошо. Должен появиться дальний родственник. Дядя. На севере.

— Было бы неплохо, если б вы упомянули о его болезни и высказали надежду на получение наследства, — посоветовал Рагоци. — Тогда в случае неожиданного завещания никто из клерков не сможет связать вашу удачу с оказанной мне помощью.

Джон Генри, хлопнув себя по бедру, опять не сдержался.

— Это великолепно! Вы все предусмотрели. — Он радостно рассмеялся. — Вы хитрый человек, граф. Просто мастер. Настоящий пройдоха, как сказали бы парни из дешевого кабачка.

— Настоящий пройдоха. Очень образное выражение, — сардонически усмехнулся Рагоци, слегка приподняв красивые брови. — Что ж, мне случалось слышать и менее лестные определения.

Его лицо на мгновение омрачилось, и Джон Генри похолодел от тревоги.

Он попытался что-то сказать, потом откашлялся и все же нашел в себе силы заговорить:

— Мне кажется, за долгие годы вы научились ограждать себя от неприятностей и потому так быстро решились на подобное предложение.

— Вы в чем-то правы, — согласился Рагоци, и его таинственные черные глаза сердито блеснули. Граф взмахнул рукой и прогнал мрак, едва не вырвавшийся наружу. — А вы можете подумать, что стали героем одного из унылых романов миссис Рэдклифф[1] или, если сказать точнее, никчемных выдумок Мэтьюрина.

— «Мэлмота скитальца»? — спросил Джон Генри, удивленный познаниями Рагоци.

Граф не ответил. Он снова обернулся к старой книге.

— Завтра клерк из моей адвокатской конторы нанесет визит мистеру Таббсу. Он передаст мое пожелание начать проверку всех счетов. Но не бойтесь. Точно такое же требование будет направлено во все торговые конторы, через которые ведутся мои дела. Я не стану делать исключение ни для одной фирмы. — Он резко повернулся, и лучи лампы засверкали на его ордене. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы представить проверку самым заурядным событием. А поскольку я иностранец, мистер Таббс получит повод относиться ко мне еще хуже, чем прежде.

Джон Генри покраснел.

— Он из тех, кто считает, что Иисус Христос должен был разговаривать по-английски.

---

[1] *Рэдклифф Анна* (1764—1823) — английская писательница, автор готических романов.

— Да, похоже, — согласился Рагоци. Он остановился перед Джоном Генри и протянул ему руку. — Значит, мы обо всем договорились.

— Да, отлично, — кивнул Джон Генри, и изящная рука Рагоци утонула в его широкой ладони. — Договорились.

Компания актеров допоздна засиделась в отдельном кабинете кабачка, празднуя громкий успех новой постановки «Ромео и Джульетты». Во главе длинного стола сидел молодой человек, заплативший Королевскому театру в Сохо за привилегию играть главную роль. Он до сих пор пользовался всеобщим вниманием и был сильно разгорячен опасной смесью аплодисментов и портвейна.

Генри, ты был просто великолепен, — сказала сидевшая рядом дородная женщина, игравшая роль синьоры Капулетти. — Ты далеко пойдешь, попомни мои слова.

Ах, Мэг, Мэг, у нас получился чудесный спектакль, вот что важно. — Он слегка нахмурился, мечтая о том, чтобы посмотреть на их игру пришли его родные, но они были слишком строгими христианами и редко посещали публичные зрелища.

Директор труппы, игравший Меркуцио, уже порядочно напился и, поднимая свой стакан, едва не угодил в лицо Генри.

— Так ты намерен... штурмом взять лондонскую сцену, не так ли?

— Надеюсь, когда-нибудь это произойдет, — ответил Генри, уже страстно мечтая об этом дне.

— Они всегда так делают, — горько пробормотал директор.

Перестань брюзжать, — одернула его Мэг. — Только из-за того, что он лучший актер, чем ты...

Лучший актер! — фыркнул директор и сделал изрядный глоток темного эля. — Он зелен, как... как...

Но он потерял мысль и умолк.

Да, он зелен, — с пылом продолжила Мэг, — но в нем есть искра. Это видно по его игре. — Ее лицо, обращенное к Генри, просияло улыбкой, далеко не такой материнской, как можно было бы ожидать. — Вот увидите. Он многого достигнет.

Генри упивался ее похвалами и наблюдал, как остальные с готовностью пьют за его здоровье. Но вскоре актеры один за другим начали расходиться. Генри вышел одним из последних: он задержался, чтобы дать щедрые чаевые хозяину кабачка за то, что компания задержалась дольше положенного часа.

Оказавшись на улице, он помедлил, сознавая, что наступила ночь; в соседних домах не светилось ни одно окно. По мостовой не громыхал ни один экипаж. Генри натянул пальто и зашагал к дому, встречая по пути только вездесущих крыс.

Затем сзади раздался негромкий, но отчетливый звук шагов, и он с испуганным криком обернулся, ожидая увидеть уличных воришек, подстерегавших неосторожного пешехода.

— У меня с собой пистолет! — крикнул Генри.

В ответ из непроницаемой темноты послышался удивленный голос:

— Да это и впрямь мистер Бродрибб. — Спустя мгновение из тени вышел Ференц Рагоци. На нем, как и во время их первой встречи, был плащ с капюшоном. Граф быстро оказался рядом с актером. — Примите мои поздравления. Очень впечатляющий дебют.

— Вы видели? — спросил Джон Генри.

— Да. — Рагоци улыбнулся. От лунного света черты его лица показались еще более резкими. — Я рад, что ваше наследство... было истрачено с пользой.

Джон Генри внезапно смутился.

— Мне следовало поблагодарить вас, я знаю, но расследование тянулось так долго, и я...

— За что вам меня благодарить? Ведь это наследство вашего дядюшки, не так ли? — Рагоци направился к главной улице и жестом пригласил с собой Джона Генри. — Кроме того, это я должен быть вам благодарен за шесть тысяч фунтов, которые мои адвокаты получили с мистера Таббса и мистера Ламбкина.

— Знаете, мне все поверили, — сообщил Джон Генри, все еще удивляясь, с какой легкостью удалось убедить клерков, что дальний родственник завещал своему племяннику значительную сумму. — Я и не надеялся на это.

— Люди верят в то, во что хотят верить. Какой клерк не мечтал о дальнем родственнике, который завещал бы ему

состояние? Поэтому они с готовностью приняли вашу историю. — Несколько шагов они прошли в молчании. — Скажите, а была ли какая-то определенная причина выбрать фамилию Ирвинг?

— Да, — ответил Джон Генри. — Моя мать часто читала мне книги Эдварда Ирвинга, он был шотландским евангелистом и талантливым оратором. А кроме того, я восхищаюсь творчеством американского писателя Вашингтона Ирвинга.

— А почему Генри, а не Джон? — снова спросил Рагоци.

Они уже подошли к Чаринг-Кросс и увидели несколько тяжело груженных телег, катившихся по пустынной улице, и пару кебов, возницы которых еще надеялись заработать несколько шиллингов.

— Это звучит более изысканно, — быстро ответил Джон Генри.

Он немало размышлял над выбором имени и был готов, если потребуется, защищать свое мнение. Но Рагоци, казалось, удовлетворился ответом.

— Тогда желаю вам удачи, Генри Ирвинг. — Он кивнул на элегантный экипаж, поджидавший на углу улицы. — Я думаю, здесь мы расстанемся.

Джон Генри внезапно почувствовал себя неловко.

— Жаль, что вы не зашли в кабачок. Мы могли бы выпить. Там подают приличный портвейн. — Ему очень не хотелось, чтобы Рагоци уходил. — Я хотел поблагодарить вас. И выпить за ваше здоровье.

Рагоци остановился, отвесил легкий поклон и ответил голосом, который Джону Генри никогда не суждено было забыть.

— Вы очень добры, мистер Ирвинг, но я не пью вина.

ИНГРИД ПИТТ

Хисако-сан

Актриса и писательница Ингрид Питт более известна кинолюбителям, как Королева Ужасов студии «Hammer». Благодаря ролям в таких фильмах, как «Звуки ужаса» («Sound of Horror», 1964), «Вампиры-любовники» («The Vampire Lovers», 1970), «Графиня Дракула» («Countess Dracula», 1970), «Дом, из которого капала кровь» («The House That Dripped Blood», 1970), «Плетеный человек» («The Wicker Man», 1973), «Подземный мир» Клайва Баркера («Underworld», 1985), «Зеленые пальцы» («Green Fingers», 2000), «Психушка» («The Asylum», 2000, — в этом фильме ее дочь Стефани играла главную роль) и последнему эпизоду в «Вампирологии» на «Urban Gotic TV», она стала иконой фильмов в жанре фэнтези.

В числе ее кинодостижений, помимо фильмов ужасов, работы: «Орлиное гнездо» («Where Eagles Dare», 1969) с Ричардом Бартоном и Клинтом Иствудом, «Кто не рискует, тот не выигрывает» («Who Dares Wins», 1982), «Дикие гуси-2» («Wild Geese II», 1985) и «Война Анны» («Hanna's War», 1988). Также она появлялась в различных телешоу по обе стороны Атлантики и объездила с турне всю Британию и Южную Америку со своей собственной театральной компанией.

Один из проектов Питт — «Дракула, который?..» («Dracula Who...?), фильм, где по сюжету Дракула отчаянно старается держаться подальше от крови и становится вегетарианцем.

В 1999 году в «Ханеманн» была опубликована автобиография Ингрид Питт «Жизнь — это крик». В автобиографии подробно описывается ее страшный детский опыт пребывания в концентрационном лагере, поиски отца в лагерях беженцев по всей Европе, ее побег из Восточного Берлина из-под носа у народной полиции.

Ингрид Питт также является колумнистом в таких журналах, как «Shivers», «Femme Fatales», «Bite Me», «It's Alive» и «The Cricketer».

Говоря о своих разнообразных появлениях в образе роковой женщины, актриса признается: «Всегда найдутся персонажи, в которых можно вцепиться зубами».

Детектив сержант Дженет Купер взяла стоявшую на синтоистском алтаре фотографию и внимательно ее осмотрела. Черно-белое, немного выцветшее фото, но две изображенные на нем фигуры просматривались достаточно четко — мужчина, а рядом с ним женщина в традиционном кимоно с гордым видом держит на руках новорожденного младенца.

Дженет аккуратно поставила фото на место и пробежалась пальцами по другим памятным предметам, расставленным на импровизированном алтаре. Две оплывшие свечи в блюдцах, разбитые часы с японскими иероглифами на циферблате и нитка бус. Сержант оглядела комнату и не нашла более ничего интересного.

Дженет вернулась в гостиную. Комната была обставлена в стиле минимализма, но при этом дорого. В проеме открытых дверей стоял смотритель дома и с подозрением наблюдал за действиями полицейских. Детектив инспектор Том Брэшер отвернулся от окна и вопросительно приподнял бровь. Дженет отрицательно покачала головой.

— Ничего, — доложила она.

Брэшер взял со стола красочный рекламный проспект и передал его Дженет.

— Что думаешь вот об этом? — спросил он.

Проспект был посвящен японской судоходной компании. Внутри Дженет обнаружила несколько газетных вырезок. Все из лондонских газет, и в каждой один и тот же герой. Сенатор Осрем Мэнхем. Дженет бегло просмотрела пару статей, из которых следовало, что сенатор находится в Лондоне с торговой миссией. На этот вечер у него была запланирована встреча с японской стороной для подписания соглашения с Соединенными Штатами. Но прежде следовало социализироваться. Дженет вернула проспект Брэшеру.

— И что нам это дает?

Инспектор пожал плечами:

— Ну, хотя бы то, что эта Хисако, видимо, проявляет интерес к этому сенатору, — сказал он и повернулся к смотрителю. — Когда к вам въехала мисс Хисако?

Смотритель решительно не желал быть полезным полиции.

— Все записано в журнале, — холодно ответил он.

Брэшер ослепительно улыбнулся.

— Хорошо. Сделаем так: вы берете журнал, мы едем в участок, и там мой сержант произведет тщательный и самый подробный предварительный просмотр данных, идет?

Улыбка инспектора выбила смотрителя из колеи.

— Три дня назад, — буркнул он.

— Откуда? — воодушевившись, спросила Дженет.

Смотритель пожал плечами:

— Это неофициальные данные, поспрашиваете в агентствах.

Брэшер и Дженет вернулись к своей машине, припаркованной возле дома. Инспектор облокотился на капот.

— Ты обойдешь агентства, посмотри, что там можно выудить. Я вернусь в участок на такси и свяжусь с иммиграционной службой, — сказал он, оттолкнулся от капота и одним плавным движением открыл для Дженет дверь.

Сержант села за руль и опустила боковое стекло.

— Что, по-вашему, сделала Хисако с этими развалившимися на части в госпитале парнями?

Брэшер одарил ее ласковой и совсем не веселой улыбкой.

— Возможно, ничего, но она меня заинтересовала, — сказал он.

Инспектор смотрел вслед исчезнувшей в потоке дорожного движения машине. Конечно, Дженет права. Разделаться с дюжиной крепких, молодых мужчин — не орешки пощелкать. И тот факт, что есть свидетели того, что японка целовала каждого из этих парней незадолго до их смерти, еще не доказывает, что она причастна к их гибели. Брэшер не жаловал совпадения. Он не знал, как связаны между собой эти два отдельных факта, но интуиция подсказывала ему, что связь есть. Инспектору повезло с такси, и уже через десять минут он был в участке.

Только Брэшер открыл дверь в свой кабинет, его окликнул коронер:

— Привет, папаша. Ты занимаешься этим клубом наказанных парней, верно?

Брэшер кивнул.

— Еще две, — с загадочным видом сказал коронер.

— Еще две? — эхом отозвался Брэшер.

— Еще две... э-э... подозрительные смерти.

Коронер положил на стол перед инспектором два листа бумаги. Брэшер просмотрел их и удивленно поднял глаза на коронера.

— Почему мне раньше об этом не сообщили? — с угрозой в голосе спросил он.

— Это два отдельных случая. Для нас из одного не следует другое, — ловко вывернулся коронер.

— Ладно. Свяжитесь с японским посольством. Узнайте, что им известно о женщине по имени Хисако. Вероятно, она совсем недавно прибыла в Лондон. Может быть, с их торговой делегацией.

Коронер кивнул и вышел из кабинета. Брэшер секунду подумал и уже собрался пойти следом, когда зазвонил телефон.

Большой деревянный ящик оградили лентой с надписью «Полиция. Проход запрещен». Брэшер медленно обошел его кругом. Боковая стенка ящика была слегка приоткрыта, инспектор потянул ее на себя и заглянул внутрь. Смотреть было не на что. Грубо обшитые доски на нижнем уровне да закрепленные на стенках стропы. Дженет опрашивала охранников, Брэшер подозвал ее к себе.

— Посмотри, сможешь залезть внутрь?

Дженет, будучи пяти футов девяти дюймов ростом, не смогла протиснуться в предлагаемый вход в ящик.

— Сбросить бы пару стоунов и отпилить ноги по колено, — предложила она.

Брэшер помог ей высвободиться из ящика.

— Что удалось узнать у охранников? — спросил он.

— Они ничего не знают, — выпрямившись во весь рост, ответила Дженет. — Джим Бейли проработал здесь около двадцати лет, в конце года уходит на пенсию. — Сержант подумала и поправилась: — Ушел бы.

— А матрос?

Дженет достала свой блокнот.

— Таки Такамуро, двадцать восемь лет, из Сома. Госпитализирован вчера вечером, умер сегодня утром.

— Что-нибудь еще? — недовольно спросил инспектор.

Дженет покачала головой. У Брэшера зазвонил мобильный телефон, он вытащил его из кармана и сказал:

— Брэшер.

Некоторое время он внимательно, не перебивая, слушал, потом спросил:

— Вы в этом... уверены? Хорошо, выпустите бюллетень и дайте мне знать, если что-то прояснится.

— Есть ответ из японского посольства, — сказал инспектор и убрал телефон в карман. — Хисако нет в списке торговой делегации, и никто с таким именем или похожей внешностью не въезжал в страну в последние десять дней. — Брэшер обдумал дальнейшую информацию и продолжил: — Тем не менее имеется рапорт о некой Хисако, исчезнувшей из военного госпиталя в Сома. Описание соответствует, и это могла бы быть она, если бы не одна вещь. У этой Хисако очень редкое лимфатическое заболевание, и практически с самого рождения она жила в изолированной от внешних воздействий капсуле. Врачи настаивают на том, что сейчас она должна быть мертва. И ты знаешь, чем вызвана ее болезнь? — Брэшер глубоко вздохнул и сам ответил на свой вопрос: — Радиация после бомбы, сброшенной янки на Нагасаки.

Дженет нахмурилась, подошла к краю пирса и задумчиво посмотрела на воду.

— Хисако не может быть такой старой, — медленно сказала она.

Брэшер согласно кивнул:

— Она и не старая. Облучились ее родители. Это не отразилось на них, но разрушительно повлияло на здоровье их дочери.

Инспектор подумал с минуту и спросил:

— Эти вырезки в проспекте... в одной имеется кое-какая информация о прошлом сенатора Мэнхема. Он был в эскадре бомбардировщиков, что громила японцев.

К тому времени, когда Брэшер и Дженет прибыли в японское посольство, вечер был в самом разгаре. В посольстве категорически отказались предоставить полицейским статус секьюрити и настояли на том, что они будут приняты исключительно как гости.

В приглашении было указано время: с 20:00 до 22:30. Без четверти десять Брэшер начал задумываться о том, не стали ли они жертвой слишком частых просмотров филь-

мов с Арни Шварценеггером. Если рассуждать рационально и непредвзято, вся их теория — глупость. Как может смертельно больная женщина проделать весь путь от Японии до Лондона, при этом оставить за собой жуткие смертельные случаи и продолжать передвигаться, как вполне здоровый человек?

Инспектор уже хотел предложить Дженет забрать пальто и уйти с вечеринки, но тут монотонный гул голосов начал прерываться отдельными комментариями. Брэшер огляделся по сторонам. Все взоры были устремлены к парадному входу.

Брэшер не был готов увидеть воплощение совершенной красоты. В дверях стояла изящная женщина, она была невысокого роста, но сложена идеально. Ее иссиня-черные волосы были забраны наверх и закреплены яркими лакированными гребнями. Шелковое светло-голубое кимоно окутывало японку с головы до ног, но тонкая материя не могла замаскировать прекрасное женское тело.

Дженет, чтобы привлечь внимание Брэшера, похлопала его по плечу.

— И что дальше? — просто, но по делу спросила она.

Брэшер встряхнулся и постарался сконцентрироваться на работе.

— Просто присматривай за ней.

Сенатор увлеченно представлял Хисако гостям. Он явно был сражен японкой. Мэнхем гарцевал по залу, тщетно пытаясь сбросить лет пятьдесят, и не замечал злобные взгляды, которые метала в его сторону супруга. Через полчаса гости начали понемногу расходиться. Брэшер встал у парадных дверей и подозвал к себе Дженет.

— Когда она будет выходить, — проинструктировал он, представься и пригласи ее проехать в участок. Возникнут проблемы — арестуй.

Дженет поморщилась:

— Что предъявить?

— Для начала — угроза здоровью стареющего сенатора. Что-нибудь придумаем. Главное — не потеряй ее, — ответил Брэшер и огляделся по сторонам. Ни сенатора, ни Хисако нигде не было видно. — Проклятие. Куда они пропали? Смотри за входом, — приказал он.

Брэшер поставил на подоконник фужер, который все это время баюкал в руках, и целенаправленно пошел туда, где в последний раз видел сенатора и его неотразимую гостью.

Дверь на террасу была открыта. Брэшер встал так, чтобы видеть, что происходит снаружи. Когда его глаза привыкли к темноте, он разглядел две фигуры у балюстрады. Инспектор не знал, как поступить. Он чувствовал себя вуайеристом. Хисако приблизилась к сенатору и стянула с рук длинные, по локоть, перчатки. Было что-то зловещее в том, как она обнажала свои руки, и это не ускользнуло от Брэшера. Он все еще не мог придумать, что ему делать дальше. Инспектор кашлянул и вышел на террасу. Сенатор увидел Брэшера и отступил на шаг, установив некоторую дистанцию между собой и прекрасной искусительницей. Но он не был доволен.

— В чем дело? — пролаял Мэнхем.

Не успел Брэшер придумать отговорку, как Хисако потянулась к сенатору, обхватила его голову руками и одарила старика страстным поцелуем в губы. Затем японка отступила на шаг и отвесила низкий поклон. Легкая улыбка заиграла на ее губах, провоцируя полицейского что-нибудь предпринять. Одним движением, которому позавидовала бы Джипси Роуз Ли, Хисако сорвала с себя кимоно и бросила его на пол. Под кимоно на ней было трико, которое подчеркивало все изгибы и выпуклости ее безупречного тела. Сенатор начал терять самообладание.

— Что здесь происходит? — громко спросил он, но никто и не подумал ему ответить.

Не спуская с Брэшера своих гипнотических глаз, Хисако отбросила в сторону щедро опрысканный лаком парик. Без парика она была абсолютно лысой. Но даже это ничуть не влияло на ее поразительную красоту. Брэшеру удалось втянуть в легкие небольшую порцию воздуха.

— Детектив инспектор Брэшер. Не могли бы вы составить мне компанию и проехать со мной в участок? Я бы хотел задать вам... — Он умолк и почувствовал себя круглым дураком.

Хисако медленно приблизилась к инспектору.

— Не думаю, инспектор. У меня другие планы, — ласково сказала она.

До того, как у Брэшера появился шанс пошевелиться, японка нанесла ему молниеносный удар в горло. Брэшер отлетел назад и сбил стойку с большим цветочным вазоном. Звук разбившейся керамики сорвал с места двух вооруженных пистолетами охранников. Но Хисако была уже в движении. Первый выбежавший на террасу охранник был встречен *мата-гери*, который отбросил его на стену. Второй решил, что это как раз тот случай, когда лучше сначала стрелять, а потом задавать вопросы.

Хисако проделала сальто назад, и ее ступня ребром обрушилась на его шею. Пистолет выстрелил, но пуля не задела японку. Подоспела подмога. Но охранники сенатора не шли ни в какое сравнение с их изящным смертоносным противником.

Прибыв на место, Дженет увидела перелетающего через балюстраду мужчину. Если уж тренированные американские охранники со своими пистолетами не смогли ничего сделать, то она со своей дубинкой вряд ли чего-нибудь добьется.

Дженет метнулась в сторону и спряталась за массивной дверью из дерева, что вела в холл. Она видела, как Хисако рванулась в ее сторону. Сержант всем телом бросилась на тяжелую дверь и с удовлетворением услышала, как ничего не ожидавшая японка врезалась в портал. Сила удара отбросила Хисако через всю комнату.

Дженет не мешкала. Японка уже очухалась и начала вставать на ноги. Сержант схватила бронзовую статуэтку Джона Вейна и бросилась в атаку. Увесистое воплощение человека, являющегося украшением своего времени, усиленное весом сержанта полиции и силой ускорения от прыжка, обрушилось на голову Хисако. Звук удара бронзы о голову японки эхом разнесся по холлу.

Обессилившая Дженет опустилась на пол и неотрывно смотрела на открытую рану в голом черепе Хисако.

Она оставила японку на попечение охранников и отправилась на поиски Брэшера. Инспектор сидел на корточках рядом с сенатором. Он посмотрел на подошедшую Дженет и сказал:

— Вызывай «скорую», сенатор подхватил заразу.

Хисако являла собой чудо с медицинской точки зрения. Рана в ее голове затянулась с поразительной скоростью.

Прошло всего четыре часа после того, как Дженет вывела ее из строя, а от зияющей раны остался только неровный красный рубец.

Сенатор не мог похвастать подобными достижениями. У него появились симптомы, которые были уже очень хорошо знакомы Брэшеру и Дженет.

У докторов были одни вопросы без ответов. Самое лучшее, что они смогли придумать, это то, что тело Хисако по сути своей *другое*; что оно стало функционировать более эффективно и, неохотно добавляли они, усовершенствовалось. Самым интересным относительно ее иммунной системы оказалось то, что она работала через лимфатические железы. Это объясняло смерти тех, кому «посчастливилось» войти в физический контакт с японкой.

Незадолго до полуночи умер мучительной смертью сенатор, буквально разложившись на глазах. Это был день медиков. Они уже называли заболевание, которое тотально уничтожало иммунную систему жертвы, «синдром Хисако» и наперебой добивались чести придумать ей латинское название. Хисако заперли в одиночной камере до той поры, пока в госпитале для нее не приготовят защищенную от микробов среду обитания.

Дженет перечитала законченный рапорт о событиях прошедшего дня. Она испытывала искреннее сочувствие к арестованной. Это, должно быть, был ужасный опыт для Хисако. Ее всю жизнь содержали в герметичной капсуле. С ней обращались, как с подопытной морской свинкой. Каким-то образом ей удалось коснуться другого человека, и этот человек, мужчина или женщина, умер, сгнил или усох на ее глазах. Дженет могла представить, какая ярость бушевала в душе японки.

Из личного дела Хисако следовало, что ее интеллектуальный уровень намного выше среднего. Она владела несколькими языками и по результатам тестов могла иметь степень доктора философии. Интеллект и изоляция сформировали разум Хисако, но она не имела ни малейшего понятия об укладе жизни вне капсулы. И виной всему этому была бомба, которую американцы сбросили на ее дом.

Каким-то образом сенатор Мэнхем стал ответственным за все ее беды, и она вознамерилась уничтожить его.

Команде гребцов и другим просто «повезло» оказаться на ее пути.

Дженет убрала рапорт в стол и собралась уходить, когда зазвонил телефон: Хисако стало плохо и она просила сержанта навестить ее. Дженет колебалась. Несмотря на сочувствие, ей не хотелось оказаться в непосредственной близости от арестованной. Дженет встряхнулась. Какой от этого может быть вред?

Войдя в камеру, Дженет задохнулась от гнилостного запаха, который проникал даже сквозь хирургическую маску. Хисако в смирительной рубашке лежала на койке, повернувшись лицом к стене. Ее лысая голова уже покрылась темными пятнами и тошнотворными, покрытыми слизью волдырями. Хисако перевернулась на другой бок, чтобы видеть Дженет. Сержанта потрясла перемена, произошедшая с прекрасным лицом японки. Оно раздулось и стало похоже на ярко-красную тыкву. Глаза, которые еще несколько часов назад были чистыми и яркими, теперь слезились и лихорадочно блестели. Безупречный рот превратился в окруженный гноящимися язвами кратер. Хисако медленно села и, оттолкнувшись от койки, встала на ноги. Без видимых усилий она напрягла мускулы, и смирительная рубашка разорвалась и упала на пол.

Дженет хотела закричать, хотела позвать на помощь охрану, но ее будто парализовало.

Хисако, волоча ноги, приблизилась к оцепеневшей женщине и потянула к ней свои омерзительные руки.

Жуткое существо сорвало с Дженет куртку и рубашку и нежно коснулось изъязвленными губами ее груди. Дженет почувствовала, как, в то время как разум покидает ее, Хисако высасывает из нее жизненные силы.

Когда Дженет пришла в себя, Хисако сидела на полу возле двери в камеру. Японка все еще была голой, но ее кожа была настолько же чистой и гладкой, насколько еще несколько минут назад была скверной и гниющей.

Сержант с ужасом осознала, что именно происходит. Она справилась с охватившей ее паникой, которую спровоцировало это понимание, и посмотрела на Хисако. Она больше не боялась эту женщину.

Прекрасная убийца схватила Дженет за изорванную рубашку, рывком подняла на ноги, поставила лицом к выходу

и постучала ладонью по двери. У глазка мелькнула тень, звякнули ключи в замке, и дверь начала открываться до того, как Дженет успела закричать.

Хисако сладко улыбнулась сержанту и распахнула дверь. У полицейского, охранявшего камеру, не было ни шанса. Рука японки подобно кинжалу вспорола его живот и дотянулась до сердца. Дженет рванулась было вперед, но разъяренная Хисако почти нежно оттолкнула ее в сторону. Она просто оставляла Дженет умирать мучительной смертью, которая была всем ее наследством.

Брэшер шел в камеру, чтобы лично оценить состояние арестованной. Он услышал вопль, когда Хисако вспорола живот коронера. Инспектор подоспел как раз к тому моменту, когда японка ворвалась в приемную участка. Брэшер побежал следом, но Хисако уже расправилась с полицейскими, которые пытались встать на ее пути, и выбегала на улицу через главный вход.

Два констебля, направляющиеся в участок, были поражены, когда им навстречу выбежала голая женщина. Брэшер закричал, чтобы они ее остановили. Вдоль дороги тянулась стена высотой десять футов. Не сбавляя скорость, Хисако запрыгнула на припаркованную машину и без видимых усилий преодолела препятствие.

Брэшер побежал к своей машине. Когда он начал отъезжать от тротуара, Дженет выскочила на дорогу, остановила его и запрыгнула на переднее сиденье.

— Что случилось? — спросил инспектор, выворачивая в направлении, которое выбрала Хисако. — С тобой все в порядке?

Дженет проигнорировала вопрос и указала направо:

— Вон она.

Хисако добралась до набережной и с фантастической скоростью неслась вдоль парапета. Брэшер попытался пересечь шоссе и вырулить на противоположную сторону, но в вечерние часы движение было таким плотным, что он потерял несколько драгоценных минут, прежде чем ему удалось достичь цели. К этому времени Хисако исчезла.

— Куда, черт подери, она подевалась? — раздраженно спросил Брэшер.

Дженет открыла дверцу машины.

— Она бежит к Лэмбетскому мосту. Без машины будет быстрее.

Брэшер кивнул и включил рацию.

— Центральная. Это Брэшер. Пришлите кого-нибудь перекрыть южный въезд на мост Лэмбет. Мы с сержантом Купер преследуем сбежавшую арестованную по Северной набережной. Пришлите подкрепление. Быстрее!

Инспектор убрал рацию и побежал вслед за Дженет. Свернув на мост, они увидели, как на противоположной стороне встала поперек дороги полицейская машина. Дженет замедлила шаг, и ее нагнал Брэшер.

— Ты ее видишь? — Инспектор уперся руками в колени и тяжело дышал.

Дженет покачала головой.

— Она должна быть на мосту. У нее не было времени перебежать на ту сторону.

К ним подъехала полицейская машина, и водитель высунулся из окна.

— Что мне делать, шеф? — спросил он.

Ответила Дженет.

— Один пусть останется здесь и посылает машины в объезд. Второй — очищает мост. Приступайте! — приказала она.

Водитель развернул машину и мастерски перекрыл движение. Брэшер и Дженет перешли на противоположную сторону и медленно двинулись к патрульным машинам в дальнем конце моста. Брэшер первым засек сбежавшую японку. Она стояла, изящно опершись на одну из подвесных распорок старинного моста, на губах ее играло подобие улыбки.

— Хорошо, мисс, — успокаивающим тоном сказал Брэшер. — Просто слезайте оттуда и давайте поговорим. Уверен, мы сможем все уладить.

Хисако ловко обогнула одну из опор и, звонко рассмеявшись, словно все это была просто игра, встала на парапет.

— Естественно, мы сможем, инспектор. Вы подыщете мне теплую изолированную камеру, где я смогу удовлетворять клиническое любопытство всяких недоумков с обаянием Джекила и Хайда. Спасибо, но нет, инспектор.

Хисако опустилась на колени и стала почти вровень с Брэшером. Глаза ее, казалось, стали просто огромными. Ин-

спектора переполняло желание погрузиться в их темные пучины.

— Ну же, инспектор. Иди ко мне, — прошептала Хисако.

Разум подсказывал Брэшеру держаться на безопасном расстоянии от японки, но воли не хватало. Он неуверенно шагнул к обнаженной женщине на парапете.

— Вот так, не сопротивляйся, ты же знаешь, что хочешь меня. Быстрее, давай руку.

Голос японки был полон чувственности. Брэшер словно со стороны наблюдал, как его рука тянется к прекрасной соблазнительнице. Их пальцы почти соприкоснулись. Инспектор предпринял последнюю попытку контролировать свои действия, но воля Хисако оказалась сильнее.

Брэшер услышал голос Дженет, сержант кричала ему, чтобы он остановился, но это ничего не значило. Он должен быть с Хисако.

Внезапно его резко отбросило в сторону.

Хисако видела приближение Дженет и попыталась занять более надежную позицию на узком парапете. Сержанту нечего было терять. С ужасной ясностью она сознавала, что в считаные часы станет жертвой всех заболеваний, от которых смогла освободиться Хисако, и сознание этого подталкивало ее вперед.

Дженет бросилась на людоедку и обхватила ее ноги.

Хисако попыталась удержать равновесие, но сила столкновения с телом Дженет была слишком велика даже для нее. Какое-то мгновение они качались на парапете, а потом, почти как в замедленной съемке, упали с моста.

Брэшер встряхнулся, вышел из транса и бросился к парапету, но не успел спасти ни одну из женщин.

Ему оставалось только стоять и наблюдать за тем, как они погружаются в бурлящие под мостом воды Темзы.

Полиция на протяжении нескольких дней обследовала реку и берега, но ни тела Дженет Купер, ни тела Хисако найти так и не удалось.

КЭТРИН ПТАСЕК

Кровь и орех

Кэтрин Птасек является автором более двухсот произведений — рассказов, эссе, обзоров. Ее последние произведения оценены по достоинству, будучи включенными в «Канадский журнал художественной литературы» («Canadian Fiction Magazine»), в антологии «Северный хоррор» («Northern Horror») и «Гротески: Бестиарий» («Grotesques: A Bestiary»), а два ее рассказа напечатаны в «Ста историях кота-путешки» («100 Crafty Little Cat Stories»), выпущенных издательством «Barnes&Noble».

Птасек также выступает в роли редактора «Gila Queen's Guide to Markets» — крупнейшего путеводителя-бюллетеня по миру писателей, художников, издателей и литературных агентов, работающих в сфере фантастики.

«Вампиры на Гражданской войне Севера и Юга? — рассуждает Птасек. — Если вы спросите меня, то я скажу: а почему бы и нет? Гражданская война между штатами оказалась одним из самых кровавых событий за всю историю Америки, а следовательно, и одним из наиболее подходящих мест, где среди людей могут появиться ламии[1], которые так охочи до крови молодых мужчин.

Одна из ламий впервые заявляет о себе в моем романе „Кровавая осень" (замечу, что в этой смертоносной семейке немало сестер), а затем она вместе с другими сестрами играет важную роль в предыстории романа „Заключенный в молчании" (где, кстати говоря, рассказывается подлинное происшествие, случившееся однажды с Байроном, Китсом и Шелли). Прочие сестры также время от времени появляются в моих коротких рассказах, и я уверена, что читатели еще не раз столкнутся с их смертоносными проделками на страницах моих произведений».

---

[1] *Ламия* — ведьма, вампир женского пола. Образ ламии восходит к древнегреческим мифам, в европейской демонологии «ламия» обозначает женщину, сосущую кровь у детей и молодых мужчин, насылающую ночные кошмары и т. д. — *Примеч. перев.*

Впервые он увидел ее осенней ночью, когда лихорадка бросала его то в жар, то в холод, а дым от костра смешивался с тяжелым ароматом гниющих листьев и смрадом, исходящим от тел умирающих мужчин.

Сам Фрэнсис Джон Фостер был ранен в бою три дня назад. Сутки ему пришлось пролежать под дождем на холодной, пропитанной кровью земле, потому как здоровых и сильных мужчин, способных подбирать раненых, после боев обычно не хватало. Но наконец Фостера все-таки обнаружили и доставили в госпиталь.

Первый вечер в палатке для раненых показался ему почти раем. Его накормили, и он глубоко заснул на целые сутки, перемежая стонами сон и краткие минуты бодрствования. На следующую ночь Фостер спал уже не так крепко. Впрочем, едва он попытался встать, как тут же повалился обратно и снова заснул, едва ли сознавая, как болят его раны.

Однако на третью ночь он открыл глаза и понял, что окончательно проснулся. Боль подступила вплотную, заставив Фостера ощутить, как невыносимо ноет его плоть там, куда впился осколок мины, и как болит сломанная в двух местах рука. И тут он увидел женщину.

Она стояла в дальнем конце палатки, негромко разговаривая с одним из раненых — молодым мужчиной с черными волосами, которому накануне ампутировали раздробленную снарядом ногу. «Похоже, этому повезло больше, чем многим из наших парней», — решил Фостер, разглядывая черноволосого. Молодой, выносливый, крепкий парень выглядел так, будто дела его шли на поправку. Культя, судя по всему, заживала хорошо, и черноволосому предстояло вскоре покинуть больничную койку.

А вот женщина в таком проклятом месте, как походный госпиталь, показалась Фостеру поистине страшным зрелищем. Все «медсестры», которые ходили за ранеными, были мужчинами, и чаще всего эту обязанность приходилось исполнять дюжим морским пехотинцам. Должно быть, эта женщина пришла из ближайшего поселка, чтобы навестить оказавшегося в госпитале родственника, и принесла ему кое-что из еды.

Фостер прикрыл глаза, когда волна тошноты накатила на него, а затем, почувствовав себя немного лучше, осмот-

релся по сторонам. Справа от него на низкой койке лежал курчавый мальчик, на вид не старше четырнадцати лет. От него исходил густой запах мочи и гноя. Однако Фостер, уже давно привыкший к резкому аромату пороха и больничному зловонию, едва различал его. В дальнем углу от мальчика, которого, как припомнил Фостер, звали Вилли, храпел какой-то толстяк с красным лицом.

А этот пьян, рассеянно подумал Фостер, позавидовав человеку, которому при помощи неизвестно как добытой жидкости удалось хотя бы на время сбежать от страданий. Теперь толстяк крепко спал, причмокивая во сне пухлыми губами. Фостер не знал, что там не в порядке с этим толстяком, но выглядел тот так, как будто находился здесь дольше всех остальных пациентов, но все еще вряд ли мог оставить больничную койку.

Слева от Фостера лежал пожилой сержант, мужчина лет пятидесяти с небольшим, которому сейчас, однако, можно было дать гораздо больше. Его кожа серого оттенка висела складками на теле — свидетельство того, что раненый изрядно потерял в весе. На протяжении всего времени, пока Фостер смотрел на сержанта, тот не открывал глаз, и только едва заметное ровное дыхание выдавало, что он еще жив. Скользя взглядом по узкому проходу между рядами коек, Фостер мог видеть и других, таких же бедолаг, как он: раненых с перебинтованными головами, с повязками на глазах, с обрубками рук и ног, с белыми пеленами на туловищах.

Днем большинство из них переговаривались друг с другом о том о сем, и это облегчало боль, но ночи были куда хуже. Некоторые, правда, спали, ускользнув от боли и страданий, царящих вокруг, а вот другим в эти темные часы приходилось несладко. Фостер слышал рыдания, проклятия, стоны, всхлипывания, в то время как остальные молча метались в жару лихорадки. Изредка тот или иной голос молил Бога о смерти.

В конце палатки, в нескольких шагах от того места, где сейчас стояла женщина, так удивившая Фостера своим появлением, находилась высокая передвижная ширма. Когда-то она была стерильно-белой, но теперь почти по всей ее поверхности красовались бурые, желто-зеленые и черные пятна — кровь и гной несчастных, попадавших за ширму на

стол к хирургу. Крепкий стол, на котором прошло столько операций, служил барьером, отделяющим это пространство от скромного кабинета хирурга, где тот хранил свои устрашающие инструменты и небольшой запас лекарств.

Женщина, посмотрев на Фостера, поймала его взгляд и послала ему улыбку. Фостер невольно подумал, что эта дама чертовски хороша собой, более того — она показалась ему самой красивой из всех женщин, которых он когда-либо видел. Тяжелый узел собранных на затылке длинных волос открывал стройную шею. Волосы мерцали красновато-золотым оттенком, хотя, возможно, так казалось из-за царившего в палатке полумрака. Фостер не мог разглядеть, какого цвета глаза у незнакомки, но зато хорошо видел, что ее губы были алыми и полными, а кожа — мраморно-бледной. «Что ж, среди леди нашего Юга такое встречается нередко», — вздохнув, подумал Фостер. Она была в платье из хорошей материи глубокого серого цвета, напомнившего Фостеру цвет солдатского обмундирования.

«Да, это похоже на форму, которую мы носили», — подумал Фостер, отметив краем глаза прибытие новых пациентов. На некоторых из них все еще были надеты мундиры — серые, с желтой отделкой цвета калифорнийского ореха[1], но даже те, на ком сохранились лишь жалкие обрывки обесцвеченной ветоши, не выпадали из цветовой гаммы армии Юга — теперь эти раненые и умирающие мужчины сами были изжелта-серыми и окровавленными.

Фостер заметил, как женщина, гибко изогнувшись, наклонилась к своему собеседнику с ампутированной ногой и взяла его за руку. Фостер отвел взгляд — безусловно, она была сестрой или невестой черноволосого парня.

Фостер опять задремал, а когда он проснулся, незнакомка исчезла.

На следующий день черноволосый умер.

Доктора пришли в палатку после полудня и осмотрели каждого пациента. Фостеру они сказали, что он должен больше

[1] Калифорнийский серый орех, несмотря на свое название, имеет плоды лимонно-желтого цвета. Игра слов заключается еще и в том, что прозвище Серый Орех (Butternut) носит один из штатов Юга США — Теннесси.

спать и принимать какие-то вонючие микстуры. На обед в этот день ему дали жидкую кашу, сваренную на бульоне из цыплят, во всяком случае, Фостеру хотелось думать, что цыплята там присутствовали, когда он хлебал ложкой водянистую массу с плавающими в ней кусочками дикого лука. И это была единственная пища, которую мог вынести сейчас его желудок.

Наступила ночь, оказавшаяся для Фостера еще более мучительной, чем предыдущая. Боль охватила его тело, спускаясь к ногам до тех пор, пока все его члены не оказались охвачены жаром, сломанная рука пульсировала и ныла при каждом вдохе и выдохе. Однако не эти мучения заставили задуматься Фостера о своей дальнейшей судьбе, ему не давали покоя мысли о делах житейских — в частности, о его семье.

Семья Фостера ждала его у себя дома в восточном штате Теннесси, и он надеялся, что с божьей помощью вернется к ним в ближайшее время. Он очень хотел бы отправить домой письмо или получить весточку оттуда, но никто не подходил к нему и не спрашивал, не нужны ли ему перо и бумага, и не предлагал помощь. Поэтому Фостер писал письмо Саре и родителям лишь в своих мыслях. Каждую ночь Фостер возвращался к строкам, сочиненным им накануне, тщательно обдумывая каждую фразу, каждое слово, повторяя их вновь и вновь. Честно говоря, он полагал, что это был единственный способ не сойти с ума от боли.

В эту ночь сосредоточиться на письме ему не удалось.

Фостер спал беспокойно, часто просыпаясь, и, открыв в очередной раз глаза, внезапно вновь увидел ту женщину с медно-золотистыми волосами. Впрочем, возможно, незнакомка ему снилась. На этот раз она опустилась на вторую койку от двери и, как показалось Фостеру, каким-то непостижимым образом *скользила по телу* спящего солдата, опираясь ему на грудь и что-то шепча. Ее распущенные густые волосы свисали по обеим сторонам кровати, но и сквозь эту завесу Фостер мог видеть, как ее грудь вздымает вырез платья. Он моргнул, и видение исчезло, а когда он проснулся утром, то мужчина, лежащий на этой койке, — ирландец с огненно-рыжими волосами — разумеется, был уже один.

В течение всего дня Фостер, всеми силами пытающийся принять сидячее положение и удержаться в нем, думал о своем ночном видении. Каким страшным оно было! Фостер не

отличался необузданными сексуальными фантазиями и никогда даже и не думал ни о чем подобном. И что бы это все значило? Поразмыслив, Фостер решил, что все это ему привиделось оттого, что он уже очень давно не был с женщиной.

Фостер увидел, как мужчина, лежащий на койке напротив него, взял ложку и принялся за кашу, миску с которой ему сунула в руки одна из «сестер». Что ж, пожалуй, пора свести небольшое знакомство, решил Фостер и, выждав момент, когда взгляд мужчины обратился к нему, представился:

— Джон Фрэнсис Фостер.

— Уэбстер Лонг, — последовал ответ.

Они обменялись сведениями о том, кто в каком полку воевал, поговорили о сражениях, в которых довелось участвовать, и обсудили последний бой, который привел их на койки в лазарете. Лонг, рядовой, был добровольцем, так же как и Фостер. Удар неприятельского штыка лишил его одного глаза, и теперь голова Лонга была так сильно замотана повязкой, что Фостер даже не мог сказать, какого цвета волосы у его собеседника. Зато он видел длинные роскошные усы Лонга и проницательный светло-голубой глаз. Фостер, забывшись, резко повернулся к соседу, и тут же его пронзила сильная боль.

— Послушай, ты не видел здесь ничего странного прошлой ночью? — спросил он несколько мгновений спустя, когда его отпустило, и Фостер, отдышавшись, смог устроиться поудобнее.

— Странного? — Лонг задумался, держа в руках кусок кукурузной лепешки. — Что ты имеешь в виду?

— Здесь была женщина. Я видел ее прошлой ночью и позапрошлой.

Лонг покачал головой:

— Вряд ли ты видел женщину. Это был сон. — Лонг усмехнулся. — Хотел бы и я увидеть такой.

Фостер усмехнулся в ответ:

— Нет, приятель, говорю тебе, я видел женщину! Вот здесь. — И он подбородком указал на ту койку, где спал рыжий ирландец.

— Этого я не видел. — Лонг отправил в рот последний кусок лепешки, а затем стряхнул крошки с усов. — Она хоть хорошенькая была?

— Красивая... — задумчиво ответил Фостер.

— Ну, так расскажи мне, приятель! — Лонг устроился поудобнее, опираясь спиной на стенку.

Фостер принялся описывать в подробностях, как выглядела незнакомка. Он старался рассказать все как есть, но в какой-то момент начал невольно приукрашивать свое повествование. Проницательный светлый глаз Лонга был выжидающе устремлен на него, и Фостер понял, что тот ждет чего-то необычного, чего-то такого, что отвлекло бы его от тяжелых дум и собственных ран. И Фостер решил оказать товарищу эту услугу.

— Ангел! — вздохнул Лонг, когда Фостер закончил свою историю.

— Вот и я так думаю, — кивнул Фостер.

Честно говоря, он и вправду никогда не видел таких красивых женщин, как эта. Его Сара тоже была хорошенькой, а все-таки не такой, как ночная гостья. Саре ведь приходилось работать вместе с мужем на ферме, ее руки огрубели и покраснели, а нежная кожа обветрилась и потемнела. «А какая она все же была красотка в тот день, когда мы поженились, три года назад», — вздохнув, подумал Фостер.

В это время один из «медсестер» — это был рослый парень, и Фостер знал, что «медсестры» должны обладать изрядной силой, чтобы удерживать на операционном столе раненых мужчин, которым отпиливали конечности без всякой анестезии, — зашел в палатку. Он провел перекличку выздоравливающих, начав с коек Фостера и Лонга, а когда достиг противоположного конца, то крикнул другой «медсестре»:

— Этот умер! — указав на рыжеволосого ирландца.

Фостер подумал было, что тот просто спит. Но тут «медсестры» вдвоем подхватили тело ирландца и понесли его к выходу. Фостер и Лонг тревожно переглянулись, но ничего не сказали. Часом позже на койке рыжеволосого уже лежал, вскрикивая в бреду, другой солдат, раненый в только что закончившемся бою.

Днем Фостер немного поболтал с Лонгом и с другими парнями, которые были в сознании и могли разговаривать, когда же настала ночь, неся боль и страдание, он понял, что готов заснуть.

Однако его тревожило то обстоятельство, что Лонг, судя по его словам, не видел никакой женщины. Спросить тех двух мужчин, с которыми она была, Фостер тоже уже не мог. Он подумал, что, может быть, повязка на голове Лонга помешала тому увидеть незнакомку, однако все это начинало казаться Фостеру очень странным.

Фостер прикончил свой кусок кукурузной лепешки, показавшейся ему необыкновенно вкусной, несмотря на то что она сочилась холодным жиром, быстро выхлебал из миски жидкий бульон и попросил добавки. В первый раз за все время пребывания в госпитале Фостеру захотелось съесть больше, чем наливали ему в тарелку.

Облегчившись в ночной горшок, который один из «медсестер» держал с таким злобным выражением на физиономии, как будто предпочел бы убивать раненых, а не ждать их выздоровления, Фостер обессиленно растянулся на грубой простыне. Солнце уже давно село, и в палатке становилось прохладно. Свежий вечерний ветерок донес до Фостера запах свежескошенного сена, и он припомнил высокие стога, окружавшие поле боя. Должно быть, их госпиталь находился неподалеку от фермы, на которой кто-то еще продолжал работать. Фостер вздохнул — сколько брошенных и разрушенных ферм повидал он за последнее время!

Он тосковал по своей ферме и не знал, пощадила ли война его дом. На ферме оставались работники, но где-то они теперь? Разбежались или убиты? И как справляется со всем этим его бедная Сара, у которой всей подмоги — старенький отец и горстка немощных рабов?

От этих размышлений Фостера отвлек внезапно пахнувший на него странный аромат, напоминающий запах пряностей и тропических фруктов, которому, казалось, не должно быть места в их аду, провонявшем мочой, гноем, кровью, испражнениями и пóтом немытых тел. Фостер открыл глаза и увидел, что та женщина снова была здесь! Она опустилась на кровать, стоявшую прямо напротив койки Фостера, на которой лежал командир его роты, молоденький лейтенант Патрик Деланс. Патрик был ранен на пару дней раньше, чем Фостер, и его дела шли на поправку. Сейчас лейтенант что-то очень тихо шептал незнакомке, а его завороженный взгляд не отрывался от ее лица. Их низкие голоса звучали приглушен-

но, однако Фостеру удалось расслышать имя незнакомки, которое Деланс повторил несколько раз — Ариадна.

Фостер был человеком не без образования: прежде чем заняться фермой, он два года проучился в колледже и знал, какая героиня древности носила это имя. Дочь царя Миноса, та, что любила Тезея и вывела его из лабиринта-ловушки.

Ариадна. Красивое имя. Фостер беззвучно проговорил его. Попробовал на вкус, ощутил на своих губах.

Ариадна. Что ж, оно ей подходит. Красивое имя для красивой женщины. Он украдкой взглянул в ее сторону и увидел, что она низко склонилась над лейтенантом и будто скользит по его телу. От удивления Фостер моргнул — то, что он видел, не укладывалось у него в голове. Он еще раз бросил взгляд на койку Деланса — нет, это немыслимо! Возможно, сумрак палатки и пляшущие тени заставляли глаза Фостера обманываться, но он мог поклясться, что видел, как женщина, подобрав пышные юбки, села верхом на Деланса и принялась мерно раскачиваться взад и вперед. Она тихонечко говорила что-то, склонившись к лицу лейтенанта, и до Фостера донесся глухой мужской стон.

Невозможно, это невозможно! Теперь Фостер смотрел на них во все глаза, не в силах оторваться. Лейтенант стонал и вскрикивал, женщина продолжала нашептывать, а потом нагнулась и приникла к губам мужчины долгим поцелуем.

Фостера бросило в жар, горячая волна залила его тело. Он закрыл глаза, стараясь думать о Саре, о своей нежной, милой Саре... которая стала совсем маленькой и худой в эти тяжелые времена... и у которой не было такого манящего соблазнительного тела, как у этой женщины... у этой Ариадны... что находилась рядом с ним в палатке.

И все-таки — женщина в военном госпитале! Этого не может быть, говорил себе Фостер. Он снова бросил взгляд в ту сторону и увидел, что Ариадна поднимается с Деланса, расправляя широкий подол платья. Фостеру было видно, как она, прощаясь, скользнула рукой по груди лейтенанта, повела ею ниже, дотронулась до паха... Молодой человек содрогнулся.

Фостер обернулся к Лонгу, но тот крепко спал. Фостер оглядел двойной ряд коек и обнаружил, что, кроме него, в палатке все спят, и, выходит, он один видел... то, что видел. Но что же это было?

Эта женщина — Ариадна — делала что-то с Патриком Делансом. Она забралась на него, уселась верхом... Нет, решил Фостер, «забралась» — это будет не совсем точное слово, скорее, она скользила по распростертому мужчине... Нет, тоже не то! Она пыталась соблазнить... И это неверно. «Ни одно слово не будет верным в эту ночь», — решил Фостер и отвернулся к стене. Он крепко закрыл глаза, желая как можно скорее заснуть, но сон долго не шел к нему.

Следующее утро выдалось дождливым, сырость пропитала стены палатки и пробирала до костей лежащих на койках мужчин. Фостер чувствовал себя почти так же худо, как в тот день, когда он попал сюда. Полог, закрывавший вход в палатку, был откинут, и Фостер мог видеть кусочек серого неба, тонкие нити моросящего дождя, мокрую листву... Он вспомнил, какова была осень в его родных краях.

Он, как и прочие фермеры их округи, целый день бывал занят сбором урожая, женщины от темна до темна крутились по хозяйству, стряпая и убирая, а вечером, когда солнце начинало садиться, почти весь деревенский люд собирался потанцевать в чьем-нибудь просторном амбаре. Кто-то приносил скрипку, кто-то волынку, кто-то выбирал в качестве музыкальных инструментов пару старых звонких горшков, нимало не заботясь о том, что те вскоре разлетятся на куски, а Уильям, старый негр Фостеров, служивший еще его отцу, брался за свое банджо. Начинались танцы — фермеры плясали в своем кругу, негры — в своем. Амбар источал запах сушеных яблок, прошлогоднего навоза, свежего сена и пыли, поднимающейся из-под ног пляшущих на земляном полу. Корова высовывала голову из яслей, находящихся тут же в амбаре, и мычала, как будто отвечая музыке, домашние птицы хлопали крыльями на своих насестах... Земляки Фостера пели, смеялись, пили терпкое домашнее вино, а мерцающий желтый свет больших фонарей освещал их праздник.

Но в последние два года урожаи были плохими, настали тяжелые времена, и танцы в деревенском амбаре прекратились. Запоздав из-за войны с посадкой, фермеры потеряли большую часть урожая, а тут еще по их землям стали ходить взад и вперед отряды солдат Южной армии, забирая из продовольствия все, что пожелают. Однажды они изна-

силовали Нелл, внучку старого Уильяма, и тот, схватив вилы, бросился вслед за уходящей колонной, прежде чем Фостер успел его остановить. Один солдат, недолго думая, пустил пулю в голову старого негра, и тот, подогнув колени, рухнул на землю. К тому моменту, когда Фостер добежал до него, тело Уильяма уже остывало.

Сара плакала, когда Фостер вместе с двумя сыновьями Уильяма — Томом и Джорджем — опускали старика в неглубокую могилу, вырытую на холме позади их дома.

Спустя некоторое время Фостер сидел на крыльце своего дома, глубоко задумавшись. Он размышлял о войсках конфедератов, вытаптывающих их поля, опустошающих их земли. Это они, его земляки, надругались над Нелл и убили беднягу Уильяма.

«Это война, — говорил себе Фостер, — парни делают то, что и любой человек, оказавшись на войне. Но, — тут же возражал сам себе, — война не оправдывает причиненное ими зло». К тому же, видя, что творят их собственные войска, Фрэнсису было страшно подумать, что может случиться с его женой и близкими, если янки вдруг хлынут на изобильные земли Юга. Что придется пережить его семье и односельчанам, когда они окажутся в руках у северян, которые их так ненавидят?

И вот на следующий день Фостер, поцеловав на прощание жену, взяв с собой свою лучшую шляпу и лучшую винтовку с сумкой, полной патронов, покинул родную ферму и отправился добровольцем на войну. Он должен сражаться, чтобы удержать проклятых янки как можно дальше от своего дома и своей семьи. Вот и все, что он может сделать.

Фостер воевал уже больше года, однако было непохоже, чтобы янки намеревались убраться восвояси. Победа в битвах попеременно переходила от северян к южанам и наоборот. Но даже когда их войска побеждали, у Фостера не возникало ощущения, что перевес сил на их стороне. Многие из его однополчан были убиты, многие ранены и брошены на поле боя на произвол судьбы, кто-то пропал без вести. Фостер видел, что офицеров мало заботят их солдаты, да и новобранцы были уже не те, что в начале войны. Теперь воевать шли безусые юнцы, совсем мальчишки, или немолодые уже мужчины, которым следовало бы сидеть по домам, окруженными

заботой сыновей и дочерей. Эти люди гибли один за другим, и по их телам скакали конные офицеры, отбрасывая со своего пути уже не годных к бою солдат.

Фостер провел рукой по лицу, смахнув неожиданно навернувшиеся в уголках глаз слезы. За год, проведенный на войне, в течение которого они убивали землю, а та, в свою очередь, равнодушно принимала их тела, которые ложились то в раскаленную, то в промерзшую, то в чавкающую грязью почву, он проникся глубоким отвращением к любой армии — безразлично, будь она Северная или Южная.

Теперь Фостер знал, что должен был остаться дома, собрать столько пищи и прочих запасов, сколько было возможно, забаррикадировать дом, укрыв там Сару с домочадцами, и стрелять в каждого, кто только попытался бы приблизиться к ним.

Может быть, было еще не поздно так поступить, думал Фостер. Во всяком случае, ему хотелось в это верить. Как только он выйдет из госпиталя, то сразу же отправится домой. Пусть доктора говорят, что он вполне пригоден для того, чтобы вернуться на линию фронта, но Фостер считал по-другому. Он будет беспокоиться насчет янки только тогда, когда они сунутся к нему на ферму.

В этот день у него не было аппетита. Фостер чувствовал, что лихорадка возвращается, и вся пища имела скверный привкус. Он лежал на своей койке, почти не открывая глаз, с трудом шевелясь, когда это было необходимо, неотрывно думая о своей семье и о том, увидит ли он их еще когда-нибудь.

Этой ночью Ариадна вернулась. Она прошла так близко от Фостера, что тот смог разглядеть темное мерцание ее прекрасных глаз. Ему даже показалось, что они как будто подведены черной тушью. Сара называла такую краску «арабской» и, смеясь, говорила, что все дамочки с подведенными глазами выглядят нелепо. Однако тело Ариадны было самым соблазнительным женским телом, какое он когда-либо видел, вот и сейчас ее пышная белая грудь мерцала в темноте, едва прикрытая низким воротом платья.

Ариадна нагнулась к молодому парню, занимавшему третью койку справа от Фостера, и что-то тихонько прошептала. Тот, не просыпаясь, ответил ей. Она поцеловала спя-

щего, скользнув своими роскошными ресницами по его лицу, и Фостер снова ощутил поднимающееся в нем желание.

Он отвернулся, чтобы не смотреть на них, но не мог не слышать звуков, доносящихся с той стороны. Это были звуки яростного совокупления, безрассудной страсти. Греховной страсти, сказал себе Фостер, но тут же горько хмыкнул. Что могло быть более греховным, чем то, чего они навидались на этой проклятой войне? Люди, разлетающиеся на куски от выстрела пушки, раненые лошади, яростно визжащие в предсмертной агонии...

И опять мысли Фостера были прерваны волной странного аромата, пахну́вшего на него от Ариадны. Он различил запах пряностей — гвоздики, корицы, мускуса — и облизнул губы. Эти диковинные духи почти победили зловоние мочи, пота и гноя, которым насквозь пропиталась палатка.

Когда Фостер взглянул в ту сторону снова, Ариадна уже исчезла.

На следующий день Фостер дождался врача и спросил у него, как долго он еще пробудет в госпитале. Врач, казалось, был чем-то озабочен и поэтому лишь буркнул в ответ Фостеру: «Скоро». Однако и эти коротенькое слово порадовало Фостера, потому что еще пару дней назад врач ему и вовсе ничего не ответил.

С третьей койки, направо от Фостера, «медсестры» подняли безжизненное тело и поволокли его ногами вперед прочь из палатки.

Фостер взглянул на Лонга, который сидел на своей кровати, и сказал:

— Вот и еще один.

— Угу,— промычал Лонг, откашлялся и сплюнул в ночной горшок, стоявший рядом.

— Она подбирается все ближе,— продолжил Фостер, понизив голос.

— Ты о чем? — прищурился Лонг.

— Эта женщина. Я ее видел.

— Видел красотку снова? — Лонг рассмеялся, а потом затряс головой.— Тебе нужна женщина, парень! Баба! Сдается мне, что это самое простое объяснение.

Фостер кивнул, слегка огорченный тем, что приятель ему не верит, но все-таки сказал:

— Она была здесь. Я ее видел. Она была с тремя мужчинами — один из них тот ирландец, помнишь? — и теперь они все мертвы.

— Да здесь умерла чертова куча мужиков, и ни один из них не был с женщиной перед смертью!

— Только не эти трое.

Лонг снова покачал головой, осторожно опустился на койку и накрылся колючим одеялом. Фостер понял, что разговор окончен.

В эту ночь Ариадна принесла с собой аромат древесного дыма и специй. Она опустилась на колени около кровати, где спал краснолицый толстяк.

Наутро он был уже мертв. Когда «медсестры» потащили его тело вон, Фостер внезапно заметил, что теперь бедный пьяница уже не выглядел таким краснолицым. Мертвец стал бледным, даже бледнее, чем обычно бывает покойник, он был белым, как известь, и даже как будто высох за ночь... Фостеру показалось, что это тело лишилось не только души, но и всей своей крови. Это было похоже... Это было похоже на... Фостер не знал, что и думать.

Фостер опять повернулся к Лонгу:

— Она приходила к нему этой ночью.

— Ты сходишь с ума, парень. Ты сумасшедший, — отрезал Лонг и сосредоточился на поедании бульона.

Фостер отбросил простыню и попытался встать. Какое-то мгновение он стоял, покачиваясь на слабых ногах. Он заставил себя сделать шаг и тут же рухнул обратно на койку — его тело моментально пронзила сильная боль, отдававшаяся в сломанной руке. Проклятие! Он не сможет сбежать отсюда, даже если захочет. Фостер с трудом забрался под одеяло и вдруг заметил, что Лонг наблюдает за ним.

— Ты мог бы помочь мне, — сказал Фостер. Вообще-то он ненавидел просить о помощи, как бы туго ему ни приходилось, но сейчас у него не было выбора.

— Помочь тебе? — переспросил Лонг.

— Ну да. — Фостер кивнул. — Я хочу сбежать отсюда.

— Ты здесь для того, чтобы встать на ноги, дружок. Лично мне здешнее лечение пошло на пользу. Док сказал, что через пару-тройку деньков я уже смогу уйти отсюда. Ну а тебе, видно, нужно еще немного набраться сил.

— Ты не понимаешь, — с горечью заметил Фостер.

— Не понимаю и не хочу понимать, — завершил беседу Лонг.

В следующие две ночи Ариадна не появлялась. Но на третью ночь она прошла мимо Фостера и опустилась на койку Лонга.

— Нет! — шепотом выкрикнул Фостер.

Он попытался сесть, но его конечности, запутавшись в простынях, лишили его этой возможности. Фостер внезапно ощутил сильное головокружение, но он не мог позволить себе закрыть глаза и видел, вновь видел женщину, *скользящую* по телу бедняги Лонга, который изумленно смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Ариадна ласкала и целовала одноглазого солдата, нежно гладя его по обнаженной груди. Фостер видел, как губы Ариадны скользят все ниже и ниже, и вот уже Лонг испустил низкий протяжный стон, исполненный наслаждения.

Ариадна набросила свои юбки на лежащего мужчину и оседлала Лонга подобно тому, как наездник оседлывает лошадь. До Фостера вновь донеслись страстные стоны Лонга, порой переходящие в крик.

Фостер попытался сесть еще раз, он хотел помочь Лонгу. Но он не сумел превозмочь боль, которая охватила его с такой силой, стоило ему пошевелить сломанной рукой, что он на пару минут потерял сознание. Он мог только лежать и беспомощно смотреть на происходящее.

Когда все закончилось, Ариадна подобрала свои юбки, нежно поцеловала Лонга в губы и исчезла в сумраке палатки.

Фостер пристально вгляделся в Лонга. Даже в темноте можно было заметить, что тот стал бледным, бледным как смерть.

— Лонг? — окликнул приятеля Фостер.

Но ответа не дождался.

Когда наступило утро, «медсестры» подхватили тело Лонга и поволокли прочь.

— Ничего не понимаю, — сказал Фостер, обращаясь к ним. — Он уже почти поправился, и сам док сказал ему, что через день-другой выпишет отсюда. Он не должен был умирать!

Самый рослый из «медсестер» пожал плечами:

— Иногда такое случается. Кажется, как будто они в порядке, а они — бац! — и умирают.

— Нет, нет, со стариной Лонгом совсем другое дело, говорю вам! — горячо воскликнул Фостер. — К нему приходила эта женщина. Я предупреждал его, говорил ему, но он не поверил. И вот он мертв.

Фостер огляделся вокруг — большинство раненых спали или метались в своем маленьком персональном аду страданий и боли.

— Лонг не послушал меня, не поверил мне — а теперь, взгляните-ка на него...

— Спокойно, парень! — рявкнула «медсестра».

К нему подскочили остальные два, и они втроем набросились на Фостера. Тот кричал и отчаянно сопротивлялся, но в конце концов им все-таки удалось привязать его веревками к койке.

Не обращая внимания на боль, Фостер продолжал вырываться и звать на помощь, но «медсестры» сказали, что привязан он для его же пользы и что пока он еще слишком слаб, чтобы уйти отсюда.

Фостер пытался освободиться от пут, но скоро силы покинули его, и он прекратил сопротивление. Фостер закрыл глаза. Спустя некоторое время одна из «медсестер» попробовала накормить его супом и хлебом. На этот раз было видно, что в бульоне плавает не только лук, но и тонкие ломтики картошки. Но Фостер ничего не стал есть.

Он просто лежал, закрыв глаза, и ждал. Он почувствовал, как остывает воздух, когда солнце начало клониться к закату, но продолжал оставаться неподвижным. Пряный запах специй заставил его открыть глаза.

Ариадна стояла в ногах его кровати.

Она улыбалась ему.

Она прошептала его имя, и Фостер наконец понял, что за странный аромат исходил от нее.

Это был запах смерти.

ВЕНДИ УЭББ

Спящие города

Венди Уэбб уже опубликовала более дюжины рассказов, а также принимала участие в составлении трех антологий, включая и сборник «Готические призраки» («Gothic Ghosts») для «Tor Books», над которым она работала вместе с Чарльзом Грантом. В прошлом она много времени посвящала театру — писала сценарии и участвовала в постановках.

«Я оказалась в Пекине, на площади Тяньаньмэнь, через несколько месяцев после событий, потрясших весь мир, — вспоминает автор. — Люди на площади вернулись к обычным занятиям, к своим семьям, к порядкам и традициям — и все под надзором всевидящего ока.

В продолжение той поездки в людях, несмотря на всю их доброжелательность, я замечала какую-то загадочную заговорщицкую сплоченность. Постороннему наблюдателю, чуждому этому обществу, могло бы показаться, что подобное поведение обуславливается исторически сложившейся культурой, генетикой или, возможно, вездесущим оком. Я не уверена.

В „Спящих городах" я попыталась представить, что могло бы произойти с вполне уважаемым во всех отношениях человеком, который осмелился отличаться от огромного большинства людей, живущих на Земле, и тех, кто был в ней похоронен».

Кирками и лопатами они вгрызались в твердую землю, откалывали неровные куски и вытаскивали, чтобы посмотреть, что лежит под ними. Мужчины и женщины, работая плечом к плечу, обливались по́том, но не жаловались и даже не говорили между собой, чтобы не сбиться с ритма. Всю прошлую неделю главным заданием для них была обработка земли и выращивание продовольствия, почетная работа. Необходимая для выживания.

На этой неделе ситуация изменилась. Теперь для освященного веками и медлительного общества важнее стало то, что находилось под землей.

Грубые инструменты сменились более деликатными. Миниатюрными лопаточками люди соскребали слои почвы с черепов, проступавших на дне земляной ямы. Потом мягкими кисточками удаляли слой пыли, и под ним проступали крошечные лоскутки шелка, красные лакированные шкатулки с металлическими накладками и обломки дерева, которые когда-то служили опорами.

Это не простые артефакты. Лю был уверен. В них скрывалось нечто большее.

На этих раскопках он превратился в настоящего археолога. В прошлом ему приходилось заниматься многими вещами. Его целью, как и целью уважаемых руководителей, было окончательное освобождение от древней тьмы.

Но, в отличие от остальных, этой цели было для него уже недостаточно.

Значит, пришло новое время. Вечный цикл снова обновляется.

К Лю подошел маленький пожилой человек. В соответствии со своим положением он носил обычные черные штаны, тонкий свитер и сандалии на босу ногу. Старик протянул своему боссу высокую кружку с теплым зеленым чаем. Лю принял ее, не выразив ни удивления, ни благодарности. Как и у всех на этом участке, у Ксу имелись свои обязанности. Он должен получать удовлетворение оттого, что работает рядом с такой значительной персоной, как археолог. Этого более чем достаточно, чтобы удовлетворить мелкие потребности помощника.

Лю коротким взмахом руки отпустил помощника и притронулся к поверхности висевшего на груди медальона. Он окинул взглядом черноволосых рабочих, своих коллег-ученых, примитивные подмостки и импровизированные трапы, спускавшиеся в недавно вырытые ямы. Затем взгляд его темных глаз прошелся по окружающей местности. Монотонность сельскохозяйственных угодий нарушали лишь редкие холмы, на которых вскоре посадят растения, способные там выжить. Едва ли под ними скрываются захоронения вроде того, что лежало у его ног.

Он снова коснулся висевшего на шее предмета, затем дотронулся до груди. Здесь, в этом самом месте, в этой стране, свернувшийся по часовой стрелке дракон с огнедыша-

щей головой и извивающимся хвостом, изображенный на медальоне, был не просто символом. Он предвещал удачу.

Но постоянно трудясь и многим жертвуя, он не только научился ценить свой медальон. Приобретенный научный опыт, интуитивное мышление и врожденные способности — все это привело к сегодняшнему дню, когда он стоял на священной земле в предвкушении новых открытий. Именно эти достоинства могли бы превратить его в великого лидера. В противоположность уважаемым старейшинам, он заслужил величайшие почести. Слава принадлежала ему по праву.

Лю постучал пальцем по своим часам и с некоторым беспокойством взглянул на полуденное солнце. Теперь темнота стала его новым врагом. Но как бы то ни было Лю не мог подталкивать время. Это не в обычае его народа. Судьбу можно контролировать, но нельзя торопить.

В конце концов, они ждали этого момента более двух тысяч лет. Он тоже может немного подождать. Момент полной эксгумации придет в свое время.

Первое открытие было сделано в марте 1974 года. Нанятые фермерами рабочие во время рытья колодца случайно наткнулись на подземный зал. Он был первым.

И их будет еще очень много.

В 1974 году Лю издалека услышал о необычной находке. Но его расчеты, бесчисленные часы научных исследований и интуиция, проявлявшаяся в мечтах, привели его к этому месту. Он разослал приглашения и принялся терпеливо ждать, пока его коллеги соберутся на этом участке, расположенном неподалеку от современного китайского города Сиань.

Они приехали. И начали работу. Часы сменялись днями, потом месяцами и годами, но осторожные и тщательные раскопки «терракотовой армии» императора Цинь Шихуанди продолжались. В погребальном комплексе были обнаружены сокровища, которые вызвали восторг в стране и взволновали весь мир.

Но для Лю это было нечто большее. Прошлое превратилось в будущее. В его будущее. И он жаждал почестей, которые сулила эта находка. В конце концов, он заслужил их. И его право и почетный долг довести раскопки до конца.

Бродя по подземным залам, он тщательно обдумывал свой выбор. Момент, которого он так долго ждал, не наступит, пока не будет раскопана вся армия. Но археологи своими искусными инструментами уже освободили от пыли достаточное количество фигур, чтобы он понял: интуиция его не обманула.

Глиняные воины смотрели на восток и были готовы к битве. Фигуры в натуральную величину, когда-то ярко раскрашенные минеральными красками, составляли специфический военный отряд.

Лю остановился, немного подумал и принял решение. В этом зале среди тысячи четырехсот фигур выделялась группа из шестидесяти четырех высших военачальников. Они и станут первыми. Он всматривался в лица, среди которых не было и двух одинаковых, и понимал, что его теория верна. Все эти фигуры, до последнего солдата, были копиями живых людей. И обожженная глина где-то в глубине хранила готовую проявиться жизнь. Лю послужит катализатором их воскрешения, а потом станет их предводителем.

Он засунул руку в глубину висевшего на плече рюкзака, вытащил четыре небольшие красные свечи и установил их перед фигурами. Расставив свечи в форме звезды, он чиркнул спичкой, проследил, чтобы огонь разгорелся, и, задержав дыхание, отступил на шаг назад. Лю взмахнул руками на все четыре стороны, чтобы четыре стихии вернули этим терракотовым фигурам целостность.

И стал ждать.

Задержанный в груди воздух наполнил грудь огнем.

Стали ли эти фигуры жертвами церемонии? Или, возможно, они никогда и не существовали?

Легкие немилосердно болели. Воздух рвался наружу, и Лю понял, что не в силах больше терпеть. Его взгляд беспокойно перебегал с одного лица на другое в поисках малейших изменений.

Как это ни печально, он ничего не обнаружил.

Выдох освободил грудь, мгновенно заполнив ее разочарованием.

Первый из полностью освобожденных солдат, за ним второй, пятый и десятый — все стояли абсолютно неподвижно. Их непохожие друг на друга лица сохраняли суровую сосре-

доточенность, как тысячу лет назад, как будут хранить ее еще тысячи лет.

Вычисления оказались неверными. Его интуиция оказалась лишь мечтами обычного человека, надеявшегося на лучшее, как и миллионы других людей.

Он пошел к выходу, поглядывая по пути на пыльные луки, когда-то давно натянутые, чтобы поразить врага. Он больше не вернется сюда. Нет смысла. Глотку обожгла жгучая горечь. Разочарование укоренилось в его теле и терзало внутренности.

Медальон со свернувшимся драконом раскачивался при каждом шаге и стучал по груди. Лю возвращался к остальным. Ему здесь больше нечего делать. Удаче придется подождать другого подходящего случая.

А потом, в марте 1990 года, рабочие, строившие дорогу, обратили внимание на необычные свойства почвы. Приехала другая команда ученых и начала раскопки.

Было обнаружено еще одно странное место.

И археологу представился новый шанс проверить свою теорию.

Лю откинул крышку фарфоровой кружки, поданной Ксу, и отхлебнул теплого зеленого чаю. Поправив на плече рюкзак, он взглянул на послеполуденное солнце, потер рукой лицо, словно надеясь прогнать тревогу. Он обернулся и окинул взглядом горизонт, простиравшийся к востоку от Сианя.

Где-то там император Китая, готовясь к смерти, разместил армию из десяти тысяч солдат. Цинь Шихуанди для защиты своего народа выстроил Великую Китайскую стену, а ради собственного посмертного спокойствия соорудил захоронение на площади в двадцать квадратных миль. Он не хотел, чтобы его потревожили после смерти.

Здесь же, в начале Шелкового пути, к юго-востоку от Сианя, было владение Цзин-ди. Возможно, на этот раз его удача восстанет из тьмы и устремится к свету.

Помощник Ксу подбежал к нему и быстро затараторил. Маленький пожилой человечек в простых черных штанах, тонком свитере и сандалиях помогал себе мимикой и жестами.

— Скорее пойдите и посмотрите. Скорее. Они только что закончили.

Он еще раз взмахнул рукой и встал позади археолога, ожидая его реакции.

Лю едва заметно кивнул и зашагал в том направлении, куда указывал помощник. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти под импровизированную крышу, державшуюся на обрезках дерева вместо столбов, а потом осторожно перебраться через насыпь свежевырытой земли. Стараясь не обвалить края ямы, он спустился к новой находке, только что извлеченной из тоннеля. Человеческий скелет, оставшийся в оборонительной позе, лежал лицом к стене. Лю, сдерживая любопытство, осторожно присел на корточки.

Череп был расколот на неровные куски. Рядом лежал кирпич.

Старик-помощник снова замахал руками, высказывая свои предположения по поводу находки.

— Я думаю, это грабитель. Кто-то остановил его. Или это несчастный случай. Очень может быть. Или нет. Он был очень неосторожен. Захотел большего, чем ему принадлежало по праву.

— Тихо, — резко приказал ему Лю. — Твои теории меня не интересуют.

Он махнул рукой, прогоняя помощника. Ксу безмолвно растворился в тени.

Да, возможно, это был несчастный случай. Лю осмотрел помещение и ряд выступающих голов, с которых уже смели пыль. А может, это незваный гость, обнаруживший больше, чем он рассчитывал.

Время нельзя торопить.

Начинается новый цикл.

Это была не первая жертва алчности, любопытства или даже мстительности. Разграбление гробниц, как предполагалось, началось еще в первом веке и продолжалось по сей день. Везло лишь очень немногим. Гораздо чаще грабители расплачивались своими жизнями. Кое-кто лишался и души.

Философия старейшин и тех, кто пришел за ними, утверждала, что поведение людей определялось эгоизмом. И вот перед ним лежит доказательство их правоты. Лю медленно поднялся. Немного постоял, бросил носком ботинка пыль на останки грабителя.

На этой неделе то, что лежало под землей, было важнее, чем то, что могло на ней вырасти. Это было нужнее для выживания. Почетная работа. Но день клонился к вечеру,

и крестьянам придется вернуться к менее важному, но привычному труду.

Лю едва сдерживал нетерпение, переполнявшее грудь и вызывавшее головную боль. Сегодня, в этом месте, непозволительно проявлять нетерпение. Он приказал себе избавиться от него, поскольку спешка ни к чему хорошему не приведет. Все должно идти своим чередом.

Время нельзя торопить.

Нельзя... нельзя...

Он глубоко вздохнул и выглянул из-за края ямы.

Солнце уже село. Яркий дневной свет сгустился и стал приглушенным. Горизонт окрасился в оранжево-розовые тона. Небольшой самолет вдалеке пробежал по дорожке и взмыл в небо. Гул маломощного двигателя донесся лишь через несколько секунд.

По проходящей мимо автостраде изредка проезжали автомобили старых русских моделей. Еще реже появлялся автобус, переполненный пассажирами. Головы людей высовывались из открытых окошек, а некоторые стояли на ступенях у самой двери, держась за поручни.

Где-то поблизости послышался детский лепет.

Он обратил внимание на стройную молодую женщину, что-то писавшую в блокноте. Она сидела в нескольких футах от края ямы и ногой осторожно качала туго спеленатого ребенка, не прекращая работу. Женщина не проронила ни звука.

Младенец был мальчиком. Сын.

Потомок длинного ряда сыновей тех, кто создал эти сооружения. И он был связан. В этот день младенец был крепко спутан тканью ради тепла и безопасности, и он сам был скован условностями общества и обстоятельствами.

Наследие веков заставляло их прятаться за стенами и спинами других. Цинь Шихуанди, построивший Великую Китайскую стену, был первым. Теперь он покоится под защитой своей армии. В истории был еще один, построивший ради защиты целую сеть стен и крепостей. Но, в отличие от создателя Великой стены, этот правитель предпочитал тьму. До сегодняшнего дня.

Лю повернулся и заглянул в яму. Тогда как армия Цинь Шихуанди успокоилась навеки, фигуры, окружающие Цзинди, возможно, только спали.

Он дотронулся до медальона.

Там, в сумраке уходящего дня, находились первые фигуры. Лю разглядел ряды голов, которым предшествовало несколько мелких фигурок...

Удача.

...и направился к ним по узкой тропинке.

Эти фигуры были меньше, гораздо меньше, чем солдаты «терракотовой армии», и поднимались над поверхностью всего на пару футов. И в отличие от нарисованной одежды воинов, на них еще виднелись обрывки шелка и других драгоценных тканей.

Лю коснулся рукой лица маленького солдата. В его глазах застыло выражение сострадания, губы были сложены в легкую смущенную улыбку. А вот еще один. У него высокие скулы, прямой взгляд и твердо сжатые губы. Это настоящий воин, видящий перед собой определенную цель. Каждое лицо по-своему красиво, каждое выражает определенные человеческие эмоции. Он видел в их глазах гордость, невинность, отвагу, но было что-то еще.

Молодость.

От неожиданного озарения Лю резко вздохнул.

Это же дети.

Дети. Все до одного. Отпрыски. И, что более важно, если его догадки верны, они были наследниками. Мальчики, рожденные от Цзин-ди, и были ключевыми фигурами, которые так долго искал Лю и остальные ученые.

Дети ждали. Ждали две тысячи лет, чтобы выйти из темноты.

Лю облизнул пересохшие губы и тяжело сглотнул. Он должен убедиться в том, что на этот раз его интуиция не подвела. Раскопки на этом участке далеки от завершения, и, если эти дети спят, они спят не одни.

Только после того, как они окончательно поднимутся из земли, когда освободятся от песка и пыли, они — по одиночке и все вместе — очнутся ото сна, чтобы занять свое место. Только тогда они соединятся с многочисленным народом, населяющим этот континент и весь мир, и сольются с ним. А он станет их новым лидером.

Он должен знать.

Сейчас же.

Он вытащил из рюкзака четыре красных свечи, расставил их в форме звезды и зажег. Сделав глубокий вдох, он отступил на шаг назад и обратился к четырем сторонам света, прося восстановить целостность этих фигур.

Ничего.

Он задержал дыхание и беззвучно прошептал молитву.

И вот что-то всколыхнулось.

Легкое дыхание отдаленным ветерком донеслось издали, слегка задев его щеку.

Где-то вдали раздался стон. Плачущие голоса послышались со всех четырех сторон, они все приближались и приближались, пока не сошлись в одной точке между свечами. Пламя задрожало и погасло. Тонкие струйки дыма закружились в воздухе, поднимаясь к самой крыше над ямой, а потом рассеялись.

Начался новый цикл.

Лю позволил себе лишь слегка улыбнуться, но его сердце переполнилось восторгом. На этот раз он оказался прав. Но ему предстояло еще много работы.

Медленно, очень медленно он потянулся к карману и достал нож. Лезвие сверкнуло в последних лучах заходящего солнца, предшествующих сумеркам. Лю закрыл глаза, вдохнул мускусный запах гробницы и заново зажженных свечей и провел кончиком ножа по открытой ладони. Его лицо, словно лицо статуи, не отразило ни малейших эмоций. Лю сжал кулак, уронил нож и подошел к фигуре мальчика-воина. Капля крови оросила решительно сжатые губы, за ней последовала вторая. Он перешел к статуе, лицо которой выражало сострадание, повторил свои действия и стал ждать.

Его взгляд перемещался с одного лица на другое.

Как ни старался он сдерживать свои чувства, нараставшее нетерпение рвалось из груди. И вот он увидел.

Конечно, воин. Лю обрадовался, поняв, что первым будет воин.

Оранжево-коричневый цвет терракотового лица сменился серым, а затем приобрел теплый, живой оттенок. Вокруг сжатого рта возникли голубоватые тени. Решительные глаза стали темными и ясными.

Лю прикоснулся к молодому лицу и ощутил, что холодная твердая глина постепенно нагревается. Где-то в глубине статуи затеплилась обновленная жизнь.

Глаза фигуры, выражающей сочувствие, тоже дрогнули и приобрели новый оттенок. Губы, сложенные в смущенную улыбку, потеплели — еще один признак возрождающейся жизни.

Археолог в едва сдерживаемом восторге хлопнул в ладоши. Его вычисления верны. На этот раз его мечты не развеялись, а оказались реальностью. Дети пробуждаются от темноты к свету его могущества. Он поведет их к заслуженной славе, как и было обещано.

В тени мелькнуло какое-то движение. Быстрое. Решительное.

На голову Лю упал кирпич. Археолог пошатнулся и, свернувшись в оборонительной позе, упал лицом к стене, но потом поднял голову и посмотрел на нападавшего.

Его помощник Ксу высоко поднял кирпич для второго удара на тот случай, если первого будет недостаточно. Затем он медленно опустил древнее оружие. Запустив руку за ворот тонкого свитера, он достал медальон с изображением дракона, свернувшегося против часовой стрелки.

— Слишком быстро, — тихо произнес Ксу. — Извлечение еще не закончено.

Лю хотел пошевелиться, хотел возразить, но тело ему не повиновалось. Он с ужасом смотрел, как Ксу вынул из холщовой сумки свечи, поставил в один ряд и зажег фитили.

Помощник поманил руками кого-то невидимого, потом повернул ладони, словно приглашая Лю присоединиться к нему.

Губы Лю сложились, чтобы произнести «нет», но уже подул ветер. Скоро он коснется и его. А когда опустится тьма, она заберет его душу. Он никогда не станет во главе этих детей, как он того заслуживал, как ему было обещано. Незначительная церемония, проведенная помощником, ниспровергла его, сделала уязвимым, как самого обычного человека, одного из слишком многих.

— Все кончено. — Ксу задул свечи и с жалостью посмотрел на Лю. — Может, это несчастный случай. А может, и нет. Ты захотел получить больше, чем тебе положено. Так нельзя.

Маленький пожилой человек в черных штанах, тонком свитере и сандалиях легко поклонился и бросил на нового грабителя горсть пыли. А потом повернулся и выбрался из ямы.

Солнце скрылось за горой. Краски над горизонтом ненадолго разгорелись, потом потускнели. Сгустился сумрак, означавший конец дня и перерыв в подземных работах. Это важная и почетная работа. Но ей придется подождать.

В данный момент для народа важнее выращивание продовольствия.

Свет перед затуманенными глазами Лю потускнел, затем окончательно померк и сменился непроницаемой темнотой. Заключенный между стенами традиций и неотвратимости, он испустил последний вздох.

Время нельзя торопить. Но очень скоро свобода прогонит тьму. И тогда кто-то другой, более достойный, разбудит армию детей.

Траншеи быстро заполнились землей. Ямы скрылись под слоем дерна.

А на поверхности крестьяне уже приступили к севу.

ЭДИТ НЕСБИТ

Дом с привидением

В современном мире Эдит Несбит (1858—1924) знают в основном за ставшие классикой детской литературы романы «Феникс и ковер» («The Phoenix and the Carpet», 1904) и «Дети железной дороги» («The Railway Children», 1906). Но она также писала рассказы в жанре хоррор, которые публиковала за подписью Э. Несбит, скрывая таким образом свою принадлежность к женскому полу, а после замужества в 1880 году за подписью Э. Бланд или Миссис Губерт Бланд.

Лучшие из рассказов были собраны в книгах «Страшные истории» («Grim Tales», 1893), «Что-то здесь неладно» («Something Wrong», 1893), «Страх» («Fear», 1910) и «В темноте: страшные истории, рассказанные Э. Несбит» («In the Dark: Tales of Terror by E. Nesbit», 1988). Последняя книга была подготовлена Хью Ламбом и переиздана в 2000 году издательством «Ash-Tree Press», будучи дополнена еще семью рассказами.

Другие книги автора: «История амулета» («The Story of the Amulet», 1906), «Заколдованный замок» («The Enchanted Castle», 1907), «Дом Арденов» («The House of Arden», 1908), «Удача Хардинга» («Harding's Luck», 1909), «Волшебный город» («The Magic City», 1910) и «Сон» («Dormant», 1911), а также сборники «Книга драконов» («The Book of Dragons», 1899) и «Девять удивительных историй для детей» («Nine Unlikely Tales for Children», 1901).

Рассказ «Дом с привидением» был впервые опубликован в журнале «Strand» за декабрь 1913 года под псевдонимом Е. Бланд.

Десмонд оказался в Доме с привидением благодаря чистейшей случайности. Он провел шесть лет за пределами Англии и, приехав в отпуск на девять месяцев, сразу убедился в том, насколько сложно человеку бывает вернуться к привычной жизни.

Сначала он разместился в гостинице «Грейхаунд», но постепенно осознал, что не существует причины, которая застав-

ляла бы его жить именно в Элмстеде, а не в каком-либо другом из жалких лондонских пригородов. Он написал всем друзьям, адреса которых мог вспомнить, и решил дожидаться ответов.

Десмонд был не прочь пообщаться, но собеседников не находилось. Он возлежал на жестком диване с газетой объявлений, проводя время в праздности, и утомлял свои приятные серые глаза, с невероятною тоскою прочитывая строку за строкой. И однажды посреди сего занятия он сам для себя неожиданно вскрикнул: «Вот дела!» — и сел. В газете он натолкнулся на объявление следующего содержания:

«Дом с приведением. Податель объявления чрезвычайно заинтересован в расследовании. Специалисту, имеющему соответствующую подготовку, предоставят все необходимые условия. Писать или телеграфировать по адресу: Лондон, Музеум-стрит, 237, мистеру Уайлдону Прайеру».

— Вот чудеса! — воскликнул Десмонд.

Человек по имени Уайлдон Прайер был лучшим игроком в его крикетном клубе. И имя такое встречалось не часто. В любом случае попробовать стоило, и Десмонд отправил телеграмму:

«Мистеру Уайлдону Прайеру, Лондон, Музеум-стрит, 237. Могу я приехать к вам на один или два дня посмотреть привидение? Уильям Десмонд».

На следующий день, вернувшись с прогулки, он нашел на широком раскладном столе в гостиной оранжевый конверт:

«Буду рад. Жду вас сегодня. Поезд с Чаринг-Кросс, до Криттендена. Кент, усадьба Орменхерст. Уайлдон Прайер».

— Отлично, — сказал Десмонд, прочитав телеграмму, и отправился сначала паковать чемодан, а затем узнавать расписание поездов в баре гостиницы. — Старина Уайлдон, как здорово будет повидаться спустя столько лет!

На станции Криттенден его ждала небольшая любопытного вида повозка, чем-то походившая на купальную машину[1]. Извозчик, смуглый человек невысокого роста, с грубыми чертами лица и блеклыми глазами, уточнив, что перед ним друг мистера Прайера, усадил Десмонда в «купальную машину» и с грохотом захлопнул дверцу.

---

[1] *Купальная машина* — сооружение на колесиках, позволявшее купальщицам XIX в. въезжать в воду, не смущая чью-либо нравственность.

Поездка оказалась долгой и менее приятной, чем могла быть, будь повозка открытой. Последний участок пути шел через лес, через кладбище, мимо церкви, и «купальная машина», въехав в ворота усадьбы, над которыми нависали тяжелые кроны деревьев, подкатилась к крыльцу дома, выкрашенного белым, с голыми мрачными окнами.

«Что за веселое местечко», — подумал Десмонд, вывалившись с пассажирского места «купальной машины».

Извозчик выставил его чемодан на выцветшую ступеньку и уехал. Десмонд дернул за покрытую ржавчиной цепочку и услышал где-то над головой низкий звук колокольчика.

Ему не открыли, поэтому Десмонд позвонил еще раз. К двери так никто и не подошел, но он услышал, как наверху над крыльцом открылось окно. Он отступил назад на покрытую гравием дорожку и поднял голову.

Из окна выглядывал молодой человек с жесткими волосами и очень светлыми глазами. Совсем не Уайлдон, ничего похожего. Молодой человек не произнес ни звука, но принялся жестикулировать, и Десмонду показалось, что это могло означать только «Идите прочь!»

— Я хочу видеть мистера Прайера, — сообщил Десмонд, но окно сразу же очень тихо закрыли.

«Что за сумасшедший дом?» — подумал Десмонд и снова дернул за цепочку колокольчика.

На этот раз внутри послышался шум, похожий на звук шагов по каменному полу. Звякнул засов, и перед Десмондом, раздосадованным и слегка раздраженным, предстал человек с очень темными дружелюбными глазами.

— Мистер Десмонд, полагаю? — спросил незнакомец приятным голосом. — Добро пожаловать, и позвольте извиниться за задержку. — Он тепло пожал Десмонду руку и повел в дом по вымощенному каменными плитами коридору.

Открывший дверь джентльмен представлял собой человека более чем зрелого возраста, хорошо одетого, приятной внешности, с манерами уверенными и живыми, которые обычно свойственны людям светским. Он провел Десмонда в комнату кабинетного типа с потертой кожаной меблировкой.

— Присаживайтесь, мистер Десмонд.

«Должно быть, это его дядя», — подумал Десмонд, довольно удобно вписавшись в старое кресло отличной конструкции.

— Как поживает Уайлдон? — спросил он вслух. — Надеюсь, благополучно?

Собеседник бросил на него внимательный взгляд.

— Простите, что? — переспросил он с некоторым сомнением.

— Я спросил, как поживает Уайлдон.

— Я поживаю неплохо, спасибо, — несколько натянуто ответствовал хозяин.

— Простите, что? — в свою очередь переспросил Десмонд. — Ах, надо же, мне не пришло в голову, что ваше имя тоже может быть Уайлдон! Я имел в виду Уайлдона Прайера.

— Но я и есть Уайлдон Прайер, — заявил хозяин. — А вы, как я понял, специалист из Физического общества?

— Бог мой, конечно же нет! — воскликнул Десмонд. — Я друг Уайлдона Прайера, но, похоже, на этом белом свете не один Уайлдон Прайер!

— Но ведь вы прислали телеграмму? Вы мистер Десмонд? Физическое общество собиралось прислать человека, и я решил, что...

— Все ясно, — сказал Десмонд. — А я подумал, что вы — Уайлдон Прайер, молодой человек, мой приятель. — Он приподнялся с кресла.

— Сидите, сидите, — остановил его Уайлдон Прайер. — Судя по всему, вы друг моего племянника. Он знал, что вы приедете? Ах, нет, конечно же нет. Извините, я слегка запутался. Я очень рад вас видеть. Вы ведь останетесь? Если, конечно, вам не претит мысль погостить у старика. А я сегодня же отпишу Уиллу и велю ему приехать.

— Это так любезно с вашей стороны, — произнес Десмонд. — Я был бы рад остаться. Я так воспрял духом, когда увидел в газете имя Уайлдона, понимаете... — И Десмонд выложил историю своего пребывания в Элмстеде, историю одиночества и разочарований.

Мистер Прайер проявил к рассказу живейший интерес.

— Значит, вы так и не нашли своих друзей? Какая жалость. Но они обязательно вам напишут. Вы же дали им этот адрес?

— Вот незадача, нет! — спохватился Десмонд. — Но я могу им написать. Я еще застану почту?

— Конечно, — заверил его хозяин. — Напишите письма прямо сейчас. Мой человек доставит их на почту, а потом мы пообедаем, и я расскажу вам о привидении.

Едва Десмонд закончил письма, как мистер Прайер снова появился в гостиной.

— Я покажу вам вашу комнату, — сказал он и забрал письма длинными белыми пальцами. — Вы сможете передохнуть. Обед подадут в восемь.

Спальня, как и гостиная, обладала приятной атмосферой изношенной роскоши и свидетельствовала о привычках хозяев к комфортной жизни.

— Надеюсь, вы хорошо тут устроитесь, — вежливо сказал хозяин.

У Десмонда не оставалось сомнений, что так и будет.

Стол был накрыт на три персоны. Смуглый человечек, доставивший Десмонда со станции, встал за стулом хозяина, а из темного пространства комнаты, куда не дотягивался желтый свет от свечей в серебряных канделябрах, появился еще один обитатель дома и приблизился к Десмонду с Прайером.

— Мой ассистент, мистер Верни, — объявил хозяин, и Десмонду пришлось пожать вялую влажную руку того самого человека, который пытался прогнать его, делая знаки из окна. Могло статься, мистер Прайер был доктором, который держал у себя в доме слабоумных пациентов, находящихся на лечении? Но ведь он сказал, что это «ассистент».

— А я было подумал, — поспешно сказал Десмонд, — что вы духовное лицо. Это же дом приходского священника, и я решил, что Уайлдон — я имею в виду моего приятеля Уайлдона, — проживает у дяди священника.

— О нет, — возразил мистер Прайер. — Я арендую этот дом. Приходскому священнику казалось, что здесь чересчур влажно. Да и церковь заброшена. Здесь считают, что здание церкви небезопасно, но денег на ремонт нет. Кларет для мистера Десмонда, Лопес. — Смуглый некрасивый слуга наполнил бокал Десмонда. — Это место очень подходит для занятий экспериментами, — продолжал хозяин. — Я немного увлекаюсь химией, мистер Десмонд, а Верни мне ассистирует.

Верни буркнул что-то вроде «Весьма польщен» и затих.

— У каждого есть хобби, — сказал мистер Прайер. — У меня — химия. К счастью, у меня имеется небольшой доход,

позволяющий мне заниматься ею. А Уайлдон, племянник, знаете, смеется надо мной и называет химию «наукой о запахах». Но химия увлекательна, невероятно увлекательна.

После обеда Верни куда-то испарился, а Десмонд и хозяин дома сели у камина, который мистер Прайер называл «горстью углей», вытянув ноги к огню, поскольку вечером стало прохладно.

— А сейчас, — попросил Десмонд, — не расскажете ли мне о призраке?

Прайер осмотрел комнату по кругу.

— Да рассказывать-то особо нечего. Разве что вот... Но вы знаете, лично со мной ничего подобного ни разу не случалось, однако с Верни — да, было, и бедняга с тех пор сам не свой.

Десмонд мысленно похвалил себя за проницательность в отношении Верни.

— А в моей комнате привидение не появляется? — спросил он.

— Оно не появляется в какой-то определенной комнате и не является какому-то определенному человеку.

— То есть кто угодно может его увидеть?

— Его нельзя увидеть. Это не тот тип привидения, который можно увидеть или услышать.

— Извините, вероятно, я недостаточно осведомлен, но я не понимаю, — откровенно заявил Десмонд. — Что это за привидение такое, которого не видно и не слышно?

— Наверное, я неправильно выразился, — сказал мистер Прайер. — Я имел в виду то, что в этом доме происходят странные вещи. От меня сбежали несколько ассистентов, потому что у них не выдержали нервы.

— А что стряслось с ассистентами?

— Они уехали, сбежали, — повторил мистер Прайер, по-прежнему не раскрывая сути. — Я же не мог заставить людей жертвовать своим здоровьем. Мне иногда кажется, что все это из-за сельских сплетен; сплетни — зло, мистер Десмонд, и, вероятно, эти люди только и ждали, что с ними здесь произойдет что-то страшное, и у них разыгралось воображение. Надеюсь, специалист из Физического общества не окажется невротиком. Впрочем, и не будучи слабонервным, можно... А ведь вы не верите в призраков, мистер Дес-

монд! Ваш англосаксонский здравый смысл не позволяет вам этого!

— Боюсь, я не чистокровный англосакс, — разговорился Десмонд. — Со стороны отца я кельт, хотя, знаете, я не считаю себя характерным представителем этого народа.

— А со стороны матушки? — вдруг спросил мистер Прайер с плохо скрываемым интересом, столь неожиданное появление которого сбило Десмонда с толку.

Десмонд внутренне возмутился, и в его душе вспыхнула первая искорка неприязни к хозяину.

— А, — постарался он ответить как можно спокойнее, — думаю, с этой стороны во мне есть китайская кровь, кстати, я отлично лажу с местными жителями в Шанхае. Еще мне говорили, что нос мне достался от прабабки, которая вела происхождение от племени краснокожих индейцев.

— А негритянская кровь в вас есть? — продолжал интересоваться мистер Прайер с настойчивостью, граничащей с грубостью.

— Все может быть, — ответил Десмонд. Он хотел при этом засмеяться, но не вышло. — У меня очень жесткие кудрявые волосы, а предки моей матери несколько поколений назад жили в Вест-Индии. Правильно я понимаю, что вы увлечены изучением расовых различий?

— Нет, вовсе нет, — неожиданно стал переубеждать его мистер Прайер. — Но история вашей семьи мне очень любопытна. Я чувствую, — добавил он, украсив беседу очередной вызывающей расположение улыбкой, — что мы с вами уже друзья.

Десмонд не смог бы дать разумное объяснение легкой неприязни, постепенно портившей то хорошее впечатление, которое сначала произвел на него мистер Прайер, радушный и вежливый хозяин.

— Вы очень добры, — сказал он. — С вашей стороны очень мило так дружелюбно встречать незнакомцев.

Мистер Прайер, улыбаясь, передал Десмонду коробку с сигарами, смешал виски с содовой и начал повествование об истории Дома с привидением:

— Фундамент, скорее всего, датируется тринадцатым веком. И здесь действительно был дом приходского священника. Кстати, существует одна совершенно замечательная леген-

да о человеке, которому король Генрих подарил это здание после того, как свел счеты с церковью. Якобы было какое-то проклятие, но вы понимаете, в таких легендах почти неизбежно присутствуют проклятия...

Приятный аристократический голос мистера Прайера продолжал журчать. Десмонд думал, что следит за рассказом, но неожиданно осознал, что пропустил большую его часть, задумавшись, и, резко встрепенувшись, заставил себя внимать словам Прайера:

— ...это была уже пятая смерть. Похоже, что смерти здесь случаются раз в сто лет, и люди всякий раз погибают одним и тем же загадочным способом.

Десмонд вдруг обнаружил, что уже стоит на ногах, которые его еле держат от усталости, и услышал как бы со стороны, как говорит Прайеру:

— Старинные легенды всегда ужасно интересны. Большое спасибо. Не сочтите за грубость, но я бы отправился к себе. Я немного устал.

— Ну конечно, дорогой друг.

Мистер Прайер взял на себя труд проводить Десмонда до комнаты.

— Вам больше ничего не нужно? — осведомился он. — Нет? Заприте дверь, если не чувствуете себя в безопасности. Понятное дело, дверной замок вряд ли остановит привидение, но за запертой дверью всегда спокойнее. — И, засмеявшись приятным дружелюбным смехом, Прайер ушел.

Уильям Десмонд отправился спать, будучи человеком в расцвете сил, которому, правда, очень хотелось спать — даже до странного сильно, — но так или иначе он чувствовал себя хорошо. Пробудился он слабым и дрожащим существом. Утопая в мягкой пуховой перине, он чувствовал, как сквозь него бегут прохладные волны истощения. Где он? Что с ним случилось? Его мозг, усталый и беспомощный, поначалу отказывался работать. Когда же он вспомнил, то снова испытал острое отвращение, которое несколько раз за вечер начинал испытывать по отношению к хозяину дома. Однако тогда оно казалось ему непонятным и безосновательным, а сейчас его даже бросило в жар. Ему что-то подсыпали. Его отравили!

— Я должен уйти отсюда, — скомандовал он себе и, на ощупь выбравшись из постели, потянулся к шелковому шнур-

ку колокольчика, замеченного им около двери прошлым вечером.

Но стоило ему потянуть за шнурок, как кровать, гардероб и стены поднялись у него над головой, окружили кольцом и сомкнулись, и он потерял сознание.

Десмонд пришел в себя оттого, что кто-то пытался влить ему в рот бренди. Открыв глаза, он увидел Прайера с выражением глубочайшего сочувствия на лице. И бледного ассистента со слезящимися глазами. И смуглого слугу, сурового и бесстрастного. Он услышал, как Верни говорит Прайеру:

— Я же говорил вам, что лишку...

— Тсс, — прервал его Прайер, — он приходит в себя.

Четыре дня спустя Десмонд лежал в плетеном кресле на лужайке и чувствовал себя еще довольно вялым, но уже не больным. Питательная еда и напитки, бульоны, стимулирующие лекарства и постоянный уход — все это помогло ему вернуться к состоянию, похожему на нормальное. Он размышлял о странных подозрениях, возникших у него в ту первую ночь, которую лишь смутно помнил, но все прежние страхи казались абсурдными, поскольку обитатели Дома с привидением старательно заботились о нем и относились к нему с большой добротой.

— Но чем это было вызвано? — в сотый раз вопрошал он хозяина дома. — Из-за чего меня так скрутило?

На этот раз мистер Прайер не стал уходить от разговора, как всегда поступал раньше, ссылаясь на необходимость дождаться, когда Десмонд восстановит силы.

— Думаю, вы и сами догадываетесь, — сказал он. — Все это из-за того, что вас посетило привидение. Я склоняюсь к тому, чтобы пересмотреть свое мнение о нем.

— Но почему оно не является снова?

— Я оставался с вами по ночам, — напомнил мистер Прайер. И действительно, страдальца ни разу не оставляли одного с того злополучного момента, когда он позвонил в колокольчик. — А теперь — только не сочтите меня негостеприимным, — я полагаю, вам лучше уехать. Вам нужно на какой-нибудь курорт.

— Мне не было писем? — спросил Десмонд с тоской в голосе.

— Ни одного. Вы уверены, что правильно написали адрес? Кент, Криттенден, усадьба Орменхерст.

— Не припомню, чтобы я писал «Криттенден». Я переписал адрес с телеграммы. — Десмонд вытащил розовый бланк из кармана.

— Да, видимо, поэтому писем и нет, — сказал Прайер.

— Вы были ко мне очень добры, — поспешно сказал Десмонд.

— Что вы, мой дорогой, — доброжелательно произнес Прайер. — Мне лишь очень жаль, что Уилли не смог приехать. Он ведь даже не написал, мерзавец! Только прислал телеграмму, что приехать не может и что собирается написать.

— Наверное, он где-то хорошо проводит время, — с завистью предположил Десмонд. — И все-таки расскажите мне про появление призрака, ведь я уже почти здоров и очень хочу знать, что случилось и почему меня так подкосило?

— Что ж, хорошо. — Мистер Прайер обвел взглядом веселую клумбу из красных георгин и золотистых подсолнухов, купавшихся в ярких лучах сентябрьского солнышка. — Я думаю, что теперь этот разговор вам уже не повредит. Помните историю о человеке, который получил этот дом от Генриха Восьмого и о проклятии? Его жена была похоронена в склепе под церковью. Понимаете, из-за всех этих легенд я, признаюсь, не удержался от любопытства и решил осмотреть захоронение. Вход в склеп загорожен железной решеткой. Ворота были на замке. Я открыл их с помощью старого ключа, но затем уже не смог запереть.

— Вот как? — удивился Десмонд.

— Вы, наверное, думаете, что я мог бы послать за мастером, но дело в том, что при этой церкви есть подземная усыпальница, которую я использую в качестве дополнительной лаборатории. Если бы я позвал кого-нибудь из местных починить замок, то об этом поползли бы слухи. Меня бы наверняка лишили лаборатории и, вероятно, могли бы лишить и дома.

— Понятно.

— Что любопытно, — продолжал мистер Прайер, — привидение стало являться в дом только после того, как открылись ворота. Странные происшествия начались именно с того времени.

— Какие именно странные происшествия?

— Люди, которые здесь останавливались, неожиданно заболевали — вот как вы. И симптомы, кажется, указывают на потерю крови. И знаете... — Он некоторое время колебался. — Эта ранка у вас на шее... Я сказал вам, что вы поранились, когда упали, позвонив в колокольчик. Но это неправда. Правда заключается в том, что у вас на шее точно такая же ранка, какая была и у других пострадавших. Как же я хочу,— Прайер нахмурился, — закрыть эти ворота! Но ключ не поворачивается.

— Может быть, я окажусь полезен? — предложил Десмонд, втайне надеясь, что поранился именно во время падения и что рассказ хозяина был, как он подумал, «полным бредом». Починив замок, он отчасти расплатится за заботу и доброту обитателей дома. — Я ведь инженер, — добавил он, почувствовав неловкость, и поднялся на ноги. — Вероятно, замок нужно всего лишь смазать. Давайте взглянем на него.

Мистер Прайер провел его через дом к церкви. Яркий, начищенный до блеска старый ключ легко повернулся в замке, и они вошли внутрь, в сырость и прохладу здания, в разбитые окна которого заползал плющ, а сквозь дыры в кровле просвечивало голубое небо, казавшееся удивительно близким. Следующий ключ так же легко повернулся в замке низкой тяжелой двери, находившейся рядом с бывшей часовней Богоматери; дубовая дверь открылась со скрипом, и мистер Прайер остановился, чтобы зажечь свечу в грубом железном канделябре, висевшем на выступе стены. Затем они стали спускаться по узким ступеням со сколотыми краями, покрытыми толстым слоем мягкой пыли. Склеп принадлежал романскому стилю, прекрасному в своей простоте. В дальней стене имелось углубление, отделенное от остальной части помещения ржавой железной решеткой.

— Раньше люди верили, — сообщил мистер Прайер, — что железо разрушает злые чары. А вот и замок. — Он осветил раскрытые железные ворота.

Они зашли внутрь, поскольку замочная скважина находилась на другой стороне ворот. Десмонд потратил не более двух минут на то, чтобы смазать замок с помощью пера и масла, захваченных с собой, а затем, приложив небольшое

усилие, повернул ключ сначала в одну, а потом в другую сторону.

— По-моему, все работает,— сказал он, все еще держась за ключ, вставленный в замок, и глядя на Прайера снизу вверх, так как работал, стоя на одном колене.

— Можно мне попробовать? — Мистер Прайер занял место Десмонда, повернул ключ, вынул его из замка и поднялся на ноги.

В следующее мгновение и ключ, и канделябр со свечой с грохотом упали на каменный пол, и старик набросился на Десмонда.

— Попался! — прорычал он в темноте, и Десмонд готов был поклясться, что его прыжок, хватка и голос были точно как у свирепого дикого зверя.

Сопротивление Десмонда сломалось, будто прутик, едва он попытался бороться. Старик держал его словно тисками. Откуда-то он вытащил веревку и уже вязал Десмонду руки.

Десмонд до сих пор стыдится того, что во тьме склепа он сначала закричал от испуга, словно попавшее в силки животное. Но, напомнив себе, что он все-таки мужчина, Десмонд сумел вернуть дар речи и попытался позвать на помощь, закричав: «Помогите!»

Прайер тут же зажал ему рот рукой, а затем завязал его платком, затянув узел на затылке. Десмонд оказался сидящим на полу у стены. Прайер его на время отпустил.

— Так,— произнес он, слегка запыхавшись, и чиркнул спичкой. Ее пламя выхватило из темноты каменные полки, заставленные продолговатыми предметами.

«Гробы»,— подумал Десмонд.

— Мне жаль, что приходится делать это с вами, но наука выше дружбы, мой дорогой Десмонд,— заговорил Прайер довольно дружелюбно и вежливо.— Я все вам объясню, и вы сами поймете, что человек чести поступил бы именно таким образом. Просто замечательно, что никто из ваших друзей не знает, где вас искать. Я сразу это понял. А сейчас я все объясню. Я не ждал, что вы поймете все по наитию. Так или иначе, я — прошу, не примите за тщеславие,— один из величайших первооткрывателей со времен Ньютона. Я понял, как можно изменять человеческую природу. Я могу вывести такого человека, какого захочу. Это делается с помощью пере-

ливания крови. Возьмем Лопеса — вы же помните этого моего человека, Лопеса, — так вот, в его вены я влил собачью кровь, и он предан мне, как пес. У Верни, который тоже служит мне по-собачьи, часть собачьей крови, часть крови гостей, которые останавливались здесь ради изучения призрака, и часть моей собственной крови, потому что я хотел сделать его достаточно умным для того, чтобы он мог оказывать мне помощь. Но за всем этим стоит одна великая идея. Вы, надеюсь, поймете, если я изложу ее так... — Тут он погрузился в детали, и значение большинства слов, произнесенных им, ускользнуло от Десмонда, который был всецело поглощен обдумыванием плана побега.

Умереть, словно крыса в подвале! Если бы только ему удалось развязать платок и закричать!

— Слушай же! — свирепо зарычал Прайер и пнул Десмонда ногой. — Простите, дорогой мой, — продолжил он, резко сменив тон на вежливый, — но вы, кажется, можете пропустить самое важное. Теперь вы уже должны понимать, что кровь — это эликсир жизни. Кровь — это жизнь, а мое открытие состоит в следующем: для достижения человеком вечной молодости и бессмертия необходима кровь, содержащая в себе частицы крови всех рас четырех цветов: черного, белого, красного и желтого. Ваша кровь объединяет в себе все четыре. В ту самую ночь я взял у вас столько крови, сколько осмелился. Тот загадочный вампир — это я. — Он засмеялся своим приятным смехом. — Но ваша кровь не возымела нужного эффекта. Вероятно, снотворное, которое мне пришлось вам дать, уничтожило какие-то очень важные свойства. Кроме всего прочего, крови не хватило. Зато теперь ее будет достаточно!

Все это время Десмонд терся затылком о стену, у которой сидел, в надежде ослабить узел, и наконец платок соскользнул ему на шею. Теперь, когда рот освободился, Десмонд быстро произнес:

— То, что я рассказал вам про китайцев и всех прочих, — выдумка. Я пошутил. Все предки моей матери родом из Девоншира.

— Я совершенно вас не виню, — тихо проговорил Прайер. — На вашем месте в данный момент я сказал бы то же самое.

Он вернул платок на прежнее место. Свеча, стоявшая на крышке каменного саркофага, теперь горела спокойно и распространяла ровный свет. Десмонд смог разглядеть, что продолговатые предметы, стоявшие на полках, действительно гробы, и не все — каменные. Он задумался над тем, что этот сумасшедший сделает с его телом, после того как все закончится. Ранка на шее снова открылась. Он чувствовал, как по шее течет теплая струйка крови и что скоро он потеряет сознание. Похоже, что очень скоро.

— Надо было привести вас сюда сразу, в первый же день, но все Верни, из-за него я занимался этими жалкими фокусами! Чистой воды потеря времени, непростительная потеря времени! — Прайер застыл на месте, сверля свою жертву взглядом.

Десмонд с отчаянием осознал, что быстро теряет силы. Он неожиданно поймал себя на мысли: а что если все, происходящее с ним, — это сон, ужасный, безумный кошмар? И мысль эта никак не желала покидать его, потому что невероятное в этой страшной ситуации смешивалось с реальностью так же, как во сне. Десмонду вдруг почудилось, что в склепе кроме него и Прайера присутствует еще кто-то. Кроме него, Прайера и тени Прайера. Тень эта, огромная и черная, была распластана по сводчатому потолку. А новая, иная сущность была небольшой и белой. Появившись, она стала проявляться все сильнее и росла, превращаясь из простой белой полоски в узкий длинный белый клин под крышкой гроба, стоявшего на полке напротив Десмонда.

А Прайер, застыв, продолжал созерцать свою добычу. Для быстро слабеющего Десмонда уже прекратили существовать все чувства, кроме притупленного интереса к новому видению. Бывает, что во сне, если закричишь от страха, можно проснуться. Может быть, если пошевелиться... Однако до того, как он смог заставить свое слабеющее с каждой секундой тело совершить подвиг, зашевелилось то, иное. Черная крышка гроба напротив медленно приподнялась, а затем неожиданно полетела на пол с грохотом, только усиленным эхом. Из гроба восстала фигура, задрапированная в белое, и, накинувшись на Прайера, повалила его на пол и сцепилась с ним в безмолвной, жестокой схватке. Последнее, что услышал Десмонд перед тем, как лишиться чувств, был вопль Прайера, который он издал, повер-

нувшись на грохот разбившейся крышки и увидев фигуру в белом, летящую на него.

— Все будет хорошо, — услышал Десмонд, когда пришел в себя. Верни склонился над ним и дал глотнуть бренди. — Вы в безопасности. Я связал его и запер в лаборатории. Нет, нет. Там нет ничего страшного, — добавил он, заметив, как Десмонд перевел взгляд в сторону гроба без крышки, стоявшего на полке. — Это был я. Единственное, что мне удалось придумать. Вы можете идти? Давайте помогу. Я уже открыл решетку, пойдемте.

Оказавшись на солнечном свете, который он уже и не надеялся увидеть, Десмонд крепко зажмурился и открыл глаза. Он снова сидел в старом добром плетеном кресле. Он посмотрел на солнечные часы на стене дома: все происшествие заняло меньше часа!

— Расскажите мне все, — обратился он к Верни, и тот послушно начал говорить короткими фразами, делая между ними паузы.

— Я ведь пытался предупредить вас, — сказал он. — Помните, из окна. Сначала я и вправду верил в его эксперименты. И... он кое-что знал обо мне, но никому не говорил. Я набедокурил, когда был очень молод. Видит Бог, я заплатил за это сполна. Когда появились вы, я как раз узнал, что́ на самом деле случилось с другими гостями. Это чудовище, Лопес, проболтался, когда хватил лишнего. Настоящее животное! А накануне ночью я поссорился с Прайером, и он обещал, что и пальцем вас не тронет. И нарушил слово.

— Вы же могли поговорить со мной.

— Разве вы были в состоянии разговаривать? А он пообещал мне, что отправит вас восвояси, как только вам станет лучше. И он действительно был ко мне добр. Но когда я услышал, как он рассказывает вам про решетку и ключ, я сразу все понял. Я взял простыню, и...

— Но почему вы не появились раньше?

— Я не осмелился! Он бы легко со мной расправился, если бы понял, с кем имеет дело. К тому же он расхаживал туда-сюда. Мне нужно было застать его врасплох. Я рассчитывал только на минутную слабость, когда он мог бы подумать, что мертвец поднялся из гроба, чтобы защитить вас.

А сейчас я запрягу повозку и отвезу вас в Криттенден, в полицейский участок. Они пришлют людей и упекут его за решетку. Все и так знают, что он совершенный безумец, но, видно, чтобы арестовать его, нужно было дождаться, чтобы он кого-нибудь почти убил. Известное дело, с нашими-то законами.

— Но полиция... Они вас не...

— Нет, нет, все хорошо, — невесело ответил Верни. — Никто, кроме старика, не знает. А сейчас никто не поверит ни единому его слову. Нет, он не отправлял ваших писем, он не написал вашему другу, и он отослал обратно специалиста-физика. И я не могу найти Лопеса. Должно быть, он понял, что грядут неприятности, и сбежал.

Но Лопес не сбежал. Полиция, благоразумно прибывшая на арест хозяина Дома с привидением в количестве двенадцати человек, нашла его припавшим к запертой железной решетке склепа. Когда его арестовывали, он только мычал, упрямо не произнося ни одного членораздельного слова. Сам хозяин молчал так же упорно, как и слуга. Он не произнес ни слова. С момента ареста он так ни разу и не заговорил.

РОБЕРТА ЛЭННЕС

Рахат-лукум

Роберта Лэннес и ее муж недавно переехали в новый дом в идиллической сельской местности под Санта-Барбарой, Калифорния. Там она преподает в школе изящных искусств компьютерную графику, консультирует по живописи и оригами и учавствует в клубе писателей андеграунда. Где-то на этом поле она еще нашла место для писательства, выпуска CD-обложек и работы в саду.

«Традиционные истории о вампирах интригуют меня только моментом соблазнения, — признается автор. — В наши дни даже это качество заменяется импульсивностью и зависимостью вампиров из „Баффи" и „Дракула 2000", которые атакуют, пьют и убегают. Я хотела написать что-нибудь более утонченное, скорее о вампирах, которых мы встречаем в повседневной жизни. О тех, кто против нашего желания отбирает у нас что-то важное, и тем не менее благодаря обольщению или умению манипулировать они гораздо реальнее и страшнее вампиров-кровососов.

В этой истории мальчик Эндрю хранит что-то важное для себя и для тех, кто этим не владеет. То, что позволяет нам испытывать восторг и верить в чудо. Я сравнила Эндрю с рахат-лукумом. И на свет появилась история о вампирах...»

Дорога Эндрю из школы домой шла по Лонг-роуд до Грин-стрит, где он жил с мамой и тетей Молли. Через два дома от дома Эндрю стоял старый коттедж гвоздильщика. Изредка возле него останавливались туристы и заглядывали в пыльные окна, чтобы посмотреть на старинные инструменты и обстановку в лавке гвоздаря восемнадцатого века. Коттедж не представлял особого исторического интереса для туристов, в отличие, например, от знаменитой мельницы в том же городке, но время от времени кто-то, кроме школьников, которым рассказывали о нем на уроках, проявлял любопытство.

Сегодня Эндрю, пока катил велосипед по мощенной булыжником дороге, заметил двух чужаков, старика и мальчика, примерно своего ровесника, которые смотрели в окно коттеджа гвоздильщика. Они выглядели как туристы — фотоаппараты на шее, за спиной небольшие чистенькие рюкзаки, обуты в горные ботинки, которые еще смотрелись, словно новые — неразношенные и неудобные. Заслышав шаги Эндрю, они обернулись.

«Красивый, — подумал Эндрю о мальчике, — на девочку похож». Темные волосы по-модному прорежены на концах, падают на глаза и закрывают уши. Глаза на бледном лице большие, круглые и яркие. Мальчик не улыбался. У старика были маленькие и очень светлые, почти как бледный аквамарин, глаза и мохнатые брови, точь-в-точь как у дедушки Эндрю. Он был высокий и худой, с длинным прямым носом и очень тонкими губами, из-за глубоких вертикальных морщин у рта его лицо напоминало Эндрю череп из комиксов.

— Ты живешь неподалеку, сынок? — спросил старик, а мальчик снова повернулся к окну.

У старика был акцент. Немецкий или датский. Эндрю не очень различал акценты, только если это не был американский, испанский или французский.

Эндрю хмуро посмотрел на старика и, не останавливаясь, пошел дальше. В этот день ему не пришло в голову пройти мимо своего дома и свернуть на другую улицу, но позже Эндрю задумается о том, как все сложилось бы, если бы он это сделал. Он подошел к дверям, не спуская глаз с туристов, повернул ручку и вошел в дом.

— А это, наверное, Энди. Угадай, что приготовила твоя тетя Молли?

В воздухе витал аромат масла, муки и корицы.

— Ты печешь оладьи, тетя, ими пахнет даже на улице.

Эндрю поставил на пол ранец, снял блейзер и кепку.

— Иди наверх и переоденься, а потом спускайся сюда и съешь парочку, пока не остыли.

Не было ничего лучше, чем теплые оладьи тети Молли и чашка какао. Эндрю поспешил наверх и переоделся в джинсы и спортивный свитер. Когда он ставил школьные туфли на стул возле окна, то непроизвольно взглянул вниз на коттедж

гвоздильщика. Старик отошел от дома в центр улицы и смотрел прямо на окно Эндрю. На Эндрю. Мальчик думал об оладьях тетушки Молли и горячем какао, ожидающих его внизу, но при этом обнаружил, что его, как магнит, притягивает любопытный взгляд чужака. А потом старик улыбнулся. Зубы у него были очень ровные, большие и белые. «Как подушечки „Чиклетс"[1], — подумал Эндрю, — как игральные кости без точечек».

— Чем ты там занят, Энди? Оладьи остывают!

Тетушка стояла в дверях его комнаты, ее полинявший желтый фартук был перепачкан в муке. Эндрю вздрогнул от неожиданности и обернулся.

— Ой, тетя, я не слышал, как ты поднялась.

— Что там такое интересное, что ты забыл о парочке теплых оладышек?

Тетя Молли подошла к племяннику и выглянула на улицу. Эндрю тоже посмотрел в окно. Пусто. На улице не было ни души.

— Я видел туристов, они стояли у коттеджа, а один, старик, хотел со мной поговорить.

— Но ты ведь не заговорил с ним, нет? Помнишь, что говорит твоя мама: «Нельзя говорить с незнакомыми людьми. Посмотри, что случилось с Уолли Бардоком и Гвен Шеффорд». Они говорили с чужаками, и теперь их нет, они у-мер-ли.

«Ну, — подумал Эндрю, — это так, да не так». Уолли, которому было семнадцать и который постоянно попадал в переделки с местным хулиганьем, так избили бейсбольными битами, что он попал в больницу с тяжелой черепно-мозговой травмой, и его родители разрешили врачам отключить сына от системы жизнеобеспечения. А Гвен изнасиловал отчим, и она сошла с ума. Теперь она жила в каком-то доме для умалишенных. Но Эндрю понимал, что имела в виду мама. Как-то она остановилась и заговорила с чужаком, а через три недели — бам-бам, и нет незнакомца. Эндрю был результатом этого неудачного романа.

— Я знаю, знаю. Я сдвинул брови и сразу вошел в дом.— Он принюхался. — Все равно я учуял запах твоих оладышек,

[1] Жевательная резинка.

никто не заставит меня остаться на улице, когда ты их печешь.

Тетя улыбнулась:

— Ладно, тогда отведай одну, а я приготовлю тебе чашечку какао. На улице уже холодает.

Эндрю спустился вслед за тетей по узкой лестнице в тесную кухоньку, сел за стол и стал ждать. Тетя Молли всегда все делала по порядку, бесполезно было проявлять нетерпение и подгонять ее. Она достала жестяную коробку с какао, взяла ложку и миску с молоком.

— Расскажи, чем вы сегодня занимались.

— Математика. Решали задачки. Мне повезло — они легкими оказались.

— Легкими, ну тогда задай мне одну, посмотрим, смогу я решить или нет. Я не математик, но я все еще сообразительная для пожилой леди.

— Ты не старая, тетя. Мама старше тебя, а она еще молодая. Она все время это говорит.

Какао подмешивалось в горячее молоко, у Эндрю потекли слюнки. Тетя поставила перед ним чашку и отошла к плите. Эндрю наблюдал за тем, как она подцепила лепешку сливочного цвета, и по теплой кухне поплыл пар.

— Вот и задай мне задачку, Энди. Посмотрим, справлюсь ли я.

Тетя села напротив племянника, предвкушая его обычную реакцию на ее оладьи.

Немного раздосадованный тем, что надо говорить, в то время как хочется есть, Эндрю облизнулся и посмотрел на оладьи.

— Хорошо, тетя. Поезд едет со скоростью пятьдесят миль в час, если он за один час десять минут доезжает от Лондона до Ньюкасла, какое расстояние между Лондоном и Ньюкаслом?

— О господи, это трудная задачка. Дай-ка подумаю... — Тетя почесала затылок и поджала губы. — Ты знаешь ответ?

Эндрю кивнул.

— А ты?

Эндрю вцепился зубами в оладышку. Она была невыносимо хороша. Эндрю чувствовал себя на седьмом небе.

— Ну, двести восемнадцать плюс-минус несколько миль. Правильно?

— Там в ответе десятичная дробь, но ты почти угадала. Здорово, тетя.

Они услышали, как поворачивается ключ в замке.

— Это твоя мама. Надо задать ей одну из твоих задачек.

Мама Эндрю вошла в дом, в руках у нее были пакеты с продуктами.

— Помогите мне.

— Мам, мои оладьи остывают.

Тетя приобняла Эндрю за плечи.

— Сиди, Энди, я помогу.

Он улыбнулся, взглянув на тетю снизу вверх, и отпил глоток какао. Тетя всегда делала его чуть густоватым, именно так, как он любил.

Пока мама с тетей выкладывали продукты, Эндрю думал о красивом мальчике и старике, которых он видел на улице. Почему старик заговорил с ним, почему мальчик выглядел таким грустным? Почему старика интересовало, где живет Эндрю? Чего он хотел?

— У трех углов была авария. Я слышала в «Сейфвей». Мальчик с дедушкой переходил дорогу, и его сбил грузовик.

Эндрю резко повернулся на стуле.

— Сегодня?

— Всего несколько минут назад. Вы не слышали сирену? Я хотела пойти посмотреть, но у меня в пакете замороженный пудинг. А что, ты думаешь, это мог быть твой знакомый мальчик?

— Можно я пойду посмотрю? Пожалуйста? Может, я его знаю. Вдруг знаю?

Мама посмотрела на Эндрю, потом на тетю, потом снова на сына. Тетя всегда была снисходительна к нему, всегда давала самое вкусненькое, всегда баловала, а мама была строгой и все запрещала. Тетя умоляюще посмотрела на маму. Иногда это действовало, иногда — нет.

— Доедай оладьи, допивай какао, а потом, пока я готовлю ужин, сходите туда вместе с тетей.

— Со мной? Ты хочешь, чтобы я пошла с Энди? Бернадетта, я же выгляжу, будто весь день убиралась. Что я и делала. Разве он не может один сходить?

— Уже почти стемнело.

— Пожалуйста, мам, я только посмотрю, и все. Я сразу домой. Честно, обещаю.

— Ты наденешь куртку?

— Да, да, надену. Обещаю.

— Хорошо, иди, но не болтайся там.

Эндрю схватил недоеденную оладью и побежал наверх за курткой. Он знал, что это был тот красивый мальчик. Просто знал, и все. Это мог быть любой из его знакомых мальчишек, но под машину скорее попал бы чужак, а не местный. Туристы все время терялись у трех углов, движение сбивало их с толку. Эндрю надеялся, что мальчик не очень сильно пострадал.

Он крикнул «пока!» маме и тете и выскочил из дома. Он бежал по Грин-стрит, а потом по Бридж-стрит до самого перекрестка. Там стояли две полицейские машины и машина «скорой помощи». Толпа собралась большая, машины выстроились по Бридж-стрит в оба конца, насколько хватало глаз. Фрэнк Делани увидел Эндрю и рванулся к нему из толпы.

— Видел, как это случилось? — Фрэнк был в одном спортивном свитере и дрожал от холода.

— Ты про аварию? Нет, мама мне только что рассказала. Она услышала об этом в «Сейфвей». А ты видел?

— Нет, черт возьми. Я делаю репортаж для старика Ходди Беннета. Как думаешь, кто попал под машину?

Санитары поднесли носилки к фургону. Эндрю встал на цыпочки. Тело было с головой укрыто простыней.

— Не знаю. Он умер. Лица не видно. — У Эндрю комок подкатил к горлу, в глазах защипало.

Оглядев толпу, Эндрю заметил старика, он стоял рядом с полицейским. Старик закрыл лицо костлявой рукой и тряс головой. Убрав руку, он потянулся за носовым платком и посмотрел прямо на Эндрю, словно знал, где стоит мальчик. Старик не спускал с Эндрю глаз, пока тот не почувствовал, как у него свело живот. Тогда старик снова повернулся к полицейскому и высморкался.

— Черт, пропустил всю кровищу и кишки, — ныл Фрэнк. — Спорим, это кто-то из школы. Может, этот толстяк Тим Бродбэнк. Его мамаша все еще за ручку переводит сыночка через дорогу. А он на год старше нас, представь?

— Тим? Нет. Я так не думаю. Я видел мальчика с дедушкой час назад возле моего дома. Они стояли у коттеджа гвоздаря. Тот дед как раз стоит вон там с полицейским и плачет. Это, наверное, был его внук.

— Твои знакомые? — спросил Фрэнк и потер руки.

Эндрю покачал головой:

— Туристы. Похожи на туристов.

— Только представь. Ты отправляешься в путешествие со своим дедом и возвращаешься домой в гробу. Самые дерьмовые каникулы из всех, о которых я слышал...

Эндрю не мог отвести глаз от старика. Фрэнк продолжал болтать, но Эндрю не слушал. Старик больше не смотрел в его сторону, но он все ждал возможности встретиться с ним взглядом. У Эндрю по спине побежали мурашки.

— ...ну и они вставили ему в глаза эти большущие булавки.

— Булавки? — Эндрю повернулся к болтающему без умолку Фрэнку. — Слушай, я уже должен идти. Скоро ужин, мама вообще не хотела меня сюда пускать.

— Ага, ладно, хорошо. Если что-нибудь узнаю, расскажу в понедельник. Пока.

— Договорились, пока.

Эндрю последний раз взглянул на старика и пошел прочь. Только Эндрю, думая об ужине, свернул на Грин-стрит, старик оглядел толпу на перекрестке.

Эндрю медленно брел по улице, ноги его отяжелели, словно налились свинцом. Ему хотелось вернуться, хотелось подойти к старику, успокоить его. Но, какими бы ни были его чувства, он понимал, что это неразумно. Он не знал, что это за человек и почему все, связанное с ним, кажется таким подозрительно странным. Подойдя к своему дому, Эндрю подумал о том, что, если бы он только поговорил со стариком, задержал бы их всего на несколько минут, мальчик, возможно, остался бы жив.

На следующее утро Эндрю первым делом выбежал на крыльцо и подобрал со ступенек «Белпер-ньюс». Он не сомневался, что найдет там репортаж о несчастном случае у трех углов. Никак не подходящий под разряд городских новостей. Это было на первой странице. Текст был следующим:

Несчастный случай с гостем города

Мужчина и его подопечный мальчик десяти лет путешествовали по Англии и на пути в Матлок сделали остановку в Белпере. Около пяти часов вечера они переходили дорогу у трех углов возле Милл-парк, когда грузовик, направлявшийся в Дерби, сбил мальчика. Мальчик погиб на месте. Гости города не были знакомы с особенностями движения в этом месте, мальчик вышел на дорогу прямо перед грузовиком. Водитель грузовика не виновен в случившемся. Сопровождавший мальчика мужчина намерен на этой неделе отбыть на родину, в Турцию. Горожане решили предоставить ему кров и еду до четверга, именно в этот день его самолет отправляется из Хитроу. Любой, кто пожелает оказать помощь или выразить сочувствие, может связаться с Элизабет Хорнер в методистской церкви.

Розалия Бишоп

Репортаж еще больше возбудил любопытство Эндрю. *Турция*. Он никогда не думал о людях, которые живут в этой стране, но слышал о ней на уроке географии. Что он знал, так это то, что любит восточные сладости. Розовое желе в шоколаде напоминало ему о случавшихся время от времени приступах счастья его матери, тогда она приносила им пакеты с гостинцами и всегда немного рахат-лукума для Эндрю. Рахат-лукум придумали в Турции? Желе турецкое или шоколад турецкий? Или и то и другое? Впервые Эндрю не мог дождаться понедельника. После уроков он сразу пошел в школьную библиотеку.

Библиотека располагалась в небольшой комнате, бывшей некогда кладовкой и гардеробом. Книжные полки занимали все стены, а сама комната была разделена двумя книжными шкафами. На стене над столом библиотекаря висели нарисованные детьми картины. Эндрю любил запах книг и старых, покрашенных масляной краской столов, за которыми обычно читали школьники. В библиотеке никого не было, только мисс Эклунд, которую дети звали Швед. Ей было за пятьдесят, у нее была короткая стрижка и эти смешные волоски на подбородке, и пахло от нее мужским лосьоном после бритья. Шведы увлекаются реслингом, а мисс Эклунд

была коренастой и крепкой, как мужчина, отсюда и прозвище. Девчонкам она могла простить смертоубийство, а мальчишкам давала подзатыльники даже за то, что они просто разговаривали.

Эндрю отыскал книгу о Турции, и тут появился Фрэнк. Он ухватил Эндрю за рукав и посмотрел на книгу. Изучив обложку, Фрэнк быстро глянул на мисс Эклунд: та сосредоточенно штемпелевала читательские карточки.

— Привет, влетело тебе в пятницу?

— Не-а. А тебе?

— Черт, нет. Дома допоздна никого не было. Папаша после работы сразу в паб, а мамка... ну, она все время со своими дружками. Ник теперь со своей подружкой в Шеффелде, так что я один.

— Ты что-нибудь видел, после того как я ушел?

Фрэнк взял у Эндрю книгу.

— Эй, а ты знаешь, что тот старик из Турции? Я стоял рядом, когда эта репортерша расспрашивала его про мальчишку.

Эндрю зажал книгу под мышкой.

— Да? Правда? А что ты слышал? Я читал газету, но там так мало написали!

— Он остановился в отеле «Холлингшед». Мальчишка ему не внук, а друг семьи. Он повез пацана на воды, потому что у того была какая-то болезнь. Лейкемия или что-то вроде того. Черт, вода ничего не лечит, каждый дурак знает. Это просто приманка для туристов. Надувательство, и больше ничего.

— Да уж. Я видел мальчика. Он был какой-то грустный или больной. Слабый такой. Может, он бы все равно умер.

Фрэнк заметно оживился:

— Или, может, старикан толкнул его под грузовик, чтобы он больше не мучился. Слушай, вот была бы жуть, если бы...

К мальчикам приблизилась мисс Эклунд.

— Вы двое, хотите болтать — идите в коридор. Это библиотека. В библиотеке не разговаривают.

Фрэнк подмигнул приятелю и выскользнул за дверь. Эндрю выписал книгу на дом.

На следующий день Фрэнк в школу не пришел. Эндрю хотел поделиться с ним тем, что узнал о Турции, однако эта

информация вряд ли заинтересовала бы Фрэнка. Турция находится рядом с Россией. С одной стороны там Черное море, с другой — Средиземное. В Турции люди говорят на своем языке, называется — турецкий. Правда, он прочитал не достаточно, чтобы узнать, пришел ли рахат-лукум из Турции. Еще Эндрю прочитал, что у них там бывают землетрясения. Может, Фрэнка заинтересовали бы жертвы землетрясений. Его возбуждали подобные вещи. По пути домой Эндрю забежал к Фрэнку. Дверь открыла миссис Делани.

— Фрэнк дома?

Лицо миссис Делани сморщилось, она наклонилась, и ее нос оказался на одном уровне с носом Эндрю. От нее разило бренди.

— Вообще-то предполагается, что он с вами, мистер Эндрю Кроуфорд, так что это мне следует спрашивать вас об этом. Фрэнк сказал, что собирается встретиться с тобой на бетонке и вы вдвоем пойдете в церковь разузнать, как помочь тому старику.

— В церковь... — Эндрю попытался припомнить, какая это могла быть церковь. — Ой, я, наверное, неправильно все понял, миссис Делани. Я думал — мы здесь встречаемся. Ну, тогда я лучше пойду в церковь, хорошо? — робко спросил он.

— Вы там ничего не задумали, а?

— Что вы, миссис Делани. Мы честно хотим чем-нибудь помочь тому старику. Его мальчик был нашим ровесником, и мы просто подумали...

— Как мило. Тебе лучше поторопиться, Эндрю. Скоро стемнеет, — сказала миссис Делани и захлопнула дверь до того, как Эндрю успел попрощаться.

Почему Фрэнк не сказал, что собирается в церковь? И что это за церковь? Эндрю не мог вспомнить. Он дошел до ближайшей церкви, которая была католической, и огляделся по сторонам, пытаясь найти кого-нибудь, кто помог бы ему. Прачка подсказала, что старика из Турции приютила семья, что живет возле школы Стратс. А помощь для турка они координировали в методистской церкви. Эндрю поблагодарил прачку и двинулся по направлению к школе Стратс. Он представил, как будет волноваться тетя Молли, если любимый племянник после школы первым делом не

заглянет домой. Но тогда возникает риск вообще не выйти из дому.

Школа Стратс находилась неблизко. Добраться туда до темноты можно было только на автобусе. Эндрю проверил, сколько мелочи у него в кармане, и побежал к остановке, откуда как раз отъезжал автобус. Это был номер 14, он останавливался прямо напротив методистской церкви. Чистое везение.

Народу в автобусе было много, но Эндрю удалось занять место у окна за водителем. Он наблюдал в окно за пешеходами, которые целеустремленно шли вверх и вниз по улице, разглядывал машины, как обычно еле передвигающиеся по шоссе А6. По встречной полосе полз рейсовый автобус. В какой-то момент они оказались друг напротив друга. Эндрю заглянул в салон автобуса и попытался рассмотреть лица пассажиров. Его взгляд остановился на старике, на том самом старике, виденном им прежде у коттеджа гвоздильщика. Старик обнял за плечо какого-то мальчика. Мальчик что-то увлеченно рассказывал, а старик слушал и улыбался, демонстрируя свои похожие на игральные кости зубы. У Эндрю похолодело в животе: еще до того, как он разглядел мальчика, он знал, что это Фрэнк Делани.

Эндрю резко развернулся, уперся ладонями в стекло и закричал:

— Фрэнк, Фрэнк! О нет...

Водитель автобуса попросил Эндрю не шуметь, но мальчик уже умолк. Он неотрывно смотрел вслед укатившему в противоположную сторону автобусу. Эндрю не был уверен, но ему показалось, что в какой-то момент старик посмотрел прямо ему в глаза.

Он вышел на Кинг-стрит и побрел обратно домой. Когда он расскажет маме и тете о том, что происходит, они поймут, почему он поздно пришел домой. Он надеялся, что поймут. Все в тот день шло наперекосяк.

— Тебя не должно касаться, что делает со своей жизнью Фрэнк Делани, Энди. Если он захочет сбежать с самой королевой, пусть бежит, а у тебя своя жизнь.

От мамы ему влетело перед ужином, а теперь пришло время ложиться спать.

Тетя внимательно его выслушала и сказала:

— Как все это неприятно.

Но когда мама пришла домой, Молли пересказала историю Эндрю с несвойственной ей театральностью. Она использовала такие выражения, как: «киднеппинг» и «педофилия» — и довела маму чуть ли не до истерики.

— И если его украли, тем лучше, нечего тебе делать с таким мальчиком. Фрэнк находит неприятности там, где их нет, верно ведь, Молли?

Тетя Молли сцепила руки и кивнула в ответ:

— По крайней мере, властям известно, кто этот старик и где он остановился. Он не уйдет далеко.

Мама Эндрю сдавленно застонала.

— Давай позвоним в полицию. Вреда от этого не будет. Если ничего страшного не случилось, мы будем выглядеть, как дуры, но если Фрэнка похитили, они обрадуются нашему звонку.

Мама с тетей направились к телефону, а Эндрю тем временем выскользнул из дома через заднюю дверь. Он должен был сбегать к Делани. Автобус ведь ехал в направлении дома Фрэнка. Может быть, ничего страшного и не случилось? Или случилось?

На этот раз, когда миссис Делани открыла Эндрю, какой-то незнакомый мужчина рявкнул сверху, чтобы она возвращалась к нему. Растрепанная, в мятом банном халате, мама Фрэнка стояла в дверях, из-за освещения в холле лицо ее казалось красным.

— Чего еще? Опять все напутал? Так вы договаривались встретиться у школы или нет?

— Вы хотите сказать, что Фрэнка нет дома? — испуганно спросил Эндрю.

Миссис Делани встрепенулась:

— Нет, его нет. Что происходит, мистер Эндрю Кроуфорд?

Эндрю посмотрел себе под ноги.

— Кажется, он уехал кое с кем. Я видел его в автобусе, он ехал со стариком того мальчика. Того, которого на прошлой неделе сбил грузовик у трех углов. Я подумал, что, может быть, они сюда ехали.

Несмотря на то что миссис Делани, казалось, немного запаниковала, она зажала ворот халата под горлом и сказала:

— Фрэнк делает, что хочет. Он не девчонка и может постоять за себя. Я начну беспокоиться, если он на несколько дней пропадет. Он такой же, как его брат. — Мужчина снова позвал миссис Делани, на этот раз более настойчиво. Она понизила голос и сказала: — Не волнуйся ты, Эндрю Кроуфорд. С Фрэнки все в порядке. Иди домой. — И снова захлопнула дверь перед носом Эндрю.

Он бежал домой и надеялся, что мама и тетя заняты с полицией и не заметили его отсутствия. Но вот они, разговаривают с двумя копами. Полицейский фургон припарковался возле самого дома.

— Куда, черт возьми, ты убежал, глупый мальчишка? — Мама схватила Эндрю за руку и потащила в дом. — Ты меня до смерти напугал, понимаешь? — Она бросилась на него с кулаками, он, защищаясь, поднял руки над головой.— Как ты мог!

Тетя Молли с двумя полицейскими вбежала в дом и закричала на сестру, чтобы та остановилась. Один из офицеров оттащил маму в сторону. Тетя Молли прижала племянника к себе.

— Миссис, нехорошо бить ребенка. Прекратите. Успокойтесь. Мы с ним поговорим.

— Бернадетта, иди наверх, умойся холодной водой. Я поговорю с Эндрю и с офицерами. Иди же.

Мама вырвалась от полицейского.

— Ни с кем ты не поговоришь, — зло прорычала она, и белая пена выступила в уголках ее рта.— Он *мой* сын. Я сама с ним разберусь.

Констебль покачал головой:

— Миссис, делайте то, что вам сестра говорит. Начнете разбираться сами — поедете с нами.

Эндрю старался сдержать слезы, но не смог. Он был скорее напуган, чем обижен, но все равно заплакал.

— Посмотри, что ты наделала, Бернадетта. Довела Эндрю до слез. Иди наверх. Иди, не стой.

Мама, громко топая, поднялась по лестнице, но Эндрю знал, что она не станет умываться холодной водой или делать что-нибудь такое. Она будет злиться и накручивать себя до предела, а потом снова станет его бить. Тетя всегда пыталась помешать этому, но ей больше негде было жить,

и она опускала руки. Эндрю жалел тетю, он был благодарен ей — она хотя бы пыталась что-то сделать.

Один из полицейских присел рядом с Эндрю и задал ему сотню вопросов. Или Эндрю так показалось. У него слипались глаза — ему давно пора было спать. Когда полицейский решил, что получил достаточно информации, он сказал Эндрю, что они с напарником заглянут к Делани. Потом констебль поинтересовался, чувствует ли Эндрю себя в безопасности. Сказал, что они могут отвезти его в другое место.

— Все будет хорошо. Мама легко расстраивается. Но она всегда успокаивается. И со мной ведь моя тетя.

Тетя Молли, которая стояла в противоположном углу комнаты, улыбнулась племяннику.

— Ну, тогда хорошо. Но ты обязательно нам позвони, если снова станет «жарко». Ничего не бойся. — Полицейский взглянул на тетю Молли и опять перевел взгляд на Эндрю. — Мы сообщим тебе о результатах расследования.

— Да, пожалуйста, — еле ворочая языком, сказал Эндрю, глаза его закрылись, тело обмякло.

Последнее, что он слышал, — это как тетя открывает комод и достает для него второе одеяло.

Проснувшись, Эндрю понял, что прошла уже половина дня. Хоть на улице было серо, он мог догадаться об этом по тому, под каким углом свет падал в его окно. Мама наверняка была на работе, а тетя, скорее всего, убиралась у кого-то в доме, раз уж это была среда. Эндрю надел школьный костюм и спустился в кухню. Тетя сидела за столом и завтракала.

— Ага, смотрите-ка, кто изволил встать с постели. Хорошо поспал?

— Да, тетя Молли. Правда, я не помню, как ложился. С мамой все хорошо?

— Один из этих милых полицейских отнес тебя наверх. Ты заснул еще до того, как они собрались уходить, а я знала, что никогда не дотащу тебя до кровати одна.

— Мама в порядке?

— А чего ты за нее волнуешься? Она тебя била, вопила на всю округу о том, как ты ее доводишь. Она не заслу-

живает такого сына, как ты, Энди. Для начала она вообще была слишком молода, чтобы иметь ребенка. Это должна была быть я. Я скорее мама для тебя, чем она. — Тетя замолчала и отвела взгляд в сторону. — Извини меня. Я знаю — ты любишь свою маму. Иногда я просто не могу ничего с собой поделать. Не сдерживаюсь и говорю правду. Прости.

— Я тебя тоже люблю, тетя Молли. Не злись на маму. Она несчастлива.

Тетя ухмыльнулась:

— И она, и все мы, бедные старые женщины.

— Ты не старая.

Тетя оглядела племянника.

— Ты считаешь, что можешь сейчас пойти в школу?

Эндрю посмотрел на часы над раковиной. Было около полудня.

— После двенадцати еще четыре урока. Да. Я готов. А ты сегодня убираешься?

Тетя Молли поставила на стол пакет.

— Тогда вот тебе сандвич. Там еще записка, но я все равно позвоню в школу и предупрежу, что ты придешь. И, да, еще не было дня, чтобы я у кого-нибудь не убиралась. Сегодня я просто отпросилась, вот и все.

— Спасибо, тетя. Ты самая лучшая.

— О, забыла!

Эндрю остановился в дверях.

— С твоим другом Фрэнком все в порядке. Могу поспорить, ты встретишь его в школе.

— Спасибо!

Эндрю слишком сильно хлопнул дверью, но едва ли обратил на это внимание. Он бежал в школу, ему не терпелось узнать, что случилось с Фрэнком.

Он столкнулся с Фрэнком по пути на урок. Увидев Эндрю, приятель нахмурился.

— Что? Ты злишься на меня?

— Ты, придурок, из-за тебя моя мамка взбесилась. Она сказала, чтобы я не припирался домой сразу после школы, потому что к ней придут приятели. А я сказал, что встречаюсь с тобой возле церкви. Ну, она и подумала, что мы

собираемся навестить того старика. Ты меня просто подставил. Когда заявились полицейские, она еще больше разозлилась. Понимаешь ты? Соображать надо!

Эндрю потерял дар речи. Неужели Фрэнк не поступил бы так же, если бы увидел в автобусе его с тем стариком? Неужели он не заподозрил бы, что старик что-то задумал, если захотел подружиться с незнакомым мальчиком сразу после того, как погиб его подопечный?

Фрэнк ушел. С ним не случилось ничего плохого, и это было хорошо, но как он не мог понять, что Эндрю искренне, по-настоящему за него волновался? Почему? Он не хотел разозлить миссис Делани. Эндрю изо всех сил старался не расплакаться. Он склонил голову, опустил плечи и побрел в класс.

Остаток дня в школе Эндрю ни к чему не проявлял интереса. Он перебирал в памяти все, что случилось после того, как он увидел старика и мальчика возле коттеджа гвоздаря. Все эти странные вещи, которые он видел и ощущал, может, ему все это только показалось? Разве не странно, что старик остался в Белпере после того, что случилось? А то, что он выглядел таким довольным и был таким разговорчивым с Фрэнком, когда они ехали в автобусе? Странно. Очень странно, даже мурашки по коже.

Все дорогу домой Эндрю шел, опустив голову, и ничего не видел, только свои ботинки. Когда он добрался до дома, мама держалась отстраненно. Ей было стыдно за свое поведение, но она не могла или не хотела извиняться и помириться с Эндрю. Тетя Молли вела себя тихо, она нервничала из-за того, что выступила против сестры. Эндрю было очень одиноко.

Уже у себя в комнате, сделав уроки, он сел на подоконник и смотрел вниз, на коттедж гвоздаря. С тех пор как Эндрю немного подрос, он часто сидел вот так и представлял, как выглядела их улица двести лет назад. Представлял, что гвоздарь занят своим делом, и дым из его печи клубами поднимается вверх и уплывает вместе с облаками. А мимо, наверное, проходили мамы с сыновьями и рассказывали своим мальчикам о том, как их папы где-то строят дома и им нужны гвозди, которые делает гвоздарь? А у гвоздаря, наверное, не было конкурентов, и поэтому у него был большой-пребольшой дом на холме рядом с лютеранской церковью.

Может, кто-то из этих мальчиков — прапрапрадед его отца, которого он никогда не видел? Что сейчас делает его отец? Может быть, он — строитель, или продавец, или доктор? Мама почти не рассказывала Эндрю об отце. А тетя Молли... Ну, все, что он знал, он знал от нее.

— Не вздумай говорить маме, что я рассказала тебе о нем. Ее удар хватит. Ты все еще хочешь, чтобы я рассказала?

— Да, тетя. Пожалуйста.

Тогда ему было шесть лет, а может быть, пять.

— Хорошо. Его звали Уильям, но твоя мама звала его Уилл. Когда она с ним познакомилась, она не знала, что он чей-то муж. Но потом оказалось, что он женат на очень богатой женщине из Джерси, ее родители были очень-очень состоятельными людьми, и все они жили в доме, похожем на дворец. Конечно, Уилл сказал твоей маме, что он беден. Никто из родни жены его не уважал, и они хотели, чтобы он продолжал семейное дело, а для этого он пять дней в неделю должен был проводить в дороге. Когда-то он очень любил свою жену, но она не хотела заводить детей, потому что это испортило бы ее фигуру. Она явно была самовлюбленной пустышкой.

Твоя мама десять лет назад была намного красивее, чем сейчас, и Уилл очень быстро и очень сильно в нее влюбился. В это я верю. Бернадетта была очень осмотрительна, тогда она знала только, что он много путешествует, а ей хотелось, чтобы кто-то был рядом. Почти целый месяц Уилл делал все, что мог, чтобы оставаться поближе к Белшеру, но потом его жена что-то заподозрила, и он исчез. Однажды он мне написал. Я тогда была замужем за твоим дядей Филиппом. Он просил меня передать Бернадетте, что никогда ее не забудет. Что она подарила ему счастье, которого он никогда не знал, но он женат. Он все мне о себе объяснил, но я подумала, что будет лучше, если это останется тайной. Я сказала твоей маме, что он, видимо, женат и невежа, и нечего горевать. А через месяц она поняла, что ты собираешься появиться на свет.

Ей было очень-очень больно оттого, что Уилл бросил ее. А когда твой дядя Филипп неожиданно умер, оставив мне огромные долги, мы с твоей мамой решили, что можем по-

мочь другу перенести предательство одного и потерю другого. Мы решили, что ты будешь нам наградой за то, что мы перенесли все это. Так и случилось. Когда-нибудь, когда ты станешь совсем большим, мы попробуем разыскать твоего отца.

Эндрю вспомнил все случаи, когда его била мама. Отец, вот на кого она на самом деле злилась. Но он не мог сказать ей об этом. Тогда он выдал бы секрет тети. А этот секрет был всем, что осталось ему от отца. Он был слишком дорог, чтобы им делиться.

На следующий день шел дождь, и они остались в классе, а не пошли на площадку перед школой. Фрэнк не пытался заговорить с Эндрю и не обратил на него внимания, когда тот попытался заговорить с ним. Одна из девочек, которой нравился Эндрю, была потрясена тем, что никто на него не претендует. Она флиртовала с ним и совсем его смутила. Слабые попытки Эндрю привлечь чье-нибудь внимание, его мольбы о том, чтобы кто-нибудь его спас, остались незамеченными. Когда она предложила ему дружить, он пробормотал что-то о том, что мама запрещает ему встречаться с девочками, и удрал из школы.

В конце Кинг-стрит Эндрю заметил высокого, худого человека, который стоял напротив его дома. Лицо человека было скрыто зонтом, но Эндрю знал, что это тот самый старик, еще до того, как он повернулся и посмотрел на него. Эндрю прошел чуть дальше и вдруг остановился. Ему пришла в голову неожиданная мысль.

Может быть, это *его* дедушка. Старик узнал, что у его сына есть ребенок, и теперь повсюду ищет Эндрю. Может быть, тот мальчик был его братом! А что если его отец развелся со своей нелюбимой женой и перебрался в Турцию? Может, поэтому старик и был таким доброжелательным с Фрэнком? Он хотел разузнать, не его ли внук Эндрю! И почему он раньше об этом не подумал?

Старик подошел к Эндрю.

— Ты живешь тут неподалеку?

— Да, вон там. — Эндрю указал на противоположную сторону улицы. — Вы уже меня об этом спрашивали, но тогда я не знал, что это вы.

— Так ты знаешь, кто я? — Старик улыбнулся, он был доволен.

— Отец моего отца? — с надеждой спросил Эндрю, сердце его так заколотилось, что, казалось, вот-вот выскочит из груди.

— Да! — Старик прикрыл рот ладонью. — Мой внук! *Ты!*

— Дедушка?

— Да! Это я. Как они тебя зовут?.. — Он на секунду отвел взгляд в сторону, и секунда эта показалась Эндрю вечностью. — Энди, верно?

— Да, дедушка. Энди.

— Я приехал, чтобы забрать тебя домой. — Лицо старика излучало столько тепла, столько доброжелательности, что Энди чуть не лопнул от счастья.

— К папе?

Старик кивнул:

— К папе. Он будет так рад увидеть тебя. Вся наша семья будет рада.

— У меня есть целая семья? О дедушка! Это правда?

— Правда, я тебе все о ней расскажу. Только вот самолет улетает из Хитроу завтра. Если мы хотим успеть на рейс, нам надо уезжать. Я снял номер в отеле рядом с Паддингтоном.

— Но мама... и тетя Молли.

На кухне горел свет, и Эндрю знал, что тетя готовит ужин.

— Ты прожил с ними десять лет. Пора и твоему папе с тобой познакомиться, не так ли?

Искра страха угасла, секундное сомнение улетучилось и превратилось в решимость. Он поедет туда, где его ждет настоящая семья. Неизведанное, к которому так долго с тревогой и нежеланием отпускать готовили его мама и тетя, вдруг оказалось местом, где его давно и с любовью ждут.

— Да, хорошо. А как же моя одежда? На мне школьный блейзер и...

— В отеле тебя ждет целый чемодан с одеждой. Ты когда-нибудь бывал в Лондоне?

— Дедушка, я даже в такси никогда не ездил!

— Тогда в такси мы доедем до Дерби. А там — купе первого класса в твоем распоряжении.

— Мне будет нужен паспорт. Мне нужны какие-то документы? По телевизору говорят...

— Да! Да, малыш. У тебя все будет. Я обо всем позаботился. — Старик сжал плечо Эндрю и улыбнулся, глядя на мальчика сверху вниз. — Обо всем.

Эндрю улыбнулся в ответ:

— Значит, моя семья богатая, дедушка?

— Мы принадлежим к старинному богатому роду, малыш.

— Да, тетя мне говорила. Ты не сердишься, что она мне рассказала? Она всю мою жизнь хранила этот секрет от мамы.

— Конечно не сержусь. Как только ты у нас обоснуешься, ты напишешь своим маме и тете, и секрета больше не будет. Расслабься и ни о чем не волнуйся.

Вдруг Эндрю осознал, что дождь уже закончился, а в конце улицы их ждет такси. Наступил вечер, улицы сверкали, а впереди его ожидала новая жизнь — он ехал в дом своего отца!

* * *

Естественно, никакой папа его не ждал, хотя богатое семейство в огромном поместье в Турции существовало. Когда они пристегнули ремни в салоне самолета на высоте тридцати трех тысяч футов, дедушка сказал Эндрю, что придет время, и он поможет ему найти отца. А пока древняя уважаемая семья ждала только его одного в доме таком большом, что он и представить себе не может, и в этом доме он уже никогда не будет одинок.

Тогда Эндрю осознал, слишком поздно, что те слова, которыми его мама и тетя перекидывались вечером два дня назад, — «киднеппинг» и «педофилия» — теперь относятся к нему. Он сказал об этом дедушке, но старик с ним не согласился. Эндрю *избран* от рождения. Он — особенный. Никто никогда не давал ему такую характеристику. Он — сакральный сосуд. Все, что говорил старик, было странным, загадочным и сбивало с толку. Эндрю никак не мог получить простой ответ на свой вопрос. Долгая поездка в лимузине убаюкивала. Эндрю время от времени засыпал и всякий раз погружался в кошмар. Кошмар прекратился, когда

они наконец остановились у высокой, увитой плющом стены из блеклого кирпича. Два охранника в чалмах и без рубашек потянули ворота из кованого железа в стороны так, чтобы в них смог проехать лимузин.

Когда Эндрю увидел огромный особняк, он все еще надеялся, что его папа на самом деле там, а дедушка просто над ним подшучивал. В особняке было много мальчиков и девочек, все примерно его возраста, кто-то старше, кто-то младше. Они разговаривали на разных языках и были одеты во все белое. Дети ходили по особняку, где хотели, но все они были грустными, как мальчик, погибший на перекрестке, и глаза у них были пустыми.

Дедушка присел на стул возле большой кровати, которая предназначалась для Эндрю. Эндрю переоделся в белую рубашку, белые брюки и белые сандалии. Дедушка наблюдал за ним, но без любопытства. Взгляд его был милостивым. Безучастным.

Эндрю поежился, хотя в комнате было тепло.

— Почему вы выбрали меня? У вас был Фрэнк Делани.

— Да, тот мальчик, который ко мне подошел. Его зовут Фрэнк? — Старик задумчиво посмотрел в окно на тусклый ржавый закат. — Фрэнк. Жесткий мальчик. В душе старый. Ему не хватает самого главного. Сущности, которую мы ищем по всему миру. Чистая эманация. Это всегда был ты, Эндрю. Как только я увидел тебя, то сразу это понял.

Гордость оттого, что его посчитали избранным, приободрила Эндрю. Никто в действительности его раньше не замечал, во всяком случае, не выделял среди других детей. И никогда его не ставили впереди Фрэнка. Может, теперь он станет сильнее. Он сможет пройти через это!

— Что с ним случилось? С тем мальчиком, который был с вами? Вы его убили?

Дедушка сухо рассмеялся:

— О нет. Зачем мне было это делать? Его смерть — большая потеря. — Старик встал и подошел к окну. — Нет, я его не убивал, но я в известной степени виновен в его гибели. Я должен был доставить его в целости и сохранности, но был слишком голоден. Я питался от него и не мог остановиться. Он обессилел, питая меня, и не видел, куда идет. Я очень горевал, когда потерял его. Мои слезы были

неподдельными. После того как он ушел, все, что мне оставалось, — это ждать тебя.

— И вы даже знали, что у меня где-то есть отец? — Эндрю был напуган, зол и одновременно исполнен надежды.

— О да. Я бы знал, если бы ты потерял его. Такие мальчики, как ты, растут без отцов под чрезмерной опекой матерей-одиночек, и порой из них вырастают жесткие молодые люди. Именно таким и будет Фрэнк, хотя его отец живет с ним. А потом становится уже слишком поздно. Эти мальчики встречают «своего старика», как они неизбежно называют отцов, и начинают его ненавидеть. Но ты, юный Эндрю, не такой. Ты сохранил надежду, самую ценную часть сущности. Ты будешь вознагражден. — Дедушка подошел к Эндрю и положил руки ему на плечи. — Но ты должен сохранить свою сущность до встречи со своей повелительницей, а теперь я оставлю тебя. Я и так сказал слишком много.

— Я ничего не понял из того, что вы сказали. Не уходите. Пожалуйста. Я не хочу оставаться один. — Эндрю заплакал.

— Я не осмелюсь остаться, Эндрю. Искушение для меня будет слишком велико. Ты — мое наказание, мое обретение. Им я расплачиваюсь за потери, которые не сумел защитить от себя самого. — Старик увидел в глазах Эндрю страх, увидел, насколько растерян мальчик. — Ты не пленник, сынок. Оглядись вокруг. Познакомься с другими. — Он подошел к двери. — Ты голоден?

Эндрю кивнул, хотя испытывал скорее страх, чем голод. Желудок у него сжался.

— Внизу столько еды, что тебе и не снилось. Иди найди столовую. Заведи друзей. В поместье немыслимое количество игрушек, книг, игр. Скоро придет день, и ты удивишься, что когда-то хотел уехать отсюда. — Старик выдержал паузу. — Ты ведь думаешь, что тебе лучше уехать, не так ли?

Эндрю снова кивнул. Никаких других мыслей у него в голове не было.

— И ты думаешь о маме и о тете? Думаешь — что с ними будет без тебя?

Эндрю отвернулся, у него защипало глаза, щеки стали мокрыми от слез.

— Скоро ты перестанешь волноваться. Ты утешишься тем, что у тебя больше не будет забот, тем, что тебя будут ценить гораздо больше, чем когда-либо в этом твоем захолустном городке.

Дедушка ушел. Эндрю оказался на балконе, его мучили рвотные спазмы, но в желудке было пусто. Он плакал, рыдал так, что у него заболело абсолютно все. Потом он еле добрался до кровати, лег на спину и бездумно уставился на полог из золотого шелка. Ему очень хотелось ощутить атмосферу родного дома. Почувствовать запах сырого камня, мха и плесени в погребе, тепло горящих в камине орешника и дуба и аромат тетиных оладий. В этом месте пахло тленом и торфом, корицей и шалфеем.

Было уже темно, когда в комнату вошла старая женщина. Она подошла к кровати, присела на краешек и погладила Эндрю по голове.

— Мам? — пробормотал он.

— Мой мальчик, я буду твоей мамой, твоим папой, твоим богом. А ты будешь моей величайшей радостью. Лежи тихо, вспомни всю свою жизнь, почувствуй радость и удовольствие, которое приносит невинность. Я не трону тебя, не причиню тебе боль. И постепенно тебя покинет страх, улягутся твои волнения, утихнет тоска.

Эндрю попытался сесть на кровати. Рука старой женщины коснулась его груди.

— Нет, Эндрю, доверься мне. Это будет как сон. Лежи тихо.

Он подчинился. Воздействие этой старухи на Эндрю было даже сильнее, чем гипнотическое влияние дедушки. Ее глаза с крохотными, с булавочную головку зрачками светились в темноте. От нее пахло кедром и цветущим апельсином, хотя аромат этот скорее напоминал запах дыма от угасающего где-то вдалеке костра. Женщина подняла над Эндрю ладони, словно грелась у исходящего от него тепла. Он закрыл глаза и погрузился в сон.

На самом деле это был кошмар. Сначала Эндрю увидел свою мать, веселую, молодую и беззаботную. Она была в пабе, пила эль с подружками, пока не появился высокий кра-

савец и не разлучил их. Он прижал ее к стене и наговорил кучу красивых слов. Она поцеловала этого мужчину, которого видела впервые в жизни, и позволила ему лапать себя прямо там, в пабе. Его рука залезла ей под юбку, и между ног у нее стало мокро от желания.

Мужчина отвел ее к своей машине и продолжал овладевать ею. Они были похожи на два голых организма, волнообразно входящих друг в друга. После того, что он с ней сделал, он сказал, что любит ее. Она не возражала. Они страстно поцеловались, он пообещал позвонить ей, а потом отвез домой, где она жила вместе с родителями.

На следующий вечер она нашла другого мужчину, а в следующий за ним еще одного. Никто из них никогда не назначал ей свидание, никого из них не было рядом, когда она обнаружила, что беременна. Тогда она стала спать с мужем сестры, Филиппом, которому всегда нравилась больше, чем простушка Молли. Она заявила, что Филипп — отец будущего ребенка. Он не вынес позора, не смог смотреть в глаза Молли и покончил с собой. Бедняжка Молли.

Филипп заложил дом, чтобы рассчитаться с карточными долгами и оплатить дорогие подарки прекрасной юной Бернадетте. Молли потеряла дом и жила, еле-еле сводя концы с концами, на пособие по безработице. Но, когда сестра приползла к ней с просьбой помочь растить спиногрыза, она проглотила обиду и стала жить с Бернадеттой в доме их родителей. В конце концов, подумала Молли, малыш, может, и не от Филиппа. Сроки расходились почти на три месяца. Филипп был всего лишь одним из болванов, с которыми путалась Бернадетта.

А потом в кошмаре Эндрю была бедная тетя Молли. Тетя Молли, воруюшая у людей, в домах которых она убиралась. Она воровала где колечко, где — часы, такие вещи, которые хозяева сами могли потерять. Ее ни в чем нельзя было обвинить. Во сне Эндрю видел тетю, стоящую у своего шкафа. В руках у нее коробка с наворованным добром. Она думает о том, какая у нее будет жизнь, когда она заложит все это и купит свою собственную квартиру. Ее неприязнь к сестре очевидна, она хочет, чтобы все, что есть у Бернадетты, превратилось в прах. Чтобы Эндрю был ее ребенком, а не Бернадетты. Наступит день, и она расскажет ему прав-

ду. Скажет, что его мать была шлюхой, а не секретаршей в больнице Бабингтона. Потом тетя громко, от души злорадно смеется.

Кошмар закончился. Старуха насытилась и впала в экстаз. Эндрю поднял на нее взгляд. Воздух вокруг старой женщины светился и мерцал. Она сидела на стуле рядом с кроватью и плакала. Эндрю сел. Мысленно он хотел подойти к ней и успокоить. Старуха продолжала рыдать. Но Эндрю почему-то не мог трансформировать свое чувство сострадания в действие. Он наблюдал за старой женщиной, пока та не утихла.

— Что с тобой произошло? Почему у тебя такие чувства? — Она вернулась к реальности и в упор посмотрела на Эндрю своими светящимися глазами. — Он не рассказал тебе?

— Дедушка? Нет, он только говорил о какой-то сущности и ценности. Вы из-за этого плакали?

Старая женщина встала и отступила от кровати на несколько шагов. Она немного подумала над тем, что можно ответить мальчику, и в результате ничего не сказала. Она открыла дверь.

— Пожалуйста, — ровным голосом попросил Эндрю.

— О, какой в этом вред. — Старуха вернулась к кровати. — Ты все равно все узнаешь, когда поговоришь с другими детьми.

Она села и прислонилась к столбику кровати.

— Мой мальчик, ты сейчас видел уродливую правду о своей жизни? Ты почувствовал горечь? — Она ждала ответа, но Эндрю молчал и никак не реагировал. — Я приподняла завесу, укрывающую тебя все десять лет твоей жизни. Ты не чувствуешь, что теперь часть твоей невинности перешла в меня?

Эндрю заглянул себе в душу. Там было темно и влажно, как в тот вечер, когда дедушка забрал его из города, только теперь там не было искр света.

— Тебе не повезло — теперь ты принадлежишь мне. Я всегда буду оплакивать то, что ты потерял, и сладость моей наполненности. Это кажется непонятным, сбивает с толку. Со временем это перестанет тебя смущать. Ты просто *будешь*. — Старуха рассмеялась, сухо, как совсем недавно

дедушка. — Подумать только, одна из этих глупых рас преклоняется перед этим состоянием... *быть*. Они называют это «просвещенностью». — Старуха снова встала, усмехнулась и подошла к двери. На пороге она улыбнулась, и зубы ее были похожи на игральные кости без точек. — До завтра.

Дверь за старухой закрылась. Эндрю посмотрел на свои руки, ощупал лицо. И руки, и лицо были такими же, как прежде. В реальности он не изменился. Завтра. Завтра он узнает, есть ли у них в библиотеке книги о Турции. Он не дочитал ту, что оставил... Где-то.

ТАНИТ ЛИ

И встала Венера из волн

Танит Ли родилась в Лондоне, живет в Уилде, графство Сассекс, с мужем, писателем Джоном Кайном, и двумя кошками. Писать начала в девять лет. Прежде чем в начале 1970-х годов опубликовать три книги для детей, работала помощницей библиотекаря, продавщицей, официанткой и делопроизводительницей. Лишь после того, как в 1975 году издательство «DAW Books» опубликовало ее роман «Колыбель смерти» («The Birthgrave»), а затем еще двадцать шесть произведений, Ли полностью посвятила себя литературе. К настоящему моменту из-под ее пера вышло более семидесяти романов и около двухсот рассказов. Среди ее романов — «Забелла, или Кровавый камень» («Sabella, or The Blood Stone»), «Кровь роз» («The Blood of Roses») и сага «Кровавая опера» («Blood Opera»), в которую вошли «Темный танец», «Личная тьма» и «Тьма» («Dark Dance», «Personal Darkness», «Darkness»), а ее рассказы выходили сборниками, среди которых «Алый как кровь, или Сказки сестер Гриммер» («Red as Blood, or Tales from the Sisters Grimmer») и антология «Сны о тьме и свете: лучшие рассказы Танит Ли» («Dreams of Dark and Light: The Great Short Fiction of Tanith Lee», 1986, издательство «Arkham House»). Книги Ли переведены более чем на пятнадцать языков, она дважды награждена Всемирной премией фэнтези за рассказы и Британской премией фэнтези 1980 года за роман «Хозяин смерти» («Death's Master»).

Четыре пьесы Т. Ли были поставлены на радио BBC; кроме того, она выступала как автор сценария двух серий культового сериала «Блейкс-7» («Blakes 7», BBC), включая космическую вампирскую теленовеллу «Саркофаг» («Sarcophagus»).

«Пока что я создала семь романов о вампирах и на смежные темы, — признается писательница, — или о разных видах вампиров, а также немало рассказов. Для меня вампиризм — это такая тема, насчет которой идеи приходят в голову сами собой. Эта тема безгранична, возможно, потому, что вампиры каким-то образом нашли себе местечко в нашем сердце. Рассказ „И встала Венера из волн" родился из моей зачарованно-

сти Венецией, которой я придала футуристические, искаженные черты. Но иронии судьбы, именно Венерой я называю Венецию в цикле книг, который сейчас пишу для американского издательства „Overlook", и лишь последнюю книгу цикла можно отнести к научной фантастике. Однако рассказ „И встала Венера из волн" — произведение научно-фантастическое, он посвящен столкновению прошлого и будущего, хотя его развязка, какой бы странной или неожиданной она ни казалась, лишь подтверждает власть повседневной реальности над самыми небывалыми областями жизни».

Плющ, словно длинные волосы, струился по фасадам домов, по изукрашенным ставням и свинцовым дверям, свисал и змеился, стекая в бледно-зеленый водный шелк лагуны. Две сотни старинных домов лежали в руинах. Порой из развалин выпархивала стайка птиц или поднималась струйка дыма. Весь день над водой клубился туман, а из него смертоносными золотыми кобрами вздымались башни. Лишь раз в месяц по лагуне проплывала лодка, рассекая тяжелые, будто загустевшие от безлюдья волны. Еще реже там или сям скрипел ставень, поддаваясь, рвались плети плюща, голубоватым лучом стекал по стене ручеек осыпавшейся штукатурки. А потом из окна выглядывало чье-то бледное лицо, возможно прикрытое маской. Да, в том краю все скрывалось под масками и вуалями. Гости появлялись редко. Они осматривали осыпающиеся мозаики, бродили под сводами арок, охотились за призраками в мраморных галереях. Затем спускались ниже уровня улиц-каналов, под землю, и там фотографировали: наглая вспышка выхватывала из вековых сумерек и запечатлевала катакомбы и сточные воды, гробы в кружевах, стайки крыс-альбиносов, что кишели вокруг гробов и сидели на крышках, готовые мгновенно исчезнуть, точно немые белые привидения с выжидающими глазами.

Утренняя звезда пролила на лагуну свое тускло-серебряное сияние. Взошло солнце. Послышался редкий здесь шум — в воды лагуны вошла лодка, точнее, катер.

— Вот здесь, пожалуйста, остановите, — попросила девушка на палубе.

Лодка причалила к каменным ступеням и остановилась, урча и покачиваясь на волнах. Пассажирка выбралась из нее с неуклюжей девичьей грацией и нерешительно стояла на краю города — сама жизнерадостность, ничуть не устрашенная мрачными громадами домов и равнодушным ликом города. Она явилась сюда с одной-единственной сумкой, в старомодных джинсах и рубашке. Ростом невелика, волосы короткие, белокурые, личико свеженькое, глаза живые, но наивные. Девушка повертела головой, посмотрела в небо. Потом принялась разглядывать один из домов, фасад которого нависал над водой, точно лицо с закрытыми глазами над зеркалом.

Катер заурчал громче, отчалил и понесся прочь, и девушка осталась наедине с молчаливым городом.

Она вскинула сумку на плечо и, пройдя по набережной, подошла к чугунным воротам. Толкнулась в запертую дверь, храбро постучалась, словно не соображала, что не стоит бросать вызов здешней тишине. От стука гулкое эхо взлетело из-под арки, разнеслось под зелеными хрустальными сводами неба, над усыпальницами домов. Это эхо как будто вспугнуло облупленные стены и потрескавшиеся колоннады на много миль вокруг. Но сам дом, куда постучалась девушка, безмолвствовал — ни звука, ни малейшего шороха, пусть даже приглушенного, какой издает змея, повернувшись во сне.

— Плохо дело, — звонко сказала девушка, обращаясь к тишине. — Надо же, а мне твердо обещали, что к моему прибытию тут будет смотритель.

Она беспечно оставила сумку у ворот, полагаясь на здешнее безлюдье, на безразличие мертвого города, и неторопливо пошла вдоль фасада. Снизу ей были видны узорчатые днища балконов; она прислушивалась, не стукнут ли где ставни. Но в тишине только и было слышно, как вода плещет о камни.

Дом назывался Палаццо Планет. Девушка знала о нем все, что только можно, а чего не знала, то надеялась выяснить по приезде, поскольку писала о дворце курсовую работу — она училась на журналистку. И ничего здесь не боялась.

На фасаде Палаццо Планет отыскалась еще одна дверь, обитая позеленевшей бронзой. Плющ не успел задушить ее, а над дверью белела мраморная статуя обнаженной женщи-

ны с голубем в руках. Девушка взялась за дверной молоток — тоже бронзовый, в форме кулака. Постучалась. На сей раз эхо получилось таким гулким, что даже она вздрогнула. Не иначе, дом изнутри пуст, половина внутренних стен обвалилась, и из мебели ничего не уцелело.

Теперь все эти старые города превратились в музеи, сохраняемые из-за их истории. Всякий мог приехать и осмотреть любой из городов, но желающих находилось немного. В городах оставались и кое-какие жители, но считаные единицы — в основном одиночки, чудаки и бедняки, за которыми пристально следило правительство. Джонкиль Хейр, а именно так звали путешественницу, заглядывала в регистрационную книгу этого города. Его население исчерпывалось ста семьюдесятью четырьмя именами, да и то часть стояла под вопросом, — неизвестно, живы были эти люди или уже нет, уехали или остались. А когда-то здесь обитали тысячи, боровшиеся друг с другом за выживание.

Гулкое эхо стихло где-то в глубинах дома.

— Ну все, я вхожу, — громко заявила Джонкиль. — Я предупредила!

И решительным шагом вернулась за своей сумкой, брошенной у ворот. Оглядела их, подергала густые заросли плюща, но те не поддавались. Джонкиль подняла сумку и ловко метнула ее через ограду, во двор: биться и ломаться было нечему, как опытная путешественница, она не брала с собой ничего хрупкого. Потом еще раз подергала плющ, хватаясь за плети маленькими, но сильными руками, вскарабкалась на самый верх ворот — все так же слегка неуклюже, но не без своеобразной грации. Там она села и заглянула вниз, в запущенный сад, не знавший садовника уже сотни лет, так что ветви деревьев и кустов переплелись между собой. Над садом висела утренняя дымка, смутно поблескивала синяя струя фонтана. Джонкиль улыбнулась, разглядев фонтан, потом вновь уцепилась за плющ и съехала в сад.

К полудню Джонкиль обследовала уже почти все палаццо. Она помнила расположение комнат достаточно четко, но не наизусть и не все целиком, а лишь отчасти — ей нравилось блуждать по залам и коридорам, как по лабиринту, не зная, куда они приведут. На первом этаже огромный зал вывел ее

в большой крытый внутренний двор, а тот, в свою очередь, в сад с фонтаном. Комнаты на втором этаже должны были выходить в висячий сад, однако их двери запечатали все те же синевато-зеленые густые заросли, что превратили висячий сад в подобие подводного грота, где колонны выступали из стен подобно желтым кораллам. С первого этажа две длинные лестницы вели в бессчетные подвалы и комнатушки, а еще в доме имелась просторная гостиная с зеркалами, покрытыми, будто паутиной, сетью трещин. Высокие окна гостиной выходили на лагуну, но ставни были наглухо заперты.

И повсюду резные узоры; света не хватало, и потому Джонкиль толком их не рассмотрела. Как она и подозревала, мебели в палаццо почти не сохранилось — один или два стола с недостающими ящиками, шаткие кресла, диван, обтянутый полуистлевшим шелком, некогда цвета слоновой кости. В одной из комнат, длинной, прямоугольной, обнаружился остов кровати и над ним — массивные столбы для балдахина, точно торчащие в потолок резные ракеты. Балдахин не сохранился, а вместо него над кроватью свисали целые драпировки паутины, слегка поблескивая в пыльных лучах зеленоватого солнца, которые едва-едва просачивались в спальню.

Джонкиль вернулась в гостиную, где ей все-таки удалось отворить ставень. В окно хлынуло послеполуденное солнце. В соседней комнате она положила на пол надувную кровать, поставила лампу на батарейках, обогреватель, тут же положила свечи, которые нелегально провезла в особой коробочке, обитой изнутри мягким. Надувать кровать не стала, уселась на сложенную и, поскольку в этой комнате ставни не отпирались, перекусила в зеленоватой подводной полутьме — кое-какие припасы и лимонад у нее с собой имелись. Наевшись, Джонкиль извлекла из сумки книги, блокноты, лупу, ручки, карандаши, камеру и миниатюрный магнитофон.

После этого она громко обратилась к комнате — как до того обращалась к городу и дому:

— Итак, вот я и здесь.

Но ей не сиделось на месте. Смотритель, наверно, вот-вот появится, а до его прибытия, до совершения формальностей, она чувствовала себя незваной гостьей, да что там, незаконной захватчицей. Конечно, смотритель откроет ей все секреты

палаццо, покажет голограммы, запечатлевшие обстановку палаццо во всей его роскоши, и костюмированные сценки из жизни, которая тут когда-то была, расскажет, где потайные ходы и комнаты, которые здесь наверняка должны быть.

Джонкиль устала: ей сегодня пришлось подняться в три часа ночи, чтобы поспеть на катер, и это после прощальной вечеринки накануне отъезда. Она расстелила кровать, подложила под голову надувную подушку, улеглась. Из-под полуопущенных век она видела прошитую тонкими солнечными полосками комнату. Шуршали по ставням плети плюща.

Ей приснилось, что она поднимается по какой-то лестнице, и лестница эта во сне показалась Джонкиль незнакомой. У подножия лестницы на верхушке мраморной колонны синел глобус из какого-то аквамаринового камня, а на нем Джонкиль разглядела неизвестные моря и материки. Она откуда-то знала, что этот глобус — неточная, наугад составленная в восемнадцатом веке карта планеты Венеры и что палаццо каким-то неуловимым образом связано с Венерой. Поднимаясь по лестнице, Джонкиль то и дело щурилась, когда в глаза били случайные лучики света, просачиваясь сквозь ставни. Она ощущала, что кто-то идет с ней бок о бок, но не по ступенькам, а как бы внутри облупленной стены, по левую руку от лестницы. Уже почти достигнув верхней площадки, которая терялась в темноте, Джонкиль увидела в стене стрельчатое, в мелком переплете, окно молочного стекла; вряд ли сквозь него удалось бы что-то разглядеть, потому что стекло к тому же покрывали натеки свечного воска. И все же, поравнявшись с окном, Джонкиль всмотрелась. Там, за стеклом, смутно маячила какая-то фигура — кажется, женская...

Джонкиль вскинулась: ее разбудили шаги смотрителя, простучавшие в тишине дома.

Обязанности смотрителя исполняла женщина, которая почему-то даже не представилась и не объяснила причин своего опоздания. Она вручила Джонкиль небольшой ящичек — электронный путеводитель, он же руководство по пользованию домом, объяснила, как пользоваться кнопками. На мониторе до обидного быстро промчались и исчезли видения комнат в полном убранстве — голограммы, которые мож-

но спроецировать на каждую комнату и как наяву окунуться в былое. В ящичке хранились и факсимиле всех документов, касающихся истории палаццо. Но Джонкиль и так уже знала почти все.

— Так, еще есть помещения наверху, чердаки. Вот главный ключ.

Смотрительница показала Джонкиль потайную лестницу, что вела на самый верх дома. Лестницу из сна она не напоминала — узкая, винтовая, точно на колокольне. Больше запертых помещений в доме не было.

— Если вам потребуется что-то еще, отправляйтесь в будку на площади. Вот код к автомату.

Джонкиль смотрительница не понравилась: плотная тетка средних лет, никакого обаяния, а главное — хотя она знает все о палаццо, но ничего в нем не понимает. Вон как неодобрительно глядит по сторонам. Уж наверняка эта тетка живет в одной из современных золотых башен со всеми удобствами по ту сторону лагуны, а они только отсюда, в золотой дымке, кажутся старинными и романтичными, хотя на самом деле — ничего подобного.

— А кто побывал здесь последним, до меня? — поинтересовалась Джонкиль. — Кто-нибудь приходил?

— В последний юбилей города, кажется, заезжал один посетитель. Ему хватило и дня — по-моему, он изучал росписи.

Джонкиль улыбнулась, довольная, что дом в ее распоряжении, потому что последний юбилей города был двадцать лет назад — почти столько же, сколько она живет на свете.

Когда смотрительница ушла, Джонкиль вздохнула с облегчением и отправилась в новый обход палаццо, ничуть не нервничая из-за тишины. Теперь она знала, как отпирать ставни, впускала в комнаты свет и рассматривала резные узоры. Как она и ожидала, бóльшая часть резьбы пострадала от времени. Кроме того, она пролистала голограммы в путеводителе по дому, полюбовалась на пышную обстановку — мебель, занавеси и на разодетые фигуры, занятые беседой или трапезой среди всей этой роскоши. При взгляде на голограммы палаццо казалось таким живым, что мысль о призраках даже и не закрадывалась в голову. Картинку с балом-маскарадом при свечах Джонкиль решила приберечь

на потом, чтобы посмотреть на нее вечером, в более подходящей обстановке.

День склонился к вечеру, и на водную гладь лег зеленовато-янтарный свет. Небо затопил химически-розовый закат, проступая постепенно, точно фотография в проявке. Над садом взошла вечерняя звезда, Венера.

Джонкиль поднялась по винтовой лестнице на чердак.

Ключ повернулся в двери легко, но сам чердак гостью разочаровал — это была анфилада помещений с высоким потолком, таких темных, что луч фонарика пронзал мрак, будто лезвие меча. Повсюду паутина, комки пыли, резко, отвратительно пахнущая гнилью плесень, от которой просто передергивало. И пустота. Какие-то клочья непонятно чего свисали с балок — знамена? драпировки? На одной из стен обнаружился гобелен в раме, но такой потускневший, что изображения было не разобрать, и, видимо, не поддающийся восстановлению. Джонкиль задумчиво побродила по заброшенному чердаку, жалея его:

— Бедный ты, бедный, до чего дошел, какой запущенный...

И вдруг наткнулась на сундук из странно холодного черного дерева.

— А это что у нас такое? — спросила она сундук.

Длинный, низкий, резьба на крышке уже начала крошиться... Какие-то непонятные плоды и венки...

Очертания сундука показались Джонкиль смутно знакомыми, как и изображенные плоды. Лимоны и гранаты, кажется? Может, они считались венерианскими фруктами? Когда-то в Палаццо Планет жил звездочет Иоганнус, одержимый Венерой, о которой ничего не знал, а лишь гадал, и все убранство дома, так или иначе, соотносилось с единственным предметом его помыслов. В своих трактатах Иоганнус утверждал, что ему удалось изучить поверхность планеты, глядя в телескоп, и будто бы видел он плотные облака, которые медленно разошлись и показали ему дно высохшего, а некогда бескрайнего моря — причудливый рельеф с горами, впадинами, кратерами. «Зерцало Венеры — ее море», — писал Иоганнус. Он зарисовал увиденное, но позже его рисунки были утрачены, как бóльшая часть трудов звездочета, — по слухам, все его труды сожгли, а сам Иоганнус еще

при жизни обратился в призрак палаццо и безумным седым старцем бродил по пустынным покоям, бормотал себе под нос, ждал, когда взойдут звезды. Умер он в больнице для бедных, нищим и сумасшедшим. Прислуга звездочета, опасаясь неблагонадежности его трудов, сожгла все рисунки и записи, попортила убранство палаццо.

Джонкиль попыталась поднять крышку сундука, но та не поддавалась.

— Ты что же, заперт?

Однако, осмотрев сундук, замка она не обнаружила — видимо, крышка или туго отходила, или просто разбухла от сырости.

— Ну, я еще вернусь, — пообещала сундуку Джонкиль.

Когда-то она написала небольшую курсовую про звездочета Иоганнуса — обычную прилежную ученическую работу, больше напоминающую письма, какие раз в году старательные внучки пишут дряхлым дедушкам. Она, конечно, ценила вклад Иоганнуса в культуру — если бы не он, не любоваться бы ей остатками этой красоты, — но сам звездочет как личность Джонкиль не особенно волновал. Другое дело палаццо! Вот можно включить путеводитель и проиграть на нем сценки из жизни звездочета, вплоть до последних его дней, до самого разгрома палаццо. Но Джонкиль не хотелось включать эту запись. Для нее Иоганнус был лишь придатком палаццо, а дом она воспринимала как отдельное живое существо, которое само себя украсило. Поэтому трактаты и рисунки Иоганнуса не представляли для нее живого интереса, и их утрата ее нимало не огорчала.

— Да, — повторила Джонкиль ящику, — вот как вернусь сюда с ломиком и вскрою тебя! И горе тебе, если внутри не окажется ничего любопытного!

Скорее всего сундук, конечно, пуст.

На лагуну и город опустилась ночь. Башни на той стороне лагуны потонули во мраке — они устроены так, чтобы не светиться и не портить пейзаж. Лишь кое-где в старом городе просачивался из окна и отражался в воде тусклый свет. Ночная тишина была совсем не такой, как дневная.

Джонкиль, напевая, ждала, пока дорожная плитка готовила ей отбивную; налила себе бокал вина (восстановлен-

ного в точном соответствии с рецептами времен Иоганнуса) и прошла в гостиную. Там она включила голограмму — воспроизведение бала-маскарада.

И вот гостиная в мгновение ока помолодела на двести лет. Повсюду засверкала позолота, и золотыми бриллиантами расцвели огоньки свечей на восковых стеблях, а на потолке теперь резвились дельфины и горлицы, окружая морскую богиню, что плыла по волнам в ладье из гигантской ракушки. За распахнутыми окнами раскинулся ночной город — засияли фонари под хрустальными колпаками, и поплыли по черным чернилам лагуны яркие гондолы, и над всем этим зазвенели переливы мандолин. Да и сама гостиная наполнилась голосами — загудела, как золоченый улей. Джонкиль не удавалось разобрать ни слова в общем гуле. Время от времени то там, то сям раздавался всплеск смеха, а еще до нее доносилась музыка. Но танцевать пока никто не танцевал. А может, они и вовсе не будут танцевать, ведь они совсем другие, эти существа из иного мира, разодетые в парчу, шелка, бархат, сверкающие золотым и серебряным шитьем, белизной и чернотой, унизанные драгоценностями, похожими на брызги воды. Вместо лиц у них были маски — головы рогатых оленей и цапель с плюмажами из перьев, бархатные кошачьи морды цвета *полуночи*, и *солнечные львиные*, и *лунные — снежных* барсов; личины ангелов, демонов, порождений морских глубин, будто только что вынырнувших из лагуны, и древних скарабеев. Все они, беседуя, смеясь, прохаживались по гостиной, пили кровавое вино из хрустальных тюльпанов, обмахивались веерами из павлиньих перьев и пальмовых листьев.

Джонкиль устроилась в уголке гостиной. Она могла бы пройти сквозь любого из призрачных гостей, которых изображали актеры в голографической записи, спроецированной на старую гостиную, — актеры в нарядах, искусно повторявших старину, в фальшивых драгоценностях, но она предпочитала держаться в сторонке, прихлебывая вино и тихонько напевая что-то свое под звуки мандолин.

После звездочета Иоганнуса в доме поселились другие люди, но и они умерли, когда пришел их черед, и вот теперь все они чередой проходили перед Джонкиль: богатая дама, принц, их друзья и враги, маскарады и балы, ужины и концерты.

Динькнул сигнал походной плитки, и Джонкиль выключила двести актеров в роскошных нарядах, тысячи сверкающих стразов и огней и пошла ужинать. Уплетая отбивную, она свободной рукой строчила в блокноте: «На голограмме все слишком уж красивое. Завтра сфотографирую сохранившуюся резьбу». Потом повторила написанное вслух.

Ей приснилось, будто она на чердаке, озаренном слабым, призрачным светом, — быть может, лунные лучи просочились сквозь ставни или щелястые ветхие стены. Снизу доносилась музыка, смех, голоса — шум голографического бала, который она забыла отключить. Джонкиль снилось, что она смотрит на сундук из черного дерева, и вдруг до нее доходит, что открывать его собственноручно вовсе не обязательно. Внизу, в гостиной, бронзовые часы пробили полночь — время снимать маски. В пыльной тишине чердака что-то приглушенно щелкнуло, и крышка сундука начала медленно подниматься. Джонкиль сразу сообразила, что же это ей напоминает. Какая-то неясная, смутная тень медленно села в гробу — видно было лишь, что она стройна, да еще — блеск глаз, устремленных на Джонкиль, вернее, белков.

Крышка гроба с грохотом рухнула на пол.

Джонкиль вскинулась и проснулась. Она сидела на своей надувной кровати, стиснув руками собственное горло и задрав голову к потолку.

— Просто сон, — громко объявила она.

Она зажгла лампу на батарейках, и маленькая комната проступила из тьмы. В доме царила тишина. За запертыми дверями спала пустая гостиная.

— Глупости, — сказала себе Джонкиль, легла поудобнее и принялась за чтение книги, не имевшей ни малейшего отношения к Палаццо Планет, и читала, пока не уснула, забыв погасить свет.

Площадь представляла собой сплошные развалины, и поскольку со стороны лагуны здания сохранились неплохо, то эти руины оказывались для путешественника полной неожиданностью. От домов на площади уцелели лишь остовы, верхние этажи провалились в нижние или обрушились на площадь, завалив ее обломками. Кое-где виднелись статуи, позе-

леневшие от времени, утратившие первоначальную позолоту. От плитки, которой когда-то вымостили площадь, тоже осталось одно название. И повсюду птичий помет. А посреди площади торчала будка, неподвластная разрушениям.

Джонкиль вошла в будку, включила связь со справочным и сердито заявила:

— Я обнаружила на чердаке сундук, и мне никак его не открыть! В путеводителе по дому он упомянут. Там написано: сундук-обманка, материал: черное дерево, одна штука.

— Вот поэтому вам его и не открыть,— объяснили ей.— В том-то и состоит шутка, обманка: это имитация сундука. Чаще всего они вырезаны из цельного куска дерева и открыть их нельзя. И внутри там ничего нет.

— Вовсе нет, некоторые сундуки-обманки отпираются. А этот к тому же полый, не цельный.

— Боюсь, вы заблуждаетесь. Наши сотрудники осматривали эту вещь. Сундук не отпирается, для хранения чего бы то ни было не предназначен и в нем ничего нет.

— Но рентгеновские лучи еще не доказательство, иногда на рентгене не видно... — начала было Джонкиль, но связь на том конце линии уже прервали.

— Ах вот вы как! — возмутилась Джонкиль.

Над площадью пролетели три птицы. Где-то в глубинах катакомб, под ногами у Джонкиль, бесшумно перебегали с места на место по своим делам крысы, целая колония крыс, белых, как лунный свет. Но девушка не боялась. Она отправилась обратно в Палаццо Планет — по узким темным переулкам, пахнущим гнилью. Там оконные рамы болтались снаружи домов, а сами дома готовы были в-от-вот сложиться, точно карточные домики, и под ногами ледышками хрустели осколки стекла. И повсюду висел тяжелый запах морской гнили, потому что море подступало к городу все ближе и ближе, постепенно затапливая его, погружая под воду, превращая в причудливый лабиринт из камня и воды. Многие здания уже погрузились под воду, и маслянистая водная гладь расстилалась над ними, неподвижная и спокойная, отражая солнце днем и звезды ночью.

В палаццо Джонкиль вошла через ворота, благо электронный путеводитель теперь их отпирал. Прошла через сад, мимо бирюзового фонтана, который, оказывается, изображал де-

вушку в миртовом венке. Потом поднялась прямиком на чердак. Дверь чердака стояла нараспашку, и Джонкиль показалось, будто именно так она все и оставила в прошлый раз.

— Вот и я, — провозгласила Джонкиль.

Утренний свет, невзирая на запертые ставни, все-таки освещал чердак солнечными полосками, так что фонарик Джонкиль не понадобился. Она подошла к черному сундуку и склонилась над ним.

— Значит, у тебя есть какой-то секрет. Может, у тебя крышка просто разбухла от сырости и внутри сплошная плесень... А может, у тебя двойное дно и на рентгене его не видно. Сейчас мы все про тебя узнаем.

Она попробовала поддеть крышку особым ломиком, нарочно сконструированным так, чтобы не повредить ценные предметы. Но ломик соскальзывал, и толку от него было мало. Тогда Джонкиль опустилась на колени и принялась ощупывать сундук, ища пружинку, щелку, какой-нибудь потайной механизм. Ее пальцы продвигались по гладкой поверхности сундука медленно, точно ласкали его. Да, и впрямь смахивает на гроб, но, будь в нем скелет, на рентгене это бы отобразилось точно!

— Насылаешь на меня кошмары, вот ты как, да? — шепнула Джонкиль сундуку.

Под ее рукой что-то шевельнулось, едва ощутимо, как будто дернулся от щекотки спящий ребенок. Джонкиль вздрогнула, отдернула руку, но тут же обругала себя дурой и трусихой и вновь провела пальцами по черному дереву. И снова легкое шевеление.

Она явственно услышала тот самый щелчок, который приснился ей накануне. Тут уж она не выдержала, отскочила от сундука и пятилась, пока не уперлась лопатками в стену.

Крышка сундука плавно поднималась, вот она сдвинулась и опустилась на пол — медленно, без грохота, лишь слегка стукнув. Никакая фигура из сундука не вставала, но Джонкиль, вытянув шею, увидела, что на дне ящика лежит какой-то продолговатый сверток.

— Ага, вот и наш секрет. — С этими словами она подошла поближе и, уже ничего не страшась, заглянула в сундук. — Да это картина!

Ну вот все и объяснилось, теперь понятно, почему кто-то пытался достучаться в ее сон, что-то передать.

Она наклонилась над сундуком и бережно вытащила из него узкую длинную картину в золоченой раме. Прислонила находку к краю сундука.

Полотно выглядело никак не меньше чем на триста лет — Джонкиль пришла к такому выводу, присмотревшись к манере письма, краскам и их сохранности, но датировать картину по ее авторству не взялась бы, потому что автора не знала.

Картина представляла собой длинный узкий прямоугольник. То был искусно написанный женский портрет в полный рост, только вот живости ему недоставало, и изображенная на портрете дама напоминала скорее красивую куклу с гладким лицом. Это и выдавало, что портрет писал не мастер, а любитель.

Женщина на портрете выглядела как ровесница Джонкиль, а значит, с поправкой на старину, на самом деле была моложе — лет восемнадцати-девятнадцати. Лицо бледно какой-то желтовато-голубоватой бледностью, но, впрочем, это, похоже, что-то с красками, какая-то реакция: если обычно краски на старинном полотне темнеют и уходят в коричневатые оттенки, то на этом портрете они поблекли и приобрели странный, мертвенный отлив. Значит, рассудила Джонкиль, и длинные белокурые волосы с желтизной, и синевато-серое платье — все это триста лет назад было ярче и другого оттенка. Да, распущенные волосы и свободное платье помогали датировать полотно вполне точно. Этот покрой и прическа неоспоримо указывали на определенную эпоху — так же верно, как если бы перед Джонкиль был портрет ее современницы, одетой и причесанной по последней моде. А вот фигура и лицо женщины на портрете показались Джонкиль необычными. Уж слишком эта дама подтянутая — не просто стройна, а прямо-таки спортивна, ничего похожего на пухленький подбородок или округлые плечи. Мускулистая, поджарая, как юноша, — такая внешность впору эпохе самой Джонкиль, когда граница между обоими полами нередко стирается.

Непроницаемое лицо с портрета смотрело на Джонкиль черными глазами. Нет, красавицей эту женщину не назовешь, и притягательности в ней нет. Лицо какое-то звери-

ное, плоское, будто луна, что светит ровным бледным светом. Возможно, причина в том, что художнику не удалось передать выражение лица.

Фон портрета Джонкиль поначалу приняла за изображение лагуны. Но, приглядевшись, поняла свою ошибку: между тяжелыми тучами и синевато-зеленой водой выгибали хребет горы, и сквозь них шел тоннель, похожий на какой-то небывалый акведук. Ну конечно, пейзаж Венеры, какой ее представлял безумный звездочет Иоганнус. Он-то и написал картину!

Интересно, как же это власти города умудрились не найти портрет, когда осматривали палаццо?

— Ничего себе! — воскликнула Джонкиль, обращаясь к портрету.

Сердце у нее заходилось от восторга. Да ведь она совершила настоящее открытие! Уж наверно, теперь она прославится!

Джонкиль приподняла портрет, поставила его повыше. Теперь она обращалась с полотном еще бережнее. Отметила, что для такого размера, да еще учитывая вес рамы, портрет удивительно легок. Ей вполне по силам отнести его вниз в одиночку. Джонкиль помедлила, приблизив лицо к бледному женскому лицу на портрете. Надо же, сам холст, фактура под слоем краски странная, но, впрочем, триста лет назад художники пользовались самыми разными материалами, порой очень необычными. Может, звездочет смешал с красками какое-то вещество собственного изобретения — нарочно, чтобы добиться такого оттенка красок.

В самом низу портрета был нарисован крошечный свиток, и в нем значилось какое-то имя. Джонкиль приняла его за подпись художника, но нет, имя, хотя отдаленно напоминало о звездочете, было женским — Ионинна.

— Вот что, И-о-нин-на, — обратилась к портрету Джонкиль, — мы с тобой отправляемся на прогулку. Недалеко. Я отнесу тебя вниз и там как следует рассмотрю.

Она подхватила холст и понесла его вниз по узкой лестнице, затаивая дыхание на каждом повороте.

Джонкиль очутилась на балу-маскараде — в белом атласном платье с серебряными прожилками, в белой кошачьей ма-

ске с меховой опушкой, а в руке — веер из длинных белых перьев, схваченных застежкой, сверкающей цирконами. Джонкиль все тревожило, что прическа у нее неподходящая, волосы слишком коротки для той эпохи. С ней никто не заговаривал, хотя вокруг стоял неумолчный гул голосов (а она опять не понимала ни слова). Все гости тоже были в масках, и напудренные локоны вскипали над масками, точно белая пена убегающего молока. Джонкиль пристально наблюдала за окружающими. Вот какой-то господин взял понюшку из шкатулочки (называется табакерка, для наркотика), вот дама в платье с черными и желтоватыми полосами, смотрит на толпу в рубиновый лорнет. А там, за окнами, плывут по глади лагуны сияющие огнями, увитые гирляндами лодки, и с них осыпаются в воду алые розы.

Джонкиль понимала, что никто ее не замечает, не хочет даже близко подходить, не желает с ней знаться, и от этого девушке было не по себе — ее ведь сюда пригласили. Интересно, кто она? Дочь дюка? Его любовница? Может, в таком возрасте уже полагалось быть замужем и нарожать детей? Придется прикинуться замужней и матерью.

Вот кавалер с пальцами, сплошь унизанными кольцами, а за ним — музыкант в пестром арлекинском наряде перебирает струны мандолины. А за ним стоит дама в сером наряде, непохожая на всех остальных. И серебряная маска у нее не такая, как у всех, — закрывает все лицо и изображает поверхность какой-то планеты, быть может, Луны с ее кратерами и высохшими морями. И волосы, слишком длинные, выделяющие ее из толпы гостей, не напудрены, не уложены в прическу — струятся по спине и по плечам, спадают ниже талии.

Даму в сером заслонила от Джонкиль кучка актеров, старательно разыгрывавших бальную сценку, — да, конечно, это же все постановка, реконструкция, это не на самом деле, — а когда танцующие пары пронеслись мимо, дамы в сером уже не было.

Не иначе эта дама тоже актриса, потому она и показалась мне знакомой, решила Джонкиль. И вдруг она рассердилась: ну что за дурацкое положение, сидишь тут как посреди сцены, а весь спектакль идет вокруг, и ты ни при чем. Она резко встала и прошла к дверям, прочь из гостиной. В соседнем

зале стояла тьма, но почему-то Джонкиль все равно различала очертания предметов, и очень удивилась, обнаружив там массивный остов кровати, который видела совсем в других покоях. Она ведь точно помнила, что в маленькой комнате, сразу за гостиной, устраивалась на ночлег, так где же ее походная надувная кровать и плитка, где ее лампа, книги и блокноты? А кровать Джонкиль видела не здесь, где-то еще, и тогда она была не застелена, а теперь — вот оно, полное убранство: и балдахин, и шелковые занавеси, и подушки, перины, вышитое покрывало... Но никакого музейного порядка: постель всклокочена, одеяло сползает, как будто Джонкиль недавно на ней спала. Джонкиль плотно прикрыла дверь в гостиную, и бальный шум тотчас смолк.

К своему немалому облегчению, Джонкиль обнаружила, что на ней тонкая ночная рубашка, а не бальный пышный наряд. Она забралась в кровать, откинулась на подушки, вздохнула. Ах, как удобно, уютно, мягко и просторно... Вот это роскошь!

В палаццо Иоганнуса воцарилась глубокая тишина, и до Джонкиль не доносилось ни единого звука. Она лежала и слушала эту тишину, давившую, как толща морских вод, если нырнуть поглубже. Она и чувствовала себя как под водой. Кости ее стали кораллами, глаза — жемчугами... Казалось, вот-вот сквозь щель в ставнях проплывет проворная рыбка, вильнет прозрачным хвостом, пересечет спальню. Но прежде чем это случится, успеет отвориться дверь.

И дверь отворилась.

В спальню пролился лунный свет, и этот же свет затоплял пустую гостиную, ибо бал-маскарад закончился. Из всех гостей осталась только дама в сером, в серебряной лунной маске — она-то и скользнула через порог спальни. За ее спиной, в зыбком, неверном лунном свете Джонкиль увидела лагуну, и вот растаяли стены палаццо, а вместо них — неведомые берега и горы, те самые, сквозь которые тянулся акведук. И постель уже не стояла посреди спальни, но мерно покачивалась на воде, однако Иопинна без малейших усилий шла по водной глади прямо к Джонкиль, простертой на постели.

С каждым шагом Джонкиль видела серебряную маску все отчетливее — иссеченную лунными каналами и крате-

рами, повторяющими рисунок на глобусе Венеры, виденном Джонкиль в палаццо. Маска отражалась в воде. Два серебряных диска, один в вышине, другой там, внизу, под водой, плыли к Джонкиль. Все ближе и ближе.

— Я должна проснуться, — приказала себе Джонкиль.

Она оттолкнулась от постели и, раздирая слои облаков, разгребая упругие волны, вынырнула из сна. Задыхаясь, села на постели.

— И ничуточки я не напугалась. С чего бы мне пугаться? — объявила Джонкиль в молчаливую пустоту.

Включила лампу и направила ее свет на портрет Ионинны, прислоненный к стене на противоположном конце комнаты.

— Что ты решила мне рассказать на этот раз? — спросила она. — Завтра я позвоню насчет тебя. Ты разве не хочешь прославиться?

Портрет не отозвался. В резком, беспощадном свете лампы он выглядел как-то жалко — грубоватые мазки, сумасшедшие декорации и напыщенная женская фигура. Но холст гладкий, даже слишком; Джонкиль коснулась его рукой.

— Спи, — сказала она портрету и погасила лампу, точно терпеливо обращаясь к неугомонному ребенку.

Наступила настоящая тьма, и в этом безлунном непроглядном мраке тишина палаццо подкралась под самые двери комнаты, где ночевала Джонкиль. Но она не боялась и хладнокровно представляла себе, как старый Иоганнус бродит туда-сюда в стоптанных комнатных туфлях. Звездочет полагал, будто увидел в телескоп поверхность планеты Венеры, и потому написал портрет-аллегорию, Венеру в образе женщины. Да, серебряная маска — такая же аллегория, как богиня Венера, выложенная на мраморном полу или нарисованная на плафоне в гостиной.

Джонкиль представила себе Иоганнуса в его кабинете, среди алхимических колб, реторт, инкунабул, свитков — всего этого изначального алхимического хаоса, который потом породил стройное совершенство творения. Она рассматривала старика-звездочета и его кабинет отстраненно — пыль, копоть, кляксы пролитых чернил и настоев, почерневшие черепа, алембики, в которых завелась плесень.

Иоганнус писал на пергаменте, гусиным пером.

Писал по-латыни, а она, хотя и изучала латынь для своих исследований, не могла разобрать его запутанный почерк и тайные сокращения, принятые среди алхимиков той эпохи. Но потом зазвучали слова, и Джонкиль проникла в их смысл. Слушать было скучновато, но она слушала. Джонкиль не удавалось вспомнить, когда она успела включить эту голографическую запись и, главное, почему.

— Итак, на сорок третью ночь я наблюдал целый час, и вот облако расступилось, и явилось предо мною лицо планеты. И зрел я большие моря, или же то было одно большое море, а в нем острова, подобные серебру, изрытому щербинами. И зрел я горы. И падал на все это желтый отсвет из облаков...

Джонкиль и сама не понимала, отчего не остановит запись. Это было скучно, скучно, скучно! Но она забыла, куда запихнула электронный путеводитель, а без него выключить голограмму невозможно.

— Семь ночей, ночь за ночью, я наблюдал небеса в телескоп, и каждую ночь раздвигались облака, точно белые колена, и представала предо мной ее нагота.

Чтобы выключить запись, надо найти электронный путеводитель, подумала Джонкиль, а для этого надо подняться с постели. Но постель так мягка, шелковые простыни льнут к коже, и вставать не хочется...

— И вот на восьмую ночь случилось небывалое. Я наблюдал, но и за мной наблюдали тоже. Рядом со мной присутствовало некое создание, наделенное разумом, оно ощущало мой безмолвный призыв и добралось до меня. Я и предположить не мог, что подобное возможно. Я видел пред собой лишь изображение планеты в миниатюре, но она видела меня целиком, видела, где я и что собой представляю, видела до каждого атома. Ощутив это, я отпрянул от телескопа и поспешно закрыл его. Но, мнится мне, было уже слишком поздно. Это существо каким-то образом перенеслось сюда, в наш мир. И теперь оно со мной, незримое, неслышное, — я знаю, оно здесь. Оно в неподвижном воздухе, в ночной тишине. Как мне быть, что же мне делать?

Голографическая запись погасла. Джонкиль лежала на массивной кровати в маленькой комнате за гостиной. Дверь была заперта. Но Джонкиль ощущала, что не одна, чуяла

чье-то незримое присутствие рядом с кроватью. Она медленно повернула голову на подушке — посмотреть, кто же с ней рядом.

Чья-то рука гладила коротко стриженные волосы Джонкиль. Ласка... Приятно... Джонкиль почувствовала себя кошкой, которую почесывают за ушком. Томно, разнеженно улыбнулась. Знакомое ощущение... Точно просыпаешься в первый день каникул, и мама садится на край постели поболтать, и спешить некуда. Но здесь, в темной комнате палаццо, рядом с ней была не мама, а какая-то удивительная дама... Джонкиль где-то ее уже определенно видела, но только вот вспомнить бы где. Может, встречала где-то в городе, ведь в нем обитают чудаки-одиночки — прогуливаются в бирюзовых сумерках на закате или в орхидейной дымке рассвета, когда над лагуной висит утренняя звезда. Знакомый облик — высокая, стройная, гибкая, в просторном голубом одеянии... А какие волосы! Шелковый белокурый водопад струится по спине и плечам, укрывает упругие груди, обрисованные голубой тканью, спадает ниже талии, на узкие бедра и плоский живот и ниже, ниже, там, где русалочье раздвоение меж ее ног...

— Привет, — сказала ночной гостье Джонкиль.

Женщина едва приметно качнула головой — заколыхались белокурые шелка. Это означало призыв к молчанию. Это означало — нам с тобой слова ни к чему. Но на лице гостьи мелькнула ответная улыбка — скользнула по губам и пропала, точно облака на небе. Эта улыбка одновременно и манила, и успокаивала. Темные, непроницаемо темные глаза устремились на Джонкиль с пристальной, какой-то жестокой нежностью. Джонкиль уже случалось ловить такие взоры, ей ведом был их тайный смысл, и теперь по ее телу пробежала необоримая дрожь, и она устыдилась себя. Отозваться так пылко и так скоро... Но женщина уже склонилась над ней так низко, что ее лунное лицо расплывалось перед глазами Джонкиль, а белокурая грива щекотала кожу девушки. Прикосновение губ — уверенное, властное... «Да, о да», — беззвучно ответила Джонкиль.

Женщина по имени Ионинна накрыла Джонкиль своим телом, придавила к постели всей тяжестью, и Джонкиль

лежала распластанная и беспомощная, но эта беспомощность была ей сладостна и желанна. Воля ее таяла, ей и пальцем было не шевельнуть, да и зачем? А руки Ионинны уже скользили по телу Джонкиль, уже ласкали ее груди, осваивали холмики и впадинки, так нежно, так неторопливо... Джонкиль трепетала. Обтянутые голубым шелком бедра мягко терлись о тело Джонкиль, наплывали, как волна, и Джонкиль изнемогала и таяла под этим нажимом, и выгибала спину, подаваясь навстречу. Она закрыла глаза и не думала ни о чем, лишь о том, что тело ее, не спеша, движется к сверкающей конечной точке, а руки незнакомки гладят, ласкают, нежат, проникают, щекочут, а русалочий хвост прижимается все теснее, и вот в ушах уже шумит прибой. Ионинна целовала и целовала Джонкиль, и та ощутила, будто тело ее плавится, перетекает в тело ночной гостьи, растворяется в ней без остатка, и даже сил кричать нет. А потом Джонкиль — распростертую, беспомощную — накрыла сладостная и мощная волна, и еще, и еще, и каждая новая волна словно смывала и уносила какую-то часть ее «я». А когда ничего не осталось, Джонкиль пробудилась в непроглядной тьме и полнейшей тишине, и на ней, точно крышка, лежало что-то твердое, но почти невесомое, и золоченая рама холодила тело Джонкиль. Потрет упал прямо на нее и укрыл ее с головы до пят.

Джонкиль сбросила с себя картину, та со стуком упала на пол. Девушка поспешно обшарила себя — она почему-то ожидала, что будет вся вымазана какой-то слизью или влагой, но нет, ничего подобного. Лишь слабость, шум в ушах да отчаянный стук сердца, заглушавший тишину.

— Соедините меня со смотрителем! — приказала Джонкиль тупому роботу в будке связи — тому, что в прошлый раз отвечал на ее расспросы о сундуке-обманке.

Снаружи по площади метался яростный ветер, и казалось, развалины покачивались на ветру — вот-вот упадут. Ветер нес облачка пыли и мелкий сор — то, что раньше было бумагой, тканью, а может быть, кожей. Ветер морщил воду лагуны.

— Смотритель не может ответить. Ваш запрос будет учтен, — ответил механический голос.

— Но картина... это важная находка! Я хочу, чтобы ее сегодня же переместили, ей нужны соответствующие условия хранения!

Робот отключился.

Джонкиль постояла в будке, точно в маленьком космическом корабле, опустившемся на неведомую и враждебную планету, где ветер несет сор чужой, непонятной жизни.

— Не дури! — велела самой себе Джонкиль. Вышла из будки и, пригибаясь, двинулась против ветра. Настоящая пыльная буря, ничего общего с мягким ласковым ветерком, который дует в нормальных, цивилизованных краях.— Подумаешь, сон. Это от одиночества. Всего-навсего старая картина, да к тому же еще и скверная. Возвращайся к работе, и все пройдет.

И Джонкиль вернулась к работе. Она методично сфотографировала все образцы резьбы в палаццо, показавшиеся ей необычными или как-то связанными с Венерой: изображение богини верхом на полумесяце; змею, обвивающую то ли планету, то ли шар. Перебросила фотографии в компьютер, распечатала и развесила распечатки по стенам своей комнаты. Портрет Ионинны Джонкиль уже успела убрать, и то ли она утомилась, то ли еще что, картина показалась ей тяжелее, чем в первый раз. В гостиной Джонкиль прислонила портрет лицом к стене, точнее, к зеркалам. Теперь ее отделяли от Ионинны метров двадцать пять, да еще плотно запертая дверь.

Она вновь обошла палаццо, измеряя, записывая цифры, делая заметки. Открыла ставни и долго смотрела на каменный улей города и на водную гладь. Ветер стих, на город наползал туман, и к середине дня он поглотил современные башни по ту сторону лагуны, точно их и не было.

— Здешний свет всегда отливает зеленью, — добавила Джонкиль, — смесью желтого и синего. Когда небо на рассвете или на закате розовеет, вода делается зеленой, точно микстура в аптечной склянке.

Через два часа солнце склонится к закату и наступит ночь.

Нет, ну это просто смешно. Чего таить, признайся себе, ты нервничаешь, ты чего-то ждешь. Но нечего бояться и тем более нечего предвкушать, так что не глупи.

Джонкиль ощущала подавленность, слабость, даже изнеможение, поэтому приняла двойную дозу витаминов. Она вскользь подумала, не в отравлении ли дело. Может, она съела что-то не то на прощальной вечеринке. Да, точно, вот из-за этого кошмары и снятся.

На чердак она больше не поднималась. Прогулялась по двору, похожему на полутемный грот, затем по саду — путеводитель послушно показывал ей, где раньше были тропинки, живые изгороди, деревянные заборчики и фонтан. Но эту голограмму она смотрела совсем недолго — слишком сильно работало воображение, и картинки, возникавшие перед мысленным взором Джонкиль, заслоняли все голограммы. А видела она Ионинну в серо-голубом наряде, Ионинну, блуждающую в тенистых аллеях сада.

«А кто, собственно, такая эта Ионинна?» — задумалась Джонкиль. Она решила, что ее подсознание переплавило и слепило в единое целое выдержки из записей звездочета Иоганнуса и нарисованную женщину. Что-то из его записей она забыла, а подсознание все запомнило. Судя по всему, несчастный звездочет истово верил, будто какой-то инопланетный разум с планеты, которую он наблюдал в телескоп, проник в его, Иоганнуса, сознание, а через него и в наш земной мир. Иоганнус, что вполне естественно, решил, будто носительница этого разума — женщина. (Ну да, Джонкиль читала, что в те времена всех необычных женщин объявляли если не ведьмами, так дьяволицами, исчадиями ада; как же Иоганнусу подумать иначе.) Образ этот овладел Иоганнусом с такой небывалой силой, что перешел в старческую одержимость, и тогда звездочет написал портрет — конечно, приблизительный, он ведь и планету, увиденную в телескоп, подогнал под привычную ему картину ада, только холодного. А написав потрет, он дал этой дьяволице свое имя, только в искаженной форме, — она ведь была его творением и порождением.

Джонкиль постаралась припомнить, читала ли она что-то подобное об Иоганнусе и его странностях, но решила, что читала и забыла.

Да, а потом он запер портрет своей воображаемой зловещей возлюбленной в сундук, похожий на гроб, чтобы слуги с перепугу не уничтожили картину.

Еще час, и небо окрасится в тона розовых лепестков и слабого чая. Солнце уйдет, над садом воцарится звезда. Наступит тьма.

— Да, детка, ты меня разочаровала. Я-то думала, ты молодчина, а ты тряпка, — с осуждением сказала самой себе Джонкиль. — Ну ничего, не расстраивайся. Мы переждем. Сегодня спать не будем и пересидим их. А завтра я уж разыщу эту треклятую смотрительницу — даже если мне придется добираться до нее вплавь!

На закате Джонкиль вернулась к себе в комнату. Путь туда лежал через гостиную, и на Джонкиль накатило желание подойти к портрету, повернуть его к себе и как следует рассмотреть, но она поборола этот глупый порыв. И сказала себе: все, что нужно, ты уже видела, и хватит. Быстро прошагав через гостиную, Джонкиль с грохотом захлопнула дверь в свою комнату. Теперь она отгородилась от всего палаццо.

Очутившись у себя, Джонкиль включила лампу, потом вытащила из сумки настоящие восковые свечи и их зажгла тоже. Запрограммировала на походной плитке ужин повкуснее: курицу с лимонным соусом и нежное картофельное пюре, а когда ночь простерла над лагуной свои темные крылья, Джонкиль закрыла ставни и включила музыку. Она ужинала, прихлебывая вино и записывая накопившиеся за день заметки и наблюдения над палаццо. В конце концов, работу свою она почти завершила. Может, взять и уехать прямо завтра? Конечно, месяц еще не истек, и катер придет в город не раньше конца месяца, и у нее обратный билет с фиксированной датой... Заказывать катер обратно раньше времени — это станет очень дорого, но зато, быть может, как только она покинет этот проклятый дом, работа пойдет легче... Конечно, Джонкиль рассчитывала не только провести исследование, но и как следует осмотреть сам город, однако две прогулки до информационной будки показали, что опасностей здесь больше, чем романтики. А если она к тому же столкнется с кем-нибудь из чокнутых обитателей города? Что тогда?

Джонкиль отчетливо представила себе руины под покровом ночи и задумалась. Нет, вряд ли там есть живые люди. А редкие огни, шорохи, дымок — это все позабытые механизмы. Из всего населения в городе только и остались, что

птицы да их подземные соперники, крысы. Она, Джонкиль Хейр, одна в этом пустом палаццо, одна во всем городе... Если не считать той, другой.

— Я тебе что сказала? Не глупи,— напомнила себе Джонкиль.

Голос ее прозвучал неожиданно громко, потому что музыка как раз оборвалась. Тишина, наступившая на смену музыке, казалась гулкой, необъятной, точно какое-то самостоятельное измерение. Джонкиль почему-то не захотелось ставить другую запись. Лучше не сердить эту тишину, не будить спящего бесформенного зверя, лучше вообще не шуметь. Пусть спит.

...Иоганнус строчил быстро-быстро, словно опасался, что не успеет дописать, что его прервут; когда гусиное перо сломалось в его торопливых пальцах, он тотчас схватил новое, заранее отточенное и лежавшее тут же под рукой. Продолжая строчить, он повторял вслух то, что писал, хотя губы его не шевелились.

— Я ощущал присутствие незваной гостьи днем и по ночам тоже, и сон бежал меня. Я твердил себе, что все это мне мерещится, но странное чувство, что рядом со мной кто-то есть, не проходило. Я вслушивался в тишину — не различу ли звук чужого дыхания, я всматривался в темноту — не увижу ли чью-то тень. Но ничего не видел и не слышал. Я ждал касаний, но не мог дождаться, а потом, ночь за ночью, стоило сну смежить мне веки, я вдруг пробуждался, но никого не было рядом, хоть я и ожидал, что некое чудовище взгромоздится мне на грудь. Да, оно находилось рядом, оно терлось подле меня, касалось меня, но не руками, и следило за мной, но не глазами.

Так прошли пять дней и четыре ночи. И вечером пятого дня, когда серебряная планета повисла над садом, оно осмелело, уверившись теперь, что меня нечего бояться, что я сам страшусь, и облеклось в некую форму. Да, у него появилась телесная оболочка, но что это — подлинная его сущность или же только личина, и отчего оно выбрало эту форму — оттого ли, что ему не принять иную,— мне неведомо.

Оно повисло в окне, точно неподвижный парус в штиль, и сквозь него просвечивал закат. Да, оно не шелохнулось,

ни единого дуновения жизни не исходило от него, и все же это было живое существо. В испуге я выбежал из кабинета, захлопнув дверь, но позже любопытство побудило меня вернуться. При свете свечей я увидел, что существо упало, а может быть, опустилось на мой стол. Я приблизился. Оно лежало складками, точно ткань с синим отливом, и, когда я, не удержавшись, прикоснулся к нему, оказалось, что на ощупь оно напоминает нежнейший бархат и тепло, точно человеческая кожа. Оно простерлось передо мной, укрывая своими складками мои книги и свитки, реторты и колбы. Состояние мое словами не опишешь. Скажу лишь, что обуревавший меня ужас сменился зачарованным изумлением. Не знаю, сколь долго я стоял и смотрел на эти синеватые складки, но вот издалека донесся голос служанки, возвещавшей, что ужин готов, и я поспешно вышел, тщательно заперев за собой дверь. Кто знал, что натворит это существо в мое отсутствие? А вдруг вновь исчезнет?

В ту ночь я спал на диво крепко, мертвым сном, а когда наутро открыл глаза, то существо висело прямо надо мной в воздухе, проникнув под балдахин постели. Как долго оно наблюдало за мной своим безглазым взором? Конечно, проникнуть в дом ему не составило никакого труда — оно просочилось сквозь щель под дверью, а дом давно был готов к таким гостям, да и город наш носит название в честь той же планеты, с которой оно явилось.

Но что же мне теперь делать? Что от меня требуется? Так я задумался, ибо твердо знал, что превратился в его покорного раба. Мне кажется, оно ожидает, что я помогу ему обрести форму, более привычную для взора земных обитателей, такую, чтобы ничем от них не отличаться, чтобы смешаться с ними, но как же это проделать? Как придать этому созданию облик не только обычный, но и привлекательный с земной точки зрения?

Ответ был явлен мне во сне. Может статься, незваный гость проник в мои мысли; так или иначе, он убедил меня, что способ лишь один. Он заметил мои картины, и теперь от меня требуется натянуть его кожу на раму и поверх этого небывалого холста написать картину. Но что же мне изобразить? Несомненно, мой гость научит меня, как поступить дальше, как уже научил в прошлую ночь.

Мне придется скрывать все свои действия от челяди. Слуги и так уже встревожены, они почуяли неладное, а мой камердинер нынче утром держался дерзко и угрожающе. Он негодяй, каких мало, и способен на что угодно. Поэтому, завершив картину, я решил уничтожить все бумаги, касающиеся моего странного гостя.

Джонкиль дослушала Иоганнуса, повернулась и увидела компанию друзей, с которыми не общалась уже года три: они мчались к ней на белоснежном катере по сверкающей глади лагуны. Над водой летели их радостные голоса, друзья приветственно махали Джонкиль. Спасена! Бежать, скорее бежать к катеру! Она кинулась к краю канала, но раздался какой-то металлический грохот, Джонкиль вскрикнула, и ее грубо вышвырнуло из глубин сна обратно в реальность комнаты. Свечи уже почти догорели, а воздух дрожал, точно вода во всколыхнувшемся пруду. И тишина перестала быть тишиной, в ней возникли какие-то звуки, какой-то шум — тот самый, что пробудил Джонкиль ото сна.

Она испуганно вздрогнула и рывком села. Никогда в жизни ей еще не было так страшно, да что там — жутко. Да, она же решила было не спать, бодрствовать всю ночь, но от ужина и вина ее разморило, и вот...

А этот сон о звездочете — просто глупость, бред, да и только!

Но за дверью гостиной что-то настойчиво скреблось, там, в темноте, среди зеркал.

Джонкиль чуть не взвизгнула и зажала себе ладонью рот. Сердце ее заколотилось, мысли заметались. «Тихо ты, дура! Слушай!» — велела она себе. Нет, тишина. Неужели померещилось?

Но скрежет повторился, теперь еще четче — резкий, громкий. Сомнений не оставалось.

Звук был такой, точно тяжелую ржавую цепь рывками волокли по мраморному полу.

И снова...

Джонкиль вскочила. За всю свою небольшую жизнь она научилась ничего не бояться, и ей всегда удавалось убедить себя, что у страха глаза велики, и вот теперь, верная своему девизу, который еще ни разу ее не подводил, девушка в три

прыжка очутилась у двери, резко распахнула ее и всмотрелась в темноту.

Тусклый свет догорающих свечей едва рассеивал мрак, не достигая самых дальних углов, отчего гостиная казалась еще темнее, все палаццо — еще неприветливее, а сами огоньки свечей — жалкими и бессильными. Густая, сплошная тьма наполняла гостиную, неподвижная и как будто даже твердая, и только на черной глади зеркал колебались слабые отблески. И в самом сердце этой сплошной густой тьмы что-то копошилось, скреблось, медленно, но неуклонно подбираясь к Джонкиль, выползая на свет.

Джонкиль застыла, не веря своим глазам. Нет, быть такого не может. Это все еще сон, и она должна, должна проснуться сию же минуту!

Портрет Ионинны, написанный звездочетом Иоганнусом на синеватой шкуре, принадлежавшей гостю с иной планеты, опрокинулся на пол вместе с массивной золоченой рамой, и теперь эта шкура, зажив самостоятельной жизнью, ползала по полу и волокла на себе раму, будто причудливый панцирь. Джонкиль разглядела выпуклости на холсте, перебиравшие по полу, точно зеленоватые лапки. Рама, смутно поблескивая в темноте, то и дело с протяжным скрежетом задевала пол. В этом зрелище было что-то от доисторического чудовища и в то же время от механизма — огромная механическая черепаха, что упорно двигалась к цели, подняв безглазую морду. А целью была Джонкиль, застывшая на пороге гостиной. Рывок, скрежет, еще рывок, скрежет. Ползущая картина была уже совсем близко.

Джонкиль отпрянула и захлопнула дверь. Потом проворно похватала все, что подвернулось под руку — надувную кровать, стол, стул, — и забаррикадировала дверь. В этот самый миг механическая черепаха в гостиной скрежетнула еще два раза и уткнулась в дверь, которая тут же затрещала под напором.

Джонкиль завертелась волчком, понимая, что попала в ловушку, а существо по ту сторону преграды все колотилось и колотилось в дверь, и жалкая баррикада содрогалась, грозя вот-вот развалиться. Другого выхода из комнаты не было, оставался лишь один путь к отступлению — окно. Джонкиль распахнула окно, выбралась на ветхий балкон, кото-

рый заскрипел и задрожал у нее под ногами. Балкон оплетал плющ, все тот же сине-зеленый венерианский плющ, похожий на водоросли, что задушили и опутали весь город, прорастая из каналов и расползаясь по руинам. Джонкиль ухватилась за его гибкие плети и перемахнула через ограду балкона, и в ту же секунду дверь с треском поддалась.

Девушка то ли падала, то ли съезжала по стене палаццо, цепляясь за ползучие плети. Со всех сторон ее обступила ночная тьма, а внизу плескалась об узкую мощеную полоску черная вода канала. Джонкиль глянула вверх, и руки ее, и так державшиеся за зеленые плети из последних сил, чуть не разжались: в окне маячила какая-то смутная фигура.

И тогда Джонкиль закричала. Портрет пытался перевалиться через подоконник и дотянуться до нее, но тут кошмар превратился в комедию: то ли рама застряла в ставнях, как в ловушке, то ли край синеватой шкуры зацепился за какой-то гвоздь, но портрет не мог сдвинуться с места.

Теперь Джонкиль, все так же висевшая не касаясь земли, видела лицо Ионинны, обрамленное позолотой и деревом, штукатуркой палаццо и ночной тьмой. Безжизненное, мертвое, неподвижное лицо.

Но внезапно по холсту пробежала конвульсивная дрожь. Он задергался, точно синяя амеба, на которую капнули кислотой. Он рванулся и высвободился из золоченых оков рамы, вон он уже держится на последних нитях и гвоздиках, выгибается, точно парус, надутый ветром, вспухает, точно живот, раздутый многовековым голодом...

Джонкиль тоже рванулась и прыгнула, пролетела последние два метра, отделявшие ее от узкой мощеной полоски между стеной палаццо и каналом, и рухнула во тьму, окутавшую город.

Явь теперь слишком походила на сон, и Джонкиль видела себя как бы со стороны. Она видела, как бежит. Сердце отчаянно стучало и подгоняло ее: быстрее, быстрее! Она бежала, спотыкаясь и падая, вслепую, наугад, не разбирая дороги. Ночь была безлунной, беззвездной, но какое-то слабое свечение все же висело в воздухе, и Джонкиль смутно различала то арку, то ступеньки, то обрушенную стену и снова падала, и снова вставала, и бежала дальше.

А за ней следовало безымянное существо. Оно вырвалось из золоченой рамы и неслось по воздуху — стремительно летело по городу, скользило по галереям, лавировало между колоннами, над черными артериями каналов, полными ночью. На лету оно свивалось и развивалось, и едва слышно шелестело, а потом вдруг разворачивалось, надуваясь как парус, ловя попутный ветер, и делалось похожим на бледного нетопыря.

Когда по рукаву Джонкиль скользнула гибкая плеть, свисавшая с какой-то стены, девушка пронзительно вскрикнула, решив, что Ионинна настигла ее и сейчас окутает смертоносным плащом. Эхо ее крика разнеслось по всему городу.

Но никто не отозвался, город был пуст и мертв — ни бродяг, ни стражников, ни воров, ни искателей приключений, ни единого огонька, ни единой живой души, некому было подоспеть на помощь Джонкиль, некому было даже стать свидетелем ее неизбежного конца. А конец близок: вот-вот ноги девушки подломятся от усталости, из груди вырвется уже не крик, но хрип, и бледный парус, летевший за ней по воздуху, упадет на нее и накроет с головой, поглощая, облепляя, гладя, лижа, лаская всеми своими языками и пальцами, всем бесформенным кожистым ртом, из которого и состояло это существо, — стремясь ничего не оставить от жертвы.

Но Джонкиль все еще бежала — по улицам, заваленным обломками, по непроходимым площадям, больше напоминающим лунные кратеры, усеянные осколками метеоритов, по сводчатым галереям, мимо черных каналов, хранящих в себе жизнь и смерть. В ее отуманенном мозгу возникла смутная надежда: а что, если кинуться в лагуну и поплыть туда, где вдалеке высятся незримые в ночи башни? Но нет, ей не выплыть, лагуна поглотит ее, и на рассвете на водной глади не останется даже пузырей...

Улица пошла под уклон, Джонкиль, спотыкаясь, все бежала, теперь бежать было немного легче, но от усталости она ничего уже не соображала, и сердце прожигало в груди дыру. Вниз, вниз, под ногами пощелкивают потрескавшиеся плитки, вниз, куда-то в подвал или в подземелье, которое станет для нее темницей, если не склепом, может быть, ноги несут ее в катакомбы, что проходят под всем городом, туда, где рядами лежат изукрашенные кружевами и позолотой

гробы, где вода стеклянно поблескивает на полу, туда, где не останется уже никакой надежды на спасение, где лишь отчаяние и смерть...

Но странно — там, впереди, забрезжил слабый свет. Что за издевательство, ей ни к чему свет, ни к чему видеть то, что поджидает ее под землей. Это фосфорическое свечение испускают мертвецы, мумии в своих тесных домовинах. Да, Джонкиль уже различала лужи на каменном полу, и вот уже зашлепала по ним, и замелькали по сторонам ниши в темных стенах, и очертания гробов... Статуя какого-то неведомого святого, изуродованная сыростью, плесенью, занесенной сюда гнилостным дыханием моря, той воды, что привела в этот мир существо с другой планеты. А впереди Джонкиль различила тупик и поняла, что давно уже ожидала чего-то подобного: что уткнется лбом в сырую, заплесневелую каменную стену и встретит свой конец. Да, к нему-то она и бежала по темному мертвому городу, и вот теперь упала на колени у этой стены. Дальше бежать было некуда, и силы покинули девушку.

Опустившись на сырой пол, она обернулась и в слабом фосфоресцирующем свете, исходившем от гробов, различила, как по пологому подземному коридору плывет к ней синеватая тень: простертые крыла, верный, неотвязный, невинный спутник спешит заключить в смертоносные объятия, запечатлеть еще один поцелуй.

Прежняя Джонкиль бодро сказала бы себе «не может этого быть, не верю», но теперь она ничуть не сомневалась в подлинности происходящего. Сон стал явью. Бежать некуда. Все кончено. Даже крикнуть она и то не может, потому что едва дышит. Силы у Джонкиль оставались лишь на то, чтобы следить, как неумолимо приближается голодный хищник на своих кожистых крыльях. Иошиша — пришелец — Оно само выбрало Джонкиль, проникло в ее сознание, заставило открыть сундук и извлечь картину. С другими Оно было осторожнее, таилось, не спешило показываться. Скорее всего, до Джонкиль Оно поработило и затем поглотило Иоганнуса, заставив его замаскировать пришельца под портрет и спрятать от суеверных слуг, боящихся всякой нечисти и готовых донести на хозяина. А может быть, Иоганнус пришелся ему не по вкусу, и теперь, изголодавшись за века заточения, Оно готовилось утолить голод.

Джонкиль отделяло от чудовища каких-нибудь пять метров. Оно скользило по воздуху, задевая лужи на полу и гробы, громоздившиеся в нишах по бокам прохода. На лету Оно сворачивалось и разворачивалось, шурша по сырому камню пола и стен. Теперь Джонкиль уже не могла оторвать от него зачарованного взгляда. Она утратила волю. Она хотела лишь одного — чтобы Оно наконец накрыло ее, окутало и поглотило и чтобы мучения закончились. Пальцы Джонкиль вонзились в грязь и нащупали кости.

А портрет Ионинны замедлил свой полет, не спешил, хотя теперь его движения не сковывал тяжелый панцирь золоченой рамы.

Пот заливал Джонкиль глаза, и на миг ей показалось, будто она видит, как стройная женщина с белокурой гривой, в синем платье, легкой походкой скользит по узкому подземному коридору, но вот что-то цепляется за край ее свободного платья, и она наклоняется, чтобы двумя пальцами высвободить подол.

Джонкиль замигала, смаргивая пот. Померещилось? Нет. Там, за скользящим венерианским парусом, за синеватым кожистым крылом, которое чуть-чуть просвечивало, мелькнуло что-то белесое, маленькое, мелькнуло и пропало, точно кто-то платком махнул. Вот еще, но ниже. И еще. И еще.

И вдруг это что-то метнулось и уцепилось за верхний край портрета, а потом спрыгнуло и пропало. А через миг уже два белесых пятнышка толкнулись в холст с изнанки, и картина внезапно сложилась и рухнула на сырой пол уродливым комком, а белые пятнышки так и посыпались на нее со всех сторон, ловко цепляясь коготками, поблескивая глазками и острыми-острыми зубами. Мгновение, другое — и они уже облепили картину, и Ионинна исчезла, осталось только белесое копошение.

И сквозь деловитое попискивание под сводами катакомб вдруг прорвалась и повисла в воздухе тонкая, едва слышная нота — легкий свист, какой порой возникает в ушах. Не стон, не всхлип, просто слабый свист, лишенный всяких чувств, не живой, не человеческий. Но подземные крысы-альбиносы были слишком заняты своим пиршеством и ничего не услышали. Цепкие коготки их шуршали по синеватому и кожистому, острые зубки рвали, рвали, и крысы по-

жирали то, что еще недавно было холстом, освободившимся от рамы. Они сожрали написанную на синеватой шкуре Венеру-Иоинну, сожрали море и горы у нее за спиной, сожрали ее живую, вздрагивающую плоть. Они тоже изголодались и давненько не наедались досыта.

Джонкиль, сжавшись, лежала в тупике под стеной, пока крысы не подъели последнюю крошку, последнюю ниточку. Они управились с Иоинной за считаные минуты, а потом порскнули в разные стороны, и вот уже нет ни синеватого холста с женской фигурой, ни белесых крыс, лишь каменная пустота и девушка на полу.

— А ну вставай, — приказала самой себе Джонкиль.

В голове ее гудело, но тот тонкий свист, что исходил от картины, прекратился. С трудом, в несколько приемов, она поднялась на ноги и заковыляла обратно, шлепая по лужам, прочь из катакомб, мимо гробов в нишах. Она дрожала от холода и слабости, отупела от пережитого ужаса и чувствовала себя дряхлой старушкой. В голове трепыхалась однаединственная пугающая мысль: она, Джонкиль, никогда уже не будет прежней, и мир вокруг тоже. Она выжила, но ей предстоит жить в каком-то ином мире, непонятном, полном опасностей.

Крыса, сидевшая на крышке гроба, проводила девушку взглядом глазок-бусинок. В желудке крысы переваривались синеватая оболочка и сны существа с другой планеты. С отсыревших стен продолжала медленно отслаиваться штукатурка. Тишина затопляла город, как подступающее море.

ДЖЕММА ФАЙЛЗ

Нулевой год

Джемма Файлз родилась в Великобритании, но в возрасте двух лет стала гражданкой Канады. Она получила степень бакалавра искусств и следующие восемь лет писала критические статьи на фильмы для популярных новостных и культурных изданий в Торонто.

Началом ее писательской карьеры можно считать рассказ «Полный рот шпилек» («Mouthful of Pins»), написанный для антологии Дона Хатчисона «Northern Frights 2». С тех пор ее произведения появлялись во многих журналах и сборниках, таких как «Grue», «Transversions», «Palace Corbie», «Selective Spectre», «Demon Sex», «Northern Frights 5» и «Queer Fear». Международная гильдия писателей в жанре хоррор признала ее рассказ «Старые кости императора» («The Emperor's Old Bones») лучшим за 1999 год, и впоследствии он был перепечатан и в «The Mammoth Book of Best New Horror Volume Eleven», и в «The Year's Best Fantasy and Horror: Thirteenth Annual Collection». По четырем рассказам Джеммы Файлз были написаны сценарии для телесериала «Голод» («The Hunger»).

«Вампиры, как шутят мои друзья, не имеющие отношения к ужасам, это тупиковая концепция, — объясняет Джемма Файлз. — Одни и те же сюжеты, снова и снова повторяемые без каких-либо изменений: слабенький грязный секс, приправленный добрым старым страхом. Но уже после нескольких вечеров поверхностного просмотра становится ясно, что даже самые давнишние произведения предлагают так же много различных типов вампиров, как и характеров людей, которыми они питаются (и, кстати, не все они пьют кровь).

Поэтому я считаю, что вампиры в литературе ужасов являются мировым эквивалентом теста Роршаха. Если ваше воображение ограниченно, то и ваше представление о вампирах будет также ограниченным. Если же нет...»

О приведенном здесь рассказе автор говорит следующее: «В детстве на меня произвела огромное впечатление теле-

визионная версия „The Scarlet Pimpernel"[1], где играли Энтони Эндрюс, Ян Маккеллен и Джейн Сеймур. Учитывая мои интересы и несговорчивую натуру, я, безусловно, отождествляла себя скорее с агентом Шовленом и его друзьями-революционерами, чем с этим порочным хлыщом сэром Перси. Во всяком случае, этот фильм породил во мне пожизненное увлечение Французской революцией, которое великолепно уживалось с таким же пожизненным пристрастием к историям о вампирах; та же кровь, обезглавливание и общее жестокое потрясение естественного порядка... А поскольку выражение „оживший кровопийцы" всегда казалось мне отличным эпитетом для любого представителя новой аристократии, полагаю, что эту историю нельзя расценивать иначе, чем мою попытку немного конкретизировать приведенную метафору, равно как и чуть-чуть позабавиться».

> И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, брошенную на попрание в кровях твоих, и сказал тебе: «в кровях твоих живи!» Так, Я сказал тебе: «в кровях твоих живи!»
>
> *Книга Иезекииля, 16:6*

В самый разгар Французской революции, когда убили короля и выпили его кровь, они все установили заново: новый календарь, новые месяцы, новую историю. Остановили часы нации и вдребезги разбили их механизм; стерли все, что было написано на доске, и саму доску сломали об колено. Новые проекты составлял неудавшийся актер Фабр Д'Эглантин. Он растянул семидневную неделю до десятидневной декады и перекроил месяцы, устроив идиллическую последовательность пасторальных образов: фруктов и цветов, ветра и дождя. Алый блеск гильотины скрылся в отблесках кипящих омаров.

Первый год из начинающейся последовательности должен был стать Нулевым годом. С этого момента начинается

[1] *«The Scarlet Pimpernel»* («Очный цвет», в России выходил под названием «Красный цветок») — роман из цикла Эммы Барстоун (псевдоним — Баронесса Орчи), посвященного событиям Великой французской революции.

отсчет всех происходящих событий. А все, что случалось раньше, просто... пропадает.

Итак, Париж, 1793 год. Термидор, год Третий, как раз перед окончанием Террора...

— Эй, гражданин, ты уже покраснел от стыда.

Я должен встать. Жан-Ги Санстер медленно и лениво размышляет — слова утрачивают очертания, едва успев сформироваться, словно вода, вытекающая из воображаемой ладони, когда вялые пальцы расходятся, не в силах ее удержать. Поднимайся. Действуй. Борись...

Но, вместо того чтобы подняться, он чувствует, как все тело погружается в какое-то странное загадочное оцепенение — руки и ноги тяжелеют и едва двигаются, голова не может оторваться от темно-красной атласной обивки. Жан-Ги откинулся на спинку в экипаже, еще недавно принадлежавшем шевалье дю Прендеграсу, полностью погрузившись в душный сумрак тяжелых бархатных занавесок, и чувствует себя беспомощным микроорганизмом, попавшим в ловушку под слегка выпуклой сферой наполовину прикрытого веком глаза.

Снаружи, где-то совсем близко, слышатся монотонное рычание и кашель Вдовы, национальной бритвы, легендарной машины, рассекающей воздух на площади Революции. Этот великолепный механизм, запатентованный элегантным доктором Гильотеном, навсегда излечивает головную боль, похмелье и бессонницу. Потом раздается шлепок упавшего на доски тела и стук головы в корзине. Весь процесс сопровождается шутками и смехом вязальщиц[1], столпившихся у подножия эшафота, их фригийские колпаки кивают в такт каждому церемонному шагу палача. Эти злобные ведьмы, самоизбранные хранители общественного сознания, пережили уже не одного представителя своих бывших угнетателей. Огромные толпы санкюлотов — бесштанников — кричат в один голос, требуя еще больше свобод, — им всегда мало. Колоссальный кровожадный поток, не имеющий ни

[1] *Вязальщицы* (Tricoteuses — *фр.*) — женщины из простонародья, настроенные патриотично, регулярно посещали заседания Конвента, Революционного Трибунала и казни с вязанием или шитьем в руках.

истока, ни устья, грозит захлестнуть городские улицы мстительными волнами.

— А тебе известно, какие сложные процессы происходят в теле, чтобы вызвать краску стыда, гражданин Санстер?

Этот медлительный голос — нереальный и тягучий, словно звучащий завиток дыма, — сочится из темно-красной глубины экипажа.

— Я проделал кое-какие наблюдения по этому вопросу, — негромко продолжает он. — Конечно, любительские, но самые тщательные, насколько позволили имеющиеся в моем распоряжении источники.

Жан-Ги, лежа на сиденье экипажа шевалье, чувствует, как изгибается и расплывается его тело, словно нагретый воск под грузом его собственного гипнотического изнеможения; как теряют очертания его сильные, но бездействующие руки и ноги, лишенные сухожилий...

— Румянец вызывается поднявшейся кровью, в чем можно убедиться в определенных точках тела — в сплетении вен, их ведь так легко проследить, почти... прочитать.

Желание лететь, бороться, такое властное и настойчивое. И такое абсолютно... невыполнимое.

— Видишь, вот здесь эти отметины проявляются особенно отчетливо: эти узлы вен и артерий, деликатно обвивающих твои запястья. Еще два более мощных сосуда спрятаны у корня языка. А один, очень длинный и выпуклый, обвивает лишенный костей орган, чье название я бы не рискнул произнести в смешанной компании.

Садится. Безвольно падает. И думает.

Я должен...

— Чувствуешь, как там что-то пульсирует? В той самой — запретной — области?

...должен проснуться.

— Это тоже кровь, друг мой. Кровь, которая — как говорит старая пословица — обязательно проявится.

Но все это сон, напоминает себе Жан-Ги, удивляясь собственной способности мыслить логично. Я умудрился заснуть на посту, что само по себе плохо, но вряд ли непростительно. А поскольку я размышлял о хозяине предателя Дюморье, об этом шевалье дю Прендеграсе — из бывших аристократов, мне и приснился такой странный сон.

В конце концов, Прендеграса здесь никак не может быть, он ведь бежал от агентов Жана-Ги, как и все поганые аристократишки. А следовательно...

А следовательно, я скоро проснусь и выполню миссию, возложенную на меня Комитетом общественного спасения: поймаю Дюморье и уничтожу это гнездо шелковых гадюк. И все будет как надо.

А в это самое время шевалье (или его призрак — как же иначе он мог здесь оказаться, будь то во сне или наяву?) улыбается, глядя из багрового сумрака на Жана-Ги, и в его улыбке сквозит вежливое, но отчетливое изумление. Мало того что его невысокая, худощавая фигура одета во все красное, так еще и явное отсутствие надлежащей гигиены лишает его аристократической элегантности; ужасный бархатный камзол увенчан аккуратно повязанным, но откровенно грязным галстуком, шелковые чулки протерлись до дыр и свисают на башмаки с пряжками. Темные ободки окружают удлиненные кончики пальцев: грязь или что-то другое засохло под ногтями и почернело.

От слишком белой кожи исходит зловоние, напоминающее о склепе. Даже для не слишком тонкого нюха Жана-Ги запах кажется чересчур резким.

— Судя по узору вен на твоей коже, у тебя избыток крови, гражданин, — слышится ему тихий голос шевалье. — А потому, просто из вежливости, я считаю, что малая часть этого излишка может перейти ко мне.

— Проклятый аристократишка, ты не можешь выражаться яснее? — хрипло восклицает Жан-Ги.

— Вероятно, нет, — следует шелестящий шепот. — Да, как я ни стараюсь... Я даже не буду пытаться.

Узкая напудренная голова ожившего призрака истребленного поколения наклоняется, язык облизывает бледные губы, а Жан-Ги, словно лишившись костей, лежит под ним. Все его органы такие расслабленные и обмякшие...

...кроме одного.

И вот: 1815 год. Снова Париж, поздний сентябрь — старый календарь в совершенно новой империи, улица Оружейников, незадолго до сумерек...

...и поверенный семейства Жирардо встречает Жана-Ги с ключом в руке у двери дома, где когда-то жил Эдуард Дюморье.

С тех пор как Жан-Ги в последний раз был в этой части Парижа, прошло больше десяти лет, и инженеры-строители Наполеона за это время выпрямили бóльшую часть темных аллей, превратив их в расходящиеся наподобие спиц колеса бульвары, обсаженные деревьями, и мощенные камнем — хотя и мало пригодные для пешеходов — улицы. Тем не менее улица Оружейников и сейчас выглядит точно так же, как прежде: узкая дорожка треснувших каменных плит, удерживаемых гравием и известковым раствором, пахнущая помоями и мочой, стиснутая с обеих сторон покосившимися дверями или закопченными вывесками бакалейщиков, свечников и нотариусов. И в центре квартала возвышается сумрачный и покосившийся дом Дюморье — три не слишком крепких этажа пустых комнат, и это в городе, где за жилые помещения люди дерутся, как из-за упавшего на тротуар франка.

— Люди избегают этого дома,— с готовностью подтверждает поверенный и, слегка пожимая плечами, добавляет: — Ходят слухи, что здесь водятся привидения.

И еще одно дополнение к дополнению, такое отчетливое, словно сформировалось в мозгу Жана-Ги...

Хотя я, конечно, не обращаю внимания на подобные вымыслы, поскольку я рациональный человек, живущий в рациональном и просвещенном государстве обновленной Франции, в эпоху без королей, без тиранов...

И Жан-Ги, в свою очередь, мысленно отвечает: *Мы все когда-то были рациональными людьми. И Революция, наше возлюбленное дитя, расцвела по той же причине — Афина с обнаженной грудью рвется к свету сквозь осколки черепа Зевса.*

На поверенном Жирардо черный бархатный сюртук, слегка поношенный, но тем не менее праздничный, в руке маленькая атласная маска, а его волосы зачесаны назад и напудрены в «античной манере», отвергнутой двенадцать лет назад. А на его шее, под воротом Жан-Ги замечает край ярко-алой атласной ленты, очень аккуратно завязанной как раз под яремной веной.

— Я вижу, вы оделись для какого-то торжества, мсье.

Поверенный слегка краснеет, словно застигнутый за каким-то недостойным занятием.

— Обычное общественное увеселение, — отвечает он. — Бал Мертвецов. Вы слышали о нем?

— Что-то не припоминаю.

— Там будут танцевать мертвые, мсье Сантер.

А, конечно.

Дома, на Мартинике, где Жан-Ги предусмотрительно скрывался последние десять лет, он прочел в газетах о конце террора, о том, что ярый фанатик-якобинец Максимилиан Робеспьер был сначала ранен выстрелом, а потом казнен на гильотине; что его Комитет общественного спасения распущен, рабство восстановлено, и все вернулось к обычному мирному порядку. Эти известия дали начало короткому, но бурному периоду всеобщего ликования жителей, населявших живописные берега. Танцы продолжались в любое время дня и ночи, и в них участвовали как вольные негры, так и французы-креолы. Все одевались в стиле *a la victime* — в тонкие белые рубашки или блузы без воротничков, что означало готовность принести себя в жертву на алтарь патриотизма. Все закалывали волосы наверх, максимально обнажая шеи, и повязывали красные ленточки для доброй Вдовы, чтобы она, если потребуется, могла запечатлеть на этом месте свой кровавый и безмолвный поцелуй...

Карточки участников Бала Мертвецов заполнялись согласно понятиям собственной виновности; в них перечислялись имена тех членов семьи, которые имели несчастье познакомиться с изобретением доктора Гильотена, или тех, кого они сами отправили на эшафот. И жертвы, и палачи одевались мертвецами и гордились собой, словно воскресшие родственники короля, все раскачивались и вертелись в медлительном потоке старинной крови — мусор, подхваченный разбушевавшимся течением сточной канавы по окончании сильного ночного ливня.

По камням стучат колеса повозки для осужденных: аристократов, коллаборационистов, предателей и тиранов, просто активно несогласных или невежественных людей — одну бедную женщину арестовали по подозрению в подстрекательстве к мятежу только за то, что она громко звала своего сына к ужину. Так случилось, что мальчишку, так

же как и обезглавленного короля, звали Луи. А в противоположном лагере друзья Жана-Ги, революционеры: жирондисты, экстремисты, дантонисты, якобинцы и патриоты всех мастей. Многие из них в конце концов пали жертвами собственной фатальной подозрительности.

А здесь, значит, их преемники и подражатели, оставшиеся в живых, принарядившиеся в шелка, веселятся почь напролет и накладывают тонкий слой учтивости, даже наслаждения на незажившие воспаленные раны la Mère France[1].

На одном таком мероприятии Жан-Ги встретил девушку, впоследствии ставшую ему женой, и несколькими неделями позже заплатил за нее выкуп родственникам. Ее звали Хлоя. Маленькая, скромная и добропорядочная девочка с абрикосовой кожей и почти голубыми глазами; примесь негритянской крови — *du sang negre* — проявилась в ней гораздо меньше, чем в наружности Жана-Ги, и была почти незаметна даже при самом пристальном рассмотрении.

И только теперь, через несколько лет после ее смерти, он признался самому себе, что в основе их союза лежала не сердечная склонность, а именно эта разница в цвете кожи.

Он смотрит на лужицу у своих ног и в мутной жидкости видит свое отражение: смуглый человек в темном сюртуке — стал старше, но ничуть не бледнее. Светло-каштановые волосы под высоким шелковым цилиндром подстрижены очень коротко, чтобы избавиться от мелких завитков; в тени широких полей прямой французский нос отца и орехового цвета глаза, кажется, совершенно не соответствуют смуглому цвету кожи, доставшемуся от рожденной в рабстве матери. Смешение рас, стоит только присмотреться повнимательнее, проявляется в каждой части его тела; печально известное последствие колонизации, воплощенное в плоти и крови. На его спине даже остались легкие рубцы, правда, они появились после бурных ночей на супружеском ложе.

За легализацию союза его родителей даже не пришлось платить деньги. В те времена его мать давно уже была собственностью семьи Санстер.

Но эти мысли быстро утомляют, не говоря уж о том, что они давно ему знакомы. А до тех пор, когда над Па-

[1] Мать Франция *(фр.)*.

рижем снова поднимется солнце, ему предстоит еще много дел.

— Желаю вам хорошо повеселиться на балу, мсье, — говорит Жан-Ги поверенному. — А теперь, будьте добры — мой ключ.

Он протягивает руку и приятно улыбается. Поверенный снова краснеет и кивает.

— Конечно, мсье, — отвечает он и протягивает ключ.

Жан-Ги начинает подниматься по ступеням, а поверенный кричит ему вслед:

— Возможно, вы найдете помещение не совсем таким, как вы его помните, но это из-за того, что на верхнем этаже какое-то время проживал мсье Дюморье!

Жан-Ги задерживается у двери и бросает на поверенного быстрый взгляд.

— Я могу только надеяться на это, мсье.

1793 год.

Жан-Ги очнулся уже в сумерках на пустой улице; злобная толпа, намеревавшаяся догнать и захватить бывший экипаж шевалье дю Прендераса, вероятно, обнаружила другую, более достойную цель. Он лежит навзничь на куче мусора у задней двери мясной лавки, его тошнит, и голова гудит от боли. Хотя он и не в состоянии определить, тошнит ли его от физической слабости или от запаха гниющих костей и жужжания вьющихся перед глазами мух, но он поднимается, слыша голос его лучшего агента — ла Хайра, — призывающего открыть глаза, идти или хотя бы подняться...

— Пусть меня поразит богиня рассудка, если мы не думали, что навсегда потеряли тебя, гражданин. Мы опасались, что тебя убили или даже арестовали. Как всех других членов Комитета.

Точно такой же совет давал он сам себе совсем недавно, когда лежал в душном красном сумраке бархатных портьер, придавленный и обездвиженный, в ловушке дьявольски мягкой, но прочной атласной обивки экипажа шевалье.

И вдруг:

— Гражданин Санстер! — Шлепок по щеке поворачивает его непомерно отяжелевшую голову влево. — Тебя загипнотизировали? Я говорю, мы никак не могли тебя найти.

Ну... теперь вы меня нашли. Неужели...

— Гражданин?

Голос шевалье в крови Жана-Ги превратился в едва слышный шепот. Его невидимый взгляд из-под красной маски мелькает перед глазами, словно далекие горячие зарницы.

Он трясет головой, все еще ощущая жжение от прикосновения ладони ла Хайра. Заставляет себя шевелить языком и губами.

— ...комитет.

— Комитета больше нет, гражданин. Развеян по ветру.

— Гражданин... Робеспьер?

— Арестован, ранен, челюсть держится только на повязке. Завтра он поцелуется со Вдовой — и мы тоже, если только не уберемся из этого вонючего города как можно скорее.

Жан-Ги слабой рукой опирается на плечо ла Хайра и с трудом поднимается на ноги; горло распухло, губы и десны саднит, в одном уголке рта появляется теплая струйка свежей крови, уже застывший кровяной сгусток прилип к коренным зубам, у корня языка. Пока он встает, появляется еще кровь; она приклеивает полотно расстегнутой рубашки к левому соску на груди. А когда Жан-Ги делает шаг, он замечает, что и его брюки склеились и потемнели от засохшей крови, там...

...в запретной области...

На одном запястье горит воспаленная полукруглая рана, окруженная кровоподтеком. При виде этого болезненного полумесяца в голове всплывают то ли воспоминания, то ли остатки сна: маленький шершавый, как у кошки, язычок шевалье плотно прижимается к тонкой коже чуть выше голубоватой вены.

Я оставил на тебе свою метку, гражданин.

Жан-Ги подносит руку ко лбу, кашляет, видит, что пальцы стали влажными и красными. Опускает взгляд на открытую ладонь и обнаруживает, что она полна крови, смешавшейся с по́том.

— Дюморье, — с трудом произносит он, — тоже... взят?

— Несколько часов назад.

— Отведи меня... в его комнату.

А теперь небольшое отступление. Можно с предельной точностью утверждать, что Жан-Ги никогда — до настоящего

времени — не придавал никакого значения россказням старух о том, будто аристократы утоляли свой голод за счет черни, что они буквально жирели, поедая плоть бедных и несчастных людей. Все это чистая риторика, народные сказки и метафоры, как в памфлетах Камилла Демулина: «Церковники и аристократы — настоящие вампиры. Стоит только посмотреть на их лица и сравнить с цветом собственной кожи».

Хотя, надо признать, в лице шевалье дю Прендеграса, как ему смутно припоминалось, не было ни малейшего намека на краску... здоровья, или чего-то еще.

Вскоре после возвращения на Мартинику у Жана-Ги состоялся непродолжительный разговор с английским врачом по имени Габриэль Кейнс, известным благодаря его десятилетним попыткам определить причины (и способ лечения) настоящей чумы болот, называемой желтой лихорадкой. Жан-Ги, разгоряченный одной или двумя бутылками отличного кларета и ободренный обещанием доктора хранить секрет, поведал ему историю встречи с шевалье во всех подробностях и даже продемонстрировал отметины на запястье и...

...везде.

Эти незаживающие раны время от времени, словно повинуясь какому-то загадочному сигналу, открывались и начинали кровоточить. Возможно, они реагировали на невидимый переход их создателя сквозь трещины между известными и неизвестными областями их общего мира, не нанесенными на карту?

Можно подумать, мы когда-то находились в одном и том же мире — такой, как я, и такой, как...

...он.

— А здесь у вас, мсье Санстер, — принялся объяснять доктор Кейнс, осторожно касаясь блестящей тонкой кожи, и все же причиняя томительную зловещую боль, — постоянное скопление застоявшейся крови. Мы, костоправы, называем это гематомой, на латыни haematomane, или сгусток крови.

Доктор объяснил Жану-Ги, что в этом полушарии — даже на его родном острове — обитают летучие мыши, чья генетическая особенность послужила прообразом тех мифических чудовищ, о которых упоминал Демулин. Слюна этих летучих мышей содержит в огромном количестве коагулян-

ты — смесь химических веществ, которые, попадая в открытую рану, способствуют кровотечению и даже усиливают его. Но при этом он добавил:

— Однако я лично никогда не слышал, чтобы подобная реакция возникала при попадании в кровь слюны человека, даже из такого семейства, как ваш бывший компатриот-якобинец, который, по вашим словам, обладал потребностью пить кровь.

Из чего можно сделать заключение об огромной роли науки в данном рассказе.

И теперь, снова приближаясь к обители Дюморье, Жан-Ги поднимается по скрипучим ступенькам к давно запертой двери на ржавых и тугих петлях и ощущает, как прошлое смешивается с настоящим...

Сейчас, в 1815 году, он ступил в тесную мансарду с низко нависшим потолком, забитую античной мебелью, с чудесными парчовыми портьерами, изъеденными молью и изрядно пропылившимися, стульями в стиле Людовика Четырнадцатого, с гнутыми спинками и треснувшими ножками. Расколотые шкафы и мрачные закопченные стены, исписанные непристойными словами.

На одной стене черной плесенью расползлось зловещее пятно. Силуэт огромной полумертвой серой летучей мыши.

Жан-Ги с удивлением обводит ее контуры. Вспоминает 1793 год...

...окровавленное ложе, заваленное трупами, которые оставили гнить у этой самой стены, тот же самый полупрозрачный силуэт, но кроваво-красный, резко выделяющийся на фоне белой штукатурки.

О, как Жан-Ги тогда уставился на него — он онемел от потрясения и стоял неподвижно, пока ла Хайр перечислял все подробности дня, украденного у него полуденным сном. Ла Хайр рассказал, что агенты Комитета долго не могли взломать дверь, а когда ворвались в квартиру, Дюморье, едва успев уложить последнего мертвеца, поднял голову и злобно усмехнулся. В его руке был зажат острый шпатель, и он, не переставая улыбаться, поднял руку и...

...повернул острием к себе, а потом перерезал горло, хотя они кричали ему, чтобы он остановился.

Под распростертым крылом пятна Жан-Ги закрывает глаза и позволяет мыслям вернуться еще дальше — к самому началу, до того, как Термидор преградил революционный поток, до того сна в экипаже шевалье, найденного впоследствии пустым и ободранным на краю ямы, наполненной отрубленными головами и известью, до отчаянного бегства Жана-Ги и ла Хайра в Кале, а оттуда — на Мартинику, где ла Хайр будет служить старшим надсмотрщиком в поместье Сансгера до самой своей естественной смерти. К самому началу.

Или, по крайней мере, к весьма ограниченной версии Жана-Ги.

Итак, снова 1793 год. Пять часов давно минувшего «августовского» дня, когда солнце склоняется над изломанными крышами улицы Оружейников, стекает по водосточным канавам вместе с остатками сильного ночного ливня. Жан-Ги и ла Хайр сидят вместе в кафе за шатким столиком у выходящего на улицу окна. Они ненадолго сняли трехцветные шарфы и ленточки, прихлебывают отвратительный кофе и прислушиваются к громыханию колес повозки с сегодняшними осужденными, доносящемуся с вонючей улицы. В то же время они оба не сводят взглядов с верхнего окна дома Дюморье, убежища подозреваемого в предательстве, считавшегося (до того, как дом перевели в разряд «отеля для граждан») частью наследственных владений некоего шевалье дю Прендеграса.

— А кто такой этот Прендеграс? — спрашивает Жан-Ги у ла Хайра.

— Бывший аристократишка, кто же еще? Как и все они.

— Да, конечно, но кроме этого?

Ла Хайр пожимает плечами:

— Какая разница?

В этот неприглядный дом, стоящий по другой стороне улицы, часто входили другие аристократы — мужчины, женщины и даже дети, — имевшие письменные разрешения ходить по улицам Парижа, но не покидать его пределов. Но редко кто из них вновь появлялся на улице. Возможно, их привлекала репутация Прендеграса, как «одного из наших», и они возлагали на его подручного Дюморье надежду обрести спасение или убежище. Тот факт, что позже их уже никто не видел, доказывал, что их надежды не были тщетными.

— Канализация, — высказывает свое предположение ла Хайр. — Сточные канавы в прошлом неплохо нам послужили, когда приходилось прятаться от роялистских мерзавцев после заседаний в клубе «Кордильеры»...

Жан-Ги усмехается:

— Потайной выход, вероятно, из погреба? А потом вниз по реке со всем этим мусором и к далеким берегам на каком-нибудь средиземноморском корабле?

— Это вполне возможно.

— Так говорили и *проклятые* церковники, когда речь шла о воскресении Христа.

Он грубо хохочет.

— А, не стоит так огорчаться по этому поводу, гражданин. Зачем? В конце концов, они заплатили сполна, эти толстозадые попы, за все свое отвратительное вранье.

Да, конечно. Жан-Ги, кивая, с улыбкой вспоминает. Они заплатили сполна в объятиях Вдовы, как до них заплатили король и его австрийская шлюха.

Тем временем на улице появляется гораздо менее возвышенная дама с явно дурной репутацией, вероятно не нашедшая себе достойного занятия в толпе, окружавшей венчальную тропу Вдовы. Завидев двух мужчин, она задирает юбку, демонстрируя Жану-Ги сначала алую нижнюю сорочку, а потом и треугольник таких же красных волос в промежности. Ла Хайр окидывает ее взглядом, беззубо усмехается и хихикает; Жан-Ги предпочитает игнорировать ее усилия и в ответ на свою *politesse* получает грубый презрительный жест. Он не намерен демонстрировать неожиданный приступ гнева и отводит взгляд, снова возвращаясь к окнам мансарды...

А там, между изъеденными молью портьерами, появляется другое женское лицо: из темноты позади треснувшего стекла выглядывает фарфорово-гладкая маска девушки, мертвенно-бледная в тени предположительно пустой квартиры. Она висит неподвижно, как восковые головы в музее гражданина Кертиса — студии скульптора, где изображения обезглавленных друзей и врагов Франции изготавливаются со слепков, сделанных его «племянницей» Марией. В один из дней Мария Гросхолтц бросит Кертиса на растерзание толпы, которой он служит, а сама, обвенчавшись с другим мужчиной, уедет в Англию. Там она, воспользовавшись полученными навыка-

ми, откроет собственный музей, но уже под другим именем — мадам Тюссо.

Какое белое лицо. И окруженные глубокими тенями глаза. Черты лица, когда-то царственно-величавого, теперь не выражают ничего, кроме тоски и безропотной покорности. Тот же самый взгляд встретит Жана-Ги после рейда с ужасной груды тел, завалившей ложе Дюморье. Эта гордая аристократка, беззаботно раскинувшая руки, с обнаженной кожей, испещренной пятнами, — как и у всех остальных лежащих вместе с ней жертв...

(Как и лоб самого Жана-Ги сейчас, в 1815-м, когда он изучает невидимую точку на стене, где в результате ухода Дюморье появилось влажное пятно.)

...кровавого пота.

А вот и его «старый недуг», как он назвал это состояние во время краткой консультации с доктором Кейнсом. Периодически повторяющееся истечение крови, регулярное, как дыхание, нежеланное, как ночной кошмар, постоянно вызывающее покраснение его кожи, и не только это.

И сейчас, как и тогда, Жан-Ги спрашивает себя: зачем тогда выглядывать? И зачем прятаться, если время от времени отодвигать портьеру и демонстрировать враждебной улице свое специфическое лицо?

Но...

Он вспомнил, как что-то бормотал шевалье, слушавшему его с выражением вежливого равнодушия на лице.

— Вы, аристократы... такие упрямые...

— Да, гражданин.

— Как та девушка. Которая...

— Появляется в окне Дюморье? Конечно.

— Но откуда... — Он решительно сопротивляется нарастающей апатии и пытается закончить фразу: — Откуда... ты знаешь?..

И шевалье, почти повторяя жест ла Хайра, пожимает мускулистым плечом, прикрытым прекрасным алым бархатом.

— Я просто знаю, гражданин Санстер.

Он то ли шепчет, то ли жужжит? Да, точно, это жужжание, такое тихое и близкое к его щеке, что Жан-Ги ощущает вибрацию во всех потайных точках, где избыточная кровь

накапливалась, а теперь начинает сочиться из его медного тела, в котором смешались две расы.

А кто же, как вы думаете, мог приказать ей выглядывать?

На Мартинике, располагая временем и деньгами, находясь на безопасном расстоянии от окрашенного кровью сатанинского берега, Жан-Ги предпринял осторожные попытки в исследованиях долгой и достаточно запутанной истории рода Прендеграса. Занятие увлекло его, и вскоре накопилось множество недоступной ранее информации — фактов, которые невозможно было получить ни во время Революции, ни до нее.

Он словно ковырял незаживщую рану, ощущая одновременно боль и удовольствие. Но совершенно очевидно, что на полное излечение рассчитывать не приходится, так какая разница, что обнаружит Жан-Ги в процессе своих изысканий?

Шевалье Жофруа д'Ивер, первый представитель этого рода, получил титул во время Крестового похода под предводительством Ричарда Львиное Сердце, за успех в битве при Акре. Старая история гласила: в сражении было захвачено около трех сотен язычников, но двигаться с такой массой пленников к истинной цели — святому городу Иерусалиму — было бы довольно затруднительно, и вспыльчивый Плантагенет, не желая отпускать добычу, приказал всех их обезглавить на месте. Были построены плахи, вырыты ямы для сжигания, и в течение трех полных дней обезглавленные тела сыпались лавиной из-под неутомимых мечей д'Ивера и его товарищей, пока не иссяк поток ожидавших своей очереди жертв.

После того как работа была выполнена, как свидетельствуют записи очевидцев, добрые христианские рыцари залили ямы «греческим огнем» и уехали, оставив после себя сожженные трупы.

— Совсем как вы сами в эти сентябрьские дни, — пробормотал знакомый голос над ухом Жана-Ги. — Триста семьдесят восемь пленников, ожидавших суда в Консьержери, были отданы на растерзание злобной толпы твоих товарищей-патриотов, и всех их разорвали в клочья прямо на улицах.

Прикрыв глаза, Жан-Ги вспоминает группу бегущих мимо него женщин — с красными по локоть руками, пьяных от крови — со связками ушей, украшающих открытые лифы платьев. Вспоминает, как бесновались и хохотали добропо-

рядочные горожане, взобравшиеся на скамьи, чтобы лучше видеть еще бьющееся сердце принцессы Ламбалье, вырванное из груди, когда палач бросил его в кубок с бледной аристократической кровью и произнес тост за здоровье Революции. Вспоминает и светочей свободы: мрачного Жоржа Дантона, страстного Камилла Демулина...

И самого Максимилиана Робеспьера, Неподкупного, в голубом мундире, с близко посаженными кошачьими глазами, прикрытыми дымчатыми стеклами очков. Такие очки обычно надевали, чтобы защитить зрение при наблюдении солнечного затмения.

Семейство Prend-de-grace[1], намеревавшееся закрыть солнце; бесплодная новая планета, неустанно кочующая по новому темному небосклону. И их руки, отрубленные в одно мгновение,— топор серебряный с красным над местом казни — только красным.

Окровавленное оружие висит — без всякой видимой опоры — над полем, покрасневшим от отрубленных голов.

Мы как нельзя лучше подходим друг к другу, ты и я, не так ли?

— Гражданин?

1793 год.

Кровь и грязь, и далекий стук проезжающих повозок. Горячая духота сменяется моросящим дождем, и вокруг них кружатся и дрожат новые волны вони. Дюморье сворачивает за угол, на улицу Оружейников, и ла Хайр обменивается с Жаном-Ги многозначительным взглядом: план атаки остается без изменений. Ла Хайр зайдет с заднего хода, куда юркнула проститутка, а Жан-Ги, оставаясь настороже, подождет под навесом, пока не раздастся условленный сигнал, и за это время зарядит свой револьвер.

Они дали Дюморье несколько минут, чтобы подняться, и одновременно встали со своих мест.

Пятна кровавого пота, воспоминания червями клубятся в голове. И еще несколько кровавых штрихов к истории клана Прендеграс.

---

[1] *Букв.*: «получающий милость» *(фр.)*.

Их девиз: «Nus souvienz le tous». «Мы все помним».

Наследственная должность при дворе: смотритель королевской спальни, обязанность, прерванная, по исторически очевидным причинам, на некоторое время в царствование Генриха Наваррского.

Слухи: говорят, что во время резни в ночь святого Варфоломея одного из Прендеграсов — его имя не указывается — видели пьющим за здоровье Карла IX и с останками зарезанного протестанта в руке.

Прендеграс. «Те, кто обрели милость Бога».

Обрели.

Или захватили Божью милость...

...для себя?

Жан-Ги чувствует, как его качает, и с силой вдавливает кулак в стену, стараясь удержаться. Костяшки пальцев начинает саднить, под кожей пульсирует боль, словно его собственное бьющееся сердце похоронено под слоем пожелтевшей штукатурки.

Жан-Ги, держа револьвер за отворотом куртки, направляется к двери Дюморье и вдруг обнаруживает, что дорогу ему преградила орущая толпа вооружившихся горожан. Еще один стихийный протест, возникший на фоне общего разочарования и уличной демагогии, не направленный ни на какую определенную цель, влекущий за собой не столько разрушение, сколько шум и беспорядок. Обычная «магия патриотов», превращающая пустое пространство в хаотическое сборище, не требующая ни ловкости рук, ни заклинаний.

На другой стороне он замечает ла Хайра, прижатого к двери свечной лавки, но, не останавливаясь, отводит взгляд, чтобы не выдать их знакомства разгоряченной толпе. Похоже, здесь никто не питает особой склонности к Комитету, который, как безостановочно скандируют люди, «украл нашу кровь, чтоб добыть себе хлеба».

(Однако в этом есть какая-то доля символичной симметрии.)

Толпа увлекает его за собой, мимо проститутки, мимо кучи мусора и кафе, и выносит на мощеную мостовую.

Жан-Ги оступается на краю канавы, подворачивает ногу и едва не падает, но выпрямляется. Кричит, пытаясь преодолеть шум толпы.

— Граждане, я!.. — Ему никто не отвечает. Жан-Ги кричит громче: — Послушайте, граждане, я не намерен с вами ссориться, у меня здесь дело!.. — И еще громче: — Граждане! Дайте... мне... пройти!

Но никто из соседей по толпе опять не отвечает — ни высоченный и явно пьяный мужчина с пикой, украшенной трехцветной лентой, ни две женщины, старающиеся набрать в свои фартуки побольше булыжников и не обращающие внимания на орущих за спинами младенцев. Ни даже этот оцепеневший молодой человек, раз в жизни вообразивший себя — скорее всего, по ошибке — лидером этого сборища, а теперь увлекаемый своими «последователями» то в одну сторону, то в другую. У него светлые выпученные глаза и длинные тонкие руки, едва держащиеся на дрожащем теле.

Вот цена уличного ораторства. Жан-Ги печально вздыхает. Дешевые слова, поспешные поступки; беглый перечень реальных идеалов — и стремлений, и в награду краткий миг славы, аплодисментов и власти...

Причина провала Революции в двух словах.

А затем...

...над ним нависает тень, мягкая и мрачная, как едва слышный шепот в кошмаре, но удивительно и неожиданно тяжелая, давящая на плечи — и оставшаяся на долгие годы.

На него сзади — почти бесшумно — надвигается красный экипаж.

Отлично.

Он проталкивается мимо копьеносца, между двумя женщинами, получает тычки и ругательства, иногда отвечает тем же и, схватившись за ближнюю дверцу, забирается на подножку экипажа. Потом достает из кармана трехцветное удостоверение и тычет его в лицо единственному пассажиру...

— Я реквизирую этот экипаж именем Комитета общественного спасения!

Жан-Ги поспешно проскальзывает на переднее сиденье, и обитая мягкой тканью дверца быстро, но бесшумно захлопывается. А едва различимая фигура напротив него внезап-

но чуточку наклоняется вперед — всего лишь красно-белый силуэт на красном фоне, в полумраке задернутых занавесей.

— Именем Комитета? — слышится тихий голос. — Что ж, мой экипаж к вашим услугам...

...Гражданин.

Жан-Ги ошеломленно всматривается. И наконец замечает руки Прендераса, нависающие над ним: обшлага рукавов украшены вышивкой — серебро на красном, *красное* на красном, выделенные на фоне толстого бархата случайно пробившимся лучом солнца.

1815 год.

Жан-Ги чувствует, как новая теплая струйка течет по руке, пропитывает ткань и окрашивает манжету в красный цвет. Его военные раны опять открылись, реагируя на близость... чего? Его собственных разрозненных воспоминаний, ускользающих и мимолетных, словно капли на стекле? Этого зловещего мрачного дома, где Дюморье, словно какой-то тропический паук, заманивал аристократическим именем своего господина все новые и новые жертвы в свою паутину, а потом связывал их, прежде чем использовать для утоления фамильного голода шевалье?

Кровь течет с запястья на ладонь, заново увлажняет стену; кровь из-под языка наполняет горло, и, когда он кашляет и сплевывает на пыльный пол, позабыв в момент спазма обо всех приличиях, слюна оказывается тоже красной.

Сгусток крови в пыли — словно законченный алый иероглиф: влажный, отталкивающий, бесконечно тягучий. Абсолютно... непонятный.

Я оставил на тебе свою метку, гражданин.

Кровь на воротнике, на его соске. Его

...плоти.

В твоей плоти остался мой крючок.

Жан-Ги ощущает, как он тянет его вниз, в водоворот.

1793 год.

Экипаж. Прендераг сидит прямо напротив Жана-Ги, на расстоянии вытянутой руки. Он кажется тонким и слабым, и дьявольски медлительным в этом роскошном красном бархате; его волосы зачесаны назад, завиты и напудрены так

тщательно, что Жан-Ги не мог бы определить их истинный цвет, если бы не принял во внимание общую блеклость обрамленного ими лица. Кроме того, словно в насмешку над гражданином Робеспьером, шевалье тоже носит очки с затемненными стеклами...

...только не цвета морской волны. Эти маленькие темные прямоугольники отсвечивают в полумраке рубиновым оттенком.

Мозг Жана-Ги подсказывал выиграть время, но делал это с нехарактерной мягкостью. Казалось, заговори он громче, и шевалье сможет подслушать мысли. Надо притвориться, что не узнал его. Затем медленно вытащить револьвер и сделать предупредительный выстрел, привлечь внимание окружающей толпы...

...тех самых людей, от которых ты спрятался в экипаже...

...чтобы они помогли арестовать его.

Он едва не рассмеялся вслух, прежде чем успел остановиться: можно подумать, что агент таких внушительных размеров должен опасаться *смехотворных* усилий этого бывшего щеголя в кружевных манжетах, в аккуратных туфлях на красных каблуках и с черненными пряжками, на которых виднелись пятна, удивительно похожие на...

...кровь?

Не может быть.

И все же...

— А ты, как мне кажется, гражданин Санстер, — внезапно роняет шевалье.

Господи.

Жан-Ги, опомнившись, сдержанно кивает.

— А ты — предатель Прендеграс.

— И еще я думаю, что ты тянешься за револьвером.

— Правильно.

Удар, пинок, крик о помощи или какое-то спрятанное оружие: Жан-Ги напрягается, готовый к любому из перечисленных действий. Но шевалье только кивает, кажется, его ничуть не пугает выражение нескрываемой агрессии на лице Жана-Ги. Его пассивность — это тоже проявление высокомерия, холодный и неторопливый вызов значительно более горячему и беспокойному окружающему миру. Потом он чуть-чуть наклоняется вперед; почти незаметно, просто мгновен-

ное нарушение неподвижности, такое незначительное, что не стоит и беспокоиться. И Жан-Ги едва улавливает движение, даже не сразу понимая, что он делает, и невольно повторяет его.

Он наклоняется, но слишком медленно, чтобы останавливаться и прервать движение. Наклоняется, а очки шевалье опускаются, неумолимо сползают вниз, открывая бледный выступ надбровной дуги, потом веко и глазную впадину. Он наклоняется ниже и видит сначала один глаз, потом второй: открытый, но непрозрачный, пугающе пустой. Глаза без белков (без радужной оболочки и зрачков), только такие же красные пятна от нижнего века до верхнего, как и маскирующие их очки.

Звуки в красном полумраке настолько низкие, что их едва слышно; Жану-Ги приходится напрягаться, чтобы разобрать слова, и он наклоняется еще ближе. Кладет дрожащую руку на плечо шевалье, чтобы не упасть, и чувствует, как вибрация распространяется через ладонь в руку, в грудь, проникает в его отчаянно застучавшее сердце. Это тайное, сокровенное касание, интимное, как внутреннее беспокойство, пронизывает грудную клетку, спускается к бедрам. И...

...еще глубже.

Перед ним маячат руки шевалье, чистые белые ладони терпеливо повернуты вверх. Длинные тонкие пальцы с темными обводами ногтей. Красные слова затрагивают миллионы струн крови. Мягко убеждают...

Тогда тебе лучше отдать его мне, гражданин. Отдай свой револьвер. Ведь так гораздо лучше, правда?

Потому что это будет правильно. Это так разумно.

Разве ты так не думаешь?

Да.

Ради безопасности. На сохранение.

Да, точно.

Такая разумная причина. Такая неумолимая необходимость.

Жан-Ги чувствует, как его рот открывается, чтобы возразить, но слышит только влажный щелчок челюсти, отвисшей в идиотском зевке; беспомощно наблюдает, как его рука роняет револьвер — рукояткой вперед — в ладонь шевалье. Видит, как шевалье мигает в ответ — едва заметно: просто крас-

ный взгляд на мгновение прерывается, мелькает молочное веко, словно мигательная перепонка змеи.

И...

— Вот так, — произносит вслух шевалье. — Так... будет лучше для нас обоих... Намного лучше.

Будет или нет?

Не успевший сформироваться вздох, последняя бессильная попытка сопротивления, мускулы свиваются в тугие комки, как у бездомной дворняжки в последней стадии бешенства. И потом внезапно, без всякого предупреждения, шевалье кидается на него. Их рты сливаются в одно целое, губы раскрываются, обнажая десны и острые словно иглы зубы. Шевалье смыкает их у основания языка Жана-Ги, и кровь заполняет горло. Десны пылают, как пораженные язвой. Жестокий поцелуй оставляет открытую рану, артерия перекушена, и кровь течет ручьем.

Забытый револьвер падает на пол.

Яд проникает в сердце Жана-Ги. Он с трудом проглатывает леденяще-жгучий комок и впадает в оцепенение на грани между сном и оргазмом, а терпкий на вкус язык шевалье, шершавый, как у кошки, исследует воспаленные изгибы полости рта. Он вдруг обхватывает хрупкую голову с аккуратной прической, держится за нее, чтобы они могли еще теснее прижаться друг к другу, и чувствует, как им обоим в лица осыпается пудра, похожая на грязный городской снег. Ленточка в волосах шевалье развязывается, его тщательно завитые локоны раскручиваются, как водоросли, подхваченные ледяным потоком. И в тот же самый момент одна пола его огненно-красного камзола распахивается — как будто по мановению фокусника — и обнажает холодную белую плоть: нигде под кожей не заметно биение пульса, сосок на груди отвердел, но остался таким же бесцветным...

О да, да, да...

Жан-Ги чувствует, как руки шевалье, нетерпеливые, царапающие, расстегивают пуговицы брюк и освобождают его восставшую в странном красном сумраке плоть. Потом он видит, как шевалье двумя пальцами щелкает по вспухшей артерии на бархатистой коже и открывает еще один кровавый ручеек, сбегающий к уретральной впадине. Жан-Ги даже не успевает вскрикнуть от неожиданной и резкой боли.

Ад и дьяволы!

Шевалье, наблюдая за ним, слегка усмехается от удовольствия. Потом его губы растягиваются, словно у орущего кота, язык дрожит от вкуса крови, пропитавшего воздух. Он почти пускает слюну.

Народ, Революция, Высшее Существо, пожалуйста...

Губы еще приподнимаются. Показываются клыки. Изящная голова шевалье опускается, словно в нечестивой молитве...

...О Боже, Иисусе, *нет*...

...и он принимается пить.

Через плоть бедер до мозга Жана-Ги каким-то образом доносятся бессвязные слова, а он сглатывает желчь, и весь его добродетельный мир тускнеет и уменьшается до булавочного острия непереносимой боли и невыразимого, неестественного экстаза; он начинает извиваться, истекает кровью, теряет сознание.

Нет, гражданин, не покидай меня. Не сейчас, когда...

Мы так... *так* близки...

— Мы еще встретимся.

А в 1815 году Жан-Ги поднимает голову и видит, что кровавое пятно расплывается под его растопыренными пальцами и принимает знакомые очертания, словно на стене возникает ужасный мираж. Пятно, оставшееся после смерти Дюморье, каким-то образом снова становится свежим, словно стена — и вся комната — истекает кровью.

Штукатурка краснеет и разбухает, обваливается внутрь, и сама стена заметно вздувается. Жан-Ги, оцепенев, видит, как из-под нее высвобождается то, что так долго находилось внутри, как сквозь зловонные, размокшие обломки, сквозь слои глины и крови проступает сначала одна рука, потом вторая, потом одно плечо и другое. И вот появляется торс, одетый все в тот же полуистлевший бархатный камзол, он изгибается, протискиваясь через отсыревшую грязь, появляется мертвенно-бледная шея, откинутая назад, как у готовой к удару кобры, следом — такое же белое лицо и волосы, все еще присыпанные окаменевшей пудрой. Очки с красными стеклами сбились набок, и пустые глаза обращены в сторону Жана-Ги...

Ужасный призрак бывшего шевалье дю Прендеграса встряхивает мумифицированной головой и смотрит на Жана-Ги из-

под припорошенных пылью ресниц. Он приоткрывает рот, деликатно кашляет и выпускает белый клуб пыли, потом хмурится, слыша, как хрипят его давно неиспользуемые легкие.

Упирается пустым взглядом красных глаз в лицо Жана-Ги. Говорит:

— Как сильно ты изменился, гражданин. — После паузы добавляет: — Однако это неизбежная участь недолговечных существ.

— Дьявол, — шепчет Жан-Ги, позабыв об атеизме.

— Нет, мсье. Это слишком большая честь для меня.

Шевалье шагает вперед, увлекая за собой обломок стены. Жан-Ги слышит, как осыпаются осколки камней, и у него звенит в ушах. Он поднимает ладони, прижимает к ушам, как будто простой жест может остановить ужасное — существо? — видение, уже полжизни преследующее его в ночных кошмарах.

Шевалье замечает его смятение и слегка усмехается; зубы у него все такие же белые, не пострадавшие от времени, и торчат из воспаленно-розовых десен наподобие иголок, как у акулы... Неужели их в самом деле стало больше, чем прежде? Неужели они вырастают один за другим, чтобы выпасть после очередной трапезы, которой так давно не было?

Зубы, кажется, даже светятся, словно молочно-белое стекло. Ждут...

...насыщения.

— Конечно, я кое-что слышал, пока находился в стене, — продолжает шевалье, быстрыми, короткими взмахами стряхивая с себя остатки штукатурки. — К примеру: за исключением некоторых мелочей, вроде убийства короля, ваша хваленая Революция в итоге закончилась ничем. А потому, раз на троне восседает корсиканский генерал, бывшим террористам вроде тебя приходится завоевывать новые... позиции.

Ладони все еще подняты вверх, но они стали влажными и покраснели от крови, поскольку его «недуг» вернулся с новой силой, интенсивнее, чем в тот момент, когда была обнаружена гора трупов в квартире Дюморье. Жан-Ги стоит, не в силах стряхнуть оцепенение, голова кружится, кожа стала скользкой от холодного пота, смешанного с горячей кровью, — и крови намного больше, чем пота. И чтобы заго-

ворить, ему приходится глотать кровавые сгустки, застрявшие в горле. Голос искажается, звучит сдавленно и с каким-то булькающим присвистом.

— Ты... — с трудом выдавливает он. — *Ты*... все подстроил... чтобы меня...

— Ну, конечно, гражданин Санстер. Я послал девушку, чтобы заманить тебя к себе, а потом оставил на тебе свои метки, как тебе давно известно. Как я и...

...говорил тебе.

Или... ты не помнишь?

Сдерживаемые воспоминания и ощущения рвутся наружу мощным потоком: затрагивают и нёбо, и соски, и плоть. Гематома на запястье распухает и раскрывается зловещим цветком. Злопамятный поцелуй шевалье, наполняющий его вены леденящим ядом.

(Если я не смогу остановить кровотечение, я умру.)

Он едва шевелит онемевшим языком.

— Ты и с Дюморье проделал то же самое.

— Именно так.

Одна рука с длинными когтями поднимается и касается лица Жана-Ги, очень легко — скользящим успокаивающим жестом, — но Жан-Ги отшатывается назад, поскольку даже мимолетное прикосновение пальцев шевалье способно вызвать сначала кровоподтек, а потом и открытую рану.

— Будь прокляты твои глаза, бывший аристократишка!

— Да, да. — Потом намного спокойнее: — Но я могу все это остановить, ты же знаешь.

Я. И только я.

Соблазнение, потом заражение, потом исцеление — за особую плату. Преданность до самой смерти...

А потом?

Прендеграс, несомненно, и Дюморье поймал в такую же ловушку, только давным-давно; или Дюморье сам предложил себя, склонился к этим ногам в красных башмаках, и его даже не пришлось соблазнять и вводить в заблуждение этой неравной дьявольской сделкой? Может, он пришел к Прендеграсу по своей воле, даже с радостью; и так же охотно перерезал себе горло, продолжая служить этому неживому существу, чтобы оросить кровью штукатурку на стене, в которой надежно скрывался его повелитель?

И выбор Жана-Ги тоже был весьма ограниченным: истечь кровью сразу, в один мучительный момент, и умереть сейчас или стать его орудием, как Дюморье, и умереть позже.

Пользоваться минимальной защитой, возможно, даже какими-то преимуществами; им будет легко пользоваться и так же легко...

...избавиться от него.

— Наше соглашение сулит тебе определенную выгоду, — тихо добавляет шевалье.

— Он пожертвовал для тебя своей жизнью.

— Так было нужно.

— Ты этого потребовал.

Шевалье приподнимает тонкую бровь, белесую от известковой пыли.

— Я? Я ничего не требовал, гражданин. Только принял — то, что было мне предложено.

— Потому что вы, аристократы, сами предпочитаете *ничего* не делать для себя.

— О, это верно. Но потому я и выбрал тебя: ты гораздо способнее, чем я, в любом отношении. Поэтому я завидовал и страстно желал получить твою силу, твой жизненный идеализм. Твою...

...жизнь.

Жан-Ги замечает, как взгляд чудовища скользит по нему сверху вниз, оценивает, словно он...

Хрипло:

— Карта.

Шевалье вздыхает и качает головой.

— Довольно забавная, когда-то. Но твое тело больше не сулит такого удовольствия, скорее, вызывает сожаление; с годами ты стал менее... прозрачным, как мне кажется.

Он делает шаг вперед, Жан-Ги пытается отпрянуть, но поскальзывается в собственной крови и падает на колено, рука беспомощно ищет опору в рваной дыре, где недавно еще была стена.

— Кто ты? — спрашивает он.

Сердито хмурится, услышав, как хрипло звучит его голос, искаженный смесью непонятного гнева и...

...страха (или желания?).

Шевалье останавливается, долго молчит, потом отвечает:

— Ах, на этот вопрос никто из нас не может дать ответа, гражданин Санстер. Я сам знаю лишь то, что родился таким, и совершенно не представляю почему...

Наклоняется над ним. Шепчет. Слова сливаются с гулом крови, от давно желанной близости голос становится низким, почти неуловимым.

— Так же как и ты был рожден похожим на всех остальных в этом ужасном мире, чтобы носить мои метки...

...или стать моей жертвой.

Поле зрения сужается, и Жан-Ги уже не видит ничего, кроме этих пустых глаз, этого рта, этих зубов: его болезнь становится осязаемой и неотвратимой. Его участь погребена так глубоко, что не достать даже мысленно, пока она не вырвется наружу.

Но...

Я еще не сдался, будь ты проклят, думает он, отвечая на собственные мысли. Я не твоя жертва, не твоя пешка, не твое орудие. Я был самим собой, я родился и вырос вдали от твоего влияния: у меня была своя история, свои надежды и мечты. Я любил своего отца и ненавидел его скупость; я любил свою мать и ненавидел ее рабскую покорность. Я любил и ненавидел то, что досталось мне от них: любил свою свободу и ненавидел кожу раба. Я служил делу свободы, но революция утопила себя в крови. Но я выше того, что из этого получилось, выше, чем это единственное событие, самое худшее — и самое значительное — событие в моей жизни. Эта встреча с...

...тобой.

Этот ужасный, томительный момент отравлял все двенадцать лет его реальной жизни — и когда он работал на своей земле, когда любил свою жену, оплакивал ее, оплакивал детей, после того как надежда иметь потомство умерла вместе с супругой. И когда он управлял отцовской плантацией, разрешал споры, одобрял браки и посещал крестины; когда наблюдал за болезнью ла Хайра до самой его смерти, когда напивался на похоронах, на балу, на своей свадьбе...

И теперь его, как непокорного пса, в конце концов вытащили сюда по первому неслышному зову господина. Заставили забыть о времени, преодолеть немыслимое расстo-

янис, чтобы укротить, словно он был чьей-то собственностью, инструментом, или презренным...

...рабом.

Отмеченный. Тобой. *Для* тебя.

Но ведь в этом состоял смысл «моей» революции, внезапно вспоминает Жан-Ги. Все люди, независимо от своего состояния, остаются рабами, пока страной бесконтрольно правят короли и их законы. И мы должны объединить всех людей, не важно, насколько высоким или низким было наше рождение, поднять всех и взять то, что принадлежит нам по праву, жить свободно...

...*или умереть.*

Умереть быстро. Умереть незапятнанным. Не сдавайся, гражданин, пока у тебя еще есть силы бороться, соверши это сейчас...

...или никогда.

— Мне только что пришло в голову, — медленно цедит шевалье, — что... после всего, что было, мы даже не знаем имен друг друга.

Что бы ни случилось, обещает себе Жан-Ги, призывая остатки логики, я не позволю себе молить о милости.

Этот последний сигнал подействовал на него, как искра на масло: Жан-Ги вскакивает и поворачивается к двери, но внезапно чувствует, как шевалье тянет его назад за волосы.

Ах, не покидай меня, гражданин.

— Я ухожу, — отчетливо бросает Жан-Ги.

И слышит, как в новом кровоподтеке звучит смех шевалье, далекий, будто колокольчик под водой.

— Ох-х... Я думаю, ты останешься.

Я оставил на тебе свои отметины.

Мои отметины. Мои.

Этот голос раздается в его ушах и отзывается в крови. Этот запах. Предательское тело откликается на его кровавую соблазнительную песнь. Этот незабываемый неслышный гул снова сковывает члены усталостью, накрывает, словно колоколом, запечатывает словами: хищник, жертва, зависимость.

Это фатальный поцелуй Вдовы, которого он так долго и тщетно ждал, — знакомый яд Прендграса сочится в вены Жана-Ги, проникает в сердце. Заставляет остановиться.

И это — кровь...

Кровь за всю пролитую кровь. Поток Революции, остановленный жертвоприношением его собственного тела, его проклятой...

...души.

Прендеграс поднимает голову с окровавленными губами. Вытирает их, кашляет — на этот раз кашель более влажный. И спрашивает вслух:

— Скажи-ка, любезный гражданин, какой сейчас год?

— Нулевой год, — шепчет в ответ Жан-Ги.

И сдается на волю своих чувств.

МЭРИ ЭЛИЗАБЕТ БРЭДДОН

Добрая леди Дакейн

Имя Мэри Элизабет Брэддон (1837—1915) стоит в ряду имен самых прославленных викторианских писателей. Пожалуй, наиболее известное ее произведение — «Тайна леди Одли» («Lady Audley's Secret», 1862), мелодраматическая история о безумии и убийстве, но, кроме того, писательница выпустила десятки романов и множество рассказов, зачастую анонимно или под разнообразными псевдонимами, а также была редактором двух периодических изданий, которыми владел ее муж: ежемесячного дамского журнала «Бельгравия» и рождественского ежегодника «Ветка омелы».

«Если бы я умел сочинять сюжеты, как мисс Брэддон, то был бы величайшим из авторов, пишущих на английском языке», — утверждал Уильям Мейкпис Теккерей, создатель «Ярмарки тщеславия», а Арнольд Беннет в 1901 году назвал писательницу «неотъемлемой частью Англии».

В числе книг Мэри Брэддон — вариация легенды о Фаусте под названием «Жерар, или Мир, плоть и дьявол» («Gerard, or The World, the Flesh and the Devil», 1891), а также сборники «„Бейлиф Ральф" и другие рассказы» («„Ralph the Bailiff" and Other Tales», 1862), «Ткань и ткачи» («Weavers and Weft», 1877) и «Признание моей сестры» («My Sister's Confession», 1879). В наши дни Ричард Долби объединил восемнадцать ее лучших историй о сверхъестественном в сборник «„Ледяные объятия" и другие рассказы о привидениях» («„The Cold Embrace" and Other Ghost Stories»), который вышел в 2000 году в издательстве «Ash-Tree Press».

Новелла «Добрая леди Дакейн» впервые появилась в журнале «Стрэнд» за год до того, как Брэм Стокер опубликовал «Дракулу». Это была одна из первых историй о необычном воплощении нежити — вампире, не обладающем сверхъестественной природой, который подчиняет себе жертву, пользуясь ее социальной зависимостью. Кроме того, из этой новеллы можно узнать много интересного о положении женщины в британском обществе того времени...

I

Белла Роллстон пришла к выводу, что единственный способ, которым она может заработать себе на хлеб и время от времени отщипывать корочку для матери, — это выйти в огромный неведомый мир и стать компаньонкой какой-нибудь леди. Белле сгодилась бы любая леди — лишь бы у той достало денег, чтобы платить ей жалованье, и чудаковатости, чтобы обречь себя на общество наемной компаньонки. Пять шиллингов, неохотно отсчитанных от тех соверенов, которые попадали в распоряжение матери и дочери так редко и таяли так быстро, пять полновесных шиллингов перекочевали к шикарно одетой даме в конторе на Харбек-стрит, Вест-Энд, Лондон, в надежде, что именно эта Высокопоставленная Особа подыщет мисс Роллстон подходящее место и подходящее жалованье. Высокопоставленная Особа придирчиво оглядела две полукроны, которые Белла положила на стол, проверяя, нет ли среди них флоринов, а затем занесла описание Беллиных умений и требований в грозного вида гроссбух.

— Возраст? — лаконично осведомилась она.

— В июле исполнилось восемнадцать.

— Образование?

— В общем-то, никакого. Если бы меня чему-нибудь обучили, я стала бы гувернанткой: мне кажется, компаньонка — это на ступень ниже.

— В наших книгах содержатся сведения об очень образованных дамах, которые стали компаньонками или наставницами молодых девушек.

— Да-да, я знаю! — проленетала Белла с искренностью словоохотливой юности. — Но это совсем другое дело. Маме пришлось продать пианино, когда мне было двенадцать, так что я, к сожалению, совсем разучилась играть. И мне надо было помогать маме с шитьем, поэтому на учебу времени не оставалось.

— Прошу вас, не тратьте времени на рассказ о том, чего вы не умеете, и будьте любезны сообщить, что вы умеете, — оборвала ее Высокопоставленная Особа, зажав в изящных пальцах перо и изготовясь писать. — Можете ли вы читать

вслух по два-три часа кряду? Вы деятельны и покладисты, рано встаете, любите пешие прогулки, предупредительны, обладаете приятным характером?

— Я могу подтвердить, что все это так, кроме разве что приятного характера. Правда, мне кажется, нрав у меня довольно добрый, и я очень постараюсь быть полезной тем, кто заплатит за мои услуги. Я же хочу, чтобы они видели: я достойна своего жалованья.

— Тем дамам, которые ко мне обращаются, не нужны слишком разговорчивые компаньонки, — сурово произнесла Особа и захлопнула гроссбух. — Мои клиентки в основном принадлежат к аристократии, а в этих кругах принята определенная сдержанность.

— Да-да, конечно, — сказала Белла, — но ведь я сейчас разговариваю с вами, а это другое дело. Я хочу рассказать вам о себе все-все, раз и навсегда.

— Хорошо, что только раз! — заметила Особа и поджала губы.

Особа была неопределенного возраста и туго затянута в черное шелковое нарядное платье. Цветом лица она была обязана пудре, а с ее макушки красиво ниспадали чужие волосы. Возможно, девическая свежесть и живость Беллы раздражающе подействовали на нервы, расшатанные восьмичасовым рабочим днем в жаркой комнате на третьем этаже дома на Харбек-стрит. Самой же Белле обстановка этого официального учреждения — брюссельский ковер, бархатные занавески и кресла, французские часы, громко тикавшие на мраморной каминной полке, — показалась царской роскошью по сравнению с третьим этажом в Уолворте, где миссис Роллстон с дочерью кое-как просуществовали последние шесть лет.

— Как вы думаете, в ваших книгах есть что-нибудь, что мне подойдет? — проговорила, запинаясь, Белла после паузы.

— Ах, определенно нет, в настоящее время я ничего не вижу, — ответила Особа, кончиками пальцев рассеянно сметая Беллины полукроны в ящик стола. — Видите ли, вы еще так неопытны, так молоды для того, чтобы стать компаньонкой леди с положением в обществе. Жаль, что у вас недостает образования для гувернантки при маленьком ребенке, — вам это подошло бы больше.

— А как вы думаете, поиски места для меня займут много времени? — с сомнением спросила Белла.

— Право, не могу сказать. А что, у вас есть какие-то особые причины для подобного нетерпения? Надеюсь, не любовная связь?

— Любовная связь! — воскликнула Белла, вспыхнув. — Какие глупости! Мне нужно место, потому что мама бедна, а я не желаю быть для нее обузой. Я хочу получать жалованье, которое смогу разделить с нею.

— Едва ли у вас будут оставаться лишние деньги от того жалованья, которое вы можете получить в вашем возрасте и с вашими манерами, выдающими крайнюю, крайнюю неискушенность! — заявила Особа, которую все сильнее раздражали Беллины ясные глаза, розовые щечки и неукротимая живость.

— Если бы вы были так добры и вернули бы мне деньги, я, возможно, смогла бы обратиться в другое агентство, с менее аристократичными клиентами, — сказала Белла, которая, как она заявила матери, когда они репетировали это собеседование, твердо решила не допускать, чтобы о нее вытирали ноги.

— Ни в каком другом агентстве ради вас не станут так стараться, как здесь, — отвечала Особа, чьи хищные пальцы никогда не выпускали ни монетки. — Вам придется подождать, когда представится вакансия. Ваш случай исключительный, но я о вас не забуду и, если появится что-нибудь подходящее, напишу вам. Большего я обещать не могу.

Полупрезрительный наклон вельможной головы, обремененной чужими волосами, дал понять, что собеседование окончено. Бодрым шагом преодолев дорогу до Уолворта, Белла в разгар сентябрьского дня вернулась домой и как наяву изобразила Высокопоставленную Особу — к большому удовольствию матери и хозяйки квартиры, которая, внеся в маленькую обшарпанную гостиную поднос с чаем, немного задержалась, чтобы поаплодировать представлению мисс Роллстон.

— Ну и обезьянка! — сказала хозяйка. — Вы бы, мэм, лучше на сцену ее пристроили. Была бы она актрисой — сразу бы разбогатела!

II

Белла ждала и надеялась, прислушивалась к стуку почтальона, который приносил огромную груду писем в роскошные гостиные второго этажа и лишь жалкую горстку на нищий третий, где мать с дочерью бо́льшую часть дня сидели, занимаясь шитьем — вручную и на швейной машинке. Миссис Роллстон была леди по рождению и образованию, но ей случилось выйти замуж за негодяя, и последние полдюжины лет она была худшей из вдов — женой, которую бросил муж. К счастью, она была отважна, предприимчива, хорошо умела шить и смогла зарабатывать на жизнь для себя и своей единственной дочери, делая плащи и накидки для одного модного дома в Вест-Энде. Жизнь у них была небогатая. Дешевая квартирка на грязной улице, пересекающей Уолворт-роуд, скудные обеды, непритязательная пища, поношенная одежда — таков был удел матери и дочери; но они любили друг друга так нежно и настолько легко воспринимали жизненные невзгоды, что им как-то удавалось быть счастливыми.

Однако сейчас мысль о том, чтобы выйти в мир и стать компаньонкой какой-нибудь славной дамы, глубоко засела у Беллы в голове, и хотя она боготворила мать и разлука их разбила бы оба любящих сердца, девушка жаждала самостоятельности и волнующих перемен, подобно тому как в былые времена пажи стремились стать рыцарями и отправиться в Святую землю, дабы преломить копья с неверными.

Белле уже надоело бегать вниз всякий раз, когда в дверь стучал почтальон, и слышать от чумазого слуги, который забирал письма с пола вестибюля, неизменное: «Для вас ничего нет, мисс». «Для вас ничего нет, мисс», — в очередной раз усмехнулся слуга доходного дома, и тогда Белла наконец взяла себя в руки, отправилась на Харбек-стрит и спросила Высоконоставленную Особу, как так получилось, что для нее до сих пор не сыскалось место.

— Вы слишком молоды, — сказала Особа, — и вы требуете жалованья.

— Конечно, — ответила Белла. — А что, разве другие не требуют?

— Юные леди ваших лет обычно ищут приличный дом.

— Мне это не важно, — отрезала Белла. — Я хочу помогать маме.

— Зайдите через неделю, — сказала Особа. — А если я услышу о чем-нибудь раньше этого срока, то вам напишу.

Письма от Особы не пришло, и ровно через неделю Белла надела самую красивую шляпку, которая реже других попадала под дождь, и зашагала на Харбек-стрит.

Был унылый октябрьский день, в воздухе висела серая мгла, которая к ночи обещала обратиться в туман. Сквозь нее ярко сверкали витрины расположенных вдоль Уолворт-роуд магазинов, которые девушка, выросшая в Бельгравии или на Мэйфер, не удостоила бы и взглядом, однако Беллу они притягивали и искушали. Там было столько вещей, которые ей так хотелось иметь и которые она никогда не сможет купить.

В это мертвое время года Харбек-стрит часто бывает совсем пустой — длинная-длинная улица, бесконечная череда уходящих вдаль в высшей степени респектабельных домов. Контора Особы находилась в дальнем конце, и Белла поглядела вдоль длинной серой улицы едва ли не с отчаянием — пеший путь из Уолворта утомил ее больше обычного. В эту минуту мимо проехал экипаж — старомодная желтая коляска на удобных рессорах, запряженная парой крупных серых лошадей, с величественнейшим кучером и сидевшим рядом с ним рослым лакеем.

«Прямо карета феи-крестной, — подумалось Белле. — Не удивлюсь, если она когда-то была тыквой».

Дойдя до конторы Особы, Белла, к своему изумлению, обнаружила, что желтая коляска остановилась поблизости, а рослый лакей ждет у крыльца. Белле даже сделалось не по себе при мысли о том, что, войдя в контору, она может столкнуться с владелицей этого великолепного экипажа. Девушка мельком увидела ее, когда коляска проезжала мимо, успев заметить украшенный перьями капор и горностаевый воротник.

Величественный прислужник Особы провел Беллу наверх и постучал в дверь кабинета.

— Мисс Роллстон, — доложил он извиняющимся тоном, покуда Белла ждала снаружи.

— Проводите ее сюда, — быстро ответила Особа, и затем Белла услышала, как она полушепотом объясняет что-то клиентке.

Белла вошла, являя собой свежий, цветущий образ юности и надежды, и не успела она посмотреть на Особу, как взгляд ее оказался прикован к владелице экипажа.

Никогда еще ей не доводилось видеть такой древней старухи, как старая леди, сидевшая у камина Особы: крошечная ветхая фигурка, сверху донизу утопавшая в горностаях, морщинистое личико под капором с перьями, настолько иссушенное годами, что от него остались лишь пара глаз и острый подбородок. Нос тоже был острый, орлиный, но небольшой, и он попросту терялся между выступающим подбородком и огромными сверкающими глазами.

— Леди Дакейн, это мисс Роллстон.

Скрюченные, как птичьи когти, и унизанные драгоценными камнями пальцы подняли двойной лорнет к неестественно блестевшим черным глазам леди Дакейн, которые увеличились за стеклами до гигантских размеров и уставились на Беллу ужасно строго.

— Мисс Торпинтер все мне о вас рассказала, — проскрежетал старческий голос, прилагавшийся к глазам. — Крепкое ли у вас здоровье? Вы сильны, деятельны, способны хорошо есть, крепко спать, с удовольствием гулять, радоваться всему, что есть в жизни хорошего?

— Я не знаю, что такое болезнь или праздность, — ответила Белла.

— Тогда, я думаю, вы мне подходите.

— Разумеется, в том случае, если вам будут предоставлены совершенно удовлетворительные рекомендации, — вставила Особа.

— Мне не нужны рекомендации. Видно, что эта девушка честна и невинна. Я ей доверяю.

— Это так похоже на вас, дорогая леди Дакейн, — промурлыкала мисс Торпинтер.

— Мне нужна сильная молодая девушка, здоровье которой не причинит мне никаких хлопот.

— В этом отношении вам прежде так не везло, — промурлыкала Особа, чьи голос и манеры в присутствии старухи начали источать текучую сладость.

— Да, получилось несколько неудачно, — пробурчала леди Дакейн.

— Но я уверена, что мисс Роллстон вас не разочарует, хотя, конечно, неприятный случай с мисс Томсон, которая казалась просто образцом здоровья, и мисс Бленди, которая говорила, что не была у врача с того времени, как ей делали прививку...

— Вранье, — пробормотала леди Дакейн, а затем, повернувшись к Белле, коротко спросила: — Надеюсь, вы не возражаете против того, чтобы провести зиму в Италии?

Италия! От этого слова веяло волшебством. Юное хорошенькое личико Беллы залилось румянцем.

— Я всю жизнь мечтала побывать в Италии, — выдохнула она.

Из Уолворта — в Италию! Каким далеким, каким невозможным казалось такое путешествие этой романтичной мечтательнице!

— Что ж, ваша мечта сбудется. Приготовьтесь уехать с вокзала Чаринг-Кросс поездом класса «люкс» ровно через неделю в одиннадцать часов. Будьте на вокзале за четверть часа до отправления. Мои слуги проводят вас и помогут с багажом.

Леди Дакейн поднялась из кресла, опираясь на костыль, и мисс Торнинтер повела ее к дверям.

— А что касается жалованья?.. — спросила Особа по дороге.

— Ах да, жалованье как обычно — и если девушка хочет получить четверть вперед, напишите мне, я пришлю чек, — небрежно ответила леди Дакейн.

Мисс Торнинтер проводила свою клиентку до самого крыльца и подождала, пока та усядется в желтую коляску. Когда она, слегка запыхавшись, вернулась в кабинет, то начала обращаться к девушке с прежней надменностью, которую Белла находила столь унизительной.

— Считайте, что вам несказанно повезло, мисс Роллстон, — заявила она. — У меня в книгах записаны десятки юных леди, которых я могла бы рекомендовать этой клиентке, однако я не забыла, что просила вас зайти сегодня, и решила предоставить место именно вам. Старая леди Дакейн — одна из лучших в моих книгах. Она дает компань-

онке сто фунтов в год и оплачивает все дорожные расходы. Вы будете купаться в роскоши.

— Сто фунтов в год! Какая прелесть! А что, мне нужно будет очень нарядно одеваться? Леди Дакейн любит светскую жизнь?

— В ее возрасте?! Нет, она живет уединенно, в собственных апартаментах; при ней только горничная-француженка, лакей, личный врач и посыльный.

— А почему те две компаньонки ее оставили? — спросила Белла.

— У них начались нелады со здоровьем!

— Бедняжки! Значит, им пришлось уйти?

— Да, им пришлось уйти. Полагаю, вы хотите получить четверть жалованья вперед?

— Да, конечно, если можно! Мне надо будет кое-что купить.

— Очень хорошо, я напишу леди Дакейн, она пришлет чек, и я вышлю вам остаток — за вычетом моих комиссионных за год.

— Честно говоря, я не помню, чтобы вы говорили о комиссионных.

— Вы же не думаете, что я держу контору ради удовольствия.

— Конечно нет, — промямлила Белла, вспомнив о пяти шиллингах задатка; но ведь нельзя рассчитывать, что тебе подарят сотню в год и зиму в Италии всего за пять шиллингов.

III

От мисс Роллстон, Кап-Феррино, — миссис Роллстон, Бирсфорд-стрит, Уолворт, Лондон

Милая мама, как бы мне хотелось, чтобы ты увидела эти места: синее небо, оливковые рощи, лимонные и апельсиновые сады между утесами и морем, что таится в лощине меж огромных гор, и летние волны, танцующие у тонкой кромки гальки и плавника, которую итальянцы считают пляжем! Ах, как мне жаль, дорогая мама, что ты всего этого не видишь, не купаешь-

ся в лучах этого солнца, из-за которого так трудно поверить в дату, стоящую на почтовом штемпеле. Ноябрь! Воздух — как в Англии в июне, солнце такое жаркое, что без зонта не пройти и несколько ярдов. Каково мне думать, что ты в Уолворте, когда я здесь! Слезы наворачиваются при мысли о том, что ты, наверное, никогда не увидишь этот прелестный берег, это чудное море, эти летние цветы, которые цветут зимой. Под моим окном, мама, растет живая изгородь из розовых гераней — такая густая, пышная, словно это дикие цветы, — а по аркам и решеткам вокруг террасы вьются дижонские розы — цветущий розовый сад в ноябре! Только вообрази все это! Ты не можешь даже представить себе, в какой роскошной гостинице мы остановились. Она почти новая, и, когда ее строили и украшали, о расходах явно не думали. Стены наших комнат обиты бледно-голубым атласом, от которого становится еще заметнее, что цвет лица у леди Дакейн как пергамент; но поскольку она, если не ездит в коляске, весь день сидит в углу балкона и греется на солнышке, а вечерами дремлет в кресле у камина и не видится ни с кем, кроме собственных слуг, ее цвет лица не имеет почти никакого значения.

У леди Дакейн самый красивый номер в гостинице. Моя спальня примыкает к ее — очаровательная комната, всюду голубой атлас и белые кружева, белая мебель, отделанная эмалью, зеркала на каждой стене, так что я в жизни так подробно не изучала собственный задиристый профиль. На самом деле эта комната должна была служить туалетной леди Дакейн, но та велела, чтобы мне постелили на одной из стоящих там голубых атласных кушеток — прелестнейшая кроватка, которую солнечным утром можно подкатить к окну: она на колесиках и двигается очень легко. У меня такое чувство, словно леди Дакейн — моя чудаковатая старенькая бабушка, которая куда-то пропадала и вот нашлась, — очень-очень богатая и очень-очень добрая.

Она совсем не строгая. Я много читаю ей вслух, и она дремлет и клюет носом. Иногда я слышу, как она стонет во сне — как будто ей снится что-то мучительное. Когда она устает слушать, как я читаю, то велит Франсине, своей горничной, почитать ей французский роман, и я слышу, как она то и дело ахает и хихикает, как будто эти книги ей интереснее Диккенса и Вальтера Скотта. Я слабовата во французском и не могу

читать так же быстро, как Франсина. У меня много свободного времени, так как леди Дакейн часто отпускает меня, предоставляя самой себе; и тогда я часами брожу по окрестным холмам. Здесь все дышит такой прелестью! Я блуждаю в оливковых рощах, всякий раз подбираясь все ближе к сосновым лесам, которые растут вверх по склону, а над соснами виднеются заснеженные горы, чьи белые пики высятся над темными холмами. Ах, бедняжечка моя, как же мне рассказать тебе, на что похоже это место, — тебе, чьи бедные усталые глазки видят лишь противоположную сторону Бирсфорд-стрит? Иногда я остаюсь на террасе перед гостиницей — это любимое место прогулок всех постояльцев. Ниже террасы раскинулись сады и теннисные корты, где я иногда играю с одной очень милой девушкой — единственной, с кем я здесь подружилась. Она на год старше меня и прибыла в Кап-Феррино с братом — он то ли врач, то ли студент-медик. Лотта сказала, что он сдал экзамен на бакалавра медицины в Эдинбурге перед самым отъездом. В Италию он приехал только ради сестры. Минувшим летом она опасно простудилась, и доктора прописали ей провести зиму за границей. Они сироты, одни-одинешеньки на всем белом свете и очень нежно относятся друг к другу. Славно, что у меня есть такая подруга, как Лотта. Она — воплощенная благовоспитанность. Не могу удержаться от этого слова — ведь многие девушки в этой гостинице ведут себя так, что, я уверена, ты бы содрогнулась, увидев их. Лотта воспитывалась у тетушки, где-то в глухой провинции, и почти ничего не знает о жизни. Брат не позволяет ей читать романы, ни французские, ни английские, покуда сам не прочтет их и не одобрит.

— Он обращается со мной, как с ребенком, — говорила мне Лотта, — но я не возражаю, ведь так приятно знать, что меня кто-то любит и заботится о том, что я делаю, и даже о том, что я думаю.

Наверное, от этого некоторые девушки так стремятся замуж — им хочется, чтобы о них заботился и руководил ими человек сильный, отважный, честный и преданный. Мне такого не нужно, милая мама, ведь у меня есть ты, а ты для меня — все на свете. Никакой муж никогда не встанет между нами. Если мне когда-нибудь и случится выйти замуж, супруг будет занимать в моем сердце лишь второе место. Но я не думаю, что когда-либо стану чьей-то женой или хотя бы узнаю, каково

это, когда тебе делают предложение. В наше время ни один молодой человек не может позволить себе жениться на девушке, у которой за душой ни пенни. Жизнь слишком подорожала.

Мистер Стаффорд, брат Лотты, очень умен и очень добр. Он думает, что мне тяжеловато жить с такой старушкой, как леди Дакейн, но ведь он же не знает, как мы бедны, то есть мы с тобой, и какой чудесной кажется мне жизнь в таком прелестном месте. Я чувствую себя самовлюбленной негодницей — ведь я наслаждаюсь всей этой роскошью, в то время как ты, желая ее куда больше моего, лишена ее и едва представляешь себе, какова она — ведь правда, мамочка? — поскольку мой бездельник-отец начал опускаться сразу после вашей свадьбы и с тех пор ты видела в жизни лишь невзгоды, тяготы и заботы.

Это письмо было написано, когда Белла пробыла в Кап-Феррино менее месяца, до того, как пейзаж утратил прелесть новизны, а наслаждение роскошью начало приедаться. Она писала матери еженедельно. Столь длинные письма, подобные дневнику сердца и ума, могут писать только девушки, которые всю жизнь провели под материнским крылом. Белла всегда писала весело, но, когда наступил новый год, миссис Роллстон показалось, что она различает за живыми подробностями рассказов о людях и окрестностях нотку меланхолии.

«Бедную девочку потянуло домой,— подумала она.— Ее сердце на Бирсфорд-стрит».

Возможно, дело было еще и в том, что Белла скучала по своей новой подруге и спутнице Лотте Стаффорд, которая отправилась с братом в небольшое путешествие в Геную и Специю и даже в Пизу. Они должны были вернуться до наступления февраля, но тем временем Белла, естественно, могла почувствовать себя очень одинокой среди всех тех чужих ей людей, чьи манеры и поступки она так живо описывала.

Материнское чутье не ошиблось. Белла и вправду была не так счастлива, как прежде, сразу после переезда из Уолворта на Ривьеру, когда она испытала прилив удивления и восторга. Ее охватила апатия, причины которой она сама не знала. Белле больше не доставляло удовольствия взбираться на холмы и размахивать тросточкой апельсинового дере-

ва от переполняющей сердце радости, легко прыгая по каменистой почве и колкой траве горных склонов. Аромат тимьяна и розмарина, свежее дыхание моря более не влекли ее. Она с тяжелой тоской думала о Бирсфорд-стрит и лице матери — они были так далеко, так далеко! А потом Белла вспоминала о леди Дакейн, сидевшей у груды оливковых поленьев в жарко натопленной гостиной, вспоминала этот профиль иссохшего щелкунчика, эти горящие глаза — с неодолимым ужасом.

Постояльцы гостиницы рассказали ей, что воздух Кап-Феррино способствует расслаблению и больше подходит старости, а не юности, болезни, а не здоровью. Так, несомненно, оно и было. Белла чувствовала себя хуже, чем в Уолворте, однако твердила себе, что страдает лишь от разлуки с дорогой подругой детства, с матерью, которая была ей кормилицей, другом, сестрой, опорой — всем на свете. Она пролила из-за этого немало слез, провела множество меланхолических часов на мраморной террасе, с тоской глядя на запад и сердцем пребывая в тысяче миль от Кап-Феррино.

Однажды она сидела на своем любимом месте на восточной стороне террасы, в тихом укромном уголке под сенью апельсиновых деревьев, и вдруг услышала, как внизу в саду беседует пара из числа завсегдатаев Ривьеры. Они расположились на скамье у стены террасы.

Белла и не думала слушать их разговор, пока ее внимание не привлекло имя леди Дакейн, а тогда уж она прислушалась, причем ей и в голову не пришло, что она делает что-то дурное. Ведь ни о каких тайнах они не говорили, просто обсуждали знакомую по гостинице.

Это были пожилые люди, которых Белла знала только в лицо: англиканский священник, полжизни проводивший зиму за границей, и крепкая, дородная, состоятельная старая дева, которую обрек на ежегодные странствия хронический бронхит.

— Я встречала ее в Италии последние лет десять, — говорила пожилая дама, — но так и не поняла, сколько же ей на самом деле.

— Полагаю, никак не меньше ста лет, — ответил священник. — Ее воспоминания простираются до эпохи Регентства.

Тогда она, очевидно, была в расцвете сил, а судя по замечаниям, которые мне доводилось от нее слышать, она вращалась в парижском обществе в золотой век Первой Империи, еще до развода Жозефины.

— Сейчас она стала неразговорчива.

— Да, жизнь в ней едва теплится. С ее стороны мудро держаться в уединении. Удивляюсь, почему ее врач-итальянец, этот старый шарлатан, давным-давно не свел ее в могилу.

— Должно быть, он, наоборот, не дает ей умереть.

— Моя дорогая мисс Мэндерс, неужели вы считаете, будто эти заграничные знахари способны продлевать кому-либо жизнь?

— Но, однако же, она жива — и постоянно держит его при себе. Лицо у него действительно неприятное.

— Неприятное? — отозвался священник. — По-моему, сам враг рода человеческого не смог бы превзойти его в уродстве. Жаль ту бедную девушку, которой приходится жить между престарелой леди Дакейн и доктором Парравичини.

— Но ведь старая леди очень добра к своим компаньонкам.

— Не сомневаюсь. В деньгах она, прямо скажем, не нуждается; слуги прозвали ее «добрая леди Дакейн». Это настоящий дряхлый Крез, только женского пола, — она понимает, что никогда не сможет растратить все свое состояние, и не в восторге при мысли о том, что этим богатством насладится кто-то другой, когда она окажется в гробу. Те, кто настолько зажился на свете, рабски привязаны к жизни. Пожалуй, она действительно щедра к этим бедным девочкам, но не в состоянии сделать их счастливыми. Они даже умирают у нее на службе.

— Не говорите так, мистер Кэртон; насколько мне известно, лишь одна бедняжка умерла прошлой весной в Ментоне.

— Да, а другая бедняжка умерла в Риме три года назад. Я тогда был там. Добрая леди Дакейн оставила ее на попечении одной английской семьи. Девушка была окружена всей мыслимой роскошью. Старая леди была очень щедра и заботлива, но девушка все равно умерла. Говорю вам, мисс Мэндерс, нехорошо, когда девушка живет с двумя такими пугалами, как леди Дакейн и Парравичини!

Они заговорили о другом, но Белла едва их слышала. Она сидела, словно окаменев, и ей казалось, будто ледяной ветер слетел на нее с гор и подкрался к ней с моря, пока ее не охватил озноб — на ярком солнце, под укрытием апельсиновых деревьев, среди всей этой пышности и красоты.

Да, эта пара и впрямь производила жутковатое впечатление: старуха в своей дряхлости напоминала ведьму-аристократку, и Белла никогда не видела лиц, настолько похожих на восковую маску, как лицо врача леди Дакейн, человека неопределенного возраста. Ну и что с того? Преклонные годы достойны всяческого уважения, к тому же леди Дакейн сделала Белле так много добра. Доктор Парравичини был тихим, безобидным ученым и редко отрывался от книги. В специально отведенной ему гостиной он ставил естественнонаучные опыты — по химии, а возможно, и алхимии. Но при чем же здесь Белла? Доктор всегда был с ней учтив — на свой рассеянный лад. Она жила в великолепной гостинице, состояла в услужении у богатой пожилой леди — ничего лучше и быть не могло.

Конечно, Белла скучала по юной англичанке, с которой так подружилась, а может быть, и по брату англичанки — ведь мистер Стаффорд много беседовал с ней, интересовался книгами, которые она читала, и развлечениями, которые она себе придумывала в свободное время. «Когда будете свободны от дежурства, как говорят сестры милосердия, приходите в нашу маленькую гостиную, и мы помузицируем. Вы, разумеется, играете и поете?» В ответ Белла вспыхнула от стыда и вынуждена была признаться, что давным-давно позабыла, как играют на пианино. «Мы с мамой иногда пели дуэтом по вечерам, без аккомпанемента», — сказала она, и слезы навернулись на ее глаза при мысли об убогой комнатушке, получасовом перерыве в работе, швейной машинке, стоявшей на месте пианино, и печальном голосе матери, таком ласковом, таком искреннем, таком дорогом.

Иногда Белла начинала сомневаться, удастся ли ей когда-нибудь увидеться с любимой матерью. Ее одолевали дурные предчувствия. Девушка сердилась на себя за то, что дает волю меланхолии.

Однажды она спросила француженку — горничную леди Дакейн — о двух компаньонках, которые умерли в последние три года.

— Бедняжки, они были такие тощенькие,— сказала Франсина. — Когда они поступили на службу к *милади*, то были свежие и бодрые; но они слишком много ели и ленились — вот и умерли от роскоши и безделья. *Милади* была к ним слишком добра. Им было нечем заняться, и они начинали воображать то да се — будто воздух им вредит, будто они не могут спать...

— Я сплю хорошо, но, с тех пор как мы приехали в Италию, мне несколько раз снился странный сон...

— Ах, вы даже не думайте об этих снах, иначе с вами случится то же самое, что с теми девушками! Они тоже любили смотреть сны — и засмотрелись до могилы!

Сон несколько тревожил Беллу — не потому, что он был страшным или дурным, а потому, что она никогда раньше не чувствовала во сне ничего подобного: ей чудилось, что у нее в голове вертятся колеса, громко воет ураган, но воет ритмично, как будто тикают огромные часы, и вот посреди этого рева ветра и волн Белла словно бы падала в обморочную заводь, выпадала из обычного сна в сон куда более глубокий, в полное небытие. А затем, после периода черноты, слышались голоса, снова жужжали колеса, все громче и громче, и опять наступала чернота, а затем Белла просыпалась, слабая и унылая.

Как-то раз она пожаловалась на этот сон доктору Парравичини — это был единственный случай, когда ей понадобился его профессиональный совет. Перед Рождеством ее довольно сильно покусали москиты, и она даже испугалась, обнаружив на руке глубокую ранку, которую могла объяснить лишь ядовитым укусом одного из этих мучителей. Парравичини надел очки и внимательно изучил воспаленную отметину на пухлой белой ручке; Белла стояла перед ним и леди Дакейн, закатав рукав выше локтя.

— Да, это уже не шутки,— заметил доктор.— Он попал прямо в вену. Вот ведь вампир! Но не тревожьтесь, синьорина, у меня есть особая мазь, от которой все у вас заживет. Если заметите другие такие укусы, непременно покажите мне. Если их не лечить, это может быть опасно. Эти твари питаются всякой заразой и везде ее распространяют.

— Неужели столь крошечные существа могут так сильно кусаться? — спросила Белла. — Рука выглядит так, словно ее полоснули ножом!

— Вас бы это не удивляло, если бы вы увидели жало москита под микроскопом, — ответил Парравичини.

Белле пришлось мириться с укусами москитов — даже когда они попадали в вену и оставляли такие некрасивые ранки. Это повторялось еще несколько раз, правда, не слишком часто, и Белла обнаружила, что мазь доктора Парравичини лечит эти укусы очень быстро. Если даже он и был шарлатаном, как прозвали его враги, то по крайней мере эту маленькую операцию он проделывал легкими и нежными прикосновениями.

От Беллы Роллстон —
миссис Роллстон, 14 апреля

Милая, милая мама!

Только посмотри — вот чек на мое жалованье за вторую четверть года: двадцать пять фунтов! И никто не отщипнет от него целую десятку комиссионных, как в прошлый раз, — так что все это тебе, дорогая мамочка! На карманные расходы мне с лихвой хватает тех денег, которые я привезла с собой, ведь ты настояла на том, чтобы я оставила себе больше, чем хотела. Здесь не на что тратить деньги, кроме как иногда на чаевые слугам или несколько су детям и попрошайкам, — разве что у тебя уж очень много денег, ведь все, что тут можно купить — черепаховые панцири, кораллы, кружева, — так смехотворно дорого, что смотреть на все эти товары должны лишь миллионеры. Италия — пиршество для глаз, но для покупок я предпочитаю лавки на Ньюингтон-роуд.

Ты так серьезно спрашиваешь меня, хорошо ли я себя чувствую, что я боюсь, не были ли мои письма в последнее время очень уж скучны. Да, дорогая, у меня все благополучно — просто я уже не так сильна, как была, когда постоянно ходила пешком в Вест-Энд за полуфунтом чая исключительно ради моциона или в Далвич посмотреть на картины. В Италии славно отдыхается; вот и я чувствую то, что местные жители называют «истомой». Но я так и вижу, как твое милое лицо омрачается тревогой, когда ты читаешь эти строчки. Мама, я не больна,

честное слово, честное слово! Просто немного устала от этих красот, как, наверное, можно устать от созерцания картины Тернера, если она висит на стене напротив и ты все время на нее смотришь. Я думаю о тебе каждый день и каждый час, думаю о тебе и о нашей уютной комнатке, о нашей милой старенькой гостиной с креслами из руин твоего старого дома, и как Дик щебечет в своей клетке над швейной машинкой. Ах, милый Дик — от его пронзительного голоса впору было с ума сойти, а мы с тобой льстили себя мыслью, что он питает к нам нежную привязанность. В следующем письме обязательно сообщи мне, что он жив и здоров.

Моя подруга Лотта и ее брат так и не вернулись. Из Пизы они отправились в Рим. Вот счастливые! А в мае они должны быть на итальянских озерах — Лотта пишет, что еще не знает, на каком именно. Переписываться с ней было одно удовольствие — она доверяла мне все свои маленькие сердечные тайны. На той неделе мы все поедем в Белладжо — через Генуэ и Милан. Ну разве не прелестно? Леди Дакейн путешествует крайне неторопливо, если, конечно, ее не запихнут в роскошный экспресс. Мы проведем два дня в Генуе и день в Милане. Как же я замучаю тебя разговорами об Италии, когда вернусь домой!

Сто, двести, тысяча поцелуев от обожающей тебя
Беллы

IV

Герберт Стаффорд часто говорил с сестрой о той хорошенькой юной англичанке с таким свежим цветом лица — она была словно мазок розовой краски приятного оттенка среди бледных болезненных постояльцев «Гранд-отеля». Молодой врач вспоминал о своей новой знакомой с сочувственной нежностью — ведь она была совсем одна в огромной, многолюдной гостинице, полностью зависела от древней старухи, тогда как все остальные были вольны ни о чем не думать и наслаждаться жизнью. Это была тяжкая участь; к тому же бедная девушка, по-видимому, преданно любила мать и тяжело переносила разлуку с ней — врач думал о том, что они были одиноки, и очень бедны, и стали друг для друга всем на свете.

Однажды утром Лотта сказала, что в Белладжо они снова встретятся.

— Старушка со свитой будет там раньше нас, — сказала она. — Как прекрасно, что я снова увижу Беллу. Она такая веселая, такая живая, хотя иногда ее одолевает тоска по дому. У меня еще никогда не было такой близкой подруги, как она.

— Мне она больше всего нравится как раз тогда, когда тоскует по дому, — заметил Герберт. — Тогда я убеждаюсь в том, что у нее есть сердце.

— Что тебе до ее сердца? Ты ведь не в анатомическом театре! Не забывай, Белла совсем нищая. Она призналась мне, что ее мать шьет плащи для одного магазина в Вест-Энде. Ниже пасть уже невозможно.

— Полагаю, Белла нравилась бы мне не меньше, даже если бы ее мать делала спичечные коробки.

— В общем-то, ты прав, конечно прав. Спичечные коробки — достойное занятие. Но нельзя же жениться на девушке, чья мать шьет плащи.

— Эту тему мы с ней пока что не обсуждали, — ответил Герберт, которому нравилось поддразнивать сестру.

За два года работы в больнице он соприкоснулся с суровой реальностью жизни так тесно, что отверг все социальные предрассудки. Рак, чахотка, гангрена оставляют мало иллюзий относительно человечества. Суть всегда одна и та же — восхитительная и страшная, достойная жалости и ужаса.

Мистер Стаффорд с сестрой прибыли в Белладжо ясным майским вечером. Солнце спускалось за горизонт, когда пароход подошел к причалу, и в золотых лучах пылала и темнела великолепная пелена пурпурных цветов, которые в это время года покрывают каждую стену. На причале в ожидании вновь прибывших стояла группа женщин, и среди них Герберт заметил бледное личико, при виде которого забыл о своем привычном самообладании.

— Вот она! — прошептала Лотта, стоявшая рядом с братом. — Но как ужасно она изменилась! Просто на себя не похожа!

Спустя несколько минут они уже здоровались, и осунувшееся лицо Беллы просияло от радости встречи.

— Я так и думала, что вы сегодня приедете, — сказала она. — Мы здесь уже неделю.

Она не добавила, что встречала пароход каждый вечер и по нескольку раз каждый день. Гостиница «Гранд-Бретань» находилась невдалеке от причала, и Белле было несложно улизнуть, когда раздавался звон корабельного колокола. Она радовалась новой встрече со Стаффордами, радовалась обществу друзей — доброта леди Дакейн никогда не вселяла в нее такой уверенности в себе.

— Бедняжечка, ты, наверное, страшно болела! — воскликнула Лотта, когда девушки обнялись.

Белла попыталась ответить, но ей помешали слезы.

— Что случилось, милая? Наверное, эта ужасная инфлюэнца?

— Нет-нет, я не болела, просто чувствовала себя не такой бодрой, как обычно. Наверное, воздух Кап-Феррино мне не совсем подходит.

— Должно быть, он тебе противопоказан! В жизни не видела, чтобы люди так менялись. Пожалуйста, позволь Герберту тебя полечить. Ты знаешь, он теперь дипломированный врач. Он консультировал очень многих больных инфлюэнцей в гостинице «Лондрес», и они были рады получить совет любезного доктора-англичанина.

— Не сомневаюсь, он очень умный, — нерешительно проговорила Белла. — Но беспокоиться, право слово, не о чем. Я не больна, а если бы и была больна, врач леди Дакейн...

— Тот ужасный человек с желтым лицом? По мне, уж лучше бы рецепты выписывал кто-нибудь из семейства Борджиа! Надеюсь, ты не принимала его снадобий?

— Нет, дорогая, я ничего не принимала. Я никогда не жаловалась ни на какие недуги.

Этот разговор происходил по дороге в гостиницу. Номера для Стаффордов были заказаны заранее — это были премилые комнаты на первом этаже, выходившие в сад. Более пышные апартаменты леди Дакейн располагались этажом выше.

— Кажется, ваши комнаты как раз под нашими, — заметила Белла.

— Значит, тебе будет проще забегать к нам, — ответила Лотта, однако сказанное ею было не совсем верно, так как парадная лестница проходила в середине здания.

— Ах, мне и так будет проще простого! — сказала Белла. — Боюсь, мое общество вам еще надоест. Леди Дакейн в теплую погоду спит по полдня, поэтому у меня полно свободного времени, а ведь с утра до вечера думать о маме и доме ужасно грустно.

Голос ее дрогнул при этих словах. Даже если бы словом «дом» называлось не их убогое обиталище, а самый прекрасный дворец, какой только способны создать искусство и богатство, Белла не могла бы думать о нем нежнее. В этом прелестном саду у залитого солнцем озера в окружении романтических холмов, расстилавших кругом свою красоту, девушка тосковала и терзалась. Она скучала по дому — и вдобавок ее преследовали страшные сны, точнее, тот самый постоянно повторявшийся кошмар со странными ощущениями, похожий не столько на сон, сколько на галлюцинацию: жужжание колес, падение в бездну, резкое пробуждение. Этот сон Белла видела незадолго до отъезда из Кап-Феррино, но с тех пор он не повторялся, и она начала надеяться, что воздух в краю озер подходит ей лучше и эти странные ощущения больше не вернутся.

Мистер Стаффорд прописал ей лекарство и заказал его в аптеке неподалеку от отеля. Это было сильное укрепляющее средство, и после двух бутылочек, одной-двух прогулок в лодке по озеру и нескольких походов по холмам и лугам, где расцвели весенние цветы и настал настоящий земной рай, Белла приободрилась и похорошела как по волшебству.

— Чудесная микстура, — говорила она, но в глубине души, вероятно, понимала, что исцелили ее добрый голос доктора, дружеская рука, которая помогала ей войти в лодку и сойти на берег, и прелестное озеро.

— Надеюсь, ты не забываешь, что ее мать шьет плащи, — предостерегала брата Лотта.

— Или делает спичечные коробки — по мне, так это одно и то же.

— Ты хочешь сказать, что не женишься на ней ни при каких обстоятельствах?

— Я хочу сказать, что, если когда-нибудь полюблю женщину так сильно, что задумаюсь о женитьбе, мне не будет дела до ее богатства и положения в обществе. Но я боюсь... я боюсь, что твоя бедная подруга не доживет до того дня, когда станет чьей-нибудь женой.

— Ты думаешь, она настолько серьезно больна?!

Мистер Стаффорд вздохнул и оставил вопрос без ответа.

Однажды, когда они собирали гиацинты на горной лужайке, Белла рассказала мистеру Стаффорду о своих снах.

— Это удивительно — совсем не похоже на сон, — заметила она. — Вы наверняка сумеете найти этому какое-то разумное объяснение. То ли у меня голова на подушке неправильно лежит, то ли что-то разлито в воздухе...

А затем она описала свои ощущения — как что-то начинает душить ее во сне, потом жужжат колеса, так громко, так ужасно, а затем наступает пустота — и внезапное пробуждение.

— Вам когда-нибудь давали хлороформ? Ну, скажем, у зубного врача?

— Нет, никогда; доктор Парравичини тоже меня об этом спрашивал.

— Недавно?

— Нет, давным-давно, еще в поезде.

— А доктор Парравичини прописывал вам какие-нибудь лекарства, когда вы начали чувствовать слабость и недомогание?

— Да, время от времени он давал мне укрепляющее, но я терпеть не могу лекарства и почти ничего не принимала. И потом, я ведь не больна, хотя и чувствую себя немного слабее, чем обычно. Когда я жила в Уолворте, то была до смешного крепкой и здоровой и каждый день подолгу ходила пешком. Мама постоянно посылала меня за чем-нибудь в Далвич или Норвуд — она думала, что мне вредно слишком засиживаться за швейной машинкой, — а иногда, впрочем, очень-очень редко, и сама гуляла со мной. Обычно же, пока я наслаждалась моционом и свежим воздухом, она не покладая рук трудилась дома. И еще она очень внимательно следила за тем, что мы едим, — пища у нас всегда была хотя и простой, но обильной и полезной. Благодаря маминым заботам я и выросла такой здоровой и сильной.

— Бедняжка моя, сейчас ты не кажешься ни здоровой, ни сильной, — сказала Лотта.

— К сожалению, Италия не пошла мне впрок.

— Возможно, причина твоего недуга — не Италия, а то, что ты сидишь взаперти с леди Дакейн.

— Но я же не сижу взаперти! Леди Дакейн добра до нелепости, она позволяет мне весь день напролет гулять или сидеть на балконе, если я захочу. С тех пор как я служу у нее, я прочитала больше романов, чем за всю предыдущую жизнь!

— Значит, она совсем непохожа на других старых дам — они, как правило, сущие рабовладелицы,— сказал Стаффорд.— Удивительно, что она наняла компаньонку, если так мало нуждается в обществе.

— Ах, я всего лишь вхожу в ее свиту. Она необычайно богата, и жалованье, которое она мне платит, ее не обременяет. Что же касается доктора Парравичини, я знаю, что он хороший врач: он лечит укусы этих кошмарных москитов.

— Для этого сойдет простой нашатырный спирт, надо только помазать им сразу после укуса. Но в это время года москитов нет, они не могут вас тревожить.

— Нет, почему же, есть; как раз перед отъездом из Кап-Феррино меня укусили.— С этими словами Белла подняла просторный батистовый рукав и показала след от укуса, который Стаффорд пристально изучил, причем вид у него был удивленный и озадаченный.

— Это не москит,— сказал он.

— Нет, москит — или же в Кап-Феррино водятся гадюки!

— Это вообще не укус. Вы меня обманываете. Мисс Роллстон, вы позволили этому гнусному итальянскому шарлатану пускать вам кровь. Не забывайте, так погубили величайшего человека в Европе. С вашей стороны это была непростительная глупость.

— Мистер Стаффорд, мне ни разу в жизни не пускали кровь!

— Чушь! Позвольте мне взглянуть на другую руку. Там тоже остались следы укусов?

— Да; доктор Парравичини говорит, что у меня кожа плохо заживает и яд москитов действует на меня сильнее, чем на других.

Стаффорд осмотрел при ярком солнце все следы на обеих ее руках — старые и новые.

— Вас покусали очень сильно, мисс Роллстон,— сказал он,— и я уж проучу этого москита, если доберусь до него.

А теперь скажите мне, дорогая моя девочка, скажите честно и откровенно, как сказали бы другу, который искренне тревожится о вашем здоровье и счастье, как сказали бы матери, если бы она была здесь и стала вас расспрашивать: знаете ли вы об этих следах что-нибудь кроме того, что это укусы москитов, или хотя бы подозреваете что-нибудь?

— Нет, конечно! Нет, честное слово! Я никогда не видела, как москит кусает меня. Но ведь этих маленьких негодников никто не замечает. Однако я слышала, как они гудят за занавесками, и помню, что эти ядовитые разбойники часто жужжали надо мной.

Ближе к вечеру, когда леди Дакейн выехала прогуляться со своим врачом, Белла с друзьями пила чай в саду.

— Мисс Роллстон, как долго вы собираетесь служить у леди Дакейн? — спросил Герберт Стаффорд после задумчивого молчания, перебив пустячную девичью болтовню.

— Пока она не перестанет платить мне двадцать пять фунтов за три месяца.

— Даже если вы почувствуете, что эта служба губит ваше здоровье?

— Здоровье у меня испортилось не из-за службы. Вы же видите, что делать мне нечего — разве что читать вслух по часу или около того разок-другой в неделю да иногда написать письмо какому-нибудь лондонскому торговцу. Ни у кого другого я не была бы в такой степени предоставлена самой себе. И никто другой не стал бы платить мне сто фунтов в год!

— Значит, вы намерены стоять до последнего, даже погибнуть на посту?

— Как две другие компаньонки?! Нет! Если только я почувствую, что серьезно больна — по-настоящему больна, — я не задумываясь прыгну в поезд и покачу обратно в Уолворт!

— А что случилось с двумя другими компаньонками?

— Они обе умерли. Леди Дакейн очень не повезло. Потому-то она меня и наняла — она выбрала меня, потому что я была крепкая и румяная. Наверное, ей неприятно, что я стала такая бледная и слабая. Кстати, когда я ей рассказала, какое замечательное укрепляющее вы мне прописали, она пожелала повидаться с вами и поговорить о собственном здоровье.

— Я тоже буду рад увидеться с леди Дакейн. Когда она это сказала?

— Позавчера.

— Вы могли бы спросить у нее, не примет ли она меня нынче вечером?

— С удовольствием! Любопытно, что вы о ней скажете. Посторонним она кажется довольно-таки страшной, однако доктор Парравичини говорит, что когда-то она славилась красотой.

Было уже почти десять вечера, когда мистера Стаффорда запиской призвали к леди Дакейн, чей посыльный явился, дабы проводить доктора в гостиную ее милости. Когда посетителя впустили, Белла читала вслух, и в ее нежном негромком голосе он уловил усталость, словно чтение требовало от нее усилий.

— Закройте книгу, — произнес сварливый старушечий голос. — Вы тянете слова, как мисс Бленди.

Стаффорд увидел маленькую сутулую фигурку, что согнулась над грудой оливковых поленьев, пылавших в камине, дряхлую, ссохшуюся фигурку в роскошном одеянии из черной и бордовой парчи, тощую шею, торчавшую из пены венецианских кружев, схваченных бриллиантами, которые вспыхнули, словно светлячки, когда дрожащая старушечья головка повернулась ему навстречу.

Глаза, смотревшие на него с этого лица, блестели почти так же ярко, как бриллианты, — единственная живая черта на узкой пергаментной маске. Стаффорду приходилось в больнице видеть ужасные лица, на которых болезнь оставила свои страшные отметины, но еще никогда человеческое лицо не производило на него столь гнетущего впечатления, как это — морщинистое, бесстрастное, вселявшее неописуемый ужас тем, что оно пережило саму смерть и должно было уже давным-давно скрыться под крышкой гроба.

По другую сторону камина стоял доктор-итальянец — он курил сигарету и глядел на крошечную старушку, склонившуюся над огнем, так, словно гордился ею.

— Добрый вечер, мистер Стаффорд. Белла, вы можете идти в свою комнату, писать эти ваши бесконечные письма к матушке в Уолворт, — сказала леди Дакейн. — По-моему, она пишет по странице о каждом полевом цветке, который

ей встретится в лесу или на лужайке. Не знаю, о чем ей здесь еще писать, — добавила она, когда Белла тихо удалилась в хорошенькую спаленку, примыкавшую к просторным апартаментам леди Дакейн. Здесь, как и в Кан-Феррино, Белле отвели комнату, смежную со спальней старой дамы.— Я так понимаю, мистер Стаффорд, вы имеете отношение к медицине.

— Я дипломированный врач, но у меня еще нет своей практики.

— У вас уже есть пациент — моя компаньонка; так она мне сказала.

— Да, конечно, я прописал ей лекарство и счастлив, что оно пошло ей на пользу; однако мне кажется, что улучшение лишь временное. Ее случай потребует более основательного лечения.

— О каком случае вы говорите? Девушка ничем не страдает, абсолютно ничем, кроме девичьей глупости — многовато свободы, маловато работы.

— Насколько я знаю, две предыдущие компаньонки вашей милости умерли от той же болезни, — сказал Стаффорд, поглядев сначала на леди Дакейн, которая нетерпеливо дернула трясущейся головой, а затем на Парравичини, чье желтое лицо слегка побледнело под пристальным взглядом гостя.

— Не утомляйте меня разговорами о моих компаньонках, — отрезала леди Дакейн. — Я послала за вами, чтобы получить консультацию касательно моего собственного здоровья, а не самочувствия стайки малокровных девиц. Вы молоды, а медицинская наука, если верить газетам, стремительно развивается. Где вы учились?

— В Эдинбурге, затем в Париже.

— Две хорошие школы. И вы знаете все эти новомодные теории, современные открытия, которые так напоминают мне средневековое колдовство, Альберта Великого и Джорджа Рипли? Вы изучали гипноз, электричество?

— И переливание крови,— проговорил Стаффорд очень медленно, глядя на Парравичини.

— Не сделали ли вы каких-либо открытий, позволяющих продлить человеческую жизнь, не нашли ли какого-нибудь эликсира, какого-то особого средства? Молодой чело-

век, я хочу продлить себе жизнь. Вот этот господин был моим личным врачом на протяжении тридцати лет. Он делает все возможное, чтобы поддерживать мое существование, — все, что в его силах. Он изучает все новейшие научные теории, но он сам стар, он стареет с каждым днем, разум его слабеет, он одержим предрассудками, не способен воспринимать новые идеи, не в состоянии освоить новые доктрины. Он уже свел бы меня в могилу, если бы я не была начеку.

— Вы несомненно неблагодарны, ехидна, — проговорил Парравичини.

— О, вам не на что жаловаться. Я заплатила вам многие тысячи за то, что вы не давали мне умереть. Каждый год моей жизни раздувает ваше состояние, и вы знаете, что, когда я умру, вам не достанется ничего. Все, что у меня есть, я завещала дому для нуждающихся родовитых женщин, достигших девяностого года жизни. Так вот, мистер Стаффорд, я богата. Подарите мне еще несколько лет солнечного света, еще несколько лет на земле, и у вас будет престижная медицинская практика в Лондоне — я введу вас в Вест-Энд.

— Сколько вам лет, леди Дакейн?

— Я родилась в тот день, когда казнили Людовика Шестнадцатого.

— Тогда, я думаю, вы сполна получили свою долю солнечного света и земных радостей и должны провести немногие оставшиеся дни, каясь в грехах и стараясь искупить свою вину за те молодые жизни, которые вы принесли в жертву собственному жизнелюбию.

— Что вы имеете в виду, сударь?

— Ах, леди Дакейн, надо ли мне облекать в слова и ваши прегрешения, и еще более тяжкие прегрешения вашего врача? Бедная девушка, состоящая при вас на жалованье, из-за хирургических экспериментов доктора Парравичини лишилась крепкого здоровья и дошла до крайне опасного состояния, и я ничуть не сомневаюсь, что две ее предшественницы, которые погибли у вас на службе, испытали на себе тот же самый метод лечения. Я могу самолично доказать — и привести самые убедительные свидетельства любому консилиуму врачей, — что доктор Парравичини давал

мисс Роллстон хлороформ, а затем пускал ей кровь, и проделывал это время от времени с тех самых пор, как она поступила к вам в услужение. Подорванное здоровье девушки говорит само за себя, следы от ланцета на ее руках ни с чем не перепутаешь, а описание повторяющихся ощущений, которые сама она называет кошмарами, безошибочно указывает на то, что ей во сне давали хлороформ. Если вас уличат в подобных действиях — таких преступных, таких подлых, — вас ждет наказание, лишь немногим уступающее смертному приговору.

— Мне смешно слышать, — сказал Парравичини, с беспечным видом взмахнув костлявыми пальцами, — мне смешно слышать и ваши теории, и ваши угрозы. Я, Леопольд Парравичини, не боюсь, что закон заинтересуется моими действиями.

— Забирайте девушку, я и слышать о ней больше не хочу! — вскрикнула леди Дакейн дребезжащим старушечьим голосом, который так разительно расходился с силой и пылкостью повелевавшего им злобного старческого разума. — Пусть едет к своей матери, я не хочу, чтобы у меня опять умерла компаньонка. Право слово, девиц в мире хватает с избытком!

— Леди Дакейн, если вы когда-нибудь заведете себе другую компаньонку или возьмете себе на службу другую юную англичанку, я сделаю так, что весть о ваших преступлениях прогремит по всей Англии!

— Мне больше не нужны девицы! Я не верю в его эксперименты! Они были крайне опасны, опасны для меня не меньше, чем для девушки, — достаточно одного воздушного пузырька, и мне конец! Хватит этого опасного шарлатанства! Я найду себе нового врача, лучше, чем вы, сударь, первооткрывателя вроде Пастера или Вирхова, гения, который не даст мне умереть! Забирайте вашу барышню, молодой человек. Женитесь на ней, если хотите. Я выпишу чек на тысячу фунтов, и пусть она убирается на все четыре стороны, ест говядину с пивом и снова становится крепкой и полнотелой. Мне больше не нужны подобные эксперименты. Слышите, Парравичини? — мстительно взвизгнула она с перекосившимся от злобы желтым морщинистым лицом и яростно сверкающими глазами.

На следующий же день Стаффорды увезли Беллу Роллстон в Варезе; девушка крайне неохотно покинула леди Дакейн, чье щедрое жалованье позволяло так замечательно помогать дорогой мамс. Однако Герберт Стаффорд настоял на отъезде, причем обращался с Беллой спокойно и хладнокровно, словно он был семейным врачом и ее полностью вверили его заботам.

— Неужели вы полагаете, что ваша мать позволила бы вам остаться здесь и умереть? — спросил он. — Если бы миссис Роллстон знала, как вы больны, она примчалась бы за вами, как ветер!

— Я не поправлюсь, пока не вернусь в Уолворт, — отвечала Белла, которая этим утром была подавлена и немного слезлива (обратная сторона вчерашнего воодушевления).

— Сначала мы посмотрим, не поможет ли вам неделя-другая в Варезе, — возразил Стаффорд. — Вы вернетесь в Уолворт, когда сможете пройти без учащенного сердцебиения хотя бы половину дороги, ведущей на вершину Монте-Дженерозо.

— Бедная мама, как она будет рада видеть меня — и как огорчится, узнав, что я потеряла такое выгодное место!

Этот разговор происходил на борту судна, когда они отплывали от Белладжо. Тем утром Лотта пришла в спальню подруги в семь часов, задолго до того, как приподнялись, впуская дневной свет, сморщенные веки леди Дакейн, и даже до того, как Франсина, горничная-француженка, вскочила с постели, помогла упаковать в саквояж самое необходимое, проводила Беллу вниз и выпихнула за порог так стремительно, что девушка не успела оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления.

— Все улажено, — заверила ее Лотта. — Вчера вечером Герберт побеседовал с леди Дакейн и договорился, что ты уедешь нынче утром. Видишь ли, она не любит инвалидов.

— Да, не любит, — вздохнула Белла. — Как неудачно, что я тоже подвела ее, — совсем как мисс Томсон и мисс Бленди.

— Так или иначе, ты, в отличие от них, жива, — заметила Лотта, — и Герберт говорит, что ты не умрешь.

Белла ужасно терзалась оттого, что ее уволили так бесцеремонно и ее нанимательница с нею даже не попрощалась.

— Что же скажет мисс Торинтер, когда я снова приду к ней искать место? — горестно вздохнула Белла, когда завтракала с друзьями на борту парохода.

— Возможно, вам больше не придется искать место, — сказал Стаффорд.

— Вы хотите сказать, что здоровье не позволит мне состоять при ком-либо?

— Нет, ничего подобного я не имел в виду.

Лишь после ужина в Варезе, когда Беллу уговорили выпить полный бокал кьянти и она так и засияла после столь непривычного для нее стимулирующего средства, мистер Стаффорд вынул из кармана письмо.

— *Я забыл передать вам прощальное письмо леди Дакейн*, — произнес он.

— Значит, она мне все-таки написала? Как я рада — мне было неловко оттого, что мы расстались так холодно, ведь она была очень добра ко мне, а если она мне и не нравилась, то только потому, что она такая невообразимо старая!

Белла вскрыла конверт. Письмо было короткое и деловое.

Прощайте, дитя. Выходите замуж за своего доктора. Прилагаю прощальный подарок вам в приданое.

Аделина Дакейн

— Сто фунтов, жалованье за целый год... нет... ах, это же... Это же чек на тысячу! — воскликнула Белла. — Какая же она щедрая душа! Милая, милая старушка!

— Ей просто хотелось, чтобы вы считали ее милой, Белла, — сказал Стаффорд.

На борту парохода Стаффорд все чаще называл Беллу по имени. Словно бы само собой разумелось, что он будет опекать девушку до возвращения в Англию.

— Пока мы не высадимся в Дувре, я возьму на себя привилегии старшего брата, — сказал он. — А затем — что ж, все будет так, как вы пожелаете.

Видимо, вопрос об их дальнейших взаимоотношениях был улажен к обоюдному удовольствию еще до того, как они переплыли Ла-Манш, поскольку в следующем Беллином письме к матери содержалось три сенсационных заявления.

Во-первых, там говорилось, что прилагаемый чек на тысячу фунтов следует вложить в привилегированные акции на имя миссис Роллстон и что сама эта сумма и проценты с нее станут ее личными доходами до конца жизни.

Во-вторых, Белла собиралась очень скоро вернуться домой.

И наконец, ближайшей осенью она намеревалась выйти замуж за мистера Герберта Стаффорда.

«Не сомневаюсь, мама, что ты будешь обожать его не меньше, чем я, — писала Белла. — А все благодаря доброй леди Дакейн. Я никогда не вышла бы замуж, если бы не могла обеспечить для тебя небольшой доход. Герберт говорит, что со временем мы сможем его увеличивать и что, где бы мы ни жили, для тебя в нашем доме всегда отыщется уголок. Слово „теща" Герберта не пугает».

МЕЛАНИ ТЕМ

Обед в «Шэрон»

Мелани Тем живет в Денвере, штат Колорадо, и работает в службе по усыновлению. У них с мужем, писателем и редактором Стивом Разником Темом, четверо детей и трое внуков.

Из девяти ее романов особенно хочется отметить «Блудный сын» («Prodigal»), который получил премию Брэда Стокера за дебют, а также романы «Призрак» («Revenant»), «Черная река» («Black River») и «Приливы» («The Tides»). На данный момент издательство «Leisure Books» готовит к публикации еще две ее книги, а серия ее коротких рассказов недавно вышла в сборниках «Темные ужасы 5» («Dark Terrors 5»), «Музей ужасов» («Museum of Horrors») и «Экстрим 2» («Extremes 2»).

Когда разговор заходит о рассказе «Обед в „Шэрон“», автор обычно поясняет: «Когда люди говорят моей подруге, что она выглядит моложе своего возраста — а ей восемьдесят три года, — они считают, что делают ей комплимент. Знакомая, которой двадцать пять, плачет при виде „гусиных лапок“ у глаз. Шестидесятилетний друг говорит, что его организм начинает сдавать. Вряд ли найдется человек, который торопится поскорее познакомиться со смертью. И я думаю, что именно страх смерти стал причиной появления мифов о вампирах. И причиной этого рассказа».

Эми Алейри умерла.

Три из четырех. Осталась одна я.

Я узнала о ее смерти сегодня, в спортивном клубе. Естественно, Эми не ходила туда заниматься, но она была в хороших отношениях с моим личным тренером, Вондой. Когда Вонда училась в колледже, Эми преподавала ей физику, и они подружились.

— Обширный инсульт, — сказала Вонда, не забывая приглядывать за моей разминкой. — Ни с того ни с сего. Она пошла в магазин и там упала. А ребенок сидел в тележке.

У меня по коже побежали мурашки, как всегда случалось, когда я слышала что-то подобное. Ведь как можно защитить себя от грома с чистого неба? А подозрение, что случившееся с Эми вовсе не такая случайность, как могло показаться на первый взгляд, только усугубляло мой ужас.

— Боже мой,— пропыхтела я, продолжая с мрачным упорством поднимать штангу и стараясь не сбить дыхание.— Как ужасно.

— Давай, Мэйдисон, соберись. Больше усилия.

Данное мне при рождении имя старомодное и безвкусное и часто встречается у женщин моего поколения. Я считаю Мэйдисон не данным, а взятым именем. Мэйдисон: молодое, свежее, более подходящее для девушки лет двадцати, чем для пятидесятилетней женщины; оно очень идет моему одолженному телу и, как я предполагаю, взятой напрокат душе. Мне нравится, как оно звучит, как выглядит на бумаге. Мне нравится лишняя буква «й». Мне нравится, какое впечатление оно создает обо мне.

Я подчинилась указаниям Вонды и сумела выжать штангу еще десять раз, а надо сказать, что сегодня я впервые поднимала такой вес. Меня очень радовала разливающаяся по плечам и груди натруженная боль.

— Как страшно,— выдавила я между равномерными вдохами и выдохами.

Вонда присела и принялась критически наблюдать за мной — она пыталась делать свою работу, но я видела, что она вымотана и дрожит. Обычно к этому времени она ободряла и поправляла меня, и хотя я понимала, почему сейчас мой тренер молчит, я обнаружила, что упражняюсь упорнее, перевыполняю поставленную передо мной задачу, в надежде привлечь ее внимание. Мне требовалась не столько похвала, сколько заверения: я сильна и здорова, хорошо выгляжу и делаю все, что в моих силах.

— Она умерла еще до приезда «скорой».

— Ого! — Я содрогнулась и вполне искренне добавила: — Какая трагедия.

— Я не ожидала, что в сорок лет можно умереть от инсульта.

— Такое случается,— осторожно сказала я и поднялась с мата.

Вонда обняла меня одной рукой за плечи и быстро прижала к себе — женский эквивалент того, как мужчины хлопают друг друга по заду.

— Ладно, тебе пора в сауну.

Она отвернулась, чтобы перейти к следующему подопечному, но я остановила ее беззастенчивым вопросом:

— Как мои успехи?

И тем не менее мне пришлось довольствоваться рассеянным:

— Отлично, Мэйдисон, отлично.

Вонда махнула на прощание рукой и направилась в другой конец зала. Я недовольно уставилась ей вслед, кипя обидой и неудовлетворением и утешая себя ядовитой мыслью, что единственной причиной моего интереса к этой складной, самодостаточной женщине является то, что я могу от нее получить. В раздевалке я с удовольствием отметила свою новую упругую грудь и подтянутые ягодицы; я купалась в оценивающих взглядах других посетительниц спортзала и вспоминала последнюю встречу с Эми.

Мы обедали в «Шэрон», прощались с Кит. Но себе мы в этом не признавались. Мы говорили, что причиной стал приезд Дениз, а ведь мы не собирались вчетвером с тех пор, как она переехала в Остин. Даже когда Эми пригласила меня по телефону, она не сказала: «Приходи, возможно, мы больше никогда не увидим Кит».

Мы с Дениз заняли столик у окна, и я видела, как к ресторану подъехала Кит Бимер. За рулем сидел ее муж. Он припарковался на стоянке для инвалидов, вышел из машины и подошел к окошку Кит; она даже не открыла дверь. Ей потребовалось несколько долгих минут, чтобы выйти из машины, и еще несколько долгих минут, чтобы, с трудом держась на ногах, дойти с помощью Джерри до ресторана. Недавно я провела вечер у них в гостях, и в моих руках она казалась сделанной из бумаги, как цветок-оригами. Но в ее пальцах ощущалась пугающая сила, будто в них уже поселилась хватка смерти. Делая ей легкий массаж, я боялась сломать хрупкие кости, но Кит только вздыхала от удовольствия. Меня настолько заинтриговало полное отсутствие волос, что я долго и бережно терла ее ноги, завидовала их

невероятной гладкости и боролась с желанием прижаться щекой к лодыжке.

Кит никогда не отличалась особой красотой, но людям нравилась ее открытая натура. Мы познакомились, когда нам обеим стукнуло сорок три. Она как раз начала заниматься лыжами и увлеклась чечеткой. А у меня начала обвисать грудь, и все чаще болела поясница. Мы вместе ходили на йогу, а в перерывах занимались у меня или у нее дома. Когда мы помогали друг другу с асанами — ее рука на моей пояснице, мои ладони на ее коленях и лодыжках, — я поначалу восхищалась, потом поглощала, а потом и отсасывала необходимую мне энергию. Я знала, что ее сердце начало сдавать на пять лет раньше, чем она сама.

Дениз никак не отреагировала на мою внешность, за исключением нейтрального восклицания, когда мы обнимались при встрече:

— Привет, Мэйдисон! Рада тебя видеть! Хорошо выглядишь!

Такие слова женщины говорят друг другу постоянно, и они ничего не значат. Большинство удивляются тому, как молодо я выгляжу, но Дениз обошла эту тему стороной. Сама она не выглядела молодой. Она выглядела на наш возраст. Здоровой и сильной, этого я отрицать не могу, но фунтов на тридцать тяжелее меня, с морщинами и проступающей сединой, от которой легко избавиться. Чем дольше я живу, тем меньше понимаю таких женщин. Они меня пугают.

— Вот и Кит, — сказала я.

— Где?

— В красном тюрбане.

— Боже мой.

Молча мы наблюдали за тем, как Кит продрейфовала до двери ресторана. Казалось, будто она едва касается земли.

— Она действительно очень больна. Она действительно умирает, — произнесла Дениз прерывающимся голосом.

— Да, — отозвалась я.

На мгновение Дениз прикрыла глаза. Я обратила внимание на короткие ногти, чистые и покрытые прозрачным лаком, но с первого взгляда становилось ясно, что это ногти женщины среднего возраста, матери и бабушки, которая го-

товит, занимается уборкой, садом, играет с детьми — в общем, много работает руками. Ее беззастенчивость настолько меня шокировала, что мне пришлось перевести взгляд на собственные тонкие, гладкие, со вкусом ухоженные ногти на стакане чая со льдом. К моему вящему ужасу, в лаке на большом пальце на правой руке обнаружился крохотный, но бесспорно заметный скол, а кутикула на безымянном пальце левой оказалась далека от совершенства. До конца обеда я предпринимала все возможное, чтобы не привлекать внимания к рукам, хотя считаю их одной из лучших своих черт. Как только доберусь домой, придется срочно позвонить маникюрше — не могу же я ждать до обычного еженедельного сеанса.

— Как ужасно видеть ее в таком состоянии, — сказала Дениз. — Ты виделась с ней постоянно, так что, наверное, почти привыкла, но я не ожидала. Что я ей скажу?

Эми подошла к Кит и обняла ее толстой рукой за талию. Эми никогда не была худышкой, а с нашей последней встречи заметно прибавила в весе. Хотя с медицинской точки зрения ее нельзя было считать ожиревшей, да и неопрятной ее никто не назвал бы: бирюзовое платье хорошо смотрелось на ней, а свободный шиньон на затылке подчеркивал безупречную кожу и чудесные зеленые глаза. Но она была толстой. От контраста между ними захватывало дыхание: полупрозрачная, выпитая до дна Кит и полная плоти и сил Эми.

Я погладила под столом свой плоский живот и, обращаясь к Дениз, прошептала:

— Если бы я так выглядела, я бы покончила жизнь самоубийством.

В ответ Дениз посмотрела на меня так, будто я сморозила полную чушь.

Как только Эми и Кит подошли к нашему столу, Дениз с улыбкой вскочила на ноги.

— Привет! Эми! Кит! Как я рада вас видеть! Хорошо выглядите! — воскликнула она с чрезмерным энтузиазмом.

Сначала она очень бережно обняла Кит и подвинула ей стул. Когда Эми ее усадила, Дениз обняла и ее. Судя по тому, как напряженно выпрямилась Эми, я догадалась, что она боится пожертвовать прической или макияжем ради объятия,

и мое мнение о ней немного возросло. Дениз же, со своей стороны, отдалась объятию всей душой, и до конца обеда ее волосы с одной стороны торчали так, будто их корова языком лизнула. Понять не могу, как женщина может настолько не следить за своей внешностью.

Я улыбнулась Кит и дотронулась до ее худого, как у скелета, запястья. Я действительно хорошо к ней относилась.

— Эй, — тихо окликнула я ее под производимый Дениз шум. — Как поживаешь, солнце мое?

Пока Кит собиралась с силами для ответа, наши подруги уже успели занять свои места.

— Я устала, Мэйдисон. Мне уже немного осталось. Все кончено.

Без бровей и ресниц ее лицо практически потеряло выразительность, но, как это ни нелепо, мне показалось, что она смотрит на меня с подозрением. От вины засосало под ложечкой, а за виной пришел и страх. С нами рядом сидела смерть, и я поторопилась извиниться и выйти из-за стола. Проходя за спиной Кит, я чуть коснулась ее холодной шеи — жест любви и извинения, благодарности и прощания.

В «Шэрон» замечательная дамская комната. В просторном помещении три стены от пола до потолка закрывают зеркала, перед ними стоит длинный туалетный столик; на нем лежат салфетки, ватные шарики и маленькие зеркала, флакончики с лосьонами и влажные салфетки, баллончики с лаком для волос и антистатиком, пилочки для ногтей, а в автомате можно получить крохотные пузырьки с различными ароматами, причем цены за одну унцию духов приближаются к парижским. Часто в дамскую комнату в «Шэрон» выстраиваются очереди.

В тот день передо мной стояли всего две или три женщины, и, дожидаясь своей очереди, я проверила фигуру. Конечно, я проверяла ее дома — это входит в мой ежедневный утренний ритуал, — а потом еще и в спортзале, но еще одна проверка не помешает. Я сделала вид, что разглаживаю одежду, но на самом деле лишний раз убедилась, что упражнения для живота, груди и ягодиц делают свое дело. Под кожаной мини-юбкой скрывались упругие, без малей-

шего намека на целлюлит бедра. Кожа на руках не висела, а от уголков глаз и рта не разбегались морщины. Вся открытая для обозрения кожа, а открывалось ее немало, была подтянутой и гладкой. Волосы безупречно лежали вокруг лица в простой молодежной стрижке до плеч, рекомендованной моим парикмахером; он также сделал мне мелирование, которое придавало волосам особую ауру легкости и света. И хотя с губами и носом я никак не могла добиться удовлетворяющего меня результата, брови мои выглядели идеально, а грудь приняла размеры и форму, о каких я всегда мечтала.

Но пока я разглядывала себя под разными углами в каждом зеркале, я видела, как приближается смерть. Видела, как стареют мои органы, как редеют и седеют волосы, а кожа на локтях обвисает и сморщивается. Видела, как черепашьим шагом подступает увядание.

Мне требовались невероятные усилия, чтобы противостоять ей. Изо дня в день, от процедуры к процедуре, по одному другу зараз. У меня совершенно не оставалось времени ни на что другое.

Возвращаясь к столику, я увидела, как Кит слабо кивает в ответ на то, что рассказывает ей Эми, и внезапно поняла, что в дамской комнате я перенеслась в фантазию, где Кит уже умерла. В то же время я надеялась, что смогу еще немного ею попользоваться. От любви к ней у меня слезы навернулись на глаза, и я осторожно их смахнула, чтобы не смазать тушь. Я хорошо понимала, что Кит уже за пределами моей досягаемости, поэтому с сожалением, но не мешкая, я переключилась на другой источник.

Дениз заказала полный обед, включая десерт. Мы с Эми выбрали по салату. Разговор не вязался: сидя рядом с Кит, нам никак не удавалось найти безопасную тему. Говорить о будущем, даже о следующей неделе, казалось неприличным. От разговоров о настоящем болезнь Кит превращалась в слона, о котором никто не мог забыть, но которого старательно не замечали. Обсуждения прошлого напоминали нам о том, чего не вернуть. Кит не принимала участия в разговоре, и, хотя она что-то заказала, она не стала есть, а только медленно и осторожно отпивала по глотку воды.

Дениз увлеченно рассказывала о недавнем походе в горы Колорадо.

— Неплохо для бабушки в пятьдесят один год? — снова и снова повторяла она.

Эми слушала ее со страдальческим выражением лица. Я догадывалась, что Дениз просто пытается заполнить повисшую над столом тишину, говорить о чем угодно, кроме сидящего рядом слона, но в то же время позволила себе считать, что ее бестактность станет оправданием моего плана.

Я встала за ее стулом и положила руки ей на плечи. Она приняла мой жест за предостережение, замешкалась и неуклюже поспешила закончить рассказ. Энергия текла по ее телу белой водой. Я протолкнулась в ее течение, и Дениз поморщилась. Я начала бережно массировать ей плечи — Вонда научила меня технике для расслабления мышц и снятия стресса, — но я не собиралась ее лечить.

— Ох, — простонала Дениз, с наслаждением поводя плечами. — Больно.

— Прекратить? — спросила я.

Но я не стала останавливаться. Наоборот, я усилила давление, нашла под левой лопаткой сведенную мышцу и надавила на нее согнутым пальцем. Дениз охнула и выгнула спину, но я не отпускала ее. Через долгую минуту она расслабилась. Я почувствовала, как защитные рубежи ее тела опустились передо мной, и у нас произошел первый обмен. Для меня он походил на переливание крови. Для нее он станет медленным ядом.

Я убрала палец, легко провела руками по ее спине и отошла, похлопав ее по плечу в знак приязни и сожаления.

— Вот это да, Мэйдисон, у тебя такие сильные руки, — сказала Дениз. Некоторое время она сидела неподвижно и смотрела в пространство.

Кит заговорила. Ее голос оказался неожиданно сильным, и я подумала, а не удастся ли получить с нее еще немного? Но, с другой стороны, она не стала тратить силы на предисловия.

— Когда ты поедешь за ребенком? — спросила она у Эми.

Эми замешкалась и перевела взгляд на меня — она не знала, стоит ли отвечать. Я пожала плечами.

— Я уезжаю в четверг, — наконец ответила она извиняющимся тоном.

— За ребенком? — встряхнулась Дениз.

— Я удочеряю девочку из Китая. — Эми бросала на Кит неуверенные взгляды и говорила с запинкой, но все равно ее радостное предвкушение становилось заразительным. — Ее подбросили, так что в детском доме не знают ее точный возраст, но считают, что ей около восьми месяцев.

— Ребенок? В твоем возрасте? В нашем возрасте? — Дениз изумленно и, как мне показалось, осуждающе покачала головой.

Я тоже отнеслась к новости с осуждением, но не по причине возраста. Хотя я сомневалась, что вес Эми представляет серьезную угрозу ее здоровью, я считала, что одним из критериев для усыновление должен считаться внешний вид. Ведь кто захочет иметь мать-толстуху?

Эми начала что-то говорить в свою защиту, но я ее перебила:

— Если ты можешь взбираться на горы, то почему Эми нельзя удочерить ребенка?

— Чтобы взобраться на гору, необходим долгий всплеск энергии. Но воспитание ребенка занимает круглые сутки по меньшей мере восемнадцать лет. — Дениз подняла в тосте свой бокал с водой. — Я бы никогда на такое не решилась. Я слишком стара. Но я буду болеть за тебя, подруга.

— Может быть, — необдуманно произнесла я, — именно это имеется в виду, когда говорят, что в среднем возрасте женщины открывают в себе новые силы.

И на этот раз все мы старательно не смотрели на Кит, и мне было стыдно, но в голове роились планы на запас материнской энергии Эми и — я сама едва осмеливалась об этом подумать — о чистой, без примесей, жизненной воли младенца.

— Ты видишься с Вондой? — тихо спросила меня Эми.

— Каждый день, в спортзале. Видела ее утром.

— И как она? — В голосе ее звучала тоска.

— Прекрасно. Просто замечательно.

Эми потыкала вилкой в остатки своего салата.

— Она перестала звонить.

Я не знала, что ответить.

— Она занята, — попробовала успокоить ее я. — Тут нет ничего личного.

Я всегда считала подобные утешения глупыми, поскольку человек жалуется именно на отсутствие личных отношений. Но разговор о потерянной дружбе в присутствии Кит казался жестокой затеей — ведь она скоро потеряет все, — и я не хотела поощрять Эми.

Но она все равно продолжала:

— Вонда будет крестной матерью моей дочери. Я написала завещание, и, если со мной что-то случится, она будет ее воспитывать.

— Я не знала, что вы настолько близки.

— Было время, когда я так думала. И она молодая женщина. — Эми бросила косой взгляд в сторону Дениз.

— Я попрошу ее связаться с тобой.

— Нет, — твердо заявила она. — Не надо.

— Ну я скажу, что ты передавала привет.

— Нет, — с таким же жаром, но тише возразила Эми. — Если она не хочет меня видеть, это ее дело. Я все равно считаю, что она будет Фиби хорошей матерью. С ней свяжется мой адвокат. К тому же со мной ничего не случится, — закончила она с нервным смешком, которым обычно сопровождаются подобные заверения.

— Ну, заранее никогда не знаешь, — заметила я.

Ответ получился более пренебрежительным, чем я задумывала, потому что к тому времени мое внимание уже вернулось к Дениз и Кит. Эми больше не заговаривала о Вонде; если подумать, она больше не говорила со мной до конца обеда.

Кит умерла через неделю. Ее муж позвонил мне на работу и сказал, что если я хочу попрощаться, то лучше не откладывать. Я приехала — как я могла отказаться? Кит приподнялась на постели, потянулась ко мне. Ее лицо уже вытянулось в жуткой предсмертной ухмылке, и она застонала, будто предупреждая о чем-то. Она пыталась дотянуться до меня, но я легко увернулась от ее рук. Я считала Кит другом и не хотела отказывать ей в последнем утешении, но не могла рисковать: кто знает, что перетечет ко мне или из меня?

Я многое могла бы ей сказать, не будь в комнате молчаливого, убитого горем, но по-прежнему готового ради нее на все Джерри.

— Прощай, Кит, — прошептала я. — Спасибо, что была моим другом.

Если она меня услышала, то должна была понять, о чем я.

Через несколько месяцев мы собрались на поминки. Приехала Дениз, пришли мы с Эми. Эми взяла с собой Фиби; истощенная в детском доме девочка болела с тех пор, как переехала в новый дом. Грустный, почти не заметный на фоне тучной матери младенец плакал во время службы почти беззвучно. Несмотря на паническое предвкушение, от которого во время бесконечных панегириков у меня по коже бежали мурашки, я не просила у Эми разрешения ее подержать. Слишком рано, я еще не настолько в ней нуждалась, и хотя в девочке текла сладкая новая жизнь, она еще недостаточно окрепла, чтобы принести мне много пользы.

Дениз выглядела бледной, и сразу становилось ясно, что за прошедшее с нашего последнего обеда время она похудела. Взбираясь по ступеням церкви, она с трудом переводила дыхание, и виноваты в том были не только слезы. Она сказала, что плохо себя чувствует и на следующей неделе собирается к доктору. Скорее всего, ничего страшного, но через месяц у нее намечается шестидневный велопрогон в пятьсот миль длиной и надо быть в форме.

Я тоже встала перед собравшимися и говорила о Кит. Я готова подписаться под каждым словом. Я очень по ней скучаю. Она оставила в моей жизни неизгладимый след.

После службы гости немного пообщались. Я обходила стороной выставленные на покрытом кружевной скатертью и уставленном маргаритками столе фотографии Кит — Кит в младенчестве, школьница Кит в форме группы поддержки, профессиональный снимок Кит в романтическом стиле — и болтала ни о чем со знакомыми. Фиби привлекала много внимания; как заметил кто-то из гостей, взять на похороны ребенка — хорошая примета. Ребенок напоминает нам о том, что жизнь продолжается. Что жизненная сила бесконечна и неизменна и будет доступна всегда.

Я хотела представить Эми одному дальнему приятелю, которого знала много лет, но обнаружила, что не могу вспомнить его имя. Чем старше я становилась, тем чаще забывала имена, но на публике такое случилось в первый раз, и я была

в ужасе. Знакомый натянуто посмеялся, подсказал мне имя, пожал Эми свободную руку и пошутил насчет отмирания с возрастом клеток мозга.

«Нет, — подумала я, но промолчала. — Со мной такого не будет».

— Но вы же моложе меня, Мэйдисон, правда? — поспешил он загладить неловкость, разглядывая меня с восхищением и, как мне показалось, недоумением, поскольку мы оба знали мой возраст.

— Не знаю, — соврала я. — И в любом случае нам столько лет, на сколько мы себя чувствуем, правильно?

Весь день люди говорили мне комплименты — странное, но приятное окончание поминок. «Хорошо выглядишь, Мэйдисон. Молодеешь с каждым днем!» Я всех благодарила и пыталась понять, как мне лучше вспоминать Кит.

В разговоре Дениз упомянула своих внуков, и одна из женщин с наигранным удивлением воскликнула, что та совсем не похожа на бабушку (что было абсолютной ложью). В ответ Дениз улыбнулась и сказала:

— У меня двое внуков.

В неловкой тишине мы ждали, что она поблагодарит за лестные слова. Но Дениз ничего не добавила, разговор дальше не пошел, и женщина переместилась к другой группке.

— Не понимаю, почему люди считают, будто делают мне комплимент, когда говорят, что я выгляжу моложе своих лет, — пробормотала Дениз.

Я оторопела:

— Но ведь никто не хочет выглядеть старым.

— *Почему нет? Почему лучше выглядеть помоложе?*

«Потому что чем ты моложе, тем дальше от тебя смерть». Но подобное заявление приведет нас к дискуссии, которой я не могла рисковать. Я положила руку ей на локоть, бесцеремонно окинула взглядом тонкие морщинки, седеющие волосы, неподтянутую грудь и со средней степени сарказмом произнесла:

— Ты знаешь, я тебе завидую. Наверное, ты счастлива, если тебя не заботят такие поверхностные вещи.

Она бросила на меня резкий взгляд, но не стала вступать в спор. Я держала ее за локоть, насколько хватило смелости, и почувствовала, как она задрожала и покачнулась.

— Так жарко, — выдохнула она. И действительно, на лице Дениз блестел пот. — Я поеду домой.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Может, тебя подвезти? — с надеждой спросила я.

Но она покачала головой и ушла, обняв на прощание мужа Кит. Я чувствовала себя освеженной и стала выискивать кого-нибудь еще, кто словами или взглядом скажет мне, как хорошо я выгляжу. Уходила я одной из последних. Когда я обняла перед уходом Джерри, он плакал, но в то же время с трудом оторвал взгляд от моего декольте.

Через несколько недель я позвонила Дениз в Остин — поинтересовалась, что сказал доктор. Мне было интересно, а поскольку Дениз жила далеко и единственной нашей общей знакомой оставалась Эми, слухи вряд ли дошли бы до меня.

— Сердце, — сказала Дениз безучастным тоном. — У меня проблемы с сердцем.

Мое сердце стучало так, что вырывалось из груди; я с чувством положила на него руку.

— Дениз, дорогая, мне так жаль.

— Смешно, правда? — Дениз горько рассмеялась. — Я-то думала, что прощаюсь с Кит, а сама уже болела и даже не знала об этом.

— Такое может случиться с любым из нас, — глупо и неискренне пробормотала я, а сама думала: «Только не со мной».

Примерно через месяц я снова ей позвонила, но мне не ответили, и больше я ничего о ней не слышала. Поскольку других общих знакомых у нас не было, вряд ли я узнаю, что с ней случилось, хотя могу догадаться. Я очень переживаю за нее. Остается лишь надеяться, что в последние дни с ней рядом был близкий человек: дети или внуки, товарищ по походам или лучший, чем я, друг.

После поминок Кит и исчезновения Дениз какое-то время я чувствовала себя превосходно. Я занималась в спортзале по три часа в день, и Вонда была очень довольна моими успехами. Раз в месяц я посещала спа-салон для полной очистки пор. Записалась к стилисту и, с ужасом обнаружив, что мои любимые сине-зеленые оттенки делают меня старше, в отличие от подобранных стилистом цветов, заменила

практически весь гардероб. Я начала встречаться с тридцатилетним мужчиной, с которым познакомилась в спортзале. Он думал, что мне тридцать пять, и постоянно шутил, что женщины в возрасте хороши в постели.

Я также занялась различными зарядками для ума: кроссворды, кассеты на иностранных языках и числовые последовательности перед сном. Но эти упражнения продвигались гораздо хуже, чем физические. Я по-прежнему забывала имена, а если кто-то заговаривал со мной, когда я отвечала на телефонный звонок, то я теряла нить обоих разговоров, и как минимум раз в неделю я забывала ключи. Так дальше продолжаться не могло.

Эми обрадовалась моему звонку и согласилась встретиться. Я приехала к ней на работу и с наслаждением прошлась по колледжу. Я внимательно оценивала всех встреченных девушек, ни разу не проиграв им в сравнении, и далеко не один едва достигший совершеннолетия студент с восхищением смотрел мне вслед.

Эми разговаривала в своем кабинете со студентом. Она увидела меня через полуоткрытую дверь и помахала рукой. Должна признать, что, несмотря на полное лицо, улыбка у нее была сияющая. Она выглядела усталой, и я заволновалась, что оттягивала встречу слишком долго, что последние нагрузки сделали ее бесполезной для меня. Как примерный ученик перед встречей с наставником, я присела в кресло у входа в ее офис и стала строить запасной план. Иногда до меня доносились обрывки их разговора; меня пугал и в то же время ободрял тот факт, что я практически ничего не понимала.

Когда студент вышел из кабинета, я внимательно его осмотрела, панически решая, смогу ли при необходимости его найти. Но он настолько углубился в оставленные ему Эми записи, что едва удостоил меня взглядом. Эми подошла к дверям кабинета, после поминок она стала еще больше, но двигалась на удивление грациозно. Она протянула мне руку, и, затаив от плывущей ко мне удачи дыхание, я поднялась с кресла и пожала ее. Эми накрыла мою руку своей.

— Как приятно снова тебя увидеть, Мэйдисон, — сказала она с неожиданным пылом, и я насторожилась, не зная, чего она от меня хочет.

Довольно скоро я поняла ее радость. После нескольких месяцев, проведенных с младенцем или со студентами, Эми жаждала взрослого общества. Более того, она чувствовала себя одинокой. Ребенок заставил ее понять, как не хватает в ее жизни партнера. Она хотела, чтобы мы стали друзьями, а не только знакомыми; она хотела, чтобы мы стали любовницами.

На такое я пойти не могла. В любом случае я не стала бы встречаться с человеком, который выглядел как Эми, но мои обстоятельства делали отношения между нами невозможными. Мой образ жизни достаточно труден и без любви. Поэтому для меня любовь исключалась раз и навсегда.

Вполне возможно, что при рукопожатии я уже получила от нее то, что нужно, и я хотела было пожаловаться на головную боль и уйти. Но мне вспомнились участившиеся провалы в памяти и то, как трудно стало сосредоточиться,— все признаки умственного угасания. Я должна заботиться о себе. Я должна воспользоваться подвернувшейся возможностью.

Пока мы шли к дому Эми, который находился в нескольких кварталах от колледжа, она взяла меня за руку. Приток энергии через ладонь едва пересиливал стыд от того, что кто-то увидит, как я держу за руку толстуху. Мне хотелось поцеловать Эми, высосать энергию языком, но одновременно от такой картины становилось дурно. Я испытывала желание обнять ее голову.

Когда мы пришли домой, Фиби спала. Мы обе расстроились — Эми потому, что ребенок теперь вряд ли проспит всю ночь. После ухода няни Эми пригласила меня в гостиную и предложила располагаться, пока она глянет на дочь, но в ответ на мою просьбу с готовностью разрешила пойти с ней. Мы вошли в детскую рука об руку, как гордые родители, которые не могут нарадоваться своему счастью.

Я читала, что в первые два года жизни мозг ребенка развивается так быстро, что, если бы эти темпы сохранялись и дальше, мы все были бы гениями. Я смотрела на маленькую Фиби в ее кроватке. Протянула руку, чтобы погладить ее по голове.

— Не надо! — яростно прошептала Эми и поймала меня за руку.

На секунду я испугалась, что она каким-то чудом поняла, что ребенку грозит опасность. Но Эми только сжала мою руку и прошептала мне на ухо:

— Не разбуди ее. Она не заснет всю ночь.

Я кивнула, и мы на цыпочках вышли из детской.

Несмотря на сильное возбуждение — отчасти от ужаса, отчасти из желания и благодарности, что мне ответят взаимностью, от охватившей меня странной радости, — я не смогла ответить на прощальный поцелуй Эми. Но я не отстранилась — еще один моральный компромисс. Ее губы мягко накрыли мои. Я практически утонула в ее пышном теле. Я удерживала контакт сколько могла, вытянув из нее столько энергии, что к концу меня трясло и подгибались колени. Эми робко улыбнулась и прошептала:

— Позвони мне.

Когда я уходила, я слышала, что Фиби проснулась и зовет ее.

Больше я ее не видела, и теперь никогда уже не увижу.

Когда я вышла из сауны и улеглась лицом вниз на массажный стол, предоставив свое распаренное тело умелым рукам Вонды, я спросила:

— А где ее дочь?

Я надеялась, что мне не придется задавать этот вопрос, *но думаю, что он был неизбежен.*

— Фиби, — добавила я, очень довольная тем, что помню имя. — Где Фиби?

— У меня.

Пальцы, а затем локоть Вонды нашли то нежное место под моей левой лопаткой, и она нажала. Сквозь утонченную боль я надеялась, что не забираю нечаянно ее энергию; я хотела, чтобы мой личный тренер и массажист оставался сильным и собранным. Когда узел мышц начал расслабляться и по телу растеклось тепло, я выдохнула:

— Ты будешь ее растить?

— Я ее крестная мать и опекун. Так написано в завещании Эми.

Массаж получился хуже обычного: мысли Вонды бродили где-то далеко, да и мои тоже. Все мои разнообразные боли — грудь, ягодицы, поясница, ноги, — казалось, умножились и стали более стойкими. Я думала об Эми, о Кит и Де-

низ. И я все время возвращалась к Фиби, чья бессознательная воля к жизни должна быть невообразимо сильной.

— Ладно, — сказала через какое-то время Вонда — как мне почудилось, довольно равнодушно. — Повернись на спину.

Я не стала прикрывать свою красивую грудь простыней. Вонда и бровью не повела. Ее пальцы слегка тряслись от усилия, с которым она массировала мне шею и голову, и напряжение и усталость отступали, но я чувствовала, что Вонда устала скорее от веса моей головы, чем от стараний. И массаж закончился слишком быстро.

— Вот и все, Мэйдисон.

Еще несколько минут я лежала на столе, ощущая возмущение и панику оттого, что не чувствовала себя ни расслабленной, ни гибкой. Я хорошо ей платила. Она должна была лучше работать надо мной.

— Теперь, когда я вдруг стала матерью, — непринужденно произнесла Вонда, будто мы говорили о погоде, — я больше не буду здесь работать. Мы проживем и так, и я нужна Фиби. Она только что потеряла мать.

Оглушенная новостями, я сумела выдавить только:

— Когда ты увольняешься?

— Сегодня последний день. Ты — мой последний клиент.

Такого я допустить не могла. Вонда была молодой, полной жизни женщиной; она могла много мне дать. Я приподнялась на локте и сказала:

— Я буду скучать по тебе.

— Спасибо. Я тоже буду скучать по этому месту. Немного.

— Надеюсь, что мы продолжим общаться.

Наступила пауза, и я ожидала, что она либо пропустит мое предложение мимо ушей, либо ответит «надо будет как-нибудь встретиться», что само по себе является отказом. В любом случае я была готова настаивать. Но, к моему приятному удивлению, Вонда застенчиво взглянула на меня и сказала:

— Мне бы очень этого хотелось.

— Давай пообедаем вместе. Завтра, — с колотящимся сердцем предложила я. — Я знаю чудесный ресторан, «Шэрон». Давай встретимся там.

— Отлично, — закивала Вонда. — Я договорюсь, чтобы ясли оставили Фиби еще на полдня.

— Не надо!

Вонда удивленно приподняла брови, и я поспешила умерить пыл. Скрыть, как сильно мне хотелось дотронуться до этой маленькой девочки, подержать ее на руках и поцеловать, погладить нежную младенческую кожу и напитать себя этой чистой новой энергией.

— Не надо, — повторила я, с усилием перейдя на спокойный тон. — Мне бы очень хотелось ее увидеть. Пожалуйста. Возьми ее с собой.

ЭЛИЗАБЕТ МАССИ

Навсегда, аминь

Элизабет Масси дважды награждалась премией Брэда Стокера и является финалистом Всемирной премии фэнтези. Ее перу принадлежит множество книг и рассказов в жанре хоррор. Из ее недавних работ стоит упомянуть «Добро пожаловать в ночь» («Welcome Back to the Night»), «Черные тени: сны о тьме» («Dark Shadows: Dreams of the Dark») в соавторстве со Стивеном Рейни и «Проволочные матери» («Wire Mesh Mothers»). Недавно вышел в печать сборник ее рассказов под названием «Темные сны» («Shadow Dreams»).

Элизабет также известна как автор книг для подростков: трилогии «Дочери свободы» («Daughters of Liberty»), серии книг «Юные основатели» («Young Founders»), «Пожар в Чикаго: 1871» («The Great Chicago Fire: 1871»), «Мэриленд: гавань призраков» («Maryland: Ghost Harbor») и «Баффи — истребительница вампиров. Сила убеждения» («Buffy the Vampire Slayer: Power of Persuasion»). Ее теленовелла «Стихи и здравый смысл» («Rhymes and Reasons») в 1990 году получила приз родительских симпатий.

«При написании „Навсегда, аминь" я думала в первую очередь о бессмертии, о том, благо это или проклятие, и его различных проявлениях. Вампиры, переселение душ, путешествие во времени. Желание жить вечно блекнет, когда оказывается, что будущее ничем не лучше прошлого и настоящего, когда прогресс только технический, но не человеческий, а цивилизованные люди продолжают бить себя в грудь и бахвалиться плохо пахнущим великодушием. Куда идти тогда? Куда бежать?»

Иисус же стал пред правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь.

И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал.

Тогда говорит Ему Пилат: не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя?

И не отвечал ему ни на одно слово, так что правитель весьма дивился.

На праздник же Пасхи правитель имел обычай отпускать народу одного узника, которого хотели.

Был тогда у них известный узник, называемый Варавва. Итак, когда собрались они, сказал им Пилат: кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву или Иисуса, называемого Христом? Ибо знал, что предали Его из зависти.

Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него.

Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить.

Тогда правитель спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варавву.

Пилат говорит им: что же я сделаю Иисусу, называемому Христом? Говорят ему все: да будет распят.

Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят.

Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды, и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы.

И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших.

Мф 27:11–25

Даниэлла стояла у грубой стены, не отрывая исполненного ярости взгляда от накрытого простыней тела на носилках. Мари и Кларисс покинули ее, отвернулись в раздражении и просочились сквозь маленькое окошко под потолком подвала. Их слова все еще жужжали в комнате осенними мухами.

«Он не Александр. Он ничто. Меньше чем ничто» (Мари).

«Все кончено. Идем с нами. Возьми меня за руку сестра. Здесь плохо пахнет» (Кларисс).

«Смотри, если хочешь, но не затягивай. Приходи поскорее» (Мари).

Даниэлла только зажимала уши затянутыми в перчатки руками и трясла головой: «Нет».

Мари несколько раз щелкнула пальцами, будто Даниэлла была собакой, которая не слушается свою хозяйку.

— Оставь меня, — потребовала Даниэлла.

И Мари с Кларисс послушались. Они думали, что их подруга сошла с ума, а это совсем не подобает созданию ночи. Безумие приведет к глупостям и беспечности, а беспечность грозит гибелью. И они оставили безумную подругу на произвол судьбы.

Даниэлла смотрела на грязную простыню, острые выступы носа, подбородка, внизу — пальцев на ногах. Более покатые очертания плеч, сжатых в кулаки ладоней, паха. Слабо лился свет от подвешенных под потолком ламп — люди, которые их зажгли, ушли несколько минут назад. С труб капало, на полу собирались лужи. Пауки и не замеченная уборщиком паутина в углах замерли в неподвижности, будто обдумывая недавние странные события.

— Александр? — нежно окликнула Даниэлла. Она ощущала, как ее холодное дыхание проходит сквозь сжатые зубы с выступающими клыками. — Почему же это не ты?

Она сделала несколько шагов к носилкам, прижав подбородок к груди, будто боялась увидеть то, что скрывается под простыней. За многие годы она повидала так много, столько ужаса и жестоких смертей, но не могла осознать то, что сейчас предстало перед ее взором.

— Почему же это не ты? — снова спросила она и дотронулась до своего лица. — Разве это не я? Разве я не брожу по этой убогой земле в облике молодой девушки, хотя мне уже сто семнадцать лет?

Простыня слегка колыхнулась. Даниэлла вскрикнула и вытянула руку, чтобы проверить, не залетел ли во влажную комнату по дороге от одной скрипучей двери к другой порыв ветра.

Разве мир не рассыпался каплями, если в нем вместе со смертными, которые зачастую верили, что знают о своей реальности все, существовала она, Даниэлла? И почему бы не случиться непостижимому чуду или невыразимому бедствию?

В комнате было душно, прогорклые запахи поднимались с пола, от стен, от стульев и носилок. Люди, что вошли сюда несколько минут назад, поначалу пахли радостным возбуждением, а потом отвращением. Они утверждали, что являются цивилизованными людьми, и тем не менее морщились и давились плодами своей бесконечной доброты.

— Разве это не я? — снова спросила Даниэлла. — Посмотри на лицо, которое ты когда-то любил.

Она встряхнула головой, отгоняя вонь, стянула с рук перчатки и кинула их на пол. Одним рывком разорвала на себе платье от шеи до талии. Острые как кинжалы ногти расцарапали грудь, оставив длинные бескровные полосы.

Проклятие на современные наряды женщин девятнадцатого века! Такие ханжи, такие шлюхи, затянутые и принаряженные, играющие в соблазнение в строгих платьях и не знающие, что такое быть настоящей женщиной. Но она знала! Александр познал ее женственность, а она его мужскую силу, и они наслаждались этим чудом.

Она отбросила разорванный корсаж. Потом сорвала с себя остальную одежду: широкие у плеча и сужающиеся книзу рукава, пышную муслиновую юбку, нижнюю юбку, хлопковые чулки, подвязки, туфли на пуговицах. Все полетело в сторону. Шляпка, заколки — раскрутились уложенные над ушами круглые локоны. Рыжие волосы свободно спадали на плечи.

Даниэлла закрыла глаза и провела руками по своей холодной коже. По рукам и плечам, по мягким волоскам на ледяном животе и заживающим ранам на груди.

Когда они в первый раз забрали у нее Александра, она тоже была обнаженной. Они лежали в стойле для молодняка, Даниэлла дерзко прижалась к покрытой жесткими волосами груди Александра и смеялась от колкой соломы в волосах и под спиной. Она вытащила одну соломинку и щекотала его нос и подбородок. Александр поцеловал сперва соломинку, потом ее пальцы. Обнял ее за талию, целуя и дразня языком нежную шею.

— Ты был лавков и честен, — произнесла Даниэлла. Ее брови сошлись на переносице, а губы дрогнули. — Ты виновен лишь в одном грехе, как и любой, кто вышел из младенческого возраста. Почему же проклятие пало именно на тебя?

Тело под простыней не шевелилось. Даниэлла сделала еще несколько шагов по холодному неровному полу и взялась за ткань, что покрывала ее любимого.

Красивый, но потрепанный молодой человек появился в Бисетре морозным мартовским утром 1792 года. Подобно при-

зраку, он возник в тенях грушевого сада позади печально известной парижской тюрьмы и больницы. И часа не прошло, как с небес пролился угрюмый, холодный дождь, оставив на земле ледяные лужи и сбив с деревьев голые ветки. Дрожащие капли победителями переливались в шерсти животных, содержащихся в открытом загоне, и самшитовых кустах, что росли вдоль грязных дорожек.

В темной каменной громаде Бисетра обитали крайне неприятные жители: безумие, одиночество, злоба, отчаяние. Крики. Тишина. Умные, полные научного любопытства доктора занимались больными. Привычные ко всему тюремщики сторожили преступников.

В тени великого места, с западной стороны, располагался участок, где для работников, пациентов и заключенных Бисетра держали животных и выращивали овощи. Назывался он вполне подобающе «Маленькая ферма». В загонах жили коровы, овцы и свиньи, в небольшом закутке — куры и голуби. На грядках за плетеными изгородями в теплые месяцы росли репа и бобы. Грушевые деревья часовыми стояли у каменной стены, за которой взад и вперед спешили, повинуясь собственному ритму, парижане.

Даниэлла, одна из трех молодых работниц, нанятых для ухода за скотом и огородами, а также для приготовления еды, сидела в загоне на табуретке и отскребала вымя маломолочной коровы. Согнав с лица мух, она заметила среди нагих деревьев мужчину и подумала: «Боже, как же он красив! Благодарю тебя за такой подарок!» Она поднялась со стула и вышла в сад, где остановилась в нескольких ярдах от мужчины и поплотнее закуталась в шерстяную шаль.

— Доброе утро, — произнесла Даниэлла. — Вы заблудились?

Мужчина поднял в робком приветствии руку — красивую, сильную, натруженную руку с темными волосами на пальцах и мозолями — и сказал:

— Теперь, когда встретил вас, уже нет.

Он улыбнулся, и Даниэлла увидела, что у него ровные белые зубы. Кормилица, пока была жива, всегда говорила ей, что хорошие зубы означают доброе сердце.

Даниэлла не стала пятиться потупив взор, как подобало молодой француженке в присутствии незнакомого мужчи-

ны. Она была отнюдь не Орлеанской девой; у нее были любовники, большинство из них — молодые доктора Бисетра, а иногда и братья милосердия. Они приводили ее в свои кабинеты внутри тяжелых стен больницы и наслаждались ее пышным телом на твердых кушетках, а потом со смехом и шлепком по ягодицам отсылали обратно в загон. Революционеры заявили, что классовых различий больше нет, и Париж буквально вывернулся наизнанку в погоне за *la chose publique* — общественным благом, за которым необходимо следить во имя недопущения контрреволюционных мыслей и поступков, но для Даниэллы и остальных работниц больничной фермы жизнь мало изменилась. Комары и мухи по-прежнему жужжали густым роем, коровы оставались такими же грязными, груши — заеденными червяками, а доктора — такими же охочими до девушек.

Молодой человек под ветвями грушевого дерева был довольно красив: темные волосы, черная бородка и ласковые, сощуренные в улыбке глаза. Судя по всему, он перелезал через стену и разорвал на колене свои бриджи.

— Хотите воды? — предложила Даниэлла.

Мужчина кивнул, и она повела его мимо грязных коров к колодцу. Там он опустил на землю потрепанный кожаный ранец и выпил несколько ковшей воды, которую она зачерпывала из помятого жестяного ведра. Один раз Даниэлла задела его руку, и у нее мурашки побежали по коже.

— Что привело вас сюда? — спросила девушка.— Вы же не потерявшийся пациент, настолько слабоумный, что стремитесь вернуться туда, откуда сбежали?

Мужчина понял ее шутку, широко улыбнулся и покачал головой.

— Нет,— ответил он.— Я с севера и пришел в Париж в поисках работы, поскольку мой дом и лавка сгорели на прошлой неделе дотла и я остался без гроша. Я сапожник. Все произошло случайно — ветер сорвал лампу с крюка. Боже, какая потеря.— Он замолчал, чтобы вытереть с бороды капли воды.— Но я не смог начать заново, восстановить лавку. Поэтому я принес все, что уцелело, с собой в Париж. С дороги я заметил в траве прошлогодние груши и перебрался через стену в надежде, что меня никто не прогонит. Но я встретил вас, и теперь очень рад, что меня обнаружили.

— Гнилые груши! — Даниэлла приподняла одну бровь. — Простому народу не положено больше говорить о таких вещах, потому что нищета осталась в прошлом. Цыц!

— Говорить нельзя, но есть-то можно?

Даниэлла улыбнулась и наклонила голову:

— Это больница и тюрьма. Здесь всегда найдутся ботинки, которые нужно подлатать. Мне кажется, вы легко найдете здесь работу, если захотите.

— Мне бы очень хотелось, — признался мужчина.

На обрамленной самшитом дорожке, ведущей от свиного загона, показались две другие работницы, Мари и Кларисс: обе погоняли палками неторопливо переваливавшуюся свинью. Они улыбнулись Даниэлле, но не стали вмешиваться и поднялись на крыльцо у задней двери, что вела на кухни Бисетра. Свиней палками загнали в маленькие плетеные клетки у двери, где их ожидала судьба, недоступная их крохотным умам.

Даниэлла предложила мужчине передохнуть в пустом сарае, предназначенном для новорожденных телят, и оставила его на несколько часов, пока не выдалась свободная минутка. Девушка принесла ему под юбкой кусок окорока, немного хлеба и бутылку вина — все это она стащила из огромного погреба под кухнями. Они поели вдвоем, сидя на соломе. А потом пришло время поцелуев и ласк. Она узнала, что мужчину зовут Александр Деманш, ему двадцать два года и он сирота, выросший в деревне рядом с Бове. Он был обручен, но так и не женился, потому что его невеста умерла от чахотки за три недели до свадьбы. Александр узнал, что ее зовут Даниэлла Боге, родилась она в Париже у пациентки Бисетра, но женщина скончалась при родах, и девочку воспитывали матроны при больнице. Они научили ее готовить, ухаживать за скотом и огородом. За девятнадцать лет своей жизни она выходила за стены Бисетра только для того, чтобы посетить мессу. Даниэлла призналась, что боится города и его жителей, но за каменными стенами «Маленькой фермы» чувствует себя в безопасности.

На следующий день поутру Даниэлла представила Александра Клоду Лебеку, низкорослому толстяку, который отвечал за стирку огромных кип грязного белья. Она остановила его у главных ворот. За его спиной по улице под холодным весенним солнцем тарахтели тележки молочников,

фуртоны с рыбой, матери с корзинками и пришпиленными к волосам шляпами тащили за руку детей.

Лебек потянул себя за увесистый, покрытый красными пятнами нос, шмыгнул в недовольстве от задержки:

— Ему нужна работа? И на что вы сгодитесь, месье?

— Я сапожник.

— Это вы так говорите.

— Кто-то же должен поставлять одежду и ботинки для заключенных, — сказала Даниэлла. — Кто этим занимается?

Лебек снова потянул себя за нос, и на его потрескавшихся губах заиграла улыбка.

— Я, — промурлыкал он и протер лоб грязным носовым платком.

Александр шагнул вперед:

— Как я понимаю, здесь найдется немало людей и, сдается мне, немало ботинок. Я чиню ботинки и шью ботинки. Нужен вам такой работник?

Лебек пожал плечами и, как показалось Даниэлле, озорно поднял бровь:

— Может, я и найду работу для вас. Я скоро дам вам знать. Будьте поблизости.

Получив разрешение остаться при больнице в ожидании работы, Александр устроил себе опрятный уголок в пустом сарае. Он воспользовался одеялом, которое принесла из собственной комнатушки в подвале Даниэлла, а из плаща свернул подушку. Девушка помогла ему выгрести и выкинуть подгнившую солому и наносить из овечьего стойла свежей. Потревоженный выводок ласточек с криками метался над головами, а потом улетел в шумном мельтешении раздвоенных хвостов и острых крылышек.

Из ранца Александр достал журнал, перо, чернильницу, мешочек с сухими чернилами и положил их на выступающую балку. Чуть позже к ним добавилась маленькая черная книга, перетянутая бечевкой.

— На время это место станет моим домом, — грустно произнес Александр.

Даниэлла сцепила пальцы и ответила:

— Отдохни. Я приду проведать тебя, как только смогу.

Вечером, когда Даниэлла покончила со своими обязанностями при больнице, она взяла черный от сажи фонарь,

зажгла в нем свечу и прошмыгнула в сарай. Мадам Дюбан, главная повариха Бисетра, всегда требовала, чтобы девушки под ее началом к девяти вечера уже лежали в своих кроватях в подвале, а в ответ на любой намек на непослушание угрожала увольнением. Но Даниэллу было не остановить; она дождалась, пока старая дева захрапит в своей одинокой постели, прихватила несколько кусков хлеба, фонарь и выскользнула под порочный свет парижской луны. Она шла по дорожке к сараю и радовалась тому, что еще несколько недель тот простоит пустым, пока первые весенние телята подрастут настолько, чтобы разлучить их с ревущими матерями и пустить на выпас.

Фонарь повесили на ржавый крюк у двери, и Александр, притянув к себе Даниэллу, нежно погладил ее рыжие волосы.

— Моя милая,— сказал он, прижавшись губами к ее шее.

Девушка целовала его руки, крепкие ладони, а потом потянула их к своему телу, в теплые укромные места под свободной блузкой и простой шерстяной юбкой. Они занимались любовью допоздна, но потом Даниэлла отряхнула юбку и заторопилась в свою постель в подвале под кухней.

На следующее утро на ведущей к сараю дорожке появился месье Лебек. Даниэлла как раз доила одну из непослушных коров, а Мари стояла рядом и сливала молоко в бидон, чтобы завтра приготовить из него масло. Толстый коротышка принарядился: расчесал редеющие волосы и нарумянил щеки. Рубашка с пышными сборками выглядела так, будто побывала в стирке всего неделю назад. Он воткнул трость в грязь у ног Даниэллы и спросил:

— Где тот юный сапожник, которого ты приводила ко мне вчера?

Даниэлла на миг перестала доить.

— Вы решили его нанять?

Лебек пристукнул тростью и нахмурился:

— Ты смеешь задавать мне вопросы?

— Нет, месье,— ответила Даниэлла, отвернулась, кивнула Мари и закатила глаза. Мари прикрыла рукой рот, чтобы не засмеяться. — Он спит в сарае для молодых телят.

— И где этот сарай?

Даниэлла указала направление.

С прощальным кивком коротышка удалился по дорожке.

— Его должны нанять, — прошептала Даниэлла и вернулась к дойке. Тонкая струя молока ударила в ведро; хвост коровы хлестнул ее по щеке. — Он должен остаться здесь!

— Ты уж будь поосторожнее, — предупредила Мари. — У него будет много работы, да и ты занята. Он не доктор, чтобы отпросить тебя с кухни. Мадам Дюбан, может, и старая, но она чует непотребство, как лошадь чует огонь.

— Тогда я стащу ее дешевые духи, — усмехнулась Даниэлла. — И мы не будем торопиться. Ты завидуешь?

Мари поставила деревянное ведро рядом с табуретом Даниэллы и накрыла его крышкой.

— У меня тоже случаются радости, не беспокойся обо мне.

Девушки от души засмеялись.

Наступал апрель, пришло время посадок. Огороды «Маленькой фермы» вспахивал один из слабоумных, достаточно сильный, чтобы тащить плуг за старым гнедым мерином. Девушки шли по борозде с привязанными на поясе сумками, бросали семена и прикапывали их босыми ногами. Чтобы посадить несколько грядок свеклы, бобов и лука, требовалось несколько дней.

И все же дни Даниэллы текли более приятно, чем обычно, даже несмотря на тяжелую работу и стаи мух, потому что ночью она пробиралась в сарай и занималась с Александром любовью на соломенной подстилке. Каждая встреча проходила в горячей спешке и радости, за которыми следовало приглушенное биение двух сердец и звуки парижской ночи. После, когда страсть утихала, Даниэлла лежала в его объятиях и спрашивала о том, как он провел день. Сколько ботинок он починил, сколько еще ему заказали? Как он работает: оборудовал себе место внутри Бисетра или носит свои инструменты из комнаты в комнату? На что похожа изнутри тюрьма? Она видела только кухню и подвал под ней; неужели у безумцев действительно изо рта идет пена и они отгрызают себе пальцы?

Но Александр неохотно делился подробностями. При помощи месье Лебека он обзавелся деревянным ящиком с инструментами и носил его с собой, когда поступали заказы. Месье Лебек заказал новую пару ботинок и сам купил для них кожу.

— Я знаю свое ремесло, — просто говорил Александр. — И буду им заниматься, пока не найду что-нибудь другое.

— Но зачем искать что-то еще? — спрашивала Даниэлла. — Я знаю, что жить в сарае неудобно, но наверняка тебе скоро дадут комнату.

— Мне не нужна комната. Мне нужны этот сарай и ты.

На четвертую ночь, когда Даниэлла лежала на груди Александра, она взглянула на самодельную полку.

— Что там за книга, любимый? — спросила девушка. — В черном переплете?

Александр вытер рот и грудь, убрав перед этим ее руку, и ответил:

— Это Библия.

— Неужели? Ты веришь в Бога? Я еще не услышала от тебя ни одного поучения, ты только кричишь «боже мой, боже мой» в разгар страсти.

Александр не засмеялся в ответ. Он сжал зубы, да так, что встопорщилась борода.

— Не богохульствуй.

— Алекс, я не богохульствую, — возразила Даниэлла. Приподнявшись на локте, она сняла с балки книгу и легла с ней на солому. — Меня воспитывали католики, я знаю, что такое богохульство, по крайней мере в глазах Церкви.

— Пожалуйста, положи обратно, — попросил Александр.

Он протянул руку, но его просьба рассмешила Даниэллу еще больше. Она села на подстилке и открыла книгу.

«Книга искушений»? «Книга испытаний»? Я никогда не видела такого в Библии. Что это?

Александр грубо прижал девушку к шершавой стене сарая и выхватил книгу.

— Я же сказал: положи ее на место! Неужели ты не знаешь, когда остановиться!

— Знаю! — яростно прошипела Даниэлла сквозь зубы. — Знаю, месье Деманш. И я оставлю вас в покое!

Она вскочила на ноги, стряхнула солому с груди и рук.

— Все равно я не стою большего, чем несколько дней потехи! Спроси докторов!

Но лицо Александра смягчилось, он поймал ее за руку и попросил:

— Не оставляй меня. Я все время один. Прошу тебя, дорогая Даниэлла, прости меня.

Его голос прервался, и он замолчал. Даниэлла снова обняла его и поняла, что влюбилась.

На следующий день, в пасмурное воскресенье, Мари, Кларисс и Даниэлла под строгим надзором мадам Дюбан пошли к мессе в церковь Святого Матфея, в трех кварталах от Бисетра. Потом они вернулись в больницу, поскольку, несмотря на заветы Господа о святом дне, работы в воскресенье выпадало не меньше, чем в любой другой день недели. Перед тем как мадам вывела их за ворота в каменной стене, Даниэлла успела заглянуть в сарай в надежде уговорить Александра пойти к мессе, но его там не оказалось.

«Вряд ли он чинит по воскресеньям ботинки», — подумала девушка. Босой человек, в отличие от недоеной коровы, может и подождать.

Из церкви они вернулись к полудню, но сарай по-прежнему оставался пустым. «Возможно, он пошел в другую церковь, — сказала себе Даниэлла, нашла свой табурет и ведра и уселась под грушевыми деревьями. — У него странная Библия, вполне возможно, что у него и религия тоже странная. Ну и ладно». Она выбрала одну из четырех коров и подвела ее для дойки. Вымя оказалось перепачканным в навозе, и минут пять она оттирала его как могла. Вскоре из кухни выскочила Мари и схватила ее за рукав:

— Знаешь, что они привезли в Бисетр? Знаешь, что стоит во дворе с другой стороны больницы?

Даниэлла покачала головой.

— Догадайся.

— Нет, Мари.

— «Луизетта![1] Гильотина! Ее привезли утром с Монетного двора на улице Сент-Андре-де-Артс. Мадам Дюбан сказала мне, что она только что шла по двору и к нам заехал фургон, а в нем столбы и нож. Они хотят проверить ее на овцах и на трупах заключенных и пациентов, которых не забрали родные.

---

[1] *«Луизетта»* — одно из названий гильотины, происходящее от имени доктора Антуана Луи, секретаря Хирургической академии, по чертежам которого была построена машина для обезглавливания.

Даниэлла отпустила мягкое вымя и заправила за ухо выбившуюся прядь волос.

— Я хочу посмотреть, — сказала она. — Конвент[1] обещал, что теперь не только богатые имеют право на быструю смерть. Честных трудяг больше не будут мучить на колесе или виселице. И как нам ее посмотреть, Мари?

— Даже не знаю. Может, ты захочешь заменить один из трупов? Я расскажу мадам Дюбан о твоих встречах с Александром, и она тебя задушит.

— А! — со смехом закричала Даниэлла и брызнула на подругу молоком с пальцев. — Ты просто ужасна!

Выдоив у коровы все молоко, Даниэлла отвела ее обратно в загон. Она повесила ведро на забор и пнула последнюю из четырех дойных коров.

— Пошли, разгильдяйка! — сказала девушка. — Я не трогала тебя до последнего. И нечего на меня ноздри раздувать.

— Даниэлла!

Девушка обернулась. Перед ней, уперев руки в бока, стоял Александр. По лбу у него стекали капли пота.

— Любимый! Я приходила, чтобы позвать тебя к мессе, но не нашла тебя. Где ты был?

— Шил ботинки для месье Лебека. Он уже давно меня просил снять с него мерку еще для одной пары, а сегодня утром прислал за мной.

— Неужели? Сапожничал в воскресенье? Бог такое не одобряет.

— И я тоже, — признался Александр. — Пойдем в сарай. Нам нужно поговорить.

Он нервно окинул взглядом грушевые деревья, стену и дорожку к кухне.

— Я еще не закончила дойку, — возразила Даниэлла. — По воскресеньям повар печет хлеб на всю неделю, хотя мы и не должны работать в праздник. Но я не могу отложить работу. Я приду ночью, как обычно...

— Ночью меня уже здесь не будет.

— Не будет? Любимый, не надо...

---

[1] *Конвент* — французское правительство во времена Французской революции.

— Ты пойдешь со мной, ведь правда? Дорогая Даниэлла, я не могу уехать без тебя. Но мы должны соблюдать осторожность.

— Почему? Что случилось?

— Приходи в сарай. Я не стану ничего рассказывать здесь. У всего есть глаза и уши, но мы же не хотим, чтобы нам помешали?

У Даниэллы стучало сердце, а руки сжались в кулаки. Что случилось? Она не хотела знать, но и в неведении оставаться не могла. Девушка закрыла дверь загона на щеколду и пошла за Александром.

Тот остановился в дальнем углу сарая и взял Даниэллу за руки:

— Я поссорился с месье Лебеком. Он сильно разозлился на меня за то, что я отказал ему.

Он хотел тебя? — Глаза Даниэллы широко распахнулись. — Я думала, он женат.

Александр раздраженно фыркнул:

— Он женился только для того, чтобы показать миру, какой он добропорядочный гражданин. Он говорит приятные слова тем, кто выше его, но я видел, как он водит пациентов к себе в комнаты, и я видел страх в их глазах. Он отвел меня в сторону и пытался очаровать, цитируя Донасьена Альфонса Франсуа де Сада, — наверное, он думал, что я такой же извращенный вольнодумец, каким он считает себя. А сегодня днем, когда я сидел в прачечной и прибивал каблук к сапогу офицера, туда ворвался Лебек и сказал, что настала пора платить за крышу над головой и работу.

— Боже мой!

Александр прижал к ее губам палец:

— Тсс, дорогая, не пугайся. Я сказал, что не хочу иметь дело с человеком, который так жестоко использует других для своего удовольствия. Я оттолкнул его и сказал, что уеду сегодня вечером, а он может оставить себе заработанные мной деньги и засунуть их в свою навозную дыру.

— Так и сказал? Дева Мария! Он тебя погубит!

— Думаю, что, если я быстро уеду, он вскоре забудет обо мне. Он не очень умен, и к тому же вокруг много других, от кого ему легче добиться желаемого.

Даниэлла вытерла глаза и провела рукой по волосам.

— Да, уезжай. У меня не много вещей. Я побегу за ними и вернусь раньше, чем ты трижды моргнешь.

Александр с облегчением прикрыл глаза и прижал к себе девушку.

— Вместе с тобой, моя единственная любовь, любое путешествие станет удовольствием и любые неприятности превратятся в радость.

Он поцеловал ее в лоб, в ухо, в щеки. От дыхания Александра на губах Даниэлла выгнулась в его руках. По привычке она скинула блузу и юбку и прижалась к нему.

— Займемся любовью, дорогой, быстро, в последний раз перед тем...

Дверь сарая рывком распахнулась, и пыльное помещение залил сумрачный дневной свет. Внутрь ворвались трое мужчин в панталонах и мятых куртках, остановились и уставились на пару на соломе.

— О, любовь в навозе! — протянул один из них мерзким тоном, не сводя с любовников ледяного взгляда голубых глаз. — Я помню ее со времен своей юности.

Даниэлла потянула к себе блузку и прикрылась ею. Александр вскочил на ноги и схватил стоявшие у стены вилы.

— Убирайтесь отсюда! — закричал он.

— Преступник еще смеет нам приказывать! — засмеялся второй — лысый мужчина с сальными усами и прыщами на подбородке. — Он смеет что-то от нас требовать!

— Преступник? — удивился Александр.

— Ты едва не убил Лебека, ударил его в голову и чуть не пробил ее, — заявил голубоглазый.

Даниэлла в оцепенении смотрела на возлюбленного.

— Преступник?

— Вы ошибаетесь. Я оттолкнул Лебека, но не причинил ему никакого вреда!

— Толкнул его на каминную решетку, — добавил прыщавый. — Когда я его нашел, он с трудом понимал, что происходит, у него текла кровь, и он кричал, что сапожник напал на него. Подошел со спины и ударил, в надежде убить с одного удара. Но тебе не повезло, дружище, и мы пришли за тобой.

Все трое набросились на Александра; они выбили у него из рук вилы и, несмотря на сопротивление, вскоре прижали

к полу и заломили за спину руки. Голубоглазый связал их веревкой. Александр пытался отбиваться ногами, стряхнуть с себя тюремщиков, но они потянули веревку вверх и с глухим треском вывернули ему плечи. Сжав зубы, распахнув в негодовании глаза, он перестал сопротивляться.

— Месье Лебек сейчас в постели, — прошипел прыщавый. — За ним ухаживает один из лучших хирургов Бисетра. Но он потребовал, чтобы ты исчез с его глаз.

Перед Даниэллой забрезжила надежда.

— Мы уходим, — сказала она, натягивая блузку и путаясь в крючках. — Пожалуйста, вы меня слышите? Если вы отпустите Александра, мы покинем Бисетр через минуту!

— Нет, девочка, у нас другие планы. Планы самого месье Лебека. У нас есть трупы из морга, но сапожник станет первым, кто опробует на себе «Луизетту», кто почувствует ее милосердный холодный укус.

— Пощадите! — закричала Даниэлла.

Александр снова начал извиваться. Мир перед глазами Даниэллы закачался, но она крепко держалась за стену, чтобы не упасть.

— Вы не можете казнить его! Не было ни суда, ни приговора!

— Он виновен, — отрезал голубоглазый. — И ему надо благодарить судьбу. Ведь этот способ казни одобрен Конвентом. Это гуманный способ лишить жизни тех, кто заслуживает смерти. Ему не грозит колесо или медленная, жалкая смерть в петле. Мы теперь цивилизованное общество.

— Остановитесь! — закричала Даниэлла. — Проявите сострадание, ради Иисуса и всех святых!

И тут Александр оглянулся через плечо на черную книгу, лежавшую на импровизированной полке. Даниэлла подумала, что он попросит разрешения взять ее с собой как оберег против напастей. Но совершенно неожиданно он сказал:

— Я вспомнил. О Боже. Теперь я помню!

Один из мужчин ударил Александра по пяткам, чтобы заставить его двигаться, и его потащили из сарая. Даниэлла кое-как натянула юбку и побежала за ними.

— Что ты вспомнил, дурак? — спросил прыщавый.

Но Александр обратился к Даниэлле, будто думал, что она поймет его слова:

— Я помню клинок у горла, быстрый разрез, улыбки на лицах вокруг. Цивилизованно — вот что они говорили! Мы гуманное общество!

— Александр! — в страхе окликнула девушка.

— Он спятил от ужаса, — засмеялся голубоглазый. — Повредился умом. Может, стоит запереть его в больнице? Но нет, у нас есть приказ. Хотя надо бы вставить ему кляп, чтобы молчал.

Александр перевел взгляд на серое, облачное небо, обещавшее ранний апрельский дождь. Серый свет отражался в его глазах, а зубы обнажились в страдальческой гримасе.

— Теперь я вспомнил! Почему это происходит снова? Зачем? Прости меня, не надо больше!

— Безумец! — смеялся голубоглазый.

— Заткнись, — пробурчал третий, до сих пор молчавший мужчина и ударил пленника в челюсть.

Александр со стоном согнулся и сплюнул кровь. Потом третий тюремщик вытащил из кармана платок и вставил его в рот Александру. Прыщавый ткнул в Даниэллу пальцем:

— Стой здесь, девка. Надоело слушать твое нытье.

Они потащили Александра и вскоре скрылись за северной стеной огромного здания. Даниэлла побежала следом, стараясь не слишком приближаться. Ей посчастливилось проскочить незамеченной под каменную арку и в один из маленьких садиков, принадлежавших больнице. Никто не заметил, как она спряталась за большой тачкой и в ужасе уставилась на высокую конструкцию посреди пустого двора. Трое тюремщиков силой заставили Александра встать на колени и наблюдать за пробами гильотины. Сначала под ней привязали овцу, нож рухнул вниз и отрубил животному голову. Голова скатилась в корзину. Из окон на верхних этажах больницы донеслись крики и улюлюканье заключенных; некоторые из них стучали в стекла и плакали.

— Лучше, — сказал палач небольшой кучке свидетелей, одетых в гофрированные блузы, туфли на каблуках и красивые шляпы, они стояли чуть поодаль, широко расставив ноги и заложив руки за спину, — когда нож падает под правильным углом, отрубание происходит безболезненно.

Присутствующие закивали. Благовоспитанные, озабоченные гуманностью лица, довольные тем, что принимают участие в прогрессе на благо человечества.

Очередь дошла до горы трупов. Один при жизни был толстым мужчиной с жесткими рыжими волосами, над другим, мускулистым, уже поработали в анатомичке — у него осталась только одна нога. Безжизненные головы отделились от безжизненных шей и, истекая вместо крови какой-то черной жидкостью, скатились в плетеную корзину.

— А это кто? — спросил палач, обернувшись к Александру. — Мы пока не используем ее для казни. И у нас нет на него разрешения. К тому же первый казненный уже выбран — это вор Николя Пеллетье. Он умрет, как только мы настроим машину.

— Всего лишь еще один испытуемый, месье, — сказал голубоглазый. — По просьбе одного из чиновников Бисетра.

Он кивнул на окно второго этажа, где, с перевязанной головой и скрещенными на груди руками, стоял обозленный Лебек.

— У нас нет разрешения, — повторил палач.

— Никто не узнает, — заверил голубоглазый. — Он буйный сумасшедший, его держали в Бисетре долгие годы. Он едва не убил того чиновника. А если мы его развяжем, он и нас убьет. Никто не узнает, только мы и несколько сумасшедших.

Палач посмотрел на Александра, потом на поднятый нож.

— Живой испытуемый принесет вам гораздо больше пользы, — продолжал голубоглазый. — А потом он будет третьим трупом.

Александр попытался закричать сквозь кляп, но наружу вырывалось лишь мычание. Даниэлла закрыла руками уши, но не могла оторвать глаз от ужасной картины.

— Ну, — произнес палач, сделав нетерпеливый жест рукой и поджав губы, будто борясь с соблазном, — хорошо. Только быстро. Он будет нашей последней проверкой.

И Александр Деманш действительно быстро простился с жизнью. Ему связали ноги и с кряхтеньем водрузили на деревянную подставку. Голову просунули в углубление, опустили и закрепили верхнюю планку. Александр, все еще с кляпом во рту, пытался оглянуться на палача, когда тот отпустил удерживающую тяжелый нож веревку.

Он заметил трясущуюся в укрытии Даниэллу. Выражение его лица продолжало кричать о том, о чем он говорил в сарае, но слова так и остались не понятыми молодой возлюбленной.

«Почему это происходит снова? Зачем? Прости меня, не надо больше!»

С легким свистом рассекая воздух нож опустился. Лезвие со стуком остановилось на доске, отбросив голову в корзину. Хлынула кровь.

Даниэлла закрыла лицо руками и уткнулась в землю.

С наступлением темноты она вернулась на «Маленькую ферму». Идти приходилось на ощупь, потому что перед глазами до сих пор стояли ужасные картины. Мари и Кларисс встретили ее на дорожке: они нигде не могли ее найти и испугались за подругу. Когда они ее увидели, то подбежали и стиснули в объятиях.

Но Даниэлла не хотела утешений.

— Я должна умереть, — просто объявила она.

Мари потрясла ее за плечи:

— О чем ты говоришь? Где ты была?

— Если я умру, то попаду в ад! Если я останусь жить, то буду жить в аду!

— О Пресвятая Богоматерь! — воскликнула Кларисс. — Что с тобой произошло?

Даниэлла вырвалась из объятий и побежала к сараю, чтобы посмотреть, не случилось ли ошибки и на самом деле Александр ждет ее в стойле. Но ее встретили раскиданная солома и брошенные Александром вилы. Его смятая куртка лежала у стены. Даниэлла с воем схватила ее и прижала к груди. Подруги потрясенно стояли на пороге.

— Я тоже должна умереть! — закричала она.

— Даниэлла! — окликнула ее Кларисс. — Выйди к нам. Расскажи, что случилось! Ты нас пугаешь.

Журнал Александра лежал на полке, но Библии там не было. Даниэлла раскидала солому, но и там ее не нашла. Александр не брал ее с собой, но и в сарае ее не оказалось. Что с ней случилось? Девушка хотела взять ее с собой в загробный мир.

Даниэлла поднялась с коленей и выбежала из сарая. Она знала ответ так же хорошо, как знала, что и Лебек, и голу-

боглазый, и прыщавый, и палач будут гореть в аду за их цивилизованное, гуманное испытание.

— Я пойду туда, где собираются гулящие женщины! Я дождусь убийцы, вот что я сделаю! Если меня убьют, я попаду в рай. Потому что я не буду жить без него!

И с этими словами она проскочила мимо подруг.

Мари и Кларисс пытались ее поймать, но горе сделало девушку проворной, и две работницы остались на пороге сарая, сжимая в руках воздух и первые капли дождя.

Они побежали следом. Несмотря на опасения Кларисс, что их накажут за то, что они оставили Бисетр без разрешения, подруги все же накинули на головы шали и поспешили за Даниэллой. Они пробегали одну узкую парижскую улочку за другой и старались держаться потише, чтобы не привлекать внимания все более устрашающего вида прохожих. Дождь полил в полную силу, так что на улицах оставалось не много горожан — лишь ведомые неотложными делами, опоздавшие укрыться от ливня или сумасшедшие.

Даниэлла добралась до улицы Леон — узкого заброшенного переулка с высокими складами, кабаками и лачугами, которые жалобно кренились на плохо укрепленных фундаментах. На потрескавшихся подоконниках стояли фонари; их тусклый свет был размыт потоками дождя. Шлюхи в нижних юбках и чулках стояли в просевших дверных проемах, покачивая грудями и показывая языки. Промокшие клиенты заразных искусительниц со смешками и кряхтеньем торопились в тепло притонов. Тощая как скелет собака перешла Даниэлле дорогу и протиснулась через окошко в один из подвалов. В тенях под темными от дождя крылечками и позади проржавевших бочек прятались глаза, у которых, как казалось, не было глазниц, зубы без ртов.

Даниэлла остановилась посреди переулка. Она подняла голову к темному, промокшему небу и протянула к нему руки, будто молила о спасении какое-то божество.

— Убейте меня! — попросила она под стук капель по крышам и мостовой.— Поторопитесь, ведь найдется же здесь кто-нибудь, кто захочет утолить жажду крови! Вот она я, и никто не накажет вас за мою смерть, потому что никому в этом забытом богом городе не нужна моя жизнь!

Она закрыла глаза, стоя с простертыми к небу руками. Глубоко вдохнула в ожидании входящего под ребра ножа или перерезающего горло кинжала. «Ну пожалуйста, – безмолвно взывала она, – пусть уже все закончится!»

Она не слышала ничего, кроме хихиканья проституток в притонах и плача младенцев в сдаваемых комнатах. Тогда она снова закричала:

— Вот она я! В подарок!

Шелестящий дождь и приглушенный смех.

— Нет, я не хочу умирать! — И снова: — Но я должна! Отпустите меня!

И тут она почувствовала, как кто-то тронул ее за плечо, и незнакомый голос прошептал в ухо:

— Сестра, ты промокла до нитки!

Даниэлла перестала жмуриться и совсем близко увидела пару красных глаз. Лицо было белым, как у трупа. Даниэлла вскрикнула и чуть не упала, но пухлый алый рот растянулся в улыбке.

— Не бойся, дорогая. Я дам тебе то, что ты хочешь. Ты же совсем еще молоденькая, правда?

Даниэлла не могла оторвать взгляд от красных глаз, и на короткий момент в голове мелькнула мысль, что перед ней всего лишь накрашенная шлюха. Шлюха, иногда промышляющая убийством. Очень хорошо. Возможно, шлюха убьет ее менее болезненно, чем мужчина.

— Я дам тебе жизнь, которая не является жизнью, смерть, которая не является смертью. В подарок. Многие из нас просили о таком подарке, потому что жизнь женщины на земле ужасна. А теперь держись, милочка, держись.

Даниэлла затаила дыхание.

— Даниэлла! — донесся сзади крик, и девушка хотела было обернуться, но шлюха с белым лицом и холодными руками держала ее крепко, как мужчина.

— Даниэлла!

Кричала Мари из дальнего конца переулка.

— Тсс, — прошипела шлюха, — тсс.

Белое лицо опустилось к обнаженной шее Даниэллы. Девушку пронзила боль — болело все тело, до костей. Даниэлла закричала, но в ответ услышала лишь приглушенный смех шлюхи и шум дождя.

Потом ее залило тепло и чувство покоя, мысли мелким смерчем закружились в беспричинной радости. Она почти засмеялась, но вдруг упала, и не было дна, не было света, а она все падала и падала, и последней мыслью мелькнуло: «Это смерть. Я найду тебя, Александр. В раю Господа нашего я найду тебя».

В феврале 1889 года они осели в Буффало, штат Нью-Йорк, потому что Даниэлла настаивала, что в самом Нью-Йорке стало слишком много Сестер. Мари устала от переездов, да и Клариссе тоже. Но Даниэлла никак не находила себе покоя. Ее не влекло ни количество, ни качество добычи; она могла провести на одном месте несколько месяцев, но потом начинала настаивать на переезде. Мари и Клариссе не хотели отпускать ее одну и всегда следовали за ней.

Они провели в Европе немногим более восьмидесяти лет, жили в Париже, Лиссабоне, Лондоне и в бесчисленных городишках, забирали необходимую для выживания кровь, встречались с другими Сестрами Ночи и делились рассказами, делились болью. Смеялись вместе с ними над забавными воспоминаниями и горевали, когда с памятью приходила горечь.

«Сестрами» назывался орден бессмертных; во многом они походили на волков-одиночек, но все же порой жалели друг друга и нуждались в себе подобных. Они жили за счет чужой крови, обычно за счет крови убийц и насильников, воров и мужей-тиранов. Они пили кровь, зачастую пуская ошеломленную жертву по кругу, а потом приканчивали ее, сворачивая шею. Сестры Ночи не хотели приглашать в вечность злодеев.

Много лет назад на улице Леон одна из Сестер услышала горестные крики Даниэллы и поспешила на помощь. Мари и Клариссе бросились на защиту подруги и таким образом также обрели вечность.

Поначалу они не могли принять эти изменения и девять дней прятались в подвале одного из складов; они пытались выйти на улицу утром — и не могли; от предложенной тушеной репы с окороком их тошнило, зато при виде пьяного карточного жулика аппетит просыпался. Даниэлла плакала по Александру; Мари и Клариссе просто плакали. Однако Сестры ухаживали за ними, старались поддержать, и девушки в конце концов приняли свою новую сущность.

Одним звездным вечером они вернулись в Бисетр, и пока Мари и Кларисс отводили душу на тех докторах, что воспользовались ими, а потом вышвырнули за дверь, Даниэлла посетила залитый светом ламп кабинет месье Лебека и замучила его почти до смерти, хотя, в отличие от распутника, девушка не получила удовольствия от боли. Когда от Лебека осталось лишь безглазое, безъязыкое подобие человека, покрытое ранами и цепляющееся за воздух окровавленными, стертыми пальцами, она выпила его отравленной крови и свернула ему шею.

Но удовлетворения Даниэлла не испытала.

Уже сто семнадцать лет Даниэлла не испытывала удовлетворения, не могла найти покой. Она бродила по миру без цели, а верные подруги следовали за ней повсюду и оберегали от опасностей. И они знали, что ее беспокойство, стремление вернуть то краткое счастье, что было в ее жизни, не покидало ее ни на минуту.

Она жаждала найти Александра.

Она до боли скучала по нему. Ее дневной сон в случайных подвалах и стойлах, на чердаках и складах постоянно посещали видения. Она звала его и просыпалась от своих криков. Иногда, чтобы уменьшить душевную боль, она кусала собственные запястья, но ничего не помогало.

И Мари с Кларисс ничего не могли поделать, только любить ее, как прежде.

Буффало был процветающим городом на западной окраине штата Нью-Йорк. Когда Даниэлла начала возмущаться, что в Нью-Йорке слишком много Сестер, Кларисс посоветовала перебраться в Буффало. Мари и Кларисс нравилось жить вместе, но они часто раздражали Даниэллу. И когда Кларисс предложила переезд, девушка с готовностью согласилась.

Они ехали по ночам, в поездах, одетые, по скромной моде того времени, в строгие серые платья из шерсти и сатина. Платья утягивали грудь, а нижнее белье немилосердно врезалось в талию. Предоставленные самим себе, девушки одевались, как им нравилось, и часто ходили обнаженными, но на публике приходилось разыгрывать роль.

На коленях Мари лежала брошюра, где описывались достопримечательности города.

— Его называют электрическим городом будущего, — зачитывала она, поднеся книжицу к фонарю на стене. Поезд постоянно дергало, и девушке приходилось наклонять голову, чтобы разглядеть напечатанное. — В нем больше электрического освещения, чем в любом другом месте в Соединенных Штатах. Как тебе это нравится, Даниэлла?

— Прекрасно, — ответила Даниэлла.

Она теребила обшитые тканью пуговицы на своем корсаже, представляя, что это руки Александра. Она никогда не забудет его руки. Мари продолжила читать, но Даниэлла не понимала ни слова.

— Даниэлла! — окликнула ее подруга.

— Что?

— Ты молчишь уже несколько часов. Скоро рассвет, а до Буффало еще много миль. Нам надо найти укрытие.

Сестры грациозно проследовали из пассажирского вагона в грузовой. Там громоздился багаж, ящики с инструментами и провизией, рулоны ткани и бумаги. Они свернулись в трех ящиках с гвоздями и проснулись вечером на грузовом причале на канале Эри. Потихоньку вылезли из ящиков, пока до них не добрались грузчики, и вышли на улицу Огайо, в запахи грязной воды и озона. Рельсы проходили посредине улицы; в желтом свете уличных фонарей мимо прогрохотал товарный поезд.

Найти ту часть города, где жизнью правили спиртное и разгул, оказалось легко. Она походила на злачный район любого города, за одним исключением — здесь притоны и публичные дома стояли бок о бок с зернохранилищами и верфями. Бессмертных было мало: по вибрациям в воздухе Даниэлла насчитала пять или шесть. Сестер, кроме них, в городе не было. Подруги остановились у ворот огромного, расположенного на берегу канала хранилища и весело уговорили одинокого сторожа впустить их внутрь.

— Мы француженки, — ворковала Мари. — Мы только что приехали и никогда раньше не видели такого строения. Нам очень интересно! Ну пожалуйста...

Она кокетливо поднесла палец к алым губам и подмигнула.

Смущенный вниманием сторож бурчал:

— Мне тут не нужны шлюхи. Идите по своим делам.

Мари изобразила на лице ужас:

— Шлюхи? Mon Dieu![1] Сир, перед вами леди в истинном смысле этого слова. Мы сестры и приехали из другой страны, чтобы учиться. Но если наше присутствие вас стесняет, мы уйдем.

Три девушки дружно развернулись, и сторож сдался.

— Ну хорошо, — быстро согласился он. — Прошу прощения, мадам. Я не хотел вас обидеть. Входите, и я покажу вам, как работают зернохранилища в старом добром Буффало.

Он открыл засов, и леди зашли внутрь, по приглашению. Но его краткий рассказ об истории канала прервался, когда все трое бросились на него и сначала выпили кровь, а потом отобрали и жизнь. Они нашли приют в небольшой подсобной комнате рядом с хранилищем.

Один день сливался со следующим. Днем Сестры спали в своей комнате, прячась будто тени за старой, покрытой паутиной и многомесячной пылью мебелью. По ночам, одетые как подобает леди, они бродили по улицам Огайо и Эри и искали себе жертвы, а потом сбрасывали скрюченные тела в канал вместе с прочим мусором.

Жизнь текла как обычно. Но однажды в начале марта, вскоре после заката, когда Даниэлла сидела в кафе и делала вид, будто потягивает кофе, сквозь покрытое жирной грязью окно она увидела, как уличный торговец толкает свою тележку с фруктами и вытирает со лба пот. Осунувшееся, худое лицо показалось ей незнакомым, да и тощая фигура ничем не выделялась из толпы. Но руки Даниэлла узнала сразу. Руки Александра. Она ахнула.

Мари и Кларисс, сидевшие с ней за крохотным круглым столом, потянулись к подруге.

— Что случилось? — спросила Кларисс.

— Александр.

— Ты сошла с ума! — сказала Мари. — Чьей крови ты напилась, что тебе чудится твой погибший возлюбленный?

— Это он.

— Это всего лишь торговец фруктами, — заявила Кларисс. — Приди в себя, и поскорее! Не теряй голову.

[1] Боже мой *(фр.)*.

Даниэлла вырвалась из их рук и побежала на улицу. Торговец уже скрылся из виду, и она провела остаток ночи, выслеживая его по запаху, а также по аромату гниющих груш и яблок. Но электрическую столицу пропитывало множество запахов. Они переплетались в резкую, щекочущую нос паутину, и девушка потеряла след.

Когда темнота начала рассеиваться, Сестры поспешили в укрытие, и впервые после парижского перерождения Даниэллу утешала надежда. У нее появилась причина радоваться бессмертию.

Она снова будет с Александром.

С того дня каждый вечер она встречала в том же кафе, за тем же столиком: заказывала чай, который никогда не пила, и высматривала своего торговца фруктами. В восемь часов кафе закрывалось, и она вместе с раздраженными подругами стояла на углу и рассматривала покрытых пылью уличных торговцев с тележками. Ведь наверняка он жил в Буффало — торговля фруктами не такая работа, чтобы переезжать из города в город. Она прерывала свое бдение только для того, чтобы покормиться, и снова принималась высматривать своего возлюбленного и его тележку, и в дождь, и в туман, и в ясную погоду.

Несколько недель спустя, в три с четвертью утра, когда Мари и Кларисс сидели на трамвайной остановке и сравнивали вышивку на перчатках, до девушек донеслись пьяные крики и смех и мимо них в импровизированном параде проковыляла небольшая шумная толпа. Один из мужчин сидел в тележке для фруктов, другой его вез, а остальные прыгали и танцевали рядом, будто на карнавале. В тележке, пьяный до беспамятства, сидел Александр. Даниэлла замахала подругам, и они последовали за толпой к ветхому домишку рядом с железнодорожной станцией. Гуляки бросили там тележку вместе с фруктами и, пошатываясь, завернули за угол.

Даниэлла поспешила к пьяному ездоку, стряхнула с него раздавленные фрукты и сжала его руку в своих.

— Любовь моя,— сказала она. Сердце билось, будто при жизни. — Любовь моя, я нашла тебя! Александр, это же я, Даниэлла!

— Оставь его,— строго произнесла Мари.— Он не Александр.

Но Даниэлла знала, что они ей не поверят. И ей было все равно. Главное, что верила она. Она помогла ему подняться на ноги и тронула его разбитую губу холодным пальцем.

Вдруг из окна над головой раздался пронзительный крик:

- Уильям Кеммлер, это ты, что ли? А ну тащись сюда, а то спущусь за тобой с резаком, и ты знаешь, что тебе будет!

— Шалава! — закричала в ответ Даниэлла. — Ты не знаешь, с кем говоришь!

К окну поднесли фонарь, а следом и в других окнах зажегся свет и появились любопытные лица, и кто-то крикнул:

— Шалава? Они живут вместе, хотя Тилли ему не жена, они просто притворяются, чтобы их иногда в церковь пускали.

Эти слова встретил взрыв похабного смеха, и кто-то дополнил его смачным ржавым плевком, приземлившимся рядом с туфлей Даниэллы.

Девушка решила ничего пока не предпринимать. Сегодня. Она придет сюда снова, когда будет меньше свидетелей. Если она заберет его сейчас, то привлечет к себе слишком много внимания. А любая неосторожность может привести к гибели. Она нашла его. Она вернется завтра, тихо, как и свойственно ей подобным, и поговорит с ним.

И вернет его к жизни.

Вернет в свою постель, в свое сердце. И в отличие от прочих несчастных, кому довелось попробовать ее укус, она сама поднимет его из мертвых.

Следующий вечер выдался ясным и холодным; серебряная луна вставала над огнями Буффало, как давно забытая завистливая игрушка. Мари и Кларисс убеждали Даниэллу оставить ее затею, говорили, что глупо верить, будто ее возлюбленный родился заново уличным торговцем фруктами, а когда она отказалась их слушать, они отказались ее сопровождать.

— Мы умываем руки, — заявила Мари. — Как бы мы тебя ни любили, но мы не можем подвергать себя опасности из-за прихоти.

— И не надо, — согласилась Даниэлла.

Она дошла до нужного дома и наблюдала из тени карликового клена за его жителями. Через несколько минут на

крыльцо вышли две потрепанные женщины, в шляпах и шалях, с неровными, коричневыми зубами, и одна из них сказала:

— Принеси мне сигар, Тилли, если сможешь. Если ты стащишь несколько штук, мы их продадим и немного заработаем.

Тилли, худосочная женщина неопределенного возраста, ответила:

— Я стащу, а ты мне за них заплатишь.

— Сука!

Тилли спустилась с крыльца, а вторая женщина зло сплюнула ей вслед и пошла в другую сторону.

Даниэлла досчитала до двадцати, потом подошла к двери дома и приготовилась ждать. Вскоре дверь открылась, и стоявший за ней мужчина дернулся от неожиданности, когда увидел перед собой девушку. Даниэлла потупилась, чтобы красный цвет глаз был не слишком заметен.

— Дорогуша, — произнес мужчина, — и зачем же такая красотка стоит у порога?

— Жду, пока ты пригласишь меня внутрь, — просто ответила девушка.

Конечно же, он ее пригласил. В коридоре она сломала ему шею и засунула тело под лестницу. Никто из жильцов не высунулся из комнат, да и вряд ли они вмешались бы.

Тилли кричала из окна третьего этажа, слева. Даниэлла мягко поднялась по ступеням и быстро нашла квартиру Уильяма... Александра. Дверь была заперта, но один рывок за ручку, и она легко отворилась. Даниэлла зашла в тесную, заставленную квартирку.

Квартира состояла из трех комнат, расположенных одна за другой, как вагоны. Даниэлла попала в кухню. Дверь слева вела в гостиную, дверь направо — в спальню. На чугунной плите стояла кастрюля с похлебкой. На полу у стола помещался ночной горшок, наполненный мочой.

— Александр, — прошептала Даниэлла. — Что снова привело тебя к такой тяжкой жизни? Ты страдал в Париже, и ты страдаешь здесь. Кто же тебя проклял, любовь моя?

Она бесшумно перешла в гостиную. На крохотном столике стояло несколько покрытых пылью фотографий. Обивка на голубой софе лопнула по швам, из прорех лез пух. На

стене за софой висела маленькая полка. На ней расположились чернильница, перо, несколько томов и черная книга, перетянутая бечевкой.

— Да! — прошипела Даниэлла. — Это мой любимый!

Она сняла с полки книгу и присела на продавленную софу. Он не хотел показывать ей свою Библию, но она не могла удержаться. Даниэлла листала тонкие пожелтевшие страницы и дошла до места, затертого практически до неразборчивости.

Девушка читала: «И когда Пилат увидел, что не сможет спасти Его и что толпа жаждет смерти Иисуса, он предложил Ему смерть благородного пленника. Предложил перерезать Ему мечом запястья и с кровью быстро выпустить жизнь. Но крикнул из толпы человек по имени Андрей, сын пастуха Пинеаса: и сказал: „Иисус должен пострадать за свои слова! Распни его!" И толпа закричала: „Распни его! Он должен пострадать за свои слова!"»

— Какое это имеет отношение к тебе, Александр? — вслух поинтересовалась Даниэлла. — Я не понимаю. Иисус, дай мне понять, чтобы я помогла моему возлюбленному!

В дверь постучали, и в кухню вошла женщина. Это была Тилли. Из дверей она увидела Даниэллу и оскалила зубы.

— Сука! — завизжала она. — Занла починить туфлю, и что я вижу? Ты одна из его шлюх, я даже не сомневаюсь, наглая как свинья, да еще и расселась на моей софе! Ждешь, пока он придет домой, так? Ждешь, чтобы попробовать за несколько пенни его бесполезного червяка?

Даниэлла медленно поднялась. Ей не составит труда справиться с этой женщиной, но она предпочла бы не убивать ее без необходимости.

— Прошу прощения, — сказала девушка. — Я ошиблась. Я думала, что это квартира моего кузена Рэндольфа Сайкса. Простите меня, мисс.

Но женщина не поверила ее оправданиям и потянулась за прислоненным к плите топориком.

Даниэлла выставила перед собой руку:

— Мисс, отпустите меня. Так будет лучше.

— Будет лучше, если Уильям перестанет ходить на сторону! Будет лучше, если ты умрешь побыстрее и заткнешь свой рот!

— Опустите топор.

Тилли широко растянула в ухмылке рот, зарычала и шагнула ближе.

— Прямо по макушке, красавицей станешь! Расчешу тебя на пробор!

Топор по дуге взмыл вверх и начал опускаться. Даниэлла ловко шагнула в сторону, и удар пришелся на софу. Полетели перья.

— Черт возьми! — закричала женщина.

Она вытащила топор и снова развернулась к Даниэлле. Девушка попятилась на кухню. Она придет сюда позже. Ее уже пригласили в здание, так что войдет она без труда.

Вдруг на ступеньках раздалось пыхтение, оно приблизилось к двери. Даниэлла развернулась и увидела в дверях тяжело дышавшего Александра. Он смотрел не на нее, а на женщину с топором.

— Корова! — закричал он. — Я слышал твои вопли с улицы! Что ты делаешь, хочешь убить женщину, которая перенутала квартиры?

— Александр, — *потрясенно прошептала Даниэлла.*

Но он протолкнулся мимо нее и кинулся на Тилли, схватил за волосы и принялся вырывать топор.

— Свинья! Тебе ничего нельзя доверить! Давно надо было запереть тебя в сумасшедшем доме! Отдай мне топор, или пойдешь под суд за убийство!

Тилли отпрыгнула, наткнулась на стул и упала на пол. Александр — Уильям — прыгнул за ней и снова попытался выхватить оружие. Женщина замахнулась на него, и топор просвистел в волоске от его головы.

Даниэлла шагнула в гостиную. Раны ей не повредят. Но она не *позволит* убить Александра. Не позволит убить его снова. Она потянулась за качающимся в руках безумицы топором, как раз когда Александру удалось его отобрать.

— Отойди! — заорал он Даниэлле.

За секунду Тилли вскочила на ноги и вцепилась в его руку зубами. Он вскрикнул и ударил ее лезвием по плечу. Еще раз. И еще.

Еще.

— Ты мне надоела, ты мне надоела, ты мне надоела! — вопил он.

Даниэлла в ужасе наблюдала за тем, как женщина, шатаясь, проковыляла мимо нее в кухню и выпала через дверь на лестницу. Разъяренный Александр выскочил за ней и крепко ударил в голову. Женщина на площадке перестала двигаться.

Казалось, что двери всех квартир открылись одновременно. Крики, проклятия, на Александра и Даниэллу показывали пальцами.

— Убийца! — крикнул один из мужчин.

— Бандит! — закричал ребенок.

Потрясенная Даниэлла вернулась в квартиру и сбежала через окно в ночь.

Уильям Кеммлер признался в убийстве своей гражданской жены, Матильды Зиглер, и суд штата Нью-Йорк приговорил его к смерти. Его перевели в тюрьму города Оберна, где в августе 1890 года он ожидал казни.

Но казнь предполагалось провести на цивилизованный, гуманный лад — первая казнь, в которой жизнь приговоренного отбиралась при помощи электричества. Из дуба сделали кресло, присоединили к нему электрические проводники и проверили на животных, чтобы убедиться в том, что смерть действительно получится гуманной. Хотя между двумя ведущими магнатами электрического мира, Томасом Эдисоном и Джорджем Вестингхаусом, разгорелся спор о проводниках. При помощи каких-то махинаций Эдисон добился того, чтобы выбрали переменный контур конкурента. И хотя Вестингхаус в ответ отказался продавать тюрьме свое оборудование, Эдисон сумел закупить без его ведома подержанные генераторы и собрать электрическое кресло. Он знал, что в результате в умах американцев прочно отложится, что переменный ток ведет к смерти, и в домах будут использовать его систему снабжения постоянным током. Охрана тюрьмы Оберна, а также репортеры ежедневных и еженедельных изданий распустили шутку, что приговоренный к смерти на электрическом кресле будет «запеременен», что привело в ужас изобретателя контура переменного тока.

Но ничто из этих споров не волновало ни Уильяма Кеммлера, ни Даниэллу Боге. Обаянием и любезным обращением девушка сумела добиться приглашения посетить тюрьму, но

пока никто не пригласил ее войти в то холодное крыло смертников, где держали Александра. Она могла легко убить охранников, но не могла силой добиться у них приглашения.

И она ждала. И не находила себе места. Мари и Клариссе старались ее утешить. Даниэлла снова и снова возвращалась в квартиру возлюбленного в надежде найти какой-то способ помочь ему избежать новой смерти от рук гуманного общества, но не находила ничего. Она забрала черную Библию и держала ее в кармане юбки, но чтение не помогало. Она ничего не понимала.

По ночам она прижималась к внешней стене крыла смертников, а днем спала в чулане на газовой станции тюрьмы. Подруги оставались с ней и продолжали убеждать в том, что это не Александр и что, как только он умрет, она придет в себя.

Вечером шестого августа в тюрьму вызвали свидетелей казни: двадцать пять человек, из них четырнадцать докторов, все как один возбужденные перспективой увидеть новый вид умерщвления, который не доставит казнимому излишних страданий. Комната казни помещалась в подвале, и Даниэлла легла на покрытую росой траву у окошка. Через стекло и стальные решетки она наблюдала за ужасной картиной. Свидетели, сжав в руках шляпы и перчатки, вошли в комнату и расселись на поставленных лицом к электрическому креслу стульях. Некоторые остались стоять. Потом вошли надзиратель и несколько охранников; они вели Александра. За ними, прижав к груди Священное Писание, проследовал равнодушный священник в облачении.

Александр обвел взглядом сырую полупустую комнату. Его глаза покраснели от бессонницы и предстоящего ужаса. Охранник кивком указал на кресло. Александр подошел к нему, но не смог заставить себя сесть.

— Оно тебе понравится гораздо больше виселицы, парень, — пообещал охранник.

— Я должна попасть внутрь, — прошептала подругам Даниэлла.

— Ты не можешь, — в один голос ответили девушки. Они стояли в нескольких ярдах позади.

Александр повернулся и опустился в кресло. И тут же вскочил снова.

— Я вспомнил! — закричал он.

— Заткнись и сядь! — велел надзиратель. — Или мы сломаем тебе руки.

— Нет, послушайте же, я вспомнил! — Лицо Александра исказилось от ужасного понимания. — О боже мой, я вспомнил!

Надзиратель силой усадил его в кресло. Охранники начали пристегивать его руки и ноги кожаными ремнями. Но Александр продолжал говорить:

— Я помню лезвие у горла, быстрый разрез милосердных африканцев — они сказали, что я первый умру цивилизованной смертью! Я помню лезвие гильотины и уверения, что казнь будет безболезненной. Я помню! Почему снова?

— Он спятил от страха, — нервно произнес один из докторов. — Давайте уже начнем!

— Я знаю почему! Я зулус! Я Александр! Я Уильям! Но я был Андреем и сам приговорил себя к тому, в чем отказал Господу нашему, — к быстрой и безболезненной смерти. Достойной, тихой смерти!

Его быстро обвязали вокруг пояса ремнем, а на голову надели кожаную упряжь с электродами.

— Хватит нести чепуху! — прикрикнул надзиратель. — Заткнись, преступник!

Даниэлла прижалась лбом к крохотному окну и закричала:

— Александр, ты помнишь меня?

Все головы повернулись на крик. Александр уставился на нее с открытым ртом.

— Александр! Впусти меня!

За ее спиной Мари и Кларисс в два голоса приговаривали:

— Не надо, Даниэлла, не надо!

Даниэлла трясла стальные решетки.

— Александр, пожалуйста, впусти меня!

— Ты ангел, тебя послал Христос, чтобы разомкнуть этот замкнутый круг? — спросил Александр.

Охранники протягивали ремень ему под подбородком. Но прежде, чем они успели затянуть упряжь, он сказал:

— Ангел, входи!

Мари схватила Даниэллу за руку и закричала:

— Нет, не смей! Они узнают, кто ты! У священника есть распятие. Мы погибнем, Сестра!

Даниэлла яростно вырывалась, но Кларисс поймала ее за другую руку и поддержала подругу:

— Мы не хотим умирать из-за твоей неосторожности!

Даниэлла кусала и царапала подруг. Она ляталась и изворачивалась, и хотя она чувствовала, как треснули кости запястий, ее продолжали крепко держать.

В подвале священник поднял руку в крестном знамении. Охранник кивнул человеку у дальней стены комнаты.

— Нет! — закричала Даниэлла, и свидетели заерзали на стульях от неудобства при виде разыгрывающейся драмы.

— Давайте, — сказал охранник.

— Нет! — закричала Даниэлла.

Она била ногами решетки и оконную раму. Стекло треснуло и разлетелось осколками по полу подвала.

Раздался звук едущего трамвая, высокий, ноющий визг, от которого казалось, что вибрирует комната. Александра трясло и подбрасывало на кресле. От его волос поднимался дым, а потом по ним пробежал огонь, треща и щелкая оранжево-синими языками.

— Боже мой, — сказал один из свидетелей.

— Надеюсь, что он уже мертв, — отозвался другой.

Привязанное к креслу тело продолжало плясать, как марионетка на электрических нитях, но тут надзиратель кивнул, и рубильник опустили.

Даниэлла не могла двинуться с места. Она вцепилась ногтями себе в лоб и, лежа в траве, смотрела, смотрела на ужасную картину, вбирая ее в себя и одновременно не веря своим глазам. Александр снова умер.

И тут Александр застонал. Свидетели охнули и зажали рты руками. Надзиратель резко взмахнул рукой, и человек у рубильника снова дернул его, и снова Александр заплясал.

Все закончилось через шесть минут. Александр наконец-то умер. Охранники осторожно отстегнули тело, громко жалуясь, что о него можно обжечься, потом перекатили его на каталку у дальней стены. Накрыли простыней. Но когда врач попытался ее приподнять, то не смог этого сделать из-за высокой температуры. Надзиратель вывел его из комнаты, ждать, пока тело остынет.

— Через полчаса, — сказал он побледневшему доктору. — Пусть оно остынет, да и проветрится немного. И нам надо арестовать тех женщин во дворе.

— Я ненавижу вас, — сказала Даниэлла подругам.

— Неправда, — возразила Мари.

— Правда!

Держащие ее руки обмякли, и она наконец-то смогла обернуться клоком тумана и влететь через окно в подвал. Подруги последовали за ней.

Они стояли в облаке, пахнущем смертью. Даниэлла помолчала, но через некоторое время произнесла:

— Я проклята так же, как и он.

— Мы не прокляты, Даниэлла, — возразила Кларисс. — Наоборот, нам повезло.

— Тогда что такое проклятие? То, чего ты не хочешь, о чем никогда не просила, но оно не отпустит тебя никогда!

— Это не Александр, — повторила Мари. — Пойдем с нами. Пойдем с нами!

— Вы ничего не понимаете, — сказала Даниэлла.

И она не пошла с ними.

Даниэлла подошла к каталке и подняла простыню. На каталке лежал ее возлюбленный, с опаленным лицом, почерневшими волосами. Его прекрасные руки скрючились клешнями. Она подняла одну руку, поцеловала и облила слезами.

— Если бы я могла, я бы сняла с тебя проклятие, — прошептала девушка.

Она нагнулась к обгоревшей шее и вонзила в нее зубы. У крови был вкус угля, и Даниэллу стошнило.

Она услышала приближающиеся мужские голоса. Шаги по бетонному полу подвала. Надо уходить. Но она найдет его снова. Она будет всегда настороже, она не растеряется, и она будет готова. Она последует за ним и, возможно, сумеет его спасти. Только она не знала, для чего его спасет. Но все равно она найдет его.

Она тронула карман юбки. Библия исчезла. Она переместилась в неведомое будущее, чтобы снова отыскать ее возлюбленного.

— До встречи, — сказала Даниэлла.

Она покинула подвал вместе с ветерком, все еще пахшим дымом. Мари и Кларисс снаружи уже не было. Она знала, что никогда больше их не увидит. Но се это не огорчило. Она не хотела возлагать на подруг свою ношу. Она справится с ней в одиночку.

В Виргинии она купила билет на ночной авиарейс в Иллинойс. До нее доходили слухи, что в Управлении исправительных учреждений приняли решение о предоставлении приговоренным к смерти права выбора между электрическим стулом и новым, более цивилизованным способом казни — через смертельную инъекцию.

Она не знала, кто из приговоренных се Александр. Сто лет она искала его в новом воплощении и ничего не находила. Но сейчас она близилась к цели. Он был там, в облике другого человека. Она узнает его по рукам.

Даниэлла подняла пластиковую штору и уставилась на луну. Луна оставалась такой же, как и столетия назад. Может, она тоже проклята?

— Я иду к тебе, Александр, — сказала Даниэлла ночи.

И если она проиграет, ей всего лишь придется снова подождать. А времени у нее предостаточно. Столько, сколько понадобится.

ЭЛЕН КАШНЕР

Ночной смех

Повесть Элен Кашнер «Томас-рифмач» («Thomas the Rhymer») в 1991 году принесла автору Всемирную премию фэнтези и Мифопоэтическую премию, а ее первый роман «На острие шпаги: мелодрама манер» («Swordspoint: A Melodrama of Manners») в 2000 году вместе с произведениями Николя Гриффит и Теодора Старджона удостоился номинации «Gaylactic Network Spectrum Hall» за лучшее прозаическое произведение, написанное до 1998 года.

Произведения малых форм, принадлежащие перу Кашнер, за последнее время появлялись в следующих антологиях: «Звездный свет-2» («Starligth-2»), «Сирены и другие демонические возлюбленные» («Sirens and Other Daemon Lovers»), «Основной город Пограничье» («The Essential Bordertown») и «Бессмертный единорог Питера С. Бигла» («Peter S. Beagle's Immortal Unicorn»). Книги Кашнер переведены на французский, японский, немецкий, латышский и каталонский.

С 1996 года Кашнер получила известность как радиоведущая и сценарист передачи «Звук и дух» (тоже удостоившейся наград) — еженедельной часовой программы, посвященной музыке, мифам, традициям мира, их истории и исследованиям. Для этой передачи Кашнер записала два альбома — «Приветствуя Младенца в этом мире» («Welcoming Children Into the World», Rycodisc, 1988) и «Золотой дрейдл: клезмерский „Щелкунчик" для Ханукки» («The Golden Dreydl: A Klezmer „Nutcracker" for Chnukah»), написанный и озвученный автором, с музыкой Ширима (S&S, 2000).

О появлении рассказа «Ночной смех» Кашнер говорит так: «Некоторые истории просто являются тебе в завершенном виде, и эта — из их числа. Я жила в Нью-Йорке, на пятом этаже здания, украшенного горгульями. Как-то я стала спускаться по лестнице к почтовым ящикам — проверить, не пришло ли мне еще каких отказов от издателей, — а когда добралась до первого этажа, вся история уже оформилась у меня в голове. Помню, я почему-то задумалась о том, что вампиров всегда изображают в вечерних нарядах, а потом

спросила себя: может, дело тут не только в глупых голливудских шаблонах, может, вампирам просто нравится наряжаться?»

Начинается с того, что ты проникаешься ненавистью к дневному времени. Днем случается все самое худшее: и пробки, и час пик, и очереди в банк, и непрошеные телефонные звонки, и рекламная макулатура в почтовом ящике, и самое грубое хамство, на какое только способны переутомленные работой люди. А вот ночь — другое дело, это время любить, время в одиночестве читать при свете лампы, танцевать, вдыхать прохладу и свежесть. И не важно, горяча или холодна твоя кровь: ночь принадлежит тебе.

— Ну пойдем же, — сказала я, потянув его за руку, — пойдем повеселимся, развеемся!

Он отстраняется, медлит, мнется.

— Пойдем потанцуем! — настаиваю я.

Весь город мигает огнями. Надо всем городом звенит ночной смех.

— Пойдем погуляем, окунемся в ночь!

— Ты сумасшедшая, вот ты кто такая, — откликается он.

Ночной смех щекотно вскипает у меня в гортани. Я позволяю ему проступить, самую малость, лишь в уголках рта, — чтобы напугать его. Он пугается. Спрашивает:

— Хочешь потанцевать?

Отвернувшись, я небрежно пожимаю плечами:

— Да не особенно.

— Тогда, может, покататься?

— Не-а. — Я облизываю губы — банально, откровенно, многозначительно. — Пойдем прогуляемся. В парк.

— Но там сейчас ни души!

— Там будем мы. Вдвоем, и больше ни души. И все дорожки и аллеи — наши.

Он все-таки поднимается и идет за мной. Вот она, ночь, вот ее могущество.

На нем лучший из его костюмов. Ночь — самое время принарядиться, щегольнуть, расфуфыриться. Надеть самое элегантное, что есть в запасе, для мужчины — отглаженное

и накрахмаленное, черное и белое, и к этому, может быть, чуточку золота или яркий платок, галстук — чтобы оттенить. А для женщины ночь — время лучших нарядов, в которых ты сверкаешь и скользишь, как новая машина, в которых ты выхолена и вылощена, как кинозвезда. Вот и мое платье как раз такое: облегает, как вторая кожа, струится, змеится. Я красуюсь перед ним на высоченных шпильках, цокаю и гарцую, будто кобылка хороших кровей на крошечных козьих копытцах. Когда-то давно, в Ахее, бог цокал козьими копытцами и играл на своей свирели ночи напролет. Свирель Пана, сделанная из тростника... Из нее лились длинные, точно саксофонные, ноты, и как одиноко звучали они на ветру, под сенью деревьев.

В парке деревья выстроились рядами, как на параде, такие же высокие и темные, как уличные фонари, но только под деревьями лежит темнота, а под фонарями — круги света, такие яркие, что при нем можно читать, и в этих ореолах жужжа кружится мошкара.

На скамейках спят бездомные: бедняги, они и не ведают, ночь сейчас или день. Я всегда стараюсь избегать их. Им только и нужно, что деньги; они понятия не имеют, как поразвлечься, а может, знали, но забыли. Когда-то я знавала одного человека, не переносившего дневной свет, да, представьте себе. Бывало, сменит белый смокинг на бархатный халат, наденет темные очки и на рассвете собирается спать, прячется от солнечных лучей, будто от ядовитых стрел. Помню, мы, бывало, смотрели из окна, как гаснут уличные огни там, за парком, и он еще пошучивал, что расправится с птицами за их утренний щебет. Я называла его Сыч, а он меня — Мышка. Но под конец он ослаб, пристрастился высасывать алую жизнь из винной бутылки толстого стекла, такого же темно-зеленого, как и шторы, — и утратил вкус к настоящей жизни. Может, теперь он вообще скатился на дно и стал одним из бездомных, спящих на парковых скамейках. Они знают, им ничто не угрожает: мы не тронем их без крайней нужды.

А тот, с кем я шагаю теперь по дорожкам ночного парка, все озирается, глаза его все бегают, словно он опасливо высматривает полицейского, или наркомана, или грабителя. Я беру его за руку, прижимаюсь к нему.

— Да ты замерзла, — произносит он.

— Нет, ничего подобного. — Я дважды оборачиваю серебристый шарф вокруг шеи.

Путь наш пересекает световая полоска — это легли на дорожку огни прокатившей мимо машины. Я запрокидываю голову и щурюсь на светлое небо — да, оно светлое, потому что облака отражают городские огни.

— Кажется, вон мой офис, — говорит он, — вон там виден, за деревьями.

Я увожу его подальше от фонарей, во тьму, к озеру и лодочной станции.

— Между прочим, там довольно опасное место, — предупреждает он, но тем не менее идет со мной.

Сбрасываю туфли, швыряю в черную гладь озера — они серебряными ракетами пронзают темноту. Ступаю по влажной земле, чувствую сырость и прохладу, такое совершенное ночное ощущение. Но под ногами у меня не просто земля, а еще окурки, битое стекло, хрупкие птичьи косточки.

Задумчиво прислоняюсь к дереву, разматываю шарф и мечтательно улыбаюсь, как умею только я.

— Сигарету? — хрипловато спрашиваю его.

Он роется в карманах, протягивает мне белеющую в темноте сигарету, но я не двигаюсь с места, и он, наклонившись, вставляет сигарету в мои накрашенные губы. Я бросаю ему томный взгляд из-под ресниц, и он достает зажигалку.

Как ярко вспыхивает это крошечное пламя во мраке ночи! При дневном свете такого оранжевого огня не увидишь. Я вдыхаю дым, оставляя на фильтре алый след помады, а потом передаю сигарету ему. В воздухе тянется призрачный шлейф дыма. Мой спутник машинально закуривает.

Машинально... но он все еще нервничает. Не умеет расслабиться, не умеет отдыхать! Да, он моя ошибка, пусть симпатичная, но ошибка. Что ж, не всякая ночь приносит удачу. Я вздыхаю — так тихо, что это слышит лишь ветер. В озере квакают лягушки, состязаясь со сверчками на берегу, пытаясь заглушить далекий гул машин. Передо мной открывается еще одна отличная ночь. Главное — пожелать.

— Поди сюда, — говорю я ему хрипловато.

Как аккуратно повязан его галстук, как безупречно начищены ботинки — даже в темноте и то блестят... Он по-

слушно приближается, лицо его теперь спокойнее, оно озаряется надеждой: вот сейчас, кажется, будет хоть что-то понятное. Он зарывается лицом в мою шею. Я обвиваю его плечи обнаженными руками: белое на черном.

Он прижимает меня к стволу дерева. В горле у меня вновь вскипает ночной смех, и я думаю: а что, если проворно отступить и он со всей силы стукнется о ствол? Но я лишь подаюсь к нему, и он — такой понятливый — обнимает меня еще крепче, и мы сливаемся. Теперь ночь и ему по душе. Теперь его руки нашли что-то живое и блуждают в лабиринте между моей кожей и тканью платья. Кончиками пальцев касаюсь его ушей, подбородка, шеи, а он стискивает меня все сильнее и сильнее, и дыхание его ритмично, как джазовая синкопа. Я ощущаю пульсацию его жизни сквозь ткань. Сыч всегда говорил: пусть их, пусть делают это, позволь им.

Он уже задирает мне платье, и руки у него горячие. Ах, как же он счастлив. Звякает пряжка брючного ремня. Выдыхаю ему в шею, он смеется.

— Ну как, правда, хорошо?

— Угу...

— Вот теперь ты отдыхаешь?

Кончиком языка щекочу самое основание его шеи, он запрокидывает голову, и в бледном ртутном отсвете, исходящем от облаков, я вижу его торжествующее лицо. И во мне вновь вскипает ночной смех, и теперь он слишком силен, чтобы сдерживаться долее. На мои губы выползает ночная улыбка, и они впечатываются в его шею, и пузырьки радости пляшут у меня в крови, будто в шампанском, и губы у меня окрашиваются яркой влагой, яркой, как лужа в неоновом свете фонарей.

Ах, хорошо... Это как бурлящий поток, как орхидея, что распускается в ночи прихотливым цветком, как дикий зверь, выпущенный на волю, как гонка на автомобиле вдоль океанского побережья. Это сама жизнь!

Теперь он сделался почти невесомым. Оставляю его под деревом: пусть бездомные поживятся чем сумеют. Из сумки вынимаю пару туфелек: уже пробила полночь, но я не Золушка-неудачница, чтобы бежать домой босиком. Для меня полночь — лишь начало.

В отдалении разносится вой сирены. По городу мчатся грузовики, их прицепы громыхают по мостовой, будто стараясь разбить ее вдребезги. Из-за облаков вышла луна, и ее мертвенный свет смешивается с бликами уличных фонарей на озерной глади.

Прохожу мимо какой-то конной статуи, беззвучно и грациозно скольжу в чередовании света и тьмы, под деревьями и фонарями. На повороте впереди замаячил чей-то светлый силуэт, такой белоснежный и четкий, что ясно — это смокинг. На миг мне кажется, будто это Сыч вернулся. Но мужчина оборачивается, и я вижу незнакомое лицо.

Смокинг у него слегка помят, но ни пятнышка грязи, и черный галстук-бабочка сидит идеально. Незнакомец улыбается, я нагоняю его.

— Сигарету? — предлагает он.

— Спасибо, только что курила.

Он достает себе сигарету из золотого портсигара, не спеша, с довольным видом затягивается. Его губы оставляют на фильтре темное пятно.

— Вы голодны? — интересуется он.

— Ничуточки, — отвечаю я. — Прекрасная ночь.

Незнакомец кивает, все с той же удовлетворенной улыбкой.

— Пойдемте потанцуем? — произносит он.

Мы славно отдохнем.

КРИСТА ФАУСТ

Нож за голенищем

Криста Фауст — фетиш-модель и энтузиастка садомазохизма — живет и пишет в Лос-Анджелесе. Ее работы публиковались в таких антологиях, как «Откровение» («Revelation») под редакцией Дугласа И. Винтера и «Любовь в венах» («Love in Vein») под редакцией Поппи З. Брайт. Ее дебютный роман «Управление капризами» («Control Freak») недавно был переиздан в «Babbage Press», в настоящее время она работает над вторым. Также она написала сценарий черно-белого садомазосериала для Сети.

«Забавно, — признается автор, — но, хотя в „Ноже за голенищем" присутствуют кровавые фетиши и аксессуары вампиризма, я всегда считала, что этот рассказ скорее история о привидениях или даже о зомби (если возможно заставить умершую любовь встать из могилы), чем история о вампирах.

Я действительно получаю удовольствие от кровавых игр, это своего рода индульгенция для меня, но из этого старого архетипа, на мой взгляд, высосешь не так много крови. Так же, как в моей другой истории — „Cherry", в этом рассказе я хотела рассмотреть старый образ под несколько другим углом. Я хотела уйти от этой чертовщины о бессмертии, от романтических фантазий на тему, как навеки остаться бледненькой, худой и миленькой, и попробовать сделать что-то более человечное».

Первым делом она отрезала его правую кисть — источник его совершенства, его ИСКУССТВА (она всегда слышала заглавные буквы, когда он произносил это слово в своей тягучей, приглушенной манере). Эта кисть представляла для него гораздо большую ценность, чем пенис, и она получила огромное удовольствие, отрезав ее. Затем последовала левая кисть — отрезана как раз под плетеным медным браслетом, который она подарила ему на последнее Рождество. Далее — татуированные руки, сначала предплечья, за-

тем плечи. Их плавные формы выглядели намного привлекательнее отдельно от хозяина. Она отрезала ступни в ботинках, левую, затем правую, и бросила их в образовавшуюся кучу ампутированных членов. Она нарезала его ноги на тонкие джинсовые ломтики, пока не дошла до узких бедер. Перед тем как отделить таз от торса, она вырезала его драгоценный пенис. («Ты никогда больше не вставишь его в какую-нибудь анорексичную сучку из художественной школы за моей спиной, выпендрежник».) Она кромсала его живот и вялую грудную клетку до тех пор, пока целой не осталась одна голова.

Лицо его сохраняло невозмутимость, словно ему было безразлично, что его расчленяют, как было безразлично все, что не требовалось для исполнения его сиюсекундных потребностей. Его глаза были такими же голубыми, как в тот день, когда Мона запала на него, тот же насыщенный бирюзовый оттенок, который для нее никогда не ассоциировался с ложью. Она вырезала их по одному — левый, правый. Вырезала его сладкий, лживый рот и острый аристократичный нос, а потом бросила в кучу то, что осталось от его головы.

— Подонок, — тихо сказала она себе под нос и швырнула все эти нарезанные и вырезанные куски в огонь.

Долгую минуту она наблюдала за тем, как их пожирают извивающиеся языки огня, такие же голубые, как его глаза. После этого она принялась за другие фотографии. По большей части это были моментальные снимки, сделанные их приятелями. Мона и Даниэль на всяких скучных вечеринках; она чувствует себя некомфортно в черном обтягивающем платье из магазина эконом-класса, он в своей извечной униформе — заляпанная краской футболка и драные джинсы, в руке самодельная папироска (слишком крут, чтобы соблюдать дресс-код). Мона и Даниэль на Джексон-сквер, позируют на фоне кованой решетки, вокруг яркий хаос картин Даниэля. Мона и Даниэль — влюбленные — стоят в обнимку, улыбаются и верят, что так будет всегда. Она передернула плечами и добавила эти снимки в огонь.

Потом фото только с Даниэлем. Снимки, сделанные ею, когда черты его лица и гладкие изгибы его рук что-то значили для нее. Даниэль с широкой кистью в зубах, щеки и грудь

измазаны небесно-голубой и ярко-зеленой красками. Даниэль спит, сжав кулаки под подбородком, как ребенок. Она исполосовала их ножницами и бросила в огонь.

Письма не сохранились, осталось только одно, последнее:

8/11/01

Мона, мне очень жаль, что все так повернулось. Я знаю, что был мудаком, и сделаю все, что угодно, лишь бы помириться, если ты только позволишь. Я знаю — тебе больно, но ты не можешь просто вычеркнуть меня после всего, что мы вместе пережили. Дай мне только шанс все объяснить. Если бы у меня была возможность увидеть тебя, поговорить с тобой, я уверен, у нас бы все склеилось. Эта неделя без тебя была сущим адом. Я не сплю. Не ем. Ни о чем не могу думать, только о тебе. Невыносимые ночи в этой пустой студии. Каждое утро я просыпаюсь и протягиваю к тебе руку только для того, чтобы обнаружить, что рядом пустота. Послушай, я понимаю, что не прав, но разве я уже не достаточно наказан? Мне так тебя не хватает. Теперь все будет по-другому, клянусь. Мона, прошу, позвони мне. Мне необходимо услышать твой голос.

Я все еще влюблен,
Даниэль

Мона тряхнула головой и добавила этот единственный драгоценный скетч в огонь. Пламя в действительности было жалким — так, темные раскаленные угли и бледные вялые язычки огня в центре широкого кирпичного камина. Получив на добавку письмо, огонь чуть взметнулся, вспыхнул поярче и снова угас. Не так много останков умерших взаимоотношений Моны и Даниэля можно было пустить на подкормку.

Еще оставалось несколько почтовых открыток, которые он присылал ей во время своей поездки в Париж. Одну за другой она скормила их огню, лишь вскользь пробежав глазами милые послания с бесконечными «люблю» и «скучаю», с бесконечными сердечками и виньетками. Позднее она узнала, что в ту поездку он трахался как минимум с тремя разными телками. Процесс сожжения этих последних обрывков их романа принес особенное удовлетворение.

Когда открытки почернели и скукожились и содержавшуюся в них ложь проглотил жадный огонь, Мона почувст-

вовала легкое головокружение и прилив энергии от обретенной вновь свободы. Естественно, не обошлось без слез, без злости и битой посуды, но все это, казалось, было тысячу лет назад. Теперь же она чувствовала себя очистившейся, обновленной, сбросившей все лишнее до бойцовского веса. В квартире на Мэгазин-стрит остались только принадлежащие ей вещи. Она медленно бродила по длинным комнатам и со страшным трепетом касалась предметов обстановки. Ее старый скупой текстовый процессор, космическая консоль со стереосистемой, которая обошлась ей в кругленькую сумму плюс гонорар за первый роман. Стеклянная ваза с серо-белыми фрагментами костей, подобранными на бесхозных могилах нью-орлеанских кладбищ. Безвкусные, разноцветные бусы с ее первого Марди Гра[1]. Ее вещи, ее история. Неровные, но крепкие полки, сооруженные ею из подобранных то тут, то там досок и стекла. Два витых стула, спасенные с помойки и выкрашенные в серебристый цвет. Модели классических монстров: творение Франкенштейна и его невеста; агонизирующий Человек-Волк и ужасная Мумия; Призрак Оперы и Нечто из Черной Лагуны. Все выполнены и раскрашены в те времена, когда Мона не могла ни секунды выносить вид мигающего курсора. Они были ее слабостью, приводящей Даниэля в ужас. Он называл их самым дрянным, поштучно раскрашенным образцом нон-арта. Но они все еще были здесь, а Даниэль и его ИСКУССТВО исчезли, и это заставило Мону улыбнуться. Словно никогда и не было «Мона + Даниэль». Была только Мона, сейчас и навсегда. Она стала чуть мудрее и гораздо сильнее, она была готова выйти из дома и задать жару всему миру.

Мона сняла с себя одежду, встала под душ и почти целый час наслаждалась, стоя под прохладной струей воды. Сбривая волосы под мышками, она напевала «Я смою этого мужчину с моих волос». Когда-то она перестала сбривать волосы под мышками только потому, что Даниэль находил это сексуальным, и теперь она смеялась, наблюдая за тем, как еще одна часть ее прошлой жизни исчезает в стоке душевой кабины.

[1] *Марди Гра* — букв.: «жирный вторник», празднуется в последний вторник перед началом Великого поста в Западной Церкви.

Чистая и благоухающая, с порозовевшей после душа кожей, она растянулась на своих новых, «пост-Даниэль» простынях, приобретенных на распродаже в «Вулворте» по девятнадцать долларов девяносто девять центов. Простыни были темные, чернильно-фиолетовые, и пахли невинностью и кондиционером для белья. Она улыбалась сама себе и мастурбировала. Она ни о ком не фантазировала. Вместо этого она представляла шелк, воду и запах собственной кожи. Каждый оргазм придавал ей сил и подталкивал ее вперед к новой жизни.

8/17/01

Привет, Мона!

Хитрая сучка, как ты там? Как жизнь в похотливом Нью-Орлеане? Знаешь, я прочитала твою книгу. Круто, ничего не скажешь. Здесь все клево, вкалываю, участвовала в нескольких достойных сессиях, но ты же знаешь — это мир мальчиков, а большинство парней не доверяют цыпочке на барабанах (даже такой непревзойденной богине ритма, как я). Но у меня все в порядке, живу на чердаке «Вилли-Би», где никого не волнует, если я играю всю ночь до утра. Жизнь прекрасна.

Вообще-то реальная причина этого письма (не считая откровенного желания обладать твоим телом) это то, что Лулу и я пишем демо с этой сумасшедшей басисткой по имени Ноктурна, и мы хотим записать «Румянец». Это была твоя лучшая песня, и мы были бы жутко рады, если бы ты приехала и спела. Возвращайся в Нью-Йорк-Сити и стань снова Дивой Демоной. Всего на день, ради старых добрых времен. Мы даже билет тебе пришлем. Огромное пожалуйста, подслащенное комплиментами! Надо расслабиться и выпустить пар. Можем прокатиться зайцем. Давно это было, леди. Скучаю по тебе.

Огромная любовь и влажный поцелуй взасос,
Минерва

Во Французском квартале Мона прислонила велосипед к увитой плющом кирпичной стене и расположилась за столиком уличного кафе. Отпив глоток горячего черного кофе, она взглянула на письмо и нахмурилась. Прошло уже почти десять лет с тех пор, как она в Джи-Эф-Кей[1] поцеловала на

[1] Международный аэропорт имени Джона Кеннеди.

прощание Минерву. Их никогда не связывала любовь, они были просто близкими подругами и временами заигрывались до секса. В ту ночь, когда Мона бежала от кошмара совместной жизни с Викториной, она без приглашения завалилась к Минерве, и та не ложилась до утра, слушала старые, заезженные альбомы «Кисс» и горестное нескончаемое нытье подруги. Через три дня Минерва отвезла ее в аэропорт с одним-единственным чемоданом и взятыми в долг пятью сотнями долларов. Выбор на Нью-Орлеан пал случайно. Звучит экзотично и романтично. Мона оставила позади старую жизнь, впереди ее ждали будоражащий душу блюз, кофе с цикорием и юные черноглазые креолы. Она рассталась с прошлым, но самое главное — она рассталась с Дивой Демоной.

Дива Демона — ее давным-давно позабытое альтер эго. Видение из разодранных кружев и рваного бархата. Из кожи, серебра и мертвенно-бледной плоти, из грима кабуки, из клыков и длинных черных ногтей. Ее волосы — как черные вперемешку с пурпурными шипы дикобраза. Ее сценический образ — кровь и власть, исполосованная бритвой похоть. Иногда она надевала костюм из латекса, гладкий и блестящий, как влажный футуристический сон, и превращалась в сексуального инсектоида. Иногда — наряды из шелка, изорванные в лохмотья пеньюары, жуткие корсеты, и появлялась на сцене, словно призрак из канувших в Лету веков. Мужчины платили за то, чтобы увидеть ее, услышать, как она поет, за то, чтобы почувствовать ожог от удара ее хлыста и беспощадное жало ее жестокого языка. Она была богиней и знала об этом, молодая, надменная и порочная. Она была горящей конструкцией с периодом полураспада плутония, слишком недолговечной, чтобы прожить дольше двадцати одного года. Поэтому, когда Моне пошел двадцать второй, она рассталась с Дивой Демоной. Рамки этого варианта Моны стали слишком жесткими, и она обнаружила, что больше не в состоянии поддерживать заданный уровень жуткого и театрального бунта и при этом не раствориться в роли. Ее жизнь уменьшилась до размеров эстрадного номера, ей требовалось что-то новое, что-то совершенно неожиданное, что заставило бы ее снова почувствовать себя живой.

Поэтому идея воскрешения той старой личности была странной и даже немного неприятной, словно ей предло-

жили улечься в свою старую колыбель. Но, несмотря на то что последние десять лет Мона посвятила писательству, она не потеряла голос, и у нее не было причин, по которым она отказалась бы присхать домой, повидаться со старыми друзьями и попеть старые песни. Дива Демона умерла и давно погребена, а довольно успешная писательница Мона Мерино жива-здорова и готова к авантюрам. Небольшой отпуск мог бы пойти ей на пользу, он вымыл бы из ее жизни последние следы Даниэля. Как и ни к чему не обязывающей секс с красивой и сильной женщиной, с такой, как Минерва, простой и приятный. Она вспомнила длинное худое тело подруги, то, как падали обесцвеченные дреды на ее обведенные черной тушью глаза. Вспомнила долгие разговоры на всю ночь, дешевое красное вино, «жемчужные» ванны, леденцы и ворованные сигареты. Ей стало любопытно: изменилась ли ее подруга настолько же, насколько она сама, пользуется ли она по-прежнему этим дымным чефрасовым парфюмом. Мона допила кофе и решила, что поедет.

6/13/90

Викторина, моя самая совершенная рабыня!

Я в заточении ожидаю еще одного усмиренного яппи с фетишем в подгузниках. Почему я должна терпеть этих клоунов с их отчаянно маленькими членами и прозаичным мазохизмом? Да, мы все должны платить по счетам, и я скорее соглашусь быть повелительницей-мамочкой для моих убогих клиентов, чем рабыней-секретаршей для каких-то калек-женофобов из так называемого «реального мира».

Но ты, моя любовь...

Твоя восхитительная покорность — единственное, что заставляет меня жить дальше в такие дни, как этот. Мне страшно не хватает тебя, не хватает бледного соблазнительного изгиба твоих ягодиц, вздымающихся под ударами моего хлыста. Не хватает доверия, которое излучают твои ясные глаза, когда я ввожу в тебя последний палец и сжимаю ладонь в кулак. Я считаю бесконечные часы до того мгновения, когда я снова познаю тебя и почувствую на языке острый привкус твоей крови.

Твоя в Непреходящем Мраке,
Дива Демона

Викторина прижала к губам пожелтевшее письмо, ощупала пальцами белые шрамы, которые крест-накрест пересекали ее обнаженную грудь. Закрыв глаза, она все еще могла представить укус лезвия ее госпожи, жар ее рта на своей воспаленной груди. Открыв глаза, она могла увидеть вокруг себя тысячи репликантов своей госпожи. Все стены в комнате были завешаны контрастными черно-белыми фотографиями Дивы Демоны, эти фото были ее жизнью, ее искусством. Дива Демона на сцене — нот, как бриллианты на ее гладких волосах, черные губы обнажают акриловые клыки. Дива Демона затянута в кожу, на ногах высокие шпильки, агрессивная и властная, она готова к действию. Дива Демона голая, надменная и разгоряченная, черные густые волосы блестят между бледных ног. Викторина все еще работала, снимала подающие надежды группы в плохо освещенных клубах, но ее лучшими работами были портреты ее госпожи.

Рядом с Викториной на кровати, которую она столько лет назад (вчера) делила с богиней, была разложена композиция из фетишей — любовных писем и памятных вещей. Ключи от номеров в отелях, обрывки кружев. Салфетка из бара с отпечатком черной помады и хрупкие засохшие розы. Серебряные кольца, кольца из оникса, четки из филигранных бусин. Зажимы для сосков и лезвия. При тусклом освещении аккуратно разложенные предметы можно было принять за длинную человеческую фигуру с поднятым будто бы в танце коленом. На подушке, где должна была бы лежать голова фигуры, Викторина соорудила неровный овал из пропитанного духами госпожи черного бархата. Пьянящий парфюм назывался «Дыхание ночи», Викторина освежала бархат каждый день. Этот неистребимый запах служил связующей нитью с иллюзией, он придавал ей форму. Когда Викторина оказывалась в обонятельных сетях, письма и мечты облекались в плоть, ее госпожа становилась реальной, ее жалящий поцелуй, агония от ее прикосновения были такими же достоверными, как в первый раз. И тогда Викторине казалось, что не было никакого предательства и она никогда не оставалась одна.

Викторина сделала глубокий жадный вдох и позволила этому аромату переместить себя в иную реальность. Стальные кольца госпожи проникли сквозь нежную плоть блед-

ных сосков, она почувствовала их возбуждающий холод. Дива Демона снова придет этим вечером. Викторина чувствовала это.

Мона цеплялась за немытую раковину в туалете кафе в Ист-Вилладже, ее охватила паника, пот выступил под мышками и струйкой пробежал от шеи по бокам. Она смотрела на свое отражение с расширенными глазами в потрескавшемся зеркале. До этой минуты она всегда считала, что ранняя седина в ее темных вьющихся волосах — это высший класс, намек на ее итальянские корни. Теперь она судорожно пыталась понять, не следовало ли ей воспользоваться какой-нибудь крем-краской. Минерва решит, что она превратилась в старую пердунью. Она и чувствовала себя старой пердуньей в этих простых черных джинсах и мотоциклетных ботинках. Но, втиснув свое новое «я» в старый потертый бархат и кожу, она выглядела бы как инфантильная дура.

— Ты выглядишь как успешная, независимая тридцатиоднолетняя женщина, — сказала Мона своему отражению. — Ты знаешь, кто ты есть на самом деле.

Она поправила пряжку на ремне и без особой нужды подкрасила губы темной помадой. Глубоко вдохнув, она подхватила чемодан и рывком открыла дверь.

Минерва прибыла, когда Мона на минутку уединилась в туалете. Сердце Моны замерло, а потом резко, как «харлей», набрало обороты. Она подумала было ретироваться в сортир, но Минерва ее уже засекла, и Моне не оставалось ничего другого, кроме как помахать рукой и застенчиво улыбнуться.

Минерва рванула навстречу и заграбастала Мону в объятия. Светлые дреды исчезли, были сбриты почти под корень, а татуировки, напротив, размножились и колонизировали плечи и шею Минервы. Вокруг глаз появились тонкие морщинки, а в нижней губе — кольцо пирсинга, но пряный запах ее кожи и язвительный изгиб широкого рта остались такими же, какими их помнила Мона.

— Ах ты, грязная сучка! — воскликнула Минерва, сжав лицо Моны в мозолистых ладонях. — Выглядишь вполне съедобно. — Она намотала на палец седой локон подруги. —

Мне нравится этот стиль а-ля Эльза Ланчестер[1]. Так ты похожа на реальную писательницу.

Мона отстранилась на шаг и рассмеялась:

— Хочешь сказать — я постарела?

Минерва снова притянула ее к себе:

— Я пытаюсь сказать, что соскучилась, глупая ты щелка!

У Моны запершило в горле, и она обняла Минерву.

— Я тоже соскучилась по тебе, — призналась она.

Они не разжимали объятия и на целую минуту с удовольствием погрузились в поток беззвучных воспоминаний. Потом, почувствовав некоторую слабость, Мона позволила Минерве довести себя до столика и заказать двойной эспрессо. Пока они нагоняли упущенное в дружеской болтовне, обмениваясь историями о Даниэле, о последнем романе Минервы с некой муженодобной пассией, закончившемся ее отбытием в сопровождении полиции, Мона начала сознавать, что ей предстоит кое-что услышать. Что-то важное и настолько деликатное, что Минерва не могла решить, следует ли ей открывать рот на эту тему. Несмотря на десять лет разлуки, Мона прекрасно понимала свою подругу и была уверена в том, что в их разговоре произойдет неожиданный поворот. Она сделала маленький глоток двойного эспрессо, кофеин заиграл в ее жилах.

— Знаешь, — наконец сказала Минерва, — это не мое дело, но я тут недавно видела нечто реально странное, и я подумала, может, ты захочешь узнать об этом.

— Да? И что же это? — спросила Мона, глядя через край крохотной кофейной чашечки.

— Ну... — Минерва принялась сооружать из салфетки непонятное оригами. — Помнишь, я тебе рассказывала о нашей новой баристке? Так вот, она живет в доме на Девятой, там, где ты раньше жила. Вообще-то она живет в квартире прямо под той, где ты жила... с Викториной.

Кофе забулькал в желудке Моны и растревожил завтрак авиалиний. От одного только упоминания имени Викторины у нее возникло ощущение, будто она проглотила целый пузырек ролейдса[2].

---

[1] *Ланчестер Эльза* (1902—1986) — актриса, исполнительница роли жены монстра в фильме «Невеста Франкенштейна» 1937 г.

[2] *Ролейдс* — средство от изжоги.

— Так вот,— продолжила Минерва, она явно испытывала дискомфорт, но уже не могла остановиться,— зависала я как-то у Ноктурны, трахалась над новой песней, и тут отключили электричество. В доме напротив свет горел, так что мы решили, что вылетели пробки или что-нибудь в этом роде. У Ноктурны на этаже никого не было, и мы поднялись наверх. Выше этажом в одной квартире свет был, в другой — нет. Я не успела понять, что к чему, а Ноктурна уже колотила в дверь твоей бывшей квартиры.

Минерва допила кофе, просто чтобы чем-то себя занять.

— Все эти старые плакаты, «Сиу» и «Сестры милосердия», все эти дикие рисунки так там на двери и висели. Мы слышали музыку, стало быть, электричество в квартире было. Кто-то должен был быть там, но им потребовалось бог знает сколько времени, чтобы подойти к двери.

Минерва снова выдержала паузу, а у Моны в желудке начала раскручиваться тонкая спираль тошноты. Она не хотела это слушать, но в то же время ей это было необходимо.

— Это была Викторина. Она была вся потная и явно дергалась. Знаешь, она совсем не изменилась. Так же подводит глаза, а-ля Клеопатра, мажет губы черной помадой, начесывает свои нагуталиненные патлы в воронье гнездо, но она выглядит... Я не знаю. Грязной. Будто никогда не смывает этот свой макияж, а только подновляет. А квартира, то есть то, что я смогла рассмотреть,— это музей, храм Дивы Демоны.

Мона отвела взгляд.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Головная боль начала сдавливать ей виски.— Что я могу поделать, если какая-то отверженная психопатка захотела устроить в своей спальне музей моего прошлого на манер придорожного музея Элвиса. Та часть меня умерла и давно похоронена. Почему меня должно волновать, во что Викторина превратила свою жизнь?

— Не в этом дело,— терпеливо ответила Минерва.

— А в чем тогда? — Мона начала жалеть, что приехала.

— Когда Викторина открыла дверь, она...— Минерва закусила губу.— Она была не одна.

— Великолепно, мелкая пиявка нашла новую хозяйку.

— Нет,— сказала Минерва.— Там была ты.

Мона нахмурилась:

— Что?

— Ну, не ты теперешняя. — Взгляд Минервы затуманился воспоминаниями. — Там была Дива Демона.

Тошнота разбухла, как тело бодибилдера, Мона стиснула зубы, чтобы ее не вырвало. Сумасшествие какое-то. Даже при мысли о том, что кто-то ее имитирует, имитирует ту, кем она когда-то была, у Моны возникло чувство, что над ней надругались, словно кто-то раскопал могилу любимого ребенка.

— Ты хочешь сказать, что эта свихнувшаяся сучка убедила кого-то играть для нее роль Дивы Демоны, чтобы она могла воображать, будто я ее не бросала?

— Может быть, хотя это был никакой не долбаный маскарад. Мы знаем друг друга со школы, и я тебе точно говорю — та цыпочка даже пахла, как ты. Ну или так, как ты пахла раньше. Если бы я не знала наверняка...

Тошнота, мучающая Мону, начала трансформироваться в спеленатую в кислотный кокон злость.

— Верю, — сказала она. — Правда верю.

Мона замолчала и прикусила губу. Она вспомнила, как впервые увидела Викторину. Тогда та была еще просто Вики. Серая мышка с фотоаппаратом пришла на шоу, и казалось, ей потребовалось все ее мужество, чтобы перешагнуть через порог клуба. Она была как чистая грифельная доска, как пустой сосуд в ожидании, когда его наполнят чем-то конкретным. Вики повстречала Диву Демону и решила, что нашла это. Поначалу Моне это даже льстило. Викторина была так внимательна по отношению к тому, что любит или терпеть не может Мона, так старательно изменяла себя, чтобы соответствовать идеалу госпожи.

Мона тряхнула головой:

— До встречи со мной она не знала, кто она. — Мону захлестывали волны тошноты и злости. — Она так старалась исполнить все мои тогдашние обманчивые желания, что постепенно превратилась в идеальную рабыню, которая мечтает только о том, чтобы сделать свою госпожу счастливой. Она готовила, убиралась в квартире, давала мучить себя, насколько мне позволяло воображение. Она была славной маленькой домохозяйкой вампира, а я была королевой ее мира. Словно я никогда не была другой.

Минерва сочувственно кивнула:

— Господи, можешь не рассказывать. Она была как твоя собственная версия монстра Франкенштейна. Ты сотворила ее из ничего, взяла простую белокурую цыпочку из пригорода и превратила в чертову готическую фанатку. А когда тебе наскучило играть в эту игру, для нее было уже слишком поздно, потому что в этой игре была вся ее жизнь. Она словно истратила всю свою энергию, пытаясь угодить тебе во всем, и для кого-то другого у нее уже ничего не осталось.

Мона опустила голову на руки, чувство вины и злость боролись в ее душе.

— Я не виновата, — сказала она и возненавидела свой слабый голос.

— Брось, конечно не виновата.

Минерва передвинулась вместе со стулом вокруг стола и положила руку на плечо подруги.

— Послушай, я совсем не хотела расстраивать тебя со всей этой ерундой. Просто я подумала, может быть, ты захочешь узнать о том, что кто-то здесь имитирует тебя, вот и все. Эй, посмотри на это с другой стороны. Может, тебе подать на нее в суд за нарушение авторских прав?

Мона уткнулась в плечо подруги и улыбнулась:

— Да уж, или вбить осиновый кол в сердце! — Мона выпрямилась и нервно расчесала пальцами седые кудри. — Боже, я-то думала, что покончила с Дивой Демоной, а эта свихнувшаяся сука взяла и раскопала ее. Теперь мое умершее прошлое разгуливает на воле, и у меня такое чувство, что я должна пустить ей пулю в лоб или что-нибудь в этом роде.

— Не заморачивайся, чувиха. Мне жаль, что я завела этот разговор. — Минерва по-бойскаутски приложила руку к сердцу. — Клянусь, это больше не повторится.

Она наклонилась и сжала бедро Моны.

— Ну что, сладкая? — Минерва комично изогнула брови, изображая конферансье. — Ты не против заглянуть ко мне и повалять дурака?

Мона засмеялась:

— Я уж думала — ты никогда не предложишь!

В тот вечер у Минервы была сессия, и Мона оказалась предоставлена сама себе. Ей хотелось двигаться, гулять по

улицам, поглощать эссенцию города, ее давно потерянного возлюбленного. Какая-то изначальная гравитация завела ее на старые, протоптанные тропы. Она очутилась на авеню впустую растраченной юности, и у нее появилось странное чувство оторванности от реальности. Казалось, все вокруг изменилось в той же степени, что и сама Мона. Так много старых баров и клубов, взрастивших Диву Демону, исчезло, покрылось ржавыми металлическими ставнями, или мистическим образом на их месте возникли модные кафе, забитые безупречными адептами контркультуры. Улицы казались не настоящими, как декорации низкобюджетного фильма о жизни города.

Она стояла на углу Первой улицы и Девятой авеню, и теплые волны болезненной ностальгии омывали ее со всех сторон. Вон палатка с корейскими фруктами, где она всегда покупала апельсины, печенье и холодные белые розы. А вон газетный киоск, где пожилой продавец-индус хмурился, оценивая ее выбор — фетишистски ориентированную периодику.

Внезапно ее атаковали призраки, пульсирующие воспоминания обо всех этих бесконечных, искрящихся пьянящим светом ночах. Мона вспомнила, как она, самонадеянная и страстная, шла на высоких каблуках по этим улицам, метила, как хищник, свою территорию, бессмертная в тот момент, как может чувствовать себя бессмертной только глупая юность. Она вспоминала, как отдавалась самым экстремальным фантазиям с твердой убежденностью в том, что завтра не наступит никогда.

Мона сделала глубокий вдох. Густой запах соленого теста и томатов выплыл из душной пиццерии на углу и смешался с темными тучами ароматов пачули и жасмина вокруг автомата по продаже эфирных масел и сладковатыми токсичными выхлопами проезжающих мимо автобусов. Так много воспоминаний.

Мона встряхнулась. Было так легко отдаться прошлому, погрузиться в старые добрые времена. Легко забыть о том, что этот образ жизни едва не уничтожил ее, едва не заключил в объятия, из которых не вырваться. Имидж воинственной Богини Вампиров, повелительницы мужских страхов и желаний, Королевы Боли, этот экзотичный персонаж, над созданием которого она так упорно трудилась, превратился в тем-

ницу, маска сплавилась с душой, из темницы этой было не вырваться. С Викториной Мона оставалась на сцене двадцать четыре часа семь дней в неделю. Она всегда была в образе и в конце концов стала забывать, кем она является в реальности. Викторина никогда не приняла бы ее тягу к простоте и человечности. Все должно было быть как на этих ее чертовых фотографиях. Роскошные и странные фото, фиксация застывшего времени, невосприимчивые к энтропии и бессмысленности повседневной жизни изображения.

Это Мона сотворила Диву Демону, но именно Викторина не давала ей умереть.

Мона прикусила щеку. Не важно, как Викторина решила поступить с остатками прошлого, Мона сбежала несколько лет назад. Та сумасшедшая жизнь навсегда осталась позади, а она повзрослела и превратилась в сильную, бескомпромиссную женщину. Она — автор любовных романов, которая кропит ночные кошмары и экстаз прошлого в мульчу, чтобы создать плодородную почву для крепких сюжетов. Она знает, кто она.

Мона забылась и пропустила три зеленых сигнала светофора. Ей стало смешно — она была всего в одном квартале от своей квартиры. Мона перебежала через улицу, полная решимости не оглядываясь миновать этот усыпанный ловушками воспоминаний участок города. Еще два дома, всего один дом. У нее перехватило дыхание, и она обругала себя суеверной девчонкой. Мона шла мимо витой железной ограды, окружающий жалкие мятые мусорные баки, и считала шаги. Она миновала бетонные ступеньки, уходящие в цокольный этаж дома, вдохнула выплывающий из прачечной горячий запах кондиционера для белья. А дальше — побитая металлическая дверь с так и не привинченным номером «3», догадаться о котором можно было по отверстиям от винтов и по предпоследнему, более светлому слою краски. Сквозь исцарапанное армированное стекло можно было разглядеть ряды почтовых ящиков. На ее ящике, как часть какой-то невразумительной шутки, рукой Викторины выведено слово «ящик». Мона отступила от двери, груз эмоций заставил ее прислониться к чьей-то машине. Взгляд ее полз вверх по кирпичной коже дома к окну, в забытый мир, в то место, где она жила тысячу жизней назад. Шторы из черных

кружев и бархата запылились и поблекли. Мона не знала, что она ожидает увидеть — может быть, саму себя, молодую, глядящую на нее сверху вниз. Но она ничего не увидела, только неподвижную изнанку старых, шитых вручную штор, которые казались такими восхитительно мрачными, когда Викторина сметывала их из лысеющего бархата и дырявых капне, по дешевке купленных в секонд-хэнде Диззи Дота.

Мона отошла от машины и провела ладонью по глазам. Когда она снова взглянула на дом, тощая девчонка-азиатка на роликах открывала дверь ключом с целой связкой игрушек и брелоков. Девчонка обернулась через плечо, ее намазанные блеском губы изогнулись в сардонической усмешке.

— Ну, заходите или как? — спросила она.

Мона хотела ответить «нет», но вместо этого придержала ладонью дверь. Шершавый прохладный металл был весь в глубоких царапинах, каракули с именами жильцов почти совсем стерлись. Девчонка, не сказав больше ни слова, укатила по коридору. Мона нервно сглотнула и шагнула через порог.

1/21/91

Моя возлюбленная потаскушка!

Один год мы прожили вместе. Год назад я впервые сжала в руке нежный стебель твоего беззащитного горла, впервые почувствовала пляску крови под твоей белой кожей. Ты все так же дорога мне, как в ту первую ночь кровавых поцелуев. Я всегда буду любить тебя, моя совершенная рабыня, темный спутник моей души.

Твоя госпожа в Непреходящем Мраке,
Дива Демона

Викторина чувствовала на губах привкус слез и гвоздики. Она в третий раз перечитывала это письмо и без конца облизывалась, а потом положила его обратно на изорванную простыню. Потянулась к старенькому магнитофону на прикроватном столике, вытащила из деки кассету «Кью» и бросила ее в кучу хлама на полу. Из аккуратно разложенных на кровати предметов она выбрала черную с серебром кассету и вставила ее в магнитофон. Это была заигранная копия единственной записи Дивы Демоны. Название было выведено рукой ее госпожи: «Порка теней».

Музыка, подобно фимиаму, окутала обнаженное тело и заполнила благоухающий полумрак комнаты. Великолепный гипнотический ритм порождал под закрытыми веками Виктории образы Дивы Демоны. Когда голос госпожи выплыл из динамиков, ее кожа покрылась мурашками. Каждое посещение дарило все более острые ощущения и длилось дольше предыдущего. Виктория была уверена — в этот раз Дива Демона придет, чтобы остаться.

Сначала она почувствовала ее запах. Экзотичный аромат «Дыхания ночи» смешался с чуть острым запахом пота разгоряченного тела и сокровенным мускусным запахом густых волос в промежности. Она боялась раньше времени открыть глаза и все испортить. Каждый тоненький волосок, каждый миллиметр ее кожи был невыносимо чувствителен. Она ощутила жар тела госпожи за секунду до того, как почувствовала прикосновение.

У Виктории перехватило дыхание, сокровенные мышцы внутри нее напряглись, и она распахнула глаза.

Над ней стояла Дива Демона — глаза сверкают, голодный рот с черными губами насмешливо скривился. На ней были рваные черные кружева, корсет из толстой кожи, кожаные перчатки и высокие, доходящие до белых бедер сапоги со шнуровкой. Очертания Дивы Демоны казались довольно резкими, но лицо было словно снято через софт-объектив, и эффект этот распространялся на атмосферу вокруг нее.

— Моя самая совершенная рабыня. — Голос госпожи звучал немного неразборчиво, как скопированная множество раз запись.

Сердце Виктории растаяло.

Она соскользнула с кровати на пол и прижалась губами к мягкой коже сапог госпожи. Она буквально впитывала насыщенный, но малоприятный вкус сапожного крема.

— Моя жизнь принадлежит тебе, моя повелительница, — прошептала она. — Все только для тебя.

Пальцы с черными ногтями ухватили липкие спутанные волосы, потянули вверх, поставили ее на цыпочки и дернули назад, обнажив шрамы на шее. Кожа на голове горела от боли, а рубцы под подбородком заныли в предвкушении, — так намеченная на материи строчка не может дождаться момента, когда в нее вонзится игла. Виктория хотела от-

крыть глаза, хотела насладиться в полной мере оживши образом госпожи, но ее парализовало отчаянное желание. Это не имело никакого значения. Каждая черта надменного лица Дивы Демоны, каждый изгиб ее беспощадного тела был выжжен раскаленным железом в ее памяти. За секунду до ласкающего прикосновения холодной кожи, за мгновение до сладостной боли от смертоносного поцелуя она увидела, как сочные черные губы обнажают сияющие скальпели клыков...

И вдруг, как стилет в самое сердце ее фантазий, — резкий вопль дверного замка.

Изо всех сил стараясь держать себя под контролем, новая Мона бесцельно сжимала и разжимала кулаки. Она стояла перед дверью в свою старую квартиру, в прошлое, в мавзолей Дивы Демоны. Какого черта она вообще здесь делает? У нее не было никакого желания повидать Викторину или встретиться с ее новоиспеченной Дивой Демоной. Тысячу раз она повторяла себе, что надо убираться отсюда, что не стоит будить сдохшую собаку, и все же она была здесь. Пот холодной пленкой обленил ее тело. Сердце накручивало сумасшедшие пируэты в грудной клетке. Ей приспичило помочиться. Она слышала собственный приглушенный голос, голос пел. Она снова нажала на звонок и одновременно постучала кулаком по крашеной поверхности металлической двери.

Дверь приоткрылась, и в узком черном проеме показалось худое белое лицо Викторины, первые секунды оно выражало недоверие, потом растерянность и шок.

Последние десять лет жестоко обошлись с бывшей рабыней. Ее волосы и макияж были такими же, как прежде, но лицо под слоем косметики состарилось и стало болезненно худым. Тело под обветшавшим черным кимоно скорее можно было назвать скелетом, серая, нездоровая кожа обтягивала острые кости. Она даже пахла неправильно. Под толстой маской парфюма притаилась тонкая резкая вонь нарушенного метаболизма и безумия. Ее шея была испачкана в крови.

— Викторина, — с трудом выдавила из себя Мона, — нам надо поговорить.

И тут из-за острого как нож плечика Викторины послышался ее собственный голос. Молодой, надменный и реальный, как сама жизнь.

— Кто посмел испортить нам удовольствие от самого волнующего свидания?

Мона не могла позволить тошноте взять верх. Злость была ее единственной движущей силой, когда она распахнула залапанную дверь.

Квартира совсем не изменилась, это был тщательно оформленный мавзолей, именно такой она ее и помнила.

И в центре неприбранной комнаты, уперев кожаные кулаки в бедра, сверкая черными глазами, стояла Дива Демона.

Воздушное пространство между ними, казалось, загустело до состояния омерзительной студенистой массы, видимость исказилась, проекция перекосилась чудовищно и абсурдно. С противоположного конца жуткого тоннеля Мону испепеляли ее собственные, подведенные черной тушью глаза. Жадные лапы зверя проникли в ее внутренности, сжали кишки и потянули наружу. Она рухнула на колени в кучу грязных черных кружев.

Вонь от потного, немытого тела была единственной нормальной субстанцией в этом новом, обезумевшем мире. Беспомощный разум Моны, как в спасательный жилет, вцепился в эту простую, не замутненную безумием правду. Кончики ее пальцев начали лопаться и кровоточить, спонтанно возникшие стигмы расцвели, как алые орхидеи, капли крови скользили по фантастически уплотнившемуся воздуху в огромный, широко разинутый рот (ее рот), мелькнул розовый язык, в черном оскале обнажились острые клыки. Там, у нее во рту, была кровь, точь-в-точь как когда-то, сладкая и тошнотворная, реальная, как воспоминания. Она совсем обессилела, каждый удар сердца был равен подъему громадной тяжести. Дива Демона нависала над ней, ее контуры вдруг приобрели невероятную четкость, она стала похожа на ожившую фотографию, наложенную на голубой экран реального мира.

Кровоточащие руки Моны, казалось, были в тысяче миль от нее, холодные, как поверхность Луны. Ее плоть стала иллюзорной и постепенно испарялась, подобно некой абстракт-

ной газообразной субстанции. Ею овладела апатия, но в самой сердцевине ее существа раскаленная до бела ярость медленно, пласт за пластом прожигала наркотическую летаргию. Это существо, расхаживающее в сброшенной ею коже, — не она. Это нечто — всего лишь порождение больного воображения Викторины, обряженное в лохмотья умершей любви. Мона была настоящей, из плоти и крови, и она была в бешенстве.

Усилием воли она заставила двигаться онемевшие губы.

— Нет! — Гнев горячей волной прокатился по всему телу. — Ты это не получишь. Я владею тем, кто я есть.

Мона сжала холодные пальцы в кулак и снизу вверх ударила видение в чахлую грудь. Тонкая кожа затрещала, как сгнивший шелк, тупая боль сжала в тиски сопротивляющееся сердце Моны, но она не отдернула руку. Под кожей этого тощего призрака-двойника укрывались не теплые живые органы, а странная по текстуре материя, которая начала распадаться под пальцами Моны. За ударом последовал дикий, пронзительный вой, он прошел вверх по всем октавам, пока не потерял всякое сходство с голосом Моны, а когда она высвободила руку, в кулаке у нее остались скомканные письма.

Призрак зажал зияющую дыру в груди, сквозь его пальцы посыпались засохшие лепестки роз. Черты лица имитирующего Мону существа начали размываться, темные глаза растопились в две симметричные дыры, а накрашенный помадой рот превратился в лишенную губ пасть рептилии.

Мона схватила с журнального столика канделябр из кованого чугуна (она помнила, как покупала его в подарок на девятнадцатилетие Викторины) и ткнула все пять горящих свечей в теряющее очертания лицо монстра.

Казалось, два голоса слились в одном диком вопле, и пока один стихал, второй набрал такую силу, что Мона испугалась, что у нее не выдержат барабанные перепонки. Она зажмурила глаза, вертиго[1] заполнил каверну ее черепа и устремился в желудок. У Моны начался приступ удушья, она

[1] *Вертиго* (от *лат.* vertigo — «головокружение») — иллюзия движения собственного тела в пространстве или окружающих предметов относительно своего тела.

задыхалась от зловонной гари. Когда у нее хватило сил на то, чтобы открыть глаза, она увидела окутанные черным дымом тусклые оранжевые языки пламени. Горела старая просевшая кровать, аккуратно разложенные пачки писем поглощал жадный огонь, а Викторина визжала и колотила по нему голыми руками. Ее сальные волосы вспыхнули, как костер на Масленицу. Викторина совсем обезумела и начала кружиться, будто пылающий ангел. В этот момент Мона вспомнила, как это — любить ее.

Теперь уже кричала Мона, она вскочила на ноги и сорвала с окна бархатные шторы. Она поймала ангела, набросив на Викторину тяжелую ткань, и повалила ее на пол.

Огонь начал медленно заползать на стены, он лизал фотографии, они пришлись ему по вкусу, он постепенно пожирал разбросанные по комнате останки Дивы Демоны.

Викторина яростно отбивалась, Мона пыталась выволочь ее в коридор, а в это время внутренний голос нашептывал ей: «Оставь ее. Дай ей умереть, если она так хочет. Дай ей умереть, и Дива Демона умрет вместе с ней».

Это было очень похоже на дурные фильмы категории Б.: монстр и его безумный создатель гибнут в горящих руинах лаборатории, а на фоне этих драматических кадров неторопливо плывут титры. Но Мона понимала, что финал не может быть таким простым. Дива Демона была ее частью и всегда будет. Пэчворк-версия Викторины исчезла, ее одержимость выжгли, как гной из воспаленной раны, а рану выскоблили и промыли. Позволить ей умереть сейчас было бы так же эгоистично и бессмысленно, как начинать отстреливать экс-любовников только для того, чтобы не чувствовать дискомфорт, встречаясь с ними на вечеринках у общих знакомых. От горячего воздуха и напряжения у Моны болело горло, она наполовину несла, наполовину волокла ту, что когда-то любила, из прошлого в неопределенное будущее.

Когда она, спотыкаясь, вышла из дому, на улице уже стояли пожарные машины. Кто-то из спасателей принял у Моны ее брыкающуюся ношу. Несмотря на то что Викторина все еще была закутана в шторы, Мона видела то тут, то там ее блестящую и красную, как у лобстера, кожу, где-то кожа лопнула, но не кровоточила, где-то — обуглилась. Мо-

на присела на край тротуара. Голова ее гудела, в висках стучали молотки, в горле першило. Она надеялась, что поступила правильно.

— Еще один раз, Мона, — предложил низкий голос продюсера в наушниках.

Мона чуть повернулась и увидела Минерву, показывающую ей из-за стойки большой палец. Потом музыка заполнила ее голову, она напряглась, ожидая аккорд для вступления.

Новый вариант ее старой песни звучал чуть медленнее и более напористо. Ноктурна и новая гитаристка привнесли в знакомую мелодию свою энергию и подарили ей новое звучание.

Мона сделала глубокий вдох и мягко вступила поверх драйва бас-гитары. Сердце часто стучало в ее груди. Мона легко вплетала нити своего голоса в материю мелодии и понимала, что теперь манипулирует им гораздо виртуознее, чем раньше.

— «Помнишь, как это было, — пела она. — Когда ты и я были одно целое. Вернись и обними меня, моя давно потерянная сестра, возвращайся в разрушенный дом».

И где-то в промежутке между памятью и слетающей с ее губ песней старые слова насыщались такой глубокой печалью, что простые лирические строчки трансформировались в признание в любви к оставленной в прошлом эпохе. Это было как искупление. Она закончила петь, и слезы стояли у нее в глазах.

Минерва ворвалась в кабину и смачно поцеловала Мону в лоб. Потом оттянула один наушник от головы подруги.

— Ты меня возбудила, мать твою! — воскликнула она и припечатала наушник обратно.

— Эй, осторожнее! — Мона сняла наушники и улыбнулась.

— Да ладно. — Минерва сжала холодную руку подруги. — Разве ты не хочешь послушать, какая ты потрясающая?

Мона сидела на складном стуле за сверкающим, как в научно-фантастическом фильме, микшерским пультом и слушала себя. Для нее собственный голос звучал почти как чужой, как некая живая субстанция. В тексте появились жесткость, и первородная нежность, которой она раньше не замечала.

— Этот голос полон жизни, — сказал продюсер и отбросил со лба сухие, ломкие волосы. — Старый вариант слишком уж целомудренный. Меня не трогает всякое бесплотное дерьмо. Хочешь послушать что-то эфемерное — ступай в чертову церковь! Но в этой новой версии есть мясо, есть правда. Мне нравится.

Минерва наклонилась и передала Моне две кассеты. Одна была абсолютно новой, без этикетки, а вторая, серебристо-черная, — с этикеткой и надписью, сделанной рукой Моны.

— Зачем выбирать, если можно иметь и то и другое, — сказала она.

Мона повертела в руках старую запись, пробежала пальцами по серебряным розочкам, которые нарисовала годы назад.

— Где, черт возьми, ты это откопала? — спросила она.

Минерва улыбнулась:

— Дорогая, нельзя откопать то, что не закапывали.

Мона убрала кассеты в карман. Она задумалась о своем прошлом, о письмах и об утерянной любви, об образах, которые они оставили за спиной и которые навсегда выжжены на теле истории.

— Я это запомню, — сказала она.

ГЭЛА БЛАУ

Могильные воры

Гэла Блау родилась в Берлине в 1975 году. Она всю жизнь прожила в Германии, хотя мать у нее англичанка и Блау при всякой возможности гостит в Соединенном Королевстве. Сейчас она ювелир-дизайнер на вольных хлебах и около трех лет серьезно занимается сочинительством. «Могильные воры» — ее первая публикация.

«На эту мысль меня навели несколько удачных совпадений,— объясняет автор.— Я искала в словаре слово „миграция", потому что собиралась так назвать рассказ. И тут мне попалась на глаза статья „Могильные воры". Ничего общего с вампирами, хотя звучит так, словно о них! Но выражение подошло к основной линии задуманного сюжета.

Кроме того, в прошлом году я вырезала из „Гардиан" статью о неудачной операции, произведенной хирургом без лицензии над восьмидесятилетним приверженцем апотемофилии — сексуального извращения, состоящего в добровольном удалении собственных членов для получения сексуального удовлетворения. Я оставила в рассказе продажного хирурга, но извращение заменила на акротомфилию — склонность к сексу с людьми, у которых ампутированы конечности.

Веселенькие темы, верно?»

Когда машину занесло, Сара Раннинг как раз пыталась поймать по радио какие-нибудь новости о своем преступлении. Она провела за рулем уже не один час, рискнув проехать по М6 от самого Престона. Ей повстречалось немало машин полиции, но каждый раз удавалось смешаться с густым потоком машин. Кроме того, вряд ли Мансер догадался, что она могла угнать машину у бывшего мужа. Майкл находился в деловой командировке в Стокгольме, так что о краже он узнает не раньше следующей недели.

Но Мансер не дурак. Надолго его со следа не собьешь. На дороге становилось все меньше машин, над шоссе спу-

скалась ночь, и Саре делалось все страшнее. Наверняка о ее исчезновении уже донесли и она теперь в розыске. Она чуть не врезалась в разделительный барьер, когда от поворота на Волсолл по М4 к ней сзади пристроился полицейский «рейнджровер».

В отчаянной надежде спрятаться она свернула по указателю на А14. Может, она сумеет сегодня проехать сто тридцать миль до Феликстоу и продать там машину, купить билет на паром, скрыться с дочерью на континенте. За один день они добрались бы до Дрездена, где жила ее бабушка. Старый город признает своих и позволит им затеряться среди горожан.

— Лаура, тебе там сзади удобно?

В зеркальце заднего вида дочь вполне можно было принять за куклу. Лицо заледенело: темные очки, по которым пробегают световые блики от фар, единственные живые островки на нем. Сара заглушила в себе раздражение. Понимает ли девочка, от чего ее спасли? Сара попробовала вспомнить, как представлялось ей всё в том же возрасте, потом рассудила, что ее отношения с матерью были куда проще.

Все хорошо, Лаура. Честное слово, в этой семье больше не будет неприятностей.

И тут же впереди мелькнули красно-синие огни трех полицейских машин, стоявших поперек дороги. Она свернула налево, на такую же трассу класса А, только ведущую к Лейчестеру. Должно быть, там авария: ведь не стали бы ради нее перекрывать дорогу? Трасса засасывала ее все глубже в темноту живых изгородей и втиснувшихся между ними маслянистых полосок полей. Она, включив дальний свет, видела только дорогу до ближайшего поворота да привлеченных светом мошек. Но о чувстве одиночества не было и речи. Уголком глаза она следила, как размазанное скоростью пятно скользит наравне с машиной, убегающей от полицейского кордона. Временами она бросала взгляды направо, силясь разглядеть таинственного спутника в густых придорожных зарослях.

— Лаура, ты видишь? — спросила она. — Что это там?

Это могло быть игрой света, блестящей полосой, отражавшей корпус машины. Или, может, это полиция. Стрелка спидометра подползла к восьмидесяти. Если их догоняет полиция, машину скоро придется где-нибудь бросить.

— Посматривай насчет придорожных гостиниц, ладно?

Она глянула в зеркальце: Лаура припала к оконному стеклу, от ее распластанных пальцев звездой расходилось запотевшее пятно. Она очень внимательно всматривалась в то пятнышко на краю зрения.

Сара пощелкала кнопками приемника. От шума помех стало больно ушам. Она пошарила на приборной доске незнакомой машины в поисках регулятора звука, и в тот же миг что-то темное возникло в конусе света от фар. Когда Сара подняла взгляд, машина сходила с дороги, нацелившись прямо в дерево. Вывернув баранку, она только заставила машину шарахнуться в другую сторону. Они удержались на дороге, но едва-едва, колеса со стороны пассажирского кресла оторвались от асфальта...

Но я же удержалась на дороге, разве нет?

В зеркальце мелькнуло застывшее лицо Лауры. Девочку бросало от борта к борту, и Саре оставалось только надеяться, что слышимый ею звук появился не оттого, что дочь бьется головой в стекло.

Я думала, это просто большое черное дерево, оно и было похоже на дерево, только, только, только...

Больше она ничего не видела. Машина перевернулась, и все расплылось слепящим круглым пятном, а в центре этого пятна виднелись затуманенные добрые глаза на женском лице.

...только, только, только разве у деревьев бывают лица?

Она ощущала холод и тьму. Через поля доносился шум машин с шоссе. Лицо у нее было липким, и она поначалу решила, что это кровь, но потом почувствовала запах лимонного дерева и поняла, что на нее каплет сок. В сорока метрах позади поблескивала от росы дорога. Сара попыталась шевельнуться и потеряла сознание.

Пальцы шарили по лицу. Она хотела оттолкнуть их, но пальцев было много, много рук. Она испугалась, что они вырвут ей глаза, и открыла рот, чтобы закричать, и тогда-то ей глубоко в глотку запихнули крысу.

Сара очнулась от кошмара, оправила джемперок на дочери, которую выбросило на соседнее кресло и прижало к ма-

тери. Во рту стоял вкус крови. Тяжесть девочки, ее закоченевшее тело напугали Сару. Она попыталась отодвинуться, и от боли серая пелена затянула зрение. Она скрипнула зубами, понимая, что обморок означал бы смерть, и принялась отстегивать ремень безопасности, спасший ей жизнь. Высвободившись, она сдвинулась левее, и дочь заняла освободившееся место. Сара снова могла дышать. Она пыталась сообразить, в каком положении оказалась машина, и дотянуться до руки Лауры, когда послышались шаги.

Увидев склонившегося над ней Мансера, как будто заполнившего все окно широким зубастым оскалом, она пожалела, что не сдалась полиции. Но тут же она разобрала, что это вовсе не Мансер. Непонятно было, как она могла так ошибиться. Мансер был темноволосый, коренастый, с лицом как изжеванная табачная жвачка. Это лицо было гладким, словно из мыльного камня, а по бокам свисали длинные рыжие пряди: женское лицо.

Другие лица неясно мелькнули перед глазами. Все они казались очень подвижными.

— «Скорая помощь»? — выговорила она, запинаясь.

Но ей не ответили.

Они извлекли Лауру через окно под какофонию свиста и веселых криков. Их там, верно, целая сотня. Так или иначе, они спасены. Сара готова была рискнуть на встречу с полицией. Все лучше, чем возвращаться домой.

Лица удалялись. Теперь только ночь пялилась на нее сквозь все отверстия машины. Холодная, одинокая, мучительная ночь. Ее лицо в зеркале заднего вида — сплошная улыбка.

Он закрыл и запер дверь. Прислушался, припав ухом к косяку. Еще дышит. Спустившись вниз, он почитал газету, выбрал несколько лошадок из списка вечерних бегов. Позвонил букмекеру и поставил тысячу фунтов. В нижней ванной постоял под обжигающим душем, потом резко сменил его на ледяной, совсем как Джеймс Бонд. Часики «Ролекс», рубашка от «Тернбулл и Асер», Армани. Он сделал еще четыре звонка: своему шоферу Джезу Кнолдену, чтобы подал «ягуар» через двадцать минут; жене Памеле — сказать, что уезжает на уик-энд; любовнице Джейд — пригласить на свидание в Лон-

доне. И еще своему человеку в полиции, Чандосу, — спросить, не нашли ли еще эту сучку Сару Раннинг.

Когда рассвет залил полосу горизонта молочной струйкой, Сара выволокла себя из машины. Всю ночь сознание то возвращалось, то уплывало от нее, но ледяная морось, посыпавшаяся с неба в последние полчаса, пришпорила ее и заставила искать спасения. Она села в нескольких шагах от машины, стараясь не делать резких движений, и попыталась оценить повреждения. Больше всего крови из глубокой раны на плече. Эту придется зашивать, а остальные просто царапины и ссадины. Голова гудела, над левой бровью коркой запеклась кровь, но кости, кажется, все целы.

Справившись с приступом тошноты, она попробовала встать. Глубоко вдохнув холодный утренний воздух, Сара огляделась вокруг. Самым подходящим выглядел фермерский дом в роще — на дороге в такую рань ждать некого. Сперва осторожно, потом все увереннее, она поташилась по вязкой пахоте к дому, не отводя взгляда от черных сводчатых окон, как нельзя больше походивших на ряд разинутых при виде восходящего солнца ртов.

Она познакомилась с Эндрю в 1985 году в Престонской библиотеке. Знакомство, можно сказать, началось с того, что их руки столкнулись, потянувшись к одной и той же книге. Через год они поженились, и тогда же Сара родила Лауру. У обоих была надежная, хоть и неприметная работа. Эндрю служил охранником, а она работала уборщицей в местной школе и прибиралась у нескольких соседей. Со временем они взяли закладную с правом выкупа на свой муниципальный дом и купили в рассрочку автомобиль, стиральную машину и телевизор.

Оба потеряли работу в одну и ту же неделю. Долгов у них было семнадцать тысяч фунтов. Когда юридический центр, на советы которого они полагались, закрылся из-за прекращения финансирования, Саре пришлось лечь в больницу, потому что она задыхалась от истерического смеха. Когда Эндрю вез ее из больницы домой, они впервые увидели Мансера.

Он вышел на проезжую часть на зеленый свет, остановился спиной к ним и не сдвинулся с места, когда сигнал

светофора сменился. Эндрю погудел, и тогда Мансер обернулся. На нем было новенькое кожаное полупальто в стиле «милитари», черные джинсы «Левис» и черная футболка в обтяжку. И волосы были черными, не считая широких мазков седины над висками. Темные очки словно срослись с его лицом. Он вынул из кармана гаечный ключ и принялся бить все стекла и мять все панели их машины. Все заняло не больше двадцати секунд.

— Позвольте задержать вас на секундочку, — попросил он, как ни в чем не бывало, склонившись к осколкам стекла в водительском окне.

Пораженный Эндрю не нашелся с ответом. Губы его были мокрыми, в волосах блестели кубики стекла. Сара, поскуливая, пыталась открыть свою дверцу, но помятую створку заклинило.

— В вашем теле, уважаемый, двести шесть костей, — продолжал Мансер. — Если мой клиент мистер Андерс не получит своих семнадцати штук с десятью процентами за день, а это, на мой взгляд, весьма щедрое предложение, к концу недели из каждой кости в вашем теле станет две. А я отымею ту визгливую сучку, что вы держите дома. Как там ее, Лаура? Хотите верьте, хотите проверьте.

Он ушел, гаечный ключ словно по волшебству скрылся у него в кармане, и он еще беззаботно помахал им на прощание.

Через неделю Эндрю сжег себя в запертом гараже. Когда подоспела пожарная команда, от него осталась черная туша, дергающаяся на заднем сиденье. Сжег себя. Сара не могла в это поверить. Она была уверена, что его убил Мансер. Как бы тяжело им ни приходилось, Эндрю был не из самоубийц. Лаура была для него всем, он не ушел бы из жизни, не обеспечив безопасного островка для дочери.

Что было дальше? Кошмар. Серия «безопасных домов», которые были какими угодно, только не безопасными. Они срывались до рассвета с ненадежных адресов в Брэдфорде, Кардифе, Бристоле, Уолсолле. Он был липуч, как пластырь. «Уматывайте», — говорили они ей, все эти добрые старички и старушки, вспомнившие солдатский жаргон какой-то давней войны. «Уматывайте». У Мансера повсюду были связи. Оказавшись в городишке, таком сонном, что он вряд ли

замечал ее приезд, она вдруг обнаруживала кого-нибудь, кто никак не вязался с этим местом, положительно не вписывался в пейзаж, но явно был вставлен в него, чтобы подстерегать ее. Неужели ее так легко было разгадать? Она мигрировала наугад; не было в ее передвижениях системы, которую можно было бы вычислить. И все же ни в одном из тех городишек ей не пришлось провести больше двух дней. Саре хотелось верить, что возвращение в Престон поможет. Прежде всего, она надеялась, что Мансер этого не ожидает; к тому же Майкл, ее бывший муж, мог бы чем-то помочь. Правда, когда Сара пришла к нему, он дал ей от ворот поворот.

— Ты еще мне должна полторы штуки! — рявкнул он. — Расплатись сначала, а потом приходи скулить под дверью.

Она попросила разрешения воспользоваться его уборной и прошла мимо множества фотографий Габриэллы, его новой фифочки. Заодно она стянула с крючка на стене запасной набор ключей от его «альфа-ромео».

На коварное поле ушло двадцать минут. Морозец местами покрыл его корочкой, а в других бороздах стояла размокшая слякоть. Сара то скользила, то прыгала, справлялась как могла. Она перелезла через символическую загородку, отделявшую заросший садик, который кто-то использовал вместо свалки. Дальше пришлось пробираться между скелетами диванов, разбитыми телевизорами, поломанными платяными шкафами и продранными, полусгнившими черными мешками для мусора.

Стало ясно, что в доме никто не живет.

Она все же потыкала в звонок измазанным в крови пальцем. Из дома никто не вышел. Она еще постучала костяшками пальцев, но без особой надежды. Взгляд уже скользил по окнам, высматривая лаз внутрь. Узкая тропинка в бурьяне провела ее за угол дома, в жалкий, запущенный огород. Помороженные цветы стали все одного цвета, а за лодыжки ее цепляли шипы и усики растений. Все окна в доме были выбиты,— похоже, кто-то бросал камнями. На двойной двери, ведущей, кажется, в погреб, желтой краской из распылителя было выведено слово «scheintod». Непонятно. Что за язык, немецкий? Она выбранила себя за то, что не учила

языка предков, хотя вряд ли это имело значение. Кто-то постарался оттереть надпись, состругать ее с дерева ножом, но краска впиталась намертво. Она попробовала дверь. Заперто.

В конце концов она отыскала вход сквозь окошко, через которое пришлось протискиваться. Когда она скувырнулась в мрачную кладовку, все синяки и ссадины на ее теле вопили в голос. Пыль здесь смешалась с едким пряным запахом; кувшины и горшки на полках были подписаны причудливым почерком: «тмин», «кориандр», «мелисса», «молотый чили». Пучки сушеных трав, под которыми она проходила, осыпали ее страшным, медлительным дождем. Банки с солеными таили свои бледные секреты за мутными, тусклыми стеклянными стенками.

Она шла по кладовой, вытянув перед собой руки, пока глаза не привыкли к сумраку. Дверь, открывавшаяся наружу, подалась с трудом. Ее удерживал труп собаки со сбритой наголо шерстью, окоченевший у порога. Сперва Сара решила, что труп покрыт насекомыми, но черные пятнышки не двигались. Это были проколы и порезы на коже. Несчастное животное истекло кровью. Сара отпрянула от падали и, спотыкаясь, зашагала по коридору. На пути ей попадались следы присутствия незаконных жильцов: пакеты фастфуда, окурки, жестянки из-под пива и имена, выведенные на потолке свечной копотью. Наверх, теряясь в темноте, уходила лестница. Под подошвами ее туфель хрустела и скрипела нападавшая со стен штукатурка.

— Хэлло? — неуверенно окликнула Сара.

Дом слизал ее голос, как комок сахарной ваты. Он впитался в стены так быстро, словно дом, стосковавшийся по человеческому обществу, втягивал ее в себя. Сара поднялась на второй этаж. Ковер на площадке лестницы сменился голыми половицами. Стук ее каблуков будил глухое эхо. Если здесь кто-то живет, они уже знают, что у них гостья. Дверь открылась в окутанную слоем пыли спальню. Здесь, наверху, ничего не было.

— Лаура? — И снова, пронзительнее, словно громкий голос мог вселить в нее храбрость, она крикнула: — Лаура!

Внизу она нашла уютную гостиную с камином, в котором лежал пепел. Сара стянула с одного дивана пыльное

покрывало и прилегла. Запоздалая реакция на удар и этот заброшенный дом бились в голове тяжелыми толчками крови. Она стала думать о своей малышке.

Беда в том, что Лаура отбилась от рук как раз в то время, когда им пришлось туго. И то, что она не могла или не хотела говорить о смерти отца, тревожило Сару едва ли не больше, чем приметы того, что девочка выпивает и пробует наркотики. В каждом доме, где они прятались, находилась ловушка для Лауры: молодой негодяй или негодница, только и ждавшие случая затащить кого-нибудь в постель. Лаура отдавалась им всем, словно рада была найти, с кем за компанию скатываться все ниже и ниже. Особенно тот мальчишка, Эдгар, имя так и врезалось в память, он просто отвратительно повлиял на нее. Они с ней сидели взаперти в спальне, и Сара слушала городскую программу по FM. Голоса с тягучим гортанным ливерпульским акцентом навеяли на нее сон. Дремоту нарушил звон стекла. Она поймала мальчишку, когда тот пытался вытащить ее дочь в окно. Она наорала на него и втянула в комнату. Наверняка ему было не больше десяти-одиннадцати. Глаза с зелеными искрами так и бегали, метались, словно стальной шарик в игрушечном бильярде. Сара отчитала его и попробовала выведать, не Мансер ли его подослал. Заодно она в панике крикнула Лауре, чтобы та немедленно собирала вещи и приготовилась высзжать в течение часа. Этот дом больше не был безопасным.

И вот тогда... Лаура ползла по полу, вцепившись в ногу Эдгара, подтягиваясь по нему, с таким мутным взглядом, какой бывает только от «экстази». Ткнулась лицом в пах Эдгару. Сара в ужасе отпрянула от дочери. Она уставилась на Лауру, которая, запустив свободную руку себе под юбку, принялась массировать клинышек своих трусиков, издавая горлом какое-то звериное рычание. Эдгар улыбался ей, скаля ряд крошечных блестящих белых зубов. Потом он склонился к Лауре, шепнул что-то ей на ухо и выскочил в окно так проворно, что Сара не сомневалась: убьется. Но когда она выглянула наружу, мальчишка уже скрылся из виду.

Вытащить ее из Ливерпуля оказалось дьявольски трудно. Девочка обмякла и не сводила взгляда с окна. Сара впихнула ее в первый утренний автобус от Маунт-Плежанта. Лаура не

могла справиться со слезами и весь день мучилась жаждой и болью за глазными яблоками. Дважды ее вырвало, и водитель пригрозил высадить их обеих, если девочка не уймется. Сама не зная как, Сара сумела ее успокоить. Она обнаружила, что девочке становится легче, если заслонить ее от солнечного света. Вскоре та сползла под сиденье и уснула.

Сара засомневалась, стоило ли вообще уезжать из Престона. Там ей, по крайней мере, придавало силы знакомое окружение. Мансер представлял угрозу в Престоне, но беда в том, что он и в других местах не переставал им угрожать. Вернувшись, ей хотя бы не придется беспокоиться ни о чем, кроме него. Но в глубине души Сара понимала, что ей не судьба остаться в родном городке. Мансер, пробравшийся на похороны Эндрю, сделал тогда предложение: пусть она позволит Лауре работать на него, торговать собой. Он обещал, что за такой свеженький, *крепенький кусочек* дадут отличную цену.

— Мужчины на это ловятся,— шептал он, пока она бросала горсть земли на гроб мужа.— У нее потрясные грудки для тринадцатилетки. Высокие, твердые, сосочки торчат вверх. Денежки так и посыплются, честное слово. За пару лет разберетесь со всеми долгами. А я вам ее распечатаю. Чтобы вы знали, что вишенку ей проколол не какой-нибудь чужак.

В тот же вечер они покинули свой дом с одним чемоданом одежды на двоих.

— Ах ты, хренова красотка!

Мансер нажал кнопку «отбой» на своей «моторолле» и сунул телефон в карман куртки. Склонился вперед и похлопал водителя по плечу:

— Есть, Джез! Полиция нашла сучкину машину на каком-то долбаном поле за Лейчестером. Она ее угробила.

Он откинулся на спинку. Радиомачта Регби покачивалась слева от них, огоньки мигали сквозь прозрачный туман.

— На хрен Лондон. Выбирайся на А пятьдесят один—девяносто девять. Подключай фактор-два. А когда доберемся до нашего сладенького кусочка, ты ей покажешь, как устраивать аварии на дорогах. Поработай с ней хорошенько. А вот Лаура... Лаура поедет с нами. Лаура должна быть целехонька, понял?

Дождавшись кивка Кнолдера, Мансер закрыл глаза. Третья за этот год умерла еще до того, как он вышел из дому. Жаль. Она ему нравилась. Швы у нее на бедрах затянулись так, что щекотали ему ляжки, когда он в нее входил. Но началось заражение, и он ничего не смог сделать. От антибиотиков, которыми он ее накачивал, толку не было. Гангрена. Может, Лаура станет номером четыре. Когда доктор Лош закончит работу, надо попросить у него что-нибудь от инфекции. Он знал, что ответит Лош: «Дай ей зажить». Но он любил трахать сырое мясцо. Любил видеть малость крови.

Проснувшись, Сара обнаружила, что правый глаз у нее совсем заплыл и отказывался открываться. Ее отражение мелькнуло в осколке зеркала на стекле. На одной щеке запеклась кровь, другая почернела от синяков. Волосы свалялись. Она не в первый раз задумалась, не ошиблась ли, решив, что Лаура мертва. В то же время невыносимо было думать, что девочка мучается от таких же или еще более тяжелых ран. Мысли Сары обратились к спасателям, или кто там был? Если спасатели, почему они не спасли ее?

Она заново ощутила чувство тепла и защищенности, окутавшее ее, когда прутики пальцев протянулись в машину и выдернули наружу ее дитя. Мысль о том, что Лаура мертва, или все равно что мертва, рассеялась, как не бывало. Саре казалось, что она в безопасности, и ее почему-то совсем не сердило это чудовищное похищение ребенка: да что там, она, в сущности, *разрешила* им ее забрать. Может, это было безумие, результат аварии, или всплеск эндорфинов, глушивших боль, сделал ее равнодушной ко всему. Но так или иначе, вместо гнева и чувства вины ее наполняла уверенность в том, что Лаура в надежных руках. Она старательно отгоняла от себя мысль, что ей больше хочется найти спасительниц, чем собственную дочь.

Сон немного взбодрил ее, но с каждым движением список больных мест и повреждений удлинялся. Сара дотащилась до кладовой и нашла там вакуумную упаковку крекеров. Жуя на ходу, она вернулась в прихожую и раздвинула тяжелые портьеры, впустив внутрь немного предвечернего света. И почти тотчас же заметила дверь под лестницей. Она сообразила, почему не увидела ее раньше: створка была

из того же темного дерева, а дверную ручку заменяло маленькое углубление, в которое можно было просунуть палец и потянуть. Сара попробовала, но дверь не подавалась. Значит, заперта изнутри. Значит, там, внутри, кто-то есть.

— Лаура? — позвала она, постукивая по двери ногтями. — Лаура, это мама. Ты тут?

Она напряженно вслушивалась, прижав ухо к щели косяка. Слышен был только шорох подземных сквозняков, вероятно вырывавшихся из погреба. Надо проверить. Может быть, Лаура там, истекает кровью.

Сара отыскала кухню. У дальней стены стоял большой сосновый стол, посреди его возлежал засохший апельсин с сердечком плесени в середине. Она нашла перевязанную бечевкой пачку старых газет, начиная с семидесятых годов, у задней двери, предостерегающе черной и закрытой на все засовы. Обыск шкафчиков и ящиков мало что дал. Она уже готова была сдаться, когда дверца последнего шкафа сама приотворилась от движения воздуха, открыв взгляду маленький штопор. Схватив орудие взлома, Сара заспешила назад, к двери в погреб.

Мансер остановил Кнолдена, зацепив его пальцем за лацкан.

— Ты взял?

Кнолден оставил машину за обочиной напротив места аварии. Теперь оба стояли над останками «альфы». Кнолден приметил дом и предложил проверить его. Если Сара с дочерью остались живы, а раз их нет в машине, значит, это скорее всего так, *они могли обратиться за помощью в ближайший дом.*

— Надеюсь, хреновина у тебя при себе, — предупредил Мансер.

— При себе, при себе. Не пыхтите.

Брови Мансера взлетели к полюсу.

— Ты мне будешь говорить, чтоб я не пыхтел, щенок! Да ты у меня полетишь на семидесяти милях в час без всякой машины.

Солнце быстро спускалось. Они поспешили перейти поле, то и дело оглядываясь на дорогу. Убедившись в том, что их никто не видел, Мансер кивнул на переднюю дверь.

— Отряхни-ка грязь с каблуков, — сказал он.

Было 5.14 вечера.

Сара, пожалев, что у нее нет с собой фонарика, спустилась до половины лесенки в погреб, когда дверь загудела под тяжелыми ударами. Она готова была вернуться в прихожую, но тут внизу послышалось движение. Сильное движение! Скрип, шепотки, шипение. Такой звук, будто сажа просыпалась из дымохода. Постукивание: зубы стучат от холода? Вздох.

— Лаура?

Смешок.

Дверь подалась, когда Кнолден уже выдыхался. Лицо его маслянисто блестело от пота, и пятна влаги нарушили безупречную белизну рубахи.

— Пушку! — потребовал Мансер, протянув руку.

Кнолден, почти не скрывая презрения к боссу, передал ему оружие.

— Тебе бы кашкой подкрепиться, — сказал Мансер. — Давай очухивайся.

Он проверил заряд и вошел в дом, нацелив ствол прямо перед собой. Примерно так поступал Брэд Питт в фильме «Семь».

— Тук-тук, — позвал он. — Папочка пришел!

Сара успела услышать его прежде, чем разразился ад. Голос Лауры твердо и спокойно произнес: «Не троньте ее». Затем ее опрокинуло на ступени вихрем черных кожистых крыльев, и она ничего не видела, кроме красных глаз и бледных тел, стаей пролетавших над ней. И еще зубы. Она видела каждый оскаленный рот словно при замедленном показе: темные губы растянуты, открывая такие белые, будто ледяные, зубы.

Саре почудилось, что она заметила среди них Лауру, и она попыталась ухватить ее за джемперок, но поймала только воздух, а в коридоре уже вопили и визжали, словно целую школу раньше времени отпустили с уроков. Когда раздались выстрелы, она не смогла бы сказать, стал ли визг пронзительнее или ее паника сильнее. Но, добравшись до

верха, она поняла, что во многом это ее вина. Она застала в прихожей немую сцену. Мансер, торчок вонючий, наобум размахивал пистолетом, а его подручный, сжимая и разжимая кулаки, взглядом удерживал противника, вернее, противников. Сара впервые разглядела их как следует — этих женщин, спасших ее малышку и оставивших ее умирать в машине. Но понять, что она видит, было выше ее сил. Кажется, их четыре, подумала она. Или пять. Они кружили так быстро и легко, что она не успевала сосчитать. Они свивались в узел тел. Вцепившись взглядами во врага, они прикрывали друг друга этим гипнотизирующим танцем. Их движения были так точны, словно танец ставил опытный хореограф.

Но тут она разобрала, что они не просто защищают друг друга. В сердцевине вихря тел что-то скрывалось, появлялось и вновь скрывалось: ленточка, цветное пятнышко. Саре довольно было увидеть кусочек лба, чтобы понять, что они заслоняют собой ее дочь.

— Лаура... — повторила она.

Мансер заговорил:

— Что за гребаные клоуны? Здесь что, вечеринка готов в местном студенческом баре?

— Лаура, — снова позвала Сара, не глядя на своего мучителя, — иди сюда.

— Всем стоять. Я беру девочку. А чтоб вы знали, что я не ссу в лужу... — Мансер прицелился и выстрелил в лоб одной из женщин.

Сара закрыла рот ладонью. Женщина упала. Три оставшиеся словно бы на миг поблекли, ослабели.

— Джез, бери девку! — приказал Мансер.

Сара прыгнула на шагнувшего к стае Кнолдена, но жесткая рука отшвырнула ее к стене, и она задохнулась от удара. Он выдернул Лауру из круга защитниц и потащил брыкающуюся девочку к боссу.

Мансер покивал:

— Недурная работа, Джез. Сегодня получишь желе на сладкое. Забирай ее. — И бросил Саре: — Забудь про нее.

И ушел. Скорчившись на полу, Сара старалась сморгнуть с век свежие струйки крови. Сквозь слипшиеся ресницы она, похоже, видела женщин, сгрудившихся вокруг сво-

ей подруги. Ей показалось, что они, окружив ее, поднимают ей голову. Но нет. Нет. Она не поверила своим глазам, увидев, что они сделали с ней потом.

Они бежали к машине. Кнолден отстал. Мансер наполовину волок, наполовину нес на руках отбивающуюся Лауру.

— Я почти готова, — сказала она. — Я тебя укушу! Клянусь богом, я тебя укушу.

— А я тебе глаза выцарапаю, — огрызнулся Мансер. — А теперь заткнись на фиг. Господи, ты что, не можешь вести себя как девчонки твоего возраста в кино? В обморок там упасть или еще что?

Добравшись до машины, он свалил ее в багажник, захлопнул и запер крышку. Потом, привалившись к борту машины, попробовал отдышаться. Он с трудом различал в темноте бредущего к нему Кнолдена. До него оставалось еще метров сорок, но Мансер уже слышал сипение в его легких.

— Давай, Джез, подгребай. Иная девка быстрей тебя бегает.

Когда до машины осталось тридцать метров, Мансер уже отчетливо видел, как умер его шофер.

Одна из женщин, оставленных ими в доме, мчалась по полю со скоростью, отрицавшей всякие разумные объяснения. Ногти на ее простертых вперед руках блестели, как полированные наконечники стрел. Мансер не медлил, увидев, как она разделалась с его шофером. Он включил третью скорость прежде, чем сообразил, что не снял машину с ручника, и при этом он смеялся, как не смеялся никогда в жизни. Сердце Кнолдена было нанизано на кончики ее когтей, как кусок мяса на вертел. Он все еще смеялся, выезжая на А1 и сворачивая на юг.

Потом он забыл о Кнолдене. Теперь на уме у него была только Лаура, голая на столе, с телом, расчерченным, как туша на вывеске мясника.

У Сары все плыло перед глазами. Ее поставили на ноги. Их руки поддерживали ее везде и нигде, скользили по телу, как шелк. Она хотела заговорить, но стоило ей открыть рот, как чья-то рука, холодная и смрадная, закрывала ей губы. Она

видела, как шевелится узор на шторах, но не чувствовала под собой ног. Потом их окутала ночь, и морозный воздух запел у нее в ушах, когда ее взметнули в небо на сетке тел, и она чуяла запах их одежд и запах чего-то бесконечно древнего и темного, исходящий от кожи, как запретные духи.

«С ней теперь все хорошо?» — хотелось ей спросить, но слова не складывались в ледяном потоке воздуха. Сара не могла пересчитать женщин, мельтешивших вокруг нее. Она соскользнула в обморок, вспоминая, как они вскрыли для нее жилы на своей груди, как жидкость ударила ей в лицо, забурлила на языке и в ноздрях, словно старое вино. Как сразу открылись ее глаза, и как они закатились от невыразимого восторга происходящего.

Мансер предупредил звонком и в полночь оставил машину на Саутварф-роуд, у самого перекрестка с Прэд-стрит. Он приехал раньше времени, поэтому вместо того, чтобы сразу войти в затрапезный паб на углу, он прогулялся до моста через Паддингтонскую бухту и постоял, глядя на Уэствей в надежде успокоиться. Звуки, которые испускала высокая арка моста, никак не подходили под определение успокаивающих. Механические вздохи несущихся машин напоминали ему о дыхании ведьм, вырывавшемся из их распахнутых ртов, готовых заглотить его целиком. Шипение шин по мокрому от дождя дорожному покрытию больше всего походило на шипение влажного воздуха, вырвавшегося из разорванной груди Кнолдена.

К тому времени, как он вернулся к пабу, верхнее окно молочно светилось отсветом слабой лампочки. Он подошел к двери и монеткой отбарабанил условный код. Потом вернулся к машине и открыл багажник. Он управился с Лаурой и сумел даже закрыть ей рот ладонью, но девчонка вцепилась в нее зубами. Выругавшись, он вытянул из кармана платок и впихнул ей в рот, дав пару тумаков, чтобы угомонилась. Ладонь чудовищно болела. Зубы у нее были как бритвы. Клочья кожи свисали с обильно кровоточившей раны. От этого вида ему стало дурно. Держа Лауру, он подошел к открывшейся двери. Вошел и захлопнул ногой, оглядев прежде улицу — не видел ли его кто. Лош сидел наверху в кресле, на котором дыр было больше, чем обивки.

— Хорошая была пивнуха, пока ее не прикрыли, — заговорил Мансер, в котором постепенно нарастало возбуждение.

— Была, — отозвался Лош, следя за ним взглядом. На нем был мясницкий фартук, заляпанный кровью. Он курил сигарету, оставляя на мундштуке кровавые отпечатки пальцев. Кровавое пятно на лбу можно было принять за след от поцелуя. — Все меняется.

— Ты — нет, — возразил Мансер. — Господи, ты хоть иногда моешься?

— А какой смысл? У меня работы хватает.

— Сколько лет прошло, как тебя вышибли?

— Тебя никогда не учили не насмехаться над людьми, от которых тебе нужна помощь?

Мансер проглотил отвращение, которое испытывал к этому маленькому человечку.

— Никто меня ничему не учил, — сплюнул он. — Нельзя ли к делу?

Лош встал и потянулся.

— Наличные, — с небрежным высокомерием бросил он.

Мансер вынул из кармана бумажник.

— Здесь шесть штук. Как обычно.

— Поверю на слово. Пересчитал бы, да в банке не любят купюр с кровавыми отпечатками.

— Почему ты не носишь перчатки?

— Волшебство. Оно у меня в пальцах. — Лош указал на Лауру: — Эту?

— Конечно.

— Славная штучка. Славные ножки. — Лош рассмеялся.

Мансер прикрыл глаза.

— Чего ты хочешь? — спросил Лош.

— Полную обработку.

Лош округлил глаза.

— Тогда пусть будет восемь штук.

Пауза.

— У меня при себе нет, — проговорил Мансер. — Получу завтра. На сегодня оставь у себя машину. Как залог.

— По рукам, — сказал Лош.

Первый надрез. Кровь брызнула на фартук, оставив пятно гораздо ярче прежних. Медный запах наполнил комнату.

Лузы бильярдного стола, на котором лежала Лаура, были набиты салфетками из пивной.

— Мягкие ткани?

У Мансера было сухо в горле. Ему нужна была выпивка. Член у него затвердел, как кирпич.

— Снимай как можно больше.

— Долго она не протянет, — предупредил Лош.

Мансер уставился на него.

— Протянет сколько надо.

— Уже присмотрел номер пять? — спросил Лош.

Мансер промолчал. Лош извлек у него из-за спины докторский чемоданчик и достал из него ножовку. Блики от ее зубьев запрыгали по всей комнате. По крайней мере инструменты свои Лош держал в чистоте.

Операция заняла четыре часа. Мансер не заметил, как заснул, и снилось ему, что его рука, пересиливая остальное тело, таскает его за собой по городу, а пасть, скалящаяся посреди ладони, вцепляется в животы прохожим и пожирает их.

Он проснулся весь в поту и увидел, как Лош, обкусывая заусенец, складывает инструменты обратно в чемоданчик. Лаура была обмотана белыми банными полотенцами. Теперь они были багровыми.

— С ней все в порядке? — спросил Мансер.

Смех Лоша, раздавшийся в ответ, оказался заразительным, и скоро он тоже хохотал.

— Обрезки тебе нужны? — осведомился Лош, утирая глаза и тыча большим пальцем в сторону ведра, деликатно прикрытого кухонным полотенцем.

— Оставь себе, — сказал Мансер. — Мне пора.

— Кто открыл окно? — поинтересовался Лош.

Окна никто не открывал; тюлевая занавеска, прогнувшаяся внутрь, обвивала вспучившееся стекло. Лош стал поправлять ее, и тут стекло разлетелось осколками ему в лицо. Он с воплем отпрянул, споткнулся о ведро и растянулся на полу.

Взгляду Мансера представилось, что лохмотья ночи втягиваются в разбитое окно. Они приникали к лицу и шее Лоша и вгрызались в мякоть, как гусеницы в край листа.

Вопль его был негромким, и к тому же его заглушала заливавшая горло кровь. Он уже задыхался, но сумел еще один раз громко, от всей души взвизгнуть, когда прорвалась главная артерия и окатила всю комнату красным цветом, как оставленный без присмотра шланг для поливки.

«Как они умудряются засунуть в него головы так глубоко?» — думал Мансер, загипнотизированный жестоким зрелищем. Он чувствовал, как что-то капает ему на лоб. Он тронул лицо пальцами и поднес их к глазам, все в крови. Поднимая взгляд к потолку, он еще успел заметить разинутый рот с пузырями лимфы на губах и голову, дрожавшую в откровенном предвкушении. А потом женщина упала на него, впилась челюстями в мякоть на горле и вырвала кусок. Он видел, как его плоть проходит по ее гортани, создавая почти изящную волну на коже. А потом зрение затянуло красным, и больше он уже ничего не видел.

Она целый день провела дома. Она не могла понять, как сюда попала. Она помнила рождение из тепла своих спутниц и помнила, как, встав, увидела, что от обоих мужчин осталась только розовая труха, наполняющая их костюмы. У одного из мужчин была кровь на руке, а между пальцами догорал окурок. Только эта рука была на другом конце комнаты.

Она увидела крохотный кровавый курганчик полотенец на бильярдном столе. Увидела ведро: кухонное полотенце сдвинулось, открыв достаточно, чтобы объяснить ей, в чем дело. Хватило и двух пальцев ноги. Ей не нужно было дорисовывать всю картину.

Потом она как-то оказалась снаружи. А потом на Эдвард-роуд симпатичная темноволосая молодая женщина с матерчатой сумкой на плече подала ей пару фунтов, так что она смогла добраться на метро до Эвстона. Потом был мужчина, пахнувший молоком и обувной мазью, с которым она трахнулась у дверей магазина, оплатив проезд до Престона. Потом был Престон, замерзающий вокруг нее на утреннем морозце, как будто сплотился из самой зимы. Она почти готова была увидеть Эндрю, который, высунувшись из гостиной, скажет: «Привет, чай готов, садись к огоньку, я тебе принесу».

Но гостиная была холодной и пустой. Она смогла уснуть на время, когда больше всего нуждалась в сне, как раз когда в мыслях всплыло свечение над изувеченным телом ее малышки. Она плакала, потому что не могла вспомнить ее лица.

Когда она воскресла к жизни, снова было темно. Казалось, дневной свет сбежал от нее. Она слышала движение в задней части дома. Снаружи в крошечном неухоженном садике картонная коробка, не больше коробки для обуви, резко темнела на покрытой инеем земле. Женщины примостились на изгороди, разглядывая ее совиными глазами. Они не говорили. Может быть, не умели.

Одна из них спикировала вниз и опустилась рядом с коробкой. Она подтолкнула ее рукой, как олениха подталкивает носом новорожденного олененка. Сару снова охватила волна беспричинной любви и безопасности, соединившая их всех. Потом они скрылись, кружа и мелькая в небе обрывками, струйками дыма.

Сара унесла коробку к себе в гостиную и стала ждать. Проходили часы, ей становилось все спокойнее. Она любила дочь и надеялась, что Лаура об этом знает. Когда рассвет принялся сметать с неба копоть, Сара наклонилась и тронула крышку. Ей так хотелось открыть ее и сказать несколько слов, но она не могла себя заставить.

В конце концов ей и не пришлось. То, что осталось в коробке, сумело сделать все за нее.

ПЭТ КАДИГАН

Сторож брату моему

Пэт Кадиган дважды награждена премией имени Артура Кларка; ее перу принадлежат двенадцать книг. Произведения Кадиган публиковались во многих периодических изданиях и сборниках («The Mammoth Book of Best New Horror», «The Year's Best Fantasy and Horror», «Dark Terror 3», «The Ex Files», «Disco 2000», «A Whisper of Blood», «Patterns»). Писательница родилась в городе Скенектади, штат Нью-Йорк, некоторое время провела в Канзасе, а сейчас живет и работает в Лондоне.

«Наркозависимость — это страшно,— говорит она.— Существует множество разных наркотиков, но зависимость — это всегда зависимость. Ее труднее уничтожить, чем вампира, и она алчет большего; она не боится ни солнечного света, ни чеснока, ни религиозных символов.

Я возвращалась к рассказу „Сторож брату моему" несколько лет; то начинала, то снова бросала. Но все же закончила. Рассказ основан на воспоминаниях о довольно неприятных событиях моей бурно и бездарно проведенной юности; в те времена о СПИДе еще не слышали. Героиновый шик, будь он проклят».

Все это произошло очень давно. Не важно, когда именно; тогда еще не все подряд нюхали кокаин, а мама с папой не прятали травку в баре, чтобы дитятко не курило за их счет. Этот эпизод показался мне тогда важным — тогда многие вещи казались мне важными. Вскоре, однако, важное и не важное смешалось в кучу и жизнь перевернулась вверх тормашками. Только не надо чувствовать себя виноватым, плохим, тупым или озадаченным. Скоро произойдет кое-что еще, вы сами знаете, что оно придет. Оно уже близко.

В те дни я находилась на пути к триумфальному освобождению из гетто (не все белые цыпочки живут в приго-

родах). Я все еще заряжалась энергией и ликовала при виде лиц, улыбавшихся мне снизу со словами: «Удачи тебе, Чайна, однажды ты все-таки выбьешься в люди!» Я поднималась вверх на воздушном шаре под названием «стипендия на высшее образование». Гордость родителей несколько угасла после моего второго визита домой. Высшее образование — это одно, а возвышенные мысли — совсем другое. Иллюзии насчет лучшей жизни увлекали меня вверх, и родители воткнули в меня несколько шпилек, чтобы воздушный шар лопнул и они смогли разглядеть меня получше. Я на некоторое время перестала ездить домой. А также писать. Но письма от матери приходили по-прежнему часто: «Твоя сестра Роза снова беременна; только бы она не потеряла этого ребенка! Это ее убьет. Твоя сестра Аурелия прогуливает школу, бегает по городу, хоть бы ты приехала и поговорила с ней; а твой брат Джо... твой брат Джо... твой брат Джо...»

Мой брат Джо. Как будто так необходимо было называть его имя. У меня был всего один брат. Джо. Мой брат Джо, паршивая овца. Второй ребенок в семье, на два года меня старше, он первым сел на иглу. Иногда мы были друзьями, Джо и я, зажатые между Розой и Аурелией. Он был ошибкой, единственным парнем среди дочерей. Наследник. Этакий подарочек от природы для нашего отца.

Мой брат Джо, пропащий человек. У него не было никаких врожденных талантов, никаких благоприобретенных навыков, кроме умения находить вену. Внешностью он тоже не блистал: а наркоманы, как известно, редко бывают интересными личностями, сексуальными гигантами или хотя бы добрыми, великодушными людьми. Семья от него отвернулась: Роза не подпускала его к детям, Аурелия его избегала. Иногда я сама себе удивлялась, не в силах понять, за что я люблю его, и люблю ли вообще. Наркоманам нужна любовь, но доза им нужна больше. Иногда между дозами у него находилось время помахать мне рукой из прежней жизни.

«Привет, Джо, — говорила я. — Какого черта тебе нужно, а?»

«Если ты спрашиваешь, детка, значит, на самом деле тебе это неинтересно». Он уже искал другую вену, ухмыляясь, зажав в зубах ремень.

Именно из-за брата Джо я в конце концов сдалась и приехала домой на зимние каникулы, вместо того чтобы отправиться в Коннектикут со своей соседкой по комнате. Марлен нарисовала мне прекрасную картину прогулок по живописной заснеженной местности, неспешных посещений бутиков с гравюрами Мухи[1] и изделиями из бисера, а потом горячий шоколад у огня; мы закутаны в шерстяные шали, связанные ее бабушкой, обладательницей невероятно рыжих волос и кучи денег. Марлен признавала, что навестить семью важнее, но зачем тогда каникулы, если не отдыхать? Я согласилась и как раз паковала вещи, когда пришла открытка от Джо.

«Дорогая Чайна, они все-таки выбросили меня на улицу». И это было все — несколько слов, нацарапанных на обороте карты полуострова Кейп-Код. Умение писать письма не входило в число достоинств моего брата. Но он дал себе труд купить марку и написать правильный адрес.

Родители решили выгнать его из дома еще в последний год, проведенный мною в родном городе. Я ничего не могла поделать с этим тогда и не понимала, с чего Джо решил, будто я в состоянии помочь ему сейчас. Но поездку к Марлен я отменила. Она сказала, что я могу присоединиться к ней, если улажу свои дела до начала занятий. Нужно было просто позвонить, чтобы мама успела распечатать новое белье. Марлен была неплохим человеком. Она прекрасно пережила крушение привычных стереотипов. Но в конце концов она ударилась в гедонизм.

Я приехала домой на автобусе, оставила чемодан в камере хранения на автовокзале и вышла оглядеться. Возвращаясь в город, я никогда не отправлялась прямо домой. Мне необходимо было привыкнуть к этому месту, прежде чем показаться родителям этакой заносчивой соплячкой из колледжа, их дочерью.

Уже стемнело, температура упала явно ниже нуля. Вдоль пустых улиц лежал грязный снег. Чтобы найти кого-нибудь зимой, нужно знать, где искать. Наркоманы носят пальто только до того момента, как предоставляется возможность его про-

[1] *Муха Альфонс Мария* (1860–1939) — чешский живописец, театральный художник, иллюстратор, ювелирный дизайнер и плакатист, один из наиболее известных представителей стиля модерн.

дать. За каким чертом оно им нужно? Ведь им все равно постоянно холодно. Я обошла известные мне места, но безрезультатно. Было уже поздно, и все, кто хотел ширнуться, уже это сделали и дремали по своим углам. После дозы обычно отправлялись в закусочную Стрипа, и я решила заглянуть туда.

Больше половины мест в зале пустовало; посетители разделились, как всегда: обычные люди сидели у окон, обколотые — у музыкального автомата и туалетов, копы и случайные посетители — посредине, у п-образной стойки. Джейк Стрип не любил парков, но не гнал их — если они не вырубались в кабинках. Наркоманы приходили сюда послушать музыку, поэтому обычно не засыпали, но сейчас, по-видимому, ни у кого не осталось четвертака. Черно-фиолетовый агрегат фирмы «Мюзик Мастер» молчал и бессмысленно мигал своими огнями.

Джо здесь не было, но одна из кабинок оказалась набита его полусонными друзьями. Они не заметили, как я вошла, — точно так же они не замечали, что Джейк Стрип собирается выпихнуть их вон. Только один из них, незнакомый мне, был одет по погоде. Я смутно припоминала того парня, к которому он прислонился. Я скользнула в кабинку и уселась напротив этой парочки, рядом с двумя другими наркоманами — долговязым парнем по имени Фармер и Стэйси, которая была скорее его тенью, чем девчонкой. Я резко толкнула Фармера под ребра и пнула ногой сидевшего напротив меня парня. Фармер с ворчанием ожил, рывком отодвинулся от меня и разбудил Стэйси.

— Да я не сплю, чтоб тебя... — Фармер старался сфокусировать на мне взгляд, но получалось это плохо, потому что его голова тряслась. Затем на омертвевшем лице возникла улыбка узнавания. — О, Чайна. Ух, это ты. — Он пихнул Стэйси. — Это Чайна.

— Где? — Стэйси всем телом подалась вперед. Посмотрела на меня, поморгала, задремала было снова, но затем очнулась. — О. Ух ты. Вернулась. А что случилось? — Она отбросила со лба темные волосы.

— Меня кто-то пнул, — пожаловался парень, которого я смутно помнила. Теперь я его узнала. Джордж Как-Его-Там. Я училась с ним в школе.

— Занятия окончились, — ответила я Стэйси.

Она непонимающе посмотрела на меня и снова начала засыпать.

— Каникулы, — объяснила я.

— А. Понятно. — Она уцепилась за плечо Фармера, словно они находились в открытом море, а она не умела плавать. — Так ты не вылетела?

— Не вылетела.

Стэйси хихикнула:

— Здорово. Каникулы. А у нас тут нет каникул. Мы — это всегда мы.

— Заткнись. — Фармер слабо попытался отпихнуть ее.

— Эй! Это ты меня пнула? — спросил Джордж Как-Его, почесывая щеку.

— Извини. Случайно вышло. Никто не видел Джо?

Фармер поскреб ногтями шею.

— А что, его здесь нет? — Он попытался оглядеться. — А я думал... — Он снова обернулся и тупо уставился на меня налитыми кровью глазами. За эти несколько секунд он успел забыть, о чем мы разговаривали.

— Джо здесь нет. Я смотрела.

— Точно? — Голова его поникла. — Здесь так темно — ни черта не видно.

Я распрямила его и прислонила к спинке стула.

— Точно, Фармер. Ты его вообще давно видел?

Рот его приоткрылся. Какая-то мысль пробивалась сквозь липкую грязь, наполнявшую его череп.

— О. Да, да. Джо уже пару дней как исчез. — Он повернулся к Стэйси. — Сегодня четверг?

Стэйси скорчила рожу:

— Да пошел ты, я тебе что, календарь?

Парень, сидевший рядом с Джорджем, проснулся и улыбнулся, глядя в пространство.

— Что, уже сваливаем? — спросил он. Ему было не больше пятнадцати, он еще неплохо выглядел — относительно чистым и здоровым. Единственный из всех в пальто. Ребенок на аттракционах.

— Когда ты в последний раз видел Джо, Фармер? — повторила я.

— Кого? — переспросил он с подозрительностью наркомана.

— Джо. Моего брата Джо.

— Джо твой брат?! — воскликнул мальчик, улыбаясь, как сонный ангел. — Я знаю Джо. Он мой приятель.

— Нет, не приятель, — сказала я. — Ты знаешь, где он сейчас?

— Не-а. — Откинувшись на спинку сиденья, он закрыл глаза.

— Слушай, — начала Стэйси, — хочешь травки покурить? Ее ведь в колледжах все курят, да? У Томми Барроу есть немного. Давайте все пойдем к Томми Барроу и покурим, как эти сопляки в колледже.

— Заткнись! — раздраженно рявкнул Фармер. Казалось, он немного пришел в себя. — Томми нет в городе, а я пытаюсь думать. — Он положил мне на плечо тяжелую лапу. — Пару дней назад Джо здесь мелькал. С этой теткой. Ну с бабой, понимаешь?

— Где?

— Ну, знаешь, ну, тут. В городе. Не помню, где именно. Здесь. Ездил по городу. Просто ездил.

Я зевнула. Их сопливость была заразительна — мне оставалось только начать скрести лицо.

— Кто она? Кто-нибудь ее знает?

— Его барыга. Новая барыга, — заявила Стэйси в приступе ясности мысли. — Я помню. Он сказал, что у нее много товара. Сказал, у нее хороший источник.

— Ага. Ага, — подтвердил Фармер. — Точно. Она живет с каким-то распространителем, что-то такое.

— Как ее имя?

Фармер и Стэйси уставились на меня. Имя — как бы не так.

— Блондинка, — сказал Фармер. — Куча денег.

— И машина, — вставил Джордж, садясь и вытирая нос рукавом. — «Кадиллак» или что-то такое.

— Дерьмо, а не «кадиллак», — фыркнул Фармер. — По-твоему, все, что не «фольксваген», — то «кадиллак».

— Большой белый «кадиллак», — настаивал Джордж. — Я сам видел.

— Я тоже видел, и это не «кадиллак».

— Где ты его видел? — спросила я у Джорджа.

— На Семнадцатой. — Он сонно улыбнулся. — Там магнитола есть.

— *Где* на Семнадцатой?

— Да там где-то, у Фостер-серкл. Джо сказал, там сзади два динамика. Круто.

— Ладно, спасибо. Думаю, надо пойти посмотреть.

— Да ты чё! — Фармер схватил меня за локоть. — Сейчас его там нет. Шутишь, что ли? Не знаю, где они живут. Никто не знает.

— Фармер, мне надо найти Джо. Он написал мне в колледж. Родители его выгнали, и мне нужно его найти.

— Слушай, да с ним все в порядке. Я тебе сказал, он с этой бабой. Скорее всего живет у нее.

Я поднялась.

— Ну ладно, ладно,— сказал Фармер.— Слушай, мы завтра идем к Присцилле. Она знает, где его искать. Завтра.

Я вздохнула. У наркоманов все всегда происходит завтра.

— Когда вы с ней встречаетесь?

— В двенадцать. Жди нас здесь, ладно?

— Ладно.

Уходя, я поймала на себе злобный взгляд Стрипа. Нарки хотя бы покупали кофе.

Но я все-таки поразмыслила насчет Фостер-серкл. Так назывался островок безопасности; какой-то идеалистически настроенный мэр решил облагородить его газоном, цветами и скамейками. Теперь он превратился в очередное место сборищ наркоманов, и люди избегали появляться там даже днем. «Вряд ли кто-то торчит там сейчас,— подумала я,— и уж наверняка не те, кто жаждет меня видеть». Я трусцой побежала в сторону автовокзала, забрала вещи и отправилась домой.

Я не предупредила родителей о своем приезде, но, когда я появилась на пороге, они не очень удивились. Отец в гостиной смотрел телевизор, мать возилась на кухне. Типичная американская семья, соль земли. Отец даже не взглянул на меня, когда я, сняв пальто, шлепнулась в старое зеленое кресло.

— Все-таки решила съездить домой? — произнес он через минуту. Ничего похожего на Джо не было в его длинном худом лице. С тех пор как моя сестра Роза родила первого ребенка через три месяца после свадьбы, на лице отца застыла гримаса отвращения. На экране какая-то женщина,

сидевшая в шикарном ресторане, плеснула в лицо своему спутнику содержимое бокала. — Думал, ты поедешь в Коннектикут со своей богатенькой подружкой.

Я пожала плечами.

— Приехала с ним повидаться, да? — Он протянул руку, взял одну из пивных банок, стоявших на столике, и встряхнул, чтобы убедиться, что внутри что-то осталось. — Что он сделал, позвонил тебе?

— Я получила открытку.

Женщина из ресторана превратилась в труп. Над ней, нахмурившись, стоял детектив. Женщины, швыряющиеся напитками, всегда в итоге оказываются трупами; если бы она побольше смотрела телевизор, то знала бы это.

— Открытку. Здорово. Открытка от конченого наркомана. А мы — всего лишь твои родители и вынуждены чуть ли не на коленях умолять тебя нас навестить.

Я сделала глубокий вдох:

— Я тоже рада тебя видеть. Дом, милый дом.

— Придержи язык, очень уж ты умная. Могла бы и позвонить. Я бы тебя с автобуса встретил. Здесь уже не так, как раньше. — Отец допил пиво и поставил банку к ее опустевшим сестрам. — Появились новые людишки. Ты их не знаешь, они тебя не знают, и им все равно, чья ты сестра. Тут одну девчонку из соседнего квартала изнасиловали, прожила здесь всю жизнь. На улице, еще даже не стемнело.

— Как ее зовут?

— А мне откуда знать, черт подери? Я тебе что, бюро переписи населения? Я не слежу за всякими сопляками.

— Тогда откуда ты знаешь, что она всю жизнь прожила здесь?

Отец уже собрался рявкнуть на меня, но тут в дверях кухни появилась мать:

— Чайна, иди сюда. Я тебе поесть приготовлю.

— Я не хочу есть.

Выражение ее лица не изменилось.

— У нас салями и швейцарский сыр. Я сделаю тебе сандвич.

Почему бы и нет. Она сделает мне сандвич, я не стану его есть, и она доведет себя до обычного состояния неприязни ко мне. Я выбралась из кресла и отправилась на кухню.

— Ты приехала из-за *него?* — спросила мать, когда я присела к столу.

— Я получила от него открытку.

— Вот как.

Повернувшись ко мне спиной, она принялась готовить еду. Моя мать всегда была нездоровой, рыхлой женщиной, но сейчас она показалась мне нездоровой и рыхлой как никогда, словно внутри нее соскочила какая-то пружина и она начала разваливаться. Она повернулась ко мне и протянула тарелку с сандвичем. Волшебство материнских рук, кулинарное чудо из обыкновенной салями, швейцарского сыра и белого хлеба. Вот такая картина семейной жизни. Что-то часто стали показывать «Бивера»[1]. Мать поставила сандвич передо мной.

— Я это сделала, — сказала она. — Вышвырнула его вон.

— Я поняла.

Она налила мне кофе.

— Но сначала я сломала все его иголки и выбросила их в помойку.

— Отлично, ма. А ты знаешь, что полиция иногда осматривает мусорные бачки в домах, где живут наркоманы?

— Ну и что они теперь сделают? Посадят нас с отцом? Джо здесь больше не живет. Я не собираюсь устраивать под своей крышей притон для отморозков. Он обокрал нас. Взял деньги у меня из кошелька, кое-какие вещи, продал их. Как будто нам это все даром досталось, чтобы паршивый наркоман распродавал наше имущество!

Я ничего не ответила. То же самое произошло бы, если бы он жил у меня.

— Я понимаю, ма.

— И?.. — Она взялась за спинку стула, словно не зная, отшвырнуть его прочь или отодвинуть и усесться на него.

— Что «и»? — спросила я.

— И что ты собираешься делать, когда найдешь его?

— Он просил меня приехать, ма.

---

[1] *«Оставь это Биверу»* («Leave It to Beaver») — американский комедийный сериал для семейного просмотра, популярный в пятидесятых-шестидесятых годах, о приключениях любопытного мальчишки Теодора Кливера по прозвищу Бивер (Бобёр).

— Ах, он просил. Прекрасно. Что теперь, возьмешь его с собой в общежитие? Уютно заживете.

Я представила себе эту абсурдную ситуацию. Да, среди побрякушек Марлен Джо найдет, чем поживиться.

— А где Аурелия?

— Откуда мне знать? Мы здесь никакого значения не имеем — она делает что хочет. Я ведь просила тебя приехать, поговорить с ней. А ты даже не ответила на мое письмо.

— Ты думаешь, я смогу на нее повлиять? Я ей не мать.

Она хмуро взглянула на меня:

— Ешь свой сандвич.

Я заставила себя проглотить кусочек и отодвинула тарелку.

— Я сказала, что не голодна.

— Ну как хочешь. Если тебе нужно что-то другое, сказала бы заранее.

— Мне ничего не нужно. Я не хочу есть. — Я вытащила сигарету. Мать слегка подняла брови, но ничего не сказала. — Когда Аурелия придет, я с ней поговорю, ладно?

— *Если* она придет. Это бывает не всегда. Не знаю, где она ночует. Не знаю даже, ходит ли она в школу каждый день.

Я стряхнула пепел.

— Мне вы никогда ничего подобного не позволяли.

Мать окинула меня неописуемым взглядом. Затем прикрыла глаза, и уголок ее рта опустился. На несколько мгновений передо мной возникла незнакомка, какая-то женщина, никогда прежде не виденная. Она ждала, чтобы я догадалась о чем-то, будучи в то же время уверенной, что я для этого слишком глупа.

— Ладно, *если* она придет домой, я с ней поговорю.

— Не надо мне твоих одолжений. И вообще, ты ведь приехала сюда гоняться за *ним*.

— Мы всегда были с ним ближе, чем с остальными членами семьи.

Мать сделала жест отвращения:

— Ну разве это не мило?

— И все-таки он человек, ма. И по-прежнему мой брат.

— Вот только ты не учи меня насчет семьи. Я кто им, по-твоему, сторож, что ли? Может, возьмешь их с собой

в общагу? Может, у тебя лучше получится заставлять ее ночевать дома и запрещать ему колоться. Давай. У тебя есть возможность проявить себя.

— Я им не мать и не отец.

— Да, да, да. — Мать взяла из лежавшей на столе пачки сигарету и закурила. — Они по-прежнему человеческие существа и твои брат и сестра. А мне-то что теперь делать?

Я потушила сигарету, прихватила из гостиной свою сумку и пошла в комнату, которую мы делили с Ауделией. Она уже начала расширять свою территорию, хотя граница между нашими участками была еще заметна. Главным образом потому, что сестра проводила здесь мало времени.

Я долго сидела на кровати, не раздеваясь, тупо уставившись в окно. Улица была пуста, наступила темнота, и смотреть было не на что. Но я не отводила взгляда от окна, пока не услышала, что родители ложатся спать. Через некоторое время, решив, что они уснули, я со скрипом открыла окно и, найдя в нижнем ящике своего комода травку, свернула папиросу. Пакетик был полон, а это значило, что Ауделия сюда не заглядывала. Когда новизна травки пропала, она перестала мне нравиться, но сейчас я хотела избавиться от мерзкого впечатления, которое оставил у меня этот вечер.

Я не привыкла выкуривать одна по целой сигарете, и кайф оказался слишком сильным: я несколько отупела. Дым, извиваясь, образовывал в воздухе непонятные символы и узоры, затем его вытягивало в окно, в темноту и холод. Мне пришла в голову мысль об оборванных призраках, покидающих дом подобно крысам, бегущим с тонущего корабля. Такие дурацкие мысли обычно копошатся в голове, когда обкуришься, и мне это нравилось. Я не хотела думать о насущных делах.

В конце концов я почувствовала, что замерзла. Набравшись сил, я протянула руку и хотела закрыть окно, но тут мое внимание привлекло какое-то движение внизу, на улице. Нечто копошилось у стены, среди густых теней, и я не была уверена, видела ли я вообще что-нибудь. «Бред Хашера»[1], или, скорее, «Бред Гашишера». Но я попыталась рас-

[1] *«Бред Хашера»* («Hasher's Delirium», 1910) — мультипликационный фильм французского карикатуриста, мультипликатора и аниматора Эмиля Коля (Emile Cohl, 1857–1938).

смотреть это. Несмотря на шум в голове и расплывавшиеся перед глазами круги, мне все-таки удалось разглядеть это нечто, и я убедилась, что это не плод моего обкуренного воображения. Что бы это ни было — выросшая в размерах под влиянием марихуаны кошка, собака или большая крыса, — оно мне не понравилось. На ум внезапно пришли слова отца о новых элементах. Что-то в очертаниях неизвестного существа напомнило мне рептилию, какой-то тупик эволюции или доисторического ящера. Я представила себе некое зло, жившее много миллионов лет назад, притаившееся в болоте, поджидающее свою жертву. Смешно, подумала я затем; это человек принес в мир понятия о добре и зле. Зло, добро, обкуренные люди и необкуренные. Я была обкуренной и отправилась спать.

Когда я погружалась в ступор, еще не оправившись от головокружения, остатки разума подсказали мне: ведь для того, чтобы возникло различие между добром и злом, эти добро и зло должны все-таки существовать, верно?

Вот что бывает, когда так называемые интеллектуалы накурятся травки, подумала я и вырубилась.

Меня разбудила возня отца, собиравшегося на работу. Я лежала, слушая, как мать на кухне готовит ему еду, ожидая, когда на сковороде зашипит яичница с беконом и меня позовут позавтракать как следует. Но вместо этого я услышала плеск воды в раковине, шаги по коридору и стук двери спальни. Это было что-то новое: мать легла спать после ухода отца, хотя дочь приехала из колледжа на каникулы. В любом случае мне не очень-то хотелось с ней разговаривать, особенно если она собиралась продолжать вчерашнее ворчание, но меня это позабавило.

Я умылась, оделась, но мать так и не вышла из комнаты. Очевидно, она не желала участвовать в моей жизни. Я вышла из дома намного раньше, чем намеревалась, решив занять себя чем-то до встречи с Фармером и его компанией.

Внизу, в парадной, я чуть не столкнулась с Розой, которая, судя по ее виду, должна была вот-вот родить. Она снова выкрасилась в блондинку, но явно давненько не заглядывала в парикмахерскую — волосы отросли, показались темные корни.

— Что это ты делаешь дома? — спросила она, складывая руки на животе, как будто защищая его; живот выдавался вперед так сильно, что пальто не застегивалось.

— Каникулы, — сказала я. — Как у тебя дела?

— А как у меня могут быть дела? Вот, беременна.

— Есть такая штука, как контрацепция.

— Ага, и есть такая штука, как сбой контрацепции. Ну и что?

— Да ничего. Это у тебя пятый, так ведь?

— Я не знала, что *ты* их считаешь. — Она попыталась запахнуть на животе пальто, но ничего не получилось. — Здесь холодно. Я пойду наверх, к маме.

— Она пошла спать.

— Ради меня она встанет.

— И ты полезешь по лестнице в твоем положении?

Роза приподняла жидкие выщипанные брови.

— Хочешь меня отнести? — Отодвинула меня в сторону и начала одолевать первый пролет.

— Слушай, Роза! — крикнула я ей вслед. — Ну а что, если у тебя сейчас воды отойдут или еще что-нибудь?

Поднявшись на седьмую ступеньку, сестра обернулась ко мне:

— Я закричу, а что ты еще предлагаешь? — и поковыляла дальше.

— Хочешь, я с тобой схожу? — предложила я, поворачиваясь к лестнице.

Но Роза лишь махнула на меня рукой и продолжала идти. Это меня одновременно разозлило и позабавило; я дождалась, пока она не одолеет первый пролет, размышляя, стоит ли мне бежать за ней или хотя бы дождаться щелчка замка на нашей двери. Затем я решила, что Роза скорее всего сама знает, что делает, хоть она и на редкость бестолкова. У меня была теория, что она уже родилась беременной и просто ждала шестнадцать лет, пока не нашла парня, подходящего на роль отца. Она была не намного моложе, чем я сейчас, когда вышла за Роджера, к немалому раздражению наших родителей. Но их реакция ее нисколько не волновала.

Солнце светило ярко, но совершенно не грело. Снег по краям тротуара выглядел грязнее, чем всегда, — изрытый ямками, покрытый хрупкой коркой. Местами на асфальте

виднелись обледеневшие участки, похожие на медуз, выброшенных на берег при отливе. Еще не было половины одиннадцатого, но я пошла в кафе Стрипа, на случай, если кто-то появится раньше. Слабая надежда, но делать мне все равно было нечего.

В помещении никого не оказалось, кроме хозяина и двух стариков, сидевших у окна. Я уселась у стойки и заказала завтрак, чтобы возместить вчерашний ущерб. Заказ не особенно впечатлил Стрипа, но хозяин удивил меня — он заговорил со мной, подавая кофе:

— Приехала домой на каникулы?

— Точно,— сказала я осторожно, наливая сливки из алюминиевого кувшинчика.

— Нравится в колледже?

— Райское место, если бы не учеба.

Резиновый рот Стрипа слегка изогнулся, щеки дрогнули.

— А я думал, ты туда за этим поехала, чтобы учиться, стать умной.

Я пожала плечами.

— Может, ты считаешь, что уже достаточно умная?

— Некоторые так считают,— улыбнулась я, подумав, что об этом он может расспросить моего отца.

— По-твоему, очень умно якшаться здесь с наркоманами?

Я моргнула:

— Не думала, что вам до этого есть дело.

— Я просто спросил.

— Вы давно видели моего брата Джо?

Стрип издал какой-то едва слышный звук, который мог сойти за смешок, и отошел. Кто-то оставил газету на стуле, стоявшем справа от меня. Я взяла ее и принялась читать, чтобы убить время. Прошел час; Стрип время от времени подходил, чтобы наполнить мою чашку, но больше не заговаривал. Я купила в автомате пачку сигарет — просто чтобы найти себе еще какое-нибудь занятие — и заметила, что одна из старух уснула, не закончив есть. Она была очень стара, с вьющимися седыми волосами и крючковатым носом, как у ястреба. Нижняя челюсть отвисла, открыв несколько длинных черных зубов. Я подумала было разбудить ее, но тут она захрапела, как паровоз. Стрип даже не взглянул в ее сторону. Ладно, какого черта, ее картофель-

ные оладьи все равно уже остыли и были как камень. Я вернулась к чтению.

Когда часы над грилем показали 12.10, я оставила на стойке деньги и вышла на улицу. Следовало бы догадаться, что они опоздают, подумала я. Я могу торчать здесь дотемна, прежде чем кто-нибудь из них вспомнит о встрече, но так и не покажется, решив, что я все равно ушла.

Машина, припаркованная через дорогу от кафе, просигналила несколько раз. Джордж высунулся из окна со стороны водительского сиденья. Я поспешила к машине, и задняя дверь распахнулась.

— Черт знает что, мы тебя тут ждем,— раздраженно сказал Фармер, когда я залезала внутрь. — А ты что, все это время сидела там?

— Я думала, вы встречаетесь с Присциллой в кафе.

— Место встречи изменилось, — возразил Фармер. — У Стрипа не получишь стакана воды навынос. — Он сидел рядом с Джорджем, а Стэйси и сопляк — на заднем сиденье, рядом со мной. Мальчишка сегодня выглядел хуже. Под глазами у него залегли черные круги, и там, где он ночевал, явно не было ванной.

— Ты почему не в школе? — спросила я.

— Да пошла ты со своими вопросами! — грубо ответил он.

— И дома со вчера не был, так?

— Да чё ты, в самом деле, ты что, его надзиратель, что ли? — фыркнул Фармер. — Поехали, она ждет.

Машина рывком тронулась с места. Джордж с ругательствами выехал на проезжую часть, где в это время почти не было машин.

— Я не привык к автоматике,— пожаловался он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Фармер шарил в отделении для перчаток.

— Э, здесь иголок нет. У тебя с собой?

— У меня есть, не волнуйся. Подожди, пока мы не заберем Присциллу, ладно?

— Просто скажи мне, где они.

— Ладно, не пыхти, я же сказал, что они у меня.

— Я хочу знать где.

— В заднице у меня, ясно? А теперь не мешай мне вести машину.

— Я тебе покажу задницу, — угрожающе начал Фармер.

Стэйси постучала его по затылку:

— Ну все, расслабься, Фармер. Все получат то, что нужно, у Присциллы.

— Присцилла знает, где искать Джо? — спросила я.

— Присцилла все знает, — объявила Стэйси таким тоном, будто действительно верила в это.

Присцилла стояла на тротуаре у дверей какого-то косметического салона, держа в руках большой пластиковый стакан. Едва дождавшись, пока машина остановится, она рванула дверь и влезла на переднее сиденье рядом с Фармером.

— Шприцы есть? — спросил он, принимая у нее стакан. — Этот козел не хочет мне говорить, есть у него или нет.

— Минуту, Фармер. Я хочу поздороваться с Чайной.

Она развернулась, встала на колени на сиденье и протянула мне руки. Я покорно наклонилась вперед, перегнулась через мальчишку и позволила ей обнять себя. Она, как всегда, выглядела, мягко говоря, странно с выбеленным пудрой лицом, блестящими розовыми губами, сильно накрашенными глазами и прямыми черными волосами. Наркоманская версия Элизабет Тейлор. Присцилла казалась странной маленькой девочкой, заключенной в пухлое женское тело. В отношениях со мной она бросалась из крайности в крайность: то изображала старшую сестру, то посылала меня подальше. Это зависело от Джо. Они то встречались, то расставались с тех пор, как он сел на иглу, причем в основном она гонялась за ним — за исключением тех случаев, когда у нее был хороший поставщик.

Сегодня она, к моему удивлению, слегка клюнула меня в губы. Как будто меня поцеловала помада.

— Как наша девочка из колледжа? — ласково спросила она.

— Нормально, Присцилла. Ты не...

— Я тебя с осени не видела, — продолжала она, хватаясь за спинку сиденья, — Джордж снова тронулся вперед. — Как тебе учеба? Ты все успеваешь?

Фармер потянул ее назад.

— Все это очень мило, неделя дома и все такое, но ты скажи: у тебя есть?

— Нет, Фармер, я люблю просто так стоять на улице со стаканом воды. Смотри не разлей.

— А у меня ложка есть, — встрял мальчишка, размахивая ложкой.

Стэйси забрала ее и с надеждой спросила:

— Кто первый?

Присцилла развернулась и взглянула на нее снизу вверх — этакая наркоманская аристократка, рассматривающая чернь.

— Я так поняла, что шприцы есть не только у меня?

Джордж, ведя машину, одновременно хлопал себя по карманам, бормоча: «Дерьмо, вот дерьмо».

— Козел! — рявкнул Фармер. — Я так и знал, что у тебя ничего нет.

— У меня *были*, но они куда-то подевались, не знаю куда.

— В заднице у себя поищи. Присцилла?

Присцилла шумно вздохнула:

— Я в этом больше не участвую. Когда-нибудь мы все подцепим гепатит и умрем.

— Ну а вот *я* чистый, — гордо заявил мальчишка.

— Продолжай пользоваться чужими шприцами — и заимеешь замечательный гепатит, — заметила я. — Джо так однажды триппер словил.

— Да дерьмо это все.

— Скажи ему, Стэйси, чей это был шприц с триппером, — сказала я, чувствуя себя дрянью.

Стэйси покраснела.

— И ты после этого хочешь первой? — фыркнула Присцилла. — Забудь.

— Это было в прошлом году. Я вылечилась, честно. У меня даже простуды нет. — Стэйси с яростью уставилась на меня. — Ну пожалуйста, Присцилла. Пожалуйста.

Присцилла снова вздохнула и дала ей маленький пакетик из фольги и одноразовый шприц.

— Если я что-нибудь подцеплю, то убью тебя к чертовой матери, вот клянусь, убью.

— Эй, *подержи*. — Стэйси сунула шприц и пакетик мальчишке и взяла у Фармера воду. — У кого ремень есть?

Все огляделись и в конце концов уставились на меня.

— Дерьмо, — сказала я и вытащила ремень из брюк. Стэйси протянула руки, но я убрала ремень подальше. — Кто-нибудь сейчас скажет мне, где искать Джо, или я выкидываю это в окно.

— Чайна, ну не надо так. Ты только все затягиваешь, — уговаривала меня Присцилла, словно я была невоспитанной младшей сестрой.

— Я просто хочу знать, где Джо.

— Дай нам сначала ширнуться, ладно? Ну все, отдай ремень Стэйси.

Прежде чем я успела сказать что-нибудь еще, Стэйси вырвала у меня пояс и закатала рукава рубашки и свитера выше локтя.

— Затяни, — велела она мальчишке. Голос ее дрожал.

Парень обмотал ремень вокруг ее локтя и затянул. Затем налил в ложку немного воды и отсыпал порошка из пакетика. Кто-то достал рваную тряпку, которая сошла за марлю. Стэйси возилась с ней, пока мальчик грел ложку над спичкой. Когда смесь в ложке начала пузыриться, Стэйси прикрыла ее тряпкой и набрала в шприц немного жидкости. Руки ее больше не тряслись. Подняв шприц, она выдавила несколько капель.

— Быстрее, а? — прикрикнул на нее Фармер. — Здесь, кроме тебя, еще люди есть.

— Заткнись, я не хочу себе пузырей в вену засадить. Помоги мне, — сказала Стэйси. — Затягивай ремень.

Мальчишка повиновался, и она, вытянув руку, пощупала мизинцем сгиб локтя.

— Нашла. Верный Старик[1]. Должна была пропасть давным-давно, но еще работает. А ты слышала про того парня? Который загнал себе пузырь и увидел его в вене как раз перед тем, как отключиться? — Она воткнула иглу в руку и потянула поршень. В шприце появилась кровь. — Бедняга все давил на него и давил, и представляешь... — Ресницы ее задрожали. Перегнувшись через мальчишку, я распустила ремень. — В конце концов от него избавился. Он еще ширяется. — Она хотела было сказать что-то еще, но вырубилась.

— Боже мой, Присцилла. — Я вытащила иглу из руки Стэйси. — Что у тебя за наркота?

— Только самое лучшее. От новой барыги Джо. Ты следующий? — обратилась она к мальчику.

---

[1] *«Верный Старик»* — название мощного гейзера, расположенного на территории Йеллоустонского национального парка.

— Он еще не наркоман, — возразила я. — На этот раз может пропустить.

— А тебя никто не спрашивает, — взвизгнул мальчишка. — Ты кто, мать твою, такая — моя нянька, что ли?

— Чтобы стать наркоманом, тебе нужно колоться каждый день в течение двух недель, — сказала я. — Отдохни сегодня.

Но он уже обмотал руку ремнем.

— Нет. Дай шприц.

Я сунула шприц в стакан с водой, который он держал.

— Сначала нужно его промыть, придурок. — Я опустила стекло и выдавила из шприца тонкую струйку воды. — Если все равно собираешься это сделать, то нужно сделать все правильно.

Внезапно на его лице появилось неуверенное выражение.

— Я никогда сам не кололся. Стэйси меня колола.

Я посмотрела на девушку, распростертую на сиденье.

— Хорошая из нее помощница. Похоже, придется тебе на этот раз обойтись самому. Я не делаю инъекций.

Но я выпустила из шприца воздух. Я не могла смотреть, как он загоняет себе пузырь в вену. Вены у него были как канаты.

Следующей была Присцилла. Я едва успела очистить для нее иглу и ложку. Ложка выглядела ужасно. Когда я уголком рубашки выковыривала оттуда грязь, я заметила, что это настоящее серебро. Детская ложечка. Наверное, украл у матери из буфета. А может, это та самая ложка, которую нашли у него во рту, когда он родился. Я посмотрела на обмякшее тело рядом со Стэйси: полузакрытые глаза, дурацкое выражение лица. Неужели это один из тех «новых людишек», о которых мне говорил отец, — избалованный мальчишка-школьник?

— Присцилла, ты что, спишь? — спросила я, выпуская воду из шприца в окно, пока Фармер готовил себе дозу.

— Мм... — промычала она.

— Ты действительно знаешь, где Джо?

Она не ответила. Я в последний раз опустила иглу в воду и брызнула в окно. Струйка, описав в воздухе изящную дугу, попала на стекло полицейской машины, поравнявшейся с нами. Я замерла, все еще держа в руках шприц. Фармер велел мне отдать этот гребаный шприц, но голос его, казалось, доносился откуда-то с другого конца света, за-

глушенный тоннами ваты. У меня закружилась голова, как вчера после сигареты, и мир принялся танцевать медленный танец смерти, а я смотрела, как мое будущее стекает по стеклу полицейской машины вместе с водой. Казалось, коп, сидевший за рулем, поворачивался ко мне целый год. Ездит один, наверное, деньги экономят, лепетал мой мозг. Лицо у него было какое-то плоское, и сквозь грязное стекло я разглядела грубую, шероховатую кожу. Мы посмотрели друг на друга, и он, высунув язык, облизнул губы. Он моргнул лишь раз — как-то смешно, как будто нижние веки его бесцветных глаз поднялись, чтобы встретиться с верхними. Между нами вспыхнуло какое-то понимание. Затем он отвернулся, и полицейская машина, обогнав нас, скрылась.

— Ты это видел? — Я дала шприц Фармеру, который обзывал меня последними словами.

— Ничего я не видел, — угрюмо ответил он. — И он нас тоже не видел.

Я попыталась рассмеяться, как будто это была шутка.

— О черт! А я-то подумала, что нам конец.

— Времена изменились.

— Только не говори мне, что нарки скидываются, чтобы подкупить копов.

Присцилла, придя в себя, счастливо вздохнула.

— Но кто-то же их покупает. А мы пользуемся всеми удобствами. Хороший порошок, плохие копы. Да, сейчас неплохо стало жить.

Мальчишка уцепился за меня и попытался приподняться. Я механически помогла ему сесть.

— Присцилла! Так ты знаешь, где Джо? Присцилла?

— Джо? Ах да. Он у меня.

— А я думала, он живет со своей барыгой.

— Он у меня дома. Или был.

Джордж съехал на обочину, и Фармер, еле шевелясь, начал готовить для него дозу.

— Дай мне ширнуться, и я тебя туда отвезу, ладно? — предложил Джордж, через силу улыбаясь мне.

Мальчишка упал мне на колени и неловкими движениями кое-как открыл дверь.

— Надо прогуляться, — промямлил он, переполз через меня и с трудом встал, опершись на дверь. Постоял, раска-

чиваясь, сделал несколько неуверенных шагов. — Нет, не могу. Перебрал. — Я схватила его, втащила обратно и запихнула на сиденье рядом со Стэйси. Он улыбнулся мне. — Ты классная девчонка, ты это знаешь? Ты классная девчонка.

— Дерьмо! — Джордж хлопнул по рулевому колесу. — Сломалась, гребаная иголка сломалась.

— Успел? — спросил Фармер.

— Да, как раз вовремя. Извини, Присцилла. — Джордж обернулся, чтобы посмотреть на нее, и чуть не рухнул на Фармера. — Я найду свою и отдам тебе. Новая, клянусь.

Присцилла издала какой-то презрительный звук.

— Эй, послушайте, если все счастливы, давайте поедем к Присцилле домой, — предложила я.

Джордж помотал головой:

— Не сейчас. Не могу так далеко ехать, слишком сильный был порошок. Нужно немного посидеть. Мы где? — Он открыл дверь и чуть не вывалился наружу. — Э, да мы опять около Стрипа. Зайдем туда ненадолго, ладно? — Никто не отозвался. — Ну давайте? Зайдем к Стрипу, кофе выпьем, музыку послушаем. А? — Он толкнул Фармера. — А?

— Вот дерьмо.

Я вылезла из машины, вытащила мальчишку, прислонила его к двери и извлекла Стэйси. В ее голове немного прояснилось, и она улыбнулась мне. Фармер и Присцилла, спотыкаясь друг о друга, обошли машину. Я огляделась. Мимо проехало несколько автомобилей, но никто не обращал на нас внимания. Живописная картина: Героин-сити в Стране кайфа, где пять нашпрявшихся наркоманов не привлекают ничьего внимания. Что же здесь не так?

Джордж проковылял мимо, и я, вцепившись в него, принялась хлопать его по карманам брюк.

— Что? — сонным голосом пробормотал он.

— Одолжи машину.

— Это не моя машина. Это... — Голова его поникла, и он смолк.

— Не важно, — сказала я, встряхнув его. — Просто дай мне ключи. — Я вытащила ключи, покопавшись в правом кармане его штанов; если бы он не был под кайфом, то оценил бы это. Нижнего белья на нем не было. — Присцилла!

Ей удалось пройти без посторонней помощи целых полквартала. Услышав свое имя, она развернулась вокруг оси, обхватив себя руками, хотя вряд ли на самом деле чувствовала холод.

— Джо и в самом деле у тебя дома?

Она старательно пожала плечами:

— Поторопись, может, и застанешь его.

Подошел Фармер и потащил ее за собой. Я смотрела, как вся компания на заплетающихся ногах уползает прочь — группа оборванцев, все, кроме одного, который все еще стоял, прислонившись к машине.

— Меня зовут Тэд, — сказал он. «Наверное, сокращенное от „головастик“[1]», — подумала я. — Возьми меня с собой.

Я хотела было позвать Фармера и прочих, но они уже завернули за угол. Теперь мне придется тащить за собой их нового друга, если не удастся куда-нибудь его пристроить. Он ухмылялся, покачиваясь из стороны в сторону. Пальто уже было перепачкано, но выглядело прилично. Перчатки, похоже, были лайковые, а ботинки — абсолютно новые. Если я его здесь брошу, то, вернувшись, найду где-нибудь в подворотне, раздетым. Я затолкала его на заднее сиденье.

— Ложись спи, и чтобы я тебя не слышала и не видела.

— Ты действительно классная девчонка, — промямлил он.

— Ага, через пару лет сходим с тобой на школьный бал.

Спинка водительского кресла была откинута слишком далеко назад и никак не поднималась. Я пристроилась на краешке продавленного сиденья и еле-еле ухитрилась дотянуться до педалей. Машина завелась, но выехать на проезжую часть оказалось непросто. Я никогда не училась водить. Машина была в ужасном состоянии — она то бросалась вперед, то глохла. После полудюжины рывков мне удалось выбраться с обочины, причем я несколько раз стукнулась грудью о руль, а мальчишку бросало то на спинку сиденья, то на пол. Но он не жаловался.

Присцилла жила в большом многоквартирном доме неподалеку от сортировочной станции. На первый взгляд квартал казался нежилым, на второй — тоже. Я свернула с дороги на участок изрытой земли, служивший в качестве пар-

[1] Головастик по-английски — «tadpole».

ковки, и затормозила перед зданием, ближайшим к железнодорожным путям. Мой спутник сел прямо и протер глаза:

— Это мы где?

— Жди здесь, — приказала я, вылезая из машины.

Он яростно затряс головой:

— Нет, я здесь вчера был. Здесь Присцилла живет. Опасное место. Я пойду с тобой. — Он выкарабкался из двери и прислонился к машине, пытаясь принять нормальный вид. — Просто я под кайфом.

— Я не собираюсь тебя ждать.

Я направилась к зданию, он потащился за мной. Наркотика в его крови немного поубавилось, и он упал всего три раза. Я не остановилась.

Он отстал после первого пролета. Я оставила его — он что-то бормотал, уцепившись за перила, — а сама побежала к квартире Присциллы, которая находилась на третьем этаже. Я знала, что дверь не заперта, — замок сломался сто лет назад, а Присцилла не собиралась тратить на какой-то замок деньги, на которые можно было купить хорошей наркоты. Но распатанная ширма за входной дверью была заперта на щеколду. Я нашла дырку в ширме и открыла дверь.

— Джо? — позвала я, заходя в грязную кухню. В нос мне ударил запах давным-давно разложившегося трупа, и я едва удержалась, чтобы не наблевать. — Джо?

Я на цыпочках прошлась по кухне. В раковине лежала пачка гамбургеров, которые Присцилла, видимо, оставила там размораживаться и забыла — судя по всему, недели три назад. Я удивилась, как это она может переносить такой запах, потом вспомнила — Присцилла постоянно хвасталась, что от кокаина у нее пропало обоняние. Остальным было все равно — только бы получить дозу. Внутри у меня все перевернулось, и меня вырвало на пол. Я выдавила лишь немного желудочного сока, хотя и завтракала. Запах был невыносим, и я направилась к выходу.

— Чего тебе надо?

Я резко обернулась, прикрыв рукой нос и рот — рвотный рефлекс снова сработал. В дверях спальни стоял здоровенный негр, одетый лишь в пижамные штаны. Мы с любопытством уставились друг на друга.

— Чего тебе? — повторил он.

— Я ищу Джо, — пробубнила я, не отрывая руку от лица.

— Ну я Джо. — Он поскреб щеку, и я заметила струйку крови, стекающую из угла его рта.

— Ты не тот Джо, — ответила я, проклиная про себя Присциллу. Она все это подстроила, неголяйка чертова. Она что, думала, я забуду про своего брата и буду тут валяться с этим парнем? Да, это в ее духе. Один Джо вместо другого, честная сделка. — Джо, которого я ищу, — мой брат.

— Я брат.

— Ну да. У тебя кровь идет.

Он дотронулся до рта и тупо посмотрел на свои пальцы.

— Кровь.

Я кивнула.

— Ну ладно, если увидишь белого парня по имени Джо, то он *мой* брат. Скажи ему, что Чайна его ищет.

— Чайна.

— Точно. Чайна.

— Чайна. Хрупкая штучка[1]. Может разбиться.

Выражение его лица неуловимо изменилось, и тот же ток, что, казалось, пробежал между мной и конем из патрульной машины, возник между нами в вонючей кухне Присциллы.

Я взглянула на гниющий в раковине гамбургер, и внезапно мне показалось, что это совсем не гамбургер, а человек в дверях — совсем не наркоман и даже не человеческое существо. Он рассматривал меня, наклонив голову, прищурив глаза, и все происходило как в замедленной съемке, как будто под водой.

— Если ты не очень торопишься, оставайся здесь, — предложил он. — Я здесь один. Скучно, потрещать не с кем. Думаю, ты много чего знаешь, о чем можно потрещать.

Ага, он прямо жаждет узнать, какие книги я за последнее время прочитала, подумала я. Я открыла рот, чтобы что-то ответить, и от кошмарной вони у меня снова перехватило дыхание.

— Да ладно тебе, посиди со мной немного. Я не кусаюсь. Если меня не просят.

Я хотела было спросить, кого он недавно укусил. Он потрогал губу, словно прочел мои мысли, и пожал плечами.

---

[1] *China (англ.)* — фарфор.

Я отступила на шаг. Он больше не казался обколотым, и мне пришла в голову мысль: странно, почему он торчит здесь один, вместо того чтобы пойти с Присциллой.

Внезапно до меня дошло: а может, он кого-то ждет? Может быть, Джо все-таки должен зачем-то сюда прийти и я просто приехала раньше?

Я сглотнула ком в горле, чуть не задохнулась от вони и выдавила:

— Слушай, Присцилла не говорила тебе, что к ней должен прийти друг, парень по имени Джо, ну или просто парень? Я хочу сказать, может, ты кого-нибудь ждешь?

— Только тебя, детка.

Я слышала эту фразу несколько раз в жизни, но никогда она не звучала так правдиво, как сейчас. Внезапно на ум мне пришли слова мальчишки: «Здесь Присцилла живет. Опасное место». Наверное, Фармер прибежал сюда сразу после встречи со мной, сказать Присцилле, что я ищу Джо. А та решила надо мной посмеяться, подговорила Фармера и остальных, и они разыграли маленькую комедию с сегодняшней встречей, чтобы я смогла спросить ее насчет Джо. Послала меня в квартиру к этому верзиле. Но зачем? Какой смысл?

— Нет, дружище, — сказала я, делая еще шаг назад. — Не меня.

— Ты уверена? — Голос был мягкий, вкрадчивый, слова скользили, как по блестящему гладкому льду. Лед. В квартире стоял холод, но негр, казалось, не замечал его. — Может быть, я смогу тебе чем-то... помочь?

Снаружи послышался шум приближающегося поезда. Через минуту он пронесется мимо, и здесь не будет слышно ничего, кроме грохота колес.

Я развернулась и выбежала на лестницу. Запах тухлого мяса, казалось, преследовал меня, пока я летела вниз по ступеням и будила мальчишку, по-прежнему висящего на перилах.

— Пошли, надо убираться отсюда.

Под стук колес поезда я запихнула сопляка в машину и завела мотор.

— Нашла своего Джо? — крикнул мальчишка, когда мы подпрыгивали на кочках так называемой стоянки.

— Ага, нашла. Только это был, мать его, другой Джо.

Мальчишка хихикнул:

— Здесь куча парней по имени Джо.

— Спасибо за информацию, я это учту. — Я снова вырулила на проезжую часть, не зная, что делать дальше. Может, стоит просто поездить вокруг, останавливать попадающихся нарков и спрашивать их, не видели ли они Джо? Или искать белый «кадиллак», или что там у них было. Шикарная белая машина заметна сразу, особенно если за рулем интересная блондинка.

Наркоманы начали появляться в больших количествах, показывались из переулков, выползали из-за углов. Некоторые махали, увидев машину, но смущались, заметив за рулем меня. Мне показалось, что незнакомых лиц стало больше; некоторых я никогда не видела. Но я решила, что в этом нет ничего удивительного, — не может же число наркоманов оставаться неизменным с тех пор, как я поступила в колледж! У каждого есть друг, который в конце концов тоже становится наркоманом. Как этот пацан на заднем сиденье.

Я взглянула на него в зеркало. Он почти пришел в себя и сидел прямо, запрокинув назад голову. Если я хочу найти Джо или, по крайней мере, его подружку, мне придется его выкинуть.

— Просыпайся, — окликнула я парня, поворачивая направо, на улицу, ведущую к Фостер-серкл и кафе Стрипа. — Я оставлю тебя с кем-нибудь в закусочной. Можешь туда дойти?

Он наклонился вперед и оперся о спинку переднего сиденья.

— А чё, мы же еще не нашли Джо.

— «А чё». Ты на уроки английского тоже под кайфом ходишь, что ли?

Он хихикнул:

— Ага. Как будто я один такой.

— Может, и не один. Но я не могу постоянно будить тебя и таскать за собой. Здесь тебе не школа, и звонков нет. Ты сам за себя отвечаешь. — Я снова посмотрела на него: он повис на спинке сиденья, улыбаясь мне, как блаженный. — До тебя это не доходит, так?

— Что «не доходит»? — Он неуклюже взъерошил мне волосы.

— Перестань. До тебя не дошло, что ты один?

— Дерьмо это; у меня *куча* друзей.

— Куча наркоманов, вот что у тебя есть. Не надо принимать их за друзей.

— Да? — Мальчишка снова потянулся к моим волосам, и я шлепнула его по руке. — А что ж ты тогда гоняешься за своим Джо?

— Джо мне не просто друг, он мой брат.

— Ни фига себе, в самом деле? А я подумал, ты его бывшая или что-то такое.

Какая короткая у них память. Я собралась было ответить ему, когда заметила ее — она сверкала на солнце, как свежевыпавший снег, невероятно чистая, против правил припаркованная прямо у края Фостер-серкл. Джордж был прав: это все-таки оказался «кадиллак». Я поискала место для парковки и в конце концов затормозила у пожарного гидранта.

— Жди здесь, — велела я, выключая мотор. — Если я не вернусь через десять минут, можешь идти куда хочешь.

— Еще чего, — сказал мальчишка, отваливаясь назад и шаря в поисках дверной ручки. — Я иду с тобой.

— Пошел ты.

Я выскочила из машины и бегом преодолела две полосы, уворачиваясь от машин и надеясь, что парень вырубится прежде, чем разрешит загадку дверной ручки. «Кадиллак» был пуст; я пробралась через заросли невысоких колючих кустов, которые бывший мэр выбрал за красные цветы, и дико огляделась.

Неудивительно, что я не сразу ее заметила. Она сидела на скамье в пятидесяти футах от меня, такая же безупречно чистая, как и ее машина, в толстом коричневом пальто и сапогах на шпильках. Длинные пепельные волосы спускались на шарф классической волной, как у топ-модели. Может быть, она и была бывшей топ-моделью, если судить по ее тщательно продуманной, изящной позе, скрещенным ногам и небольшой сумочке на коленях; вот только парень рядом с ней явно не подходил для рекламы косметики «Брют»[1]. Это был Фармер, и выглядел он по-прежнему отвратительно. Он поднял руку и указал на меня. Женщина обернулась, и ее искусно накрашенное лицо сложилось в одну из тех

[1] *«Брют»* — линия мужских духов и средств для бритья фирмы «Фаберже».

бодрых улыбок, которые стюардессы приберегают для пассажиров бизнес-класса, не просыхающих всю дорогу.

Она поманила меня затянутой в перчатку рукой, и я подошла к ним.

— Здравствуйте,— произнесла она теплым контральто.— А мы вас ждем.

— Надо же,— небрежно ответила я.— Похоже, в последнее время меня здесь ждет куча народу. Верно, Фармер? — Он был слишком занят женщиной и не ответил мне.— А я думала, ты не знаешь, как ее найти.

— Я и не знал,— ответил он, продолжая бессмысленно пялиться на женщину, что меня уже порядком раздражало.— Она сама меня нашла. Вроде того.

— У *Стрипа*, что ли? — Я не смотрела на нее, но уголком глаза заметила на ее лице все ту же веселую улыбку,— казалось, ее совсем не оскорбляет это обсуждение в третьем лице.

— Не-а. Когда ты нас бросила, я оставил всех у Стрипа и пришел сюда, подумал, что, может, смогу найти кого-нибудь, кто передаст от тебя привет Джо.

— Ну конечно. Только Присцилла сказала мне, что Джо у нее. А его там не было. Как насчет этого, а, Фармер? Не хочешь об этом поговорить? Ты ведь там был вчера вечером?

Фармер отпираться не стал, да я ему и не поверила бы.

— Ну да, был я там. Но она нас не пустила, сказала, что встретимся, где договаривались.— Он пожал плечами.— Ну так вот, я говорил, что пришел сюда и увидел на улице ее машину, остановил ее и сказал, что ты ищешь Джо. А потом мы сели на скамейку. Я решил, что ты когда-нибудь здесь да покажешься,— я же говорил тебе, что видел здесь Джо с ней. Ну и, сама знаешь, у Стрипа встречаться не очень, мать его.

Конечно, не очень, особенно если хочешь установить контакт с новой барыгой и не подпускать к ней своих приятелей.

— Значит, решил на свежем воздухе посидеть? — процедила я с отвращением.— Я собиралась к Стрипу.

— Если станет слишком холодно, можем залезть в машину.— Фармер явно нервничал.— Слушай, ну чего ты на меня взъелась? Я же нашел ее, так?

Я обернулась к женщине:

— Где Джо?

Глаза у нее были темно-синие, даже цвета морской волны.

— Он у меня дома. Я так понимаю, вы его сестра, Чайна? — Она наклонила голову, как ведущая телешоу, демонстрирующая приз — годовой запас автомобильного шампуня. — А я и не знала, что у Джо есть сестра в колледже. Но я вижу сходство, те же глаза, тот же рот. Вы с Джо были друзьями?

— Я хочу его видеть.

Незнакомка развела руками:

— Тогда поедем и встретимся с ним. Мы все.

Она улыбнулась кому-то у меня за спиной, и я оглянулась. В нескольких футах от меня стоял мальчишка, все еще не отошедший от дозы и слегка покачивающийся; но в глазах его сверкали искорки, какие бывают у наркоманов, почуявших возможность раздобыть еще белого порошка. К черту две недели; он уже родился наркоманом, точь-в-точь как Джо.

Я повернулась к женщине, собираясь сказать ей, что мальчишке всего пятнадцать и она, разумеется, не хочет неприятностей, но она уже поднялась на ноги, помогая Фармеру встать. Ее дорогие перчатки нелепо сверкали на фоне его грязной, поношенной джинсовой куртки.

И правда не браться же ей за него голыми руками.

Она не возражала, когда я уселась на переднее сиденье рядом с ней; когда Фармер собрался было шлепнуться туда же, я указала большим пальцем назад. Он рухнул рядом с мальчишкой, и мы тронулись с места как раз в тот момент, когда у машины Джорджа затормозила сотрудница дорожной полиции. Я оглянулась на ее мотоцикл.

— Похоже, мы вовремя отчалили, — заметила я.

— Меня никогда не штрафуют. — Женщина вставила в магнитолу кассету «Благодарных мертвецов»[1] и увеличила громкость задних динамиков.

— Интересно, — сказала я, — вы не похожи на фанатку «Благодарных мертвецов». Я бы скорее подумала, что вы любите Синатру. Или, может, Тони Беннетта[2].

— Вообще-то, я люблю камерную музыку, — спокойно ответила она. — Но она мало популярна среди наших клиентов.

---

[1] *«Благодарные мертвецы»* («The Grateful Dead») — популярная американская рок-группа, основанная в 1965 г. в Сан-Франциско.

[2] *Беннетт Тони* (Bennett Tony, p. 1926) — американский эстрадный исполнитель традиционной поп-музыки с джазовыми нотами.

В музыке «Благодарных мертвецов» есть некий грубый шарм, особенно в балладах, хотя я все же никак не могу понять пристрастия к ним молодежи. Мне кажется, студенты их слушают.

— Ага, «Святой Стефан с розой», — сказала я. — «Глоток свежего воздуха» и все такое. О нет, это «Квиксилвер Мессенджер Сервис»[1].

— У меня есть несколько записей, если ты их предпочитаешь.

— Ничего, «Мертвецы» сойдут.

Блондинка взглянула на меня краем глаза. Тут Фармер взвизгнул: «Клевая тачка!» — и она сделала музыку погромче.

— Они нас не слышат, — сказала она.

— Точно.

Должно быть, у нее уже устали мускулы лица, но улыбка оставалась по-прежнему профессиональной. У меня так не получилось бы. Внезапно я пожалела, что села в машину. Отец оказался прав насчет меня: самоуверенная зазнайка из колледжа. Я не сразу поняла, во что вляпалась с этим белым «кадиллаком» и бывшей моделью, которая называет наркоманов своими клиентами. Но сейчас до меня дошло. Мы направлялись к платному мосту через реку. Я решила выскочить из машины, когда она остановится, и бежать прочь со всех ног, надеясь, что меня не догонят.

Раздался негромкий металлический щелчок. Двери были заблокированы.

— Опасный район, — заметила женщина. — Когда едешь здесь, нужно на всякий случай закрывать двери.

А потом она моргнула. Хотя я видела ее в профиль, я заметила, как нижнее веко приподнялось и сомкнулось с верхним.

Она выехала на отдельную полосу и, едва снизив скорость, открыла окно и протянула руку к автомату. Наверное, только ради меня, подумала я: денег у нее в руке не было.

Она привезла нас к какому-то складу на другой стороне реки, в промышленном районе. Некоторые здания выгляде-

[1] *«Квиксилвер Мессенджер Сервис»* («Quicksilver Messenger Service») — американская рок-группа, исполняющая психоделическую музыку; основана в Сан-Франциско в 1965 г.

ли заброшенными, некоторыми, казалось, продолжали пользоваться. Еще не совсем стемнело, но повсюду лежали тени. Я по-прежнему намеревалась сбежать, как только мы остановимся, не обращая внимания на то, что пряталось среди теней. Я думала, что мне удастся вырваться отсюда, возможно, вернуться с полицией. Но сначала посмотрю, как полицейские моргают. Но женщина все предусмотрела; мы нигде не останавливались. «Мертвецы» надрывались; машина въехала по пандусу к двери склада, которая автоматически поднялась. Мы оказались на платформе, огороженной колючей проволокой. Включились две яркие лампы. Мгновение спустя платформа дернулась и начала медленно подниматься. Да, она все предусмотрела.

— Опасный район, — повторила она. — Когда выходишь из машины, то за твою жизнь нельзя дать и гроша.

Да уж, подумала я, уверена, что так.

После бесконечного подъема лифт дрогнул, остановился, и двери перед нами скользнули в стороны. Мы оказались на пороге просторной, элегантно обставленной гостиной. «Хауз энд Гарден»[1] завоевывает вселенную.

— Ну вот, — жизнерадостно произнесла женщина, выключив мотор и «Мертвецов». — Вылезайте. Поосторожнее, не оцарапайте дверцы. Потом нелегко будет закрасить царапины.

Я подождала, пока она снимет блок, и громко хлопнула дверью по колючей проволоке. Какого черта, все равно мне конец. Только самоуверенная зазнайка из колледжа может думать, что ей удастся отсюда сбежать.

Но женщина ничего не сказала — даже не взглянула в мою сторону. Она провела нас в гостиную и указала жестом на длинный бежевый диван, стоявший напротив дверей лифта, которые закрылись, как только Фармер и мальчишка, спотыкаясь, пересекли порог.

— Располагайтесь, будьте как дома, — сказала она. — Угощение на столе.

— О, вот это да, — выдохнул Фармер, рухнув на диван. — Может, музыку включить, «Мертвецов», а?

---

[1] *«Хауз энд Гарден»* («House & Garden») — американский журнал, посвященный дизайну интерьера и садоводству, выходил с 1901 по 2007 г.

— Подожди, Фармер, — ответила блондинка.

Она сняла пальто и бросила его на стул перед большим баром из красного дерева. За ним блестело зеркало, а сверху висела картина, изображающая пышнотелую женщину в шароварах и корсаже, которая лежала на диване и ела конфеты из коробки. Все это походило на театральные декорации. Хозяйка заметила, что я рассматриваю бар.

— Выпьешь? — предложила она. — Мне кажется, люди твоего возраста сейчас в этом мало разбираются, но у нас есть все для тех, кто знает толк в выдержанном коньяке, марочных винах и тому подобном.

— Я выпью двадцатилетнего виски, но только после того, как вы покажете мне Джо.

Женщина снисходительно усмехнулась:

— Может, предпочитаешь хороший коньяк?

— Как вам угодно, — ответила я.

— Я сейчас вернусь.

Она не вертела бедрами при ходьбе, но в ее кашемировом платье этого и не требовалось. Все здесь было высшего качества, настоящее, со вкусом. Еще раз улыбнувшись мне через плечо, хозяйка скользнула за тяжелую деревянную дверь в дальнем конце комнаты, рядом с огромным антикварным секретером.

Я взглянула на Фармера и мальчишку, развалившегося на диване подобно наркоманскому варианту Тряпичного Энди[1].

— О, чтоб мне сдохнуть! — воскликнул Фармер. — Такое клевое местечко! Никогда не бывал в таких клевых местах!

— Ага, — поддакнул мальчишка. — Далеко сюда ехать.

Перед ними на журнальном столике стояло три серебряных шкатулки. Я подошла и открыла одну из них; в ней лежало несколько новых шприцев. В следующей находились чайные ложки, а в третьей — белый порошок. Рядом стояла настольная зажигалка. Я взяла ее в руки. Это был искусно сделанный серебряный дракон, прижавший крылья к чешуй-

[1] *Тряпичный Энди* (Raggedy Andy) — кукла, персонаж детской книги «Истории Тряпичного Энди» («Raggedy Andy stories», 1920), созданной американским художником и писателем Джонни Груэллом (Johnny Gruelle, 1880–1938).

чатому телу и свернувшийся вокруг какой-то скалы или камня. Я щелкнула колесиком на спине дракона, и он изрыгнул язычок пламени. Мне нужна была лишь банка дезодоранта, и получился бы огнемет. Возможно, я смогла бы выбраться отсюда с помощью огнемета. Но я в этом сомневалась.

— Ни фига себе, ты только посмотри! — взвизгнул сопляк, садясь и запоздало замечая содержимое шкатулок. — Вот это набор!

— Такое клевое местечко! — повторил Фармер, хватая героин.

— Да уж, прямо рай для наркоманов, — сказала я. — Приятно было с вами познакомиться.

Фармер заморгал, глядя на меня.

— Ты что, уходишь?

— Мы все уходим.

Он откинулся на спинку дивана, не выпуская из рук шкатулку; мальчишка нервно поглядывал на нее.

— Ну тогда иди. Вообще-то, это все тебе неинтересно. Но я здесь еще побуду.

— Ты что, не понял? Думаешь, Блондинка просто так позволит тебе уйти отсюда, прихватив столько наркоты, сколько ты сможешь унести?

Фармер усмехнулся:

— Почем я знаю, мало ли, вдруг она хочет, чтобы я здесь жил. Мне показалось, что я ей понравился. Да, я ей определенно понравился.

— Ну конечно, вот еще Головастика усыновите, а Стэйси, Присцилла и Джордж будут приезжать по воскресеньям на пикники.

Мальчишка посмотрел на меня угрожающе, а Фармер пожал плечами:

— Да ладно тебе, кому-то же надо быть в городе, присматривать за оборотом.

— И ты думаешь, что она вышвырнет Джо и возьмет вместо него тебя, да? — хмыкнула я.

— Ах да, Джо. — Он подумал. — Ну, черт подери, здесь места много. Для троих хватит. А может, и для четверых. — Он снова хихикнул.

— Фармер, не думаю, что много людей увидели это место и остались после этого живы.

Он зевнул во весь рот, продемонстрировав покрытый налетом язык.

— Ха, значит, нам повезло.

— Нет. Нам не повезло.

Фармер уставился на меня. Затем рассмеялся:

— Вот дерьмо. Ты просто с ума сошла.

Дверь в дальнем конце комнаты снова открылась, и оттуда вышла женщина.

— А вот и он! — радостно объявила она и втащила за собой [illegible].

Да, это был мой брат Джо, блудный сын, пропащий человек, в длинном купальном халате, небрежно завязанном на талии и открывавшем его тощую грудь. Кудрявые темные волосы были чище, чем в нашу последнюю встречу, но стали более редкими и тусклыми. Глаза глубоко запали, кожа казалась сухой и какой-то чешуйчатой. Но, подходя ко мне, он твердо держался на ногах.

— Джо, — начала я, — это я, Чай...

— Знаю, детка, знаю. — Лицо его не изменило выражения. — Какого черта ты здесь делаешь?

— Я получила твою открытку.

— Дерьмо, я же сказал тебе, что это в последний раз.

Я захлопала глазами:

— Я приехала, потому что подумала... — Я смолкла и посмотрела на женщину, которая, все еще улыбаясь, подошла к бару и налила в бокал коньяка.

— Ну, продолжай, — подбодрила меня она. — Скажи ему, что ты подумала. И выпей коньяка. Но сначала его надо погреть в ладонях.

Я слабо покачала головой, глядя на пушистый ковер. Он тоже был бежевым. Да, чистоту здесь блюдут.

— Я подумала, что тебе нужна моя помощь. Что надо сделать что-нибудь.

— Я просто попрощался, детка. Вот и все. Ну, знаешь, я подумал, что должен попрощаться, после всего, что ты для меня сделала. Я решил: какого черта, во всем мире только тебе есть дело до меня, вот и надо попрощаться. Гребаным родичам все равно, даже если они вообще больше никогда меня не увидят. Розе и Аурелии — тоже, так что плевал я на них.

Я подняла взгляд и посмотрела брату в лицо. На нем по-прежнему застыло какое-то мертвенное выражение. Как будто он говорил мне, что этой зимой, похоже, снега больше не будет.

— Бери коньяк, — повторила женщина. — Но прежде чем пить, погрей его в ладонях, вот так. — Она показала как, затем протянула мне бокал. Я не пошевелилась, и она поставила его в бар. — Может быть, ты попозже захочешь.

Она отошла к дивану, где Фармер с мальчишкой копались в шприцах и ложках. Джо сделал глубокий вдох, затем выдохнул — казалось, с трудом.

— Я могу попросить ее отпустить тебя, — сказал он. — Может быть, она согласится.

— *Может быть?* — повторила я.

Он сделал жалкий, беспомощный жест рукой:

— Ну какого дьявола ты пришла сюда?

— За тобой, придурок. А какого дьявола здесь делаешь ты?

Женщина, склонившаяся над журнальным столиком, оглянулась на нас.

— Ты ей ответишь, Джо? Или мне за тебя ответить?

Джо слегка повернулся к ней и едва заметно пожал плечами:

— Отпусти ее, пожалуйста.

Она снова улыбнулась:

— Может быть, и отпущу.

Фармер взял шприц.

— Эй, мне нужна вода. И посудина какая-нибудь. У вас тут ложка есть? И марля?

— Рановато для следующей дозы, а? — сказала я.

— А чего ждать? — Он похлопал по коробке с наркотой, лежавшей у него на коленях.

Женщина взяла у него шприц и положила на стол.

— Это тебе не понадобится. Мы держим их на случай, если нужно будет уйти — например, если у тебя встреча или Джо вышел по делу, — но здесь мы делаем это не так.

— Нюхаете, что ли? — презрительно фыркнул Фармер. — Леди, я уже вырос из этого.

Она издала едва заметный утонченный смешок и, обойдя столик, села рядом с наркоманом.

— Нюхать. Ну ты даешь. Нет, здесь не нюхают. Сними куртку.

Фармер повиновался и швырнул одежду на пол, за спинку дивана. Женщина закатала левый рукав его рубахи и изучила сгиб локтя.

— Эй, Чайна, — сказал он, глядя на женщину с характерной для наркоманов алчностью, — дай мне свой ремень.

— Никаких ремней, — перебила его женщина. — Откинься назад, расслабься. Я обо всем позабочусь. — Двумя пальцами она прикоснулась к его руке, затем пальцы ее скользнули вверх, к шее. — На самом деле здесь даже лучше.

Фармер нервно взглянул на нее:

— В шею? Ты точно знаешь, что делаешь? Никто не колется в шею.

— Это освоить нелегко, но так гораздо лучше, а к тому же быстрее и сильнее действует.

— Ну тогда ладно. — Фармер неуверенно усмехнулся. — Если сильнее, давай, я «за».

— Расслабься, — повторила женщина, запрокидывая его голову назад. — Джо это много раз делал, правда, Джо?

Я посмотрела на его шею, но ничего не заметила — даже грязи.

Женщина расстегнула Фармеру воротник, отбросила с шеи волосы, не обращая внимания на то, что они были сто лет не мыты. Погладила пальцами кожу, издав негромкое ворчание, вроде того, каким успокаивают перепуганного щенка.

— Ну вот, — пробормотала она, наклонившись к шее Фармера. — Вот она, вот наша детка. Хорошо видна. Вот и славно.

Фармер замычал от удовольствия и потянулся к женщине, но она схватила его руку и прижала к дивану.

— А теперь не дергайся, — приказала она. — Это недолго. Очень недолго.

Она лизнула его шею.

Я не верила своим глазам. Грязную, морщинистую шею Фармера. Я бы лучше тротуар облизала. И эта женщина... Я обернулась к Джо, но он по-прежнему безо всякого выражения наблюдал за тем, как она лижет шею Фармера. Как будто мы смотрели скучную программу по телику, которую он уже сто раз видел.

Глаза Фармера были полузакрыты. Он издал короткий смешок:

— Щекотно немного.

Женщина отстранилась и осторожно подула на его шею.

— Ну вот. Почти готово. — Она взяла у него коробку с героином.

Я не хотела на это смотреть и снова поглядела на Джо. Он слегка покачал головой, не отрывая взгляда от женщины. Она улыбнулась мне, набрала немного порошка и положила его в рот.

— Идиот несчастный, — произнесла я, но мои слова, казалось, доносились откуда-то из дальней дали.

Женщина кивнула, словно соглашаясь со мной, а затем быстрым движением, словно атакующая змея, впилась губами в шею Фармера.

Тот слегка подпрыгнул, глаза его широко раскрылись. Затем тело его обмякло, и, если бы не женщина, державшая его зубами за шею, он повалился бы на пол.

Я открыла рот, чтобы закричать, но не смогла произнести ни слова. Как будто нас с Джо окружала какая-то стена, не пропускавшая звуков.

Блондинка, казалось, целую вечность прижималась ртом к шее Фармера. Я стояла, будучи не в силах отвести взгляда. Я тысячу раз видела, как ширяются Фармер, Джо и остальные. Эта картина промелькнула у меня перед глазами: игла, протыкающая кожу, шарящая там, находящая вену, водоворот крови в шприце. Вводили наркотик быстро — от этого кайф сильнее. Может быть, так кайф тоже сильнее, для обоих.

Время шло, обгоняя нас. Я-то думала, что им еще рано снова ширяться, но на самом деле для нее так было даже лучше — пока они еще не пришли в себя, сидят здесь и ничему не удивляются. Эй, что это сейчас было такое странное? Странное? А что странного? И все, отключка.

А потом женщина подняла голову, и я увидела это. Живую иглу, вроде жала. Я пожалела о своем хорошем здоровье, о том, что не могу упасть в обморок, чтобы все это исчезло. Женщина приковывала к себе мой взгляд так же крепко, как только что держала Фармера. Я пришла увидеть Джо, и это входило в программу — такая вот сделка.

Какая-то часть моего сознания кричала, надрывалась, умоляя Джо уйти отсюда и увести меня, но это было где-то далеко, в другом мире, в котором происходящее было невозможным.

Она снова прижалась губами к шее Фармера, через некоторое время отстранилась. На его коже осталось небольшое красное пятнышко, похожее на след от прививки. Она неловко отодвинулась и одарила меня своей профессиональной улыбкой.

— Ведь он за этим сюда пришел, — пояснила она. — Ну а теперь я займусь следующим, Джо, или ты хочешь сам?

— О боже, Джо, — прошептала я. — О боже.

— Не люблю парней, — сказал он. И моргнул.

— О боже...

— Ну что ж, здесь только одна девушка. — Она сморщила нос.

— Нет. Нет, о Господи Иисусе, Джо... — Я схватила его двумя руками за халат и встряхнула.

Он покачнулся, как будто я трясла магазинный манекен. Даже в самые худшие моменты, по уши накачавшись наркотиками, он был в миллион раз живее, чем сейчас. Мой покойный брат, Джо, блудный сын, теперь погиб безвозвратно, пропащий человек наконец пропал.

Он подождал, пока я перестала трясти его, и посмотрел на меня сверху вниз. Я отступила на шаг. Я была скучной телевизионной программой, которую он уже сто раз видел.

— Отпусти ее, ладно?

— Ну подумай, ну что ты, Джо, — уговаривала женщина.

Я рванулась к лифту, но двери не открывались. Они подчинялись только ей, ей подчинялось все: наркоманы, я, даже турникеты на платных мостах. Я стояла около лифта, пока не почувствовала прикосновение рук Джо.

— Чайна.

Я отскочила и прижалась спиной к дверям лифта. В ушах у меня шумело. Сердце колотилось, как бешеное. Я подумала, что сейчас потеряю сознание и они смогут сделать со мной все, что угодно. На лице женщины, стоявшей между валявшимся в отключке Фармером и мальчишкой, похожим на накачанное наркотой бревно, появилось выражение скуки.

— Чайна, — повторил брат, но руку ко мне не протянул.

Я заставила себя дышать медленнее. Шум в ушах поутих, и я почти твердо стояла на ногах.

— О боже, Джо, где ты *нашел* этих... не знаю, кто они такие? Это же не люди.

— На самом деле я не совсем их нашел, — ответил он. — Однажды я просто огляделся по сторонам, и они были рядом. Там, где и всегда.

— Я никогда прежде их не видела.

— А тебе и не нужно было. Они пришли за такими, как я, Фармер и этот, как его там — как этот пацан. Не за тобой.

— Тогда почему я их заметила?

— Не хочу думать об этом. Это... — Он на мгновение запнулся. — Не знаю. Это заразно, наверное. Может быть, однажды они придут за всеми остальными.

— Да, на самом деле, план именно таков, — признала женщина. — Но в мире столько джо и фармеров. Хотя в конце концов наступает необходимость расширить сферу интересов. К счастью, новые пути находить нетрудно. — Она провела пальцем по вороту своего платья. — В моду входят самые невозможные вещи, ну, ты сама знаешь, как это бывает. Раз — и вот уже вся страна охвачена.

— Отпусти ее, — сказал Джо.

— Но тебе же нужен кто-то прямо сейчас, у тебя нет времени, дорогой.

— Отвези ее обратно к Стрипу. Стэйси и Джордж там, а может, и Присцилла. Можешь привезти их сюда, а ее оставь там.

— Но, Джо, — настаивала она, — она же нас видела.

— Ну и что? Можешь разобраться с ней потом.

Меня начало трясти.

— Джо! — Улыбка стюардессы исчезла. — Существуют правила. И это не просто условный набор фраз, предназначенный для того, чтобы в час пик вонючая толпа не устраивала бардак на перекрестках. — Женщина обошла столик, приблизилась к Джо и положила руку ему на локоть. Я заметила, что ее большой палец сильно надавил на ткань халата. — Ты *сам* выбрал эту жизнь, Джо. Ты *просил* нас об этом, а когда мы дали тебе ее, ты согласился выполнять правила. И это входит в сделку.

Он приподнял ее ладонь и убрал со своего рукава.

— Нет, не входит. Моя сестра не наркоманка. Ничего не выйдет, только не с ней. Ты сама знаешь, что будет. У тебя на руках окажется тело, с которым неизвестно, что делать, а след приведет прямо ко мне. Сюда. Потому что все знают, что она меня искала. Она, наверное, у всего города успела расспросить обо мне. Ведь так, Чайна?

Я кивнула, будучи не в состоянии выговорить ни слова.

— Но ты же знаешь, что копы наши.

— Не все. Пока что наших там мало.

Женщина поразмыслила над его словами. Затем покачала головой, глядя на него так, словно он был любимой, но избалованной собачкой или кошкой.

— Я сделаю это только ради тебя; надеюсь, ты это понимаешь.

— Понимаю, — ответил Джо.

— Я хочу сказать, что все, о чем ты говоришь, несущественно. Я могла бы пойти на это, несмотря на трудности. Но дело в том, что ты мне нравишься. Ты так хорошо подходишь на эту роль. Ты просто то, что нужно. — Она оглянулась на мальчишку. — Ну хорошо, надеюсь, это может подождать, пока я не закончу со своими делами.

— Как тебе будет угодно, — согласился Джо.

Она снова обернулась ко мне с улыбкой, в которой на этот раз светилась насмешка.

— Я присоединюсь к вам через минуту.

Когда женщина пошла к дивану, я отвернулась, чтобы не видеть, как она расправляется с мальчишкой. Джо продолжал неподвижно стоять на месте, не делая попытки приблизиться ко мне или отойти. Я все еще немного дрожала; свисавшая на глаза челка раскачивалась. Я подумала: как глупо, что я думаю об этой челке, сосредотачиваюсь на волосах, заслоняющих антикварный бар, и пытаюсь остановить их. Если волосы перестанут дергаться, тогда я успокоюсь. Мальчишка на диване издал тихий звук — не знаю, от боли или от удовольствия, а может, от того и другого. Я обернулась к Джо, желая закричать на него, приказать ему остановить это, но понимала, что все бесполезно. Парень сам за себя отвечает, он сам по себе; этого не понимала только я. Сейчас мы все были одиноки.

На меня уставились мертвые глаза Джо; взгляд был бессмысленным, как у животного. Я попыталась разглядеть там

хотя бы искру жизни, хотя бы этот алчный взгляд, словно вопрошающий: «Двадцатки не найдется?» Когда-то прежде он смотрел так на меня... Но сейчас и этот взгляд исчез. То живое, что в нем осталось, было израсходовано, когда он упросил ее отпустить меня. А может быть, он обо мне вовсе не думал; может, он действительно был лишь озабочен проблемой, как избавиться от моего трупа. Наркоманам нужна любовь, но доза им нужна больше.

Наконец я услышала, как мальчишка тяжело повалился на диван.

— Ну что ж, пойдем, — сказала женщина, подходя к бару за своим пальто.

Двери лифта скользнули в стороны.

— Подожди, — произнес Джо.

Я уже направилась к машине, но остановилась и обернулась к нему.

— Она возвращается к Стрипу, — сказал Джо. — Как я тебе говорил. А ты забирай Стэйси, Джорджа, Присциллу и кто там еще будет. Но ее оставь в покое, мать твою. Потому что, если ты ее не оставишь, я узнаю.

Я хотела назвать его по имени, но не смогла произнести ни звука.

«Привет, Джо. Какого черта?»

«Если ты спрашиваешь, детка, значит, на самом деле тебе это неинтересно».

— Хорошо, Джо, — дружелюбно ответила женщина. — Я же сказала, что сделаю по-твоему.

Его нижние веки приподнялись, закрыв зрачки. *Прощай, Джо.*

— Какая жалость, что ты так и не попробовала коньяк, — обратилась ко мне женщина, надевая пальто. Она кивнула на бокал, все еще стоявший на полке бара. — Четырехлетней выдержки.

Когда мы переезжали через реку, уже стемнело. Блондинка поставила для меня кассету «Квиксилвер Мессенджер Сервис». Еще глоток. Ни она, ни я не произнесли ни слова, пока машина не остановилась перед забегаловкой Стрипа.

— Сбегай, скажи им, что я их жду, — жизнерадостно попросила она.

Я посмотрела на нее:

— И что именно мне сказать?

— Что мы с Джо устраиваем вечеринку. Им это понравится.

— Значит, вы с Джо? Думаешь, вы двое сможете справиться со всем угощением?

— О, к тому времени, как я вернусь, подойдут другие. Ты же не думаешь, что нам двоим нужны такие хоромы?

Я пожала плечами:

— Откуда *я* знаю?

— Ты знаешь достаточно. — Мы посмотрели друг на друга в слабом свете огоньков от приборной доски. — Ты уверена, что не хочешь вернуться? Друг Присциллы тоже придет.

Я сделала глубокий вдох:

— Не знаю, что она там ему про меня наговорила, но это все враки.

— Ты уверена?

— Уверена.

Она еще несколько мгновений смотрела на меня, словно что-то измеряя.

— Тогда увидимся позже, Чайна.

Я вылезла из машины и вошла в кафе.

Потом я зашла домой, чтобы собрать вещи, пока отец орал на меня, а мать наблюдала за этой сценой. Я позвонила Марлен с автобусной остановки. Ее не было дома, но ее бабушка приветствовала меня с радостью и попросила приезжать, сказала, что отправит Марлен на машине меня встречать.

Вот, собственно, и все. После этого случая я стала еще реже ездить домой, так что Джо я больше не видела. Но я видела их. Не ее, блондинку Джо, не того кона и не негра из квартиры Присциллы, но других. Видимо, однажды познакомившись с ними, ты начинаешь замечать их вокруг. Они везде. Иногда они кивали мне, словно знали меня. Я продолжала заниматься своими делами, получила диплом, получила работу, получила жизнь и по-прежнему время от времени встречала их.

В последнее время я вижу их не чаще, но и не реже, чем раньше. Они повсюду. Если я не вижу их, то я вижу, где

они были. Во многих местах из тех, где бываю я. Иногда я не думаю о них, и это похоже на небольшой глоток свободы, но он, разумеется, длится недолго. Я вижу их, они видят меня, и однажды у них найдется время прийти за мной. Ну а пока я пережила времена, когда всему придавали значение, пережила и времена гедонизма, и я не яппи. Не сторож брату моему[1].

Но я все же стала кем-то. Я всегда знала, что когда-нибудь стану кем-то. И в конце концов они узнают кем.

---

[1] Имеется в виду цитата из Библии: «И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9).

КЭТЛИН КИРНАН

И вдаль убегает мир

Кэтлин Кирнан уже выпустила два сборника рассказов — «Истории боли и чудес» («Tales of Pain and Wonder») и «Свечи для Элизабет» («Candles for Elizabeth»), а сейчас готовит третий — «Со странных дальних берегов» («From Weird and Distant Shores»). Ее произведения печатались в журналах и антологиях, а знаменитый роман «Шелк» («Silk»), вышедший в 1998 году, получил множество наград. За ним последовал «Трилобит» («Trilobite»).

«Где-то в году 1995-м, — вспоминает Кирнан, — я публично поклялась не сочинять истории о вампирах по крайней мере лет шесть и даже вынудила многих писателей дать такой же зарок. Хотя я и большая любительница хороших вампирских историй, товара столь же редкого, как зубы курицы, и сама даже написала роман на эту тему (слава богу, быстро „исчезнувшую", да просто мертворожденную „Пятерку кубков"), но вижу мало смысла в том, что огромное количество авторов по-прежнему вымучивают из себя посредственные сказочки о клыкастых злодеях, когда книжные полки и так уже кровоточат от подобного рода опусов.

И я действительно остановилась. За пять лет не написала ни одной вампирской истории (да почти шесть). А потом у меня появилась идея, которая изначально имела больше общего скорее с зомби, но каким-то образом вампиры просочились внутрь ее и все оккупировали. Похоже, таким образом они обычно и поступают. И таким образом на свет появился „И вдаль убегает мир". Смогу ли я продержаться еще пять лет?»

— Падающая звезда для тебя, — говорит Гейбл, девочка с глазами цвета серебра и зубами цвета последнего дня зимы, и указывает на ночное небо, раскинувшееся над Провиденсом и широкой рекой Сиконк. Таинственное небо Новой Англии, а еще пару миль вперед, и водяной поток уже надо называть рекой Поутакет, но здесь, обви-

ваясь угрем вокруг Суон-Пойнта и крутых кладбищенских склонов, он все еще остается Сиконком, а там, подальше, виднеются оранжевые промышленные огни Филлипсдейла.

Мертвая Девочка пару раз мигает, пытаясь избавиться от привкуса во рту, а потом следит за грязным пальцем Гейбл и видит едва заметную полоску белого света, перечеркнувшую восточное небо.

— Очень мило, но это же не так, ты знаешь, — говорит она, а Гейбл гримасничает: бледное лицо съежилось, как у дышащей на ладан старухи, стало похожим на сморщенное яблоко. Она не понимает, о чем идет речь.

— Что не так?

— Звезды... — отвечает Мертвая Девочка. — Это всего лишь метеориты. Просто обломки камня и металла, они летают в космосе и сгорают, когда подбираются слишком близко к Земле. Это не звезды. Если они вот так падают.

— Или ангелы, — шепчет Бобби, а потом снова принимается поедать горстями чернику, набранную им в зарослях у кромки воды.

— Я об ангелах ничего не говорила! — рычит Гейбл на мальчика, а тот бросает в нее ягоду. — Для ангелов существует множество разных слов.

— Как и для падающих звезд, — говорит Мертвая Девочка с каменной решимостью в голосе, чтобы все поняли: она больше ничего не хочет слышать на эту тему. О метеоритах, которые перестали быть метеоритами, о Сиконке, превращающемся в Поутакет, ведь, в конце концов, дело лишь в расстоянии между этой точкой и той. Оно произвольно, как и любое изменение, а потому девочка прижимает губы к трясущемуся запястью женщины. Опять. Даже малейшего призрака пульса в нем не осталось, зубы утыкаются в остывающее мясо, плоть, что вполне могла бы сойти за глину, если бы не несколько красных укусов, слышится только звук ее занятых губ, не слишком отличающийся от плеска волн, бьющихся о берег.

— Я знаю семь слов для обозначения серого, — бубнит Бобби сквозь забитый семечками рот, а мякоть и темный сок стекают по его заляпанному кровью подбородку. — Нашел их в словаре.

— Да ты — мелкий недик! — рявкает Гейбл на мальчишку. Эти ртутные глаза, нижняя губа, выпятившаяся вперед так, словно ее опять кто-то побил...

Мертвая Девочка понимает, что ей не следовало спорить с Гейбл о звездах и ангелах. «В следующий раз, — думает она, — я вспомню об этом. В следующий раз улыбнусь и скажу то, что она захочет услышать». И когда с дергающейся женщиной наконец покончено, именно Мертвая Девочка первая, тихо как мышонок, скользит в своих шелковых спальных тапочках по грязи и гальке, а река холодна так же, как не упавшие звезды, усеивающие августовскую ночь.

Час и четыре минуты после полуночи в большом доме на Бенефит-стрит, упыри все еще возятся в подвале с трупами. Мертвая Девочка сидит вместе с Бобби на ступеньках, ведущих к музыке и разговорам наверху, к электрическому свету и опиумному дыму. Здесь же, внизу, только свечи, воздух пахнет плесенью, бальзамированными кусками мяса, растянутыми на разделочном столе упырей. Когда они работают вот так, то встают на свои изогнутые задние ноги и держат вытянутые собачьи лица близко друг к другу. Один из них, очень худой, по имени Барнаби (нервно подергивающиеся уши шевелятся от каждого шага наверху, от каждого скрипа двери, как будто там кому-то есть хоть какое-то дело до того, что происходит внизу), берет ржавый нож для свежевания и срезает полоску сухой плоти цвета старой жевательной резинки.

— Это икроножная, — говорит он, косясь на мадам Терпсихору, и желто-оранжевая радужка его левого глаза нервно дергается.

Она качает головой и смеется так, как смеются все упыри. Как смеялись бы голодные псы, думает Мертвая Девочка, если бы осмелились, а потом в очередной раз корит себя, что они с Бобби не ушли к Уорвику вместе с Гейбл и Бейлифом.

— Нет, это камбаловидная мышца, дорогой, — поясняет мадам Терпсихора, смеется над Барнаби, черные губы привычно заворачиваются, вспышкой обнажая желтоватые зубы, похожие на заостренные клавиши рояля, мелькает розово-красный язык, облизывающий уголки рта. — Вот икроножная. Ты недостаточно внимателен.

Барнаби хмурится и чешет голову.

— Если бы у нас появилось что-то посвежее, может, тогда бы я и сосредоточился, — ворчит он, снова принимаясь оправдываться, а Мертвая Девочка знает: вскрытие начинает надоедать Бобби. Он смотрит через плечо на дверь подвала, по краям которой собирается теплое серебро света.

— А теперь укажи мне нижний конец малой берцовой кости, — произносит мадам Терпсихора, в воздухе застывают ее профессиональная литания и нетерпеливое клацанье Барнаби, перебирающего инструменты в поисках ножниц для дичи или устричной вилки, одного или другого, а может, чего-то третьего.

— Ты хочешь подняться наверх? — Мертвая Девочка спрашивает мальчика, тот пожимает плечами, но не отводит глаз от двери в подвал, не поворачивается, чтобы понаблюдать за упырями. — Ну тогда пошли, — говорит она, берет его за руку, и вот тут их наконец замечает мадам Терпсихора.

— Пожалуйста, не уходите, дорогие мои. С публикой всегда лучше, а если мистер Барнаби найдет подходящий инструмент, может, нам даже удастся понаблюдать за процессом разделки.

Остальные упыри принимаются хихикать и смеяться.

— Не больно-то они мне нравятся, — очень тихо шепчет Бобби.

Мертвая Девочка в ответ только кивает и ведет его вверх по ступенькам, на вечеринку.

Бобби заявляет, что хочет пить, потому сначала они отправляются на кухню, к шумному древнему холодильнику. Мальчик достает колу, а Мертвая Девочка — «Хайнекен». Одну холодную бутылку цвета зеленого яблока. Она открывает крышку и делает несколько глотков горького немецкого пива; раньше ей не нравился этот вкус, но подчас кажется, что прежде ей не нравилось чересчур много вещей. Пиво очень, очень холодное, оно смывает изо рта последний привкус затхлого воздуха подвала, навевающего мысли одновременно о грибной пыли, сухой земле и микроскопических спорах, ищущих, где бы им вырасти.

— Думаю, они мне вообще не нравятся, — шепчет Бобби, хотя они уже и наверху.

Мертвая Девочка начинает убеждать его, что можно говорить в голос, но потом вспоминает Барнаби, его чуткие собачьи уши, после чего замолкает.

Практически все сидят вместе в гостиной, просторной комнате с книжными полками по всем стенам и абажурами матового стекла сладких и гнилостных оттенков жженого сахара, сквозь которые льется свет, режущий девочке глаза. В первый раз, когда ее пустили в дом на Бенефит-стрит, Гейбл показала Мертвой Девочке все лампы, все книги, все комнаты так, словно они принадлежали ей. Как будто она была частью этого здания, а не грязного дна Сиконка. Еще одной красивой, но сломанной вещицей в особняке, забитом или красивыми, или сломанными, или одновременно и теми и другими предметами. Заполненном антиквариатом, где что-то еще дышало, но многое — уже нет. Например, мисс Жозефина позабыла, как, а главное, зачем дышать. Она только говорила.

Они сидели вокруг нее в черных похоронных одеждах на стульях, вырезанных в 1754 или в 1773 году. Этот неровный круг мужчин и женщин всегда вызывал в воображении Мертвой Девочки образ воронов, собравшихся вокруг падали, дроздов, приплясывающих около трупа енота, толкающих друг друга ради самых лакомых кусков; острые клювы для ярких сапфировых глаз мисс Жозефины, для фарфоровых кончиков ее пальцев или для замолкшего, небьющегося сердца. Императрица словно раздавленное на летней дороге животное, думает Мертвая Девочка, она не смеется громко, хотя и хочет, хочет посмеяться над этими чопорными, вымирающими созданиями, этими трагическими восковыми тенями, потягивающими абсент и слушающими каждое изречение мисс Жозефины как слово Евангелия, как спасение. Лучше проскользнуть мимо тихо, незаметно и найти место для себя и Бобби там, где вот этих не попадется.

— Вы когда-нибудь видели огненный шторм, синьор Гарзарек? — интересуется мисс Жозефина и смотрит на раскрытую книгу, лежащую на ее коленях, зеленую, цвета бутылки Мертвой Девочки.

— Нет, никогда,— отвечает одна из восковых фигур, высокий человек с жирными волосами и ушами, такими большими для его головы, что они почти соприкасаются кончиками.— Мне не по нраву подобные вещи.

— Но он был прекрасен, — говорит она, а потом делает паузу, по-прежнему не отводя взгляда от зеленой книги на коленях. Мертвая Девочка, судя по движениям ее глаз туда-сюда, туда-сюда, решает, что мисс Жозефина читает. Молчание прерывается: — Хотя нет, это не то слово. Совсем не то.

— Я была в Дрездене, — слышится голос одной из сидящих женщин.

Жозефина поднимает голову, моргает, словно не может вспомнить, как же зовут эту восковую фигурку.

— Нет, нет, Эдди, тогда было совсем не так. Уверена, Дрезден тоже был великолепен, но я говорю сейчас не о том, что сделали люди, а о том, что сделали с людьми. Вот именно это воистину необыкновенно, вот что делает... — Тут ее голос затихает, и мисс Жозефина снова смотрит на страницы, словно ищет в них нужные слова.

— Тогда почитай нам, — просит синьор Гарзарек, указывая рукой в перчатке на зеленую книгу, а мисс Жозефина переводит на него взгляд голубых блестящих глаз, кажущийся одновременно и благодарным, и злобным.

— Вы уверены? — спрашивает она всех собравшихся. — Мне не хочется, чтобы кто-нибудь из вас заскучал.

— Пожалуйста, — просит мужчина, не удосужившийся снять котелок, Мертвая Девочка думает, что его зовут Натаниэль. — Мы всегда любим слушать, как ты читаешь.

— Ну если вы так уверены... — изрекает мисс Жозефина, усаживается на диване поудобнее, откашливается, суетится с блестящими оборками черного атласного платья, которое только выглядит таким же древним, как и стулья, а потом начинает читать. — «А затем пришел огонь, — чеканит она особенным голосом, появляющимся только при чтении, Мертвая Девочка закрывает глаза и слушает. — Он появился повсюду. Лютая волна разрушения, несшая с собой факел — агонию, смерть и пламя. Словно какой-то огненный демон прыгал с места на место. Пламя лилось из полуобвалившихся зданий по всей Рыночной улице.

Я села на тротуар, вытащила из подошв ноги осколки стекла, накинула одежду.

Времени не оставалось».

Так продолжалось следующие минут двадцать или около того, в глазах Мертвой Девочки все вокруг подернулось завораживающим полумраком. Мисс Жозефина читала зеленую книгу, Бобби прихлебывал колу, а восковые вороны не издавали ни звука. Девочка любила слушать, как читает мисс Жозефина. Ее голос становился похожим на ритм дождя в жаркий день или на мороженое — вот такой он был необычный. Хоть бы она выбрала что-нибудь другое. «Сказание о Старом Мореходе», Китса или Теннисона. Но так все равно лучше, чем ничего, поэтому Мертвая Девочка слушает довольная, не важно, что в рассказе говорится только о землетрясениях, пожарах, дыме, о криках умирающих людей и лошадей. Значение имеет только звук голоса, а не слова, а если он нужен ей, то восковым фигурам, замершим на жестких стульях колониального стиля, просто необходим.

Закончив, мисс Жозефина закрывает книгу и улыбается, блеснув острыми зубами.

— Прекрасно, — комментирует Натаниэль.

— Да, невероятно, — добавляет Эдди Гудвайн.

— А ты воистину зловещее создание, Жозефина, — замечает синьор, закуривает толстую сигару и выдыхает изо рта дымного призрака. — Столь прелестная извращенность, завернутая в такую притягательную обертку.

— Тогда я писала под псевдонимом Джеймс Расселл Уилсон, — гордо поясняет мисс Жозефина. — Они мне даже платили.

Мертвая Девочка открывает глаза, Бобби допивает колу, катает пустую бутылку по ковру взад и вперед, словно скалку по тесту.

— Тебе понравилось? — спрашивает она, мальчик пожимает плечами. — Совсем?

— Ну, не так плохо, как глядеть на упырей, — отвечает он, но отводит взгляд, впрочем, он вообще старается ни на кого не смотреть.

Спустя несколько минут мисс Жозефина неожиданно вспоминает о чем-то находящемся в другой комнате и хочет, чтобы восковые фигуры последовали за ней. Там им нужно обязательно посмотреть на погребальную урну или на медные солнечные часы, на очередную безделушку, спрятанную в кишках огромного захламленного дома. Вороны

отправились из гостиной в коридор, болтая и испуская сигаретный дым. Если кто и заметил Бобби с Мертвой Девочкой, сидящих на полу, то притворился, что не обратил внимания. Ей это понравилось, она не любила их безжизненный запах, настороженное отчаяние в глазах.

Мисс Жозефина оставила книгу на диване цвета клюквы, и когда последние вампиры ушли, Мертвая Девочка поднимается и входит в круг стульев, чтобы посмотреть на обложку.

— Что там написано? — спрашивает Бобби, и она читает заголовок:

— «Ужас землетрясения, огня и голода в Сан-Франциско»[1].

Потом Мертвая Девочка поднимает книгу и показывает ее, буквы выдавлены на зеленой ткани выцветшими золотыми чернилами. А под ними женщина в темных одеждах, ноги в огне и воде, хаос вокруг, она склоняется к обрушившимся мраморным колоннам и пьедесталу со словами: «В память калифорнийских усопших — 18 апреля 1906 года».

— Это давно было? — спрашивает Бобби.

Мертвая Девочка кладет книгу на место.

— Если ты мисс Жозефина, то нет, — отвечает она.

Для мисс Жозефины все произошло только вчера или позавчера. Вот бы стать ею... — но подобного рода мысли лучше не заканчивать, а лучше вообще об этом не думать.

— Нам же не надо опять возвращаться в подвал? — спрашивает Бобби.

Мертвая Девочка качает головой:

— Если не хочешь, то не надо.

Потом она идет к окну и смотрит на Бенефит-стрит, на проезжающие машины и живых людей с их крошечными, жалкими причинами ненавидеть время. Через секунду Бобби подходит, встает рядом и берет ее за руку.

Те немногие секреты, что нельзя просто держать в памяти, Мертвая Девочка хранит в старой коробке из-под дорогих

[1] «Ужас землетрясения, огня и голода в Сан-Франциско» Джеймса Расселла Уилсона — реальная книга, написанная по следам землетрясения, произошедшего в Сан-Франциско в 1906 г.

сигар, а прячет ее на полке мавзолея у Суон-Пойнта. Аккуратный и опрятный, тот стоит на склоне, резко поднимающемся от края реки, крутом, украшенном мертвецами холме, заросшем летом зеленой травой, где воздух пронизан шорохом колышущихся на ветру веток деревьев. О коробке знает только Бобби, Мертвая Девочка считает, что он сохранит ее секрет. Она редко рассказывает о чем-то кому-нибудь, особенно Гейбл. Мертвая Девочка знает, что та сделает, когда узнает о коробке, ну или думает, что знает, а этого достаточно. Плохо то, что пришлось устроить тайник в мавзолее.

Могильщики замуровали вход в склеп много лет назад, но оставили маленькое отверстие, забранное железной решеткой, прямо под мраморным замковым камнем и табличкой с медной прозеленью и надписью «Стэнтон» на ней, хотя Мертвая Девочка не могла представить почему. Может, чтобы жуки могли выползать наружу или чтобы эти мертвые Стэнтоны могли время от времени подышать свежим воздухом, но места в отверстии не хватало ни для летучих мышей, ни для стрижей, ни для крыс. Тем не менее она с Бобби легко проскальзывала между прутьев, когда хотела посмотреть на старую коробку из-под сигар.

Сегодня ночью посиделки в гостиной дома на Бенефит-стрит затянулись, и когда мисс Жозефина наконец потеряла интерес к восковым воронам и прогнала их прочь (всех, кроме упырей, естественно, которые приходили и уходили, не считаясь ни с кем, по туннелям в подвале), до рассвета остался только один угольно-серый час. Девочка знала, Гейбл уже ждет их в реке, но решила, что несколько минут ничего не изменят.

— Она может прийти сюда за нами, — говорит Бобби, когда они проходят в мавзолей, встает на цыпочки, пытаясь выглянуть наружу, но до решетки ему не хватает целого фута.

— Нет, не придет, — возражает Мертвая Девочка, убеждает себя в том, что Гейбл слишком довольна сейчас, вернувшись во тьму реки. — Она, наверное, уже спит.

— Может, и так, — бормочет Бобби, голос его, правда, звучит неуверенно, а потом мальчик садится на бетонный пол и наблюдает за Мертвой Девочкой своими ртутными глазами, зеркалами, настолько полными света, что они будут видеть, даже когда последняя звезда во всей проклятой Вселенной сгорит до вращающегося уголька.

— Ты заставляешь меня волноваться из-за Гейбл, — говорит Мертвая Девочка и открывает коробку.

Внутри все как и было. Вырезки из газет, пригоршня монет, оловянная медаль Святого Христофора и пластиковая кукольная рука. Три ключа и потертый кусок бархата цвета индиго, заляпанный красно-коричневым по краям. Эти вещи имеют значение только для Мертвой Девочки. Они — словно ее собственный пазл, никто больше не знает, как соединить кусочки между собой. Или могут ли они вообще соединиться. Иногда она сама забывает об общей картине, но даже вид их улучшает ей настроение. Просто положить руки на эти безделушки и останки, подержать их.

Бобби беспокойно барабанит пальцами по полу, а когда она смотрит на него, хмурится и переводит взгляд в потолок.

— Почитай мне о Мерси.

Девочка смотрит на коробку.

— Уже поздно. Кто-нибудь может услышать.

Бобби не просит снова, только продолжает разглядывать каменный свод прямо над ней, барабанить пальцами по полу.

— Это даже не история, — говорит она и вылавливает одну из газетных вырезок из коробки. Орехово-коричневая бумага стала настолько же ломкой, насколько хрупкой. Девочка чувствует какими забытыми стали слова, напечатанные более века назад.

— Когда ты читаешь, это настоящая история, — возражает Бобби.

Какую-то секунду Мертвая Девочка спокойно стоит, вслушивается в медленно стихающие ночные звуки и еще более странный шум, приходящий с рассветом: птицы, слепое копошение дождевых червей, насекомые и корабельный колокол где-то в гавани Провиденса, пальцы Бобби, барабанящие по бетону. Она думает о мисс Жозефине, о чарах ее обволакивающего голоса, с успехом противостоящего пустым моментам вечности, а потом начинает читать.

Письмо из «Поутаксет Вэлли Глинер», датированное мартом 1892 года:

Экзетер-Хилл

Так как эксгумация трех тел с кладбища Экзетера 17-го числа сего года получила столь широкую огласку, я решил изло-

жить здесь основные факты в том виде, в котором я получил их, исходя из желания пользы читателям и отличия моих сведений от тех, что уже изложены в газетах. Для начала скажем, что наш сосед, добропорядочный и уважаемый гражданин Джордж Т. Браун, лишился жены и двух взрослых дочерей, умерших от чахотки. Жена и мать преставилась восемь лет назад, старшая сестра, Оливия, два года назад, тогда как вторая дочь, Мерси Лена, умерла недавно, двух месяцев не прошло, после целого года страданий от той же ужасной болезни. Два года назад у единственного сына мистера Брауна, Эдвина, молодого женатого человека блестящей репутации, появились признаки легочного недуга, которые только возрастали, пока в надежде излечения доктора не отправили несчастного в Колорадо-Спрингс, куда вскоре отправилась и его жена. Хотя поначалу наступило некоторое улучшение, вскоре стало очевидно, что никакого реального выздоровления не происходит, и это, вкупе с сильным желанием семейной четы повидать друзей на Род-Айленде, побудило супругов вернуться на восток после восемнадцатимесячного отсутствия и остановиться у родителей миссис Браун, в Уиллет-Хаймсе. К сожалению, мы можем сказать, что сейчас здоровье Эдди по-прежнему не улучшается. А вот теперь мы подходим к странной части нашего рассказа, а именно к возрождению языческого или какого-то иного суеверия, требующего скармливать мертвеца живому родственнику. Когда человек страдает от чахотки, то, дабы избегнуть смерти, «вампир» (который, если верить преданиям, живет в сердце умершего от чахотки, пока в нем еще осталась кровь) должен быть кремирован, а пепел аккуратно собран и в какой-либо форме введен в организм больного. Я утверждаю, что отец семейства Браун поначалу отверг любые попытки склонить его к вампирской теории, но потом поддался уговорам других, возможно не столь мудрых, советчиков и семнадцатого числа сего года, как уже было сказано ранее, получил разрешение на эксгумацию трех тел, после чего те были обследованы доктором Меткалтом из Уикфорда (причем доктор протестовал против исполнения процедуры, так как отвергал подобные суеверия). Тела двух давно похороненных женщин уже практически разложились, и жидкостей в них не осталось, тогда как у последней, пролежавшей в земле всего около двух месяцев, естественно, нашлась кровь в сердце. В результате доктор, как и ожидалось, вынес единст-

вешо возможное заключение, а сердце и легкие последней (М. Лены) были кремированы на месте, правда, свидетель не знает, как же распорядились ее прахом. При сем присутствовало не так уж много народу, самого мистера Брауна не было. Хотя мы и не осуждаем кого-либо за эти действия, так как они, несомненно, имели целью облегчение участи страдающих, тем не менее кажется невероятным, что кто-то мог придать значение предмету, настолько расходящемуся со здравым смыслом и противоречащему Писанию, которое требует отвечать надежде, живущей внутри нас. Непонятно также, почему и с какой целью это было проделано, ведь вышеизложенная причина явно не выдерживает какой-либо критики.

Ил и рыбий помет медленно опускаются на веки, легкие заполняются холодной речной водой. Мертвая Девочка спит, завернувшись в кокон черного как сажа одеяла грязи. Бобби приютился в ее объятиях. Гейбл тоже тут, лежит где-то поблизости, свернулась кольцами, подобно угрю в корнях затонувшей ивы.

В своих снах Мертвая Девочка считает лодки, проплывающие наверху, чьи носы разделяют небо, где волнуются и кружатся дождевые облака. Крабы и крохотные улитки гнездятся в волосах Девочки, влажные мысли ползут, столь же скользкие и прихотливые, как и воды Сиконка, один момент памяти без перерыва сменяется другим. И это воспоминание о той самой ночи, когда она в последний раз была живой. Последняя морозная ночь перед Хеллоуином, она накурилась и пробралась на кладбище Суон-Пойнта с парнем по имени Адриан, с которым познакомилась несколько часов назад в громкой и дымной сумятице концерта «Throwing Muses». Адриан Мобли и его длинные желтые волосы, как лучи солнца или нити чистого золота.

Он не хотел или не мог остановиться, продолжая хихикать. Виной тому была то ли шутка, то ли вся та дурь, что они выкурили. Девочка тащит его за собой прямо по Холли-авеню, длинному вымощенному проезду, к Олд-роуд, ведущей в огромный лабиринт сланцевых и гранитных кишок кладбища. Надгробия и более массивные памятники то выстраиваются в рядок, то суматошно разбегаются между деревьев, лужи ловят и держат высоко взобравшую-

ся полную луну, а Мертвая Девочка, кажется, немного заблудилась во тьме.

— Заткнись, — шипит она, издавая недовольные змеиные звуки из поджатых губ, сквозь стучащие зубы. — Идиот, нас сейчас услышат из-за тебя.

Он видит ее дыхание, душу, вырывающуюся с каждым облачком пара.

Потом Адриан кладет свою руку на ее, шерсть свитера и теплая плоть вокруг теплой плоти. Шепчет ей что-то в ухо, ей следовало бы это помнить, но не судьба. Она забыла об этом, как забыла о запахе позднего летнего вечера или солнечного света на песке. Он целует ее.

За поцелуй Девочка показывает ему могилу Лавкрафта, тихое место, куда она приходит, только если хочет побыть одна, без компании, наедине с мыслями и внимательными спящими телами под землей. Фамильный обелиск Филлипсов, а потом его собственное маленькое надгробие. Девочка достает пластмассовую зажигалку из переднего кармана джинсов и подносит ее к земле, чтобы Адриан смог прочитать надпись: «20 августа 1890 — 15 марта 1937, Я — Провидение», а потом показывает ему дары, что оставляют тут случайные путники. Пригоршню карандашей, ржавый винт, две монетки, маленького резинового кальмара и написанное от руки письмо, аккуратно сложенное и придавленное камнем, чтобы не унес ветер. Оно начинается словами «Дорогой Говард», но Девочка не читает дальше, здесь для нее слов нет, а потом Адриан пытается поцеловать ее снова.

— Нет, погоди, ты еще дерево не видел, — говорит она, вырывается из объятий тощих рук и грубо тащит его прочь от надгробия. Два шага, три, и пару проглатывает тень огромной березы, такой старой, что она, наверное, уже была в возрасте, когда прапрадед Девочки переживал пору детства. Раскидистые ветви все еще полны раскрашенных осенью листьев, корни похожи на покрытые струпьями костяшки прикованного к небу гиганта, который вцепился в землю, боясь, что упадет и будет вечно катиться к звездам.

— Ну да, это дерево, — мямлит Адриан, не понимая, даже не пытаясь понять, и теперь она осознает, что совершила ошибку, приведя его сюда.

— *Люди здесь послания оставляют,* — говорит Мертвая Девочка, снова щелкает зажигалкой, держит колеблющееся оранжевое пламя так, чтобы Адриану стали видны вырезанные перочинным ножом граффити на бледно-темной коре дерева. Непроизносимые имена мрачных вымышленных богов, целые выдержки из Лавкрафта, сталь лезвия вместо чернил для татуировок оккультных ран и посланий давно умершему человеку. Она обводит пальцем контуры шрама в виде рыбы со щупальцами на голове. — Разве это не прекрасно? — шепчет она, а потом видит глаза, наблюдающие за ней из-под нижних веток дерева, светящиеся серебряные глаза, злорадными монетками, странными плодами висящие в ночи.

— Да не было никогда этого дерьма, о котором ты тут вспоминаешь, — огрызается Гейбл. — Это даже не твои воспоминания, а какой-то сучки, которую мы грохнули.

— Думаю, она знает об этом, — смеется Бейлиф, и это хуже хихиканья упырей мадам Терпсихоры.

— Мне всего лишь хотелось посмотреть на дерево, — говорит Мертвая Девочка. — Хотелось показать ему надписи, вырезанные на дереве Лавкрафта.

— Лгунья, — усмехается Гейбл, отчего Бейлиф опять хохочет.

Он присаживается на корточки прямо в пыль и упавшие листья и начинает вытаскивать из зубов какие-то застрявшие там волокна.

И она побежала тогда, но река почти полностью смыла этот мир, ничего не осталось, только дерево, луна да тварь, карабкающаяся по стволу на длинных паучьих ногах и руках цвета меловой пыли.

Там только Женщина одна. То смерть! А рядом с ней другая.

— Мы понимали, ты забудешь нас, — говорит Гейбл, — если тебя отпустить. Притворишься невинной жертвой.

Когда ее сухой язык лижет запястье Мертвой Девочки, он похож на наждачную бумагу, на язык мертвой кошки, а над ними созвездия вращаются в сумасшедшем калейдоскопе танца около луны; дерево стонет и вздымает качающиеся ветви к небесам, моля о рассвете, о лучах солнца и прощении за все то, что оно уже видело и еще увидит.

Иль тоже Смерть она?[1]

И в илистом дне реки Сиконк, под защитой моста Хендерсона, веки Мертвой Девочки трепещут, когда она тревожно ворочается, распугивая рыбу, борясь со сном и с грезами. Но до ночи еще долго, она ждет там, по другую сторону обжигающего дня, потому сейчас Мертвая Девочка крепче прижимает к себе Бобби, и он вздыхает, издавая еле слышный потерянный всхлип, который река крадет и уносит к морю.

Мертвая Девочка сидит в одиночестве на полу гостиной дома на Бенефит-стрит, так как Гейбл взяла Бобби с собой сегодня ночью. Девочка пьет «Хайнскен», наблюдает за желтыми и фиолетовыми кругами, которые их голоса оставляют в застоявшемся дымном воздухе, пытаясь вспомнить, каково это было — не знать цветов звука.

Мисс Жозефина поднимает графин и аккуратно льет воду на белый кубик, уместившийся на ложке с прорезями; вода и растворившийся сахар скользят ко дну стакана, а абсент тут же начинает затуманиваться, чистая, изумрудно-яркая смесь алкоголя и трав быстро превращается в тусклую, молочно-зеленую жидкость.

— О, естественно,— обращается она к внимающему кругу восковых воронов,— я помню Мерси Браун и Нелли Вон и того мужчину из Коннектикута. Как его звали?

— Уильям Роуз? — предполагает синьор Гарзарек, но мисс Жозефина хмурится и качает головой:

— Нет, не Роуз. Этот жил в Пайс-Дэйле, помните? А того, из Коннектикута, звали по-другому.

---

[1] Сэмюэль Тейлор Колридж «Сказание о Старом Мореходе», часть третья:

Там только женщина одна,
То Смерть! И рядом с ней
Другая. Та еще страшней,
Еще костлявей и бледней —
Иль тоже Смерть она?
Кровавый рот, незрячий взгляд,
Но космы золотом горят.
Как известь — кожи цвет.
То Жизнь-и-в-Смерти, да, она!

Перевод В.Левика

— Да все они были маньяками, — нервно добавляет Эдди Гудвайн и отпивает глоточек абсента. — Вырезали сердца и печень из трупов, сжигали их, поедали пепел. Нелепо. Это даже хуже, чем то, чем занимаются они. — И она украдкой показывает на пол.

— Естественно, это так, милая, — уверяет ее мисс Жозефина.

— Но вот маленькая девочка Вон, Нелли, я так думаю, она до сих пор пользуется популярностью среди местных школьников, — улыбается синьор Гарзарек, промокая влажные красные губы шелковым платком. — Они очень любят истории о призраках, знаете ли. Должно быть, находят эпитафию на ее могиле бесконечным источником вдохновения.

— А что там написано? — спрашивает Эдди, и когда мисс Жозефина поворачивается и смотрит на нее, Гудвайн вздрагивает и чуть не роняет бокал.

— Тебе явно следует почаще выбираться наружу, милая.

— Да, — дрожит голос Эдди, — да, я знаю. Следует.

Восковая фигура по имени Натаниэль мнет в руках поля черного котелка и говорит:

— Я помню. «Я слежу за вами и жду вас». Так там написано?

— Прелестно, я же говорил. — Синьор Гарзарек хихикает, а потом залпом осушает бокал и тянется за бутылкой абсента, стоящей на серебряном подносе.

— Что ты там увидел?

Мальчик, которого Мертвая Девочка называет Бобби, стоит у окна в гостиной мисс Жозефины, створка открыта, и снег заметает внутрь, маленькие белые вихри закручиваются вокруг его ног. Паренек оборачивается на звук голоса.

— По улице проходил медведь, — говорит он и кладет стеклянное пресс-папье ей в руки — шар, полный воды. Когда Мертвая Девочка трясет его, крохотные белые хлопья принимаются вращаться миниатюрной метелью в ладони. Пластиковый снег медленно опускается на замороженное поле, сарай, темную, голую линию деревьев вдалеке. — Я видел медведя, — снова говорит Бобби, теперь более настойчиво, и указывает на открытое окно.

— Ты не видел медведя, — возражает Мертвая Девочка, но сама не подходит проверить.

Она не отрывает взгляда серебристых глаз от пресспапье. Она почти забыла про сарай, тот день и метель, январь, или февраль, или март, с тех пор прошло больше лет, чем она могла предположить. И ветер, воющий, словно стая голодных волков.

— Видел, — упрямится Бобби. — Большого черного медведя, танцующего на улице. Когда я вижу медведя, то понимаю, что это он.

Мертвая Девочка закрывает глаза, позволяет шару выскользнуть из пальцев, скатиться с руки. Она знает — когда тот упадет на пол, то разобьется на тысячу осколков. Мир разобьется, дождливое небо расколется, позволив небесам истечь на паркет, и времени останется совсем немного, если она все-таки хочет добраться до этого сарая.

— Думаю, медведь знает наши имена, — произносит мальчик.

Он боится — вот только она оглядывается, а никого уже нет. Ничего нет, кроме маленькой каменной стены, отделяющей это поле от следующего, сланцевые и песчаниковые глыбы, уже наполовину похороненные бурей, а ветер щиплет кожу своими леденящими зубами-иголками. Снег спиралями спускается со свинцовых облаков, метель отправляет его в путешествие, превращая в кристальную занавесь танцующих дервишей.

— Мы забываем не просто так. Есть причина, дитя. — Ржаво-красный голос Бейлифа тесно сплетается с воздухом и с каждой снежинкой. — Когда такое количество времени висит на шее, его слишком трудно нести.

— Я не слышу тебя, — лжет она, хотя его слова ничего не значат в любом случае, ведь Мертвая Девочка уже добралась до двери сарая.

Обе створки распахнуты, а отец будет зол, он просто рассвирепеет, если увидит это. Коровы, закричит он, коровы уже дают кислое молоко. Вот так.

Захлопни двери и не смотри внутрь. Просто захлопни и сразу беги домой.

— Оно упало с неба, — рассказывал он прошлой ночью. — Упало, крича, прямо с ясного неба. Никто ничего искать не будет. Думаю, не осмелятся.

— Всего лишь птица, — возразила мать.

— Нет. Это не птица.

Закрой дверь и беги...

Но Мертвая Девочка не делает ни того ни другого, ведь все произошло иначе, и обнаженное нечто скорчилось в сене, кровь посмотрела на нее милым лицом Гейбл. Оторвала рот от изувеченной шеи кобылы, и алая жидкость текла между сжатых зубов существа прямо на подбородок.

— Медведь пел наши имена.

Пресс-панье падает на землю, взрывается неожиданно милосердной струей стекла и воды, которая разрывает зимний день вокруг Мертвой Девочки.

— Просыпайся, — трясет ее мисс Жозефина, выплевывает нетерпеливые слова, пахнущие анисом и пылью.

— Подозреваю, мадам Терпсихора уже закончила. Скоро вернется Бейлиф. Тебе нельзя тут спать.

Мертвая Девочка мигает и щурится, глядя на нее и пестрые, конфетного цвета лампы. А летняя ночь за окном гостиной, что несет ее гнилую душу под языком, смотрит в ответ глазами черными и таинственными, как дно реки.

В подвале мадам Терпсихора, повелительница реберных расширителей и разделочных ножей, уже ушла, уползла в один из сырых, задушенных кирпичом туннелей вместе со своей гнусавой свитой. Их желудки полны, а любопытство к внутренним органам удовлетворено до следующей ночи. Только Барнаби оставили прибираться в качестве наказания за то, что он слишком глубоко взрезал склеру и испортил фиолетовый глаз, предназначенный для кого-то из властелинов кладбища. Драгоценная стекловидная влага разлилась из-за его неуклюжих рук, и теперь на правом ухе Барнаби, там, где мадам Терпсихора укусила его за порчу деликатеса, красуется свежая рана. Мертвая Девочка сидит на старом ящике, наблюдая, как упырь соскребает желчь со стола из нержавеющей стали.

— У меня со снами как-то не очень, боюсь, — говорит он и морщит влажный черный нос.

— Или с глазами.

Барнаби кивает и соглашается:

— Или с глазами.

— Я просто подумала, что ты можешь меня выслушать. Не хочу рассказывать об этом Гейбл или Бобби...

— Он — милый ребенок, — изрекает Барнаби, хмурится и принимается усиленно тереть неподдающееся пятно цвета пережженных каштанов.

— Я не могу больше никому рассказать, — поясняет Мертвая Девочка, вздыхает, а упырь окунает щетку из свиной щетины в мыльную воду, продолжая трудиться над пятном.

— Думаю, я не смогу сильно навредить, если только послушаю. — Барнаби криво улыбается и касается когтем окровавленного места там, где мадам Терпсихора оторвала мочку его правого уха острыми клыками.

— Спасибо, Барнаби, — говорит Мертвая Девочка и безотчетно рисует протертым носком туфли полукруг на полу. — Сон недлинный. Много времени не займет.

И она рассказывает ему не об Адриане Мобли и дереве Лавкрафта, и даже не о сарае, буре и белой твари, ждущей ее внутри. Это совсем другое: безлунная ночь, Суон-Пойнт, кто-то разложил огромный ревущий костер у кромки воды. Мертвая Девочка наблюдает за тем, как пламя отражается в воде, воздух тяжелый от древесного дыма и голодного звука огня. Бобби и Гейбл лежат на каменистом пляже, аккуратно разложенные, как в похоронном бюро, руки по швам, пенни на глазах. Они вскрыты от ключиц до промежности, сверху донизу, рваным Y-образным надрезом, их внутренности влажно отсвечивают пламенем пожара.

— Нет, думаю, я ничего с ними не делала, — заверяет Мертвая Девочка, хотя это и не так, после чего рисует еще один полукруг на полу, чтобы первому не было скучно.

Барнаби прекращает тереть стол и с тревогой смотрит на нее недоверчивым взглядом падальщика.

— Их сердца лежат на валуне. — Теперь она говорит очень тихо, почти шепчет, словно боится, что кто-то наверху может подслушать, упырь поднимает уши и наклоняется поближе. Их сердца на камне, печень, и она сжигает органы в медной чаше, пока от тех не остается ничего, кроме жирной золы. — Думаю, я съедаю их, — продолжает девочка. — Но там еще появляются черные дрозды, целая стая дроздов, слышны только их крылья. Они избивают небо.

Барнаби трясет головой, ворчит и снова принимается тереть стол, потом фыркает:

— Мне следует научиться уходить чуть раньше. Нужно заучить то, что меня вообще не касается.

— Почему, Барнаби? О чем ты?

Поначалу он ей не отвечает, только бормочет про себя, а щетка из свиной щетины летает туда-сюда над хирургическим столом, хотя там уже не осталось пятен, ничего, кроме нескольких мыльных хлопьев, пламя свечи отражается в поцарапанной и выщербленной поверхности.

— Бейлиф засунет мои яйца в бутылку с рассолом, если я ему расскажу об этом. Убирайся. Иди наверх, где тебе место, оставь меня. Я занят.

— Ну ты же знаешь, так? Я слышала историю, Барнаби, о еще одной мертвой девочке, Мерси Браун. Они сожгли ее сердце...

Тогда упырь широко раскрывает челюсти и ревет, как лев в клетке, бросает щетку в Мертвую Девочку, но та пролетает над ее головой и врезается в полку с банками. Разбитое стекло и неожиданный смрад уксуса и маринованных почек. Мертвая Девочка бежит к лестнице.

— Иди, надоедай кому-нибудь другому, труп! — ревет Барнаби ей в спину. — Рассказывай о своих богохульных снах этим высохшим мертвецам. Попроси кого-нибудь из этих заносчивых ублюдков заступить ему дорогу.

А потом он бросает что-то еще, блестящее и острое, оно проносится мимо и застревает в стене. Мертвая Девочка прыгает через две ступеньки, хлопает дверью за собой и проворачивает замок. Если кто и услышал это, если кто увидел ее безрассудный рывок по лестнице большого старого дома на улицу, то они лучше, чем Барнаби, понимают, в чем дело, а потому предпочитают все оставить при себе.

На востоке появляется тончайшая бело-голубая щель рассвета, помечающая горизонт, полоса света. Бобби передает Мертвой Девочке еще один камень.

— Должно хватить, — говорит она, поэтому он садится на траве у края узкого пляжа и наблюдает, как она заполняет то место, где раньше было сердце Гейбл.

Внутри ее тела уже двенадцать камней, внутренности из гранитных булыжников. Они должны отправить тело вампира прямо на дно Сиконка, и на этот раз оно там останется. У Мертвой Девочки в руках толстый рулон серой клейкой ленты, чтобы запечатать рану.

— Они придут за нами? — спрашивает Бобби, и вопрос застает ее врасплох, такого она от него не ожидала.

Девочка прекращает оборачивать тело Гейбл лентой и молча смотрит на него, но мальчик не отводит взгляда от далекого заостренного проблеска дня.

— Могут. Я точно не знаю. Бобби, ты боишься?

— Я скучаю по мисс Жозефине. По тому, как она рассказывала истории.

Мертвая Девочка кивает, но потом улыбается:

— Да, я тоже. Но я сама могу рассказать тебе немало историй.

Когда она наконец заканчивает, они сталкивают тело Гейбл в воду и провожают его до самого дна, надежно привязав к корням затопленной ивы под мостом Хендерсона. А потом Бобби пристраивается рядом с Мертвой Девочкой и через секунду засыпает, потерявшись в снах. Она же закрывает глаза и ждет, когда мир вновь перевернется.

ГВИНЕТ ДЖОНС

Северный свет

Гвинет Джонс — автор и критик научно-фантастической литературы и литературы в жанре фэнтези, кроме того, она пишет для подростков под псевдонимом Энн Халам. Ее последние работы — хоррор для подростков «Остров доктора Франклина» («Dr Franklin's Island») и «Просто, как любовь» («Bold as Love») — первая часть грядущего фэнтези-сериала.

«Вероятно, у каждого, кто пишет фэнтези, имеется история о вампирах, — говорит Джонс. — Это моя вторая попытка. Первой была подростковая история о вампирах „Fear Man", получившая премию „Общества Дракулы" в 1995 году. Но это была провампирская история, в которой Дети Ночи были чужими среди нас и хотя бы некоторые из них были способны на добродетельные поступки. „Северный свет" жестче. Это своего рода современная версия „Камиллы" Шеридана ле Фаню, и она описывает вампиров как туристов, а туристов — как вампиров. Я думаю, можно продолжить размышлять над этой аналогией. Но на личном опыте я убедилась, что существуют хозяйки отелей категории B&B (хоть на зеленом Эрине, хоть где!), которые дадут фору любому искушенному бессмертному кровососу. Бедная Камилла! Искупление — какая жалкая участь!»

Жизнь дарит вольным путешественникам великое множество подобных вечеров. У вас есть все, вы прекрасно выглядите, у вас есть стиль, у вас даже есть то, что в былые времена называлось *рекомендательные письма*. И все же наступает момент, и вы оказываетесь на сбивающей с толку узкой петляющей дороге с мертвенно-бледными зелеными пастбищами по обе стороны, а над горизонтом — чувственный закат. Пробивающаяся жестким «ирокезом» по центру асфальтированной дороги трава свидетельствует о том, что этот маршрут используется только приводящими в ярость, изрыгающими сажу тракторами на высоких коле-

сах. Персонал древней (но на удивление дорогой) маленькой гостиницы, который дал вам от ворот поворот, — с оскорбительной чопорностью и самодовольством служащих переполненной в разгар сезона гостиницы — по всей видимости, послал вас в погоню за химерой.

«Больше никогда!» — говорите вы себе.

Но открытые горизонты непреодолимо манят в даль. Страсть к путешествиям.

— Господи боже, мы пришли, — выдохнула Камилла.

Похожий на куб из желтого камня и чем-то зловещий на вид дом стоял на краю одного из этих бесконечных пастбищ. Никакого намека на сад, если не считать живой кипарисовой изгороди. Надпись на воротах у дороги гласила: «Обслуживание: Джонас О'Дрисколл. Строитель». И еще: «Свободные места». Но последней доверять не стоило.

— *Подходящее* место, — сказал Шеридан, оглядывая окрестности, ему нравилось уединение. — Чертовски просторно для B&B. Нереально!

— Вовсе нет, — поправила его Камилла. Она всегда хорошо разбиралась в укладе жизни аборигенов. — Сельское хозяйство Ирландии традиционно нуждается в спальных комнатах. Единственный урожай, который здесь собирают, — дети. Их выращивают для эмиграции, сплавляют морем в дальние края и рассчитывают на комфортное существование за счет их заработков.

— Довольно бездушно, не так ли?

Камилла рассмеялась:

— А мне нравится. Это демонстрация высокопробной жестокости. Дети как рискованные инвестиции — почему бы и нет?

Сама она была бездетной.

— Где же нечесаные, босоногие крестьянские девки? — простонал Шеридан. — Отведи меня в вонючую хижину с залитым помоями двором и...

Хозяйка дома стояла в дверях. Молодая женщина с жидкими каштановыми волосами, подстриженная под мальчика. Ее большой зад был обтянут темно-синими джинсами мужского покроя; розовые щеки, наивные круглые светло-карие глаза и вздернутый нос-пятачок. Туристы сдержали смешки,

когда она пригласила их пройти в холодный, облицованный кафелем холл с огромным шкафом из отполированной сосны и подставкой для зонтов из той же полированной сосны желтоватого цвета. На стенах висели таблички с выжженными на них правилами B&B (все кредитки; номера должны освобождаться... и так далее). Миниатюрные кастрюльки, декоративные салфетки и фарфоровые ослики на полке для безделушек. Все невыносимо новое. Путешественники переглянулись и вздохнули. Их хозяйку звали Норин О'Дрискол. Ей позвонили из гостиницы, и она готова показать им комнату с ванной и туалетом. Хозяйка по-детски наивно просияла, когда путешественники согласились на непомерную цену за постой, и продемонстрировала крайнее смущение, когда они настояли на рукопожатии.

Камилла и Шеридан любили обмениваться рукопожатиями с аборигенами. Они последовали за круглым джинсовым задом хозяйки вверх по полированной лестнице, смакуя ощущение от прикосновения к надраенной щеткой крестьянской руке, к состарившейся раньше времени коже (ей было не больше двадцати пяти, бедняжке), которая приобрела качество наждачной бумаги.

Номер «4» — комната с ванной и туалетом. Сколько же здесь номеров? Может быть — шесть, может — восемь. Может быть, они тянутся бесконечно до самого преддверия ада. Желтоватая полированная сосна, медные таблички на дверях. Обои в номере «4» такие же, как на лестнице: ягоды и цветы земляники в пастельно-коричневых и пастельно-абрикосовых тонах. Кровать занимает большую часть пространства. Постельное белье... пастельно-абрикосовое, с теми же кошмарными ягодками и цветочками. Тут же соответствующий платяной шкаф и туалетный столик. Из окна с жалкими тонкими занавесками открывается прекрасный вид на море. Пока они разглядывали комнату, Норин откровенно разглядывала *их*, этих экзотических залетных пташек. Высокие и стройные, светловолосые и утонченные (он — высокий, она — блондинка). Круглые блестящие глаза хозяйки отражали простодушную крестьянскую жажду новых ощущений.

— Чудесно, — живо сказал Шеридан, — нам подходит.

Норин несколько озадаченно взглянула на Кэм. (Камилле следовало напомнить Шеридану, что в этих краях муж-

чины не решают бытовые вопросы. В такие моменты его дело — держать рот на замке!) Но в то же время она была счастлива. Они доброжелательны, они благосклонны и очаровательны — все так, как и должно быть!

Когда они остались одни, Камилла понюхала полотенца и тихо застонала. Дешевые полиэстеровые простыни от времени приобрели жуткий плесневидный блеск. И почему, ради всего святого, в таком большом доме этот «двухместный» номер должен быть таким убогим и тесным? Это соты для туристов.

— Терпеть не могу такие места, — ворчала Камилла. — Не выношу их. Какое разочарование! Я-то думала — Ирландия полна романтики.

— Именно то, что *мне* надо, — сказал Шеридан.

Ему пришлось слегка наклониться, чтобы выглянуть в окно. За пастбищем, под сказочным небосклоном, широкий морской берег. Но задний двор дома похож на стройплощадку — кучи укрытого брезентом песка, груды черепицы. Играющие дети: два мальчика в этом трогательном возрасте между детством и отрочеством стараются превзойти друг друга, демонстрируя велосипедные трюки. Девочка чуть постарше изводит щенка терьера. Два инфанта. Невидимый над их головами, *он* милостиво улыбается детям.

— Свет чудесный.

До Камиллы доносятся детские голоса со двора.

— Откуда ты знаешь? Уже почти темно.

— Именно. — Он отвернулся от окна и многозначительно улыбнулся. — Уверен, ты найдешь, чем здесь заняться.

Камилла продолжала ворчать, пока они заносили в комнату свои сумки, пока она распаковывала их и пока тщетно пыталась придать пчелиной ячейке жилой вид. Однако, когда они решились сойти вниз в поисках совета по поводу ужина, именно она приняла предложенную чашечку чая, обрекая их на tet-a-tet с Норин в гостиной. Хозяйка принесла чай и кексы (по одному на гостя). Потом она принесла ребенка — восьмимесячную Розин, страдающую от колик; перечислила Камилле всех своих детей поименно; поделилась состоянием дел своего мужа. Камилла вкушала восхищение, излучаемое глазами Норин, и автоматически

увеличивала его дозу, просто по привычке, — так пианист играет гаммы. Она никому не желала зла, просто ничего не могла с собой поделать. «Почему ты одеваешься как мальчик? Разве тебе не было бы *комфортнее* в симпатичном ситцевом платье и фартуке?» Таковы пути моды, становится все труднее отыскать подлинно дикие места и вкушать естественность. Крестьяне по всему миру пьют кока-колу и пользуются Интернетом. Но их жизнь (довольно скучная и довольно приземлемая) не стала от этого более наполненной. Очаровательная путешественница оставалась для них такой же привлекательной, как и всегда.

Норин с деловито-безразличным видом вертит на руках капризничающую малышку. Камилла любуется семейными фотографиями (Норин в необъятном белом платье, которое удачнее смотрелось бы на сенокосилке, прижимает к себе своего краснолицего строителя). Тут же сидит Шеридан в черной байкерской куртке и черных джинсах. Он закинул ногу на ногу, говорит мало, незаметно для других ухмыляется.

— Господи, — изумляется Норин, — кажется, мы давным-давно знакомы! Только гляньте на часы. Джонас скоро будет дома, а ужин еще не готов!

Они отправились поужинать в придорожной «закусочной с претензией». (Норин напутствовала их предостережением быть поосторожнее со «спиртным за рулем».) Утром Камилла отказалась вставать на Настоящий Ирландский Завтрак. Лежа между тошнотворных полиэстеровых отрезов ткани, она вдыхала запах дешевого стирального порошка и слушала, как американцы средних лет тяжело топают вниз по лестнице. Судя по их голосам, вставать и спускаться в столовую не стоит. «Я не вынесу еще один вечер. Не вынесу». Через четверть часа — стук в дверь: Норин с подносом с чаем и пшеничным хлебом.

— Тебе нездоровится? — очень озабоченно спросила молодая хозяйка. — Он сказал, чтобы я передала тебе, что он ушел поискать по округе возможности. Он сказал, что ты поймешь, о чем это он.

— Шеридан — фотограф, — объяснила Камилла. — Ему нравится, какой у вас тут свет. Как мило, что ты принесла мне чай. Не стоило беспокоиться. Я так сожалею, что причиняю тебе неудобства.

И Норин осталась. И она рассказывала жуткие истории о грубых, неразумных туристах. (Камилла умудрилась донести до сознания хозяйки, что они с Шериданом не англичане и не американцы.) Внизу плач мальчики Розин перешел в рев. Камилла его слышала, Норин — нет. Когда хозяйка наконец решила уйти, глаза ее сияли, как звезды. В дверях она обернулась, томительно долго смотрела на Камиллу, потом вернулась в комнату и, смущаясь, с нежностью похлопала гостью по гладкому загорелому предплечью:

— Отдыхай, Камилла. Все с тобой будет в порядке.

Как все-таки просто, как безболезненно и легко вытягивать из людей положительные эмоции. Отвратительный пшеничный хлеб, испорченный излишком пищевой соды, засох нетронутым. Камилла села на кровати, улыбнулась и облизала губы. Она пересекла «пчелиную ячейку», вошла в крошечный совмещенный санузел и скорчилась на краю ванны, оборудованной душем. Это был единственный способ увидеть свое отражение в зеркале над раковиной.

— Я не *плохая*, — промурлыкала Камилла.

Что двигало человеком, который построил ванную комнату с окном на север? Такой недобрый свет, такой прозрачный и незамутненный, что видна каждая микроскопичная пора. Но это не роскошный отель. Ирландские B&B строятся не для того, чтобы баловать чувствительных, изнеженных amour-propre[1]. Мимолетное знакомство, никогда впредь не пользоваться этим маршрутом, слишком много внимания к деталям — неэффективная трата времени. «Высокопробная жестокость», — подумала Камилла снисходительно, накладывая макияж. Она могла позволить себе быть снисходительной. Чувствовала она себя намного лучше, все незначительные события минувшего дня, которые истощили ее силы, отошли на задний план.

Вне дома, по берегу залива, залитому ясным светом, который порождал тревожное отражение в зеркале Камиллы, бродил Шеридан. Он сделал привал на обнаженной горной породе — сел по-турецки и принялся доставать из сумки объективы. Мальчишка лет двенадцати-тринадцати ехал на

[1] Эгоист *(фр.)*.

велосипеде по берегу. Высокий мужчина еще издалека приметил мальчика. Не подавая виду, что делает это намеренно, он демонстрировал свои орудия труда. Велосипедист отклонился от маршрута и остановился, оставив на гравийной дороге впечатляющий тормозной след. Шеридан улыбнулся, услышав скрежет шин, и продолжил с задумчивым видом доставать из сумки большие черные объективы, электронный экспонометр, а за ними и треногу. Вот наконец и мальчик. Прелесть уходящего детства, подпорченная круглой, как ядро, коротко остриженной головой, как к магниту тянулась к незнакомцу.

— Чего ты делаешь? — с независимым видом спросил мальчик.

— Собираюсь сделать несколько снимков.

Мальчик подошел поближе. Шеридан был взрослым и, следовательно, не стоил внимания, но он был одет как тинейджер, а большие тинейджеры — боги.

— Там, в заливе, тюлени. Но тебе их не увидеть.

Шеридан пожал плечами, он был равнодушен к дикой природе, за которой гонялось большинство туристов.

— Тюленей можно увидеть и в зоопарке. Я собираюсь фотографировать свет и воду. — Он улыбнулся, когда мальчик подошел еще ближе. — Может быть, и тебя сфотографирую.

У Шеридана был антикварный «бентли» — британская скаковая, легендарный монстр. Машина страдала от какого-то механического заболевания. Ее надо было осторожно отвести в городок за придорожной «закусочной с претензией» и оставить там на диагностику и лечение. Камилла была не то чтобы больна, она чувствовала переутомление от путешествия, которое длилось не одну неделю. Она слегла в свою кровать в номере «4», и в результате ее стала навещать Норин. Остановившиеся по пути тяжеловесы из Америки были бы поражены таким неслыханным поведением хозяйки, но они ничего не замечали. Короткими перебежками, туда-обратно — таков был обычный маршрут Норин. Свою разговорчивость она приберегала для прекрасной чужестранки. Норин весь день курсировала в номер «4» и обратно, иногда таская на руках малышку Розин, и выражала крайнюю озабоченность птичьим аппетитом Камиллы.

— Да уж, столько есть — и воробей с голоду помрет, — вздыхала она, поглаживая чудесные светлые волосы Камиллы.

Незначительная физическая близость стала для них естественным явлением — коснуться, приобнять за плечи, ничего из ряда вон, просто по-сестрински.

— Я очень хорошо питаюсь, — возражала Камилла с легкой улыбкой. — Ты чудесно за мной ухаживаешь.

Зеркало в этой, с позволения сказать, ванной комнате демонстрировало лицо более изнуренное, чем хотелось бы видеть Камилле. Но отражение было обманчивым. Просто в ее жизни началась тяжелая полоса, она чувствовала истощение, но с каждым днем набиралась сил.

— Так, значит, можно прожить, делая фотографии? — полюбопытствовала Норин, убирая поднос с миской супа. К супу едва притронулись, что свидетельствовало о природной утонченности Камиллы.

Розин в перепачканной пижамке сидела у матери на руке.

— О да, и хорошо прожить.

— А ты?..

Камилла сказала, что не работает. Ей работа не нужна.

— Так, значит, ты вроде как... содержанка? — спросила Норин, округлив глаза. — Господи, я бы так не смогла! Я бы побоялась так жить.

Камилла была несколько уязвлена и рассмеялась в ответ:

— О нет. Нет, нет. Я хотела сказать — мы вместе работаем. Он фотографирует, я — пишу тексты, мы делаем замечательные книжки.

Никто из них не нуждался в работе. Они были финансово независимы, но говорить об этом не стоило. А то, что Шеридан как фотограф добывает средства к существованию, было правдой. Истинной правдой.

Топот и крики на лестнице. Дети в доме. «Какой-то маньяк шастает по округе». Из-за него старший мальчик лишился товарища по играм, поэтому теперь сидит дома и смотрит телевизор. Девочка тоже по какой-то причине осталась дома, а следовательно, не ушли гулять и малыши.

— Молю Бога, чтобы они не заболели, — говорит расстроенная Норин. — С ними будет столько хлопот, как в том августе, когда у меня был полный дом чумных туристов.

Камилла мурлычет какие-то извинения. Но нет! Норин и слушать не желает! Нет! Она *рада*, что Камилла остановилась у нее. Ухаживать за Камиллой — это такое удовольствие, как поход в кино. «Все равно как сходить в парикмахерскую, — мечтательно добавляет она, — как сидеть там и почитывать журналы...» Представление Норин о максимально роскошном безделье.

Шеридан прогуливался по дубовой роще у берега моря в компании десятилетней девочки. Не с дочкой хозяйки B&B, с другой маленькой девочкой. Деревья заросли лишайником. Мужчина показывает девочке вещи, о которых она и слыхом не слыхивала, произносит названия цветов и деревьев, которые для современной узколобой маленькой крестьянки всегда были просто «цветами» и «деревьями». Вот — гнездо древесных муравьев — коричневый от патоки холмик просеянной земли похожий на маленькую могилку. Но, присмотревшись, замечаешь, что могилка шевелится.

— А ты знаешь, — спрашивает Шеридан, — что муравьи — фермеры?

Они ложатся бок о бок на ковер из опавших листьев, высокий мужчина и маленькая девочка, и наблюдают за тем, как муравей-пастырь высасывает нектар из остроконечного брюшка одного из представителей своей паствы.

— Господи боже, — говорит маленькая девочка, — это как в научном фильме про природу.

— Слабые у них для того, чтобы поддерживать сильных, — говорит Шеридан и острой травинкой добывает капельку нектара из другого насекомого, демонстрируя, как легко их «доить».

— Господи Иисусе, — говорит маленькая девочка, напряженно наблюдая за действиями мужчины. — Если бы они были больше, это было бы похоже на фильм ужасов. — Она вздыхает. — Вы так много знаете. Это как с Интернетом разговаривать.

— А теперь можно тебя сфотографировать?

Маленькая девочка думает, не следует ли ей убежать. Но не убегает.

Камилла и Норин гуляют по берегу залива. Норин толкает перед собой громоздкую, обтянутую шотландкой двух-

местную коляску. Такая погода на Западном побережье Ирландии может сойти за прекрасный летний денек. На стоянке рядами выстроились машины, батальоны ветроломов. Очень мало иностранных туристов. Камилла перебирает в уме мимолетные впечатления о жизни в здешних местах, которые у нее накопились до того, как случилась эта провиденциальная остановка. Молодая женщина с лицом-лопатой толкает перед собой по дороге, по которой курсируют только трактора да туристы, коляску с младенцем, а ты задаешься вопросом: куда она направляется? Ты представляешь, как и чем она живет. Ты хочешь дотронуться до нее. И теперь Камилла *внутри картинки*. Она проникла в самое сердце чужого мира. Это всегда возбуждает, как бы часто это ни повторялось.

Ей уже довелось мельком увидеть мужа Норин. Кухонное чудовище сидит за столом. В одном кулаке зажата вилка, в другом — нож. Красное, ничего не выражающее, словно каменная плита, лицо. Боже, лежать под *этим существом*, пока оно молча нашпиговывает тебя детьми!.. Но Камилла не делится этими мыслями, она берет Норин под руку, подробно рассказывает о своих приключениях во время путешествий по всему миру. Пирамиды Гизы, рестораны Нью-Йорка. Впечатления весьма осведомленного человека.

— А ты знаешь, что в Западной Африке только на рынке в Фумбане, под земляными стенами дворца султана, можно найти голландский набивной хлопок?

— Правда? У них что, своих ткачей нет?

— Норин, то, что колонисты отправлялись в Африку и Азию для того, чтобы разворовывать тамошние природные ресурсы, — большая ложь. Они отправлялись туда завоевывать новые рынки для своих товаров. Продавать, а не покупать. То же самое и с туристами. Ты когда-нибудь задумывалась об этом? Они приезжают не затем, чтобы *увидеть*, они приезжают себя показать. Такое когда-нибудь приходило тебе в голову?

— Никогда! — говорит Норин, растерянно хлопая ресницами. — О, но я никогда бы не назвала тебя *туристкой*, Кэм. — Она смущенно прижимает к своему упитанному боку руку Камиллы. (Наслаждение заключалось в осознании того, что это *не зайдет далеко*. Никаких последствий, по-

тому что Камилла здесь не останется. Вкусовые ощущения и запахи, яркие моменты... счет никогда не будет представлен.)

Они шли дальше. Норин после своего порывистого заявления некоторое время хранила молчание.

— Знаешь, — сказала она через минуту-другую, — я волнуюсь из-за этого маньяка, что бродит по округе. Некоторые теперь не выпускают детей из дому. Ты считаешь, я должна держать их дома?

— Их?

— Детей.

— А-а... — Камилла нахмурилась и отвела взгляд в сторону. — Не волнуйся. С *твоими* детьми ничего не случится.

Она не стала объяснять, почему подчеркнула «твоими».

Сизые волны набегали на берег, мамаши сидели за ветроломами, несколько поредевшая когорта местной детворы прыгала по берегу и брызгалась на мелководье.

— Твои дети, наверное, уже выросли и уехали. — Норин вздохнула, проталкивая коляску через выброшенные на берег непокорные водоросли... и поторопилась сгладить свой *faux-pas*[1]. — Ой, я хотела сказать, ты, наверное, очень рано вышла замуж.

— Замуж? — Камилла со смехом отмела это предположение, слегка раздраженная тем, что ее мрачный намек проигнорировали. — Мы с Шериданом так давно вместе, что стали почти как брат и сестра, но мы никогда не были официально... э-э... *женаты*.

— Вы не женаты? — задохнулась от изумления Норин.

— Я никогда не была замужем. Мне нравится быть независимой.

— Но ты говорила, что ты вроде как... содержанка?

— Это была шутка.

Никогда не была замужем!

Коляску так тряхнуло, что Розин взвыла. Среди персонажей на фамильных портретах, с такой готовностью выставленных на всеобщее обозрение в гостиной, было несколько женщин, которые никогда не были замужем. Они прижимали

[1] Ошибка, неверный ход *(фр.)*.

к своим бюстам-подушкам страшненьких младенцев. Потрясенная Норин сравнивала Камиллу со своими пратетками и не могла найти для нее места среди этих незадачливых охотниц на мужей и старых дев...

— Ты так молодо выглядишь! — с придыханием воскликнула она, словно блаженное состояние незамужней женщины в ее мозгу было неразрывно связано с образом синего чулка средних лет. — Ты похожа на фотомодель!

Камилла крепче сжала руку спутницы и, приблизившись, потерлась своей бледной холодной щекой о ее теплую и розовую.

— Я молода уже так давно, — промурлыкала она, — что не могу вспомнить, когда была другой.

— Ох, если бы я только могла, я бы...

Что она сделала бы? Избавила бы Камиллу от всего этого? Краснеющий от смущения крестьянский парень и утонченная женщина постарше. Варианты бесконечны, и жалость может сыграть свою роль. Все это льет воду на мельницу Камиллы. Это как переливание свежей крови, только без этих жутких депрессивных деталей в реанимационной палате.

Любовь — это голод, который нас питает.

Шеридан бродил в поисках добычи по лесу и взморью. Камилла, уже не хворавшая, охотилась на кухне B&B, где хозяйка проводила большую часть своей жизни — непрестанно готовила, загружала стиральную машину, гладила сырые простыни. Норин вспоминала случаи страшной эпидемии. Мальчика по ночам мучают кошмары, в доме никто не может глаз сомкнуть. Девочку срочно отвезли в больницу, но доктора ничего не смогли обнаружить, так что целый день пропал даром — пока ехали, пока ждали, пока везли обратно. Господи Боже. *Schandenfreude*[1]. *Норин чудом не заболела.*

Камилла сменила тему. «Мы все — *содержанки*, — сказала она (Норин призналась, что романтические отношения у них с Джонасом давно сошли на нет). — Мы ничего без них не можем, верно ведь? Со стороны мы идеальная пара,

[1] Злорадство (нем.).

но правда в том... есть вещи, которые я...» Она запнулась и больше не вымолвила ни слова.

В один прекрасный день Шеридан, вернувшись с прогулки, разложил на вышитом старом покрывале цифровые фотографии. Некоторое время он разглядывал их со счастливой улыбкой на лице, а потом сказал:

— Пора убираться отсюда к дьяволу.

— К дьяволу, это точно.— Камилла покосилась на снимки и отвела взгляд.

— Откуда такая щепетильность? Я должен как-то жить или нет?

— Не пойму, почему ты хочешь уехать?!

Шеридан надел темные очки и улыбнулся Камилле:

— Ни в чем нельзя быть уверенным. Я просто осторожен.

— Хорошо, потому что я еще не закончила. Не закончила. Еще нет.

В темных стеклах очков — ее лицо, такое призрачное, что даже стыдно, что ей нужен партнер. Но два хищника не могут питать друг друга. В этом весь эротизм их отношений. Эти запахи и вкусовые ощущения, эта связь на расстоянии... это все еще приводило ее в трепет. Шеридан всегда заканчивал первым — это правда. Но Камиллу это устраивало.

— Давай, сестренка,— говорит большой тинейджер.— Похоже, тебе надо привести себя в порядок.

Машину отремонтировали. В тот вечер ее перегнали в B&B. Они поставили в известность о своем отъезде на следующее утро и оплатили счет. Норин было очень жаль, что они уезжают, но прощаться на глазах эрзац-мужа Камиллы она не хотела. Камилла дала понять, один-два раза печально взглянув на Норин, что внезапный отъезд — не ее идея и она сожалеет, что они не могут более тепло попрощаться. Она встала где-то через час после полуночи. Шеридан мирно спал. Простыни, хоть и свежие, по-прежнему пахли этим дешевым порошком. «Как она это делает? — удивлялась Камилла, накидывая элегантное бело-голубое кимоно.— Бедняжка Норин — гений нищенского домохозяйничания, жалкая участь...» Она прошла в ванную комнату и посмотрела на свое отражение. Боже правый, даже свет маленькой ло-

минесцентной лампы, казалось, исходил прямиком с Северного полюса. Тоненькие «вороньи лапки» в уголках глаз, морщинки между бровей... А это — *лопнувший сосуд?* Не может быть! Ничего страшного. Скоро, скоро эта старая ведьма исчезнет. Зеркала цивилизованного мира восстановят красоту Камиллы, вольют в нее свежесть и очарование. В последний раз, содрогаясь от отвращения, она прошла по невообразимо жутким, отделанным полированной сосной коридорам дома люмпенов. Американская чета мирно похрапывала за дверью с медной табличкой и видела во сне утес Рок-оф-Кэшел и замок Блэрни. Норин делит комнату с Джонасом, в той же комнате спит в детской кроватке Розин. Малышка, вот чудо, не плачет, но это не значит, что в доме тихо.

Камилла идет на звуки — жужжание, щелчки и глухой стук. Камилла тихо открывает дверь и видит в полумраке мальчика — любителя BMX. Он сидит к ней спиной, целиком погрузившись в созерцание монитора. Маленькие руки в непрерывном движении — клик-клик-клик. Камилла знает всех детей Норин по именам. Этого зовут Диклэн, ему десять лет от роду, и он, по счастью, невосприимчив к распространившемуся по округе вирусу. Впрочем, он немного маловат для этого вируса: бутон еще не вполне распустился, жизненный сок еще не играет в жилах. Но он защищен в любом случае. Существуют правила. Камилла проскользнула в комнату и встала у мальчика за спиной, поражаясь одержимости, ей самой не свойственной. Она стояла к нему так близко, что было даже удивительно, что он не оборачивается. Через плечо мальчика она видела отражение своего лица в экране, четко просматривающееся между беговых дорожек трека.

Диклэн обернулся и увидел пустое место (какая-то взрослая женщина, чья-то мать, безликий проводник). С неизменившимся лицом мальчик повернулся обратно к экрану и продолжил игру.

Камилла отступила, ее трясло от ужаса: это все диета Норин. Все, что питает ее бедную изголодавшуюся душу.

Она спустилась в гостиную, чувствуя себя морально оправданной. Я не *плохая.* Не беспредельно прожорлива. Прошло четверть часа, и появилась замотанная в кошмарный халат Норин — лицо, раскрасневшееся после сна, короткие волосы взлохмачены.

— Мне показалось, послышалось... О Камилла, *что случилось?*

Камилла рыдала, стараясь заглушить всхлипы, вцепившись зубами в кулаки. Она была вне себя. Прошло какое-то время, прежде чем от нее удалось хоть чего-то добиться. Захлебываясь, спрятав лицо в ладонях, обрывками предложений она поведала свою историю.

Поделилась своими подозрениями. Своей убежденностью. Своей тяжкой ношей.

— Я не могу ничего доказать, — объясняла она. — Но я знаю наверняка, знаю об этом каждый раз, когда это случается. *Он крадет у них что-то*... Как бы это сказать? Они сдаются ему.

— Господи Иисусе. Ты хочешь сказать — он нападает на них?

— Нет! — застонала Камилла. — *Ничего подобного*. Я пытаюсь сказать — он отбирает их жизнь.

— Но, Камилла, никто ведь не умер!

— Нет! Он их не убивает, он слишком умен для этого. Они умирают позже, от чего-нибудь другого. Несчастный случай или простуда. Я проследила. Я знаю, так происходит. Но он никогда ни в чем не виноват. Они остаются живы, но лучше бы они умирали, потому что они становятся *такими, как он*. Об этом я тоже знаю.

Бедно обставленная комната в шоке внимала Камилле. Большой экран телевизора мрачно пялился на женщин.

Камилла показала Норин фотографии. Молодая хозяйка задрожала. Она пролепетала: «Полиция». Камилла сказала: «Тогда бы он меня убил. О боже, я не хочу умирать!»

— Я должна была тебе рассказать, — рыдает она. — Я просто должна была это сделать. О Норин, *я такое знаю*...

А потом — торопливый шепот и прерывистое дыхание. Последние уверения, возражения, капитуляция. Норин униженно соглашается не поднимать тревогу. Трясущаяся, ослабшая, она лишена невинности, она пала, стала соучастницей чего-то чудовищного... и ей это нравится.

Камилле пережитой опыт тоже приносит глубокое удовлетворение.

Она покидает комнату и на цыпочках прокрадывается в номер «4».

Вспышка ослепляет ее, когда она открывает дверь. Губы ее еще влажные, черты лица смягчились, глаза замутнены от испытанного наслаждения.

— Поймал! — кричит Шеридан, размахивая фотоаппаратом, и улыбается во весь рот.

И она смеется.

Это почти как если бы он ее поцеловал. Шеридан отворачивается и проверяет снимок на экране предварительного просмотра.

— Хм.

Похоже, что он разочарован или, возможно, озадачен.

— В чем дело?

— О, ничего, все хорошо.

Они покидают большой окоченевший желтый дом ранним утром. Камилла находит момент отъезда странным образом печальным, разочаровывающим. Она хотела бы встретить немного понимания, увидеть пристыженное беспокойство в глазах молодой хозяйки, заметить, как побледнели розовые щеки. Норин проснется и совсем не будет уверена в том, что что-то действительно произошло с ней в эту ночь. (Возможно, она никогда не хватится того, что у нее отняла Камилла.) Так все и должно быть. Внутрь и обратно, не оставляя следа, любить их и покидать их.

Она на секунду зашла в кухню и огляделась. Запахи копченой селедки, кровяной колбасы и сохнущего в помещении белья смешивались, вызывая тошноту. Камилла вдруг почувствовала, что теряет ориентацию в пространстве. Вкус жизни Норин застрял у нее в горле; перед глазами на секунду возникла пугающая картинка ее существования в этом доме. Муж-чурбан и безразличные отпрыски, шумные американцы, жующие пережаренный бекон в этой убогой, мрачной столовой. Камилле нечем дышать, ей кажется — она становится прозрачной.

Шеридан сигналит в «бентли».

— Тсс! — шипит Камилла и убегает из кухни.

Большая машина отъезжает от дома.

Норин проснулась, как раз чтобы услышать звук отъезжающей машины. Ночью ей не спалось, но для нее не су-

ществует поблажек. Никто не принесет ей кофе в постель. Надо приготовить завтрак для постояльцев; Джонасон не в духе; дети будут выводить ее из себя своим ором, а малышка ревом. Но она улыбалась. Она стояла на крыльце и слушала приглушенное урчание двигателя большой машины. Это едут они, прекрасные люди. Норин повертела в руке простой кремовый прямоугольник визитки с единственной надписью: «Камилла Сиибу». И больше ничего. Ни адреса, ни телефона. Высокомерно, не так ли? Но это не важно. Ты никогда больше их не увидишь. Мимолетное знакомство. Она сунула визитку в ящик комода, туда, где хранила свою коллекцию любимых трофеев.

— Иногда у меня бывают такие милые постояльцы, — мурлычет Норин. — Так славно принимать их у себя.

И она возвращается в рабство, к своим домашним обязанностям, в ее широкой, хищной улыбке таится триумф; взгляд наивных светло-карих глаз больше не голодный, он пресыщенный.

Они заранее позвонили и забронировали номер в месте настолько удаленном от примитивного B&B, насколько это позволяли деньги. Камилла автоматически одарила паренька, который подхватил их сумки, ослепительной улыбкой и была несколько удивлена, когда не получила в ответ восхищенный, признательный взгляд.

Они вошли в отель. Каким же просторным казался им холл. Там толпилось множество людей, но не было тесно. Никто не смотрел в сторону Камиллы. Или, если кто-то случайно и бросал взгляд в ее сторону, казалось, этот кто-то ничего не видел. К тому моменту, когда они дошли до регистрационной стойки, она чувствовала тревогу и странную слабость, словно этот короткий переход был долгой дорогой через безлюдную тундру. Странствие Камиллы по миру людей до сих пор было поглощением, глоток за глотком, их внимания. Цветок обольщения распускался целиком лишь время от времени (она не наркоман, как Шеридан!). Ее неизменная красота, ее неувядающая молодость поддерживались более изощренными способами. Она так привыкла получать ответную реакцию, что даже не задумывалась об этом. Восхищение, вызываемое ею практически у каждого чело-

века (будь то мужчина или женщина), у молодого или у старого, было ее повседневной пищей, воздухом, которым она дышала. Люди так и питаются. Таков закон природы.

Весь подъем до номера спокойный и невозмутимый Шеридан хранил молчание, а она не могла удержаться и рассматривала себя в зеркальных стенах лифта, заглядывала в глаза проходившей мимо горничной, в глаза коридорного, ожидавшего чаевые. Ничего. С таким же успехом она могла быть невидимкой. «Что со мной произошло?»

— Что с тобой, Кэм?

— Ничего, — отвечает она, сидя на кровати королевских размеров в центре огромного номера. По кровати разбросаны роскошные подушки; свежие, белоснежные простыни благоухают. Но где же Норин с ее покорными, голодными глазами? — Я, пожалуй, приму душ.

Она уходит в ванную комнату.

До тех пор, пока ты видишь себя в зеркале, ты не переступила черту. Так говорит Шеридан. Когда-нибудь все зеркала окажутся пустыми. Временами, устав от бесконечно повторяющейся пытки своей изощренной диеты, она мечтала о том дне, когда у них уже не останется выбора и они вынуждены будут превратиться в монстров. В действительности никто из них не хотел переступать эту черту. Это была бы своего рода смерть. Они предпочитали как можно дольше избегать этой участи. Но было кое-что еще.

На нее смотрит светловолосая уставшая женщина, немного бледная. На лице ее несколько тоненьких морщин, несколько лопнувших сосудов. В этом отражении нет ничего необычного. Ни старая, ни слишком молодая, ни красивая, ни страшная — определенно нет никаких признаков бессмертного зла. «О боже, — шепчет она, заново рожденная смертная, — что со мной произошло?» Она поворачивается в одну сторону, потом в другую. Бесполезно. Куда бы она ни смотрела, прозрачный, чистый свет, падающий на нее, исходит с севера.

КОННИ УИЛЛИС

Джек

Журнал «Locus» включил Конни Уиллис в список «Лучших авторов научной фантастики и фэнтези девяностых годов». Она дебютировала в 1971 году в журнале «Worlds of Fantasy», но начала регулярно писать в жанре фэнтези только с начала восьмидесятых. Ей принадлежат романы «Мечты Линкольна» («Lincoln's Dreams»), «Книга Страшного суда» («Doomsday Book»), «Белое пятно» («Uncharted Territory»), «Ремейк» («Remake), «Вожак» («Bellwether»), «Не считая собаки» («To Say Nothing of the Dog») и «Переход» («Passage»), а также сборники рассказов «Пожарная охрана» («Fire Watch»), «Невозможное» («Impossible Things») и «Чудо и другие рождественские истории» («Miracle and Other Christmas Stories»). Уиллис шесть раз получала премию «Небьюла» и восемь — «Хьюго».

Автор так рассказывает о возникновении замысла новеллы «Джек»: «Когда я впервые посетила собор Святого Павла в Лондоне, то сразу вспомнила Блиц[1]*. Мне показалось невероятным, что собор не сгорел в ту декабрьскую ночь*[2] *(и до сих пор так кажется), и я начала собирать факты для нового рассказа; в итоге появилась „Пожарная охрана". Читая книги и различные документы, я постоянно встречала упоминания о необыкновенно удачливых спасателях. Они словно обладали неким инстинктом, позволявшим им обнаруживать пострадавших под завалами. Разумом я понимаю, что эти люди скорее всего очень хорошо слышали (лондонцы тогда были практически глухими из-за постоянного шума) или каким-то образом догадывались, где искать, а может, им просто везло. Однако однажды мне пришло в голову иное, более зловещее объяснение...»*

---

[1] Так в Великобритании называют массированные бомбардировки английских городов германскими ВВС во время Второй мировой войны, начавшиеся 7 сентября 1940 г. и продолжавшиеся каждую ночь до 10 мая 1941 г.

[2] 29 декабря 1940 г., во время ожесточенного воздушного налета на Лондон, на купол собора упала зажигательная бомба, которую, однако, удалось вовремя обезвредить.

В ту ночь, когда Джек впервые появился у нас, Ви опоздала. Люфтваффе тоже. В восемь сирены еще молчали.

— Может, нашей Виолетте надоели летчики и она переключилась на наблюдателей, — пошутил Моррис. — А те потеряли голову от ее чар и забыли включить сирены.

— Тогда тебе лучше отправляться на наблюдательный пост, — заметил Суэйлс, снимая жестяную каску пожарного. Он только что закончил патрулирование.

Мы освободили для него место за покрытым клеенкой столом, сдвинули в сторону чашки, разбросанные противогазы и карманные фонарики. Твикенхэм сгреб свои бумаги в одну большую кучу и продолжил стучать на машинке.

Суэйлс сел и налил себе чашку чаю.

— Теперь она начнет заигрывать со служащими ПВО, — сказал он, протягивая руку к молочнику. Моррис пододвинул ему молоко. — И ни один из нас уже не сможет чувствовать себя в безопасности. — Он ухмыльнулся, глядя на меня. — Особенно молодые вроде тебя, Джек.

— Я-то как раз в безопасности, — возразил я. — Я жду повестку. А Твикенхэму, мне кажется, стоит побеспокоиться.

Услышав свое имя, Твикенхэм поднял голову от пишущей машинки.

— О чем побеспокоиться? — переспросил он, держа руки над клавишами.

— О том, как бы наша Виолетта тебя не захомутала, — объяснил Суэйлс. — Девчонки обожают поэтов.

— Я журналист, а не поэт. Как насчет Ренфри? — Он кивнул в сторону соседней комнаты, где стояли койки.

— Ренфри! — крикнул Суэйлс, отодвигая стул и собираясь заглянуть в дверь.

— Тсс, — прошипел я. — Не буди его. Он всю неделю не спал.

— Да, правда. Это некрасиво будет — он и так слаб. — Он снова сел. — А Моррис женат. Как насчет твоего сына, Моррис? Он летчик, да? Где расквартирован — в Лондоне?

Моррис покачал головой:

— Квинси в Северном Уилде.

— Ну тогда повезло ему, — хмыкнул Суэйлс. — Похоже, остался только ты, Твикенхэм.

— Прошу прощения, — отозвался тот, продолжая стучать, — она не в моем вкусе.

— Да она ни в чьем вкусе, — сказал Суэйлс.

— А вот летчикам нравится, — возразил Моррис, и мы замолчали, размышляя о Ви и ее сумасшедшей популярности у пилотов ВВС в Лондоне и его окрестностях.

У Ви были бесцветные ресницы и тусклые, неопределенного цвета волосы. Придя на дежурство, она обычно сооружала на голове небольшие плоские завитушки, что было против правил, но миссис Люси не делала ей замечаний. Ви была невысокой, коренастой, умом не блистала — и все же постоянно ходила на танцы и вечеринки с летчиками, и каждый раз с новым.

— А мне так кажется, что она все сочиняет, — бубнил Суэйлс. — Сама покупает продукты, которые они ей якобы дарят, — все эти апельсины, шоколадки. Сама берет и покупает их на черном рынке.

— На жалованье пожарного? — рассмеялся я.

Нам платили всего два фунта в неделю, а гостинцы, которые Ви приносила на пост, — сладости, шерри, сигареты — стоили очень дорого. Она щедро делилась с нами, хотя спиртное и сигареты тоже были против правил. Но миссис Люси не возражала.

Она никогда не выговаривала своим подчиненным — лишь за плохие слова о Ви; поэтому мы старались не сплетничать в ее присутствии. Я размышлял, куда пропала начальница. Я не видел ее с тех пор, как пришел.

— А где миссис Люси? — спросил я. — Неужели тоже опоздала?

Моррис кивнул в сторону кладовки:

— В своей конторе. Пришел человек, который будет заменять Олмвуда. Она заполняет бумаги.

Олмвуд был нашим лучшим работником, это был могучий мужчина, бывший шахтер, он мог в одиночку поднять потолочную балку. Поэтому Нельсон, пользуясь своим положением старшего пожарного округа, устроил его перевод в свою бригаду.

— Надеюсь, этот новый человек никуда не годится, — сказал Суэйлс. — А то Нельсон украдет у нас и его.

— Видел вчера Олмвуда, — вставил Моррис. — Он выглядит как Ренфри, только еще хуже. Он мне рассказал, что Нельсон заставляет их всю ночь патрулировать улицы и искать зажигательные бомбы.

В этом занятии не было смысла. С земли все равно нельзя заметить, куда падает зажигательная бомба, а в случае взрыва никого из пожарных не было на посту — все ходили по улицам. В самом начале Блица миссис Люси составила расписание патрулирования, но через неделю велела всем возвращаться к полуночи, чтобы немного поспать. Миссис Люси сказала, что не хочет подвергать нас опасности быть убитыми, когда люди все равно уже сидят в убежищах.

— Олмвуд говорит, что Нельсон запрещает им снимать противогазы во время дежурства и дважды за вахту проводит тренировки по обращению с насосом, — продолжал Моррис.

— Тренировки с насосом! — взорвался Суэйлс. — Он что, думает, им так сложно научиться пользоваться? Нет, меня Нельсон не получит, хотя бы сам Черчилль подписал приказ о переводе.

Дверь кладовки открылась, и оттуда высунулась миссис Люси.

— Уже половина девятого. Наблюдателю лучше подняться наверх, если сирены не включились, — сказала она. — Кто сегодня дежурный?

— Ви, — ответил я. — Но она еще не пришла.

— О боже! — воскликнула миссис Люси. — Думаю, кому-то надо пойти поискать ее.

— Я пойду, — предложил я и начал натягивать сапоги.

— Спасибо тебе, Джек, — улыбнулась она и закрыла дверь.

Я поднялся и засунул за пояс фонарь. Нашел свой противогаз и перекинул его через плечо — на случай, если столкнусь с Нельсоном. По правилам их следовало носить во время патрулирования, но миссис Люси почти сразу поняла, что в этих противогазах ничего вокруг не видно. Я думаю, что именно поэтому наш пост был самым лучшим во всем округе, включая пост Нельсона.

Миссис Люси снова открыла дверь.

— Она обычно приезжает на подземке. Станция «Слоун-сквер», — сообщила она. — Будь осторожен.

— Вот именно, — поддакнул Суэйлс. — Ви может прятаться в темном закоулке, ожидая, пока ты пройдешь мимо, а потом как вцепится в тебя! — Он схватил Твикенхэма сзади за горло и прижал к себе.

— Я буду осторожен, — пообещал я и, поднявшись по лестнице, вышел на улицу.

Я пошел по дороге, по которой Ви обычно приходила со станции «Слоун-сквер». На темной улице никого не было, кроме какой-то девушки, которая спешила к метро, неся с собой одеяло, подушку и платье на плечиках.

Остаток пути до станции я прошел вместе с девушкой, чтобы убедиться, что она не заблудилась, хотя было не так уж темно. Светила почти полная луна; вдалеке, у доков, все еще горело после вчерашней бомбежки.

— Спасибо вам большущее, — поблагодарила меня девушка, перехватывая вешалку поудобнее, чтобы пожать мне руку. Она была гораздо красивее Ви, со светлыми волнистыми волосами. — Я работаю у этой старой кочерги, в магазине Джона Льюиса, и она меня не отпускает ни на минуту раньше закрытия, даже если сирены загудят.

Я несколько минут подождал у станции метро, затем направился к Бромптон-роуд, на всякий случай — вдруг Ви села на станции «Саут-Кенсингтон», но так и не нашел ее. Когда я вернулся на пост, ее еще не было.

— У нас появилась новая теория насчет того, почему до сих пор нет сирен, — сообщил мне Суэйлс. — Мы решили, что наша Ви соблазнила летчиков люфтваффе и те сдались.

— Где миссис Люси? — спросил я.

— Все еще в конторе с новичком, — сказал Твикенхэм.

— Лучше я скажу ей, что не нашел Ви, — решил я и уже направился к кладовке.

Не успел я дойти до двери, как она распахнулась и появились миссис Люси и новичок. Вряд ли он мог служить заменой крепкому Олмвуду. Он был не старше меня, довольно тощ — словом, не из тех, кто ворочает потолочными балками. У него было узкое бледное лицо, и я решил, что он скорее всего студент.

— Это наш новый совместитель, мистер Сеттл, — объявила миссис Люси. Затем назвала нас по очереди: — Мистер Моррис, мистер Твикенхэм, мистер Суэйлс, мистер Харкер. - Она улыбнулась новому служащему, затем мне. — Мистера Харкера тоже зовут Джек, — сказала она. — Придется мне постараться, чтобы вас различать.

— Два домкрата[1], — хмыкнул Суэйлс. — Неплохо.

Новичок улыбнулся.

— Вон там койки, если вам захочется прилечь, — показала миссис Люси. — А если будут бомбить близко, то на этот случай угольный подвал укреплен. Боюсь, что в остальных частях подвала небезопасно, но я стараюсь это уладить. — Она взмахнула бумагами, которые держала в руке. — Я обращалась к старшему офицеру округа, просила балки для укрепления. Противогазы там, — она указала на деревянный ящик, — батарейки для фонарей вот тут, — открыла ящик комода, — расписание дежурств на стене. — Миссис Люси указала на листок с аккуратными столбиками имен и цифр. — Патрули здесь, вахты — здесь. Как видите, сегодня вечером первая вахта у мисс Уэстерн.

— Но ее еще нет, — подхватил Твикенхэм, не отрываясь от пишущей машинки.

— Я не нашел ее, — объяснил я.

— О боже! — воскликнула миссис Люси. — Все-таки я надеюсь, что с ней все в порядке. Мистер Твикенхэм, вас не затруднит подежурить вместо Ви?

— Я подежурю, — встрял Джек. — Куда я должен идти?

— Я ему покажу, — предложил я и повернулся к лестнице.

— Нет, погодите, — остановила меня миссис Люси. — Мистер Сеттл, мне очень неудобно заставлять вас работать, когда вы еще даже ни с кем не познакомились, да и подниматься туда пока не нужно — сигнала тревоги еще не было. Идите сюда оба, присядьте. — Она сняла с чайника цветастую грелку. — Не желаете ли чашечку чаю, мистер Сеттл?

— Нет, спасибо, — отказался он.

Она положила грелку обратно и улыбнулась ему.

---

[1] *Jack (англ.)* — домкрат.

— Вы из Йоркшира, мистер Сеттл, — начала она, словно мы находились на светском чаепитии. — А откуда именно?

— Из Уитби, — вежливо ответил он.

— А что привело вас в Лондон? — спросил Моррис.

— Война, — ответил новичок так же вежливо.

— Хотели исполнить свой долг, да?

— Да.

— Именно так мне сказал мой сын, Квинси. «Папа, — говорит он, — я хочу исполнить свой долг перед страной. Я буду летчиком». Он сбил двадцать один самолет, мой сын Квинси, — сообщил Моррис Джеку, — и его самого дважды сбивали. Кстати, он получил несколько царапин, но это совершенно секретно.

Джек кивнул.

Иногда мне приходило в голову, что Моррис, подобно Виолетте с ее летчиками, сочиняет про подвиги своего сына. Иногда мне казалось даже, что и существование самого сына он выдумал, — хотя в таком случае он мог бы подобрать ему имя получше.

— «Папа, — говорит он мне, и это было как гром среди ясного неба, — я должен исполнить свой долг», — и показывает приказ о зачислении на службу. Я чуть не упал. Понимаете, не то чтобы он не был патриотом, но у него и в школе случались кое-какие неприятности, и он, так сказать, гулял направо и налево, и вот пожалуйста: «Папа, я хочу исполнить свой долг».

Одна за другой включились сирены воздушной тревоги.

— Ах, ну вот и они, — сказала миссис Люси, словно прибыл запоздавший на вечеринку гость.

Джек поднялся.

— Покажите мне, пожалуйста, где пост наблюдателя, мистер Харкер, — попросил он.

— Джек, — поправил я его. — Мое имя вам будет легко запомнить.

Я отвел его в мансарду, где когда-то ночевала кухарка миссис Люси. Отсюда гораздо лучше, чем с улицы, было видно, куда падают зажигательные снаряды. Дом был самым высоким в квартале, а мансарда находилась на пятом этаже, что позволяло следить за соседними крышами. За

трубами блестела Темза, с другой стороны мерцали огни прожекторов в Гайд-парке.

Миссис Люси поставила у разбитого окна кресло с высокой мягкой спинкой, и узкая лестничная площадка была укреплена толстыми дубовыми балками, поднять которые было бы не под силу даже Олмвуду.

— Когда бомбы начинают падать близко, надо прятаться сюда, — объяснил я, осветив фонариком балки. — Сначала вы услышите свист, а потом нечто вроде воя, он будет все громче. — Я провел его в мансарду. — Если увидите падающий на крышу зажигательный снаряд, кричите и попытайтесь как можно точнее заметить, на какой улице стоит дом. — Я показал новичку, как пользоваться оптическим прицелом, установленным на вращающейся деревянной подставке, и протянул ему бинокль. — Что-нибудь еще неясно? — спросил я.

— Все понятно, — серьезно ответил он. — Благодарю вас.

Я оставил его на наблюдательном пункте и спустился в подвал. Там все еще обсуждали Виолетту.

— Я уже начинаю серьезно беспокоиться, — говорила миссис Люси.

Хлопнула зенитка, где-то далеко с гулом ударила бомба, и мы замолчали, прислушиваясь.

— «Мессеры», — сказал Моррис. — С юга летят.

— Надеюсь, у нее все-таки хватит ума пойти в укрытие, — вздохнула миссис Люси, и в этот момент в подвал ворвалась Ви.

— Извините за опоздание, — проговорила она, ставя на стол рядом с машинкой Твикенхэма коробку, перевязанную веревкой. Ви вся раскраснелась и запыхалась. — Знаю, что сейчас моя вахта, но сегодня Гарри возил меня смотреть на свой самолет, и я с трудом добралась обратно. — Она сбросила пальто и повесила его на спинку стула Джека. — Ни за что не догадаетесь, как он его назвал! «Прекрасная Виолетта»! — Она принялась развязывать коробку. — Мы приехали так поздно, что не успели перекусить, и он сказал: «Возьми это к себе на пост, выпейте там чаю, а я задержу фрицев, пока вы не закончите». — Ви открыла коробку и вытащила торт, покрытый сахарной глазурью. — Он напи-

сал название на носу самолета, а вокруг нарисовал маленькие фиалки, — продолжала она, ставя торт на стол. — По одной за каждого сбитого немца.

Мы, как завороженные, уставились на угощение. С начала года яйца и сахар выдавались по карточкам, да и раньше их было почти не достать. Я сто лет не видел такого сказочного торта.

— С малиновым джемом, — сообщила Ви, разрезая торт. — Шоколада у них нет. — С ножа стекала алая начинка. — Ну, кто хочет кусочек?

— Я хочу, — сказал я. Я был голоден с начала войны и жадно бросался на еду, особенно на сладости, с тех пор, как поступил на службу в ПВО.

Я проглотил свой кусок, прежде чем Ви закончила нарезать торт и, разложив куски на веджвудские тарелочки миссис Люси, раздала его присутствующим.

От торта осталась четверть.

— А кто там, наверху, вместо меня? — спросила Ви, слизывая с пальца джем.

— Новый сотрудник, — ответил я. — Я отнесу ему торт.

Она отрезала кусок и с помощью ножа переложила его на тарелку.

— Ну и как он?

— Он из Йоркшира, — сообщил Твикенхэм, взглянув на миссис Люси. — А чем он занимался до войны?

Миссис Люси смотрела на свой торт, словно удивляясь тому, что он наполовину съеден.

— Он не сказал, — ответила она.

— Я хотела спросить, как он выглядит, — объяснила Ви, кладя на тарелочку вилку. — Может, мне стоит самой отнести ему торт.

— Он такой с виду слабый, бледный, — с набитым ртом произнес Суэйлс. — Как будто чахоточный.

— Нельсон его у нас не заберет, могу тебе сказать, — подхватил Моррис.

— А, ну хорошо, тогда иди ты, — пожала плечами Ви и протянула мне тарелку.

Я взял ее и поднялся на чердак; по пути я остановился на третьем этаже, чтобы переложить тарелку в левую руку и включить карманный фонарик.

Джек стоял у окна, бинокль болтался у него на шее; он вглядывался куда-то поверх крыш, в сторону реки. Взошла луна, и на воде сияло ее белое отражение, освещая бомбардировщикам цель, словно сигнальная ракета.

— Ничего в нашем секторе? — спросил я.

— Нет,— ответил он, не оборачиваясь.— Они пока дальше к востоку.

— Я принес вам малинового торта,— предложил я.

Он обернулся и посмотрел на меня. Я протянул ему тарелку:

— Его прислал друг Виолетты, летчик.

— Нет, спасибо,— отказался Джек.— Я не люблю торты.

Я посмотрел на него с таким же недоверием, как на Виолетту, когда та рассказывала об истребителе, названном ее именем.

— Там еще много,— попытался я его уговорить.— Она принесла целый.

— Спасибо, я не голоден. Съешьте его сами.

— Вы уверены? В наши дни такое нелегко достать.

— Уверен,— сказал Джек и снова отвернулся к окну.

Я нерешительно взглянул на лакомство, чувствуя себя неловко от желания съесть его, но я был еще голоден и к тому же не хотел, чтобы торт пропал. Я решил, что теперь, по крайней мере, следует остаться здесь, составить Джеку компанию.

— Виолетта — девушка, вместо которой вы сейчас дежурите,— объяснил я. Я сел на пол, вплотную прислонившись к крашеному плинтусу, и начал есть.— Она работает полную неделю. У нас пять постоянных работников. Виолетта, я, Ренфри — но вы его еще не видели, он спит. Ему в последнее время нелегко пришлось. Он не может спать днем. Еще Моррис и Твикенхэм. Есть еще Питерсби. Но он совместитель, как вы.

Пока я говорил, мой собеседник не обернулся и не произнес ни слова, лишь продолжал смотреть в окно. С неба посыпался дождь осветительных ракет, озарив комнату желтым сиянием.

— Целая куча,— заметил я, отламывая вилкой кусочек торта. В неверном свете ракет джем казался черным.— Иногда Суэйлс со своими шуточками бывает просто невыносим, а Твикенхэм будет задавать вам множество вопросов, но они хорошие работники.

Джек развернулся ко мне:

— Вопросов?

— Для нашей газеты. На самом деле это просто листок, там печатается информация о новых типах бомб, правила ПВО и тому подобное. Обязанность Твикенхэма — перепечатывать все это и рассылать на другие посты, но мне кажется, он раньше мечтал стать писателем, и вот теперь у него появился шанс. Он назвал этот листок «Щебет Твикенхэма» и вставляет туда всякую всячину — рисунки, новости, сплетни, интервью.

Пока я говорил, рев моторов все приближался. Самолет пронесся над нами, затем я услышал шипение и свист, который перешел в вой.

— Вниз! — крикнул я и уронил тарелку.

Я схватил Джека за руку и потащил в укрытие под лестницей. Мы скрючились, я зажал уши, чтобы не оглохнуть от взрыва, но ничего не произошло. Пронзительный вой оборвался на высокой ноте где-то неподалеку. Я выглянул из-за бревна. Вспыхнул свет, затем послышался удар — бомба упала по меньшей мере в трех секторах от нас.

— Лис-плейс, — сказал я, подбегая к окну, чтобы поточнее выяснить, где горит. — Фугасный снаряд.

Джек навел бинокль в ту сторону, куда я показывал.

Я вышел на площадку, сложил руки рупором и крикнул, перегнувшись через перила:

— Фугаска! Лис-плейс.

Но бомбардировщики были еще близко, и я не стал возвращаться в укрытие.

— Твикенхэм берет интервью у всех пожарных, — объяснил я, прислонившись к стене. — Он будет спрашивать у вас, чем вы занимались до войны, почему вы пошли в пожарные и все такое. На прошлой неделе он написал статейку о Ви.

Джек, опустив бинокль, пристально смотрел туда, куда я указал. Пожар начинался не сразу после попадания бомбы. Требовалось некоторое время, чтобы загорелся рассыпанный уголь и взорвался вытекающий из поврежденных труб газ.

— И кем она была до войны? — спросил он.

— Ви? Стенографисткой, — ответил я. — Ну и кем-то вроде гадкого утенка, мне кажется. Война оказалась благом для нашей Ви.

— Благом, — повторил Джек, разглядывая пожар на Лисплейс. Со своего места я не видел его лица — лишь силуэт — и не мог сказать, согласен ли он с моим высказыванием или оно его шокировало.

— Я не совсем точно выразился. Едва ли можно назвать благом подобные ужасы. Но война дала Ви шанс, которого у нее иначе просто не было бы. Моррис говорит, что она умерла бы старой девой, а теперь у нее куча поклонников. — Небо прочертила сигнальная ракета — желтый огонь превратился в красный. — Моррис говорит, что война — лучшее, что было в ее жизни.

— Моррис, — повторил Джек, словно не понимая, кого я имею в виду.

— С песочными волосами и усами щеткой, — объяснил я. — У которого сын пилот.

— Выполняет свой долг, — сказал он, и хотя я отчетливо видел его лицо в красноватом свете, я не смог разгадать его выражение.

За рекой на город посыпались зажигательные снаряды, сверкая, словно искры, и небо осветило зарево пожаров.

Следующей ночью произошел сильный взрыв на Олд-Черч-стрит — туда попало два фугаса. Миссис Люси отправила нас с Джеком на место происшествия — посмотреть, не можем ли мы чем-нибудь помочь. В городе царила полная тьма — предполагалось, что затемнение препятствует люфтваффе нас бомбить, но, очевидно, оно не помогало. К тому моменту, когда мы добрались до Кингс-роуд, я совершенно потерял направление.

Я знал, что бомба упала где-то поблизости, потому что чувствовал запах. Это был не совсем запах гари, а какое-то неприятное щипание в носу от штукатурки, дыма и взрывчатых веществ, которые немцы кладут в свои бомбы. От него Ви всегда чихала.

Я попытался сообразить, где мы находимся, но смог разглядеть лишь темный силуэт какого-то холма слева от нас. Я тупо подумал, что мы, должно быть, заблудились, — в Челси нет никаких холмов. А затем понял, что это разрушенный дом.

— Первым делом мы должны отыскать старшего офицера, отвечающего за спасательные работы, — объяснил я Джеку.

Я огляделся по сторонам в поисках синего фонаря офицера, но ничего не увидел. Должно быть, все находились с другой стороны «холма».

Я принялся карабкаться вверх, стараясь не споткнуться о камни; Джек последовал за мной. Призрачный голубой свет мелькал слева, у дальнего конца другой кучи, пониже первой.

— Нам туда, — указал я. — Мы должны доложить о своем прибытии. Скорее всего за этот дом отвечает Нельсон, а он любит, чтобы все делалось строго по правилам.

Я начал спускаться, из-под ног у меня посыпались обломки кирпичей и куски штукатурки.

— Будь осторожен, — окликнул я Джека. — Здесь полно острых щепок и осколков стекла.

— Джек, — позвал меня он.

Я обернулся. Он остановился на склоне холма, на полпути вниз, и глядел куда-то назад, словно услышал что-то. Я взглянул в ту же сторону и прислушался, но ничего не услышал, кроме грохота зенитных орудий. Джек застыл на месте, опустив голову и всматриваясь в обломки.

— Что там? — спросил я.

Он не ответил, выхватил из кармана фонарь и принялся бешено водить им из стороны в сторону.

— *Нельзя этого делать во время затемнения!* — крикнул я.

Джек резко выключил фонарь.

— Пойди найди что-нибудь, чем можно копать, — велел он мне и опустился на колени. — Там внизу живые люди.

Он вырвал балясину из оказавшегося поблизости куска перил и начал тыкать в кучу острым концом.

Я тупо смотрел на него.

— Как ты узнал?

Джек яростно разгребал обломки.

— Добудь кирку. Этот мусор твердый как камень. — Он нетерпеливо прикрикнул на меня: — Быстрее!

Старший офицер оказался мне незнаком, чему я весьма обрадовался. Нельсон не дал бы мне кирку без санкции сверху, а скорее прочел бы лекцию о разделении обязанностей. Офицер был моложе меня, с прыщавым лицом, засыпанным кирпичной крошкой. Кирки у него не оказалось, но зато он без всяких разговоров выдал мне две лопаты.

Когда я вернулся к разрушенному дому, пыль и дым начали понемногу рассеиваться, а у реки сыпались сигнальные ракеты, освещая все вокруг ослепительным, но смутным светом, словно автомобильные фары в тумане. Я заметил на склоне холма Джека, копавшегося в мусоре своей балясиной. Казалось, что он убивает кого-то ножом, снова и снова вонзая его в тело жертвы.

Ракеты засвистели ближе. Пригнувшись, я поспешил к Джеку и сунул ему лопату.

— Бесполезно, — отмахнулся он.

— Почему? Ты больше не слышишь криков?

— Что? — Он прекратил разгребать обломки, и выражение его лица было такое, словно он понятия не имел, о чем я говорю.

— Голос, который ты услышал, — объяснил я. — Этот человек больше не кричит?

— Да нет, дело в этих камнях, — ответил он. — Лопата их не возьмет. Ты не принес корзину?

Корзины у меня не было, но у подножия насыпи я заметил большую оловянную кастрюлю. Я сбегал за ней и принялся разгребать кирпичи. Конечно, Джек оказался прав. Копнув разок, я наткнулся на потолочную балку и погнул лопату. Я попытался было просунуть лопату под бревно, чтобы приподнять его, но оно оказалось скреплено с другой, еще более толстой балкой. Я бросил это дело, отломал себе балясину от перил и подполз к Джеку.

Обнаруженную мной балку удерживало не только соединение. Обломки стены казались рыхлыми — это были кирпичи, куски штукатурки и дерева, но все это слежалось и стало твердым, как бетон. Суэйлс, внезапно возникший, когда мы выкопали яму глубиной полтора метра, заметил:

— Это глина. Из нее весь Лондон построен. Твердая как камень.

Он принес два ведра и сообщил, что появился Нельсон и устроил скандал прыщавому офицеру, распоряжавшемуся на месте взрыва.

— Это мой район, говорит Нельсон, и достает карту, чтобы показать, что эта сторона Кингс-роуд относится к его посту, — радостно вещал Суэйлс, — а офицер отвечает: ваш район? Какое мне, черт побери, до этого дело?

Даже с помощью Суэйлса работа продвигалась так медленно, что я подумал: жертва задохнется или умрет от потери крови, прежде чем мы доберемся до нее. Но Джек не останавливался ни на минуту, не обращая внимания на бомбардировщики, гудевшие прямо у нас над головой. Казалось, он точно знал, где копать, хотя в короткие мгновения тишины мы ничего не слышали, да и сам Джек не прислушивался.

Железный прут, которым он пользовался, сломался при столкновении с твердой, как железо, глиной, и он, взяв мой, продолжал разгребать мусор. Мы обнаружили сломанные часы, затем подставку для яйца. Появился Моррис. Он участвовал в эвакуации людей за две улицы отсюда — там бомба упала посредине проезжей части, но не взорвалась. Суэйлс рассказал ему историю про Нельсона и прыщавого офицера, затем ушел, чтобы выяснить, кто живет в этом доме.

Из норы возник Джек.

— Мне нужны подпорки, — заявил он. — Туннель обваливается.

Я нашел внизу насыпи пару уцелевших спинок от кровати. Одна оказалась слишком длинной и не влезала в туннель. Джек подпилил ее и отломал кусок.

Вернулся Суэйлс.

— В доме никого нет! — крикнул он в дыру. — Полковник Годалминг и его жена сегодня утром уехали в Суррей.

Сигнал отбоя воздушной тревоги заглушил его слова.

— Джек, — раздался оклик из дыры, и я обернулся, чтобы посмотреть, не принесла ли бригада спасателей домкрат.

— Джек, — повторил он более настойчиво.

Я наклонился над отверстием.

— Который час?

— Около пяти, — сообщил я. — Только что был отбой.

— Уже светает?

— Нет еще, — ответил я. — Ты кого-нибудь нашел?

— Да, — сказал он. — Помоги мне.

Я протиснулся в дыру. Я понял его вопрос: там было темно, хоть глаз коли. Я включил фонарь; в его свете мы походили на призраков.

— Вон там, — сказал Джек и потянулся к балясине, точно такой же, как и та, которой он копал.

— Он под лестницей? — спросил я, и в этот миг «баляси-на» схватила его за руку.

Через пару минут мы его извлекли. Джек тащил за руку, которую я принял за деталь лестничных перил. Я разгреб последние несколько дюймов глины и штукатурки и добрался до небольшой пещеры, образованной дверью и холодильником, в которой сидел засыпанный человек.

— Полковник Годалминг? — окликнул его я, протянув руку.

Он вцепился в нее.

— Где, черт побери, вас носит?! — крикнул он. — Чай, что ли, пьете?

Он был в вечернем костюме, огромные усы засыпала белая пыль.

— Что за страна такая — бросили человека на произвол судьбы! — возмущался он, размахивая перед лицом Джека столовой ложкой, полной штукатурки. — Пока вы, лентяи, там возились, можно было отсюда до Китая нору прорыть!

В дыру просунулись руки и вытащили его наверх.

— Бездельники чертовы! — орал полковник, пока мы толкали его в седалище, обтянутое элегантными брюками. — Бездари вы все! У себя на лице нос найти не можете!

Полковник Годалминг действительно вчера уехал в Суррей, но затем решил вернуться за своим охотничьим ружьем — на случай вторжения.

— Проклятым бездельникам из гражданской обороны не под силу остановить немцев, — вещал он, пока я вел его к машине «скорой помощи».

Начинало светать. Разрушения были не такими сильными, как я думал, — пострадало не больше двух кварталов. То, что я принял за вторую насыпь, оказалось невысоким зданием делового центра, за ним виднелись дома, в которых даже стекла остались целы.

«Скорая помощь» подъехала почти к самым развалинам. Я помог полковнику забраться в машину.

— Как ваша фамилия? — спросил он, не обратив внимания на дверь, которую я для него открыл. — Я намерен сообщить вашему начальству. И того, второго, как зовут? Он чуть мне руку из плеча не вырвал. Куда он подевался?

— Он пошел на работу, — ответил я.

Как только мы вытащили Годалминга, Джек, включив свой фонарик, взглянул на часы и сказал: «Мне пора идти».

Я ответил, что отмечу его у старшего офицера, и помог полковнику спуститься с кучи. Сейчас я жалел о своем поступке.

— На работу! — фыркнул Годалминг. — Скорее всего спать он пошел! Бездельник. Чуть руку мне не оторвал, а потом ушел и бросил меня умирать. Я ему покажу работу!

— Без него мы бы вас вообще не нашли, — разозлился я. — Это он услышал, как вы звали на помощь.

— Звал на помощь? — возмутился полковник, покраснев как свекла. — Звал на помощь! Зачем, скажите на милость, мне звать вашу банду бездельников?

Женщина водитель «скорой помощи» вылезла из кабины и подошла к нам, чтобы узнать причины задержки.

— Он обвиняет меня в том, что я звал на помощь, как будто я трус какой-то! — обрушился на нее полковник. — Да я ни звука не издал! Знал, что это бесполезно. Знал, что если сам не попытаюсь выбраться наружу, то буду сидеть под развалинами до второго пришествия! И я уже почти вылез оттуда, как вдруг появляется он и обвиняет меня в том, что я хныкал, как младенец! Да это чудовищно, вот что! Чудовищно!

Медсестра взяла его за руку.

— А вы что тут делаете, девушка? Вам следует в такое время сидеть дома, а не разгуливать по улицам в коротких юбках! Это непристойно, вот что я вам скажу!

Она подтолкнула все еще протестовавшего полковника к койке и укрыла его одеялом. Я захлопнул дверь и посмотрел, как уезжает машина, затем обошел место взрыва, ища Суэйлса и Морриса. Между двумя полосами облаков появилось утреннее солнце, его лучи окрасили в алый цвет кучи обломков и сверкали на разбитых зеркалах.

Я не нашел ни того ни другого и отправился доложить о себе Нельсону, который сердито разговаривал по полевому телефону. Он кивнул и жестами велел мне уходить, когда я попытался рассказать ему про Джека. Затем я вернулся на наш пост.

Суэйлс уже развлекал сидевших за завтраком Морриса и Ви, изображая полковника Годалминга. Миссис Люси за-

полняла какие-то бланки — очевидно, те же, что и вчера вечером, до нашего ухода.

— Огромные усы, — рассказывал Суэйлс, разведя руки на два фута, чтобы показать их величину, — как у моржа, и фрак, видали? «Оэ, да это же позёр, — брызжа слюной, просипел он, щурясь в воображаемый монокль. — Кюда катиться Импэрия — уже не могут спасти человээка!» — И нормальным голосом продолжал: — Я думал, он будет судить наших Джеков военно-полевым судом прямо на месте. — Он оглянулся на меня. — А где Сеттл?

— Ему нужно на работу, — объяснил я.

— А, ну ладно, — сказал Суэйлс и снова скорчил рожу. — Полковник выглядел так, словно у него за спиной ждал приказа отряд королевских улан. — Он поднял руку и взмахнул воображаемой саблей. — В атаку!

Ви хихикнула. Миссис Люси подняла голову и сказала:

— Виолетта, сделай Джеку тостов. Садись, Джек. Ты неважно выглядишь.

Я снял каску и хотел было поставить ее на стол. Она была покрыта толстым слоем штукатурки, скрывавшей даже красную букву «П». Я повесил ее на спинку стула и сел.

Моррис пододвинул мне тарелку с копченой селедкой.

— Никогда не знаешь, что они выкинут, когда их откопаешь, — начал он. — Некоторые с рыданиями падают тебе в объятия, некоторые ведут себя так, будто делают тебе одолжение. Однажды я вытаскивал пожилую даму — так она ужасно оскорбилась, заявила, что я непристойно себя вел, когда освобождал ее ногу.

Из соседней комнаты появился Ренфри, закутанный в одеяло. Он выглядел, наверное, так же, как я, — лицо его было серым и изможденным.

— Где упала бомба? — озабоченно спросил он.

— Около Олд-Черч-стрит. В секторе Нельсона, — добавил я, желая уверить его в безопасности нашего подвала.

Но он нервно воскликнул:

— Они каждую ночь подбираются все ближе и ближе! Вы это заметили?

— Ничего подобного, — возразила Ви. — В нашем секторе целую неделю ничего не происходило.

Ренфри не обратил внимания на ее слова.

— Сначала Глостер-роуд, потом Иксуорт-плейс, а теперь Олд-Черч-стрит. Они как будто сужают круги — им кто-то нужен.

— Им нужен Лондон, — живо откликнулась миссис Люси. — И если мы не будем как следует соблюдать затемнение, они его разбомбят. — Она протянула Моррису отпечатанный список. — Здесь дома, где сегодня ночью горел свет. Обойдите их и сделайте выговор. — Она положила руку на плечо Ренфри. — Почему бы вам не прилечь, мистер Ренфри, пока я приготовлю вам завтрак?

— Я не голоден, — ответил он, но, плотнее укутавшись в одеяло, позволил отвести себя к койке.

Мы смотрели, как миссис Люси укрывает его одеялом, наклоняется и подтыкает его края, а потом Суэйлс сказал:

— Знаете, кого напомнил мне этот парень, Годалминг? Ту леди, которую мы спасли на Гоуэр-стрит. — Он зевнул. — Мы ее вытащили, потом спросили, здесь ли ее муж. Нет, говорит она, этот чертов трус на фронте.

Мы рассмеялись.

— Люди вроде этого полковника не заслуживают, чтобы их спасали, — заявила Ви, намазывая на хлеб маргарин. — Надо было его там оставить на часок и посмотреть, как ему это понравится.

— Ему еще повезло, что он не остался там навсегда, — вставил Моррис. — В домовой книге было написано, что он уехал с женой в Суррей.

— Повезло ему, что у него такой зычный голос, — сказал Суэйлс и покрутил кончик длинного уса. — О боже! — рыкнул он. — Вытащите меня отсюда немедленно, вы, бездельники!

Но полковник же сказал, что не звал на помощь, подумал я и вспомнил крик Джека, перекрывающий рев зениток и вой бомбардировщиков: «Там внизу живые люди!»

Вернулась миссис Люси.

— Я сделала запрос насчет укрепления нашего подвала, — сообщила она, ставя стопку бумаг набок и утрамбовывая ее. — Через несколько дней к нам придут из мэрии. — Она взяла две пивные бутылки и пепельницу и отнесла их к помойному ведру.

— Укрепление подвала? — удивился Суэйлс. — Зачем? Боитесь, что полковник Годалминг нагрянет с тяжелой артиллерией?

Раздался громкий стук в дверь.

— О боже, — сказал Суэйлс. — А вот и он со своими псами.

Миссис Люси открыла дверь.

— Хуже, — прошептала Ви и схватила последнюю бутылку пива. — Это Нельсон.

Она сунула мне бутылку под столом, а я передал ее Ренфри, который спрятал ее под одеялом.

— Мистер Нельсон, — просияла миссис Люси, словно была страшно рада его видеть. — Входите, прошу вас. Как у вас дела?

— Прошлая ночь была ужасна! — рявкнул он, с яростью уставившись на нас, как будто мы были виноваты в этом.

— У него жалоба от полковника, — прошептал мне Суэйлс. — Тебе конец, дружище.

— О, сочувствую вам, — ответила миссис Люси. — Чем я могу вам помочь?

Нельсон вытащил из кармана форменного кителя какую-то бумагу и бережно развернул ее.

— Это передал мне инженер-градостроитель, — сообщил он. — Все запросы на улучшение условий следует направлять старшему пожарному района, но *не* через его голову в мэрию.

— О, я так *рада!* — воскликнула миссис Люси и направилась с ним в кладовую. — Так приятно иметь дело с человеком, которому знакомы наши нужды, — гораздо лучше, чем с безликой бюрократией. Если бы я знала, что обращаться следует к вам, я бы переговорила об этом *немедленно*.

Дверь за ними закрылась.

Ренфри достал бутылку из-под одеяла и сунул ее в мусорное ведро. Виолетта принялась вытаскивать заколки из волос.

— Ну, теперь не видать нам этих балок как своих ушей, — фыркнул Суэйлс. — Адольф фон Нельсон этого никогда не допустит.

— Тсс, — прошипела Ви, дергая за свои тугие кудряшки. — Хочешь, чтобы он тебя услышал?

— Олмвуд рассказывал, что он заставляет их работать на завалах, даже когда бомбы падают прямо на голову. И думает, что все должны так делать.

— Тсс! — повторила Ви.

— Да он чертов нацист! — воскликнул Суэйлс, но голос понизил. — У него так двое пожарных погибли. Постарайтесь, чтобы до него не дошли слухи о том, что вы с Джеком удачно находите людей, — не то и вам придется бегать по улице и уворачиваться от шрапнели.

«Удачно находите людей». Я вспомнил Джека, неподвижно застывшего на куче обломков. «Там внизу живые люди. Быстрее!»

— Вот почему он сгоняет к себе пожарных с других постов, — сказала Ви, сгребая со стола заколки и складывая их в рюкзак. — У него все время гибнут люди. — Вытащив гребень, она принялась расчесывать курчавые волосы.

Дверь кладовки открылась, оттуда вышли миссис Люси и Нельсон; он все еще держал в руке развернутую бумагу. На лице миссис Люси по-прежнему застыла улыбка гостеприимной хозяйки, однако слегка потускневшая.

— Я уверена, вы понимаете: нереально заставлять девять человек часами сидеть скрючившись в крохотном угольном подвале, — сказала наша начальница.

— Во всем Лондоне люди «часами сидят скрючившись в угольных подвалах», как вы выражаетесь, — холодно произнес Нельсон. — Они не хотят, чтобы деньги, выделяемые на гражданскую оборону, шли на всякие излишества.

— Я не считаю, что безопасность моей бригады — это излишество, — возразила миссис Люси, — хотя вы явно придерживаетесь противоположного мнения, если судить по списку ваших убитых.

Нельсон с минуту глядел на нее, пытаясь придумать сокрушительный ответ, затем обернулся ко мне.

— Вы выглядите просто позорно, пожарный! — рявкнул он и тяжелыми шагами направился к выходу.

Не знаю, каким образом Джек смог обнаружить полковника Годалминга, но для зажигательных бомб это его чувство не работало. Он искал их вслепую, так же, как и мы, прислушиваясь к крикам Ви, которая в тот день была на-

блюдателем: «Нет, дальше по Фулхэм-роуд. В бакалейной лавке».

Видимо, вместо того, чтобы высматривать «зажигалки», она думала о своих летчиках. Бомба угодила не в бакалейную лавку, а в лавку мясника, тремя домами дальше, и к тому моменту, когда мы с Джеком добрались туда, холодильное отделение, где хранилось мясо, уже горело. Мы быстро потушили пожар — в помещении не было ни мебели, ни занавесок, которые легко охватывает пламя, а в холоде деревянные полки горели плохо. Мясника переполняла благодарность. Он чуть ли не силой всучил нам пять фунтов бараньих отбивных, завернутых в белую бумагу.

— Тебе действительно нужно было так рано на работу или просто хотел сбежать от полковника? — спросил я у Джека по дороге на пост.

— А там что, все было так плохо? — Он протянул мне сверток с мясом, уклонившись от ответа.

— Он мне чуть голову не оторвал, когда я сказал, что ты услышал его крики. Завопил, что не звал на помощь. Орал, что сам себя смог бы откопать. — Белая бумага так отчетливо выделялась в темноте, что люфтваффе вполне могли бы принять ее за сигнальную ракету. Я засунул пакет в карман своей куртки, чтобы он не светился. — А что у тебя за работа?

— Военная, — ответил Джек.

— *Тебя сюда перевели? Ты поэтому приехал в Лондон?*

— Нет, — сказал он. — Я приехал по собственному желанию. — Мы повернули на улицу, на которой стоял дом миссис Люси. — А почему ты вступил в службу ПВО?

— Я жду призыва, — объяснил я. — Меня ни на какую другую работу не возьмут.

— И ты хотел исполнить свой долг.

— Да, — согласился я, жалея, что не вижу его лица.

— А миссис Люси? Почему она работает в пожарной охране?

— Миссис Люси? — тупо повторил я. Я никогда не задавался этим вопросом. Она была лучшим работником ПВО в Лондоне. Это было ее призвание, и мне казалось, что она всегда там работала. — Понятия не имею, — сказал я. — Этот дом принадлежит ей, она вдова. Возможно, управление граж-

данской обороны приказало занять здание под пожарный пост и ей пришлось самой пойти на эту службу. Ее дом — самый высокий на улице. — Я попытался вспомнить, что Твикенхэм писал о ней в своем интервью. — До войны она имела какое-то отношение к Церкви.

— К Церкви, — повторил Джек, и мне снова ужасно захотелось увидеть его лицо. Из-за темноты я не мог различить, выражало ли оно презрение или тоску.

— Она была диаконисой или кем-то в этом роде, — продолжал я. — А какая именно у тебя работа? В снабжении?

— Нет, — сказал он и ускорил шаг.

Миссис Люси встретила нас в дверях подвала. Я передал ей отбивные, а Джек отправился наверх, сменить Ви на наблюдательном пункте. Миссис Люси тут же принялась хозяйничать: во время затишья сбегала наверх, в кухню, принесла соль и кувшинчик мятного соуса, затем стала жарить отбивные на газовой горелке, на столе, время от времени переворачивая их. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они были готовы. Пахли они замечательно.

Твикенхэм раздал нам свежеотпечатанные копии «Щебета», имевшиеся у него в избытке.

— Это вам почитать, пока ждете обед, — гордо произнес он.

В передовице рассказывалось о переезде вспомогательного поста D — в дом, где он находился, попал снаряд и повредил водопровод.

— Нельсон им тоже отказал в усовершенствовании? — поинтересовался Суэйлс.

— Послушайте вот это, — сказал Питерсби и стал громко читать вслух: — «Уровень преступности в Лондоне с начала затемнения вырос на двадцать восемь процентов».

— И ничего удивительного, — отозвалась Ви, спускавшаяся по ступеням. — Ночью дальше собственного носа не видишь, а уж того, кто в переулке притаился, и подавно не разглядишь. Я, когда в патруле, всегда боюсь, что кто-нибудь бросится на меня из темноты.

— Половина домов стоят пустые, почти весь Лондон спит в убежищах, — подхватил Суэйлс. — Будь я плохим парнем, двинул бы прямо в Лондон.

— Это отвратительно! — с негодованием воскликнул Моррис. — То, что они пользуются этой войной, чтобы совершать преступления.

— О, кстати, мистер Моррис, ваш сын звонил, — сказала миссис Люси, ткнув вилкой в мясо, чтобы выяснить, прожарилось ли оно. Из проколов выступила кровь. — Он сказал, что у него для вас сюрприз и что вам нужно приехать... — она переложила вилку в левую руку и, пошарив в карманах комбинезона, вытащила листок бумаги, — ...в Северный Уилд в понедельник, если я правильно поняла. Его командир все устроил насчет проезда. Я вот тут записала. — Она передала бумажку Моррису и вернулась к отбивным.

— Сюрприз? — озабоченно переспросил Моррис. — Он ведь не попал в беду, а? Его командир хочет меня видеть?

— Не знаю. Он не сказал, в чем дело. Только то, что вам нужно приехать.

Ви подошла к миссис Люси и взглянула на сковороду.

— Как здорово, что бомба попала к мяснику, а не к зеленщику, — заметила она. — Это пахнет гораздо лучше брюквы.

Миссис Люси снова потыкала мясо, положила его на тарелку и отдала Ви.

— Отнеси это Джеку, — попросила она.

— Он не хочет есть, — ответила Ви, поставила тарелку на стол и села.

— А он не сказал почему? — удивился я.

Она взглянула на меня с любопытством:

— Думаю, потому, что не голоден. А может, не любит бараньи отбивные.

— Надеюсь, он ничего такого не натворил, — пробормотал Моррис, и до меня не сразу дошло, что он говорит о своем сыне. — Он мальчик неплохой, но сначала делает, а потом думает. Юношеский задор, вот и все.

— Он и торт не стал есть, — размышлял я вслух. — А он не сказал, почему не хочет отбивную?

— Если мистер Сеттл не хочет, отдайте мясо мистеру Ренфри, — резко сказала миссис Люси и выхватила у Ви тарелку. — И не позволяйте ему заговаривать вам зубы — дескать, он не голоден. Он должен поесть. У него упадок сил.

Ви вздохнула и поднялась. Миссис Люси снова дала ей тарелку, и она вышла.

— Нам всем необходимо есть как можно больше питательной пищи и побольше спать, — с упреком произнесла миссис Люси. — Чтобы поддерживать себя в форме.

— Я про это написал статью в «Щебете», — вставил Твикенхэм, сияя. — Таких людей называют «ходячие мертвецы». Они лишаются сил от недосыпания и плохого питания, от страха перед налетами. У «ходячих мертвецов» замедленные реакции, они плохо соображают, что ведет к увеличению числа несчастных случаев на работе.

— Ну, я не допущу, чтобы среди моих подчиненных были «ходячие мертвецы», — фыркнула миссис Люси, раздавая остальные отбивные. — Как только поедите, отправляйтесь спать.

Отбивные на вкус оказались еще замечательнее, чем я ожидал. Я съел свою порцию, читая статью Твикенхэма о «ходячих мертвецах». Там говорилось, что потеря аппетита — обычная реакция на постоянные бомбежки. Также я прочел, что недостаток сна вызывает неадекватное поведение и появление навязчивых идей. «Ходячие мертвецы» иногда убеждены в том, что их пытаются отравить или что кто-то из их друзей или родных — нацистский агент. У них бывают галлюцинации, какие-то видения, они слышат таинственные голоса, верят в фантастические вещи.

— Он попал в историю, когда еще учился в школе, перед войной, но с тех пор, как пошел на службу, стал вести себя серьезнее, — бубнил свое Моррис. — Что же такое он натворил на этот раз?

Следующей ночью, в три часа, почти на том же месте, что и фугасы, неподалеку от Олд-Черч-стрит, взорвалась мина. Нельсон отправил Олмвуда за помощью, и миссис Люси приказала Суэйлсу, Джеку и мне пойти с ним.

— Мина упала через два дома от старой воронки, — говорил Олмвуд, пока мы собирались. — Фрицы не могли бы попасть точнее, даже если бы целились.

— Я знаю, что им нужно, — послышался из соседней комнаты голос Ренфри. Он выглядел ужасно — бледный, худой, словно призрак. — И я знаю, почему вы просили укрепить наш пост. Это из-за меня, так? Они охотятся за мной!

— Они ни за кем из нас конкретно не охотятся, — твердо заявила миссис Люси. — Они в двух милях у нас над головой. Они ни во что не целятся.

— С чего бы это Гитлер хотел разбомбить тебя сильнее, чем остальных? — спросил Суэйлс.

— Не знаю. — Ренфри упал в кресло и закрыл руками лицо. — Я *не знаю*. Но они прилетели за мной. Я это чувствую.

Миссис Люси отправила на место взрыва Суэйлса, Джека и меня потому, что «мы уже побывали там и были знакомы с местностью». Но это было смело сказано. Мины, взрывавшиеся над землей, вызывали гораздо больше разрушений, чем фугасные бомбы. На том месте, где в прошлый раз стояла палатка старшего офицера, возвышался холм, а за ним еще три — целый горный хребет в центре Лондона. Суэйлс принялся карабкаться на ближайшую кучу, чтобы поискать фонарь Нельсона.

— Сюда! — крикнул кто-то из груды обломков перед нами, и мы с Джеком поползли вверх.

На полпути к вершине мы наткнулись на группу из пяти человек, заглядывавших в нору.

— Сюда! — снова заорал один из них.

На рукаве у него была прицеплена голубая повязка бригадира, и он смотрел мимо нас, на какого-то человека, который с трудом волок вверх нечто, напоминающее ручную помпу. «Неужели они собираются тушить там пожар?» — промелькнуло у меня в голове, а затем я понял, что это не помпа. На самом деле это оказался автомобильный домкрат; человек с голубой повязкой, протянув между нами руку, спустил его в дыру и влез следом.

Остальные члены спасательной команды продолжали стоять, всматриваясь в темноту, словно действительно могли что-то там увидеть. Через некоторое время они начали спускать в шахту пустые ведра и вытаскивать обломки кирпичей и щепки. Никто не обратил на нас внимания, даже после того, как Джек, протянув руки, принял одно из ведер.

— Мы из Челси! — крикнул я, обращаясь к старшему и стараясь перекричать вой самолетов и грохот взрывов. — Чем мы можем помочь?

Они продолжали вытаскивать мусор. Появилось нагруженное ведро, в котором поверх кирпичей красовался фарфоровый чайник, покрытый пылью, но даже не треснувший.

Я сделал вторую попытку:

— Кто там внизу?

— Два человека, — ответил ближайший ко мне спасатель. Схватив чайник, он передал его человеку в каске с вязаным подшлемником-балаклавой. — Мужчина и женщина.

— Мы с поста Челси! — заорал я, и в этот момент загрохотали зенитки. — Скажите, чем вам помочь?

Спасатель взял у человека в подшлемнике чайник и протянул мне.

— Отнесите это вниз и поставьте на асфальт, к остальным ценностям.

Прошло немало времени, прежде чем я спустился с холма, держа в одной руке чайник, а в другой — крышку, и еще больше, прежде чем я смог найти нетронутый участок асфальта. После взрыва мины почти весь он оказался вывороченным, улица была совершенно непроходима.

Наконец я нашел его — кусочек тротуара перед разрушенной булочной; у остатков стены выстроились «ценности» — радиоприемник, сапог, две столовые ложки вроде той, которой угрожал мне полковник Годалминг, женская сумочка, вышитая бисером. Их охранял один из спасателей.

— Стой! — воскликнул он, когда я приблизился, и выступил вперед, выставив перед собой не то карманный фонарь, не то пистолет. — Посторонним запрещено заходить на место взрыва.

— Я свой, из ПВО, — быстро произнес я. — Джек Харкер, Челси. — Я помахал чайником. — Меня послали отнести сюда вот это.

В руке у пожарного оказался фонарь. Он поводил им туда-сюда и моргнул.

— Извините, — сказал он. — У нас в последнее время столько краж. — Взяв чайник, он поставил его в ряд, возле женской сумочки. — На прошлой неделе поймали человека, который рылся в карманах убитых — их положили на мостовой, ожидая, пока приедет машина из морга. Как ужасно, что некоторые люди пользуются войной.

Я вернулся к месту раскопок. Джек стоял у входа в нору, вытаскивая мусор и передавая вниз пустые ведра. Я встал рядом с ним и присоединился к работавшим.

— Их еще не нашли? — спросил я у него, когда гул бомбежки ненадолго утих.

— Тихо! — крикнули из норы, и человек в балаклаве повторил: — Тихо, все! Нужна абсолютная тишина!

Все прекратили работу и прислушались. Джек как раз передал мне полное ведро кирпичей, и ручка врезалась мне в ладонь. На миг воцарилась полная тишина, затем снова загудели самолеты, где-то вдалеке просвистела и ударила бомба.

— Ничего! — крикнули из норы. — Мы уже почти добрались до них. — Из провала снова появилось ведро.

Я ничего не услышал, но, судя по всему, спасатели в шахте уловили что-то — голос или стук, — и я ощутил облегчение оттого, что жертвы, по крайней мере, были еще живы и что спасатели двигались в верном направлении. В октябре я работал на месте взрыва в одном доме; нам пришлось остановиться на полпути и начать копать новую шахту, потому что звук из-под завалов доходил в искаженном виде. Даже если люди находились прямо под нами, звуковая волна распространялась не по прямой, она огибала препятствия, и единственным способом не потерять цель являлись частые простукивания. Я вспомнил, как Джек откопал полковника Годалминга балясиной от перил. Он вообще не делал никаких простукиваний. Казалось, он твердо знал, где копать.

Люди из норы снова потребовали домкрат, и мы с Джеком принесли его. Когда спасатель протянул к домкрату руку, Джек замер и поднял голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— В чем дело? — спросил я. Я ничего не слышал, кроме выстрелов зенитных орудий, доносившихся из Гайд-парка. — Кто-то кричит?

— Да где этот чертов домкрат?! — орал бригадир.

— Слишком поздно, — сказал мне Джек. — Они мертвы.

— Ну давайте, вы там, спускайте! — снова крикнул старший.

Джек опустил домкрат в нору.

— Тихо! — скомандовал бригадир, и мы услышали, как наверху человек в балаклаве повторяет, точно зловещее эхо:

— Тихо, пожалуйста, все тихо.

Начали бить церковные часы, и я услышал раздраженный голос «балаклавы»:

— Нам нужна полная тишина.

Часы пробили четыре и смолкли, я услышал шорох земли, осыпающейся на металлический предмет. Все стихло; затем послышался слабый звук.

— Тихо! — снова приказал бригадир, снова наступила тишина, потом раздался какой-то звук. Всхлип. Или стон. — Мы вас слышим! — крикнул спасатель. — Не бойтесь.

— Кто-то все же жив, — заметил я.

Джек не ответил.

— Но мы же только что их *слышали*, — рассердился я.

Он покачал головой.

— Нам нужны бревна для подпорок, — сказал Джеку человек в балаклаве, и я ожидал, что тот ответит «это бесполезно», но он тут же ушел и вернулся, таща за собой книжный шкаф, выкрашенный белой краской.

В нем остались три книги. Я помог Джеку и «балаклаве» их вытащить и отнес их вниз, в склад «ценностей». Охранник, сидя на тротуаре, рылся в вышитой сумочке.

— Провожу инвентаризацию, — пробормотал он, торопливо поднимаясь и запихивая обратно губную помаду и носовой платок. — Чтобы быть уверенным, что ничего не украли.

— Я принес вам кое-что почитать, — сказал я и положил книги рядом с чайником. — «Преступление и наказание».

Взобравшись на холм, я помог Джеку опустить книжные полки в шахту, и через несколько минут снова появились ведра с мусором. Наша беспорядочная бригада перестроилась, образовав цепь, в начале которой стоял «балаклава», а в конце — мы с Джеком.

Прозвучал отбой. Когда сирены смолкли, бригадир снова потребовал тишины. На этот раз мы ничего не услышали, а когда ведра появились опять, я передавал их Джеку, не глядя на него.

Небо на востоке посветлело, и холмы из черных медленно начали превращаться в серые. От домов, уцелевших прошлой ночью, остались две кучи обломков высотой в не-

сколько этажей; хотя они отбрасывали на нас тень, я смог разглядеть вход в шахту, откуда, словно могильный камень, торчал кусок белой книжной полки.

Ведра стали появляться медленнее.

— Потушите сигареты! — приказал бригадир, и мы все замерли, пытаясь уловить запах газа.

Если находившиеся под завалами люди были мертвы, как сказал Джек, то скорее всего они отравились газом из поврежденных труб. За неделю до этого мы извлекли из-под обломков мальчика и его собаку — на обоих не оказалось ни царапины. Собака лаяла и скулила буквально до того момента, когда мы до них добрались. Водитель «скорой помощи» сказал, что они умерли всего несколько минут назад.

Я не чувствовал запаха газа, и через мгновение бригадир возбужденно воскликнул:

— Я вижу их!

«Балаклава» наклонился над шахтой, уперев руки в колени.

— Живые?

— Да! Вызывайте «скорую»!

«Балаклава» прыжками понесся вниз по склону, и куски кирпича посыпались у него из-под ног, образовав небольшую лавину.

Я опустился на колени и заглянул в темную дыру.

— Носилки нужны?! — крикнул я.

— Нет,— ответил бригадир, и по его голосу я понял, что люди мертвы.

— Оба? — спросил я.

— Да.

Я поднялся.

— Как ты узнал, что они погибли?! — воскликнул я, оборачиваясь к Джеку. — Откуда...

Но Джек исчез. Я посмотрел вниз. «Балаклава» съехал почти к подножию холма, схватившись за обломок оконной рамы, чтобы замедлить падение, за ним тянулось облако кирпичной пыли; но Джека нигде не было.

Солнце почти взошло. Я мог уже разглядеть серые холмы и за ними — охранника и его «ценности». Еще один отряд спасателей копался на третьей от нас насыпи. Я заметил Суэйлса, поднимавшего ведро.

— Да помогите же! — нетерпеливо воскликнул бригадир, протягивая снизу домкрат.

Я вытащил его, поставил в стороне и помог спасателю выбраться из шахты. Руки его были покрыты красно-коричневой грязью.

— Они отравились газом? — спросил я, хотя бригадир вытаскивал сигареты.

— Нет, — ответил он, вытряхнул из пачки сигарету и зажал ее в зубах. Затем похлопал себя по карманам, оставляя на комбинезоне красные пятна.

— Давно они умерли? — продолжал я.

Бригадир нашел коробок, чиркнул спичкой, прикурил.

— Наверное, сразу после того, как мы их в последний раз услышали, — произнес он, и я подумал, что и тогда их уже не было в живых. И Джек это знал. — Они мертвы по меньшей мере два часа.

Я посмотрел на часы. Было начало седьмого.

— Но они погибли не от контузии?

Зажав сигарету между пальцами, спасатель выпустил большое облако дыма. Когда он снова сунул ее в рот, я заметил на ней красное пятно.

— От потери крови.

На следующий день люфтваффе прибыли рано. После ночного инцидента мне удалось поспать совсем немного. Моррис весь день твердил о своем сыне, а Суэйлс немилосердно дразнил Ренфри.

— Геринг узнал, что ты шпионил против Германии, — говорил он, — и послал за тобой свои «штуки»[1].

В конце концов я поднялся на пятый этаж и попытался вздремнуть в кресле наблюдателя, но там оказалось слишком светло. По небу неслись облака, и пожары в Ист-Энде отбрасывали на небо зловещий алый отсвет.

Кто-то оставил на полу экземпляр «Щебета» Твикенхэма. Я перечитал статью о «ходячих мертвецах», затем, будучи не в состоянии уснуть, принялся за остальные новости.

---

[1] *«Штука»* (от нем. Sturzkampfflugzeug — пикирующий бомбардировщик) — «Юнкерс Ю-87», немецкий военный самолет времен Второй мировой войны.

Там было сообщение о гитлеровском вторжении в Трансильванию, рецепт клубничного пирога без масла и статья об уровне преступности. «В настоящее время Лондон является благодатным местом для криминальных элементов, — цитировал автор Нельсона. — Мы должны постоянно быть начеку».

После рецепта шел рассказ о шотландском терьере по кличке Красавчик Чарли, который лаял и царапался у руин разбомбленного дома, пока спасатели его не заметили, не принялись копать и не извлекли из-под развалин двоих детей, целых и невредимых.

Должно быть, чтение усыпило меня; я пришел в себя оттого, что Моррис тряс меня за плечо и говорил, что включились сирены воздушной тревоги. Было всего пять вечера.

Через полчаса в нашем секторе упала зажигательная бомба. Это произошло всего в трех кварталах от поста; стены подвала дрогнули, штукатурка дождем посыпалась на пишущую машинку Твикенхэма и на Ренфри, лежавшего с открытыми глазами на своей койке.

— Излишества! Как бы не так, — пробормотала миссис Люси, когда мы бросились к своим каскам. — Нам необходимы эти балки.

Совместители еще не пришли. Миссис Люси оставила Ренфри и пошла их обзванивать. Мы точно знали, где произошел взрыв, — Моррис как раз смотрел в том направлении, когда упала бомба, но найти ее все равно оказалось непросто. Ночь еще, собственно, не наступила, но, когда мы прошли полквартала, на город опустилась непроницаемая тьма.

Наблюдая это явление в первый раз, я решил, что это какая-то временная слепота после взрыва, но оказалось, что это всего лишь пыль от кирпичей и штукатурки, окутывавшая разрушенные здания. Она образует туман, который скрывает все вокруг не хуже, чем при затемнении. Когда миссис Люси расположилась на тротуаре и включила голубой фонарь, он призрачно засветился в этом искусственном тумане.

— Здесь на улице осталось только две семьи, — сказала она, подвинув к свету домовую книгу. — Семья Киркадди и Ходжсоны.

— Это старые люди? — спросил Моррис, неожиданно появляясь из тумана.

Миссис Люси вгляделась в строчки:

— Да. Пенсионеры.

— Я их нашел, — сказал он без всякого выражения; это означало, что люди мертвы. — От взрыва погибли.

— О боже! — воскликнула миссис Люси. — Киркка дди — мать с двумя детьми. У них есть андерсоновское убежище[1]. — Она поднесла книгу поближе к голубому фонарю. — Остальные прячутся во время налетов в метро. — Развернув план квартала, она показала нам, где находится двор Киркка дди, но план не помог. Следующий час мы провели, слепо блуждая среди развалин и стараясь различить крики, которых все равно было бы не слышно из-за рева люфтваффе и ответного огня зениток.

Вскоре после восьми пришел Питерсби, через несколько минут — Джек, и миссис Люси отправила их рыскать в тумане.

— Сюда! — почти сразу же крикнул Джек, и у меня отчего-то екнуло сердце.

— О, прекрасно, он их услышал, — сказала миссис Люси. — Джек, идите найдите его.

— Сюда, — снова позвал он, и я направился в ту сторону, откуда донесся его голос, почти боясь того, что увижу.

Но не успел я сделать и десяти шагов, как тоже услышал их. Детский плач и гулкие звуки, как будто кто-то колотил кулаком по железу.

— Не останавливайтесь! — крикнула Ви. Она на коленях стояла рядом с Джеком у неглубокой воронки. — Продолжайте стучать. Мы идем. — Она обернулась ко мне. — Скажи миссис Люси, пусть позвонит спасателям.

Я наугад двинулся обратно сквозь тьму. Миссис Люси уже вызвала бригаду спасателей. Она отправила меня к станции «Слоун-сквер», чтобы убедиться, что остальные обитатели квартала находятся в безопасности в убежище.

---

[1] *Андерсоновское убежище* — небольшое помещение из гофрированных стальных листов, частично углубленное в землю и засыпанное сверху грунтом. Андерсоновские убежища появились в Великобритании во время Второй мировой войны и использовались частными лицами.

В воздухе висела пыль, но я более или менее видел дорогу. Я наткнулся на край тротуара, споткнулся о какие-то обломки и обнаружил тело. Вытащив фонарь, я увидел, что это девушка, которую я провожал в убежище два дня назад.

Она сидела на земле, прислонившись спиной к выложенному плитками входу в метро, все еще сжимая в безвольно повисшей руке вешалку с платьем. Старая кочерга из магазина Джона Льюиса отпускала ее только после закрытия, а люфтваффе сегодня прилетели рано. Ее убило взрывной волной, а может, осколками. Ее лицо, шея и руки были покрыты мелкими царапинами, и, когда я поправил ее ноги, на тротуаре хрустнуло стекло.

Вернувшись на место взрыва, я подождал машину из морга и попросил их довезти меня до метро. Мне потребовалось три часа, чтобы найти всех людей, указанных в списке. Когда я вернулся к своим, спасатели уже прорыли яму глубиной пять футов.

— Они почти добрались, — сообщила Ви, высыпая ведро с землей у дальнего края воронки. — Пошла земля, попадаются ветки от розового куста.

— А где Джек? — спросил я.

— Пошел за пилой. — Она подала ведро одному из спасателей, который, чтобы освободить руки, сунул сигарету в рот. — Им попалась какая-то доска, но они ее уже обошли.

Я наклонился над дырой. Стук еще раздавался, но детский плач смолк.

— Они еще живы?

Она покачала головой:

— Ребенка уже примерно час не слышно. Мы постоянно кричим, но ответа нет. Мы боимся, что это стучит какой-то механизм.

Я подумал: а что, если они уже мертвы и Джек, зная это, не пошел за пилой, а отправился на работу?

Подошел Суэйлс:

— Угадайте, кто попал в больницу?

— Ну и кто? — спросил я.

— Олмвуд. Нельсон заставил своих пожарных патрулировать район во время налета, и шрапнель от зенитки угодила ему в ногу. Чуть совсем ее не снесла.

Спасатель с сигаретой передал Ви полное доверху ведро. Она взяла его и, немного пошатываясь под тяжестью, унесла прочь.

— Смотри, чтобы Нельсон не увидел, как ты усердно работаешь, — крикнул ей вслед Суэйлс, — а не то устроит тебе перевод в свой сектор. А где Моррис? — поинтересовался он и ушел — наверное, чтобы рассказать всем об Олмвуде.

Подошел Джек с пилой.

— Уже не нужно, — сказал спасатель, зажав сигарету в углу рта. — О, полевая кухня приехала.

И он отправился за чашечкой чаю.

Джек, опустившись на колени, протянул в дыру пилу.

— Они еще живы? — спросил я.

Джек наклонился вниз, держась руками за края отверстия. Стук был неправдоподобно громким. Должно быть, в убежище он звучал оглушительно. Джек уставился в дыру, словно не слышал ни шума, ни моего вопроса.

Затем поднялся, все еще не отводя взгляда от входа в шахту.

— Они левее, — сказал он.

«Как это левее? — подумал я. — Мы же их слышим. Они прямо под нами».

— Они живы? — повторил я.

— Да.

Вернулся Суэйлс.

— Он шпион, вот кто он такой, — возмущался он. — Его сюда Гитлер прислал, чтобы поубивать наших лучших людей, одного за другим. Я вам говорил, что его зовут Адольф фон Нельсон.

Киркладди действительно оказались левее. Спасателям пришлось расширить туннель, разрезать крышу убежища и вскрыть его, как консервную банку. Они возились до девяти утра, но люди были живы.

Джек ушел незадолго до рассвета. Я этого не заметил. Суэйлс как раз рассказывал мне о ранении Олмвуда, а когда я обернулся, Джека уже не было.

— Джек тебе не говорил, что это за работа у него такая, из-за которой ему надо так рано уходить? — спросил я у Ви, вернувшись на пост.

Прислонив зеркало к противогазу, она укладывала волосы.

— Нет,— ответила Ви, опустив расческу в стакан с водой и затем смочив локон.— Джек, ты мне не передашь заколки? У меня сегодня свидание, хочу выглядеть на все сто.

Я пододвинул к ней кучку заколок.

— Так что это за работа? Джек не говорил?

— Нет. Наверное, что-то связанное с войной.— Она намотала прядь волос на палец.— Он сбил десять самолетов. Четыре «штуки» и шесть «мессеров».

Я сел рядом с Твикенхэмом, который печатал отчет о сегодняшних спасательных работах.

— Ты еще не брал интервью у Джека?

— А откуда у меня на это время, по-твоему? — ответил он вопросом на вопрос.— С тех пор как он появился, у нас не было ни одной спокойной ночи.

Из соседней комнаты приковылял Ренфри. Он был завернут в одеяло, словно в сари, плечи его прикрывал плед. Выглядел он ужасно — совсем исхудал и посерел.

— Позавтракать не хочешь? — предложила ему Ви, раскрывая зубами заколку.

Он покачал головой.

— Нельсон дал добро на укрепление подвала?

— Нет,— ответил Твикенхэм, хотя Ви знаками просила его помолчать.

— Вы должны сказать Нельсону, что это срочная необходимость! — воскликнул Ренфри, натягивая на себя плед, словно в помещении стоял холод.— Я знаю, зачем я им нужен. Это случилось еще до войны. Когда Гитлер захватил Чехословакию, я написал письмо в «Таймс».

Я порадовался, что Суэйлс при этом не присутствовал. Письмо в «Таймс».

— Ну-ну, почему бы тебе не пойти прилечь? — попыталась успокоить его Ви, закалывая свои букли и поднимаясь.— Ты устал, вот и все, и поэтому ты всего боишься. Они же там даже «Таймс» не получают.

Она взяла Ренфри за руку, и он покорно пошел за ней в другую комнату. Я услышал его слова:

— Я назвал его австрийским пустозвоном. В письме.

У людей, страдающих от недостатка сна, бывают галлюцинации, какие-то видения, они слышат таинственные голоса, верят в фантастические вещи.

— Он не упоминал при тебе о своей работе? — спросил я у Твикенхэма.

— Кто? — откликнулся он, не переставая стучать по клавишам.

— Джек.

— Нет, по кем бы он ни работал, надеюсь, что он так же хорошо выполняет свои обязанности там, как и здесь. — Он остановился и уставился на отпечатанный текст. — Он уже пятерых нашел, правильно?

Вернулась Ви.

— И лучше бы нам при фон Нельсоне об этом помалкивать, — сказала она, села и обмакнула гребень в воду. — Он его заберет себе, как Олмвуда, а у нас и так людей не хватает, Ренфри-то совсем плох.

Вошла миссис Люси с голубым фонарем, скрылась в кладовой, затем вышла оттуда с каким-то бланком.

— Могу я воспользоваться вашей машинкой, мистер Твикенхэм? — попросила она.

Он вытащил из машинки начатый лист и поднялся. Миссис Люси села к столу, вставила форму и начала печатать.

— Я решила обратиться по поводу балок прямо в Управление гражданской обороны, — объяснила миссис Люси.

— Скажите, а кем работает Джек? — обратился я к ней.

— В каком-то военном ведомстве, — сказала она, вытащила бланк из машинки, перевернула его и вставила снова. — *Джек, вы не отнесете это в управление?*

— Днем работает, — заметила Ви, сооружая на затылке валик из волос, — и каждую ночь налеты. Когда же он спит?

— Понятия не имею, — сказал я.

— Ему надо себя поберечь, — говорила Ви. — А не то превратится в одного из этих «ходячих мертвецов», как Ренфри.

Миссис Люси подписала прошение, сложила его вдвое и отдала мне. Я отправился в Управление гражданской обороны и провел там полдня, пытаясь найти нужный мне отдел.

— Вы взяли неправильную форму, — сообщила мне девушка за шестой по счету дверью, куда я сунулся. — Нужно заполнить бланк А-сто четырнадцать, «Внешние усовершенствования».

— Они не внешние, — возразил я. — Нашему посту нужны балки для укрепления потолка в подвале.

— Такие балки относятся к категории внешних усовершенствований, — ответила девушка и протянула мне другую форму, которая выглядела точно так же, как и та, что заполнила миссис Люси.

Я развернулся и вышел.

По дороге к выходу я наткнулся на Нельсона. Я решил было, что он снова собирается пробрать меня за грязный комбинезон, но вместо этого он указал на мою каску и угрожающе спросил:

— Почему вы не носите предписанную правилами каску, пожарный? «Сотрудники службы ПВО обязаны носить шлем с красной буквой „П"», — процитировал он.

Я снял шлем и осмотрел его. Красная «П» частично стерлась, и от нее осталась только вертикальная черта.

— К какому посту вы относитесь? — пролаял он.

— Пост сорок восемь. Челси, — ответил я и подумал, не нужно ли мне при этом отдавать честь.

— Ваша начальница — миссис Люси, — с отвращением произнес он, и я приготовился к вопросу о том, что я здесь делаю, но вместо этого Нельсон сказал: — Я слышал о полковнике Годалминге. В последнее время вам везло с поисками пострадавших.

«Да, сэр» было явно неподходящим ответом, а «нет, сэр» могло вызвать у него подозрения.

— Сегодня ночью мы обнаружили троих человек в андерсоновском убежище, — сообщил я. — У одного из детей хватило ума стучать по крыше плоскогубцами.

— Мне говорили, что их услышал новичок, Сеттл, — произнес Нельсон дружелюбно, почти весело. Как Гитлер в Мюнхене.

— Сеттл? — удивленно переспросил я. — Убежище нашла миссис Люси.

Сюрприз, приготовленный сыном Морриса, Квинси, оказался Крестом Виктории[1].

---

[1] *Крест Виктории* — высшая военная награда Великобритании, вручается за героизм, проявленный в боевой обстановке.

— Орден, — снова и снова повторял счастливый отец. — И кто бы мог подумать — мой сын Квинси получил орден! Сбил пятнадцать самолетов.

Крест вручали на специальной церемонии в штабе командования Квинси, на ней присутствовала герцогиня Йоркская. Моррис сам приколол крест.

— Я надел форму, — в сотый раз рассказывал он нам. — На тот случай, если мальчик попал в беду, я хотел произвести благоприятное впечатление, и хорошо, что я об этом позаботился. Что бы подумала герцогиня Йоркская, если бы я появился там в таком виде, как сейчас?

Выглядел он плохо. Как и мы все. Мы сегодня собрали большой урожай зажигательных бомб — они падали одна за другой; Ви дежурила на чердаке. Нам опять пришлось спасать мясника, и булочную в двух кварталах от него, и распятие тринадцатого века.

— Я *говорила* ему, что она упала на алтарь, — недовольно произнесла Ви, когда мы с ней наконец обезвредили зажигалку. — Твой друг Джек не сможет найти зажигательную бомбу, даже если она свалится ему на голову.

— Ты сказала Джеку, что бомба попала в церковь? — переспросил я, подняв взгляд на резную деревянную фигуру Спасителя. Крест почернел у основания, словно Иисуса не распяли, а сожгли на костре.

— Да, — подтвердила Ви. — Даже сказала, что надо искать у алтаря. — Она обернулась и оглядела неф. — Он наверняка сам ее увидел, когда вошел в церковь.

— И что он сказал? Что ее здесь нет?

Ви задумчиво посмотрела на крышу.

— А может, она застряла в стропилах, а упала потом. А вообще, какая разница? Мы все-таки ее потушили. Пошли отсюда, — сказала она, дрожа. — Мне холодно.

Я тоже замерз. Мы оба промокли до нитки. Когда мы уже почти справились с огнем, ворвались люди из Вспомогательной пожарной службы и принялись поливать все вокруг ледяной водой.

— Так вот, я говорю, что сам приценил ему крест, — повторял Моррис. — Герцогиня Йоркская поцеловала его в обе щеки и сказала, что Англия им гордится.

Он принес бутылку вина, чтобы отметить это событие, вытащил Ренфри из постели и усадил его за стол, прямо в одеялах, и велел Твикенхэму убрать пишущую машинку. Питерсби принес еще стульев, а миссис Люси ушла наверх за хрустальными бокалами.

— Боюсь, что их всего восемь, — сказала она, вернувшись с бокалами на тонких ножках, зажатыми в почерневших от сажи пальцах. — Остальные разбили немцы. Может, кто-нибудь обойдется чашкой для полоскания?

— Мне не нужно, спасибо, — отказался Джек. — Я не пью.

— Это еще что?! — весело воскликнул Моррис. Он снял каску, и на лбу у него, над черным лицом, осталась белая полоса — как будто он изображал негра в мюзик-холле. — Тебе придется выпить за моего сына. Только представь себе: мой Квинси — с орденом!

Миссис Люси вымыла фарфоровую чашку для полоскания рта и протянула ее Ви, которая разливала вино. Все взяли по бокалу. Джеку досталась чашка.

— За моего сына Квинси, лучшего пилота Королевских ВВС! — провозгласил тост Моррис, поднимая бокал.

— Пусть он собьет все самолеты люфтваффе, — крикнул Суэйлс, — и положит конец этой проклятой войне!

— Чтобы человек мог спокойно поспать ночью, — продолжил Ренфри, и все засмеялись.

Мы выпили. Джек поднял чашку вместе с остальными, но, когда Ви принялась разливать остатки, он прикрыл ее ладонью.

— Нет, вы только подумайте, — твердил Моррис, — мой сын Квинси — с орденом. В школе у него были неприятности, он попал в дурную компанию, дело дошло до полиции. Я так за него волновался, все думал, что же из него выйдет, а потом началась война, и вот пожалуйста — он герой!

— За героев! — воскликнул Питерсби.

Мы снова выпили, и Ви вытряхнула в бокал Морриса последние капли вина.

— Боюсь, что это все. — Вдруг лицо ее просветлело. — Ой, а у меня же есть бутылка вишневого сиропа — Чарли подарил.

Миссис Люси поморщилась.

— Одну минуточку, — сказала она, исчезла в кладовой и вернулась с двумя покрытыми паутиной бутылками портвейна, который она разлила щедро и несколько неряшливо. — Распитие алкогольных напитков на посту строжайше запрещено, — засмеялась она. — За первое нарушение взимается штраф в размере пяти шиллингов, за последующие — в размере одного фунта. — Она вытащила из кармана фунтовую банкноту и положила на стол. — Интересно, кем был Нельсон до войны?

— Монстром, — фыркнула Ви.

Я взглянул на Джека, который все еще прикрывал рукой свою чашку.

— Наверняка директором школы, — заявил Суэйлс. — Нет, нет! Я понял: сборщиком налогов!

Все рассмеялись.

— До войны я была ужасной женщиной, — сказала миссис Люси.

Ви хихикнула.

— Я была диаконисой, одной из этих вздорных старух, которые украшают церковь цветами, организуют распродажу подержанных вещей на благотворительных базарах и терроризируют священника. «Гроза церковных старост», вот кем я была. Я строго следила за тем, чтобы они клали сборники церковных гимнов на скамьи лицевой стороной вверх. Моррис знает. Он пел в хоре.

— Точно, — подтвердил Моррис. — Она руководила нами, учила, как правильно вставать в ряд.

Я попытался представить миссис Люси в роли этакой зануды, мелочной тиранши вроде Нельсона, но не смог.

— Иногда для того, чтобы найти свое истинное призвание, человеку нужно пережить нечто ужасное, вроде войны, — произнесла она, рассматривая свой бокал.

— За войну! — жизнерадостно воскликнул Суэйлс.

— Не уверен, что нам стоит пить за такую страшную вещь, — засомневался Твикенхэм.

— Да она не так уж и страшна, — возразила Ви. — Я хочу сказать, что, если бы не она, мы бы сейчас тут не собрались вместе, правда?

— А ты бы никогда не встретила столько красавцев-летчиков, а, Ви? — поддел ее Суэйлс.

— Нет ничего плохого в том, чтобы радоваться жизни после тяжелой работы, — обиделась Ви.

— Да некоторые еще дальше идут, — хмыкнул Суэйлс. — Прямо-таки извлекают из войны выгоду. Вот как полковник Годалминг. Я тут поболтал с одним добровольцем из пожарной службы. Кажется, полковник вернулся сюда вовсе не за своей винтовкой. — Он с доверительным видом наклонился к нам. — Говорят, что у него амурные делишки с блондинкой-танцовщицей из театра «Уиндмилл»[1]. Говорят, что его жена думала, будто он в это время стреляет куропаток в Суррее, и теперь она задает весьма неприятные вопросы.

— Не только он пользуется войной, — добавил Моррис. — В ту ночь, когда вы вытаскивали Киркладди, Джек, я нашел двух стариков, погибших от взрывной волны. Я положил тела на дороге, чтобы их забрала похоронная машина, а потом заметил там какого-то человека, он наклонился над трупами и что-то там делал. Я подумал, что он распрямляет конечности, пока они не окоченели, а потом до меня дошло — он их грабил. Мертвых.

— А кто сказал, что они погибли от взрыва? — спросил Суэйлс. — Откуда нам знать, что их не убили? Вокруг столько мертвецов, кто их будет рассматривать? Уж наверняка не всех их убили немцы.

— Да о чем это мы говорим?! — *воскликнул* Питерсби. — Мы тут празднуем награждение Квинси Морриса, так что нечего говорить об убийцах. — *Он поднял бокал.* — За Квинси Морриса!

— И за Королевские ВВС! — добавила Ви.

— За то, чтобы находить радость в тяжелой работе, — сказала миссис Люси.

— Правильно, правильно! — негромко произнес Джек и поднес к губам чашку, но я заметил, что он не пил.

За следующие три дня Джек обнаружил четырех человек. Я ни одного из них не слышал, пока мы не подошли к ним почти вплотную. Последнюю жертву, полную женщину в полосатой пижаме и розовой сетке для волос, я вообще

[1] *«Уиндмилл»* — театр в Лондоне, знаменитый своими «живыми картинами»; не закрывался даже во время воздушных налетов.

так и не услышал, хотя, когда мы ее вытащили, она сказала, что «звала на помощь в перерывах между молитвами».

Твикенхэм описал это все в «Щебете», выбросив статью о награде Квинси Морриса и переделав выпуск газеты заново. Когда миссис Люси попросила машинку, чтобы заполнить форму А-114, то удивилась:

— Что это?

— Моя передовица, — объяснил он. — «Сеттл находит под завалами четырех человек». — Он протянул ей макет.

— «Джек Сеттл, недавно присоединившийся к сорок восьмому посту, — прочитала миссис Люси вслух, — прошлой ночью обнаружил четыре жертвы воздушных налетов. „Я хотел быть полезным", — отвечает скромный мистер Сеттл на вопрос, почему он переехал из Йоркшира в Лондон. И он действительно оказался полезным в самую первую ночь на работе, когда он...» — Она вернула листок Твикенхэму. — Мне очень жаль, но это нельзя печатать. Нельсон уже шмыгает вокруг, задает вопросы. Он забрал себе одного из моих сотрудников и чуть не отправил его на тот свет. Я не позволю ему отобрать еще одного.

— Да это цензура! — возмутился Твикенхэм.

— Идет война, — возразила миссис Люси, — а у нас не хватает рабочих рук. Я освободила мистера Ренфри от работы, он уезжает в Бирмингем к сестре. И я не хочу, чтобы Нельсон отнял у нас еще одного пожарного, как будто у нас штат переполнен. Из-за него Олмвуда чуть не убили.

Она протянула мне бланк и попросила отнести его в управление. Я отнес. Девушки, с которой я разговаривал в прошлый раз, там не было, а новая девушка сказала мне:

— Это в отдел внутренних усовершенствований. Вам нужно заполнить форму D-двести шестьдесят восемь.

— Да я заполнял, — ответил я. — И мне сказали, что балки считаются внешними усовершенствованиями.

— Только если они устанавливаются снаружи. — Она протянула мне D-268. — Простите, — извиняющимся тоном произнесла она, — я бы вам с удовольствием помогла, но мой начальник просто помешан на бумагах.

— Вы можете мне еще кое-чем помочь, — сказал я. — Меня попросили отнести записку одному из наших сотрудников на работу, но я потерял адрес. Вы не могли бы найти?

Джек Сеттл. Иначе мне придется возвращаться за этим адресом обратно в Челси.

Оглянувшись, она ответила:

— Минуточку, — и побежала куда-то по коридору, затем вернулась с листом бумаги. — Сеттл? — переспросила она. — Пост сорок восемь, Челси?

— Да-да, верно, — подтвердил я. — Мне нужен его рабочий адрес.

— Он нигде не работает.

Он исчез с места взрыва, пока мы вытаскивали полную женщину. Начинало светать. Мы обвязали ее веревкой и соорудили из подручных средств лебедку. Внезапно Джек сунул свою веревку Суэйлсу и пробормотал: «Мне пора на работу».

— Вы уверены? — уточнил я.

— Уверена.

Она протянула мне лист. Это было заявление Джека о приеме на работу в качестве пожарного на неполную неделю, подписанное миссис Люси. Места для указания рабочего и домашнего адресов пустовали.

— Это все, что было в папке, — сказала девушка. — Ни разрешения на работу, ни удостоверения личности, даже продовольственных карточек нет. Обычно у нас хранятся копии всех этих документов. Следовательно, он не работает.

Я отнес форму D-268 на пост, но миссис Люси там не оказалось.

— Пришел человек от Нельсона, принес новые правила, — сообщил Твикенхэм, вытаскивая из множительной машины очередной листок. — Все пожарные обязаны патрулировать территорию, кроме тех, кто дежурит на телефоне на наблюдательном пункте. *Все* служащие. Она ушла, чтобы разобраться с ним, — заключил он довольным тоном. Он явно уже не сердился на нее за запрещение печатать статью о Джеке.

Я взял со стола еще влажную копию листка с новостями. В передовице говорилось о захвате Гитлером Греции. Заметка о Квинси была помещена в правом нижнем углу, под списком того, «что война сделала для нас». Под номером один стояло: «Она выявила в нас скрытые возможности, о которых мы не подозревали».

— Она сказала, что он убийца, — добавил Твикенхэм. Убийца.

— А что ты хотел ей сказать? — поинтересовался Твикенхэм.

«То, что Джек нигде не работает», — произнес я про себя. И у него нет продовольственных карточек. Что он не стал тушить зажигательную бомбу, попавшую в церковь, хотя Ви сказала ему, что она упала на алтарь. И он знал, что андерсоновское убежище находилось левее.

— Опять неправильная форма, — сказал я и положил бумагу на стол.

— Ну, это легко исправить, — ответил он, вставил бумагу в пишущую машинку, постучал несколько минут и снова протянул ее мне.

— Нужна подпись миссис Люси, — возразил я.

Твикенхэм взял прошение, вытащил из кармана перо и подписался.

— Кем ты был до войны? — удивился я. — Документы подделывал?

— Не поверишь, если скажу, — улыбнулся он. — Ты ужасно выглядишь, Джек. Ты за эту неделю сколько спал?

— Когда же мне было спать?

— Пойди приляг, пока здесь никого нет, — предложил он, взяв меня под локоть, как Ви брала Ренфри. — Я сам отнесу бумагу в управление.

Я стряхнул его руку:

— Я в порядке.

Я пешком отправился в управление. Девушки, сообщившей мне данные о Джеке, там уже не было, и за столом сидела вчерашняя девушка. Я пожалел, что не захватил с собой форму А-114, но служащая молча рассмотрела бумагу и поставила на обороте какой-то штамп.

— Ваше прошение будет рассмотрено в течение шести недель, — сообщила она.

— Шести недель! — ахнул я. — Да за это время Гитлер сможет нас завоевать!

— Тогда вам, вероятно, придется заполнять другую форму.

Я не стал возвращаться на пост. Миссис Люси, решил я, наверняка появится там к моему возвращению, но что я ей скажу? Я подозреваю Джека. В чем? В том, что он не

любит торты и бараньи отбивные? Рано уходит на работу? Спасает детей из-под развалин?

Он сказал, что работает, но девушка не нашла его разрешения на работу — так ведь Управлению гражданской обороны требуется шесть недель для рассмотрения запроса на несколько бревен. Наверное, упорядочение всех разрешений на работу они смогут закончить только к концу войны. А может быть, документ был в папке, но девушка его не заметила. Недостаток сна может вызывать ошибки на работе. И навязчивые идеи.

Я пошел к станции «Слоун-сквер». На том месте, где недавно лежало тело продавщицы, было чисто. Подмели даже осколки стекла. Ее начальница в магазине Джона Льюиса, старая кочерга, не отпускала ее в убежище до закрытия, даже если включали сирены, даже если на улице было темно. Ей приходилось идти во время затемнения совершенно одной, неся с собой на вешалке платье на завтра, прислушиваясь к грохоту орудий и стараясь определить, далеко ли самолеты. Если кто-то преследовал ее, она до последнего мгновения не услышала его шагов, не увидела его во тьме. А обнаружив ее тело, люди решили, что ее убило осколком стекла.

Он ничего не ест, скажу я миссис Люси. Он не пошел в церковь тушить зажигательную бомбу. Он всегда уходит до рассвета, даже если пострадавших еще не вытащили. Люфтваффе охотится за мной. Из-за письма в «Таймс». У «ходячих мертвецов» бывают галлюцинации, они слышат голоса, видят призраков, верят в фантастические вещи.

Взревели сирены. Должно быть, я несколько часов простоял, глядя на тротуар. Я вернулся на пост. Миссис Люси была там.

— Ты ужасно выглядишь, Джек. Когда ты в последний раз спал?

— Не знаю, — ответил я. — А где Джек?

— На наблюдательном посту, — сказала миссис Люси.

— Побереги себя, — посоветовала мне Ви, раскладывавшая на тарелке конфеты. — Не то превратишься в «ходячего мертвеца». Хочешь конфетку? Это мне Эдди подарил.

Пискнул телефон. Миссис Люси подошла к аппарату, послушала минуту, повесила трубку.

— Слейни требуется помощь на завале, — сказала она. — Они просят прислать Джека.

Она послала нас обоих. Мы нашли место взрыва без труда. В воздухе не было пыли, ничем не пахло — лишь чувствовался запах дыма от полыхавшего неподалеку пожара.

— Это произошло не сегодня, — решил я. — По меньшей мере, сутки назад.

Я ошибся. Бомба упала позавчера. Спасатели работали здесь уже два дня, но среди пропавших без вести числились еще тридцать человек. Несколько спасателей вяло копались на склоне насыпи, остальные стояли вокруг, курили и сами выглядели как жертвы воздушного налета. Джек подошел к месту раскопок, покачал головой и пошел дальше по насыпи.

— Я слышал, у вас работает «ищейка», — обратился ко мне один из спасателей. — В Уайтчепеле тоже есть один такой. Ползает вокруг завалов на четвереньках и сопит, как пес. А ваш так делает?

— Нет, — покачал я головой.

— Сюда, — сказал Джек.

— Тот, в Уайтчепеле, говорит, что может читать их мысли, — продолжал спасатель, отбрасывая сигарету и поднимая кирку. Он полез вверх по куче обломков, туда, где уже начал рыться Джек.

Из-за пожара было довольно светло, и копать было нетрудно, но на полпути к цели мы наткнулись на массивную спинку кровати.

— Придется заходить сбоку, — сказал Джек.

— К черту это все! — воскликнул человек, рассказывавший мне об «ищейке». — Откуда ты знаешь, что там кто-то есть? Я ничего не слышу.

Джек ему не ответил, спустился ниже по склону и начал копать там.

— Они там уже два дня сидят, — фыркнул спасатель. — Они погибли, и я не собираюсь работать сверхурочно. — Отшвырнув мотыгу, он отправился к полевой кухне.

Джек даже не заметил, что он ушел. Он подавал мне ведра, я опустошал их, и время от времени он произносил:

«Пилу» или «Кусачки», и я протягивал ему требуемое. Когда я ушел за носилками, он ее вытащил.

На вид ей было лет тринадцать. На ней была белая ночная рубашка — а может, она лишь казалась белой из-за обсыпавшей ее штукатурки. Джек из-за этой пыли походил на призрака. Он держал девочку на руках, а она обхватила его за шею и уткнулась ему в плечо. За ними пылало зарево пожара.

Я принес наверх носилки, Джек опустился на колени и хотел было положить девочку, но она не отпускала его шею.

— Все в порядке, — негромко сказал он. — Ты в безопасности.

Он разжал ее руки и сложил их на груди. Сорочка была покрыта спекшейся кровью, но мне показалось, что это не кровь девочки. Я подумал: кто мог быть с ней там, внизу?

— Как тебя зовут? — спросил Джек.

— Мина, — едва слышно прошептала она.

— А меня — Джек, — сказал он и кивнул в мою сторону. — И его тоже. А сейчас мы отнесем тебя к машине «скорой помощи». Не бойся. Ты в безопасности.

Но «скорая помощь» еще не приехала. Мы положили носилки на тротуар, и я отправился к старшему офицеру выяснить, выехала ли машина. Не успел я вернуться, как кто-то крикнул: «Еще один!» Я побежал к спасателям и начал помогать откапывать человека, руку которого они обнаружили. Вскоре мы извлекли тело погибшего, кровью которого была залита девочка. Когда я взглянул вниз, на тротуар, Мина все еще лежала на носилках, а Джек склонился над ней.

На следующий день я отправился в Уайтчепел посмотреть на «ищейку». Но его на посту не оказалось. «Он работает не всю неделю», — объяснил пожарный, освобождая для меня стул. В помещении царил хаос — повсюду валялись грязная посуда и одежда.

Старуха в ситцевом капоте жарила на сковороде почки.

— Он днем работает на заводе боеприпасов, в Доркинге, — буркнула она.

— А как именно он находит тела? — спросил я. — Я слышал...

— Что он читает их мысли? — усмехнулась старуха. Она соскребла со сковороды почки и передала еду пожарному. — Он тоже нечто подобное о себе услышал, и очень жаль, потому что теперь это прочно засело у него в голове. «Я чувствую их», — заявляет он спасателям, словно какой-то там Гудини, и указывает, где копать.

— Тогда как же он их находит?

— Ему просто везет, — сказал дежурный.

— А *я* думаю, он их по запаху чует, — возразила женщина. — Поэтому их и называют ищейками.

Пожарный фыркнул:

— Среди всей этой вони от немецких бомб, газа и прочего?

— Если бы он был... — Я запнулся. — Если бы он обладал острым нюхом, то, возможно, мог бы учуять кровь.

— Да вы здесь эти трупы не учуете, даже если они неделю пролежат, — с набитым ртом произнес пожарный. — Он слышит их крики, так же, как и все мы.

— У него просто слух лучше, — обрадованно поддержала его старуха. — Мы тут все почти оглохли от бомбежек, а он еще нет.

Я не слышал криков толстой женщины в розовой сетке для волос, хотя она утверждала, что звала на помощь. Но Джек, только что приехавший из Йоркшира, где не грохотали каждую ночь зенитки, мог их услышать. В этом нет ничего сверхъестественного. Некоторые люди обладают исключительно острым слухом.

— А на прошлой неделе мы вытащили армейского полковника, который заявил, что не кричал, — возразил я.

— Да он врет, — сказал пожарный, распиливая почку ножом. — Мы тут позавчера спасали гувернантку, всю такую важную и чопорную, так вот она все время, пока мы ее откапывали, ругалась так, что матроса бы заставила покраснеть, а потом сказала, что ничего такого и знать не знает. «Грязные слова никогда не оскверняли и не осквернят моих губ», — говорит она мне. — Он махнул в мою сторону вилкой. — Конечно, ваш полковник кричал. Он просто не желает в этом признаться.

«Да я ни звука не издал! Знал, что это бесполезно» — так говорил полковник Годалминг, тыча в воздух ложкой.

Возможно, пожарный и прав, а полковник просто пустобрех. Но ведь он не хотел, чтобы жена узнала о его поездке в Лондон, о танцовщице из «Уиндмилла». У него была веская причина сидеть тихо и пытаться выбраться самостоятельно.

Я отправился в наш подвал, позвонил одной знакомой девушке из Службы скорой помощи и попросил ее узнать, куда отвезли Мину. Через несколько минут она перезвонила мне и сообщила, что девочка находится в больнице Святого Георгия. Я отправился туда на метро. Остальные кричали, стучали в стену, как те люди в убежище, — все, кроме Мины. Когда Джек вытащил ее, она была так напугана, что едва могла говорить, но это не значит, что она не звала на помощь и не плакала.

«Ты кричала вчера ночью, когда сидела под завалами?» — спрошу я ее, и она ответит мне своим голоском, тонким, как писк мыши: «Я звала на помощь в перерывах между молитвами. А в чем дело?» И я скажу: «Ничего, просто навязчивая идея, возникшая из-за недосыпания. Днем Джек работает в Доркинге, на военном заводе, и обладает необычайно острым слухом. В моей теории не больше правды, чем в словах Ренфри, будто бы немцы бомбят нас из-за его письма в „Таймс“».

В больнице я обнаружил отдельный вход с надписью «Центр выяснения личности пострадавших». Я спросил у медсестры за столом, можно ли увидеть Мину.

— Ее привезли вчера ночью. Инцидент на Джеймс-стрит.

Медсестра взглянула на список, испещренный карандашными пометками.

— Здесь нет никого под таким именем.

— Я уверен, что ее привезли сюда, — настаивал я, вытягивая шею, чтобы заглянуть в список. — Ведь другой больницы Святого Георгия у нас нет?

Покачав головой, она подняла список и взглянула на лежавший под ним листок.

— Нашла, — сказала медсестра.

Я слишком часто слышал от спасателей такой голос, чтобы не понять, в чем дело, но я не мог в это поверить. Она же была защищена спинкой кровати. На ночной сорочке была чужая кровь.

— Мне очень жаль, — произнесла сестра.

— Когда это произошло?

— Сегодня утром, — ответила она, сверяясь со вторым списком, который был гораздо длиннее первого.

— Кто-нибудь еще к ней приходил?

— Не знаю. Я на дежурстве только с одиннадцати.

— А отчего она умерла?

Медсестра посмотрела на меня как на сумасшедшего.

— Что там написано о причине смерти? — настаивал я.

Она снова отыскала имя Мины.

— Шок, вызванный потерей крови, — сообщила она, и я, поблагодарив ее, отправился искать Джека.

Но он нашел меня первым. Я вернулся на пост, дождался, пока все уснули, а миссис Люси ушла наверх, затем прокрался в кладовку, чтобы найти в документах адрес Джека. Но адреса не было, как я и предчувствовал. А если бы адрес и был, то что я обнаружил бы, придя туда? Разбомбленный дом? Кучу обломков?

Я отправился на станцию «Слоун-сквер», зная, что Джека там не найду, но не представляя, куда еще пойти. Он мог быть где угодно. В Лондоне полно пустых домов, разбомбленных подвалов, тайников, где можно спрятаться, пока не скроется солнце. Вот почему он сюда приехал.

«Будь я плохим парнем, двинул бы прямо в Лондон», — сказал Суэйлс. Но сюда стремились не только преступники; кое-кто еще приезжал, привлеченный затемнением, изобилием легкой добычи и человеческих тел. Привлеченный кровью.

Я стоял на улице, пока не стемнело, и наблюдал, как двое мальчишек копаются в канаве, отыскивая конфеты, выброшенные взрывом из витрины кондитерской. Затем пошел на нашу улицу и спрятался в подъезде неподалеку от поста, откуда была видна дверь дома миссис Люси. Включились сирены. Суэйлс отправился патрулировать улицы. В дом вошел Питерсби. Моррис вышел, остановился и посмотрел на небо — как будто искал там своего сына. Очевидно, миссис Люси не удалось уговорить Недьсона отменить приказ о патрулировании.

Стемнело. Лучи света от прожекторов прочертили небо, осветив серебристые аэростаты заграждения. С востока по-

слышалось низкое гудение приближавшихся бомбардировщиков. В дверь влетела Ви на высоких каблуках, с перевязанной тесьмой коробкой. Вышли Питерсби и Твикенхэм. За ними поспешила Ви, завязывая под подбородком каску и что-то жуя.

— Я везде тебя ищу, — произнес Джек.

Я обернулся. Он приехал на грузовике Вспомогательной транспортной службы. Дверь была открыта, мотор работал.

— Я привез бревна, — сообщил он. — Для укрепления подвала. Вчера мы были на развалинах — так вот, там валяется много бревен, и я попросил владельца дома продать их мне. — Он махнул в сторону кузова, из которого торчали зазубренные концы бревен. — Пошли, если мы поторопимся, то сможем их уже сегодня установить. — Он повернулся к кабине. — Где ты был? Я везде тебя искал.

— Я ходил в больницу Святого Георгия, — ответил я.

Джек замер, держа руку на открытой дверце кабины.

— Мина умерла, — продолжал я, — но ведь ты и так знал, что она умрет?

Он ничего не ответил.

— Медсестра сказала, что девочка умерла от потери крови, — произнес я. Упала сигнальная ракета, осветив его мертвенно-бледное лицо. — Я знаю, кто ты такой.

— Если мы поторопимся, то сможем укрепить подвал, пока не началась бомбежка, — повторил он, распахивая дверь.

Я положил на дверь руку, чтобы он не смог ее закрыть.

— Оборонная работа, — горько сказал я. — Когда ты это делаешь, когда вы с жертвой вдвоем в темной шахте или когда ты приходишь к ним в больницу?

Он отпустил дверь.

— Великолепный ход, — поступить добровольцем в ПВО, — говорил я. — Никто никогда не заподозрит благородного пожарного, особенно когда он с таким успехом находит под завалами людей. А если кто-то из этих людей потом умрет, если кого-то найдут на улице мертвым после налета, что ж, ничего удивительного. Идет война.

Внезапно гул самолетов над головой усилился, и на город обрушился ливень осветительных ракет. Бешено вертелись прожектора, пытаясь найти самолеты. Джек схватил меня за руку.

— Пригнись! — крикнул он и попытался утащить меня в подъезд.

Я вырвался.

— Я бы убил тебя, если бы мог! — выкрикнул я. — Но это невозможно, да? — Я махнул рукой на небо. — И они тоже не могут. Такие, как ты, не умирают, правда?

Раздались свист и высокий визг.

— Но я все-таки *убью* тебя, — воскликнул я, стараясь перекричать вой бомбы, — если ты дотронешься до Ви или миссис Люси.

— Миссис Люси? — переспросил он, и в его голосе прозвучало не то удивление, не то презрение.

— Или Ви, или еще кого-нибудь из них. Я воткну тебе кол в сердце, или что там еще делают с вами! — крикнул я, а затем земля дрогнула.

Раздался звук, подобный рычанию гигантского чудовища. Оно рычало, и рычало, и рычало. Я попытался закрыть уши руками, но мне пришлось схватиться за стену, чтобы не упасть. Рев превратился в вой, тротуар затрясся, и я полетел куда-то.

— Ты в порядке? — окликнул меня Джек.

Я сидел, прислонившись спиной к перевернутому грузовику. Бревна рассыпались по мостовой.

— В пост попали? — спросил я.

— Нет, — сказал он, но я понял, что это неправда.

Прежде чем он успел поднять меня на ноги, я бросился к дому миссис Люси, скрытому за пеленой дыма.

Миссис Люси сказала Нельсону, что, отправив всех на патрулирование, она в случае опасности не сможет никого найти, но это оказалось не так. Они прибежали через несколько минут — Суэйлс, Моррис, Виолетта, цокавшая своими каблуками, затем Питерсби. Они прибежали один за другим, остановились и тупо уставились на то место, где только что находился дом миссис Люси, словно не понимая, что произошло.

— Где Ренфри? — спросил Джек.

— В Бирмингеме, — ответила Ви.

— Он в отпуске по болезни, — объяснил я и сквозь висевший в воздухе дым и пыль попытался различить их лица. — А где Твикенхэм?

— Здесь, — послышался его голос.

— Где миссис Люси? — спросил я.

— Там, — сказал Джек и указал на кучу развалин.

Мы работали всю ночь. На помощь к нам приехали две бригады спасателей. Они звали миссис Люси каждые полчаса, но ответа не было. Ви раздобыла где-то фонарь, накинула на него голубой шарф и стала действовать в качестве старшего офицера. Прибыла «скорая», постояла немного, уехала в другое место, вернулась. Нельсон занял место старшего, и Ви вернулась к работе.

— Она жива? — спрашивала она.

— Надеюсь, что да, — ответил я, взглянув на Джека.

Поднялся туман. Самолеты прилетели снова, сбрасывая ракеты и зажигательные бомбы, но никто не прекращал работу. В одной из корзин появилась машинка Твикенхэма и бокал миссис Люси. Начало светать. Джек взглянул на небо.

— Даже и не думай об этом, — предупредил его я. — Ты никуда не пойдешь.

Примерно в три часа Моррису показалось, что он что-то услышал, мы остановились и окликнули миссис Люси, но она не ответила. Туман сменился мелким дождем. В половине пятого я позвал миссис Люси, и откуда-то из-под земли донесся ее голос:

— Я здесь.

— С вами все в порядке? — крикнул я.

— У меня нога болит. Думаю, что сломана, — ответила она спокойным голосом. — По-моему, я под столом.

— Не волнуйтесь! — подбодрил ее я. — Мы уже близко.

Размокшая под дождем штукатурка превратилась в отвратительную скользкую кашу. Нам несколько раз приходилось укреплять нору подпорками и покрыть ее брезентом, после чего там стало совершенно темно. Суэйлс лежал над ямой, держа у нас над головами карманный фонарь. Прозвучал сигнал отбоя воздушной тревоги.

— Джек! — позвала миссис Люси.

— Да! — отозвался я.

— Это был отбой?

— Да! — крикнул я. — Не волнуйтесь. Мы сейчас вас вытащим.

— Который час?

В туннеле было слишком темно, и я не видел своих часов, но сказал наугад:

— Начало шестого.

— А Джек тут?

— Да.

— Ему не обязательно оставаться. Скажите ему, что он может идти домой.

Дождь прекратился. Мы наткнулись на дубовые балки, подпиравшие площадку на пятом этаже, и вынуждены были их перепиливать. Суэйлс сообщил, что Моррис назвал Нельсона «проклятым убийцей». Ви принесла нам чаю в бумажных стаканчиках.

Мы звали миссис Люси, но ответа не получили.

— Наверное, она заснула,— предположил Твикенхэм, и все закивали, сделав вид, что верят ему.

Мы почувствовали запах газа задолго до того, как ее нашли, но Джек продолжал копать, и я, подобно остальным, говорил себе, что с ней все в порядке, что мы вовремя вытащим ее.

Ее накрыло не столом, а куском двери. Чтобы убрать его, нам пришлось воспользоваться домкратом. Моррис ходил за ним долго, но это уже не имело значения. Она лежала совершенно прямо, сложив руки на груди и закрыв глаза, как будто спала. Левая нога ее была отрезана по колено. Джек опустился рядом с погибшей и положил ее голову себе на колени.

— Убери руки, — приказал я.

Я заставил Суэйлса спуститься и помочь мне ее вытащить. Ви с Твикенхэмом положили тело на носилки. Питерсби отправился за «скорой».

— На самом деле она никогда не была ужасной занудой, — произнес Моррис. — Никогда.

Снова пошел дождь, небо потемнело, и нельзя было сказать, взошло солнце или нет. Суэйлс принес кусок брезента и прикрыл тело.

Вернулся Питерсби.

— «Скорая» опять уехала, — сказал он. — Я послал за машиной из морга, но они сказали, что вряд ли смогут приехать раньше половины девятого.

Я посмотрел на Джека. Он стоял над брезентом, руки безвольно повисли. Он выглядел хуже, чем когда-либо Ренфри, был невероятно изможден, лицо посерело от пыли.

— Мы подождем, — ответил я.

— Нет смысла нам всем стоять здесь под дождем два часа, — заявил Моррис. — Я подожду здесь с... я подожду. Джек, — обернулся он, — сходи сообщи Нельсону.

— Я схожу, — вызвалась Ви. — Джеку нужно идти на работу.

— Вытащили? — раздался голос Нельсона. Он вскарабкался по бревнам туда, где мы стояли. — Она мертва? — Он яростно уставился на Морриса, затем на мою каску, и я подумал: неужели он собирается отчитать меня за грязную форму?

— Кто из вас ее нашел? — спросил он нетерпеливо.

Я посмотрел на Джека.

— Сеттл, — ответил я. — Он настоящий волшебник. Только за эту неделю вытащил шесть человек.

Через два дня после похорон миссис Люси из управления пришел приказ о переводе Джека в бригаду Нельсона, а я получил свою повестку. Меня отправили в лагерь военной подготовки, затем в Портсмут. Ви посылала мне продукты, Твикенхэм — экземпляры своего «Щебета».

Пост переместился в дом через дорогу от лавки мясника, принадлежавший некой мисс Артур, которая позднее присоединилась к пожарным. «Мисс Артур любит вязать и составлять букеты и обещает стать ценным пополнением нашей отважной маленькой команды», — писал Твикенхэм. Ви обручилась с летчиком ВВС. Гитлер бомбил Бирмингем. Джек, работавший теперь под началом Нельсона, спас за неделю шестнадцать человек — рекорд для службы ПВО.

Через две недели я отплыл в Северную Африку, и письма туда не доходили. Когда я в конце концов получил весточку от Морриса, оказалось, что со дня отправки письма прошло три месяца. Джек погиб, спасая ребенка из разрушенного дома. Поблизости упала бомба замедленного действия, но «этот проклятый убийца Нельсон» отказался эвакуировать спасателей. Бомба взорвалась, туннель, в котором работал Джек, обрушился, и он погиб. Однако ребенка вытащить удалось — он отделался лишь несколькими царапинами.

Но он не может умереть, подумал я. Его нельзя убить. Я попытался, но даже выдача его фон Нельсону не помогла, и сейчас он бродит по Лондону за завесой тьмы, под гул бомбежек. Там сотни трупов, кто заметит еще несколько?

В январе я помогал выводить танковый батальон из Тобрука[1]. Я убил девять немцев, но был ранен. Меня перевезли в Гибралтар, в госпиталь; там меня догнали остальные письма. Ви вышла замуж, налеты почти прекратились, Джек был посмертно награжден Георгиевским крестом[2].

В марте меня отправили в Англию, на операцию. Госпиталь находился в Северном Уилде, где была расквартирована воинская часть Квинси, сына Морриса. Он пришел навестить меня после операции. Он выглядел точь-в-точь как военный летчик с плаката — с волевой челюстью, стальным взором, лихой усмешкой — и совсем не походил на малолетнего хулигана. По ночам он летал бомбить немецкие города, чтобы, как он выразился, «Гитлер почувствовал, каково быть в нашей шкуре».

— Я слышал, вам собираются дать медаль, — сообщил он, глядя на стену у меня над изголовьем, словно ожидая увидеть там девять фиалок — по одной за каждого немца.

Я расспросил его об отце.

— С ним все в порядке, — ответил Квинси. Его назначили старшим пожарным района. Я восхищаюсь вами, из ПВО, — сказал он. — Спасаете людей, и все такое.

Да, он говорил искренне. Он летал в Германию, на ночные бомбежки, превращал в руины немецкие города, заставлял немецких пожарных и спасателей ползать среди обломков в поисках погибших детей. Интересно, думал я, есть ли у них там «ищейки» и попадаются ли среди них такие монстры, как Джек.

— Папаша писал мне о вашем Джеке, — продолжал Квинси. — Должно быть, нелегко вам пришлось, вдали от дома.

Лицо его выражало искреннее участие, и я подумал, что он действительно сочувствует мне. Он сбил двадцать восемь

---

[1] *Тобрук* — город в Ливии, где во время Второй мировой войны произошел ряд важных сражений армии союзников с немцами; в 1941 г. город, занятый британскими войсками, был осажден Африканским корпусом вермахта.

[2] *Георгиевский крест* — высшая гражданская награда в Британии и Британском Содружестве. Военным его аналогом является Крест Виктории.

самолетов и убил бесчисленное множество толстых женщин в сетках для волос и тринадцатилетних девочек, но никому и в голову не придет назвать его монстром. Герцогиня Йоркская сказала, что он — гордость Британии, и расцеловала его в обе щеки.

— *Я ходил с папашей на свадьбу Ви Вестерн,* — сказал он. — Хороша, как картинка.

Я вспомнил Ви, ее букли с заколками, ее невыразительное лицо. Война как будто превратила ее в совершенно другую женщину — хорошенькую и желанную.

— Была земляника и два вида пирожных, — рассказывал Квинси. — Один из ваших пожарных — как его, Тоттенхэм? — прочел поэму в честь счастливой пары. Сам ее сочинил.

Война изменила и Твикенхэма, и миссис Люси, грозу церковных старост. «Что война сделала для нас». Нет, она их не изменила. Ви понадобилось лишь немного мужского внимания, чтобы расцвести. Любая девушка становится хорошенькой, когда видит, что мужчины добиваются ее благосклонности.

Твикенхэм всегда мечтал стать писателем. Нельсон всегда был ворчуном и занудой, а миссис Люси, несмотря на свои собственные слова, такой никогда не была. «Иногда для того, чтобы найти свое истинное призвание, человеку нужно пережить нечто ужасное, вроде войны», — сказала она.

Как Квинси, который, что бы там ни говорил его отец, был плохим парнем и шел прямой дорогой к тюрьме или чему-то еще похуже, когда грянула война. И внезапно его бесшабашность, дерзость и «юношеский задор» превратились в добродетели, в то, что нужно.

Что Война Сделала Для Нас. Номер Два. Она создала должности, которых раньше не существовало. Такие, как пожарные-добровольцы. Или «ищейки».

— А тело Джека нашли? — спросил я, заранее зная ответ.

Нет, скажет Квинси, не нашли, или от него ничего не осталось.

— Разве папаша вам не писал? — удивился Квинси, озабоченно взглянув на устройство для переливания крови, висевшее над кроватью. — Им пришлось копать в обход, вокруг него, чтобы добраться до девочки. Кошмар, говорил папаша. При взрыве ножка стула воткнулась ему прямо в грудь.

Значит, мы все-таки его убили. Нельсон, Гитлер и я.

— Мне не следовало вам это рассказывать, — пожалел Квинси, глядя, как кровь капает из мешочка, вливаясь в мои сосуды, словно это был дурной знак. — Я знаю, что вы были друзьями. Я бы вам не стал рассказывать, но отец попросил вам передать: последним словом, что он произнес перед смертью, было ваше имя. Как раз перед взрывом. «Джек», — сказал он, как будто знал, что сейчас произойдет, и позвал вас по имени.

Нет, не позвал, подумал я. А «этот проклятый убийца Нельсон» отказался его эвакуировать. Джек просто продолжал работать, не думая ни о Нельсоне, ни о бомбе, тыча в кучу обломков, словно пытаясь убить кого-то, выкрикивая «пилу», или «кусачки», или «подпорки». Выкрикивая «домкрат». Не думая ни о чем, кроме того, как бы вытащить людей, прежде чем они отравятся газом, прежде чем они истекут кровью. Не думая ни о чем, кроме своей работы.

Я ошибся насчет причин его поступления на службу в ПВО, насчет причин его появления в Лондоне. Должно быть, он вел ужасную жизнь там, в Йоркшире, полную тьмы, убийств, ненависти к себе. Когда началась война, когда в газетах стали писать о людях, похороненных под развалинами, о спасателях, разыскивающих их вслепую, это наверняка показалось ему знаком свыше. Благословением.

Не думаю, однако, что он пытался искупить совершенные преступления, стать иным. В любом случае это невозможно. Я убил всего десять человек, включая Джека, а помог спасти примерно двадцать, но одно не покрывает другого. Не думаю, что он хотел именно этого. На самом деле он хотел быть полезным.

«За то, чтобы находить радость в тяжелой работе», — сказала миссис Люси, и именно это они и делали: Суэйлс со своими шуточками и сплетнями, и Твикенхэм, и Джек, и если они нашли дружбу, или любовь, или искупление, ведь именно этого они и заслуживали. И работа все-таки оставалась тяжелой.

— Ну, мне пора, — заключил Квинси, беспокойно посмотрев на меня. — Вам нужен отдых, а мне нужно возвращаться на службу. Немецкая армия уже на полпути к Ка-

иру, а Югославия присоединилась к Оси[1]. — Он выглядел возбужденно, радостно. — Вам нужно отдыхать и выздоравливать. Вы нам нужны на фронте.

— Спасибо, что пришли, — поблагодарил я.

— Да, ну, понимаете, папаша хотел, чтобы я рассказал вам о том, что Джек звал вас. — Он поднялся. — Не повезло вам, попало прямо в шею. — Он похлопал пилоткой по колену. — Ненавижу эту войну, — добавил он, но я знал, что он говорит неправду.

— Я тоже, — согласился я.

— Вас скоро вылечат, и вы вернетесь в строй, громить немцев, — пообещал он.

— Да.

Он нахлобучил свою пилотку под залихватским углом и отправился бомбить распутных отставных полковников, детей и вдов, которым не удалось раздобыть бревен для укрепления подвалов в Гамбургском управлении гражданской обороны. Рисовать фиалки на носу своего самолета. Выполнять свой долг.

Медсестра принесла поднос. На груди ее фартука был пришит большой красный крест.

— Нет, спасибо, я не голоден, — отказался я.

— Вы должны набираться сил, — возразила она, поставила поднос на тумбочку и вышла.

«Война оказалась благом для нашей Ви», — сказал я Джеку; возможно, так оно и было на самом деле. Но лишь для немногих. Не для девушек, работавших в магазинах Джона Льюиса у старых грымз, которые не отпускали их в убежище, даже если начинался налет. Не для людей, которые сходили с ума, становились предателями или истекали кровью до смерти. Или убивали других.

Взвыли сирены воздушной тревоги. Вошедшая медсестра проверила, как идет переливание, и унесла поднос. Я долго лежал так, наблюдая, как кровь по капле вливается в мое тело.

— Джек, — сказал я, сам не зная, к кому я обращаюсь и произнес ли я вообще что-нибудь.

---

[1] Так называемая «Ось Берлин—Рим—Токио» — военный союз Германии, Италии, Японии и других государств, противостоявший во время Второй мировой войны странам антигитлеровской коалиции.

ДЖЕЙН ЙОЛЕН

Вампир

Журнал «Ньюсуик» назвал Джейн Йолен «американским Гансом Христианом Андерсеном», а «Нью-Йорк таймс» — «Эзопом XX века». Она — автор более чем 200 книг, дважды лауреат премии «Небьюла», трижды лауреат Мифопоэтической премии и обладатель Всемирной премии фэнтези.

В 1991 году Йолен вместе с Мартином Х. Гринбергом составила антологию «Вампиры» («Vampires»); она также публиковала истории о вампирах в других антологиях, например «Кровавая муза» («Blood Muse») и «Сестры ночи» («Sisters of Night»), публиковались они и в «Isaak Asimov's Science Fiction Magazine». В числе недавних книг Йолен — сборник «Плавучий маяк сестры Эмили» («Sister Emily's Lightship»), роман «Личный шут королевы» («Queen's Own Fool») и «Сапоги и семеро из лиги: роман в стиле рок-н-тролль» («Boots & The Seven Leaguers: A Rock-and-Troll Novel»).

«Единственное, что я знаю о вампирах, они — кровососущие гады, — признается писательница. — Это стихотворение я написала на мелодию, крутившуюся у меня в голове (как раз в то время я сочиняла песни для групп „Boiled in Lead", „Flash Girls" и Лиу Коллинз), но мелодию потом забыла, а текст остался».

Во тьме мы рыщем,
Крови ищем,
В ночи живем
И кровь поем.
Безумие кипит в душе,
И мы всю жизнь
На вираже.

Укола боль — на миг. Из тьмы
К ловитве вновь выходим мы.
Любить и жить...
И пить.

И пить.
Из вены пить.

Как ночь темна!
О, пей до дна!
Пусть будет жертва не одна!

Мы чуем — бьется пульс в ночи.
Спасенья нет, и не кричи.
Нам кровь — вино,
Пьянит оно.
Так издавна заведено.

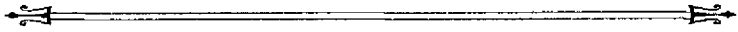
Укус, укол клыков и боль —
Мгновенны. Неизменна роль.
Источник алый отвори
Для нашей жизни и любви.

Как ночь темна!
О, пей до дна!
Пусть будет жертва не одна!

В ночи приходим, чтобы взять
То, без чего нам жизни нет.
Мы будем жажду утолять,
Пока нас не спугнет рассвет.

А тот, кого мы навестим,
Иль рухнет нем и недвижим,
Иль к нам примкнет:
Вампирский род
Хоть не живет,
Но не умрет!

Как ночь темна!
О, пей до дна!
Пусть будет жертва не одна!

"Introduction: My Life Among the Undead", copyright © Jngrid Pitt 2001.

"The Master of Rampling Gate", copyright © Anne O'Brien Rice 1984. Originally published in *Redbook,* February 1984. Reprinted by permission of the author.

"Homewrecker", copyright © Poppy Z. Brite 1998. Originally published in slightly different form on *Gettingit.com,* 1998. Reprinted by permission of the author.

"When Gretchen Was Human", copyright © Mary A. Turzillo 2001.

"The Vengeful Spirit of Lake Nepeakea", copyright © Tanya Huff 1999. Originally published in *What Ho, Magic!* Reprinted by permission of the author.

"La Diente", copyright © Nancy Kilpatrick 2001.

"Miss Massingberd and the Vampire", copyright © Tina Rath 1986. Originally published in *Woman's Realm,* 25 January 1986. Reprinted by permission of the author.

"The Raven Bound", copyright © Freda Warrington 1999. Originally published in *De Sang et d'Encre.* Reprinted by permission of the author.

"Vampire King of the Goth Chicks", copyright © Nancy A. Collins 1998. Originally published in *Cemetery Dance,* № 28, Fall 1998. Reprinted by permission of the author.

"Just His Type", copyright © Storm Constantine 2001.

"Prince of Flowers", copyright © Elizabeth Hand 1988. Originally published in *Rod Serling's The Twilight Zone Magazine,* Volume 7, Number 6, February 1988. Reprinted by permission of the author.

"Services Rendered", copyright © Louise Cooper 2001.

"Aftermath", copyright © Janet Berliner 1999. Originally published in *Jerusalem at Night.* Reprinted by permission of the author.

"One Among Millions", copyright © Yvonne Navarro 1996. First published in *The Many Faces of Fantasy: The 22nd World Fantasy Convention Souvenir Book.* Reprinted by permission of the author.

"Luella Miller", by Mary E. Wilkins-Freeman. Originally published in *The Wind in the Rose-Bush and Other Stories of the Supernatural* (1903).

"Sangre", copyright © Lisa Tuttle 1977. First published in *Fantastic*, July 1977. Reprinted by permission of the author.

"A Question of Patronage", copyright © Chelsea Quinn Yarbro 1994. First published in *The Vampire Stories of Chelsea Quinn Yarbro*. Reprinted by permission of the author.

"Hisako San", copyright © Ingrid Pitt 2001.

"Butternut and Blood", copyright © Kathryn Ptacek 1993. First published in *Confederacy of the Dead*. Reprinted by permission of the author.

"Sleeping Cities", copyright © Wendy Webb 2001.

"The Haunted House", by E. Nesbit. Originally published in *The Strand Magazine*, December 1913.

"Turkish Delight", copyright © Roberta Lannes 2001.

"Venus Rising on Water", copyright © Tanith Lee 1991. First published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, October 1991. Reprinted by permission of the author.

"Year Zero", copyright © Gemma Files 2001.

"Good Lady Ducayne", by Mary Elizabeth Braddon. Originally published in *The Strand Magazine*, February 1896.

"Lunch at Charon's", copyright © Melanie Tem 2001.

"Forever, Amen", copyright © Elizabeth Massie 2001.

"Night Laughter", copyright © Ellen Kushner 1986. First published in *After Midnight*. Reprinted by permission of the author.

"Bootleg", copyright © Christa Faust 2001.

"Outfangthief", copyright © Gala Blau 2001.

"My Brother's Keeper", copyright © Davis Publications, Inc. 1988. First published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, January 1988. Reprinted by permission of the author.

"So Runs the World Away", copyright © Caitlin R. Kiernan 2001.

"A North Light", copyright © Gwyneth Jones 2001.

"Jack", copyright © Connie Willis 1991. First published in *Isaac Asimov's Science Fiction Magazine*, October 1991. Reprinted by permission of the author.

"Vampyr", copyright © Jane Yolen 2001.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ИНГРИД ПИТТ. *Пер. В. Полищук* 5

Энн Райс. ХОЗЯИН РАМПЛИНГ-ГЕЙТА. *Пер. В. Полищук* . . 13

Поппи З. Брайт. РАЗЛУЧНИЦА. *Пер. И. Савельевой* 36

Мэри А. Турзилло. КОГДА ГРЕТХЕН БЫЛА ЧЕЛОВЕКОМ *Пер. И. Савельевой* 40

Таня Хафф. МСТИТЕЛЬНЫЙ ДУХ ОЗЕРА НЕПИКЕА *Пер. В. Ильина* 58

Нэнси Килпатрик. LA DIENTE. *Пер. И. Сергиенко* 101

Тина Рат. МИСС МАССИНГБЕРД И ВАМПИР *Пер. И. Савельевой* 120

Фреда Уоррингтон. ПОРОЧНЫЕ УЗЫ. *Пер. И. Савельевой* . . 125

Нэнси А. Коллинз. ВАМПИР-ПОВЕЛИТЕЛЬ ДЛЯ ЦЫПОЧЕК-ГОТОВ. *Пер. И. Савельевой* 141

Сторм Константайн. В ЕГО ВКУСЕ. *Пер. О. Ратниковой* 158

Элизабет Хэнд. КНЯЗЬ ЦВЕТОВ. *Пер. А. Бродоцкой* 181

Луиза Купер. ЯРОСТЬ. *Пер. О. Ратниковой* 199

Джанет Берлинер. ТО, ЧТО ПОСЛЕ. *Пер. К. Павловой* 230

Ивонн Наварро. ОДНА НА МИЛЛИОН. *Пер. О. Ратниковой* . 238

Мэри Э. Уилкинс-Фримен. ЛУЭЛЛА МИЛЛЕР *Пер. О. Ратниковой* 254

Лиза Таттл. SANGRE. *Пер. А. Бродоцкой* 269

Челси Куинн Ярбро. ПРОБЛЕМА ПОКРОВИТЕЛЬСТВА *Пер. И. Савельевой* 281

Ингрид Питт. ХИСАКО-САН. *Пер. И. Русаковой* 306
Кэтрин Птасек. КРОВЬ И ОРЕХ. *Пер. И. Сергиенко* 319
Венди Уэбб. СПЯЩИЕ ГОРОДА. *Пер. И. Савельевой* 335
Эдит Несбит. ДОМ С ПРИВИДЕНИЕМ. *Пер. Е. Барминой* . . 346
Роберта Лэннес. РАХАТ-ЛУКУМ. *Пер. И. Русаковой* 362
Танит Ли. И ВСТАЛА ВЕНЕРА ИЗ ВОЛН. *Пер. В. Полищук* . 388
Джемма Файлз. НУЛЕВОЙ ГОД. *Пер. И. Савельевой* 421
Мэри Элизабет Брэддон. ДОБРАЯ ЛЕДИ ДАКЕЙН
Пер. А. Бродоцкой 451
Мелани Тем. ОБЕД В «ШЭРОН». *Пер. И. Колесниковой* 482
Элизабет Масси. НАВСЕГДА, АМИНЬ. *Пер. И. Колесниковой* . 500
Элен Кашнер. НОЧНОЙ СМЕХ. *Пер. В. Полищук* 536
Криста Фауст. НОЖ ЗА ГОЛЕНИЩЕМ. *Пер. И. Русаковой* . . 542
Гэла Блау. МОГИЛЬНЫЕ ВОРЫ. *Пер. Г. Соловьевой* 565
Пэт Кадиган. СТОРОЖ БРАТУ МОЕМУ
Пер. О. Ратниковой 585
Кэтлин Кирнан. И ВДАЛЬ УБЕГАЕТ МИР
Пер. Н. Кудрявцева 628
Гвинет Джонс. СЕВЕРНЫЙ СВЕТ. *Пер. И. Русаковой* 649
Конни Уиллис. ДЖЕК. *Пер. О. Ратниковой* 667
Джейн Йолен. ВАМПИР. *Пер. В. Полищук* 727

В 16 **Вампиры.** Опасные связи: Антология / Пер. с англ. Е. Барминой, А. Бродоцкой, В. Ильина и др. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 736 с.
ISBN 978-5-9985-0559-1

Новая антология серии «Лучшее» продолжает развивать неувядающую вампирскую тему. На этот раз вашему вниманию предлагаются тридцать пять историй о вампирах, принадлежащих как классикам жанра — Энн Райс, Лорел Гамильтон, Танит Ли, Элен Кашнер, так и еще неизвестным российскому читателю авторам. И хотя литературная история вампиров насчитывает уже не первое столетие, новый сборник «Вампиры. Опасные связи» лишний раз доказывает, что эта тема не только не выдохлась, но способна преподносить сюрпризы и рождать истинные жемчужины жанра хоррор.

Литературно-художественное издание

ВАМПИРЫ
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

Руководитель проекта Денис Лобанов
Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Редакторы Татьяна Бурмыкина, Сергей Антонов
Художественный редактор Александр Золотухин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Орлова, Наталья Хуторная, Татьяна Никонова
Верстка Александра Савастени

Подписано в печать 05.10.2009.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».
Усл. печ. л. 38,9. Тираж 15 000 экз. Заказ № 4911005

Издательская Группа «Азбука-классика».
191014, Санкт-Петербург, ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н.
www.azbooka.ru

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

IFLU340501R

Новая книга серии «Лучшее»

«Апокалипсис» Антология

Самая популярная тема последних десятилетий — апокалипсис — глазами таких прославленных мастеров, как Орсон Скотт Кард, Джордж Мартин, Паоло Бачигалупи, Джонатан Летем и многих других. Читателям предоставляется уникальная возможность увидеть мир таким, каким он может стать без доступных на сегодня знаний и технологий, прочувствовать необратимые последствия ядерной войны, биологических катаклизмов, экологических, геологических и космических катастроф. Двадцать одна захватывающая история о судьбах тех немногих, кому выпало пережить апокалипсис и оказаться на жалких обломках цивилизации, которую человек уничтожил собственными руками. Реалистичные и легко вообразимые сценарии конца света, который вполне может наступить раньше, чем мы ожидаем.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

Издательская Группа «Азбука-классика»

Санкт-Петербург:

ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н

Почта: 191014, Россия, Санкт-Петербург,

ул. Чехова, д. 9, лит. А, пом. 6Н

Тел.: (812) 324-61-49, 388-94-38

факс: (812) 321-66-60

E-mail: **office@azbooka.spb.ru**

Москва:

тел./факс (495) 951-74-36, 959-55-69

info@azbooka-m.ru

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества на сайте

www.azbooka.ru

Новая антология серии «Лучшее» продолжает развивать неувядающую вампирскую тему. На этот раз вашему вниманию предлагается тридцать пять историй о вампирах, принадлежащих как классикам жанра — Энн Райс, Челси Куинн Ярбро, Танит Ли, Элен Кашнер, так и еще не известным российскому читателю авторам. И хотя литературная история вампиров насчитывает уже не первое столетие, новый сборник «Вампиры. Опасные связи» лишний раз доказывает, что эта тема не только не выдохлась, но способна преподносить сюрпризы и рождать истинные жемчужины жанра хоррор.

ISBN 978-5-9985-0559-1 01
9 785998 505591
www.azbooka.ru